В. Т. ПАШУТО

Внешняя политика Древней Руси

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

$\frac{1-6-4}{37-Б3-7-67}$

Моей жене
Наталии Александровне
Тарасевич
посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внешняя политика Древней Руси — тема новая. Она рождена советской историографией, которая выяснила коренные проблемы общественного и политического развития страны, открыв возможности для изучения политики внешней как продолжения внутренней политики определенного класса, его отдельных групп, сменявших друг друга у кормила власти; политики, осуществлявшейся средствами дипломатии и войны при использовании различных форм международного экономического, политического и культурного влияния.

Эта книга делится на две части. Первая посвящена внешней политике Руси раннефеодального периода (X — конец XI в.), времени формирования и развития относительно единого государства; вторая — периоду феодальной раздробленности, но не всему, а лишь до установления монгольского ига (конец XI — середина XIII в.), когда Русь утратила значительную часть своих внешнеполитических прерогатив.

Внешняя политика Руси претерпевает на протяжении трех с половиной изучаемых столетий значительные изменения, которые мы исследуем в нескольких аспектах. Основа этих перемен — в изменении общественного и политического строя Руси.

На первом этапе политическое единство Руси, вышедшей на международную арену, еще только складывается; Русь опутана разного рода политическими и экономическими обязательствами тех земель восточнославянской конфедерации, которые ею объединяются. Объединение этих земель Верхней и Нижней Руси и формирование государственных границ происходило в острой борьбе с соседними государствами и землями. Это был очень важный этап в истории внешней политики, ибо установленным в ту пору границам и оформленным тогда союзам было

суждено пережить века, а в известной мере дожить и до наших дней. Эту политику защиты государственных интересов Руси вел шедший к власти феодальный класс — князья, бояре, гриди-дворяне, а затем и церковная знать. Это время широких походов на соседние и отдаленные земли в поисках даней, челяди и выгодных торговых соглашений для сбыта мехов, меда, воска, рабов и получения взамен предметов роскоши.

Принятие, точнее завоевание, Русью христианства, облегчило и упрочило внешнеполитические сношения страны, вывело ее в круг великих христианских держав средневекового мира. Эта акция отнюдь не привела к подчинению дипломатии церкви вообще и ее византийской патриархии в частности. Русские князья, широко используя церковников на дипломатической службе, руководствовались во внешней политике не узкоцерковными, а государственными интересами класса; невзирая на противодействие митрополии, они расширяли круг союзов с державами католического мира. Впрочем, той же линии вынуждены были держаться и сами церковные иерархи там, где (например, в Новгороде, Полоцке, Пскове) они приобрели более заметное влияние на внешнюю политику. Следовательно, не иноземным просветителям, а прежде всего своим собственным усилиям обязана Русь тем положением, которое она заняла в Европе.

На втором этапе, когда внутри страны окрепли вотчины и обособились крупные княжества и земли, а их собственники в борьбе с классовым протестом трудящихся упрочили свои иммунитетные права, сложился полицентрический статус власти крупнейших князей над Киевом и Русью. Изменился и характер внешней политики. Сильнейшие князья, а затем и города обрели право не только на самостоятельные внутриполитические действия, но и на внешнеполитические связи. Конечно, над ними довлела традиция, но тем не менее единству внешней политики наступил конец. К власти пришла та группа феодалов, которая искала источник обогащения в первую очередь внутри собственно Руси и подвластной ей иноязычной сфере и не хотела отрывать своих смердов от пашни не только ради далеких походов, но иногда даже ради защиты страны от нашествий кочевников, если они прямо не задевали ее владений. Широкие внешние походы замирают. Границы страны стабилизируются.

На Руси складываются противостоящие друг другу группировки князей, а также городов, которые завязывают внешнеполитические отношения с враждующими между собой иностранными державами, в свою очередь нередко раздираемыми междоусобной борьбой князей и их вассалов. Картина внешнеполитических союзов Руси делается весьма сложной, с трудом поддающейся анализу. Тем не менее в ней улавливаются некоторые ставшие традиционными союзы, в целом враждебные экспансионистским устремлениям Германской и Византийской империй и папскому универсализму.

Наконец, в русской внешней торговле за эти столетия наблюдаются существенные перемены: наряду с русско-арабской торговлей (на дирхемы) с Багдадским халифатом и государствами, возникшими после его распада, развивается все более тесное торговое сближение Руси с державами Европы; оно отмечено активным балансом и притоком иностранной валюты — денариев, брактеатов и серебряных слитков — марок (гривен). Ареал, состав и размах этой торговли позволяют говорить об ее влиянии на внешнюю политику. Эта проблема освещена нами с А. П. Новосельцевым в специальной статье[1]. Русь умело использовала торговую заинтересованность других держав как фактор реализации своих политических целей. С другой стороны, широкое участие в международной политике было тесно связано с защитой традиционных русских интересов на Балтийском, Черном, Каспийском и Средиземном морях. Нередко в княжеском купце можно узнать рулевого внешней политики. Нам представляется методически перспективным синхронное рассмотрение известий о политических, военных, матримониальных и торговых сношениях, ибо они взаимно проясняют друг друга.

При анализе внешней политики Руси я не упускаю из вида сферы подвластных ей народов (их было свыше 20), которой посвятил специальную работу[2], хочу отметить, что и эта сфера оказывала влияние на собственно внешнюю политику и что история Древней Руси знает переходы отдельных земель из внешнеполитической сферы во внутриполитическую (тому пример придонская Хазария) и, наоборот, из вассальной — во внешнеполитическую либо вследствие завоевания независимости (Литва), либо в результате захвата вассальных Руси земель (например, Прибалтики) другими державами.

За три с лишним века внешнеполитической истории Древней Руси многое изменилось в Европе и Азии: возникли и пали созданные грозными викингами скандинаво-английские союзы, оставив неизгладимые следы в Англии, Северной Франции, Южной Италии; расцвела и распалась Византийская империя; арабское владычество, из Багдада и Кордовы устремленное на Европу, рухнуло, и сам арабский мир стал жертвой крестовых походов; Германия перенесла свои границы с Эльбы на Одер, а затем, развивая натиск на Восток,— на Вислу, Неман и Западную Двину; возникли и окрепли славянские государства и среди них крупнейшее — Русь; волны кочевников — венгров, печенегов, торков, половцев — прошли по Причерноморью.

Собранный в книге материал позволяет говорить, что значение Древней Руси в мировой истории было огромно. Она сыграла выдающуюся роль в формировании политической карты средневековой Европы; она, отражая натиск кочевников, объективно поддерживала борьбу балканских земель против Византии и кавказских земель против арабского владычества; она деятельно участвовала в борьбе народов Восточной Европы, в первую очередь славянских и прибалтийских, с наступлением Германской империи; наконец, победа Руси, русского народа в борьбе с крестовым походом шести держав, совпавшим с монгольским нашествием, стала поворотным пунктом в исторических судьбах Европы.

Это время приобретает особый интерес, если его оценивать в большой внешнеполитической перспективе: ведь тогда зародились такие роковые вопросы, как, например, «балтийский». К этому времени восходит возникновение международного права о торговле и мореплаванье, посольской службы [3] и дипломатического иммунитета. Источники говорят и о формировании иерархии дипломатов, в которой отмечены «соль» (посол) и «вестник», или «посольник» [4]. Реальное значение дипломата зависело от политического положения представляемого им князя [5].

Русские князья, деятельно участвуя в международной жизни, поощряли изучение иностранных языков. Уже при дворе Ярослава Мудрого немалая роль отведена людям, «преизлиха насыщьшемся сладости книжные» [6]; понятно, что Всеволод Ярославич, по свидетельству Мономаха, «дома седя, изумеяше 5 язык». Сам Мономах считал внима-

ние к иноземным купцам важным именно во внешнеполитическом плане: «В том бо честь есть от инех земль»[7]. Сподвижник крупного дипломата волынского Изяслава Мстиславича «книжник и философ» митрополит Клим имел кружок лиц, понимавших толк в иностранных словарях[8].

Еще сильны связи дипломатии и церкви, когда подчас трудно отличить монаха от посла, монастырь от консульства, церковь от пакгауза, сказанье от депеши, паломника от резидента.

Изучаемое время выдвинуло крупных дипломатов, таких, как Святослав и Владимир Святославич, Владимир Мономах и Изяслав Мстиславич, Андрей Боголюбский и Всеволод Юрьевич, Александр Ярославич и Даниил Романович... С их именами связано определение внешнеполитических курсов всей Руси или ее частей на длительные сроки.

Мало того, на дипломатическом поприще мы видим целую плеяду русских княгинь, игравших видную роль в политической жизни Европы. Это великая княгиня Ольга; это королева-регентша Франции Анна Ярославна; участница борьбы Вельфов со Штауфенами императрица Германии Евпраксия Всеволодовна; Ингеборг Мстиславна — советница своего мужа — бодричского короля; поборница политического единства страны королева Венгрии Евфросинья Мстиславна; принимавшая немецких послов княгиня Мазовии Агафья Святославна[9]. Мы видим и других влиятельных участниц международной жизни — Предславу Владимировну, выступавшую против польской группировки на Руси; Янку (Анну) Всеволодовну, правившую посольство в Византию; галицко-волынскую княгиню-регентшу Анну, заключавшую договоры с Польшей, Венгрией и Литвой[10]; Гремиславу Ингваровну, опекуншу краковского князя Болеслава Стыдливого; волынскую княгиню Ольгу Романовну, ведшую по поручению мужа переговоры с Мазовией.

Я не задаюсь безнадежной целью определить степень полноты и достоверности известий наших летописей о внешнеполитических связях Руси. У нас в руках несколько летописей. Во-первых, киевская, начинающаяся Повестью временных лет и продолжающаяся, при черниговских, галицких и волынских дополнениях, вплоть до 1237 г.; она сохранилась в составе волынского свода конца XIII в.

Коррективы к ней возможны по остаткам ее особой редакции, отраженной в своде конца XV в. Во-вторых, владимирская княжеско-епископская летопись, состоящая из сменяющихся сводов. Коррективы к ней могут быть внесены по переяславскому летописцу. Наконец, новгородская владычная летопись. Вот и все. Это и очень много и страшно мало.

Судя по осведомленности (и книжной и практической) Повести временных лет о современном ей мире [11], можно думать, что связи Руси с ним широки и разнообразны; когда же начинаешь систематизировать летописный международный материал, убеждаешься, что он скуден, неполон, тенденциозен. Неполнота определяется в значительной мере географией, местом составления летописи. Грубо говоря, у каждого летописца свой круг тем: у новгородского — страны Северной Европы, балтийское Поморье, у киевского — Византия, Польша, Венгрия, Болгария, Германия, у суздальского — Византия, Булгария, и, разумеется, всех интересовала степь. Летописцев некоторых важных центров у нас нет вообще — Полоцка, Смоленска, раннего Пскова, Перемышля, Галича...

Летописцы были тенденциозны, ибо принадлежали к соперничавшим политическим центрам сперва Верхней и Нижней Руси, а позднее, с победой феодальной раздробленности и установлением политического полицентризма — к враждующим группировкам князей, которые имели несхожие внешнеполитические курсы.

Наконец, с принятием христианства менялась трактовка истории взаимоотношений Руси с языческим, православным, мусульманским [12] и католическим мирами; с последним — не столько после раскола 1054 г., сколько с началом на рубеже XIII в. крестового похода на Русь и подвластные ей земли. Словом, политический партикуляризм и церковная цензура сказались на кругозоре летописцев: то, что является главной темой книги, было для них в лучшем случае одним из средств прославления князя или церкви; рядовая, будничная дипломатическая работа текла где-то рядом, лишь изредка смыкаясь с летописной. Но когда это происходило, мы встречаемся с такими поразительными летописными страницами, как посвященные договорам с Византией, Венгрией, Польшей, Литвой. Летописцы — слуги феодального класса, они описывали династийную дипломатию прежде всего, но даже из их тру-

дов можно извлечь факты о влиянии освободительной борьбы народа на внешнюю политику, особенно в XIII в., когда народ сказал свое решающее слово.

Помимо летописей, в нашем распоряжении договоры, заключенные Русью со странами Северной Европы и городами Германии, договоры других стран, упоминающие о Руси, а также несколько житий, слов и сказаний.

Нужно ли пояснять, что для доступных нам епископских и вообще церковных хроник Люблина (Галл) и Кракова (Винцент Кадлубек), Мерзебурга (Титмар) и Бремена (Адам), Старграда — Альтенбурга (Гельмольд), Любека (Арнольд) и Буды (Аноним), Сплита (Фома) и Риги (Генрих), для английского хрониста Матвея Парижского, датского Саксона Грамматика и многих других Русь была отнюдь не главным объектом далеко не беспристрастного наблюдения. То же следует сказать и о греческой придворной хронографии, отмеченной участием в ней самих особ царствующего дома, вроде Константина, Никифора Вриенния, Анны Комнины... Еще дальше от Руси восточные — арабские, персидские — летописцы. И все же драгоценные крупицы известий, сохранившиеся в этих источниках, собранные воедино, бросают свет на огромную, богатую и неодолимую страну — Рутению, Русию, Русь. Уточнения к этим источникам можно внести из серии иностранных житий, папских булл, писем и отчетов государственных деятелей.

Будем надеяться, что предпринятое нами сопоставление русских источников между собой и с иностранными актами и хрониками поможет лучше понять и те и другие. Вне рассмотрения мы оставляем малодостоверные известия поздних летописей, а также былин; следуем в отношении северных саг традиции, созданной такими их знатоками, как В. Г. Васильевский, Е. А. Рыдзевская, Г. Ловмяньский, Г. Лябуда [13].

Описываемые события отделены от нас многими столетиями, и мы подчас лишены возможности дать обоснованное истолкование каждого отдельного внешнеполитического акта.

При настоящем положении дел мы считали целесообразным исходить из источников, чтобы дать читателю по каждому достоверному факту достойную доверия публикацию и ссылку на последнюю работу о нем. Лишь на этой основе можно строить обобщения и выводы, исходя из зна-

ний эволюции общественного строя Руси и перемен в международных отношениях тогдашнего мира. Совокупность фактов дает почву для определения тенденций внешней политики Руси и в конечном итоге позволяет (вопреки бытующему взгляду) заключить, что уже в средние века складывались относительно устойчивые системы межгосударственных союзов; некоторые из них пережили даже разрушительное монгольское нашествие. На этапе, когда сбор источников еще продолжается, поступить иначе — значило бы затруднить работу преемников, которые (чего я горячо желаю) найдут новые факты и поставят на обсуждение иные выводы.

Эта книга стала возможна лишь потому, что уже выполнена гигантская работа историками многих стран, о которой я, ограниченный объемом издания, могу лишь бегло напомнить читателю. Обширна историография по русско-византийским отношениям (В. Г. Васильевский, Е. Е. Голубинский, Ф. И. Успенский, Ф. Дольгер, А. А. Васильев, Г. А. Острогорский, В. М. Истрин, М. Д. Приселков и др.), которым в марксистской науке последних лет посвящена серия специальных исследований (М. В. Левченко, Г. Г. Литаврина, А. П. Каждана, Н. Н. Воронина, С. Микуцкого, Н. Я. Полового, П. О. Карышковского и др.).

Давно и весьма плодотворно исследуются в марксистской науке русско-польские связи — всю жизнь посвятил этой теме торуньский ученый Б. Влодарский, значительные выводы и обобщения добыты в исследованиях Г. Ловмяньского, В. Д. Королюка, С. Кучиньского, А. Каминьского, Я. Беняка и др.

Историк русско-венгерских отношений найдет большой материал в старых исследованиях Я. К. Грота, А. Ходиньки, Д. Паулера и в новейших штудиях Д. Дьёрффи, Э. Ледерер, Й. Перени, В. П. Шушарина. До сих пор непревзойденным по эрудиции остается капитальное исследование русско-чешских связей, принадлежащее перу А. В. Флоровского.

Югославянским и болгарским отношениям Руси посвятили целую серию исследований В. Н. Златарски, М. Н. Сперанский, М. Н. Тихомиров, Б. Мутафчиев, Н. С. Державин, Б. Ковачевич, В. А. Мошин и др.

Русско-немецкие контакты подробно изучались уже Т. Эдигером, Р. Блох, С. П. Розановым, М. Э. Шайтаном и в последние годы — в содержательных статьях нашего

коллеги из ГДР, известного переводчика советских изданий Б. Видера.

Меньше внимания привлекали дипломатические и иные взаимоотношения Руси со странами Западной Европы, хотя и здесь можно найти блестящие статьи М. П. Алексеева, относящиеся к Англии, Г. Лозинского и А. И. Дробинского — к Франции, богатые фактами исследования В. Абрагама, М. Кордубы, М. А. Таубе, Б. Лейба, Е. Ф. Шмурло и других о политике папства.

Разносторонне исследованы источники по истории отношений Руси с державами Северной Европы в старых работах Ф. А. Брауна, К. Ф. Тиандера, А. Л. Погодина и новых — А. Стендер-Петерсена. Особенно много для разработки этой темы сделано советскими учеными Е. А. Рыдзевской и И. П. Шаскольским.

Целую библиотеку составляют труды, характеризующие роль Руси в истории народов Азии. Наряду с отечественной школой исследований, представленной именами Б. А. Дорна, Х. Френа, А. Я. Гаркави, Д. А. Хвольсона, В. Р. Розена, Ф. Вестберга, В. Г. Тизенгаузена, В. В. Бартольда, П. К. Коковцева, И. Ю. Крачковского, А. Ю. Якубовского, В. А. Гордлевского, Б. Н. Заходера и других, следует назвать и таких выдающихся ученых, как В. Ф. Минорский, польский востоковед Т. Левицкий и молодых советских авторов В. М. Бейлиса и А. П. Новосельцева. Напряженный труд поколений востоковедов прояснил прежде загадочное участие Руси в событиях, происшедших далеко от ее границ. Очень важны для нас и исследования по истории ближайших восточных соседей Руси — Булгарии и Хазарии, выполненные А. П. Ковалевским, А. П. Смирновым, М. И. Артамоновым.

Прямое отношение к нашей проблеме имеют генеалогические труды О. Бальзера, М. Вертнера, Н. Баумгартена, недавние исследования В. Л. Янина и др.

Нет возможности охарактеризовать археографический корпус источников и отметить труд людей, занимающихся этим нелегким делом. В прилагаемой библиографии читатель найдет их имена. Здесь я хотел бы особо выделить труды А. А. Зимина, С. Н. Валка, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Д. Приселкова, Л. В. Черепнина, оказавшиеся весьма ценными при работе над темой.

Из сказанного ясно, что историография проблемы обширна, хотя исследований, прямо ставящих задачу изу-

чения внешней политики Древней Руси, мы в ней не найдем. Б. Д. Греков собирался написать такую книгу, но, к сожалению, не успел. Восстановление, даже приблизительное, картины внешней политики Древней Руси требует трудоемкого синтеза рассыпанной мозаики сообщений разноязычных источников и выводов исследователей.

Среди названных и не названных здесь имен буржуазных авторов есть представители самых разных концепций: и популярных среди историков-эмигрантов русской великодержавной, украинско-униатской, евразийской, норманистской, а также пангерманской, великошведской, пантюркистской, эйкуменно-католической и т. п. В разное время мне приходилось выступать против этих и им подобных ненаучных, зачастую осложненных идеологией антикоммунизма течений, и здесь я ими специально не занимаюсь, но, понятно, постоянно учитываю, в какой мере отражались такие идеи на подборе и интерпретации фактов соответствующими авторами.

Ставя вопрос о международной роли Древней Руси в целом, мы выходим за рамки существующей историографии. Многоязычная историография создала немало ценных исследований о взаимоотношениях Руси с отдельными странами или группами стран Европы и Азии; она грешит, однако, либо хронологической узостью, либо национальным партикуляризмом, а главное — стремлением изучать внешнеполитические сношения Руси в отрыве от ее общественно-политической эволюции. Это относится и к работам о взаимоотношениях Руси с «Западом» (Т. Эдигер, С. Кросс, Ф. Дворник) и Византией (Д. Оболенский) и к трудам, касающимся общих проблем международной истории «Востока» (В. Ф. Минорский).

Собранный в этой книге материал опровергает и ложные концепции, отрицающие принадлежность нашей страны к европейской и азиатской истории, и домыслы об определяющем значении для нее иноземных — норманских, византийских, хазарских и других влияний.

Факты свидетельствуют о тысячелетней традиции русских международных связей. Советские люди, граждане страны, последовательно отстаивающей принципы мира и гуманизма, помнят об этой традиции, им дороги «старые камни» и Европы и Азии.

Поскольку это первый монографический опыт подобного рода, вероятно немало упущено. Автор будет благо-

дарен, если и рецензенты и читатели сообщат ему об ошибках и погрешностях, чтобы в приложении к подготавливаемому исследованию о внешней политике России 1240—1480 гг. можно было поместить необходимые дополнения и исправления.

В приложении к книге дается библиография, доведенная до времени монгольского нашествия, причем в нее не включены монографии и статьи компилятивного характера.

* * *

А. П. Новосельцев согласился написать для этой книги следующие параграфы: «Русь и государства Кавказа и Азии» (стр. 99—106); «Русь и государства Кавказа» (стр. 216—217); «Русь и турки-сельджуки» (стр. 275—277) и часть параграфа «Русь и Хазария» (анализ восточных источников о разгроме каганата) (стр. 94); *В. М. Потин* — составить к ней нумизматический комментарий (стр. 416—418), а *И. В. Шталь* — перевести несколько фрагментов латинских документов (стр. 332, 344, 348—350). Сердечно благодарю их за эту большую товарищескую помощь.

Иллюстрациями к книге я обязан любезной помощи В. М. Потина, а также зарубежных коллег: Х. Брууна (Дания), П. Виллани (Италия), А. Гейштора (Польша), Т. Герасимова (Болгария), Ф. Грауса (ЧССР), Э. Доннерта (ГДР), А. Кубиньи (Венгрия), В. Лейтша (Австрия), Р. Порталя (Франция), Н. Расмуссона (Швеция), Р. Смита (Англия).

Приношу благодарность сотрудникам сектора истории СССР периода феодализма Института истории за ценные замечания при обсуждении работы, а также Ю. Л. Бессмертному и И. Н. Шаскольскому, взявшим на себя труд просмотреть немецкие и скандинавские главы. С особой признательностью благодарю Г. Г. Литаврина, который устранил в главе «Русь и Византия» первой части книги немало неточностей и поделился со мной выводами из своих новых исследований, и В. П. Шушарина за помощь в работе над книгой, особенно над ее венгерскими главами. С благодарностью вспоминаю помощь зарубежных коллег, оказанную мне при работе в книгохранилищах: ГДР — Б. Видеры, Венгрии — И. Бертеньи и Н. Куна, Польши — А. Попнэ, ЧССР — Б. Левенштейна, США — Э. Л. Киннана, Австрии — В. Лейтша.

Карту «Международные политические и торговые связи Древней Руси (около середины XII в.)» выполнил В. Г. Виноградов.

Именной и географический указатели составила Н. А. Тарасевич.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
(до конца XI в.)

ВВЕДЕНИЕ

Образование и упрочение раннефеодального государства на Руси означало не только ликвидацию дофеодальной конфедерации 14 восточнославянских земель, но и узурпирование великокняжеской властью внешнеполитических функций, прежде принадлежавших советам знати каждой из них. На смену неустойчивой пестроте внешнеполитических союзов отдельных или нескольких земель (Словенской, Кривичской, Полянской и др.) с правителями Византии и Хазарии на юге и со скандинавскими викингами на севере приходит относительно единая, скрепленная договорами, освященная жречеством, а затем и церковью дипломатия, охватывающая широкий круг стран средневекового мира, в котором Древнерусское государство занимает видное и важное место. Развивается посольская служба и связанное с ней делопроизводство; с принятием христианства в нем немалую роль играет церковь.

Формирование территории Древней Руси не привело ее, однако, к установлению государственной границы со всеми соседними народами, ибо далеко не все эти народы достигли в своем общественном развитии государственных форм. Поэтому ко времени княжения Владимира Святославича граница собственно Руси не была однородной: лишь на сравнительно небольшом протяжении она была государственной, т. е. отделяла Русь от других самостоятельных государств, а именно — Польши, Венгрии, Булгарии и, может быть, Чехии; на всем остальном протяжении Русь граничила с землями народов, либо еще не имевших государственной организации, либо знавших лишь ее начальные формы.

Другая особенность границ заключалась в том, что подавляющее большинство этих народов находилось в той или иной форме политической зависимости от Руси. Русь составляла территориально, экономически и политически преобладающее ядро обширного восточноевропейского

Древнерусского государства, включавшего свыше 20 неславянских народов.

Взаимоотношения Руси с подвластным ей кругом неславянских народов имели существенное влияние на ее внешнюю политику. Это и понятно, ибо земли народов Прибалтики (ижоры, води, эстонцев, латышей, литовцев) отделяли Русь от прусско-польского Поморья и Германии; земли финнов, карел и лопарей — от Норвегии и Швеции; черемисов (мари), отчасти мордвинов, буртасов — от Волжской Булгарии; тюркских кочевников и хазар — от государств Мавераннахра, владений Византии и Венгрии; ясов и касогов — от государств Закавказья.

Древнерусское государство взяло в свои руки контроль над древними торговыми путями внутри страны и из нее в другие, подчас очень отдаленные земли Европы, Азии и Африки; оно заключило первые государственные соглашения политического и торгового характера с другими державами. Этими соглашениями и договорами Древнерусское государство сумело укрепить свои международные торговые права и создать устойчивые союзы, направленные к охране безопасности как самой Руси, так и подвластных ей неславянских народов.

РУСЬ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

До времени Ярослава Мудрого мы располагаем лишь сведениями об отношениях отдельных земель Руси с варягами (разноязычными наемными дружинами из северных стран). Межгосударственные отношения Руси со Швецией, Данией и Норвегией нашли отражение в летописании Новгорода только после получения им самостоятельности (1136 г.) и в более позднем актовом материале. Вероятно, русские источники неполны, привлечение же иностранных источников не столько восполняет пробелы, сколько подчеркивает их, как явствует из всесторонних исследований исландских саг, выполненных В. Г. Васильевским, Е. А. Рыдзевской, А. Стендер-Петерсеном, Г. Ловмяньским, Г. Лябудой.

В сущности сложная проблема славяно-скандинавского социального и культурного синтеза падает главным образом на время существования конфедерации восточнославянских земель и не входит в интересующую нас тему государственной внешней политики. Поскольку, однако, следы этого синтеза как-то отразились на последней, целесообразно сказать о нем несколько слов.

Славянская конфедерация пришла в соприкосновение с северными странами, столкнувшись с норманскими «находниками» и наемниками. Летопись приводит предание о том, что «княженья» Верхней Руси — Словенская (Новгородская), Кривичская (Полоцкая) земли и, видимо, союзные им Мерянская (Ростовская) и Чудская (Эстонская) страдали от набегов «находников» варягов, которые, «приходяще» из «заморья» (имеется в виду Балтийское море, называвшееся Варяжским [1]), «имаху» с них дань [2]. Мы знаем, что скандинавы старались проникнуть в богатый край заволочской чуди. В 890 г. датчанин Охтере (Отер) проехал Белым морем, кажется, до устья р. Мезени [3] и сообщил о виденном английскому королю Альфреду Великому [4].

Предание повествует, что однажды эти земли, видимо, при взаимной союзной поддержке изгнали варягов за море, не дав им дани, и, восстановив свою независимость, «почаша сами в собе володети». Автор летописи, использовавший это предание, был убежден, что без княжеской власти правопорядок в стране немыслим, и потому свое повествование он продолжал так: в союзе земель не было единства — «въста род на род», начались распри между старейшими мужами земель — «не бе в них Правды». Тогда, видимо, на каком-то собрании правящей знати трех земель — Словенской, Кривичской и Чудской — было решено («реша сами в собе») выбрать князя из другой земли, который бы защищал не интересы знати одной из земель, а их общий интерес — «володел нами и судил по праву».

Судя по преданию, таким князем стал Рюрик, чьи дружинники получают кормления в уже существующих на Руси городах — Новгороде, Полоцке, Ростове, а также Белоозере и Муроме, а бояре-варяги [5] Аскольд и Дир с большими силами садятся в Киеве [6]. Даже если это предание, внесенное из славянского или скандинавского эпоса в летопись в XII в. и сомнительное во многих своих компонентах [7], принять как оно есть, то все равно очевидно, что новая династия — всего лишь орудие власти славянской и (в меньшей мере) чудской знати. Тенденциозные попытки шведской и немецкой буржуазной историографии (Т. Арне, М. Фасмер и др.) «национализировать историю в свою пользу» (как остроумно заметил Р. Порталь [8]) и, в частности, представить ее ход таким образом, что Русь стала то ли объектом скандинавского завоевания, то ли полем норманской колонизации, не выдержали проверки критики. Г. Ловмяньский, изучивший этот вопрос сравнительно-исторически, показал, что на Руси по сравнению с пережившей норманское завоевание Англией норманы — капля в славянском море [9]. В новгородской летописи из 800 имен лишь 19, или 2,4%,— скандинавского происхождения; в грамотах Новгорода и Пскова из 3400 имен —4, т. е. 0,1%,— скандинавские [10], и те падают на знать. Нам приходилось указывать, что в пестроязычной дружине русских князей, где видим тюрков, финнов, поляков и других, норманский элемент — сравнительно второстепенное слагаемое [11]. Столь же ничтожно место норманского элемента в топонимике [12]. Примечательно, что «варяг» топонимически не приложим к названию ни одного крупного города или

торгового центра [13], как нет и данных о варяжской земельной собственности на Руси ни в летописях, ни в сагах, ни в актах [14]. Примечательно и отсутствие в топонимике производных от женских имен — следовательно, норманы не селились семьями, а женились на славянках и быстро ассимилировались [15].

Домыслу о норманском завоевании Руси противоречит приведенный текст предания в нашей летописи, не подтверждают его и скандинавские лапидарные памятники. В Швеции немало камней, посвященных гибели викингов в походах на Восток. На Руси их нет, кроме одного, на о-ве Березань: «Грани воздвиг этот памятник своему товарищу Карлу» [16]; то же видим и в Восточной Прибалтике: 10 рунических камней знают поездки викингов в земли эстов, куршей, земгалов; из них с Русью связан лишь Ингвар, но и то косвенно: через Русь он ходил в Sörkland, т. е. на сарацин (арабов) [17].

Несостоятельно и утверждение о христианизации Руси варягами, ибо оно основано на исландских сагах второй половины XII — середины XIII в. (особая редакция саги об Олафе Трюгвасоне, отражающая миссийные взгляды монахов Одда и Гуннлауга; Кристни-сага и повесть о Торвальде-путешественнике). Чем активнее действовала папская курия на северо-востоке, чем острее становились столкновения Руси с правительствами стран Северной Европы в вассальной сфере в Чудской, Карельской, Финской и Лопьской (Саамской) землях, тем ярче тенденциозный церковный отпечаток на исландских сагах. Саги сохранили далекий литературный отклик на христианизацию великой страны Руси, подобно тому как это сделали и восточные хронисты (см. стр. 105—106). Для изучения христианизации Руси они источником служить не могут [18].

Наконец, и само предание о Рюрике лишено прочных исторических корней. Г. Ловмяньский, пересмотрев взгляд и доводы Н. Т. Беляева [19], блестяще доказал, что в пору жизни реального Рорика Фрисландского прямых связей ни Фрисландии, ни Дании с Русью не было и вся деятельность этого викинга времен Лотаря и Карла Лысого в 40—70-х годах IX в. протекала в кругу датских и германских интересов. В IX в. фризы не ходили на восток дальше датского Шлезвига и шведской Бирки, откуда жители ездили в Дорештадт. Шведы были хорошо известны в Германии и потому, понятно, вызвали удивление в Ингельгейме в

860 г., оказавшись на русской службе[20]. Экспансия самой Дании еще не простиралась восточнее земли куршей; датско-новгородские торговые отношения впервые зафиксированы в XI в. Адамом Бременским; и Титмар Мерзебургский утверждал, что в XI в. в Киеве было много «воинственных» датчан[21], видимо, наемников Ярослава. Появление в Повести временных лет англосаксонского мотива о трех братьях (переработанного в духе договора о приглашении на княжение) следует, видимо, связывать с женитьбой Владимира Мономаха на дочери англосаксонского короля Гите, которая со своей свитой до отъезда на Русь укрывалась в Дании. В Повести Англии нет, а сами англичане выводятся из Скандинавии; видимо, в связи с датско-английской унией (1016 г.) летописное понятие «Англия» охватывало и Данию[22].

Как бы то ни было, варяжские князья правят от имени давших им власть древнерусских мужей, а варяжские дружины — лишь одно из слагаемых рати, в которой преобладают славянские вои[23]. Князь Верхней Руси Олег вступил в Киев, опираясь на рать, состоявшую из варяжской дружины и войск от Словенской, Чудской, Мерянской, Весьской (Белозерской) и Кривичской земель[24]. К этому времени государственное объединение восточнославянских земель уже усвоило давно бытовавшее в Нижней Руси самоназвание Русь: «и быша у него варязи и словени и прочи прозвашася Русью»[25]. Если нет данных ни о завоевании, ни о колонизации Руси норманами, то есть немало фактов, свидетельствующих о древних и разнообразных связях Руси с народами Северной Европы, чьи выходцы надолго нашли в нашей стране свою вторую родину.

Место варягов в новой государственной структуре хорошо видно из размера дани, которую им определил Олег,— она шла не от всей Руси, а лишь от Новгорода: «устави варягом дань даяти от Новгорода» в размере 300 гривен в год «мира деля»[26]. Эта дань — плата стоявшему в Новгороде варяжскому служилому корпусу, который позднее перекочует через Киев в Константинополь (см. стр. 76). Если вспомним, что при Ярославе Новгород платил дань в Киев в размере 2000 гривен да еще 1000 гривен давал на содержание русского княжеского гарнизона, то плата варягам покажется более чем скромной. Если Киев «кормил» служилых торков городами, то осмотрительное новгородское боярство и богатое купечество предпочитали давать варя-

гам денежное жалованье. Новгород выдает варяжскому корпусу эту плату вплоть до смерти Ярослава («еже до смерти Ярославле даяше варягом»[27]), а затем, вероятно, обходится своей ратью и отрядами с подвластных неславянских земель. Варяжский корпус использовался для сбора дани и полюдья и на Руси (согласно саге Сигурд, брат будущего норвежского короля Олафа, собирал дань Владимиру Святославичу в Прибалтике[28]) и в Византии (Гаральд Сигурдсон, будущий зять Ярослава, не раз участвовал в pólútasvarf[29]); при участии в сборе дани варяги получали одну треть — это русская традиция[30]; впрочем, одну треть добычи получал корпус руссов в Византии во время похода Василия II на Болгарию, одна треть шла императору, другая — греческому войску[31].

Князья-иноземцы на первых порах, естественно, стремились сберечь свою личную дружину, ибо их пугала угроза пасть жертвой недовольной части знати. Норманский корпус (пополняемый до какой-то нормы наймом новых воинов за морем) некоторое время постоянно служил князьям: мы видим варягов среди славянского войска в походе Олега на Византию[32]. Игорь, потерпев поражение в 941 г., «нача совокупляти вое многи», в связи с чем «посла по варяги многи за море, вабя (приглашая.— *В. П.*) е на греки, паки хотя поити на ня»[33]; ясно, что варяги тут — наемники, не более. В поход 944 г. он вел наемных варягов наряду с воями от земель Полянской, Словенской, Кривичской, причерноморской Тиверской и наемными (он их «наа») печенегами[34]. Уже здесь впервые наемная кочевая рать идет в поход наряду с варяжской, а вскоре кочевые контингенты и вовсе заменят норманов на юге, а карельские, финские и другие — на севере[35].

Единство Древнерусского государства складывалось в процессе междоусобной борьбы новых феодальных центров, в ней участвовали и варяги как наемники князей, искавших опоры в еще живом и сильном сепаратизме земель Верхней Руси. Владимир Святославич именно так шел к власти. Великий князь Ярополк старался подчинить Новгород, где посадил своих посадников с русским гарнизоном, видимо, ликвидировав варяжский корпус, но бежавший за море Владимир прибыл с варяжским отрядом и прогнал их[36]. Возможно, что он восстановил варягов в правах «засадного» корпуса, обеспеченного еще Олегом данью и правовой охраной по Русской Правде[37].

«Вои многи», двинутые Владимиром на юг, состояли, однако, вовсе не из одних варягов, а были собраны от земель Словенской, Кривичской и Чудской, чья знать, вероятно, сохраняла оппозицию Киеву. Подчинив с их помощью полоцкого князя Рогволода и добыв Киев, князь Владимир умело держит варяжский корпус в руках: когда варяги потребовали было окупа с Киева в размере по две гривны с жителя, он перебирает их, оставив себе более благонадежных, а остальных отсылает в Византию, сопроводив письмом к императору Василию II, из которого видно, что русские князья отлично знали, как управляться с наемниками: «Се идуть к тебе варязи. Не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пущай ни единого»[38]. Прибывшие в Византию варяги вступают в уже давно бывший там служилый корпус (см. стр. 75).

Мы не знаем государственных соглашений Руси с правительствами северных стран о пополнении варяжского корпуса, едва ли они и существовали (ведь и гораздо позднее набор рыцарства для заморских войн нередко производился путем вербовки), но можно думать, что при Владимире Святославиче такой набор облегчался его тесными династическими связями, если действительно его женой была норманка Малъфрид[39]. Из договоров Руси с Византией мы видим варягов на русской службе в качестве послов и купцов[40]; видимо, немало было их и среди княжеских слуг: таков Варяжко — один из отроков князя Ярополка[41], таков Ждъберн — агент князя Владимира в Корсуни[42], таковы, наконец, те варяги, что по распоряжению Святополка Окаянного участвовали в убийстве князя Бориса[43], т. е. выполняли поручение, в будущем ставшее уделом наемников-торков. Варяги, постоянно служившие на Руси, втягивались в ее жизнь, вместе с русскими они знакомились с христианством — уже в войске Игоря «мнози бо беша варязи хрестьяни»[44]; среди первых мучеников тоже оказались два варяга-христианина (из них один «пришел из Грек»), принесенные в жертву волхвами — защитниками языческой старины[45].

Новая вспышка борьбы за власть над Киевом при Ярославе Владимировиче сопровождалась непродолжительным возрождением роли норманского корпуса в Новгороде. Но и здесь вновь видна его подчиненная роль: стоило варягам вступить в конфликт с местной знатью (своевольно

задеть честь «мужатых жен»), как все они были перебиты, видимо, в их гриднице — на Паромоновом дворе [46]. Хотя Ярослав Владимирович и снес головы самовольным новгородцам, но все же в поход на юг (1015 г.) он выступил, имея рать, где новгородцев было 3 тыс., а варягов только 1 тыс. [47]

Столкнувшись после победы над Святополком с Польшей, Ярослав использовал против нее войска Нижней Руси, а также словен и варягов из Верхней Руси [48]. Поражение в битве с поляками на Буге заставило Ярослава вновь искать поддержки Новгорода, где в помощь местной рати на собранные деньги нанимают варяжский отряд [49] (на это время приходится и женитьба Ярослава на Ингигерде, дочери шведского короля). Ярослав гонит Святополка в печенежскую степь, а затем одерживает победу на р. Альте [50].

Наконец, столкновение с черниговским князем Мстиславом Владимировичем еще раз приводит Ярослава в Новгород, откуда он сам, т. е. на свои средства, приглашает варяжский отряд Якуна [51]. Этот Якун известен, видимо, как Хакон Эймундовой саги [52], знает его и Киево-Печерский патерик — там Якун (Хакон) Слепой «отбеже от златы луды (плаща.— *В. П.*), бияся плъком» за Ярослава при Листвене в 1024 г. [53] Имеется в виду битва, в которой северцы Мстислава разбили рать Ярослава, дав повод первому заметить, что побиты чуждые ему северцы и варяги, а его собственная дружина уцелела.

После мира 1024 г. и первого раздела домена Русской земли между Киевом и Черниговом [54] Ярослав продолжал некоторое время использовать варяжский корпус. В битве 1036 г. с печенегами он имел много воев и варягов и словен, но центр рати дал держать варягам (наемников не жаль), а крылы — киевлянам и новгородцам [55]; по сообщению одного из источников, он и в поход на Византию с Владимиром Ярославичем в 1043 г. посылал «варязи Русь» [56]. При Ярославе Мудром, сыне полоцкой скандинавки Рогнеды, русско-скандинавские связи, должно быть, окрепли. Точная датировка едва ли возможна, но факты свидетельствуют, что эти связи оказывали влияние на политические судьбы Европы.

В соперничестве самих скандинавских стран Русь занимала самостоятельную позицию. Это особенно ясно для времени, когда датский король Кнут Великий (около 995—1035 гг.) распространил свою власть и на Англию (1016 г.)

и на Норвегию, где сидел его сын Свен (около 1030—1036 гг.). Вспомним, что на Руси нашли убежище сыновья разбитого Кнутом английского короля Эдмунда (см. стр. 135), что женой Ярослава Мудрого была Ингигерда-Ирина, дочь шведского короля Олафа Скотконунга (умер около 1024 г.) [57], что при русском дворе нашел поддержку норвежский король Олаф Трюгвасон (995—1000) — из Руси он ушел воевать против Дании; из Руси же призвали норвежцы на престол его сына Магнуса Доброго (около 1036—1046 гг.), который по смерти Кнута Великого завоевал и Данию. Примечательно, что тогда же и англичане сбросили датскую власть, посадив на престол Эдуарда (около 1002—1066 гг.). Ввиду сказанного представляется вероятным вывод Г. Лябуды о дружбе Кнута Великого с Болеславом I Храбрым [58].

Не удивительно, что дочь Ярослава Мудрого Елизавета сделалась женой брата норвежского короля Олафа — славного викинга, ставшего норвежским королем,— Гаральда Грозного (около 1047—1066 гг.); на норвежский престол он пришел после службы на Руси и в Византии. Он успешно воевал против Дании, а затем отправился в Англию, где вмешался в борьбу, возникшую по смерти Эдуарда, и погиб под Станфордбриджем. Елизавета же Ярославна вышла замуж за датского короля Свена (1047—1075 гг.). В рукописи XIV в. дошла песня Гаральда в ее честь [59]. Вероятно, русско-датские отношения упрочились, если король Эрик III Добрый (около 1095—1103 гг.) накануне вступления на престол побывал при дворе Святополка Изяславича [60].

Длительное пребывание варяжского корпуса и деятельность варяжского торгового двора на Руси отразились не только в скандинавском фольклоре, который сообщает немало любопытного и о Киеве [61]. Киево-Печерский патерик сохранил интересное свидетельство о том, что служить на Русь в XI в. шли младшие представители скандинавских феодальных семейств. Благодаря щедрому вкладу, сделанному в монастырь потомком варяжского выходца суздальским тысяцким Григорием, сыном Шимона (Симона), в Патерик внесена его родословная: уже известный нам Хакон Слепой, вернувшись на родину, изгнал своих племянников Фриада и Шимона «от области ею» [62]. Шимон нашел пристанище на Руси, где Ярослав его «приимъ» и «в чести имяше». Шимон был тяжело ранен в битве на р. Альте;

затем Ярослав передал его на службу своему сыну Всеволоду, «да будет старей у него»; тот поручил норманскому вассалу какой-то важный пост («Шимон прия же велику власть от Всеволода»)[63]. Таково предание о службе на Руси варяжской семьи в течение двух-трех поколений.

Итак, источники сохранили нам немало свидетельств о выходцах из стран Северной Европы и их деятельности на Руси сперва в качестве враждебных «находников», а затем как наемников — князей, воинов, купцов, дипломатов, сыгравших в общем положительную роль в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства.

С другой стороны, на Руси приобрели популярность такие скандинавские имена, как Ивор[64], Свень[65], Олстин[66], Улеб[67]. В старых поминальных записях, уцелевших на севере России, есть немало католических имен, среди них Олаф (почитался норвежцами), Канут (почитался в Дании), Албан, Ботульф (почитались в Англии)[68]. До разделения церквей в 1054 г., да и много позднее, вплоть до крестового похода на Русь и подвластные ей земли, разница религий не препятствовала не только внешнеполитическим действиям князей, но и общению простых людей с иноземцами. Тому свидетельство — случаи посещения варяжских церквей новгородцами в XII в.[69] Подобно тому, как в летопись проникали элементы фольклора половецкого (о траве евшан), югорского (о ненцах) или польского (о радимичах и вятичах), нашел в ней отражение и скандинавский эпос (определению его элементов немало труда посвятил А. Стендер-Петерсен[70]). Например, сюжет с парусами в описании похода Олега на Византию имеется и в скандинавских сагах: кто сильнее, тому паруса даются тоньше и дороже[71].

После возникновения Древнерусского государства и вплоть до княжения Владимира Мономаха складывалась подвластная Руси вассальная иноязычная сфера на северо-западе. Можно думать, что включение под власть Руси чуди заволочской (Биармии) и чуди эстонской обошлось без серьезных осложнений, хотя набеги норманов на Эстонию отмечены летописью, а на Биармию — сагами[72]. Земля финнов была освоена русской властью в ее южной части: емь есть в летописном перечне народов[73] и в списке данников Руси[74]. Летопись отметила поход Влади-

мира Ярославича с новгородским войском на емь в 1042 г.[75] Емь была побеждена, но участники похода понесли большие потери в конях вследствие мора. К этому времени можно с известным основанием отнести подчинение южной Финляндии, но походы сюда и позднее были сопряжены с большими экономическими трудностями[76].

Говорить о непосредственной границе между Русью и Норвегией преждевременно. Может быть, случались встречи русских данщиков с отрядами заезжих викингов при сборе лопьской, финской или заволочской дани. Разграничение округов сбора даней — дело будущего. Основой связей Руси со странами Северной Европы оставались торгово-поморские сношения и служба (постепенно затухавшая) скандинавских викингов при русском дворе, тем более что во второй половине XI в. началось феодальное дробление скандинавских государств, преодолевать которое они стали лишь к концу XII в.[77] В этой части Европы внешнеполитическое положение Руси крепнет; правда, нарастает активность поморян и пруссов. Впрочем, и Русь и страны Северной Европы могли иметь общие международные интересы в поддержании торговли на Балтике, в защите своих прав в Византии, в охране торговых путей к арабам и пр.

При Владимире Мономахе русско-скандинавские (со Швецией и Норвегией) государственные (вероятно, скрепленные договорами) связи сохранялись.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУСИ С ПОЛЬШЕЙ, ВЕНГРИЕЙ И ЧЕХИЕЙ

РУСЬ И ПОЛЬША

При киевском дворе ученые люди знали, что ляхи (и пруссы) «преседять к морю Варяжьскому» [1], что Польша состоит из земель полян, лютичей, мазовшан и поморян [2]. Не сомневались здесь и в этнической близости населения Руси и Польши: «бе един язык словенеск... и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая Русь» [3]. Более того, существовала традиция, видимо основанная на польском фольклоре, что население двух бывших земель славянской конфедерации на Руси — Радимичской и Вятичской — происходит «от ляхов» [4].

Подобного рода мысли о близости славянских народов нашли отражение и в легенде о Чехе, Лехе и Русе, впервые встречаемой у польского хрониста познаньского епископа Богухвала (умер в 1253 г.): «Читается в древних книгах (in vetustissimus codicibus), что Паннония — мать и колыбель (origo) всех славянских народов... Итак, в той Паннонии у Пана, князя паннонского, родились три сына, из которых первенец назывался Лех, второй Рус, а третий Чех. Эти три брата, когда умножился их род и народ, положили начало трем королевствам: Лешскому, Русскому и Чешскому» [5]. В основе этого предания лежит «весьма старое славянское народное представление о родстве славян вообще» [6].

Граница с Польшей — древнейшая среди русских границ. Арабский еврей Ибрагим ибн Якуб из Испании посетил в 966 г., вероятно в качестве посла кордовского халифа, двор германского императора Оттона I, побывал в Чехии в Бодрицком княжестве; он писал, что «с [землей польского князя] Мешко [I — умер в 992 г.] соседствует на востоке Русь, а на севере — Бурус» (Пруссия) [7]; следовательно, во времена Ольги уже существовала по крайней мере русско-мазовецкая граница [8]. Источники, свя-

занные с русско-византийскими отношениями (см. стр. 60, 63), позволяют думать, что земли хорватов, дулебов и тиверцев признавали власть Киева. В польской науке высказан взгляд, что Володислав, представленный в русско-византийском договоре 944 г. послом Улебом[9], был князем ледзян (населявших Сандомирскую и Червенскую земли[10]), которые с упадком Великоморавского государства (к началу X в.) оказались данниками Руси[11], как это подтверждает современник договора император Константин Багрянородный[12].

Русь и Польша пришли в соприкосновение в то время, когда складывались их государственные территории. Русское государство, объединяя земли восточнославянской конфедерации, освободило некоторые из них из зависимости от скандинавских викингов, хазарских каганов, избавило от угрозы со стороны степных кочевников и происков Византии. При этом киевские князья старались включить под свою власть на западном пограничье дулебо-хорватский (червенско-перемышльский) район, расположенный на древнем торговом пути из Руси на Краков и Прагу; стремились они также овладеть частью Пруссии, а именно Ятвягией, лежавшей на торговом пути из Руси через Туров — Дорогичин в польско-прусское балтийское Поморье. Объективные международные условия формирования территории Древнерусского государства были относительно благоприятнее (она окружена поясом менее развитых народов, отделявшим ее от сильных государств), чем Польши, которая, тяготея к Одеру и стремясь подчинить землю лютичей, сталкивалась с враждебностью сильной Германии и противодействием Чехии, а на востоке — в Червенско-Перемышльской и Прусской землях — с Русью.

Наши сведения приходятся отнюдь не на начало этих отношений, а на тот их момент, когда Мешко I, завладев Червенско-Перемышльской землей и стремясь подчинить землю лютичей, выступал против императора Оттона II, поддерживая союз с чешским Болеславом II (967—999), баварским Генрихом, маркграфом саксонской северной марки Дитрихом, а также с союзным бодричам датским Гаральдом I Синезубым (умер около 986 г.). Польско-немецкие противоречия вытекали из коренной непримиримости интересов славянских стран с универсалистской программой германских императоров[13].

Около этого времени «иде Володимер к ляхом и зая грады их — Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью»[14]. Я не вижу веских оснований в предложении считать это известие поздней вставкой и читать его так: «Иде Володимер на хорваты (т. е. на Перемышль.— *В. П.*) и на дулебы (т. е. на Червен)», с целью подчинить эти бывшие догосударственные княжения[15]. Выступал ли Владимир в союзе с другими державами[16], сказать трудно, хотя Червенский поход не обособленное действие, он стоит в ряду с походом Владимира на Ятвягию (983 г.)[17] и подчинением им Радимичской земли, имевшей еще с догосударственной поры (подобно связям Словенской земли с Чудской или Вятичской с Хазарией и т. п.) какие-то связи с Польшей[18].

Не требуют пересмотра и последующие события. В. Д. Королюк показал, что в 985 г. Мешко I осуществил дипломатический поворот — заключил союз с Саксонией (матримониально он связан с ее знатью с 980 г.) против лютичей, поддержанных теперь Чехией, с которой он вступил в конфликт из-за Силезии и Малой Польши[19]. Присоединив эти две земли, он значительно расширил протяженность польско-русской границы[20]. Со своей стороны, Владимир в 992 г. «иде на хорваты»[21], т. е., видимо, стремился, используя польско-чешские противоречия, укрепить свое господство в Перемышльской земле и влияние в Подунавье.

Если это так, то понятно, что новый польский великий князь Болеслав I Храбрый (992—1025) не смог поспеть на помощь Оттону III (983—1002) под Бранибор ввиду участия в большой войне против русских. Гильдесгеймские анналы говорят об этом совершенно недвусмысленно («Болеслав, сын Мешко, не имел никакой возможности лично прийти к господину королю, поскольку ему угрожала серьезная война против русских»[22]). Видеть в отказе Болеслава I лишь «дипломатический маневр»[23], лишенный реального содержания, тем более затруднительно, что другие источники XI в. утверждают даже, будто в союзе с Оттоном III он повоевал Славию (междуречье Лабы и Одры), Русь и Пруссию[24].

Пруссия лежала на русско-польском пограничье. По документу «Dagome iudex...» (около 990—992 гг.), польская граница шла морским побережьем до земли пруссов, а далее Польша соседствовала с Пруссией и Русью (fine

Pruzze usque in locum, qui dicitur Russe)[25]. В Ятвягию русские князья проникли давно — уже в русско-византийском договоре 944 г. среди послов Руси упомянут Ятвяг[26]. Не один Владимир водил туда свое войско.

Болеслав I тоже ходил на ятвягов-селенциев, а также на других пруссов и поморян[27]; при его содействии в Пруссию были посланы католические миссионеры — дипломаты Войцех-Адальберт (убит в 997 г.) и посещавший Венгрию и Русь Бруно (убит в 1009 г.)[28]. В согласии с Оттоном III и папской курией Болеслав I добился образования Гнезненского архиепископства (999 г.), а на съезде в Гнезно в 1000 г. император «уступил ему и его потомкам все права империи в отношении [замещения] церковных должностей в самой Польше или в других уже завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать»[29]. В свете сказанного сообщение летописи под 996 г. (относящееся к концу жизни князя) о том, что Владимир был в мире, скрепленном любами (т. е. договорами) с Болеславом[30], а также с правителями Венгрии и Чехии, может означать стабилизацию границ, на которую обе державы, еще формирующие свои территории, затратили немало усилий.

К 1000 г. граница Германии, как и при Карле Великом, проходила по Лабе (Эльбе)[31]. Стремление Германии помешать Польше собрать свои земли делало польско-немецкий мир непрочным. По вступлении на престол Генриха II Болеслав I Храбрый повел борьбу за Лужицкую, Мисьненскую марки и Мильско. Успех породил новые планы — в 1003 г. он захватил Прагу и заключил новый союз с Баварией (с Генрихом Швейнфуртским) против императора. Грубая политика польских феодалов в Праге ускорила потерю ими Чехии. Имея против себя немецко-венгерско-чешско-лютичскую коалицию, Болеслав I сумел по Кведлинбургскому миру удержать лишь Моравию[32]. Война возобновилась в 1007 г.

Болеслав I через посредство Бруно, видимо, искал сближения с Владимиром Святославичем (возможно, миссионер содействовал браку Святополка Владимировича с дочерью Болеслава)[33] и заключил какое-то соглашение с печенежскими ханами; возможно, что Бруно поехал и в Пруссию искать ему союзников, так как был против союза Генриха II с лютичами[34]. О русско-польском сближении узнаем и от мерзебургского епископа Титмара, который

около 1012—1013 гг. начал писать свою хронику. Он сообщает, что Владимир имел трех сыновей и «одному из них [Святополку] взял в жены дочь нашего преследователя [Титмар враждебен Болеславу I], князя Болеслава. Вместе с ним был послан из Польши епископ колобжегский Рейнберн»[35], который, кстати говоря, ревностно вел свою проповедь в подвластной Святополку Туровской земле[36]. Война с Германией закончилась съездом в Мерзебурге (1013 г.), где за Польшей признали Лужицы и Мильско в качестве имперского лена[37].

Но мир с Германией означал войну с Русью, против которой император обещал дать помощь. По очень вероятному предположению В. Д. Королюка, поводом для похода на Русь стало выступление туровского князя Святополка, зятя Болеслава, против единовластия Владимира; как и неподчинение отцу новгородского князя Ярослава, оно было симптомом будущего расчленения Руси, чьи князья в борьбе за власть уже используют иноземную поддержку — польскую и скандинавскую[38]. В последующие годы мы будем свидетелями неоднократной поддержки со стороны Польши (да и других стран) князей Юго-Западной Руси (и волынских, и галицких) в их стремлении обрести самостоятельность от Киева.

Не все обстоятельства дела нам ясны, но Титмар утверждает, что «король (Владимир. —*В. П.*), когда стало известно, что его сын по наущению Болеслава готовит против него восстание», приказал схватить его вместе с женой и епископом и «заключить в отдельной темнице», где Рейнберн вскоре и умер[39]. Возможно, что разрыв следует датировать временем немецкого брака Владимира и его сближения с Генрихом II (после 1011 г.) (см. стр. 122). Германский император, продолжая воинственную политику империи, увяз в Италии, где вел борьбу с византийским императором Василием II, потенциальным союзником которого могла быть Русь (см. стр. 78); поэтому Генрих II легко нарушил союз с Русью, надеясь больше на оружие, чем на родство княжеских домов.

Титмар говорит, что Болеслав I, узнав о провале заговора Святополка, «не переставал мстить [Владимиру], как только мог»[40]. Он направил против Руси свое войско, подкрепленное немецкими и печенежскими (результат трудов Бруно!) отрядами; оно повоевало русское пограничье, но тут между польскими и печенежскими воинами

произошел конфликт — кочевников порубили, а поход сорвался [41]. Перед третьей польско-немецкой войной Болеслав I потерял русского союзника, правда, он сблизился с Данией, где правил Кнут Великий [42]. В 1015 г. началась польско-немецкая война, в которой Венгрия и Чехия были союзниками империи.

В это же время на Руси умер Владимир Святославич, «оставив свое наследство полностью двум сыновьям», среди них не было Святополка [43], который, видимо, находился в Вышгороде, где в кругу его двора — «болярцев» (милостников) — были и польские, вроде упомянутого летописью Ляшько [44]. И в Киеве [45], и среди печенежских ханов [46], и в Польше у Святополка были союзники. Не найдя опоры на Руси, Святополк потерпел поражение от Ярослава и скрылся в Польшу [47], может быть, через степь. Ярослав Мудрый, стараясь избежать германо-польского сближения, отправил в 1016 г. посла к Генриху II, обещая ему военную поддержку против Польши (см. стр. 123); он действительно «напал на Болеслава, но, — как пишет Титмар, — ничего не сделал для овладения городом» [48]. Видимо, речь идет о Берестье, куда Ярослав пойдет походом и позднее. Этот город и в дальнейшем играет видную роль в русско-польских делах. Со своей стороны Болеслав I Храбрый тоже прислал посла в Мерзебург и склонил императора к миру, заключенному в Будишине (1018 г.) [49]. Император опасался Руси, чьи силы в 1017 г. участвовали в подавлении мятежа южноитальянских норманов, руководимых Мелосом, его потенциальным союзником.

Готовя новый поход на Русь, Болеслав I использовал свой союз с печенегами: «очень сильный город Киев» по его наущению «стал жертвой постоянных нападений печенегов и понес большой ущерб от пожаров» [50]. В 1018 г. начался польский поход. «Приде Болеслав со Святополкомь на Ярослава с ляхы» [51], — сказано в летописи. Современник Титмар уточняет: «Не подобает умолчать о печальной потере, случившейся на Руси» [52], куда вместе с польским войском шли 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов [53]. Следовательно, с Венгрией отношения у киевского правительства были нарушены, но с Чехией у него, вероятно, был союз [54]. 22 августа Ярослав проиграл битву на Буге, и союзники направились в Киев. В пути Болеслав, о котором и наша летопись говорит, что он был умный политик («бяше смыслен» [55]), держал свою рать в уз-

де и «принимался всюду жителями с большими дарами и с честью»[56]. 14 сентября «Болеслав же вниде в Кыев съ Святополкомь». Это произошло, конечно, потому, что у Святополка были сторонники среди городской знати, включая и митрополита, иначе бы союзникам в «большой и богатый»[57] Киев (недавно отбивший печенежский приступ) не войти.

Святополк, заняв стол, тотчас же отослал вспомогательные силы немцев, венгров и печенегов[58], одарив их. Болеслав в свою очередь склонил митрополита поехать в Новгород и попытаться обменять родню Ярослава на дочь Болеслава. Судя по летописи, Болеслав провел некоторое время в Киеве «седя»; доверившись Святополку, он поставил свою дружину «на покоръм» (как это и позже не раз практиковалось) по ближайшим городам. Из Киева, где, по Титмару, он «возвел» Святополка на стол[59] (причем Святополк для Титмара senior, т. е. великий князь Руси, а Ярослав — rex[60]), Болеслав отправил одно дружественное посольство, аббата Тунни, к императору Генриху II и другое — к Василию II, заявляя о своей готовности к дружбе с ним и угрожая при его отказе сотрудничать враждой[61].

Но дни торжества Болеслава были уже на исходе: добившись цели, Святополк поспешил отделаться от союзников, распорядившись: «елико же ляхов по городом, избивайте я», и горожане «избиша ляхы». Из Киева, как до того из Праги, пришлось уходить. Но из летописи видно, что Болеслав имел достаточно сил, чтобы уйти: он прихватил с собой бояр Ярослава (около тысячи человек) и его сестру Предславу, он увез его именье, которым ведал переметнувшийся на польскую сторону грек Анастас, наконец, он вернул старый объект спора — «зая собе» Червенскую землю[62]. Титмар тоже пишет, что Болеслав «весело» возвратился восвояси[63]. Но, конечно, главной цели, если таковая у него вообще была,— иметь в Киеве вассального князя[64] — Болеслав не достиг, ибо Святополк был разбит Ярославом (1019 г.); он еще надеялся на помощь тестя и был больной доставлен к Берестью, но, видимо, поддержки не нашел и, «пробежа Лядьскую землю», умер где-то «межю Ляхы и Чехы», если последнее выражение — не поговорка, указывающая на отдаленность[65].

Сам Ярослав ходил под Берестье (1022 г.), но, видимо, решающего успеха не добился, и Болеслав удержал за со-

бой Червенскую землю[66]. До 1026 г. Ярослав Мудрый был занят внутренними войнами с Полоцком, Черниговом. Но когда при Мешко II начался социально-политический кризис и расчленение Польского государства, он в свою очередь вмешался в польские дела.

Мешко II (1025—1034) — муж Рихезы (с 1013 г.), сестры Оттона III, поддерживая союз с Венгрией и лотарингским герцогом Фридрихом, боролся против императора Конрада II (1027—1039), на чьей стороне действовали чешские войска Бржетислава I, сына Олдржиха. В этой начавшейся в 1028 г. войне Мешко II опустошил земли Саксонии; ответные действия империи и под Будишином (1028 г.), и против Венгрии (1030 г.) оказались неудачными.

Именно в это время Ярослав пошел на Волынь и занял Белз[67]. Это предвещало Мешко II крах. Императору удалось расстроить польско-венгерский союз и подписать с Венгрией мир (1031 г.). Мешко II воевал против Германии, не имея надежного тыла: Ярослав и Мстислав совместно двинули войска на запад и вновь заняли Червенскую землю[68]. При этом они использовали возникшие в Польше династические смуты. Мешко II изгнал своих братьев Бесприма и Оттона, по крайней мере один из которых нашел прибежище на Руси[69]. Германия в это время вновь шла на сближение с Русью (см. стр. 123). Русские войска двигались на Польшу, где «многы ляхи» были взяты в плен (пленные были Ярославом поселены по р. Роси).

Мешко II поспешил заключить мир с Германией, уступив ей часть Лужиц, а затем бежал в Чехию[70], которая, как и Русь, пользуясь выгодной обстановкой, присоединила Моравию, а позднее и Силезию. Власть в Польше перешла к Бесприму, но он пал жертвой заговора, а вновь севший на трон Мешко II в 1033 г. на съезде в Мерзебурге был вынужден отказаться от королевского титула и уступить империи земли лужичан и мильчан; западное Поморье отошло к немецкому ставленнику маркграфу Дитриху; Оттон, видимо, сел в Силезии.

Новому великому князю Болеславу Забытому (1034—1037) пришлось столкнуться с народным движением, которое знать Мазовии и Поморья использовала в своих враждебных Кракову политических целях[71]. О начале этого движения сохранились известия и в русских источниках, которые давно занимают наших ученых[72]; они восхо-

дят к двум информаторам — венгру Моисею, попавшему в плен к Болеславу[73], и Гертруде — жене Изяслава Ярославича[74], которая со ссылкой на печальные последствия конфликта государя с церковью в Польше остерегала своего мужа от преследования оппозиционной ему духовной знати. Польское государство распалось, и оно нашло поддержку Германии, опасавшейся усиления Чехии, и помощь Руси, которая видела в сильной Польше противника устремлениям Германии[75].

В 1039 г. в Польшу вернулся Казимир Пяст (правил до 1058 г.) из Венгрии, где его держал при дворе король Иштван I Святой. При поддержке Германии Казимир подавляет антифеодальное движение и объединяет Великую и Малую Польшу. По сообщению хрониста Галла, немецкая помощь составляла 500 копий. Казимир стал ленником, а Польша — леном империи[76]. Но предстояло еще объединить Силезию, Поморье и Мазовию, чему препятствовала чешско-поморско-мазовецкая группировка.

Тогда Казимир обратился к союзу и с Русью: Галл знает, что, возвратясь из Саксонии на родину, князь взял жену из Руси[77], это была сестра Ярослава — Добронега-Мария Владимировна[78]; в связи с браком Казимир вернул на Русь 800 пленных из числа взятых Болеславом I Храбрым[79]. В соответствии с русско-польскими переговорами и мирным договором Ярослав организовал несколько походов на Мазовию, что было в духе его политики в этом тревожном районе: в 1038 г. он ходил на Ятвягию (которую не смог, однако, занять)[80], в 1040 г. — на Литву[81].

О числе русских походов на Мазовию идет ученый спор, в котором, мне представляется, ближе к истине Б. Влодарский. Первый поход на ладьях по Бугу датируется 1041 г.[82]; видимо, еще в 1040 г., когда Казимир находился в Германии и там побывали при дворе Генриха III русские послы, был принципиально решен вопрос о союзе и браке.

Казимиру приходилось идти на уступки, которые, мне думается, и были закреплены в договоре, заключенном около 1042 г.: во-первых, признание новой русско-польской границы, по которой Червенская земля, а также Белз и Берестье[83] отходили к Руси; во-вторых, отказ от Ятвягии (поэтому затем долго нет на нее русских походов, хотя на Галиндию походы бывали[84]); в-третьих, признание особых интересов Руси в Мазовии; в-четвертых, возвращение пленных. Договор скреплялся женитьбой Казимира на

Добронеге-Марии, а затем браком Изяслава Ярославича с Гертрудой, сестрой Казимира[85].

Второй поход падает на 1043 г.[86], когда Русь организовала и выступление против Византии (см. стр. 79), как видно, не поддержанное Германией, куда в этом году приходило от Ярослава посольство. И, наконец, третий поход (1047 г.) закончился разгромом Мецлава и присоединением подвластной ему Мазовии к Польше[87]. Союз с Русью существенно облегчил Казимиру борьбу за воссоединение Поморья (после 1047 г.) и возвращение Силезии (около 1050 г.)[88]. Решив при участии Германии польский вопрос и не получив помощи Генриха III против Константинополя, Ярослав поспешил укрепить союзы Руси с Польшей, Венгрией, Скандинавией, Францией и Византией.

Митрополит Иларион в проповеди 26 марта 1049 г. в церкви св. Благовещенья в Киеве, обращаясь к Ярославу Мудрому, имел все основания сказать, что его страна «ведома и слышима есть всеми [четырьмя] конци земли»[89].

Но вскоре Русь и Польша вновь меняются ролями. В Польше правил сын Казимира Болеслав II Смелый (1058—1079), когда в 1068 г. восставшие киевляне, поднятые черниговской группировкой князей, понудили к бегству туровско-волынско-киевского великого князя Изяслава Ярославича (1054—1073 гг. с перерывами и 1077 — 1078 гг.). В Киеве сел черниговский союзник полоцкий князь Всеслав. Разгорелась борьба за власть между волынской и черниговской группировками князей. Изяслав воспользовался союзной помощью Польши Болеслава II — племянника своей жены; это войско Болеслав вел лично: «поиде Изяслав с Болеславом на Всеслава»[90]. Когда Всеслав (опасаясь полоцко-польской войны) покинул киевское войско, горожане, связанные с Черниговом, обратились к Всеволоду и Святославу Ярославичам, прося оградить Киев от польской угрозы: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше,— писали киевляне,— а се ведеть на ны Лядьскую землю, а поидета в град отца своего; аще ли не хочета, та нам неволя: зажегши град свой, ступим в Гречьску землю»[91]. Последние слова отражали скорее всего тревогу купечества (быть может, помнившего 1018 г.) перед возможным грабежом.

Черниговские князья с готовностью поддержали Киев, отправив Изяславу грамоту со словами: «Всеслав ти бежал, а не води ляхов Киеву, противно бо ти нету; аще ли

хощеши гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола». Они требовали, чтобы он пришел «с миром», с малой дружиной. Изяслав внял демаршу; он «остави ляхы [т. е. их основные силы, может быть, на Волыни] и поиде с Болеславом, мало ляхов поим». Его сын Мстислав, прибыв загодя в Киев, подготовил союзникам встречу, расправившись с руководителями прочерниговской партии. Киевляне приняли Изяслава, и он занял стол 2 мая 1069 г. Об этом есть известие в хронике Галла, правда в ее первой части, где он недооценивает Русь и поэтому пишет, что Болеслав II «вступил врагом в столицу русского королевства — выдающийся город Киев» и возвел «на царский престол одного русского из своей родни, которому принадлежало королевство, а всех мятежников, не подчинявшихся ему, отстранил от власти» [92]. На самом деле роль Болеслава была более скромной: как союзник он привел войско, за которое получил, очевидно, вознаграждение. Видимо, на этот раз обстановка для пребывания польских отрядов на Руси была еще менее подходящей, чем в 1018 г.: их стали без приказа власти тайно истреблять («избиваху ляхи отай»); может быть, действовали сторонники Чернигова, что вынудило Болеслава II возвратиться в Польшу [93]. Это, должно быть, ухудшило волынско-польские отношения, но с Полоцком дела у Волыни были урегулированы.

Волынско-польский союз был вновь оживлен в 1073 г., когда черниговско-переяславские великие князья Святослав и Всеволод, опасаясь волынско-полоцкого союза, изгнали Изяслава и стали сами править в Киеве. Изяслав вместе с семьей прибыл в Польшу; располагая большими средствами, он надеялся вновь нанять войско («сим налезу вои»). Но Болеслав II, помня опыт 1068 г., не спешил ввязываться в войну [94]. Возможно даже, что в это время войска Болеслава повоевали Волынь, район Берестья, взятый тогда же под контроль новыми великими князьями; в сожженный город был послан Владимир Мономах, который вспоминал, что братья-соправители послали его «на головне, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюд город тих» [95]. Затем он же в 1074 г. подписал с Польшей Болеслава II мир: из Владимира он ездил «на Сутейску мира творить с ляхы» [96].

Чернигово-киевско-польский договор осложнил положение Изяслава Ярославича. На этот раз и Чернигов по-

старался обеспечить себя от волынско-польского сближения. Святослав Ярославич как будто обручил свою дочь Выславу [97] с Болеславом II и, кроме того, обещал ему военную помощь и действительно поддержал его потом в войне с Чехией (см. стр. 56) [98]. Понятно, что в этих условиях Изяслав не нашел поддержки в Польше, где имел связи не только при краковском дворе, но и среди высшего духовенства в Гнезно [99]. Как бы то ни было, деньги у него взяли, а помощи не дали и велели покинуть страну («показавше ему путь от себе») [100]. Деньги Болеславу II, вероятно, пришлись очень кстати, так как он в 1073—1074 гг. воевал с Венгрией за короля Ласло I Святого против Шаламона. Тогда Изяслав вместе с сыном Ярополком направились в Германию. Как вскоре выяснилось, Генриху IV самому был дорог союз с Русью, и, узнав об этом, Изяслав послал Ярополка в Рим, к противнику императора папе Григорию VII [101].

Он неплохо знал папскую курию, если заявил о готовности получить Русь dono sancti Petri, лишь бы Болеслав вернул ему отнятые богатства и помог вновь занять киевский (или волынский?) стол. Григорий VII действительно написал 20 апреля 1075 г. Болеславу II: «Беззаконно присвоив себе казну русского князя, ты нарушил христианскую добродетель. Молю и заклинаю тебя именем божьим отдать ему все взятое тобою или твоими людьми, ибо ослушники не внидут в царствие небесное, если не возвратят похищенного» [102]. Но успех Изяслава зависел не от папы, а от международной ситуации.

В годы внутренней смуты (1071—1077) Генрих IV искал поддержки Дании и Руси против саксонских князей. Саксонское восстание началось во время подготовки им похода 1073 г. на Польшу. Оно сорвало поход, и позднее Польша (где Болеслав II в 1076 г. с благословения папы стал королем) поддерживала папство и Саксонию против императора, который опирался на Чехию. В 1076 г. Генрих IV повел борьбу с Григорием VII, а Болеслав II в союзе с Русью воевал против чешского Вратислава II, быть может, склонного поддержать Изяслава. Исход этого дела едва ли принес успех Польше (в 70-е годы XI в. и Поморье оторвалось от Польши, вплоть до начала XII в.), и союз ее с чернигово-переяславской группировкой разладился. На Руси тоже произошли перемены — умер 27 декабря 1076 г. Святослав. Польский король меньше всего хотел вновь оказаться между единодержавной Русью и Германией.

Пользуясь вмешательством курии как предлогом и смертью Святослава как поводом к пересмотру Сутейского договора, он поддержал Изяслава, и тот по соглашению со Всеволодом на Волыни (где они «створиста мир», определили условия своей диархии) вновь занял киевский стол 15 июля 1077 г. [103]; Ярополк получил Вышгород и позднее держал Волынь и Туров. Возвращению Изяслава в Киев немало содействовала волынская группировка, в которую входили и видные церковники [104] — печерский игумен Феодосий, в страстных посланиях обличавший черниговских князей, и его преемник Стефан; ей противостоял сам митрополит Георгий (тот, что сомневался в святости мощей Бориса и Глеба) [105].

Волынско-польский союз поддерживал и Ярополк Изяславич (а также Антоний и Никон), домогаясь в борьбе с дружественным Византии великим князем Всеволодом Ярославичем (1078—1093) великокняжеских прав на Киев.

В Польше корона перешла к Владиславу-Герману (1079—1102), который вызвал Мешко из Венгрии (где он жил при дворе Ласло I после смерти отца Болеслава II) и «вопреки завистливой судьбе» женил его «на русской девушке» [106], как полагают, Евдокии, сестре Ярополка [107], т. е. союз с Волынью сохранялся.

Недовольный тем, что Всеволод передал Дорогобуж Давыду Игоревичу, Ярополк в 1085 г. выступил против Киева, послушав «злых советник», как сказано во враждебном ему летописном своде. Успеха он не имел и «бежа в ляхы» [108]. Сын Всеволода Владимир Мономах передал волынскую столицу Владимир Давыду. Жена и мать Ярополка, тюрингская Кунигунда и польская Гертруда, были захвачены Мономахом и увезены в Киев, а имущество их забрано. С этой поры можно наблюдать в общем недружественное отношение суздальских князей к Польше. В 1086 г. Ярополк вернулся из Польши, добившись ее военной или дипломатической поддержки, и «створи мир» с Владимиром Всеволодовичем, который возвратился в Чернигов [109]. Возможно, был оформлен какой-то польско-волынско-киевский союз против набиравшего силу Галича. Зимой 1086 г. Ярополк отправился в поход на Галичину, но был под Звенигородом предательски убит Нерад-

цем; последний бежал к Рюрику Ростиславичу в Перемышль, а убитого доставили в Киев. Его вдова Кунигунда тогда покинула Русь вместе с дочерью (двое сыновей остались на Руси), которая в Германии вышла за тюрингского князя Гюнтера; ее сыном был граф Сиццо [110]. Можно думать, что галицко-польские отношения оставались враждебными: под 1092 г. сохранилась запись, что Василько Ростиславич с половецкой ратью повоевал Польшу [111] (это произошло в тот год, когда в Чехии стал править Бржетислав II, сын Вратислава, на чьей дочери женат Владислав-Герман, и польский князь перестал платить ему силезскую дань, предусмотренную договором 1054 г.). Переяславский летописец уточняет, что половцы взяли Песочен, Прилуку (видимо, владения либо Киева, либо Волыни) и «ляхов поимали и всю землю» [112].

Повоевали сильно, ибо уже ослепленный волынско-черниговской группировкой Василько Ростиславич рассказывал попу Василию: «Се слышю, оже мя хочет дати ляхом Давыд [Игоревич, союзный волынско-киевскому великому князю Святополку Изяславичу — 1093 — 1113], то се мало ся насытил крове моей, а се хочет боле насытитися, оже мя вдасть им? Аз бо ляхом много зла творих и хотел есмь створити и мстити Руськой земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти» [113] — т. е. и в 1097 г. он пощады в Польше не ждал. Почему так рьяно воевал перемышльский князь с Польшей? Вероятно, обособившись от Киева, он оказался один на один с ее князьями, отнюдь не оставившими цели подчинить хотя бы «хорватскую» часть «червенских городов».

Общая концепция восточноевропейской политики галицкого князя действительно не сулила Польше ничего хорошего. Он установил связи с кочевыми ханствами — с печенегами, берендеями, торками, которые уже выступили ему на помощь, и собирался испросить у брата Володаря и Давыда Игоревича их младшую дружину — «и помыслих: на землю Лядьскую наступлю на зиму и на лето — и возму землю Лядьскую и мьщю Руськую землю». После подчинения Польши он собирался «перяти болгары дунайские» (видимо, речь идет о подунайской болгарской вольнице) и «посадити я у себя», очевидно в Понизье, а уж потом — «проситися» у великих князей Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича «ити на половци» [114]. Собираясь в 1097 г. в поход на Польшу,

Василько Ростиславич, видимо, знал, что Владислав-Герман, оставив себе Вроцлав (Силезия), Краков (Малая Польша) и Сандомир, жил в Мазовии; сыновьям Болеславу и Збигневу он выделил столы [115], затем Болеслав держал Краков и Вроцлав, а Збигнев — Плоцк [116].

Великий киевский князь Святополк, пользуясь смутой среди волынско-галицких князей, сам думал прибрать к рукам их земли; но наступление на Волынь неизбежно приводило его к конфликту с Польшей. Используя как предлог данное галицким князьям обещание изгнать Давыда Игоревича с Волыни, он направил войско ему в тыл — «к Берестью, к ляхом». Давыд обратился за поддержкой ко двору Владислава-Германа. За 50 гривен золотом (такова в эту пору цена наемной военной дружины) тот обещал помочь. Но дело осложнилось предложением Святополка Владиславу встретиться для прямых переговоров. Так в Польше родилась мысль о посредничестве. «Поиди с нами к Берестью,— сообщил Владислав-Герман Давыду,— яко се вабит (т. е. приглашает.— *В. П.*) ны Святополк на снем и тут умирим тя с Святополком» [117].

В 1099 г. на Буге начались переговоры. Стороны «сослались речами», т. е. обменялись грамотами, содержащими предложения, и выяснилось, что Польше выгоднее поддержать Киев, ибо Святополк давал больше — он «вдаст дары великы на Давыда». Поэтому Владислав отказал Давыду в помощи, заявив: «Не послушаеть мене Святополк»,— и посоветовал возвращаться во Владимир, пообещав, впрочем, помощь против других князей, которые нападут на него. У Святополка был «съвет» и с Болеславом III [118], князья, видимо, заключили тогда союз. Давыд, у которого с Киевом был конфликт и по византийскому вопросу (см. стр. 87), не удержался на Волыни; не дождавшись помощи Владислава, он через Червен «бежа в ляхы» [119], а во Владимире сел Мстислав Святополчич.

Менее удачно сложились для Святополка дела в Галичине, где, потерпев поражение на Рожне поле, он привлек к союзу против нее венгерского короля Кальмана, приславшего с Ярославом Святополчичем, зятем Ласло I Святого, многотысячную рать. Положение осложнил Давыд; вернувшись с пустыми руками из Польши, он вступил в сговор с перемышльскими Володарем и Василько Ростиславичами и привлек к союзу против Киева поло-

вецкого хана Боняка. Русско-венгерское войско Святополка было наголову разбито у Перемышля (1099 г.); сам великий князь ушел в Киев, а Ярослав бежал «на ляхи» к Берестью. Давыд Игоревич вновь занял Владимир, где был убит Мстислав Святополчич [120].

По решению Уветичевского съезда, и столица Волыни и Берестье остались, однако, за Святополком, где сел его сын Ярослав [121]. Но в 1101 г. конфликт возобновился, так как Ярослав Ярополчич воевал у Берестья. Святополк велел его схватить и привезти в Киев. За князя вступились митрополит и игумены; Святополк был вынужден освободить крамольного вассала под клятву [122]. Но Ярослав, нарушив ее, пытался бежать, видимо, в Польшу. На р. Нуре, что впадает в Западный Буг, его настиг Ярослав Святополчич и вернул в Киев, где тот и умер в 1102 г. [123].

Умер и Владислав-Герман [124], а вскоре послы Болеслава III Кривоустого (1102 — 1138) прибыли сватать за него Сбыславу Святополковну [125]. На этот брак 1103 г. «между родственниками по крови» (в третьем поколении) краковский епископ Балдвин выхлопотал в Риме у папы Пасхалия II (1099 — 1118) специальное разрешение — «в виде исключения», сославшись на какие-то «пережитки» в обычаях христианской веры, а главное, на необходимость «этого брака для родины» [126]. Последняя ссылка была основательна, и Русь действительно оказала влияние на судьбы Польши, на ее защиту от агрессии Германии. Папство, понятно, интересовало в этом деле другое — поддержка сил, враждебных империи в разгар борьбы за инвеституру.

В Польше вспыхнула борьба за власть между малопольским Болеславом III и его братом Збигневом, который тщетно искал поддержки киево-волынского князя [127], а затем выступал в союзе с Чехией и поморянами; возможно, уже тогда он заручился и помощью Галича. Не зря покойный Владислав-Герман опасался, как бы Збигнев «не примкнул к язычникам или другим чужеземным народам» [128]. Болеслав III помимо союза с Русью заключил договор о дружбе с венгерским королем Кальманом, «наиболее образованным,— по словам Галла,— из королей того времени» [129], договор 1105 г. был направлен против Германии и союзной ей Чехии короля Боривоя (1100 — 1107) [130].

Болеслав III вел борьбу с большим напряжением сил, опираясь на Малую Польшу. В 1106 г. он был вынужден обратиться к союзникам; «с большой поспешностью собрал свое войско и отправил послов к королю русских [Святополку] и венграм за помощью. И если бы он ничего не смог сделать сам по себе и с их помощью, то он своим промедлением погубил бы и само королевство и всякую надежду на его восстановление» [131],— пишет Галл, и нет оснований ему не верить. Ему удалось восстановить мир с Чехией [132]. Святополк Изяславич, несмотря на угрозу со стороны половцев, прислал ему войско с сыном Ярославом (видимо, женатым на сводной сестре Болеслава [133]), дал подмогу и Кальман. «Тогда впервые подоспела помощь русских и венгров, с которыми, отправившись в путь, он перешел через реку Вислу», а Збигнев, «придя в отчаяние, под влиянием Ярослава [Святополчича], князя русских, и Балдвина, епископа краковского, явился к брату» и «в присутствии всех», т. е. на польско-русско-венгерском съезде князей, признал себя вассалом Болеслава и получил Мазовию. «Войска русских и венгров вернулись домой» [134].

Збигнев, однако, не выполнил договора, и мы читаем у Галла, что Болеслав «изгоняет его из королевства польского, а сопротивлявшихся ему [т. е. Болеславу] и защищавших град на границе страны покоряет с помощью русских и венгров» [135]. Новое участие киево-волынских и венгерских сил было вызвано тем, что Збигнев, не встретив сочувствия в Киеве, где побывал около 1107 г., нашел поддержку в Поморье и Пруссии, а также у галицко-перемышльских Володаря и Василько Ростиславичей, которые привлекли к делу и половцев. Об этом знал и схоластик из Бамберга Герборд (умер в 1168 г.) [136].

Положение Польши особенно осложнилось, когда немецкий король Генрих V (с 1106 г., император 1111—1125) напал на союзную ей Венгрию, Збигнев в союзе с чехами Святополка (1107—1109) грабил Силезию [137], а с севера вторглись поморяне [138]. Генрих потребовал передачи Збигневу половины Польши и вассальной зависимости от Болеслава в виде годовой дани в 300 марок или службы 300 польских рыцарей. Болеслав гордо отверг эти условия: «Найдешь войну, если [хочешь] сражаться», — писал он королю [139].

С «небольшим войском» Болеслав III поспешил к Одре, откуда «отправлял гонцов за своими, за русскими и за

паннонцами», т. е. венграми[140]. Судя по ходу событий, союзники и на этот раз не подвели. Генрих V грозил и Глогову, и Вроцлаву, и Кракову, но успеха в Польше не добился: его чешский союзник Святополк погиб в одной из битв, а престол в Чехии занял Владислав I (1109 — 1125). Немецкое наступление на Польшу сорвалось, и войска Генриха ушли за Одру; в этом немалую роль сыграла Русь. Русско-польские отношения были тогда очень тесными[141].

Русь и Польша нашли в это время и какое-то соглашение в прусской политике, унаследованное князьями последующего периода. О борьбе Болеслава III с пруссами дважды говорит Галл[142], но датировать его известия трудно. С русской стороны мы знаем прусский поход Ярослава Святополчича (1112 г.)[143]. Видимо, и половецкий вопрос продолжал интересовать Польшу: не зря слух об успешном походе Святополка на степь в 1111 г. дошел и до польского и венгерского союзников (как, впрочем, и до Чехии и Византии)[144].

Следовательно, взаимоотношения двух славянских стран восходят к глубокой древности. Несмотря на наличие сфер взаимных противоречий в Червенской и Прусской землях, оба государства, пройдя через испытания взаимного вмешательства в распри князей и участия во враждебных друг другу союзах держав, постепенно не только стабилизировали свою границу, но и пришли к тесному союзу. Этот союз поддерживался с русской стороны прежде всего Киевом и Волынью, а с польской — Краковом; он содействовал укреплению государственной власти обеих стран и борьбе славянства с наступлением Германии на Восток.

РУСЬ И ВЕНГРИЯ

Отношения у Древнерусского государства с венграми установились, вероятно, еще в пору их кочевания в причерноморских степях. Ведь отсюда они совершали походы в глубь Европы, например, в 862 г.[1]; в 892 и 894 гг. венгерские отряды помогали восточно-франкскому императору Арнульфу (887—899) в войне против великоморавского князя Святополка[2]. Урегулирование отношений с венграми было, вероятно, делом не простым, ибо как кочевники они предпринимали набеги на оседлых славян, о чем сохранились свидетельства арабских и персидских авторов IX—X вв.[3] Но русско-венгерские отношения существовали и крепли: летопись не оставляет сомнений в устойчивых русско-венгерских торговых связях во времена не только Святослава, но и Олега.

В нашей летописи имеется историческая справка (датируемая второй половиной XI в.) о происхождении Венгерского государства, составленная в дружественном духе, легко объяснимым тесными отношениями между двумя странами. Летопись кратко, но отчетливо характеризует общественный строй венгров и отмечает во времена Олега их уход на новую родину, где они создали свое государство. «Идоша угры мимо Киев горою, еже ся зовет ныне Угорьское и пришедьше къ Днепру, сташа вежами; беша бо ходяще, аки се половци»[4]. Эта запись под 898 г., навеянная топонимическими преданиями, в общем достоверна[5]. Пройдя в конце IX в. через «горы Угорьскыа» на новые места, где издавна жили славяне, затем подчиненные Римской империи — волохам[6], которые «прияша» их землю, венгры в свою очередь «почаша воевати на живущая ту волохи и словени». Они «прогнаша волъхи» и «наследиша землю ту и седоша съ словены, покоривше я под ся». Вот «оттоле прозвася земля Угорска»,— заключает летописец.

Мирно пройдя со своим народом через подвластные Руси юго-западные земли — о чем сохранились сведения

и в венгерском придворном предании (изученном В. П. Шушариным),— венгерские короли должны были стать естественными союзниками киевских князей в их византийской, немецкой, чешской и польской политике. Летопись знает, что венгры вступили в борьбу и с Византией и с Великоморавской державой[7]. В духе этой исторической справки при киевском дворе подобраны и остальные известия из хроники Амартола и его продолжателя о Венгрии. Они отражают тщетные попытки Византии использовать Венгрию против Болгарии: венгры побеждают и болгар и византийцев. Под 902 г. сказано, что император Лев VI «ная угры на болгары [с их царем Симеоном с 894 г. шла война]. Угре же нашедше, всю землю болгарску пленоваху», разбили Симеона, который едва успел бежать в Дерестр (Силистрию)[8]. Летопись, однако, умалчивает о том, что Болгария уцелела, присоединив часть Македонии и Албании, что результаты болгаро-византийской войны закреплены в договоре 927 г.[9] Зато отмечены прямые выступления венгров против Византии в 934 г., когда они впервые пошли на Константинополь и «пленоваху всю Фракию», а император Роман Лакапин тогда и в 943 г. еще раз заключал с ними мир. О поражении венгров в 933 г. войсками германского императора Генриха I Птицелова (919 — 936) и в 955 г. на р. Лехе войском Оттона I и чешского Болеслава I (935 — 967) летопись, понятно, не сообщает, впрочем она не говорит и о решающей победе венгров над немцами в 907 г.[10]

Ввиду сказанного не удивительно, что болгаро-византийский поход Святослава в 970 г. происходил в условиях какого-то дружественного соглашения с одним из венгерских правителей времен короля Такшоны (947 — 972) и венгры сражались в русском войске[11]. Контакты продолжались — представители и Руси и Венгрии участвовали в 973 г. в Кведлинбургском съезде князей[12]. Во времена Владимира Святославича был мир и договоры (любы) с королем Иштваном I Святым (997 — 1038)[13], чему не противоречит и участие в 1004 г. Венгрии в союзе с Чехией и Германией в войне против Польши. Двоюродный брат короля герцог Ласло Сар был женат на русской[14], как полагают Премиславе Владимировне[15]. О тесных связях русской и венгерской дружин свидетельствует и служба венгерской знати при русских княжеских дворах.

У ростовского князя Бориса Владимировича был младший дружинник отрок Георгий «родом сын угъреск»; князь его любил и «възложил на нь гривну злату велику» (т. е. пожаловал придворным вассальным чином), в которой тот «предъстояше пред ним»; он погиб на р. Альте, защищая князя [16]. Не будет слишком смелым предположить, что позднейший суздальско-венгерский союз зародился в это время. Братом Георгия был известный нам информатор летописца Моисей [17], вероятно, в числе придворной дружины Предславы Владимировны попавший в польский плен. Можно думать, что с догосударственной поры имела связи с венграми Древлянская (Деревская) земля (подобно тому, как Словенская — со скандинавами и эстами, Радимичская — с поляками и т. д.) и потому ее князь Святослав Владимирович (быть может, даже женатый на венгерской герцогине) [18] искал в 1015 г. спасения в бегстве на родину жены, но люди Святополка Окаянного схватили его где-то на пути «ко горе Угорьстей» [19], т. е. в Перемышльской земле. Деревская же земля с этой поры прочно вошла в состав собственно Киевской.

В правление Ярослава Мудрого, враждуя с Византией и имея сложные отношения с европейскими соседями, Русь старалась сохранить союз с Венгрией, хотя это не всегда удавалось. Русь поддерживала Германию и союзную ей Венгрию в их войне 1015 — 1018 гг. с Польшей. Охлаждение отношений наступило после заключения польско-немецкого договора в Будишине и последовавшего за ним польско-венгерского мира. К походу на Русь в 1018 г. Болеслав I Храбрый сумел привлечь и венгерскую полутысячную рать [20]; и в 1029—1031 гг. Русь и Венгрия были в разных лагерях: первая вместе с Германией воевала против Польши, которую поддерживал король Иштван I. Любопытно, что его сын Имре носил титул «русского герцога» [21]. «Русский герцог» означал, как установил Д. Дьёрффи, «dux exercitus regis», состоявшего из руссов, а сам термин «русский» (orosz) имел в средневековой венгерской традиции значение вооруженной королевской стражи [22], может быть, к этому имеет отношение и упоминаемая источником XII в. «Русская марка» в Венгрии.

Затем отношения с Венгрией наладились. Андрей I (1046—1061) стал королем вопреки планам Генриха III, который даже задумывал в 1047 г. поход против него. Вен-

герские источники говорят, что женой короля Андрея I была дочь русского князя [23]. Будущий король, сын уже известного нам герцога Ласло, укрывался вместе с братом Левенте в Польше, затем искал прибежища на Волыни, но тамошний князь (это мог быть Игорь Ярославич) их не принял, опасаясь союзного Германии короля Петра (1038—1041, 1044—1046), и они ушли к половцам [24], а затем якобы вновь вернулись на Русь, откуда Андрей и был приглашен венгерской знатью на трон. Полагают, что его женой была Анастасия-Агмунда Ярославна, с именем которой связывают основание двух православных монастырей — у Вышеграда и в Тормове (комитат Бихар); в последнем нашли убежище монахи чешского Сазавского монастыря, изгнанные в 1055 г. за принадлежность к православию. Андрей I поселил русских в районе Тихань и Зебегсн [25].

В пору борьбы между преемниками Ярослава за власть над Киевом, осложненной обособлением перемышльско-теребовльских князей, мы видим взаимное стремление Киева и Арпадов использовать союзные отношения. Источники очень скудны, но известно, что когда в 1061 г., опасаясь Белы I (1061—1063), Анастасия Ярославна с сыном Шаламоном и его женой (сестрой Генриха IV) укрылись в Германии, немецкие послы посещали Изяслава Ярославича [26]. Как отнеслись на Руси к политике Белы I, не знаем, но против Шаламона она не выступила. В 1072 г. будущий король Геза I (1074—1077) направил на Русь (вероятно, к Изяславу Ярославичу) посольство во главе со своим братом (будущим королем) Ласло «просить помощи своих друзей» против Шаламона (1063—1074), отстаивавшего королевский стол. Но тогда на Руси назревал новый конфликт Волыни с Черниговом из-за Киева, и помощи король не получил [27]. Преемник Изяслава волынско-киевский великий князь Святополк дорожил венгерским союзом в общеевропейском плане; использовал он его также против Перемышля и Теребовля. Едва ли широкие планы тамошних князей относительно Северного Причерноморья радовали и венгерского короля. Можно думать, что Святополк и Ласло I (1077—1095) имели какое-то соглашение по степному вопросу, ибо действия Руси против кочевников прямо отражались на Венгрии.

В войне против Генриха III король Андрей I прибегал к помощи печенежской рати (1052 г.); Геза I, не получив

помощи Руси, использовал рать хана Солтана в борьбе против поддержанного немцами Шаламона (1074 г.)[28]. Печенежские и половецкие набеги задевали Венгрию[29]. Степь интересовала и перемышльских Ростиславичей, и, вполне возможно, не без их участия половцы в 1092 г. напали на Венгрию[30], вызвав поход Ласло I на Русь, закончившийся, по данным хроник XIV в., полной победой короля[31].

Следовательно, Ростиславичи, отстаивая самостоятельность своей земли от Киева, не имели мира ни с Польшей, ни с Венгрией; естественно, они должны были тяготеть к союзу с Византией, втянутой в тяжелую борьбу с половцами (см. стр. 87). Зато Святополк, готовясь вооруженной рукой подчинить Перемышль, опирался на польско-венгерский союз. Его сын Ярослав женился (до 1091 г.) на дочери короля Ласло I[32], прочным был и его союз с Кальманом (1095—1114). Вот почему, потерпев поражение на Рожне поле, он отправил сына к королю, «склоняя венгров» на Володаря Ростиславича. Ярослав в 1099 г. привел рать Кальмана, с которым были и два епископа, Купан и Лаврентий. Венгры стали под Перемышлем, где заперся Володарь. Давыд же Игоревич добрался через его владения до степи и привел 30-тысячную рать хана Боняка. В битве под Перемышлем половцы разбили венгров по частям, что нашло отклик в победной половецкой песне, обработанной нашим летописцем[33]. По слухам, половцы убили до 40 тыс. венгров, в их числе и епископа Купана и «от бояр многы». Это событие довольно причудливо отразилось и в более поздних венгерских хрониках[34]. Перемышльско-теребовльская (будущая Галицкая) земля отстояла свою самостоятельность от Киева.

Союз волынско-киевского князя с Венгрией, однако, не пострадал. В 1102 г. была заключена венгерско-хорватская уния: территория, подвластная королю, намного увеличилась, и Венгрия получила выход к Адриатике. Вместе с тем, отстаивая унию, она вступила в вековую борьбу с Византией и потому была кровно заинтересована в союзниках против нее на Руси. Вслед за договором 1102 г. с Польшей Святополк Изяславич скрепил в 1104 г. свой союз с Венгрией, выдав дочь Предславу «в Угры за королевич», т. е., видимо, за герцога Альмоша[35]. Традиция связывает с именем Кальмана появление русского отряда

королевских телохранителей — «русские [его] королевского величества», которые жили в «русском городе» Оросвар; оставаясь свободными людьми, они охраняли входы и ворота королевской резиденции [36]. Если это правдоподобное [37] известие подразумевает не только славянское население собственно Венгрии, то можно считать, что с потерей русского корпуса Византией он появился за Карпатами. Любезные разъяснения коллег профессоров Д. Дьёрффи и И. Шинковича позволяют видеть в Оросваре поселение, лежащее на Дунае к северу от Будапешта — севернее Вышеграда, Ноград и Ваца, близ небольшой крепости Дрегей. Последующие совместные волынско-венгерские действия против Византии подкрепляют этого рода предположение. Мы видели, как Русь и Венгрия не раз энергично поддерживали борьбу союзного Болеслава III с сепаратизмом князей и агрессией со стороны Германии.

Итак, русско-венгерские отношения восходят к истокам обоих государств. Сперва Киев, а затем и Волынь находили в Венгрии союзника в соперничестве с перемышльско-теребовльскими князьями. Русско-венгерский союз содействовал борьбе этих стран с Византией за упрочение позиций в Причерноморье и на Адриатике; наконец, русско-венгерско-польский союз оказал положительное влияние на исход борьбы Польши и Венгрии с имперскими устремлениями Германии.

РУСЬ И ЧЕХИЯ

Древнерусский летописец хорошо понимал общность происхождения восточных и западных славян, когда писал: «Бе един язык словенеск: словени, еже седяху по Дунаеви (их же прияша угри), и морава, и чеси, и ляхове, и поляне (яже ныне зовомая Русь)» [1]. Он сообщает о подунайской родине чехов, откуда «пришедше седоша на реце имянем Морава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася» [2], упоминает он и о войне венгров с Великоморавским государством [3].

Русь издавна поддерживала торговлю с Чехией, что подтверждают и русские и иностранные источники. Тесные политические взаимоотношения, вероятно имевшие немалую давность, мы видим при Владимире Святославиче. Он жил в мире и имел договоры (любы) с одним из «окольных» Руси — чешским князем Андрихом, т. е. Олдржихом (1012—1034) [4]. Но союз возник раньше, ибо среди жен Владимира была чешка, вероятно княжеского рода; от нее родился Вышеслав, старший сын Владимира [5], княживший в Новгороде. Новгородско-чешские связи не случайны: полагают, что Владимир вступил в этот брак, будучи новгородским князем [6]. В последующий период тоже существовали новгородско-чешские контакты.

Сказанное предполагает обмен посольствами, дарами между князьями Чехии и Руси, а может быть, и политическое сотрудничество двух стран. Известно, что древний торговый путь из Руси на Прагу лежал через Краков, бывший, вероятно, в 966—992 гг. под властью Чехии. Чешско-польские отношения не были тогда дружественными, и возможно, что Владимир Святославич использовал союз с Чехией в своей хорвато-дулебской (перемышльско-червенской) политике. Именно в этом духе отнесся он и к начатой Мешко I в 985 г. борьбе с Чехией за Малую Польшу и Силезию. Болеслав I Храбрый рассматривал в 992 г. это вмешательство как войну против Польши.

Русь и Чехия были в одном лагере и во время событий 1029—1031 гг., когда Бржетислав, сын Олдржиха, высту-

пал против Польши, а Ярослав Мудрый занял Белз. Именно на время Бржетислава I (1034—1055) падает расцвет основанного в 1032 г. монастыря св. Прокопа на Сазаве — известного центра чешско-русского культурного общения [7]. Это общение позволяет думать о более прочных (чем отражено в хрониках) межгосударственных связях: чешское церковнославянское наследство (легенда о св. Вацлаве, житие св. Людмилы и др.) в немалой части уцелело именно на Руси [8]; после разделения церквей (1054 г.) эти связи затруднились, но отнюдь не заглохли. Русские святыни проникали в Чехию: «мощи» канонизированных в 1072 г. Бориса и Глеба уже в 1096 г. находились в одном из алтарей Сазавского монастыря [9]. В 80-е годы XI в. князь Вратислав II (1061—1092) настаивал (впрочем, тщетно) перед папой Григорием VII на признании свободы славянского богослужения в Чехии. Именно к этому времени может относиться и составление подложной учредительной грамоты пражского епископства с ее миссийными границами до Буга и Стыри [10].

В годы борьбы преемников Ярослава Мудрого за власть черниговская группировка князей имела, правда недолго, союз с Болеславом II и поддержала в 1076 г. его войну с чешским Вратиславом II. О русском участии в этой войне говорится и в летописи и в Поучении Владимира Мономаха, который вспоминал: «Та посла мя [вместе с Олегом Святославичем [11]] Святослав в ляхы, ходив за Глоговы [Глогов — город в Силезии] до Чешьского леса [12]; ходив в земли их 4 месяца» [13]. Поход, видимо, не принес Польше решающего успеха, а черниговско-польский союз вскоре расстроился. При чешском дворе в 80-х годах XI в. обсуждался вопрос о династийном союзе с «королем руссов» [14].

Возможно, что в этих условиях противник Чернигова волынский князь Изяслав Ярославич искал контактов с Чехией [15]; во всяком случае волынско-киевский Святополк Изяславич, хотя и находился в разных лагерях с чешским двором, поддерживая венгеро-польский союз, дипломатических отношений с Чехией не порывал и в 1111 г. извещал ее о победе над половцами [16].

Следовательно, мирный союз с Чехией в пору единства Древней Руси сменился неодинаковым отношением к ней княжеских группировок: черниговская группировка была Чехии враждебна, волынская не избегала сближения, которое окрепнет в последующий период.

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ

Мы видели, что восточнославянские земли еще до их объединения в одно государство участвовали в международной политике Северной и Восточной Европы; то же было и на юге. Установлению межгосударственных договорных отношений Руси с Византией предшествовали очень давние, вековые связи с ней отдельных земель восточнославянской конфедерации. Иначе и не могло быть. Вспомним о важной роли восточных славян в отношениях с соседними оседлыми (булгарами), полуоседлыми (хазарами) и кочевыми (в частности, венграми) народами и с враждебными Византии арабами.

Служба русских наемных дружин в Византии — отраженное свидетельство этих связей, в первую очередь Полянской земли (о чем говорит наша летопись), а также тех земель, что лежали вблизи важных торговых путей, Тиверской, Уличской, Дулебской и Хорватской. Экономические корни этих отношений окрепли с той поры, как в VII в. арабский мир стал теснить Византийскую империю [1] и роль земель к северу от Черного моря в жизни Византии возросла. Примеров службы Византии русских дружин и их набегов на византийские владения много, и они позволяют думать, что князья отдельных земель конфедерации уже имели какие-то договоры с Византией касательно торговли и войны.

В русско-византийских отношениях IX век стал переломным: из восточнославянского союза земель постепенно консолидируется Древнерусское государство. Понятно, что Византия противодействовала его возникновению. Русь, выходя в качестве нового государства на берега Черного моря, Дуная и Волги на арену мировой политики, встретилась с Византийской империей, которая при македонской династии (867—1056) была страной по общественному строю и культуре гораздо более передовой, но притом политически реакционной; страной, искушенной в дипломатии, подчинившей 20 народов, имевшей в казне

десятки миллионов золотых монет и располагавшей 120 тыс. воинов [2]. Она опиралась в северном Причерноморье на Херсон [3] и сверх того имела давние союзы с печенегами, хазарами, волжскими булгарами.

Накануне образования Древнерусского государства мы видим Византию строящей крепость Саркел в Хазарии (30-е годы IX в.) [4], вероятно, для ограждения своих причерноморских владений от Руси [5]. Столкновения [6] перемежались мирными отношениями, ибо в 838 г. какие-то двое руссов, видимо послы, родом шведы, прибыли в Ингельгейм к Людовику Благочестивому (814—841) вместе с византийским посольством от Феофила (829—842), который просил императора пропустить их (несмотря на норманское происхождение) через свои владения, ибо путь из Константинополя посланцев на родину занят жестокими варварскими племенами [7] (как полагают, венграми [8]). Эти послы были отправлены их каганом для заключения союза с Византией (amicitiae petitores).

Пропустил ли Людовик этих служивших Руси норманов в Словенскую землю, мы не знаем, но мирные связи между Русью и Византией налицо. Впрочем, они не были устойчивыми — уже между 806—842 гг. Русь нападала на Амастриду в Малой Азии и на восточное побережье Крыма «от Корсуня [Херсона] до Корча [Керчи]», на Сурож в Крыму [9], пользуясь тем, что Византия была отвлечена арабскими и болгарскими войнами [10].

Наша летопись содержит специально подобранные сведения о Византии, и, конечно, не случайно появление Руси в качестве самостоятельного государства («нача ся прозывати Руска земля») подкреплено ссылкой на ее упоминание в византийской хронике времен императора Михаила III (842—867) — «яко при сем цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречьстемь» [11].

В летописи следует и доказательство этого утверждения: у новгородского князя Рюрика были два боярина Аскольд и Дир, которые у него «испросистася [итти] ко Царюгороду с родом своим» [12]; едва ли они шли завоевывать Византию, скорее — служить ей. По пути, как это в жизни бывало, они овладели Киевом и стали княжить [13] и уж затем, собрав войско, вышли на черноморское побережье. Следовательно, с 838 г. положение изменилось, и местные кочевники теперь вошли в соглашение с Русью.

Если это венгры, то в 862 г. они сами ходили в глубь Европы. Итак, на 200 судах руссы направились против Михаила III, занятого войной с «агарянами», т. е. арабами Сицилии. Считая даже по 40 человек на судно [14], войско Аскольда и Дира не превышало 8 тыс. человек.

Они неожиданно прорвались через Босфор в Мраморное море к Константинополю и осадили его; по призыву эпарха император воротился из похода; он «едва в град внидс». Вместе с патриархом Фотием он будто бы прибег к молитве, которая помогла. Поднялась буря, разметала русские суда, часть прибила к берегу, где большинство воинов было перебито, и мало их вернулось домой.

В греческой хронике продолжателя Амартола текста об Аскольде и Дире не было: его вставил древнерусский переводчик [15]. Поход отразился и в современных событию проповедях патриарха Фотия, который в первой проповеди с ужасом говорил о нависшей над столицей угрозе и подчеркивал, что Русь объединялась и крепла («пресловутый народ рос, поработив области вокруг себя и возомнив поэтому о себе высоко, поднял руку на царство ромеев») и что Константинополь едва не погиб от русских мечей [16]. Это произошло 18 июня 860 г. и подтверждается также Никитой Пафлагонским (IX в.) [17] и византийскими хронистами X в.— продолжателем Феофана [18] и Симеоном Логофетом [19]. Венецианский хронист Иоанн Дьякон (начало XI в.) даже утверждает, что руссы (он их именует норманами) имели 360 судов и ушли «с триумфом» [20]. Об этом набеге упоминал с иронией в письме к императору и папа Николай I [21], который знал и о последовавшем вскоре набеге руссов на Абесгун. Руссы умело выбрали время похода и выступили против Византии одновременно с арабами.

Этот поход Руси вызвал усиление дипломатической активности Византии в Хазарии, куда было направлено посольство, в состав которого входил Кирилл, подвизавшийся тогда вместе с Мефодием в Крыму. Вскоре, видимо, был вновь восстановлен мир и скреплен договором. Константин Багрянородный в биографии своего деда императора Василия I (867—886) писал: «Богатыми дарами, золотом, серебром и шелковыми одеждами он привел народ россов, воинственный и безбожный, к переговорам и, заключив с ними мирный договор, он их убедил принять святое крещение и устроил [это дело] таким образом, что они приняли архиепископа, посланного патриархом Игнатием [866—

877]. Архиепископ, который явился в страну этого народа, был там принят доброжелательно. Князь этого народа созвал собрание своих подданных, возглавил его со своими старейшинами... позвал [архиепископа] и спросил, что он может им сообщить и чему научить...» Своей проповедью и чудом с неопалимым евангелием тот склонил «варваров» к вере[22].

Следовательно, при императоре Василии I состоялся обмен посольствами между Русью и Византией, был заключен договор мира и дружбы и крестилась какая-то часть руссов. Точная датировка этого договора едва ли возможна[23], но важен сам факт.

Следующий поход на Византию падает на 907 г. и позволяет уже в некоторой мере судить о внешнеполитических целях русской феодальной знати. И на этот раз Русь выбрала удобный момент, когда правительство императора Льва VI (886—912), лишь недавно проигравшее войну и обязавшееся по договору 904 г. платить дань Болгарии, было втянуто в борьбу мятежным феодалом Андроником Дукой, поддержанным арабами[24]. Во главе 80-тысячного войска, собранного из подвластных Киеву земель, включая юго-западных хорватов, дулебов и тиверцев (с последними и дулебами он когда-то воевал) при участии варягов Олег (879—912) на 2000 судов напал на Византию и, повоевав окрестности столицы, добился заключения договора 907 г. Не случайно император Лев VI в своем сочинении «Тактика» предусматривал две наиболее типичные возможности сражения греческого флота на море — с арабами и с русскими[25].

Вопрос о походе и характере договора 907 г. остается дискуссионным[26]. Со своей стороны напомню, что стоило бы привлечь болгарско-византийские договоры, которых к этому времени было уже десять; их исследователь И. Свеньцицкий высказал плодотворную догадку о перезаключении договоров при каждой смене императора[27]. Примечательно и совпадение с событиями 907—911 гг. русского похода на Кавказ (см. стр. 99).

Согласно договору Олег будто бы получил 12 гривен на «ключ», т. е. на руль, на корабль (первоначально он требовал эту сумму на каждого воина), что составило огромную дань в 24 тыс. гривен[28]. Это одновременно и межгосударственный торговый договор, по которому Русь получила право беспошлинной торговли с Византией; это юри-

дически зрелый договор, и, вероятно, он лишь зафиксировал и объединил нормы, уже бытовавшие в прежних соглашениях отдельных восточнославянских земель с Византией. Торговые связи были так устойчивы и широки, что Древнерусское государство имело все основания добиваться их прочных договорных гарантий для всех земель недавно объединившейся страны. Этот договор — несомненный внешнеполитический успех Руси. О каких-либо территориальных приобретениях в договоре речи нет.

На время Олега падает и договор-уряд с Византией от 2 сентября 911 г. Договор заключен от имени «великого князя рускаго и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь, и его великих бояр», т. е. от имени главы государства и его вассалов (подручников). Это договор о мире и дружбе: «на удержание и на извещение от многих лет межи христианы и Русью бывьшюю любовь»[29]. Он предусматривает свободный наем русских дружин в византийское войско (всякий русский воин, пришедший в рядах войска, посланного из Руси на помощь императору или иным путем, может при желании остаться в Византии на службе)[30]; наконец, в нем есть и статья о взаимной выдаче государственных преступников-злодеев[31].

Договор основан на нормах русского и византийского права (уголовного, вещного, наследственного и т. д.), которые возвышены в нормы права международного, пригодного и обязательного для обеих сторон. Этим договором Русь обеспечивала своим послам, купцам и служившим в Византии наемникам личную безопасность от убийства и побоев, а также сохранность их челяди и другого имущества от хищения или отъема и при жизни владельца и после его смерти. Последняя статья, как полагают, древнейшая норма международного частного права средневековья[32]. Предусмотрен был и взаимный возврат пленных за выкуп. Специального внимания заслуживают статьи, относящиеся к торговле.

Договор был скреплен «писанием и клятвою», а русских послов (ими были 13 варягов) император Лев VI почтил богатыми дарами (золотом и драгоценными тканями); специальные придворные познакомили их с церковными достопримечательностями Константинополя[33]. Летописец, подводя итоги княжения Олега, отмечает, что он правил «мир имея ко всем странам»[34], т. е., видимо, заключил договоры с рядом государств, помимо Византии.

Факты позволяют думать, что договор применялся обеими сторонами к взаимной выгоде и оставлял им свободу рук относительно других стран: уже в 911—912 гг. отряд из 700 русских воинов участвовал в походе византийского флотоводца Имерия против арабов на Крит [35] В годы княжения Игоря (913—945) договор сохранялся, как можно судить по позднейшей записи в новгородской летописи о том, что возложенную на греков Олегом дань они «дають доселе княземъ рускым» [36].

Время императора Романа Лакапина (919—944) характеризуется упадком Багдадского халифата и расширением восточных границ империи; победами болгар царя Симеона, выступавшего в союзе с Египтом, сильно сократившим западные границы империи, принужденной подписать невыгодный мир 927 г.; наконец, расширением борьбы за Италию (где на юге властвовала Византия), куда устремляются германские императоры со времен Оттона I. В этих условиях внешнеполитическая позиция Руси должна была интересовать не только византийский двор, искавший союзов в печенежской степи, но и арабских халифов и германских императоров; последних также в связи с их борьбой против венгров (933, 955 гг.).

Мы наблюдаем сохранение русско-византийского союза и участие русских дружин в итальянской и французской политике Византии: в 934 г. 7 судов с русскими (415 человек) находились в эскадре из 18 судов патрикия Косьмы, которого император Роман послал в Лангобардию; в 935 г., может быть, они же в составе эскадры протоспафария Епифания ходили к берегам южной Франции, где он заключил договор с Гуго Провансальским [37].

Союз нарушил в 941 г. Игорь, который, презрев «клятвенные договоры» [38] 907 и 911 гг., пошел на Византию. Этот поход отразился и в нашей летописи [39] (соединившей русское предание с греческими источниками [40]), в греческих хрониках [41], в хронике кремонского (в Ломбардии) епископа Лиутпранда (X в.) [42] и в сочинениях восточных авторов. Согласно летописи в походе с Игорем было 10 тыс. судов, по Лиутпранду — 1 тыс. [43] Ясно одно, это войско порядка нескольких десятков тысяч человек. Император был загодя извещен о походе Болгарией [44] и, может быть, херсонским стратигом [45].

Исследователи сходятся на том, что русские, высадившись на побережье в Малой Азии, повоевали Вифинию, Никомидию и черноморский берег до Иракдеи и Пафлаго-

нии. Бесспорно и их поражение в морской битве (видимо, 8 июня 941 г.) [46]. Лиутпранд, посещавший Константинополь в 968 г., со слов очевидца красочно описывает жалкое состояние императорского флота и лихорадочное вооружение старых кораблей сифонами-огнеметами, которые и решили исход битвы, предав пламени напавшие на греков по приказу Игоря («который велел своим взять их [корабли] в плен, но воинов не убивать») русские суда [47]. Вернувшиеся с Игорем (может быть, через Азовское море во избежание печенежских засад на Днепре) на Русь воины справедливо говорили, что греки победили огнем, а не мужеством. Поход отнюдь не ослабил Русь: Игорь стал собирать «вое многи», а также послал «по варяги многи» [48]. На 944 г. приходится русский поход в Закавказье и, быть может, на Херсон (Корсунь), судя по его упоминанию в договоре этого года. Уже В. В. Бартольд заметил, что русские походы на Каспий «странно совпадали с походами на Византию» [49]. А. П. Новосельцев старается вскрыть их внутреннюю связь (см. стр. 101).

Игорю удалось собрать большое русское войско (включавшее и тиверцев), подкрепленное варягами и наемными печенегами, и двинуть его «в лодьях и на коних» к Нижнему Дунаю, видимо, уже тогда бывшему границей Руси. И Болгария и Херсон вновь известили Византию об опасности. Император направил к Игорю знатных послов («лучие боляре»), предлагая взять дань, бóльшую, чем «имал Олег»; кроме того, он послал много золота и дорогих тканей печенежским ханам, видимо, склоняя их к миру. Заинтересованность Византии в поддержании мирных торгово-политических связей с Русью очевидна.

На Дунае Игорь созвал свою дружину и «нача думати» над предложением Византии. Мнение дружины свидетельствует, что поход не преследовал территориальных приобретений: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно,— не бившись взять золото, и серебро и ткани? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто заодно? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем одна смерть!» [50] Игорь согласился с дружиной и пошел на мир с императором, взяв с него золото и ткани на всех воинов. Повелев печенегам воевать Болгарию, союзную Византии, князь увел войско назад.

Вскоре в Киев прибыли византийские послы и вели переговоры о восстановлении мира (как «построити мира

первого»). Потом князь отправил своих мужей в Константинополь: это были государственные представители — «от рода рускаго сълы и гостье»; среди них Ивор, посол Игоря, общие послы (от князей, чьи земли — Словенская, Полянская, Кривичская, Тиверская — особенно активно участвовали в походе и, видимо, имели давние связи с империей) — от Святослава Игоревича, от Ольги, жены Игоря, от его племянников Игоря и Акуна, от князя Володислава (судя по имени, из земель, пограничных западнославянским), от княгини Предславы и других, а также представители «от всякого княжья и от всих людий Рускиа земля» и, наконец, купцы (в большинстве случаев норманы).

Император Роман созвал «бояре и сановники», которые выслушали предложения сторон, и был оформлен договор; с русской стороны его заключили «князь наш Игорь, и князи и боляри его и людье все рустии». Это был договор о вечном мире, взаимопомощи и торговле. Обязательство взаимопомощи сформулировано в двух статьях: «Аще просить вои у нас князь Руский, да воюеть, дамы ему, елико ему будеть требе» (ст. 8, часть 2) и «Аще ли хотети начнеть наше цесарьство от вас вои на противящаяся нам, да пишють к великому князю вашему и послет к нам, елико же хочем» (ст. 15). Окрепла государственная власть на Руси и взяла полностью в свои руки контроль за службой русских подданных в других странах, поэтому статья договора 911 г. о службе добровольцев больше не фигурирует.

Византия в течение столетий искала и будет искать помощи Руси против некоторых правителей арабов (и сменивших их затем турок-сельджуков) с востока, против арабов (и вытеснивших их затем норманов и турок-печенегов и половцев) с запада, против кочевников — с севера. Русь, зная об этой заинтересованности Византии, использовала договоры с ней ради дипломатических выгод в Европе, влияния на степь и страны Кавказа, ради дохода от службы наемных дружин; наконец, она обеспечивала себе устойчивые рынки сбыта и купли.

Важным объектом переговоров стал Херсон — крупный, но слабо защищенный центр византийской торговли и политики в северном Причерноморье. Русь, добившись укрепления своих прав в Керченском проливе (см. стр. 93), видимо, усиливала влияние в Крыму. Поэтому

Херсон еще не раз будет использован ею как козырь в переговорах с Византией. Ныне Русь обязалась не воевать херсонскую страну и ее города (ст. 8, часть 1) и даже взяла на себя ее (видимо, вместе со своими владениями на Тамани и в Крыму) охрану (ст. 8, часть 2) от черных болгар, живших близ Керченского пролива [51] и недавно повоеванных войсками Руси; обещала Русь не мешать херсонцам ловить рыбу в устье Днепра, а своих (вероятно, рыбаков) не оставлять на зиму здесь — ни на о-ве Березань, ни в Белобережье (ст. 10). Договор должен был отразиться на отношениях сторон и с Хазарией [52] и с Булгарией; вероятно, он укрепил позиции юго-западных русских князей в Поднестровье и на Дунае, за который недавно ходили союзные Руси печенеги.

Поскольку со времен договора 911 г. отношения двух держав упрочились, были уточнены статьи, регулирующие взаимные юридические права подданных: предусмотрены гарантии безопасности послов — по предложению русской стороны предъявление ими золотых печатей заменено вручением государственных грамот (ст. 2); вновь определены и усилены гарантии безопасности прибывающим в Византию русским (т. е. послам, купцам, воинам) от убийства (ст. 13) и побоев (ст. 14), а также от кражи их имущества (ст. 5 и 6) и сокрытия их беглой челяди (ст. 3 и 4) [53]. Получили развитие и взаимные обязательства по торговле.

Летопись сообщает и о процедуре ратификации договора: русские послы (среди них и христиане и язычники) взяли клятву с византийского императора, а византийские послы — с русских князей и дружины, которая была уже двоеверной — часть давала церковную клятву, а часть клялась по языческому обычаю, слагая оружие, щиты и доспехи.

Утвердив мир, Игорь отпустил послов, одарив их мехом, челядью и воском. И относительно Игоря летописец, дойдя до конца его княжения, замечает, что тот правил, «мир имея ко всем странам» [54].

На этот раз договор также нашел военное применение: в княжение Ольги (945—969) император Константин Багрянородный (945—959) имел 629 русских наемников-воинов на 9 судах в неудачной экспедиции на Крит (949 г.) [55]. Тогда Византия ничего не достигла на западе, но на востоке Армения и Грузия попадают в сферу ее влияния; ее поддерживает и Русь, по-прежнему заинтересованная в де-

лах Кавказа. Египетский историк Ибн Зафир (1171—1226) сообщает об участии руссов вместе с болгарами и армянами в битве с войсками сирийского эмира Сайф ад-даула у крепости ал-Хадас (954 г.)[56]. Арабский хронист ал-Мас'уди в «Книге предупреждения»[57] (956 г.) отметил, что византийские власти разместили руссов, армян, болгар и печенегов «гарнизонами во многих из своих крепостей», примыкающих к сирийской границе. Это, впрочем, не избавило Византию от необходимости иметь в Мизии, на побережье Дарданелл оборонительные сооружения против русских кораблей[58], а основу безопасности своих владений от Руси (и венгров) видеть в союзе с печенегами[59]. Русские несли не только гарнизонную, но и дворцовую службу: крещеные русские участвовали в придворных церемониях, например в приеме послов тарского эмира[60].

Ввиду сказанного, поездка в Константинополь в 957 г. княгини-христианки Ольги, давно особенно тесно связанной с христианизированной частью дружины[61], представляется вполне закономерной. Поездка была, вероятно, вызвана желанием Ольги ввести на Руси христианство, но добиться этого ей не удалось. Руси пришлось завоевывать суверенное христианство при Владимире. Византийское правительство опасалось вхождения Руси в ранг великих христианских держав. Император лишь «нарек ю дъщерью собе», а патриарх «благослови ю»[62]. Константин решил продолжать игру на печенежско-русских противоречиях. Этим вызвано недовольство княгини поездкой и ее посольство с той же целью ко двору германского императора Оттона I, которое тоже не принесло успеха, но по другой причине (см. стр. 120).

Во время визита Ольги был, вероятно, подтвержден и расширен договор 944 г., и она получила дары, быть может, отчасти в уплату за службу русской дружины. Император «дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя». Новгородский посол XIII в. Добрыня Ядрейкович утверждал даже, что она «взяла дань, ходивше к Царьграду»[63]. В грамоте Константина, переданной послами, прибывшими, вероятно, брать с княгини и ее дружины клятву, говорилось: «Много дарих тя. Ты бо глаголаше ко мне, яко аще возъвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воск и скъру, и вои в помощь»[64]. Словом, если не считать христианизации, круг проблем, волнующих обе страны, прежний.

Посольство Ольги интересно еще тем, что позволяет наблюдать на практике применение статей русско-византийского договора. Случайно уцелевший отрывок денежной сметы на содержание (месячину) посольства дает представление об уровне посольской службы. Поскольку посольство возглавляла великая княгиня, месячное выдали не только на купцов (как следовало бы по статье 2-й договора 944 г. [65]). Ольга имела свиту, включавшую кого-то из ее родичей (анепсий), 8 более отдаленных родственников, 6 родственниц, 20 послов русских князей, 43 (44) купца, священника Григория, 3 переводчиков (из них один — личный княгинин), «людей Святослава», 6 «людей послов» и, наконец, 18 служанок. Всего, следовательно, больше ста человек. Соотношение стоимости месячины (в милиарисиях) [66] хорошо отражает внутреннюю имущественную дифференциацию этой в целом привилегированной группы: Ольга получает 500, ее родич — 30, родственник или родственница — 20, личный переводчик — 15, посол — 12, купец — 12, священник — 8, служанка — 8, человек Святослава — 5, человек посла — 3. Возникает, кстати, вопрос: если в посольстве участвуют, судя по всему, слуги Святослава, то не скрыт ли этот языческий «родич» княгини в наименовании анепсий? В 946 г. он «бе бо детеск», а в момент посольства (если его вообще не следует датировать 954 г.) [67], вероятно, приближался к совершеннолетию. В документе уцелели сведения о двух выплатах посольству месячины — от 9 сентября — не знаем за какой (но, видимо, более чем двухмесячный, быть может включающий и вынужденную задержку посольства на судах) [68] срок, и вторая — от 18 октября — за месяц с лишним. Вторая выплата поэтому меньше первой (впрочем, содержание послов, переводчиков и священника не изменилось), и в ней не фигурирует большая часть слуг.

Можно составить представление и о церемонии посольства на основании записи самого императора Константина. Первый прием состоялся 9 сентября в 4 часа дня: «Княгиня вошла в сопровождении своих родственниц также княгинь и наиболее почетных служанок. Она шла впереди всех женщин, которые шли позади одна за другой по рангу и остановились на том месте, где логофет предлагает [послам] свои обычные вопросы». Из того же написанного Константином «Устава о церемониях» узнаем, что это были официальные вопросы — величание титулами, благо-

пожелания, вопросы о здоровье правящей семьи и пр.[69] «Вслед за ней вошли послы русских князей и купцы и стали позади у завесы»[70]. Ольгу принимали в роскошном зале дворца Мангавры, где, по сообщению продолжателя хроники Феофана, ромейские императоры устраивают встречи тогда, «когда они хотят принять кого-либо из знаменитых и великих людей по гегемонии». Ольга относилась к их числу, ибо из оглавления к «Уставу о церемониях» узнаем, что она имела титул «игемона и архонтиссы руссов»[71]. Принимая Ольгу, император Константин сидел на Соломоновом золотом троне, усыпанном драгоценными камнями, в окружении золотых поющих птиц и золотых рычащих львов; играл орган; сам трон по желанию императора мог вознестись с ним к потолку. После беседы с логофетом внесли привезенные княгиней дары, и музыка стихла. С поклоном, под звуки возобновившейся музыки Ольга удалилась[72].

Затем состоялись приемы в покоях императрицы в присутствии ее двора и беседа с императором и императрицей в их внутренних покоях. На званом обеде у императрицы в тот же день Ольге накрыли особый стол, где она сидела между двумя высшими придворными дамами; обедавших развлекали шуты, эквилибристы; выступали певчие из храмов св. Софии и св. апостолов. В то же время в золотой палате император давал почетный пир мужской части посольства — послам, их людям, родственникам Ольги и купцам. Здесь они получили уже упомянутые дары. За десертом, устроенным императорской четой для Ольги, ей вручили золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями, и золото, а также одарили ее родственниц и служанок, которые, входя, падали ниц, а Ольга наклонением головы как бы представляла их императору.

Прощальный прием у императорской семьи прошел 18 октября в Золотой палате, где в отклонение от установленного порядка Ольга сидела за одним столом с императором. Летопись знает, что, принимая Ольгу, «удививъся царь разуму ея, беседова к ней»[73]. Здесь были вручены новые дары.

Русско-византийский союз сохранялся и после визита Ольги: при императоре Романе II (959—963) русское войско участвовало в 960—961 гг. в отвоевании Никифором Фокой о-ва Крита у арабов[74]. Правление самого Никифора Фоки (963—969) — время успешных войн Византии с

арабами, у которых она отбирает Кипр, Киликию и сирийскую столицу Антиохию (969 г.) [75]. В неудачной экспедиции византийцев в 964 г. на о-в Сицилию также участвовало русское войско [76]. Набирая силу, Русь коренным образом меняет политическую обстановку в Причерноморье.

В ближайшие 964—966 гг. Святослав присоединяет к Руси Вятичскую землю и предпринимает решительные походы на Хазарию, Булгарию, Кавказ (см. стр. 93—94). Под угрозой оказался Херсон и другие захваченные Византией крымские земли. Занятая арабскими войнами и не желающая платить дань распавшейся в 963 г. на два княжества Болгарии [77] Византия решила прибегнуть к тройной игре: толкнуть Русь на Болгарию, а печенегов — на Русь. События болгаро-византийских походов Святослава отразились в основном, помимо летописи, в византийских придворных хрониках — Льва Дьякона (конец X в.), Иоанна Скилицы (XI в.), дошедшей в составе синопсиса Кедрена (XI — начало XII в.) и Иоанна Зонары (XII в.), а также в хронике антиохийца Яхьи (XI в.), в армянской летописи Асохика (X — начало XI в.) [78] и в отчете посла Оттона I кремонского епископа Лиутпранда (968 г.).

Походу предшествовали переговоры, а около 967 г. в Киев прибыл византийский посол патрикий Калокир из Херсона и привез Святославу 1500 фунтов золота — аванс за предстоящий поход на Болгарию [79]. Так впервые мы узнаем, что русская военная помощь Византии обходилась последней недешево. Святослав принял предложение. Более того, он взял Калокира под свое покровительство, и тот участвовал в его походе в качестве претендента на византийский престол. С 60-тысячным войском Святослав по пути второго похода Игоря спустился Днепром и побережьем прошел на Нижний Дунай. Болгарский царь Петр был застигнут врасплох, а его 30-тысячное войско заперлось в Доростоле (Силистрии) [80]. Летопись сообщает, что Святослав «одоле» болгар и «взя город 80 по Дунаеви и седе княжа ту в Переяславци [Малый Преслав на болгарском берегу], емля дань на грьцех» [81]. Переяславец — важный торговый пункт, другие города придунайские лежали вдоль побережья, в районе нынешней Добруджи. Подунайские города и их жители еще не раз будут объектом русско-византийских столкновений. Заняв Малый Преслав и утвердив тут свою власть («чюжея земли ищеши и блюде-

ни»,— говорили ему киевляне), Святослав, видимо заключил какое-то соглашение с Византией. Быть может, оно было тройственным — русско-болгарско-византийским, ибо в 968 г. император отказался платить Болгарии предусмотренную договором 927 г. дань[82]. Святослав мог стать правопреемником части этой дани. Словом, Византия бросила свое золото на ветер: Русь не ослабла, а усилилась.

Воюя против Сирии, Никифор не мог сражаться с Русью, он искал союзников в Западной Болгарии[83] и направил на Русь печенегов. Однако киевляне и подоспевшая из Болгарии княжая дружина отстояли от них Киев. Похоронив здесь в 969 г. Ольгу и оставив сыновей наместниками: Ярополка — в Киеве, Олега — в Древлянской, а Владимира — в Новгородской землях, сам Святослав ушел княжить в Переяславец и другие «дунайские города», туда, где позднее будут искать прибежища воинственные, но малоудачливые князья — изгои, туда, где Святослав надеялся разбогатеть от торговли с Византией, Венгрией, Чехией. С последней у него, возможно, был союз, если допустить, что уже в это время он женил Владимира на чешской княжне.

Однако в восточной части Болгарии власть перешла к царю Борису II (969—972), чьи воины «затворишася» в Великом Преславе[84]. Святослав, помимо русской рати, имел венгерских[85] и печенежских[86] союзников — произошло то, чего так опасался император Константин. Войско Святослава приступом («копьем») взяло болгарскую столицу Великий Преслав, где захватило в плен болгарское царское семейство. Царь Борис стал вассалом Святослава, который сохранил за ним титул, регалии и казну. Здесь остался русско-болгарский гарнизон Сфенкела.

Тогда у Святослава родилась идея похода на Константинополь, о чем он и известил греков, вероятно, требуя признания своей власти над восточной Болгарией и возобновления старого договора. Судя по летописи, Византия — ее императором сделался Иоанн Цимисхий (969—976) — завязала новые переговоры, предлагая князю дань («возми дань на нас [себе] и на дружину свою»). Кажется, Святослав согласился, но греки «не даша дани», а послали войско.

Русские рати разбили его, а весной и летом 970 г. перевалили через Балканский хребет и повоевали Фракию: «И поиде Святослав ко [Царь]граду, воюя и грады разби-

вая, я же стоять и до днешняго [около середины XI в.] дне пусты». Достойно внимания, что летом этого года и император Оттон I воевал против Византии в Апулии. Войска Святослава взяли Пловдив (Филиппополь) и через Адрианополь дошли до Аркадиополя (ныне Люле-Бургас). Русско-болгарские отношения были тесными; у армянского современника Асохика сложилось убеждение, что болгары сражались против Цимисхия «при помощи Руси» [87]. Это был крупный дипломатический успех Святослава.

Правительство Цимисхия, судя по летописи, продолжает искать соглашения, предлагая: «Не ходи к [Царь]граду, возми дань, еже хощеши». Угроза нависла над столицей — «за малом бо бе не дошел [Святослав] Царяграда». Лев Дьякон говорит, что Святослав потребовал выкуп за взятые города, пригрозив изгнанием ромеев из Европы [88]. Византия отчаянно защищалась — при Аркадиополе полководец Варда Склир и патрикий Петр (прославившийся при захвате Антиохии) одолели рать Святослава. Вероятно, здесь было заключено какое-то соглашение, по которому греки «даша ему дань» и на живых и на убитых воинов (для передачи семьям — «имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко род его возметь»). С дарами и данью Святослав увел войско за Балканы. Оно понесло большие потери («беша бо мнози погибли на полку»), и Святослав, опасаясь, что не удержится в Болгарии, собирался вернуться на Русь и привести «боле дружины». Видимо, русско-греческую войну он считал законченной и думал, как, не опасаясь измены («лести»), удержать восточную Болгарию. О дальнейших событиях узнаем из греческих хроник.

Святослав находился в Доростоле, когда весной 971 г. стало известно о неожиданном вторжении войск Цимисхия в Болгарию через оставленные без стражи горные дороги и о приходе судов с греческим огнем в устье Дуная. Почти 30-тысячное греческое войско после двухдневной осады, в которой гибнет русско-болгарский гарнизон (и лишь Сфенкел с отрядом уходит в Доростол), берет 14 апреля Великий Преслав. Цимисхий привлекает на свою сторону часть болгарской знати, а также находит союзников в печенежской степи. Святослав оттягивает свои силы из болгарских городов в Доростол. После упорной борьбы с осаждавшими Доростол с суши и с реки византийцами Святослав дал 21 июля [89] последнее сражение под крепостью и, не одолев их, вступил в новые переговоры.

Характерно, что Цимисхий даже не пытался захватить Святослава и его еще уцелевшую 22-тысячную рать. Встреча двух полководцев на Дунае и переговоры между ними, судя по хронике Льва, прошли с полным соблюдением дипломатической процедуры. Наш летописец объясняет переговоры недостаточностью у Святослава войск: «А Руска земля далеча, а печенези с нами ратьни, а кто ны поможеть? — говорил на совете дружины князь.— Но створим мир со царем, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно нам»,— он имел в виду старое соглашение об укладах. А средство давления на Византию всегда найдется: «Аще ли почнет не управляти дани, да изнова, из Руси, совкупивше вои множайша, поидем Царюгороду».

Предложения Святослава, написанные на пергаменте и скрепленные его печатью, были переданы русским послом Цимисхию, который им «рад бысть». Это понятно, ибо в восстанавливаемый прежний договор Святослав внес некоторые новые статьи политического характера. Он обязался не нападать с русскими или наемными иноязычными войсками на Византию и ее владения («страну вашю и елико есть под властью гречьскою»), во-вторых, на Херсонскую землю («на власть Корсуньскую и елико есть городов их»), в-третьих, на Болгарию («ни на страну болгарьску»)[90]. Наконец, Святослав обещал быть союзником Византии в случае нападения на нее («да аще ин кто помыслить на страну вашю, да и аз буду противен ему и борюся с ним»). Лев Дьякон говорит и об обязательствах Византии: тавроскифы, т. е. русские, должны отдать ромеям Доростол, отослать пленных, выйти из Мизии (Болгарии) и возвратиться в свое отечество, а ромеи должны позволить им безопасно отплыть на своих судах, не нападая на них с огненосными кораблями, доставить им продовольствие и считать посланных для торговли в Константинополь по-прежнему друзьями. Император «охотно» принял этот договор и дал каждому из воинов Святослава по две меры хлеба в дорогу[91]. Следовательно, восстанавливался довоенный порядок, с той лишь разницей, что военные обязательства Руси приобрели односторонний характер. Однако, как увидим, это было только на пергаменте.

Нижний Дунай остался русско-византийской границей; Восточная Болгария утратила независимость, царь Борис был детронизован и превратился в магистра, его венец уб-

рали в храм св. Софии Константинополя; его младший брат Роман был оскоплен по приказу императора[92]. Западноболгарское царство (с 976 г.) просуществовало еще в течение полустолетия.

Святослав, как сообщали печенегам болгары, шел в Русь на судах, «взем именье много у грек и полон [болгарский?] бещислен», но с малой дружиной. Когда союзные Цимисхию печенеги перекрыли пороги, Святослав, игнорируя русско-византийский договор 944 г., остался зимовать в Белобережье. Его дружина, ослабленная голодом, была перебита печенегами, чей хан Куря сделал себе из черепа Святослава чашу для вина[93].

При Ярополке Святославиче (973—980) источники ничего не говорят о русско-византийских отношениях, хотя этот князь был женат на «грекине» — красавице монахине, которую «привел», видимо, в полоне еще Святослав. После убийства Ярополка ее взял в жены Владимир Святославич (980—1015). Он поддерживал дипломатические отношения с Византией, куда сбыл в 980 г. отряд наемников-варягов, сопроводив его (в соответствии с договором 944 г.) грамотой императору Василию II Болгаробойце (976—1025). В его правление Византия сумела в последний раз укрепить свое могущество от Дуная до Евфрата, в Болгарии и на Кавказе.

Примечательно, что даже в эту пору она не могла обойтись без союза с Русью, которая становится в ряд великих христианских держав средневекового мира. Эта важная для международного положения Руси перемена произошла далеко не мирно, не путем благодетельного просвещения: фактически древнерусские феодалы завоевали своему государству христианизацию. Борьба с мятежными малоазийскими аристократами во главе с Вардой Фокой, решительные действия враждебного ему западноболгарского царя Самуила поставили Василия II в труднейшее положение. Большими уступками купил он мир Каира[94], еще больших уступок потребовал от него Киев, куда он отправил посольство за помощью[95]. Дело осложнялось тем, что у Руси имелся какой-то союз с Западноболгарским царством: хронист Лев Дьякон сообщает, что в битве 986 г. при Сердике, принесшей победу болгарам, он сам чудом избежал скифского меча[96], современный поэт Иоанн Геометр прямо писал о русско-болгарском союзе против Византии[97].

В нашей летописи этих известий нет (посольство отразилось в ней как приезд миссионеров)[98], но в хронике антиохийца Яхьи читаем, что «истощились его [Василия II] богатства и побудила его нужда послать к царю руссов,— а они его враги,— чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве и женился царь руссов на сестре царя Василия после того, как тот поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий... И когда решено было между ними дело о браке, прибыли войска руссов...»[99] Древнерусский источник XI в. «Память и похвала князю русскому Владимиру» монаха Якова датирует крещение 987 г.[100]

Греческие хронисты знают, что летом 988 г. 6-тысячный русско-варяжский отряд спасает войско императора в битве с Вардой Фокой при Хрисополе, где Василий II, «изготовив ночью корабли и посадив на них руссов — ибо он успел призвать их на помощь и сделать князя их Владимира своим родственником, женив [его] на сестре своей Анне,— неожиданно переправляется с ними и, напав на врагов, легко овладевает последними»[101]. Быть может, действительно Владимир лично участвовал в этом походе, а затем, оставив отряд, сам ушел на Русь[102]. Этот отряд сражался 13 апреля 989 г. под Авидосом (на побережье в Малой Азии), где мятежный Варда сложил голову[103]. В этих событиях есть один важный пункт, связанный с русской политикой в Хазарии, Булгарии и на Кавказе,— поход войск Владимира и взятие ими Херсона 7—13 апреля 989 г.[104], откуда недавний союзник грозил империи: «Створю [Царь]граду вашему, яко же и сему створих». По летописной версии именно этот поход и понудил империю согласиться на брак Анны с Владимиром[105].

Как бы то ни было, крещение самого Владимира (987 г.), союз с Византией (988 г.), христианизация Руси (990 г.) и брак с Анной, сестрой императора (которому Владимир возвратил Херсон в виде приданого за невесту), стали фактом. Случилось то, что еще недавно считал невозможным император Константин[106]. Текст договора 988 г. не сохранился, но можно думать, что он отменял соглашение Святослава с Цимисхием (971 г.). С учетом прежних договоров был, вероятно, выработан документ, легший в основу нового равноправного союза двух держав. Изменены были и торговые статьи.

Принятие христианства именно по православному обряду произошло вовсе не «токмо от благого помысла и остроумия» Владимира, как казалось митрополиту XI в. Илариону [107]. Советские историки установили, что феодальная Русь нуждалась в классовой религии. Исследования наших и зарубежных авторов показали, что в длительном процессе христианизации Руси [108] свою роль сыграли и Болгария [109] и Чехия [110], что правители и католического и мусульманского миров хотели видеть Русь своим союзником и что записанное в летописи предание (при всей анахроничности и курьезности его [111]) о прибытии на Русь еврейского (хазарского), мусульманского (булгарского), католического (немецкого) и православного (византийского) церковно-политических посольств имеет в основе вполне здравую мысль о внимании правительства Владимира к международным последствиям выбора именно константинопольской патриархии в качестве церковного эпицентра Руси. Я не касаюсь здесь характера церковной организации на Руси, где, быть может, церковная митрополичья иерархия вполне сложилась лишь к 1037 г., и вполне возможно, что кафедру должны были попеременно занимать то грек, то русский, как это утверждает Григора [112]. Хочу отметить, что Владимир вывез из Херсона в Киев церковные сосуды и священников во главе с Анастасом (оказавшимся, как мы видели, изменником); доставлены были в Киев и мощи св. Климента [113], которым будет суждено сыграть некоторую роль в политической борьбе XII в. Киевские книжники придали позднее (не ранее конца XI в.) тексту о крещении Руси антиеретическую [114] и антикатолическую [115] направленность, отметив и предназначенную Руси роль в «просвещении» подвластных ей неславянских народов.

Церковь в лице митрополита, епископов, священников, паломников стала влиятельным элементом и внешней политики и самой дипломатической службы. Принятие христианства содействовало русско-византийскому культурному сближению; оно было прогрессивным явлением, в оценке которого допускались ненужные крайности нигилистического и апологетического характера. Серьезные исследования (Г. К. Вагнера, В. И. Левицкой и др.) свидетельствуют [116], что даже в таких сферах христианской культуры на Руси, как мозаичная живопись, храмовая архитектура и т. п., широко участвовали местные техниче-

ские и художественные силы. Да и в самой структуре и в порядках церкви на Руси было немало своеобразного[117].

Принятие христианства Русью отнюдь не устранило былых противоречий, оно изменило их форму, лишив Византию ореола просветителя и облегчив Руси поиски союзов среди других христианских государств Европы. Это отлично понимали в Константинополе. В трактате «De castrametatione», относимом ко времени Василия II, специально говорится о важности иметь лазутчиков на Руси: «И не только относительно болгар надлежит иметь таких соглядатаев доместику и пограничным стратигам, но и относительно остальных соседних народов, как-то: Печенегия, Туркия [Венгрия] и Рос[с]ия, чтобы нам ведомы были все их замыслы»[118]. Вероятно, с созданием митрополичьего церковного аппарата возможности подобного рода значительно расширились, не зря в летописи сохранилось замечание о том, что «суть бо греци лстивы и до сего дни»[119].

По верной догадке В. Г. Васильевского, договором 988 г. был изменен порядок службы русской наемной дружины в Византии — она была преобразована в постоянный 6-тысячный русский корпус, служивший непосредственно императору, несший службу дворцовой гвардии и дислоцированный как в Константинополе, так и в угрожаемых пограничных зонах[120]. Видимо, за службу корпуса шла постоянная дань на Русь, которая следила за его комплектованием как русскими, так и подвластными ей самой варяжскими воинами.

Опыт такой службы корпуса порожден, видимо, русской практикой использования варяжской дружины в Новгороде; позднее подобную службу Киеву нес тюркский корпус и (в годы правления суздальско-галицкой группировки) расположенная где-то неподалеку «галицкая помощь». Такая форма службы легко объяснима условиями средневековья, когда слишком много времени уходило на сбор добровольцев, будь то варягов или русских, за морем.

В русской летописи наступает полувековой перерыв в известиях о Византии, но иностранные источники говорят и о службе там русского корпуса и о других союзных действиях двух стран. Уже в болгарской войне 991—995 гг. отмечена русская пешая и конная гвардия при Василии II[121]; в 999 г. русские сражаются за него в северной Сирии[122]; в 1000 г., по словам летописца Асохика, русский

корпус принес Византии победу в Армении: «Их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время, когда он выдал свою сестру замуж за последнего»[123].

Уже при Святополке в 1016 г. его дядя, некий Сфенг, быть может при поддержке тмутараканского Мстислава Владимировича помог посланному Василием II флоту под командованием Монга завоевать «Хазарию» (часть Крыма, видимо в районе Сугдеи) и захватить «при первом же натиске ее архонта Георгия Тзулоса»[124]. В том же 1016 г. русская дружина после битвы с болгарами при Пелагонии получила от Василия II треть добычи[125].

О русско-византийском союзе была, конечно, осведомлена и Германия, чьи императоры, соперничая с Византией в Италии и не прерывая сношений с Киевом, толкали Польшу на Русь. И, быть может, не случайно в 1018 г., вступив в Киев, Болеслав I отправил свои посольства и к Василию II и к Генриху II[126], чувствуя себя влиятельным арбитром в их итальянских делах. Но выгод от этого шага он получить не успел; в том же году русские воевали не только против арабов в Сицилии[127], но и в Апулии, где русский корпус помог Василию II разбить при Каннах союзных Генриху II французских норманов Мелюса[128]. Опираясь на свои итальянские владения, объединенные в катепанат, Василий II двинул войска на Рим, заставив папу Бенедикта VIII (1012—1024) в 1021 г. просить помощи императора Генриха II[129]. В 1021/22 г. русские зимуют около Трапезунта и решают в пользу Василия II исход битвы с грузинами близ Эрзерума[130].

В начале XI в. возник и русский монастырь на Афоне (Афонский полуостров Греции на Эгейском море), носивший имя Ксилургу (Древодела). На 1016 г. падает первое упоминание в нем русского игумена. Монастырь, конечно, служил центром церковно-политических, паломнических и, вероятно, торговых и дипломатических сношений двух стран; не случайно на нем отражались все осложнения между ними. В XII в. рядом с ним вырос новый крупный монастырь св. Пантелеймона или Русский[131].

Бросая общий взгляд на деятельность русского корпуса, можно сделать вывод, что при его участии Василий II подчинил западную Болгарию, вернул Сирию, распространил свою власть на (считавшихся с турецкой угрозой) Армению и Грузию, удержал южную Италию. Смерть на-

стигла его в 1025 г. при подготовке похода на арабов в Сицилию; войско, включавшее русских, турок, болгар, влахов и других, уже стояло в Реджио[132]. Можно думать, что для Руси ее корпус был важным средством влияния на правительства, заинтересованные в арабско-норманско-сельджукской политике в Передней Азии и на Средиземном море. Следовательно, пожалуй, несколько преувеличено мнение о неучастии Руси в общеевропейском крестоносном движении.

Русь, конечно, знала круг земель, куда могла Византия направить корпус. Этот круг не изменился и при Ярославе Мудром, в годы начавшегося упадка Византии после смерти Василия II, когда ее стали теснить норманы и турки (печенеги и сельджуки), когда в ее войске вообще резко возросла роль наемников[133].

В 1030 г. мы видим русских под Алеппо, в числе тех, кто спасает императора Романа III (1028—1034) от арабского плена[134]; на следующий год они — в войске Георгия Маниака, овладевшего Эдессой на Евфрате, но в этом же году они возвращались из кавказского похода через, видимо, невраждебную им Византию[135]; в 1034 г. «русские и прочая греческая сила» патрикия Никиты идут к Пергри (Баргири) — крепости на армянской границе[136]. Корпус служил и императору Михаилу IV (1034—1041) — он сперва стоял во фракийской феме, а потом принимал участие в отвоевании Сицилии у арабов[137], а когда французские норманы в Италии вновь вышли из повиновения Византии, русский отряд участвовал в кровопролитном сражении с ними 17 марта 1041 г. при Малфи (Оливенте?)[138]. С 1036 г. печенеги вторгались через Дунай во владения Византии; их противоречия с ней оказались сильнее, чем с Русью, а в 1043 г. произошел и русско-византийский разрыв.

Торгово-дипломатические отношения вплоть до конфликта были нормальными[139], и при дворе Михаила IV побывали какие-то знатные русские, возможно посланцы Ярослава. В кратковременное правление Михаила V (12 декабря 1041 — 20 апреля 1042 г.) роль русского корпуса возросла: император окружил себя «скифами», из которых «одни были его телохранителями, другие служили его замыслам». Впрочем, часть их оказалась на стороне восставших 6 апреля 1042 г. против власти этого императора[140].

Причины конфликта не вполне ясны. Русская летопись их не раскрывает, а византийские авторы разноречивы: Михаил Пселл, бывший свидетелем битвы под Константинополем и состоявший при особе императора Константина IX Мономаха (1042—1055), утверждает, что русский поход явился неожиданностью и о нем узнали, когда русские были уже в Пропонтиде; Иоанн Скилица же говорит, что император, зная о подготовке нападения, посылал послов на Русь, уговаривая не воевать, и лишь когда война стала неизбежна, распорядился выслать из Константинополя русских купцов и всех русских, что служили в его войске (т. е. действовал так, как в свое время Владимир Святославич советовал Василию II поступить относительно норманов), и рассредоточить их по отдаленным провинциям [141].

Г. Г. Литаврин, специально изучавший обстоятельства похода, пришел к выводу, что его причина — в перемене политического курса Константина IX, который пытался устранить приверженцев своих врагов и предшественников Михаила IV и Михаила V, чем и объясняется действие «значительной части русского отряда» на стороне Георгия Маниака (вторая половина 1042 г.) в Италии [142]. В этих условиях стеснение русского политического, торгового и церковного влияния в Константинополе и вне его было неизбежно, и убийство русского посла («знатного скифа») легко могло стать «предлогом» войны (как и утверждал Иоанн Зонара) [143]; быть может, как полагает Г. Г. Литаврин, и расформирование русско-варяжского корпуса, приведшее к тайному бегству Гаральда Гардара (с полутысячным отрядом пришедшего из Руси служить при Михаиле IV) [144], и нарушение прав купечества и даже разграбление пристани и складов русского монастыря на Афоне [145] предшествовали русскому походу.

Ярослав тщательно готовил поход и совершенно сознательно шел на разрыв с Византией, он порвал с ней не только военно-политические и торговые, но и церковные связи. Походу предшествовали широкие переговоры Руси с Польшей и Германией (см. стр. 123). Летопись сообщает, что Ярослав отправил со своим сыном новгородским князем Владимиром и воеводой Вышатой Остромиричем большое войско («вои многы» [146]), которое, пройдя на судах вдоль русских владений [147], собралось на Дунае, где русская дружина и хотела ждать битвы. Отсюда (по предложению варягов) оно двинулось на Константинополь. По

сообщению Михаила Атталиаты (советника императора Романа IV), русские шли на 400 судах, т. е. имели около 20 тыс. воинов, в число которых входил и норманский отряд — с северных островов океана[148], видимо, Гаральда. Византийское правительство поручило катаколону Кекавмену защищать западное побережье, вдоль которого плыл русский флот.

Когда этот флот в июле 1043 г. неожиданно вошел в Пропонтиду, то, рассказывает очевидец Пселл, русские предложили «заключить мир, если бы мы захотели заплатить за него большую цену; они определяли и число — именно, одну тысячу статиров на каждую ладью», т. е. около 80 тыс. номисм. Это были заведомо «неисполнимые условия», и их послы не получили ответа[149]. Русские суда (как и в 941 г.) были частично истреблены огнеметами, частично развеяны бурей (о последней упоминает и летопись). Владимир с остатками флота двинулся в обратный путь, разбив посланную за ним на 14 судах погоню, а воевода Вышата повел 6-тысячный отряд из выброшенных на берег судов[150]. Близ Варны они были взяты в плен войском Кекавмена. Константин велел одних ослепить, другим отрубить правую руку.

Но легче было расправиться с пленными, чем враждовать с Русью, которая в эти годы упрочила свои позиции в Восточной Европе (союзами с Польшей, Венгрией, Чехией), в Причерноморье и завязала очень опасные для Византии сношения и с Германией, и с Францией, и с Англией. Сближение Руси с печенегами ставило под угрозу не только владения Византии в северном Причерноморье, но и ее дунайскую границу.

Вот почему Византия была вынуждена искать соглашения, принимая на себя возмещение ущерба и русским купцам[151] и русскому монастырю на Афоне[152], и выдачу пленных[153]. Заключенный в 1046 г. договор был скреплен (между 1046—1052 гг.) браком Всеволода Ярославича на дочери императора (полагают, что это была Мария)[154]. Ярослав не отказался от мысли о полном подчинении русской церкви своей власти и в 1051 г. поставил митрополитом Илариона[155], который в свою очередь назначил русского епископа в Тмутаракань[156]. Договором было предусмотрено и продолжение службы русского корпуса; около 1046—1047 гг. он прибыл на помощь Константину против мятежа Торника[157].

При дальнейшем рассмотрении русско-византийских дел надо учитывать то бедственное положение, в которое попала империя вследствие турецких ударов с запада и востока; против них Византия сама ослабила фронт, покорив Болгарское царство и Армению. В 1036 г. Русь нанесла тяжелое поражение печенегам. В середине XII в. печенежский хан Кеген с 20-тысячной ордой перешел Дунай и стал близ Доростола (Силистрии): император поспешил дать ему титул римского патриция, земли и три крепости в Придунавье, надеясь использовать против других орд и против Руси. Тысячи печенегов были крещены в Дунае [158]; около 1048 г. Дунай перешла несметная орда хана Тираха; ее удалось разбить, а знать крестить и поставить на византийскую службу. С востока на византийские владения Кавказа надвинулись турки-сельджуки Тогрил-бея (Тогрулбега); они ушли воевать против арабов и в 1050 г. взяли Багдад.

Но тут печенежский хан Кеген поднял мятеж, с которым не могло справиться 20-тысячное войско Константина (прибегавшего и к помощи франков). После его смерти новая династия Комнинов (1081—1185) стала свидетельницей дальнейшего упадка империи. Правда, в 1059 г. при императоре Исааке (1057—1059) удалось установить мир с печенегами и, видимо, союзным им венгерским королем Андреем I. Граница на Дунае была стабилизирована, но ненадолго.

Разбитые Русью в 1060 г. торки (узы), в 1064 г. вторглись за Дунай [159] (см. стр. 110), где часть погибла от эпидемии, а часть получила от Византии землю в Македонии; в том же году сельджукские войска Алп-Арслана опустошили Кавказ — повоевали Грузию, Азербайджан, взяли Нахичевань, столицу Армении Ани; в 1067 г. они опустошили Месопотамию, Сирию, Киликию, Каппадокию. Войско императора Романа IV Диогена (1068—1071) было ими жестоко разгромлено при Манцикерте (19 августа 1071 г.), где часть служилых печенегов перешла на сторону сельджуков. Сам император попал в позорный плен и подобно рабу с кольцами в ушах был брошен в пыль перед турецким победителем, который пнул его ногой и хлестнул кнутом [160]. Малая Азия уходила из рук империи. В том же году норманы Роберта Гвискара заняли в южной Италии византийский опорный пункт Бари. К 1076 г. Византия утратила свои владения в Апулии и Калабрии [161],

Прежде чем продолжать историю русско-византийских отношений, хочется напомнить, что при киевском дворе и в связанном с ним Печерском монастыре при деятельном участии русских церковных теоретиков, таких, как Антоний, Иларион, Феодосий, Никон и другие, складывалась идеология великокняжеской власти и сильной русской церкви, призванной «просвещать» подвластные Руси народы. Не случайно Иларион ставит Владимира Святославича в ряд с императорами, а сам Ярослав усваивает титул самовластца и царя. И княжеская власть и русская церковная знать были пока едины в их стремлении помешать Византии использовать церковную связь как средство политического давления на Русь. Русские церковники паломничали по владениям Византии[162], имевшей православные монастыри и в Передней Азии (в Иерусалиме) и в Италии[163].

Иларион подчеркивал, что современное международное положение Древнерусского государства имеет историческую традицию, ибо и прежние князья, и Игорь и Владимир, «мужьством же и храбрьством прослуша в странах многих и поминаются ныне и словут». Они тоже «не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша», он верит, что и на будущее бог «владыке наши огрози странам»[164].

В этих условиях прибытие папских послов во главе с кардиналом Гумбертом в Византию, где они 16 июля 1054 г. положили на алтарь Софии отлучительную грамоту, подтвердившую раскол церкви, было довольно хладнокровно воспринято на Руси. Иное дело Византия. Там патриарх Михаил Керуларий собрал церковный собор, на котором была провозглашена анафема римским послам и прикосновенным к ним лицам, «пришедшим в богохранимый град подобно грому или буре, или гладу, или лучше — подобно диким кабанам, чтобы ниспровергнуть истину»[165].

Любопытно, однако, что Русь заняла очень гибкую позицию относительно акта 1054 г., имея в виду свои тесные связи с католическими державами Европы[166].

Она, конечно, учитывала, что сам император Михаил VII (1071—1078) искал помощи у папы Григория VII против сельджуков[167], и потому старания многих митрополитов-греков, таких, как Ефрем[168], Георгий (70-е годы XI в.) — автор «Стязания с латиною»[169], Иоанн II (1080 — 1089[170]) — автор послания к папе Клименту III, Никифор

(1104—1121) — автор послания о латинянах к Владимиру Мономаху, помешать всем опасным для империи союзам русских князей с католическими державами и посеять ядовитые семена религиозной нетерпимости оканчивались неудачей. Впрочем, и в русском Патерике можно встретить беса в образе ляха [171] или бесноватого полиглота, вдруг заговорившего по-еврейски, латыни и гречески [172], но все это не отражалось заметно на внешней политике, вплоть до начала XIII в., когда папство возглавило крестовый поход против Руси и подвластных ей народов.

Можно думать, что, сотрудничая с Византией, русские князья извлекали значительные экономические и политические выгоды. Источники упоминают об участии наемного русско-варяжского отряда в византийских войнах и против турок-сельджуков — в Грузии (1053, 1074 гг.) и Армении (1057, 1071 гг.), и против турок-печенегов — в Македонии и Фракии (1050 г.), и против норманов в Италии (1047 г. и при Отранто 1064 г.). В этих известиях русские прямо названы в 1057, 1064 и 1071 гг.[173] При Михаиле VI (1056—1057) во время мятежа против него Исаака Комнина русские были в войсках обеих сторон. Михаил Пселл, прибывший в лагерь Исаака для переговоров, характеризует бывших при нем тавроскифов как «неистовых и кипучих» воинов, «менее нетерпеливых», чем служившие вместе с ними итальянцы, но «не жалеющих крови и презирающих свою плоть» в битве. Кроме того, в 1078 г. они (пешие и на судах) защищали Михаила VII от мятежника Никифора Вриенния (1077—1078 гг.) [174]; сохранились и грамоты (1075, 1088 гг.), освобождавшие некоторые греческие острова «от постоя начальников регулярных и областных отрядов греческих и иностранных, а также русских варягов, колбягов, англян, франков, немцев, булгаров, арабов, алан, обезов...» [175] Следовательно, постои наемного отряда русских варягов — дело обычное. Наконец, упоминаются русские воины и в актах Афонской лавры второй половины XI в.[176]

Завоевание в 1066 г. норманами Англии вызвало новый приток англосаксонских воинов в Византию, где в составе наемного корпуса они мстили итальянским собратьям покорителей британских островов [177]; некоторые англосаксы оказались и на Руси (см. стр. 134). Состав корпуса стал постепенно меняться, особенно после мятежа варяго-русской дружины в 1079/80 г. против Никифора III Вотаниата

(1078—1081), когда она подверглась репрессиям [178]; хотя русские воины и встречаются в нем до конца XI в. [179], число их уменьшается. На состоящих в корпусе англичан и в Византии [180] и на Руси [181] распространяется название варяги. В самой Руси побеждает феодальная раздробленность, единой политике в отношении Византии приходит конец, меняется характер русского войска и русские князья сами начинают все шире прибегать к найму тюркских, польских, венгерских и других воинов вместо утративших былое значение норманов.

В своих отношениях с Русью Византия по-прежнему старалась закрепиться в северном Причерноморье, где к 1059 г. она уже владела частью восточного Крыма (Сугдеей) [182]. Здесь ей приходилось помимо Киева иметь дело с Черниговом. Один случай проливает некоторый свет на взаимоотношения. В 1064 г. в Тмутаракань бежал новгородский князь Ростислав [183], сын новгородского же князя Владимира Ярославича, ходившего на Константинополь. Его пытался изгнать враждебный Византии [184] Святослав Ярославич (Чернигов), но неудачно, и тот стал княжить, собирая дань с черкесов и других окрестных народов. Византия усмотрела в его действиях угрозу своим крымским владениям («сего же убоявшеся грьци») и подослала к нему из Херсона котопана (стратига), который и отравил князя. Когда об этом узнали жители Херсона, они выступили против котопана и «побиша [его] каменьем» [185]. Следовательно, здесь была сильная группировка, связанная с Русью через Тмутаракань. Херсон остался за Византией, Тмутаракань — за Русью; здесь правили черниговские князья, сыновья Святослава — Глеб [186], затем Роман [187] и Олег [188]. Сильно осложнили положение в Крыму половцы, проникшие в его северную, равнинную часть, а также в Сугдею, в Готию [189].

В 1068 г. Русь сама попала в тяжелое положение, вследствие половецкого нашествия (см. стр. 116). В течение смутного десятилетия (1068—1078), наполненного усобицами между сыновьями Ярослава, кажется, лишь Всеволод поддерживал союз с Византией, тогда как и Изяслав и Святослав были втянуты в дипломатическую игру с Польшей и Германией (см. стр. 124) [190]. Полагают даже, что в пору княжения Ярославичей не только в Переяславле, но и в Чернигове были устроены особые митрополии [191], которые закрылись, когда Всеволод Ярославич сделался великим князем.

В годы его княжения император Алексей I Комнин (1081—1118) был занят спасением Византии от полной гибели. Держа власть над Киевом, Волынью и Черниговом, Всеволод дорожил и союзом с Византией (быть может, ввиду возросшей половецкой угрозы), как показывают тмутараканские события. В 1079 г. он подчинил себе Тмутаракань, причем союзные Руси половцы убили Романа Святославича, а связанные с Византией хазары[192] захватили Олега Святославича и передали его властям императора Никифора III Вотаниата. Он прожил в ссылке четыре года, из них два, по свидетельству игумена Даниила, на о-ве Родос[193]; на чужбине его женой стала знатная гречанка Феофано Музалонисса[194].

За это время Всеволод успел утратить Тмутаракань, где в 1081 г. обосновались Володарь, сын отравленного греками Ростислава, и Давыд Игоревич[195]. Византия, видимо, сумела извлечь выгоду из княжеской распри: в 1083 г. Олег, вероятно, по соглашению Всеволода с императором[196] воротился в Тмутаракань, изгнал названных князей и казнил предавших его и Романа местных хазар. Олег стал черниговским князем, имел прочный союз со степью (см. стр. 116), и Тмутаракань (в последний раз упомянутая летописью под 1094 г.) находилась в его власти. Он поддерживал союз с Византией, ибо изгнанный им Давыд Игоревич был ее врагом: вступив в борьбу за Волынь, он с войском из южной вольницы в 1084 г. напал на русскую гавань Олешье, где «зая грькы» и «зая у них имепье», т. е. захватил их торговое подворье. Вмешавшийся Всеволод восстановил здесь порядок, а Давыду дал город Дорогобуж[197]. Володарь Ростиславич, добывший стол Перемышля, сделался союзником Византии, выдав в 1104 г. свою дочь Ирину[198], вероятно, за Исаака, сына императора Алексея I[199]. Василько Ростиславич имел, как мы знаем, широкие планы на Дунае, от которых они с братом едва ли полностью отказались.

Русь энергично поддерживала торговлю с Византией и после предоставления Алексеем Комнином в 1082 г. Венеции льготных торговых прав[200]. Вообще старый взгляд на торговое захирение Киева неверен.

Русско-византийские отношения на Дунае, кажется, не изменились — здесь, видимо, действовало какое-то их совместное урегулирование с кочевниками. Здешнее население было смешанным, славяно-торко-романским; Михаил

Атталиата (XI в.) писал, что здесь «лежит много великих городов, население которых принадлежит к разным языкам», этим городам «пришедшие ранее скифы [видимо, печенеги] придают скифский образ жизни»[201]. По данным Анны Комнины, в подунайских городах в 1086 г. сидят тюркские и славянские князья: в Доростоле — Татуш, по прозвищу Хали (Олег?), в Вичине (или Дичине, лежавшем между Доростолом и Калией[202]) — Сеслав (Всеслав) и т. п.; причем Татуш и Всеслав принимали новых теснимых савроматами (тюрками) скифских (русских или половецких) переселенцев из-за Дуная, которые тут переходили к земледелию, сеяли пшеницу и просо[203].

Если Русь в эти годы сохраняла мир со степью, то Византия едва сдерживала натиск половцев[204] хана Кутеска и печенегов хана Челгу, чьи рати в 1087 г. прошли через Македонию к Адрианополю; на следующий год императорским войскам удалось дойти до Дуная, за который ушла орда хана Татуша. Вспыхнувшее движение богомилов охватило и этот район. Наступление турок из Азии и Европы побудило Алексея Комнина искать соглашения с папой Урбаном II[205] и Рожером сицилийским ценой отказа от прежних связей с германским императором Генрихом IV. Он хотел прежде всего обезопасить норманнский тыл империи. Дело как будто шло на лад, на 1091 г. готовили церковный собор, а пока что папа разрешил Алексея от отлучения[206]. Но тут он оказался вне игры, так как престол занял антипапа Климент III (1080—1100). Любопытно, что на эти годы падают сношения с Русью антипапы и стоявшего за ним Генриха IV (см. стр. 130), вызвавшие резкое, но бессильное осуждение просвещенного греческого митрополита Иоанна Продрома, который грозил Всеволоду Ярославичу отлучением от церкви за сближение с католическими династиями[207]. Доставленный Янкой Всеволодовной из Константинополя в 1089 г. новый митрополит-скопец Иоанн III нашел холодный прием на Руси, был он, по словам летописи, «не книжен, но умом прост и просторек», а люди называли его навье — мертвец[208]. Такой прием объяснялся тем, что Иоанн III — участник синода, который под давлением Алексея I высказался за сближение с папой Урбаном II[209].

В 1091 г. положение Византии сделалось критическим, о чем Алексей возвестил в своем призыве: «Именем бога и всех христианских провозвестников умоляем вас, воины Христовы, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам»[210].

Судьбу Византии решили тогда «союзники отчаяния»[211] — половецкая рать ханов Боняка и Тугорхана[212]. Можно думать, что и эта рать была добыта при посредничестве Руси, судя по русско-половецким отношениям, скорее всего — Чернигова. В подоспевшей подмоге находился и какой-то 5-тысячный неполовецкий отряд, однако чей он — определить пока не удалось[213]. 22 апреля 1091 г. половцы разбили печенегов, Византия была на этот раз спасена[214]. Последующие набеги самих половцев были менее грозны (хотя в 1095 г. Тугорхан доходил до Адрианополя), тем более что вскоре Русь сумела справиться с положением в степи. Первый крестовый поход 1097 г., хотя и стоил императору потери Сирии, позволил отвести сельджукскую угрозу и вернуть часть малоазийских владений[215].

При Святополке Изяславиче (1093—1113) отношения с Византией не изменились. Продолжая борьбу за Волынь, он вытеснил из нее Давыда Игоревича, как мы знаем, враждебного и Византии. В летописи есть глухой намек на то, что Давыд вновь занимал какой-то приморский город (может быть Олешье?); под 1100 г. в летописи читаем: «вниде Мстислав [Всеволодович] от Давыда на море»[216]; кончилось дело, как и прежде, тем, что неугомонный князь получил Дорогобуж. Около 1103 г., в разгар успешных походов на степь, Святополк женился на Варваре Комнине[217]; следовательно, находился тогда в союзе с Византией.

На закате своего политического единства Русь утратила важный опорный пункт в северном Причерноморье — Тмутаракань, подвластную Олегу Святославичу[218]. Г. Г. Литаврин полагает, что после смерти этого князя (1115 г.) Византия (может быть, по заключенному с ним в 1083 г. соглашению) заняла Тмутаракань; он подкрепляет свою интересную догадку ссылкой на сообщение Мануила Страворомана о том, что император Алексей сделал приобретение на «Боспоре Киммерийском»[219], т. е. там,

где лежала Тмутаракань; так находит объяснение и неожиданный конфликт 1116 г. Руси с Византией на Дунае.

Взаимоотношения с Византией, восходящие к седой старине, были важной составной частью русской внешней политики. Древнерусское государство складывалось, крепло, формировало свои границы, обеспечивало свои внешнеторговые права, наконец, добивалось суверенной христианизации, преодолевая упорное противодействие Византии.

Византия силой удерживала часть северного Причерноморья, земель Кавказа и, выйдя к дунайской границе, стремилась ослабить Русь посредством своих союзов с ханами сменяющихся в южнорусской степи кочевых орд. Используя церковные связи с Русью, византийское правительство пыталось влиять на ее внешнеполитический курс и сеять (особенно после раскола 1054 г.) отчуждение между нею и враждебными империи католическими державами Европы.

В силу этого взаимоотношения Руси с Византией были сложными, противоречивыми, не раз приводили к конфликтам, к войнам.

Русь была сильной державой и вовсе не собиралась следовать внешнеполитическому курсу империи. Скрепленные договорами политические, экономические и церковно-культурные[220] связи с Византией умело использовались Русью, которая отлично понимала глубокую и постоянную заинтересованность непрочной и слабеющей, хотя богатой и искушенной в политике, империи в безопасности ее крымских, кавказских и дунайских владений, в русской военной помощи против арабов, турок и норманов, наконец, в доходах с русской митрополии.

Оттеснив Византию, Русь взяла в свои руки степную политику, укрепила свое влияние на Кавказе и установила широкие международные связи с католическими и мусульманскими державами, как дружественными, так и враждебными империи.

РУСЬ, БОЛГАРИЯ И ЗЕМЛИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Этнические и культурные связи Руси с Болгарией восходят к незапамятным временам. Говоря об исконном единстве славян, летопись особо отметила, что общая «грамота словеньская» есть «в Руси и болгарех дунайских»[1]. Древнерусский книжник включил Болгарию в число стран, чья история интересовала первых русских читателей. Через Болгарию шел торговый путь руссов в Византию. Летопись сообщала о походе византийского императора Михаила III на Болгарию и крещении ее (865 г.)[2], о византийских (при поддержке наемных венгерских и печенежских войск) войнах против царя Симеона (893—927), сперва искавшего спасения в Доростоле, а затем успешно воевавшего Македонию и Фракию и диктовавшего империи свои условия мира под стенами Константинополя[3]. Древнерусский читатель, вероятно, и не подозревал, что в летописи использован и болгарский литературный источник[4], что русско-византийский договор 911 г. переведен болгарином[5] и т. п.

Царь Симеон не имел союза с Русью, и патриарх Николай Мистик называл русских среди тех, кого Византия могла использовать против Болгарии. Царь Петр (927—969) с опаской следил за укреплением Руси и занимал недружественную позицию в отношении походов Игоря в 941 и 944 гг.[6], вероятно, основательно опасаясь за устойчивость болгаро-русской границы на Дунае.

Опасения его не были напрасны. Византия, порвав договор 927 г., готовилась подчинить Болгарию, которая казалась ей недостаточно верным заслоном от кочевников и Руси. Святослав своими походами 968—971 гг. пытался предотвратить поглощение Византией Болгарии, превратив ее в свое вассальное царство, но не рассчитал сил и проиграл войну. Мы имеем представление о системе управления Русью ее вассальными неславянскими землями: это была гибкая система, учитывавшая интересы местной знати и не ломавшая структуры ее власти[7], и нам вполне понятно, по-

чему Святослав ограничил свою власть и в Болгарии номинальным вассалитетом. Победа же Византии сокрушила болгарскую государственность. Восточная Болгария оказалась под властью Византии (972 г.).

Попытка Владимира Святославича (имевшего двух сыновей «от болгарыни»)[8] поддержать уцелевшее Западно-болгарское царство Самуила (980—1014) была еще менее удачна, и Русь, испытывая нарастающее давление кочевников, была вынуждена считаться с реальностью и стабилизировать дунайскую границу с Византией. Первое Болгарское царство пало (1018 г.) под ударами войск императора Василия II Болгаробойца.

Дунайская граница просуществовала вплоть до монгольского нашествия, несмотря на возникавшие у юго-западных перемышльских князей (у Василько Володаревича) проекты «переяти болгары дунайские» и переселить на русскую сторону («посадити я у себя»)[9] и на неизбежные по условиям времени конфликты в этой этнически пестрой, экономически оживленной и политически значимой зоне.

Проекты Василько Володаревича не были беспочвенны. Те, кого наша летопись называла «подунайцами» (а Атталиата рассматривал как «смешанный варварский народ, живущий у Истра»), были вовлечены в богомильское движение 1082 г.; один из его руководителей, Травл, нашел здесь союзников, включая и нижнедунайских — правителя Силистрии Татуша и правителей Вичина Сеслава, Сацу и др. В движении в феме Паристрион участвовали также половцы и печенеги. Через несколько лет на севере Болгарии появился с половцами Лже-Диоген (он выдавал себя за сына Романа IV Диогена), к которому примкнула часть болгаро-влашского населения фемы. Успех его был недолог[10]. Вновь окажется он здесь, уже с русской помощью, позднее.

Но культурные связи Руси с болгарами никогда не прерывались (тому свидетельство — Изборник 1076 г. Святослава Ярославича) и вновь окрепли с образованием Второго Болгарского царства, победе которого над Византией содействовали и русские дружины (см. стр. 203).

Южные славяне тоже известны летописцу: «А се ти же словени — хрвате белии [балканские], и серебь [сербы], и хорутане [словенцы]»[11]. Центрами связи с ними были русские подворья Константинополя (при монастыре св. Мамонта) и Афона[12]. Письменные памятники хранят следы тесных культурных взаимоотношений Руси и южных славян[13].

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУСИ С ВОСТОЧНЫМИ СОСЕДЯМИ (ХАЗАРИЕЙ, ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ, ГОСУДАРСТВАМИ КАВКАЗА И АЗИИ)

РУСЬ И ХАЗАРИЯ

Образование Древнерусского государства шло рука об руку с освобождением части земель Нижней Руси из-под власти Хазарии. Переменчивой оказалась судьба этой некогда сильной державы, еще недавно (в 737 г.) преградившей арабам путь с Северного Кавказа в Европу [1]. Укрепление Руси ознаменовало полный упадок Хазарии. Именно так подает эту тему наша летопись. Происхождения хазар она не знает и, следуя Георгию Амартолу, отождествляет их со скифами [2]. В перечне подданных Руси народов хазар нет, но отмечено, что прежде они сами брали дань с Полянской земли [3], но потом положение изменилось, и «володеють» русские князья хазарами «до днешнего дне» [4].

Как произошла эта перемена, можно узнать из той же летописи. Славянские земли — Полянская, Северянская, Радимичская и Вятичская — какое-то время находились в зависимости от хазарского кагана: платили ему подымную дань деньгами и мехами [5]. Полянская земля попала в эту зависимость, когда была «обидима» Древлянской землей «и инеми околними» [6], т. е. на юге происходило то же, что и в Верхней Руси. Столкновения между членами славянской конфедерации княжений вели к потере независимости в результате хазарских завоеваний. Сбросила Полянская (Киевская) земля хазарскую руку уже во времена Аскольда и Дира. Новое государство, вобрав Полянскую землю, умело использовало обстановку: освободив Северянскую землю от власти хазар, Олег наложил на нее «дань легку» [7]; Радимичскую землю Киев привлек переговорами — она, сбросив хазар, стала платить ему ту же дань «по щьлягу» [8], видимо, от рала, как платила ее хазарам Вятичская земля до похода Святослава [9].

Ко времени образования Древнерусского государства Хазария утратила былое значение и, обогащаясь пошли-

нами от русской торговли с Кавказом и Багдадским халифатом, старалась подчеркнуть свою роль как защитника передовых рубежей последнего от русских. «Если бы я,— писал Хасдаю ибн Шафруту современник Игоря хазарский царь Иосиф,— оставил их [в покое] на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада»[10]. Это были красивые слова. В действительности Русь не только вызволяла из-под власти каганата славянские земли, но и, начав борьбу с Византией, старалась выйти ему и на европейский и на азиатский фланги.

Хазария, со своим 10-тысячным войском[11], стремясь противостоять и Булгарии и Руси, старалась получить поддержку Хорезма, Багдада, Константинополя. Видимо, в связи с русскими походами на Эгину, Амастриду и Крым надо рассматривать византийскую помощь в строительстве хазарской крепости Белая Вежа (Саркел) на Дону (30-е годы IX в.)[12]. Союзниками Хазарии в то время были и жившие в южнорусских степях венгры, чей вождь Леведий был женат на дочери кагана[13]; вероятно, с его ведома венгры преградили в 838 г. путь от Черного моря в Киев русскому посольству, которое возвращалось из Византии. Тем не менее во время похода Аскольда и Дира на Константинополь в 860 г. отмечен и набег руссов на Абесгун, куда они могли пройти лишь через владения каганата. Около этого времени в Хазарии побывала миссия во главе с Константином (Кириллом) Философом, который, судя по его житию, содействовал укреплению византийско-хазарских связей в Крыму[14], где Византия постепенно прибирает к рукам прежде подвластную Хазарии Готию[15]. Вторжение печенегов в 889 г. из-за Волги еще больше осложнило положение в Причерноморье. Византия использовала в своих войнах с Первым Болгарским царством и хазар (890 г.) и венгров (894 г.). Теперь царь Симеон привлек к борьбе печенегов: венгры были разбиты в 895 г. и вскоре ушли за Карпаты. Хазария находилась во вражде с победителями[16]. Русь же заключила с ними мир при Игоре в 915 г.[17]

Не менее очевидна связь византийского похода и договоров Олега 907—911 гг. с русским походом на Кавказ, которому Хазария помешать не смогла. Быть может, активность Руси — одна из причин багдадского посольства ибн Фадлана, прибывшего через Хорезм в Булгарию (922 г.), лишь недавно принявшую мусульманство.

Важным международным фактором в этой части Европы были аланы, по данным Мас'уди, способные выставить 30 тыс. всадников. Византийский император Роман Лакапин пытался использовать их для ослабления Хазарии, но та с помощью торков-огузов победила аланов в 932 г.[18]

В другой раз (между 929—944 гг.) Роман Лакапин богатыми дарами привлек Русь к борьбе с Хазарией в Крыму. Некий русский князь Хельгу занял хазарский город Самкерц[19], в котором М. И. Артамонов предлагает видеть Тамань, запиравшую проход из Черного моря в Азовское. Этим путем, по свидетельству императора Константина, руссы ходили в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию[20]. В ответ на действия Хельгу хазарский архонт Боспора завоевал три византийских города и осадил Херсон, разбив русское войско и будто бы подчинив русских, толкнул их на Византию. Источник этого известия темен, но, быть может, он отражает некоторые реалии. Ведь в договоре 944 г. есть статья об охране Русью Херсонской земли от черных болгар. На время византийских походов Игоря также приходится русский рейд через Хазарию на «Багдад Кавказа» — крупнейший здесь город Бердаа[21].

Решающий удар Хазарии был нанесен Святославом, который стремился сокрушить всю систему европейских и азиатских союзов Византии в Причерноморье. Начал он с освобождения от хазарской власти Вятической земли; а затем в 965 г., пройдя по Оке и Волге (следую М. И. Артамонову), русское войско, быть может при участии торков[22], разбило булгар и буртасов, спустилось по реке, разорило хазарскую столицу Итиль, где была разбита и рать кагана[23]. По Каспийскому морю Святослав добрался до Семендера[24] и, опустошив его, направился вдоль Кавказа на запад. Здесь, двигаясь к Азовскому морю, он распространил русскую власть на асов и касогов. Связи этих земель с Русью оказались прочными и, видоизменяя форму, просуществовали вплоть до монгольского нашествия. На обратном пути вверх по Дону русские взяли Белую Вежу (Саркел) и затем воротились в Киев[25]. Это был продуманный удар, нанесенный Хазарии в надлежащее время, в пору ее политической изоляции; этот удар был основан на трезвом учете экономических и политических интересов Руси. Цель похода заключалась не только в разгроме Хазарии, но и в том, чтобы взять в русские руки контроль

над торговыми путями в Хорезм, Багдад, Константинополь по Волге, Дону, на Керченском проливе, на Северном Кавказе, открыть дорогу на Кавказ и прочной ногой стать в Крыму. Это была победа, благотворно отразившаяся па всем развитии Руси и сильно упрочившая ее позиции в Причерноморье. Даже неуспех попытки Святослава закрепиться на западном побережье не изменил достигнутых результатов.

Однако удержание занятого требовало усилий, так как Вятичская земля сохраняла тенденцию к самостоятельности, и понадобился еще один поход войск Святослава, чтобы принудить ее платить дань. Кроме того, разорение Хазарии, кажется, вызвало желание энергично торговавшего с Поволжьем Хорезма под видом поддержки ее против торков-огузов прихватить кое-какие владения и распространить в них ислам [26]. Роль мусульманского Хорезма возросла, ибо в середине X в. арабско-мусульманское наступление было остановлено и Византия начала отвоевание некоторых земель: Низиб и Эдесса (944 г.), Крит (961 г.), Сицилия (965 г.) — переходят в ее руки. Сам Хорезм делился тогда на южное владение хорезмшаха со столицей в Кяте и северное эмирство со столицей в Гургандже (Ургенче). Оба владения — вассалы саманидов Бухары.

Восточные источники * о разгроме Хазарского каганата позволяют думать, что окончательно разгромить Хазарию в 965 г. Святославу не удалось. Согласно арабскому историку Ибн ал-Асиру, хазары после этого поражения обратились за помощью в Хорезм [27]. Ценой принятия ислама правителям Хазарии удалось на несколько лет с помощью Хорезма сохранить свою власть в Поволжье и на северо-восточном Кавказе. После разгрома хазарских войск Святослав покорил ираноязычных асов, живших, по-видимому, на Дону, а также касогов (предки кабардинцев и черкесов), обитавших, очевидно, на восточном берегу Азовского моря. Возможно, в результате войны 965 г. было положено начало русским владениям на Тамани и позднейшему Тмутараканскому княжеству. Затем в 966 г. была вновь подчинена и Вятичская земля [28].

Существование Хазарского государства тревожило Русь. Во время болгарской войны 968 г. печенеги, вероят-

* *Анализ восточных источников о разгроме каганата принадлежит А. П. Новосельцеву.*

но, действовали по наущению Византии, но, возможно, и не без влияния хазар, с которыми у них были общие интересы против рвавшихся из-за Волги торков-огузов. Можно полагать, что после заключения мира с печенегами Святослав, прежде чем вернуться на Балканы, решил покончить с Хазарией. Сам он, по-видимому, в новой хазарской войне не участвовал, отчего русская летопись и не сохранила сведений о ней. Но арабский географ Ибн Хаукаль в 358 г. х. (968/969 г.), находясь в Джурджане на южном берегу Каспийского моря, видел там беженцев из Хазарии, поведавших ему о разрушении в этом году руссами важнейших хазарских городов Итиля и Семендера [29]. Очевидно, это же событие имел в виду и писавший в конце X в. другой арабский географ ал-Мукаддаси (его сведения поступали из Хорезма): «Слышал я, что войско, [прибывшее] из Рума [Византии], называемое Русь, завоевало их [хазар] и овладело страной их» [30]. В этом известии ал-Мукаддаси содержится ясное указание на то, что войско руссов, покорившее Хазарию, прибыло из Рума; вероятно, это было войско Святослава, пришедшее с ним из владений Византии. Ибн Хаукаль, упомянув о разорении руссами хазарских городов, уточняет, что после этого руссы ушли обратно в Рум и Андалус [31]. Как известно, в следующем году Святослав был вновь на Дунае: начался второй болгарский поход.

Итак, следствием двух походов войск Святослава было уничтожение Хазарского государства и утверждение русского влияния в Подонье и в Прикубанье, а также подчинение Вятичской земли. На Нижнем Поволжье позднее утвердили свое господство огузы и волжские булгары [32], воспользовавшиеся уничтожением Хазарского каганата.

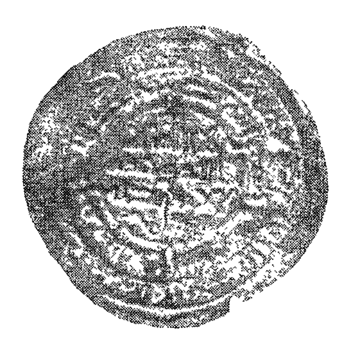
Окончательно осуществлены планы Святослава были при Владимире, который, готовя новое выступление против Византии в Крыму, должен был в 981—982 гг. опять подчинять Вятичскую землю [33], а вслед за ней и Хазарию. «И на Козары шед, победи я и дань на них положи» [34]. Возобновил он русское влияние и на Кавказе, где в Тмутаракани сидел его сын Мстислав [35]: в 987—989 гг. руссы служили эмиру Дербента. Тмутаракань была и важным церковным центром [36]. Держа в руках Саркел, Корчев и Тмутаракань, имея мирный договор с Булгарией, Владимир, заняв в 989 г. Херсон, заставил Византию считаться с интересами Руси. Как видим, хазарская политика

оказывалась существенным элементом гораздо более важных проблем.

Подонские хазары перешли из внешнеполитической сферы Руси во внутриполитическую вассальную: в 1023 г. Мстислав Владимирович выступил против Ярослава «с козары и с косоги» [37]. Политика Руси в Дербенте, в Алании, Гандже и Ширване (см. стр. 99) свидетельствует о прочности занятых ею позиций на Северном Кавказе.

Ослабление единства Руси по смерти Ярослава Мудрого, а также вторжение половцев отрицательно сказались на усилиях Чернигова противостоять попыткам Византии покончить с русским влиянием. Служилые хазары воевали с Русью против половцев [38], а когда последние стеснили их свободу, то беловежские хазары бежали на Русь [39].

РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

По-иному сложились отношения Руси с Булгарией, главным ее соперником в Поволжье. Из летописи ясно, что путь в эту страну проложен давно и прочно: «Из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы», т. е. на Каспийское море [1]. Источники, относящиеся к торговле, говорят о том же.

Путь в Поволжье открыл Руси разгром Хазарии войсками Святослава, которые, возможно, проходили через владения Булгарии. Продолжая его политику, Владимир Святославич пытается подчинить Булгарию: с помощью русско-торкской рати он «победи болгары», но уже тогда воевода Добрыня высказал сомнение, что они будут прочными данниками Руси ввиду их относительно высокого экономического развития: «Съглядах колодник (т. е. смотрел я пленных.— *В. П.*),— сказал Добрыня,— и суть вси в сапозех. Сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников». Это своеобразное выражение гибкости политики Руси, которая свойственна ей относительно окружающих неславянских народов. Был заключен первый русско-булгарский договор (под 984 г.) и «роте заходиша (клятву дали.— *В. П.*) межю собе» [2].

Во время этого похода под русскую власть, вероятно, попали и буртасы — народ, обитавший на Средней Волге. Он не упомянут в летописи, но в «Слове о погибели» (XIII в.) назван в числе других, несших медовую дань Руси при Мономахе [3]. По восточным данным, буртасы зависели от Хазарии, но имели язык, отличный от хазарского, русского и булгарского. Ученые полагают, что они составляли часть мордвы (мокши) [4]. Польский востоковед Т. Левицкий привел интересное сообщение источника XV в., восходящее, вероятно, к Ибн Русте (X в.). Буртасы-мусульмане жили в 15 днях пути от Хазарии. Они могли выставить войско в 10 тыс. всадников и воевали с булгарами и печенегами. Вблизи Руси лежал «город буртасов», которым завладели, как основательно думает Т. Левиц-

кий, руссы Владимира во время похода на Булгарию [5]. Часть буртасов пробыла в зависимости от Руси вплоть до монгольского нашествия, которое привело к их исчезновению как самостоятельной этнической группы.

Политические отношения с Булгарией поддерживались Русью в годы принятия христианства, как свидетельствует летопись [6] и Мухаммед ал-Ауфи (XIII в.). В конце XI в. летописи отметили русско-булгарские столкновения из-за Мурома [7]. Неизбежны были и русско-булгарские контакты по половецкому вопросу, поскольку часть половецких поселений находилась в сфере влияния Булгарии [8]. Отношения с Булгарией были унаследованы владимиро-суздальскими князьями.

РУСЬ И ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И АЗИИ *

Арабо-персидская литература хранит серию известий о русских походах на Кавказ, которые надо рассматривать в широком аспекте русско-византийско-арабских взаимоотношений. Уже поход 860 г. сопровождался какими-то действиями руссов в южном Прикаспии. Ибн Исфендийар, использовавший старые прикаспийские хроники, писал в «Истории Табаристана» (первая половина XIII в.): «...Во времена Хасана ибн Зайда [864—884] руссы приходили в Абесгун и воевали» [1]. Видимо, это был локальный набег на побережье Табаристана, поэтому о нем не знал писавший в X в. ал-Мас'уди (умер в 956 г.).

На время военно-дипломатической активности Олега в Византии, а именно (по данным Ибн Исфендийара) на 909—910 гг. падает прикаспийский поход руссов, описанный без твердой датировки и ал-Мас'уди [2].

Обычно историки говорят о двух походах руссов в прикаспийские области: о походе 909—910 гг. и о походе 912—913 гг. Однако при внимательном изучении источников это число походов может быть поставлено под сомнение. Ал-Мас'уди, наиболее ранний наш информатор о русских походах в Прикаспий, сам побывавший на месте действия, писал: «Народы, жившие на берегу этого моря, пришли в смятение, так как в прежние времена не видали, чтобы враг наступал на них с моря, и по нему ходили лишь суда купцов и рыбаков» [3]. Следовательно, до похода, описанного ал-Мас'уди, других экспедиций руссов в эти места не было. Но историк XIII в. Ибн Исфендийар ясно датировал поход руссов 297 г. х., т. е. 909—910 гг. [4] Ошибка ал-Мас'уди в датировке похода понятна, ведь он сам отмечал, что точная дата похода ускользнула из его памяти [5]. Очевидно, был только один поход руссов в прикаспийские местности и дата этого похода 909—910 гг. Возникает вопрос о взаимосвязи кавказской и византийской политики Руси.

* *Этот параграф написан А. П. Новосельцевым.*

К началу X в. Багдадский халифат Аббасидов уже не представлял ни грозной силы, ни освященного исламом пугающего единства для дряхлевшей наследницы Константина и Юстиниана. Поэтому постоянные византийско-арабские войны в Сирии, Месопотамии и Закавказье не давали решающего перевеса ни одной из сторон, имевших к тому же и других не менее опасных противников. У Византии это были Болгария, Русь, кочевники Причерноморья, у багдадского халифа Мутадира (908—932) — ливийские Фатимиды, угрожавшие Каиру и Александрии[6].

Номинальный вассал Багдада Саманид Исмаил (892—907), владея Мавераннахром и Хорасаном, добился санкции халифа на управление и Табаристаном[7]. Наместник халифа в Азербайджане и Армении Юсуф ибн Абу-с-Садж[8] сумел, по-видимому, распространить свою власть и на Ширван (северо-восточный Азербайджан). Взимая с народов Кавказа харадж и управляя здешними поместьями («дийа»), он платил регулярную дань в Багдад и был опасным противником Византии[9]. Именно в это время Армения пыталась сбросить власть халифа, для чего царь Смбат I (892—914) старался сблизиться с Византией[10]. Царь встречал сопротивление крупных князей (ишханов), многие из которых во главе с Гагиком Арцруни перешли позднее на сторону Юсуфа.

Поход руссов был направлен и против Саманидов и против Юсуфа, т. е. ослаблял вассалов халифа и соответствовал политическому курсу Олега на сближение с Византией. Походу предшествовало соглашение с Хазарией, где при дворе хакана соперничали две партии — одна может быть охарактеризована как «старохазарская», верная традициям борьбы с халифатом, другая — как мусульманская, предводимая верхушкой гвардии. Видимо, верх одержала первая и русское войско (по явно преувеличенным данным Мас'уди — на 500 судах[11]; обычно русское судно вмещало 40 человек, и в этом походе могло участвовать до 20 тыс. воинов), поднявшись по Дону до переволоки, прошло на Волгу и, спустившись по ней, поплыло на юг вдоль западного побережья Каспийского моря. Можно предполагать, что в приморском Дагестане русские создали опорный лагерь и развернули дальнейшие операции.

Сравнительно небольшой отряд на 16 судах отплыл на восток, к Табаристану, где в это время саманидские власти старались подавить выступление местных повстан-

цев. Руссы столкнулись с саманидским войском, но правитель г. Сари заставил их отступить. На следующий год руссы пришли вновь, сожгли Сари и разорили его окрестности, затем, по-видимому, их отряд был истреблен морской засадой гиляншаха и ширваншаха.

Основная часть руссов, видимо, воевала против сил Юсуфа в северном Азербайджане и, судя по некоторым данным [12], пыталась пробиться в его южную часть. Однако объединенные войска Саманидов, гиляншаха и ширваншаха помешали этому. Понеся большие потери, но с добычей, руссы двинулись в обратный путь.

Между тем в Итиле одержала верх мусульманская партия: каган был вынужден порвать соглашения с руссами, о чем и известил их. Большая часть руссов была перебита (хазары в русском походе на Кавказ сыграли ту же роль, что печенеги в последующем походе на Болгарию). Небольшой отряд руссов двинулся сушей вдоль Волги и погиб в стычках с буртасами и булгарами. Поход закончился неудачей. Багдадский вассал удержался в Армении. Не получив помощи Византии, царь Смбат I был побежден, захвачен Юсуфом и казнен [13].

Примечательно, что с антивизантийским выступлением Руси в 944 г. в западном Причерноморье также связаны действия ее отрядов в Закавказье. О них кратко упоминает арабский географ Ибн Хаукаль [14], о них же подробно сообщает продолжатель ал-Табари известный арабский историк Ибн Мискавейх (умер в 1030 г. глубоким стариком). Арабоязычный перс, он служил чиновником при дворе амир ал-умара Аббасидов Буидов, которые фактически были (935—1055 гг.) правителями Багдадского халифата.

В последней части написанной Ибн Мискавейхом всемирной истории — «Книге опыта народов» — находится описание похода руссов на Бердаа [15]. Оно основано на современной информации [16], но ошибочно датировано. Впрочем, датировку нетрудно исправить, если вспомнить, что, описывая поход руссов, Ибн Мискавейх упоминает о смерти в Багдаде эмира Тузуна, которая датируется августом — сентябрем 945 г. [17] Игорь действовал против Византии вдоль обоих берегов Черного моря. Цели Игоря в Закавказье определялись тамошней политической обстановкой. На северо-востоке наиболее значительными владениями были тогда Ширван и Дербентское княжество. Располо-

женная южнее территория нынешнего Азербайджана в 330 г. х. (941—942 гг.), т. е. как раз накануне рассматриваемых событий, была захвачена отрядами дейлемитов (воинственных горцев южного Прикаспия) Марзубана бин Мухаммеда Мусафирида, который разбил местного правителя Дайсама ибн Ибрахима. Победе Марзубана помог Абд-л-касим Али, вазир Дайсама, тайно изменивший своему повелителю. Дайсам бежал ко двору армянского владетеля Гагика Арцруни, откуда вскоре вновь связался с предавшим его вазиром. Затем Абд-л-касим уже сам вступил в конфликт с Марзубаном, был отставлен им от должности, но получил в управление Тебриз. Зовя Дайсама вернуться в Азербайджан, Абд-л-касим устроил со своими сторонниками резню дейлемитов в Тебризе; прибывший туда Дайсам был вынужден укрыться в цитадели. Затем город был осажден войском Марзубана и вскоре сдался на его милость [18].

Победитель, перейдя Куру, вступил в пределы Ширвана. Владетель последнего Йазид, ища союзников, обратился к знати Дербента, отдав ей за это сборы с нефтяных источников Баку и солеварен [19]. В сокращенной «Истории Дербента» (начало XII в.) говорится, что его жители помогли Йазиду прогнать дейлемитов и он «согласился совместно с ними напасть на византийцев [Рум], грузин и другие неверные народы» [20]. Можно с основанием предположить, что освобождение Ширвана от дейлемитов было связано с походом руссов в Закавказье и что их базой был Дербент.

Из Дербента руссы через Ширван по Куре поднялись в столицу Аррана (Албании) Бердаа (Партав), богатейший город Закавказья, и овладели им, изгнав наместника Марзубана и его дейлемитский гарнизон. Примечательно, что руссы, не желая портить отношений с жителями, не разорили Бердаа и запретили обижать население, как сообщают и Ибн Мискавейх и албанский хронист Мовсес Каланкатваци (Дасхуранхци) [21]; они даже расположились не в городе, а в соседнем селении Мубараки, о чем узнаем из персидского анонима «Худуд ал-алам» (около 982—983 гг.) [22].

Действия руссов понятны: они собирались двигаться на Византию и рассчитывали по крайней мере на нейтралитет арранцев (подобным образом будет позднее действовать Святослав в Болгарии). Ведь противником руссов

был захвативший Арран Марзубан — враг Хамданидов (династии, владевшей северной Месопотамией и Сирией с центрами в Алеппо и Мосуле). Хамданиды — главный противник Византии на востоке [23]; следовательно, Марзубан — в одном лагере с Византией. Происходившими событиями была затронута и Армения: анийские цари уже более полувека находились в союзе с Византией, но владетели из семьи Арцруни и их представитель Гагик были недружественны Ани, дали убежище Дайсаму и не питали вражды к Хамданидам.

Марзубан, узнав о падении Бердаа, двинул свою рать на север против новоявленных противников, но в сражении с руссами потерпел поражение и, видимо, отошел на юг, поближе к Дейлему. Руссы же продвинулись на юго-запад и овладели Марагой, о чем, кроме Ибн Мискавейха, упоминает крупнейшей арабский историк первой половины XIII в. Ибн ал-Асир [24]. Однако жестокая эпидемия сократила ряды руссов, и они были вынуждены возвратиться в Арран, где им пришлось вести войну с Марзубаном.

В это время в борьбу вмешался владетель северной Месопотамии (Мосула) Абу Абдуллах Хусейн ибн Саид ибн Хамдан, который вместе со своим братом Сайф ад-даула считался главным противником Византии. Узнав об этом, Марзубан оставил часть войска против руссов в Арране, а сам двинулся к югу на Хамданида.

Руссы, ослабленные эпидемией и войной с Марзубаном (в одной из битв погиб их военачальник), вступили в конфликт с жителями Бердаа и в конце концов разорили его. По-видимому, на этом поход руссов закончился. С большой добычей они возвратились на родину. Быть может, они были отозваны Игорем, вскоре заключившим мирный договор с Византией. О руссах восточные источники напоминают вновь уже под 377 г. х. (987 г.) в связи с событиями в Дагестане и Ширване. В это время дербентский эмир Маймун бин Ахмед (976—997 гг.), враждовавший с городской знатью Дербента (раисами) и заключенный ими под охрану в городскую цитадель, тайно обратился за помощью к руссам. Последние прибыли к Дербенту на 18 судах и освободили эмира, после чего 17 русских кораблей направились на юг (один был уничтожен дербентцами, скорее всего после отплытия остальных, хотя источник не дает на этот счет ясных указаний). После этого руссы разорили побережье Ширвана, и дальнейшая их судьба неизвестна. Впрочем, сама дата события (987 г.) позволяет связать этот поход с тогдашней политикой

Владимира в отношении Византии. Может быть, они рассчитывали через Грузию пройти в Малую Азию, но, вероятно, весь отряд погиб в Азербайджане[25].

По сведениям того же источника, упомянутый Маймун, вероятно, в 988 г. принял на службу еще отряд руссов, составивший его личную охрану (гулямы). Вместе с этим отрядом Маймун был осажден в дербентской цитадели восставшими дербентцами, которыми руководил какой-то фанатик — проповедник из Гиляна. С помощью руссов Маймуну удалось отбить нападения восставших и затем добиться свободного ухода в Табасаран.

Сорок лет спустя летописи Дербента и Ширвана вновь заговорили о руссах. Между 1030 и 1032 гг. руссы в союзе с аланами и какой-то частью горцев Дагестана принимают видное участие в политических событиях в Закавказье. Возможно, это отряды тмутараканского и черниговского князя Мстислава Владимировича, который пытался создать державу в Подонье и на Северном Кавказе. Руссы вместе со своими союзниками недалеко от Баку разгромили войска ширваншаха, а затем поднялись вверх по Куре. Здесь они поддержали сына престарелого правителя Аррана Фадла Мусу. В Арране шла война между Мусой и его братом. Муса с помощью руссов взял резиденцию последнего г. Байлакан и убил своего соперника. Любопытно, что русский отряд после этого ушел в Рум (Византию)[26]. Видимо, у этих руссов существовала какая-то связь с русским корпусом в Византии, но скорее всего руссы ушли на Северный Кавказ через Дарьяльский проход, бывший во владении союзного им аланского царя.

В 1032 г. руссы опять в союзе с аланами появились в Закавказье. Возглавлял эту экспедицию сам царь аланов. Война союзников в Ширване окончилась неудачей. Во-первых, упомянутый выше Муса, уже год как наследовавший своему отцу в Арране, породнился с ширваншахом Манучихрем и стал союзником последнего[27]. Во-вторых, эмир Дербента Мансур находился во враждебных отношениях к аланам и руссам, а поскольку этот владетель был женат на дочери царя Сарира Бухт-Йише, сарирцы, хотя они, кажется, участвовали в походе на Ширван, оказались не совсем надежными союзниками. При возвращении из Ширвана аланы и руссы подверглись нападению дербентцев, лезгин и табасаранцев. В хрони-

ке Ширвана написано, что «это была резня, подобной которой никогда не упоминалось» [28]. Только небольшому отряду во главе с царем аланов удалось прорваться и уйти. Попытка руссов и аланов в следующем 1033 г. расквитаться была отбита. После этого, по словам современных хронистов, «навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские центры» — Дербент и Ширван [29].

В. М. Бейлис в своем письме любезно обратил наше внимание на неопубликованное упоминание руссов Мас'удом ибн Намдаром, бывшим казначеем г. Байлакана: «Сторонник ширваншахов, он был изгнан горожанами и, оплакивая свою судьбу в стихотворении „Порицание неких низостей. Жалоба на свое положение" (начало XII в.), в следующих словах осуждает их: „Уже сравнялись [дела] косноязычных из Байлакана с тем, как поступали русы в Шабаране". Шабаран — название области вдоль побережья Каспия (ныне южной части района Кубы), а также неукрепленного города, известного со времен арабского завоевания; ширваншах Фарибурз ибн Салар (около 1063 г.— не ранее 1111 г.) пытался сделать его центром своих владений. Возможно,— пишет В. М. Бейлис,— что за этим сообщением стоит какое-то событие, связанное с активизацией кавказской политики тмутараканских князей 70—80-х годов XI в.» [30].

Восточные источники о принятии Русью христианства позволяют задуматься и об ее связях с Хорезмом.

В летописи сохранился любопытный рассказ, облеченный в легендарную форму, об «испытании вер» князем Владимиром. В этой легенде есть рациональное зерно: принятию христианства при Владимире предшествовала оценка князем и его двором международной стороны дела. В связи с этим заслуживает внимания рассказ иранского антологиста XIII в. Мухаммеда Ауфи о посольстве русского князя по имени Буладмир в Хорезм с целью изучения возможности принятия ислама [31]. Рассказ этот дошел до нас в поздней легендарной обработке; истоки его ведут в Среднюю Азию домонгольского времени, так как именно из какого-то ныне утерянного среднеазиатского источника Ауфи и заимствовал свои сведения. Мы не знаем точно, состоялось ли русское посольство в Хорезм при Владимире, хотя и отрицать его оснований у нас нет,— в X—XII вв. влияние Хорезма (во всяком случае рели-

гиозное) на Поволжье было велико. Возможно, Владимир действительно колебался, избирая форму веры для Руси.

События в Крыму и особенно в Малой Азии понуждали Византию искать сближения с Русью.

С событиями в Малой Азии этих лет были хорошо знакомы арабско-христианские историки, и один современник — Яхья Антиохийский — оставил довольно подробный рассказ о помощи русского князя императору во время восстания Фоки и о принятии в связи с этим Русью христианства [32]. Несколько позднее это же событие отметил в своей летописи и современный армянский хронист Степанос Таронеци (Асохик) [33]. Рассказ о принятии Русью христианства сохранили и мусульманские писатели, в частности Ибн ал-Асир, составитель всемирной истории в XIII в. [34]

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Отношения со степными кочевыми ханствами — одна из наиболее сложных проблем древнерусской политики, ибо кочевая стихия была переменчива и временами довольно сильна. Борьба с набегами кочевников дорого обошлась древнерусскому народу, особенно жителям юго-восточной части страны; подчинение кочевых ханов внешнеполитическим видам Руси — в ее взаимоотношениях с Византией, Булгарией, Венгрией и другими странами — тоже потребовало немалых усилий. Уже в сношениях с тюркскими ханами были выработаны некоторые приемы, которые умело применялись позднее и в отношении Золотой Орды.

РУСЬ И ПЕЧЕНЕГИ

Летопись упоминает о печенегах как о кочевниках, сменивших аваров («по сих же придоша печенези») [1]. Уточнено это сообщение под 915 г., когда печенеги будто бы «первое» пришли на Русскую землю и, «сотворивше мир» с Игорем, направились к Дунаю. Это первый русско-печенежский договор [2]. Византия пыталась использовать печенегов против болгарского царя Симеона, но неудачно, и печенеги отошли восвояси, т. е. за Дунай [3].

Отношения Руси с печенегами были сложные. Тот же Игорь воюет против них [4]. Миры и войны сочетались с наемничеством: в походе 944 г. Игорь «печенеги наа» [5]. Заключив мир с Византией, он тогда же «повеле печенегом воевати» связанную с нею Болгарию. Печенеги — объект энергичной дипломатии не только Византии, но и Руси. Сведения летописи вполне гармонируют с тем, что писал по печенежскому вопросу император Константин Багрянородный [6]. Разгром Хазарии (865 г.), создание опорных пунктов на Кавказе позволили Руси активнее влиять на печенежскую политику.

Печенеги осадили Киев, когда Святослав с войском был в Болгарии, потом они сняли осаду, боясь, что князь их «погубит»; осажденным удалось установить мир с печенегами. Вернувшись с Дуная, Святослав «собра вои и прогна печенеги в поле, и бысть мир»[7]. Это предание, по вполне вероятное, тем более что Ибн Хаукаль в 969 г. писал о печенегах как союзниках Руси: они являются «острием» и союзниками руссов[8]. В новый поход на Болгарию Святослав водил и печенегов[9], но не всех: часть их была подкуплена Византией, о чем Святослав знал[10]. Извещенные болгарами печенеги хана Кури замкнули устье Днепра и погубили русское войско[11].

При Владимире Святославиче отношения с печенегами были стабилизированы благодаря упрочению его власти в Поволжье и на Северном Кавказе, установлению договорных отношений с Булгарией, а в немалой степени и благодаря строительству первой засечной черты к востоку от Киева по рекам Десне, Остеру, Трубежу и Суле, заселенной славянскими и прибалтийскими служилыми людьми[12]. Эту черту видел и описал папский эмиссар епископ Бруно (1008 г.), вероятно нашедший Польше союзников в печенежской орде[13] и вскоре сложивший свою голову в ятвяжских пущах. К сожалению, летописец располагал лишь преданиями о городах, и то связанных с церковным управлением; отсюда сообщения: о победе под Переяславлем[14], под Василевым, где Владимир основал церковь[15], в Белгороде[16],— подтверждающие ту мысль, что Владимир «бе воюя ся с ними и одолая им»[17]. Воевал он до последних дней жизни, когда посылал сына Бориса в степь, а тот вернулся, «не обретшю» печенегов[18].

Зато Святополк Владимирович, помимо русской, имел несчетную наемную печенежскую рать[19], хотя и был разбит новгородско-варяжской дружиной Ярослава. Печенеги-наемники, как и варяги, стали участниками феодальных распрей задолго до половцев. Разбив с польской подмогой Ярослава (1018 г.), Святополк, не удержавшись в Киеве, бежал «в печенегы»[20]. Когда он попытался вновь занять киевский стол, выступив с печенегами «в силе тяжьце», то был разбит на Летьском поле[21] (где некогда пал Борис, почему и сохранилось предание). За напряженной борьбой Руси с натиском печенегов внимательно следила Византия, в чьи пределы эти кочевники вторгались в 1026, 1032, 1035 гг.[22] и позднее.

Еще одно предание о печенегах связано с событиями 1036 г., когда по смерти Мстислава княжил Ярослав Мудрый: в Новгороде он получил весть, что «печенеги остоять Киев». Собрав новгородско-варяжское войско и присоединив к нему киевлян, Ярослав разбил печенегов на том месте, где стоит храм Софии. Это церковное предание [23]. Словом, о печенегах летописец располагал серией церковно-территориальных преданий; из них ясно, что печенеги, которых византийские дипломаты рассматривали как противовес Руси, не оправдали их надежд. Русь одолела печенегов с помощью дипломатии, войн и продуманной системы обороны. Зато сама Византия, как мы видели, оказалась под ударом печенежских орд. Печенежский вопрос интересовал и Венгрию и Польшу, которая толкнула их на Русь в 1018 г.

С началом феодального дробления страны печенеги — источник наемных ратей и для Галичины: теребовльский князь Василько, услышав, что к нему идут (это его рассказ, на деле он их, конечно, подкупил) берендеи, печенеги и торки, собирался отправиться с ними на Польшу [24].

К этому времени печенеги уже второстепенный фактор русской степной политики, где главное место заняли половцы. Разбив половцев во время похода 1103 г., русские рати «заяша печенеги и торки с вежами» [25]. Они стали подданными и из внешнеполитической сферы перешли в вассальную. И смутное известие 1116 г. о том, что «бишася [кто?] с половци и с торкы и с печенегы у Дона, и секошася два дни и две нощи, и придоша в Русь к Володимеру торци и печенези» [26], тоже свидетельствует, что русской власти удалось отколоть торков и печенегов от ослабленных русскими походами половцев и даже использовать их в половецкой политике.

Последующие факты подкрепляют эту оценку: когда в 1121 г. князь Владимир изгнал берендеев из мест их поселения на Руси, то торки и печенеги сами бежали [27]. Из самостоятельного кочевого народа они сделались конфедератами князей не только галицких, но и черниговских. Когда в 1142 г. против Всеволода Ольговича выступили его вассалы и пошли к Переяславлю, он выставил Лазаря Саковского «с печенегы и с вои», т. е. тюркскую рать соединил с русской дружиной [28] — прием в то время обычный.

К середине XII в. печенеги уже прочно сидят в подвластных киевскому правительству вежах на Поросье (в

районе Торческа) и входят в состав тюркского вассального Киевской земле корпуса черных клобуков [29] и как таковые присягают в 1169 г. князю Мстиславу Изяславичу под Микулином [30]. Это последнее упоминание о них в летописях.

Итак, печенеги были разбиты и низведены на положение вассально-служилого конного корпуса.

РУСЬ И ТОРКИ

Распространение русской власти на торков Повесть временных лет датирует временем Владимира Святославича, который вместе с русской ратью водил на Булгарию их конный отряд [1]. Д. С. Лихачев полагает, что это были печенеги, так как торки появились лишь в середине XI в. [2] Возможно, что и раньше торки входили в число служилых людей: в 1015 г. князя Глеба зарезал его повар «именем Торчин» [3]. Сама Булгария еще в IX в. имела дело со всеми группами тюрков — печенегами, торками, берендеями и половцами. Она, как и Русь, обзавелась тюркскими военными поселениями.

Мы помним, какие тяжелые последствия для Византии имел переход печенежских и торкских орд ханов Кегена, а затем Тираха (около 1048 г.) за Дунай.

Прямое наступление Древнерусского государства на торков датируется 1054 г., когда Всеволод по смерти Ярослава Мудрого двинулся зимой из Переяславля «к Воиню и победи торки» [4]; в 1060 г. против торков отправились на конях и в ладьях с большой ратью Изяслав, Святослав и Всеволод, а также полоцкий Всеслав. Летопись описывает исход этого дела в том же церковно-риторическом духе, как и разгром печенегов (1036 г.): «Се слышавше торци, убояшася, пробегоша и до сего дне, и помроша бегаючи, божьим гневом гоними, ови от зимы, друзии же гладом, ини же мором и судом божьим. Тако бог избави хрестьяны от поганых» [5]. Но торки не исчезли, они вторглись во владения Венгрии и Византии; частью они погибли от эпидемий; часть поступила на службу Византии, остальные — вернулись па Русь [6].

С появлением половцев князья старались привлечь торков на свою сторону. Они отводили им земли для поселений, а также использовали и половцев против торков:

в 1079 г. Роман Святославич водил половцев к Воину, а Всеволод заключил с ними мир — у Переяславля. Видимо, поэтому в 1080 г. переяславские торки напали на Русь. Тогда Всеволод послал войско с Владимиром, и тот, «шед, победи търкы»[7]. В 1093 г. 10-тысячная рать половцев измором взяла Торческ, подожгла его, а жителей угнала в плен[8].

Затем наступил черед половцев, против которых князья направили торков: когда Владимир Мономах воеводствовал в Переяславле и к нему в 1095 г. на переговоры пришли половецкие ханы Итларь и Кытан, он послал убить их Славяту с небольшой дружиной и «с торки»; среди отроков Владимира был некто Бяндюк, позвавший Итлареву чадь (отряд) на место гибели[9]. Трудно было придумать лучший повод для разжигания торко-половецкой вражды. Владимир потом вспоминал, что, сидя в Переяславле, имел союзников и среди торков, и среди половцев: «Тогда же и торци придоша ко мне, и с половець Читеевичи, идохом противу им на Сулу»[10].

Торческая дружина оказалась в водовороте княжеских смут 1097 г.: среди оклеветавших князя Василько был Туряк, бежавший в Киев[11], двух его соучастников Васильковичи повесили и расстреляли; среди ослепивших князя Василько был конюх князя Святополка Сновид Изечевич. В числе младших дружинников самого Василька видим торков Улана и Колчко[12], а Кулмея этот князь думал послать к Владимиру[13]. Вспомним, что тот же Василько поджидал торков для похода на Польшу.

Владимир Мономах, энергично подчинявший степь, сумел справиться и с торками. В 1116 г. торки вместе с печенегами бились на Дону, а потом ушли на Русь[14], но уже в 1121 г., когда Мономах, которому тюркский корпус, возможно, мешал распоряжаться Киевом, прогнал из Руси берендеев, торки и печенеги от него бежали[15]. Впрочем, часть их осталась, ибо в 1126 г., узнав о смерти Владимира, половцы пошли на Баруч, думая там захватить подвластных Руси торков. Их постигла неудача: Ярополк из Переяславля избежал ошибки Святополка (1093 г.) и сумел подтянуть своих торков в район их обычной дислокации — в Баруч и «в прочая грады»[16].

Торки поселились в Поросье — в Торческе и других укреплениях они жили вместе с берендеями, коуями, печенегами, образуя корпус черных клобуков[17]; он подчи-

нялся магистрату Киева и представлял собой одну из сил, не раз определявших исход борьбы волынско-смоленских, черниговских и суздальских князей за «Русскую землю». Союз с киевлянами это и союз с тюркским корпусом [18]. Переяславль и его тюркская округа входили в «Русскую землю» и выделялись магистратом князю, отвечавшему за безопасность Киевщины от степи.

Грубо говоря, торки тяготели к волынским князьям, опасаясь Чернигова, тесно связанного с половцами, и еще больше — суздальских князей, союзных «диким» половцам. Это три сферы, на которые была расколота степь. На практике борьба князей порождала группировки как среди горожан Киева, так и среди этнически пестрой знати черных клобуков. Как всякие наемники, они не были устойчивы и охотнее служили тому, кто сулил больше ленов: именно поэтому под Белгородом торки и берендеи, покинув Изяслава Давыдовича, признали власть волынского Мстислава Изяславича [19]. В дальнейшем, присягая Мстиславу [20], они изменили ему в Киеве [21] и оказались неверны под Вышгородом [22], когда увидели, что перевес на стороне суздальской группировки.

Торков привлекали к внутренней междоусобной борьбе те из князей, которым довелось держать Киев. С разрешения магистрата их водили на Полоцк [23], на суздальцев [24], использовали и против половцев [25]. Земля черных клобуков — государственное по «ряду» неотчуждаемое владение Киева: оставляя город, князья теряли и торков, как в Новгороде теряли карел, эстов и др. Этот порядок дожил до монгольского нашествия: в 30-е годы XIII в. князь Даниил Романович держал Торческ [26], помогая Киеву против Чернигова, а киевский Владимир посылал торков ему на помощь [27].

РУСЬ, ТУРПЕИ И КОУИ

В Повести временных лет этих народов нет; видимо, они выделились позднее, в процессе этнической консолидации торков. Первоначально они жили где-то между киргизами и уйгурами, откуда часть их с сельджуками ушла в Малую Азию, а часть в XII в. с торками — на Русь. Интересно, что ал-Идриси выделяет «внутреннюю Куманию» на карте Половецкой земли; Т. Левицкий отождествляет ее с поселениями торков по Суле, Десне, Дону.

У Идриси есть и город Qāy в центре поселения коуев, где-то у Чернигова. Исследователь допускает, что это тюркское обозначение самого Чернигова [1], подобно тому как Киев назывался Ман Кермен [2].

Коуи, как часть черных клобуков [3], разделяли их судьбу во время соперничества князей из-за Киева. У Чернигова были вассальные коуи: их отряд во главе с воеводой Ольстином Олексичем участвовал в походе Игоря Святославича на половцев. На Каяле эти коуи «возмятошася» и содействовали поражению черниговцев, хотя и сами понесли большой урон [4].

За влияние на турпеев боролись суздальские и волынские князья. Когда волынский Изяслав, заняв Киев, направил сына Мстислава в Канев, чтобы добывать Переяславль, тот послал за Днепр «к турпеям и к дружине, веля им ехати к собе». Но по указанию Долгорукого князь Андрей вступил в Переяславль, а Ростислав Юрьевич «гна к Сакову и загони турпее у Днепра и поимав е, переведе к Переяславлю» [5]. В другой раз коуи встречаются под рукой Михалко Юрьевича; посланные им в Новгород, они изменили в пользу Смоленска [6].

И позднее волынские князья были связаны с коуями. Один отряд коуев — отряд Бастея («Бастий», «Бастеева чадь») участвовал в походе на половцев Мстислава Изяславича и князей киево-волынско-черниговской коалиции [7]. Но когда суздальские рати осадили Киев и берендеи с торками изменили Мстиславу, «Бастеева чадь» сделала то же и даже захватила часть его дружины [8].

РУСЬ И БЕРЕНДЕИ

Повесть временных лет упомянула берендеев в числе служилых кочевников, которых князь теребовльский думал использовать против Польши [1]. Известен и овчюх Святополка «именем Беренди» [2]. В середине XII в. они живут в Поросье, составляя часть черных клобуков [3]. Но их вассальная зависимость от Руси установилась раньше: в 1105 г. половецкий хан Боняк воевал их на Зарубе (южнее Переяславля) [4], а тот факт, что Мономах их «прогна» из Руси [5], вероятно, ухудшил их юридическое положение, но не изменил его, ибо уже в 1139 г. князь Ярополк Владимирович ведет 30-тысячный отряд берендеев против

Ольговичей [6]. Позднее размеры наемной рати берендеев стали гораздо скромнее.

Берендеи были активно втянуты в соперничество княжеских группировок. Волынский Изяслав Мстиславич использовал их против Игоря [7] и Святослава Ольговичей («с переяславичи и с берендеи») [8], Глеба Юрьевича («съвокоупи дроужиноу берендеи») [9], Юрия Долгорукого [10] и, наконец, Владимира Володаревича [11], т. е. против Чернигова, Суздаля и Галича.

Понятно, почему Юрий Долгорукий, завладев Киевом, держал помимо Глеба в Переяславле еще Василько — в Торческе, в Поросье [12], а когда берендеи участвовали в отпоре половецкому набегу, не рискнул лишить их захваченного полона и постарался вознаградить половцев дарами. Водил он берендеев и на Волынь [13].

Берендеи участвуют в борьбе князей за Киев: на стороне черниговского Святослава Ольговича они выступают против половцев [14]; на стороне смоленско-киевского Ростислава Мстиславича — против «диких» половцев [15]. Берендеи служат антиполовецкой политике сменяющихся в Киеве князей: при Глебе Юрьевиче отряд берендеев в 1500 человек воевал против половцев [16]; той же численности отряд использовали против половцев на далекой реке Орель Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич [17]; в половецком походе 1185 г. в дозоре с Владимиром Глебовичем ездили 2100 берендеев [18].

Словом, сила берендеев невелика. Берендейская знать, как и вся ханская верхушка черных клобуков, за доходы и лены служила интересам Киева. Последний раз берендеи упомянуты в 1206 г. как участники чернигово-смоленско-киевского похода на Галич [19]. Они исчезают в сумятице монгольского нашествия.

Общее наименование всех служилых тюрков — черные клобуки. Под таким названием вассальный Киеву тюркский корпус выступает лишь с расцветом феодальной раздробленности, в середине XII в.: черниговский князь стал неугоден Киеву, и звать волынского Изяслава (из Переяславля) в Заруб пришли не только «от киян мужи», но и «черпии клобуци и все Поросье» («вси клобуци и поршане») [20]. Под Черниговом имелись тоже тюркские города — Всеволож, Уненеж, Бохмач и «инии гради мнози». Когда волынско-смоленские войска по совету клобукской знати вместе с союзными клобуками напали на них, то эти «го-

рода»... бежали к Чернигову, уцелел лишь Глебль. Ясно, что это были только укрепленные поселения кочевников. Впрочем, и Чернигов имел связи с черными клобуками в их целом [21].

Объединенные силы клобуков были, видимо, внушительны: к Изяславу Мстиславичу они пришли «всими своими полкы» [22]. Боясь суздальских князей с их «дикими» половцами [23], клобуки охотнее служат Волыни. Изяслав Мстиславич водил их на галицких князей Владимира Володаревича [24] и Ярослава Осмомысла [25], посылал в тыл Долгорукому против половцев — на Угол и Самару [26].

Волынско-тюркский союз сохранялся и при Мстиславе Изяславиче — против Изяслава Давыдовича и его «диких» половцев. Мы видели, что в разное время в дело пускалась та или иная часть вассальных тюрков, но в 1162 г., когда Изяслав Давыдович повел «диких» половцев и они взяли много веж, то собрался «черный же клобук весь» [27]. В конце XII в., когда возросло влияние суздальских князей и они вместе со Смоленском воевали против волынско-черниговской группировки, Ростислав Рюрикович водил клобуков и на Волынь [28], но это эпизод: клобуки опасались чернигово-половецких связей и в 1202 г. поддержали захват Киева волынским Романом Мстиславичем [29].

В заключение стоит отметить, что попытки князей широко использовать одну часть тюрков-клобуков против другой, насколько можно судить по уцелевшим данным, успеха не принесли: получались «измены» [30].

РУСЬ И БРОДНИКИ

Происхождение бродников не вполне ясно, и в эту главу мы их включаем условно. Они (под названием Praedenecenti) упоминаются в источниках IX в. и, кажется, относятся к тем славянам, которые отошли перед болгарами к северу от Дуная [1]. Здесь уже как «ветвь русских» они наряду с половцами встречаются в конце XII в. (см. стр. 204). Но бродники — кочевой народ, живший и в восточной части Половецкой земли [2]. Они были связаны с Черниговом, выступая в качестве его союзников опять-таки рядом с половцами. В 1146 г. где-то близ Дедославля многие «бродничи и половци придоша» к Святославу Ольговичу, «уеве его» [3]. После этого служили они и суз-

дальским князьям: Юрий Всеволодович водил на Липицу сильные полки, включавшие муромцев, бродников и городчан [4]. Видимо, здесь они были наемниками, так как князь старался собрать наибольшее войско («погнано бяше из поселей и до пешець»).

В качестве союзников монголов они упоминаются новгородской летописью при описании битвы на Калке. Воевода бродников Плоскыня — человек крещеный: он нарушил клятву на кресте, данную русским князьям [5]. В XIII в. бродники вместе с половцами отмечены на территории «Половецкого епископства» у границ Венгрии.

Как ни скудны сведения летописи, они не дают оснований отождествлять бродников с подунайскими берладниками, больше схожими с русскими ушкуйниками.

РУСЬ И ПОЛОВЦЫ

Взаимоотношения с половцами — наиболее сложное явление русской степной политики.

Половцы упомянуты в летописи под 1054 г. — их привел хан Болуш; Всеволод Ярославич заключил с ними мир, и они ушли туда, откуда пришли [1]. В 1061 г. половцы князя Искала (Сокала) впервые повоевали Русь, разбив войско того же Всеволода [2].

Наиболее популярно известие 1068 г. о победе половцев над коалицией Ярославичей на Альте, где Изяслав помешал разбить половцев, которые «росулися по земли», а Святослав с 3-тысячным полком разбил 12-тысячную рать половцев у Сновска (севернее Чернигова) и захватил хана Шарукана [3]; в том же году половцы совершили грабительский набег на Венгрию [4]. Летопись не говорит, почему в ближайшие годы воюют половцы у Ростовца и у Нежатина [5]. Д. А. Расовский связывал половецкие походы со стремлением ханов вернуть укрывшихся на Руси подданных — торков [6]. Отмечаются и первые попытки использования их черниговскими князьями в борьбе за Киев: в 1078 г. Олег Святославич (из Тмутаракани) вместе с половцами побеждает Всеволода на р. Сожице. На следующий год Всеволод заключает с половцами новый мир у Переяславля и подчиняет Тмутаракань [7]. Руси удалось временно стабилизировать отношения с Половецкой степью, значительная часть сил которой (хан Кутеск и другие) устремилась за Дунай, на Византию. Затем вовле-

ченные ею в союз ханы Боняк и Тугорхан спасли Византию от печенегов.

Летописец сетовал в 1092 г., что «рать велика бяше от половець и отвсюду» (откуда, он не поясняет); он упоминает о падении городов Песочен, Переволока, Прилук, лежавших в пределах района, огражденного оборонительной линией при Владимире, и вблизи будущих поселений торческого корпуса. Переяславское княжество было так ослаблено, что половцы расположились в нем даже с вежами (кибитками и скотом). Примечательно, однако, что на этот же год падает известие об использовании Галичем половцев в качестве наемников против Польши [8] и Венгрии.

События развивались так, что безопасность Руси требовала включить Половецкую степь в вассальную систему. Великий князь Святополк не сумел установить гибкий мир с пришедшими ханами, которые уже тогда считали нужным перезаключать свои мирные договоры со сменяющимися в Киеве князьями. Святополк же захватил их послов, проиграл половцам битву на Стугне у Треполя, а потом и на Желани, пытаясь пробиться к Торческу. При таких неудачных обстоятельствах торческий корпус был введен в антиполовецкую политику. Наконец, в 1094 г. Святополк заключил с половцами мир, взяв в жены дочь князя Тугорхана. Впервые половецкая хатунь стала русской великой княгиней. Так началась сложная политика в Половецкой степи. В 1095 г. рати Тугорхана, уже под Адрианополем, воюют в поддержку Льва Лже-Диогена [9].

Эта политика осложнялась отсутствием государственного единства на Руси и взаимной враждой среди половецких ханов. Уже в 1095 г. с помощью половцев Олег Святославич взял Чернигов и вытеснил Мономаха в Переяславль [10], где тот, в сговоре со Святополком, убивает союзных ханов Кытана и Итларя вместе с их дружинами. Доверие половцев к договору рухнуло. Война была неизбежна. Святополк и Владимир ведут войска на половцев, воюют и грабят их, а Олег — нет: Чернигов не хочет принимать на себя ответные удары, которые наносят половцы в обход киевской торческой обороны. Более того, у Олега укрылся сын Итларя, и он его не выдал Киеву [11]. Налицо трещина в единой степной политике. Половцы берут Юрьев, великий князь велит строить Святополч, заселяя его юрьевцами, засаковцами и воинами из других городов. Но это капля в море.

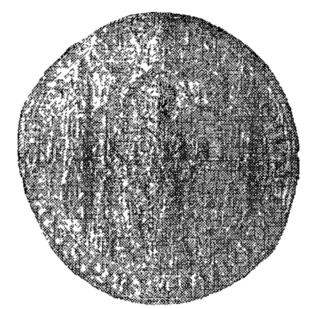
В Повести временных лет читаем, что без помощи Чернигова Святополк и Владимир воюют сразу против ханов Боняка, Кури и Тугорхана, которые грабят окрестности Киева, Берестова, Переяславля, причем погибает Тугорхан — половецкий тесть русского князя, а хан Боняк во время налета на Киев пожог двор князя в Выдобыче, а также монастыри Стефана и Германа [12].

Половецкий вопрос был вынесен на великокняжеские съезды. Горячее дыхание степи чувствовалось на снеме в Любече (1097 г.), здесь все, а особенно ясно Киев и митрополия (боясь повторения 1096 г.) [13] понимали: половцы «несут землю розно» [14]. И Святополк и Мономах опасались половецких связей Полоцка [15], Теребовля [16], Волыни [17]. Кое-как князья договорились, и в 1101 г. был заключен русско-половецкий мир у Сакова [18] и начата подготовка к прямому подчинению половцев. Задача эта оказалась крайне трудной, и осуществить ее удалось лишь частично.

* * *

Как видим, степь с ее сменяющимися кочевыми ханствами сильно осложняла и внутреннюю и внешнюю политику Древнерусского государства с первых же лет его существования. Мужественно отбив натиск печенегов и торков, наш народ содействовал защите от них цивилизации других стран Европы. Печенеги и торки стали вассалами Руси, которая с их помощью ослабила половецкий натиск. Вместе с тем была обречена на неуспех традиционная политика Византии, видевшей в натравливании тюркских ханов на Русь важнейшее средство упрочения и расширения своего господства в северном Причерноморье [19].

РУСЬ И ГЕРМАНИЯ

Повесть временных лет относит русских и немцев наряду с другими народами Европы к одному Афетову колену [1]. Ко времени составления Повести русско-немецкие отношения имели уже солиднуюдавность.

Впервые на Рейне услышали о Руси 18 мая 838 г., когда в Ингельгейм прибыло византийское посольство от Феофила к Людовику Благочестивому, а вместе с этим посольством через Германию возвращались на родину какие-то руссы, конечно, люди знатные. Византийский император просил оказать им содействие, так как кочевники преградили им путь на родину. Император, до той поры не слышавший о Руси, велел узнать, кто они, и оказалось, что шведы, т. е., видимо, служившие Руси варяжские послы или купцы [2].

Прошло больше ста лет. За это время образовалось Древнерусское государство, за это же время после Верденского договора (843 г.) из герцогств Саксонии, Тюрингии, Франконии, Швабии и Баварии складывается самостоятельное Германское государство, с которым в годы правления саксонской династии (919—1024) Русь не только торгует, но и завязывает дипломатические сношения.

Эти отношения возникли не случайно: участие Руси в широком круге международной политики на Черном, Средиземном и Балтийском морях должно было интересовать Германию, которая воевала с венграми, готовилась вмешаться в итальянские дела и стремилась продвинуться к Одре (Одеру).

Отношения были настолько тесными, что княгиня Ольга, когда ей не удалось добиться согласия Византии на христианизацию Руси, отправила с той же целью посольство к германскому Оттону I (936—967). Русские летописи об этом умалчивают, но немецкие хроники содержат ясные свидетельства. Современный событиям продолжатель хроники Регинона, аббата вейссенбургского монастыря, под 959 г. сообщает, что послы Елены (христианское имя Ольги), «королевы русской», которая будто бы крестилась у

византийского императора в Константинополе, прибыли ко двору Оттона I и просили, «как потом выяснилось притворно», прислать епископа и священников их народу [3]. Судя по известию Анналиста Саксона, Оттон «очень обрадовался» этому предложению [4]. Бременский архиепископ Могунций Вильгельм назначил монаха Либутиуса из майнцского монастыря епископом на Русь, но тот умер (961 г.) и его преемником «по интригам и совету» трирского архиепископа Вильгельма стал монах трирского монастыря св. Максимина Адальберт [5].

Но напрасно у крупнейших архиепископов разгорелись глаза на новую епархию. Адальберт потерпел неудачу, и в хронике под 962 г. читаем, что «возвратился Адальберт, не добившись успеха ни в чем том, для чего был послан, и убедившись в тщетности своих стараний; на обратном пути некоторые из его спутников были убиты, а сам он с большими трудностями едва спасся и, прибыв к императору, был принят им ласково» [6]. Немецкому королю в отличие от русских великих князей было легче достигнуть своих церковно-политических целей, в 962 г. он вступил в Рим и короновался императором. Он строил широкие планы распространения своей светской и церковной власти на славянские земли к Одре, и при нем возникли 6 епархий: магдебургская, мейсенская, мерзебургская, цейская, гавельсбергская и бранденбургская; в 966 г. было принято христианство Польшей, чья епископия была подвластна непосредственно Риму; в 973 г. возникло пражское епископство, подчиненное майнцскому архиепископству. Русской епархии среди этих новообразований не оказалось, хотя Адальберт действовал на Руси осмотрительно и, как отмечал папа Иоанн XIII (965—972), потерпел неудачу «не по своей нерадивости» [7].

Видимо, Ольга сочла неприемлемым предложение организовать епископию, считая, что на Руси должно быть архиепископство, если вообще ее посольство не преследовало цели оказать давление на Византию; а может быть, княгиня учитывала и сближение Польши с Германией, с которой Мешко I в 965—966 гг. вступает в прямой союз [8]. Гибель части посольства (маршрут которого пролегал, вероятно, по купеческим путям) следует приписать не действию властей (которым ничего не стоило захватить и Адальберта), а какому-то дорожному происшествию. Позднее Оттон I назначил его магдебургским архиепископом [9].

Отношения Руси с Германией стали более тесными, и в 973 г. к двору Оттона II (967—983) в Кведлинбург прибыло еще одно русское посольство с богатыми дарами[10]; отметивший его хронист Ламперт ничего не говорит о целях посольства. Но оно, несомненно, участвовало в каких-то крупных международных переговорах, ибо на имперском съезде присутствовали польский Мешко I, чешский Болеслав II, послы Венгрии, Болгарии, Византии и Дании. На Руси тогда правил Ярополк Святославич, едва ли имевший дружественные связи с Византией[11] и, вероятно, как позднее его брат Владимир, косо смотревший на занятие Польшей Хорватской и Дулебской земель. Вступление на престол Оттона II открывало, казалось, возможность договориться о совместной политике относительно Польши, тем более, что Мешко I был во вражде с императором. Германия, возможно, искала договоренности с Русью еще и потому, что пережила в 983 г. крупную политическую неудачу: славяне-бодричи свергли ее власть, заняли Гамбург, Бранденбург и другие центры. Натиск на восток был прерван до середины XI в.

Эта договоренность, видимо, осталась в силе и при Владимире в пору занятия им червенско-перемышльских земель. Готовясь христианизировать Русь, Владимир обменивался посольствами с Германией, быть может, как и Ольга, видя в этом средство дипломатического давления на Византию. «Идете паки в немци, соглядайте такоже,— наказывал он своим послам,— и оттуде идете в греки». Так послы и сделали. В ответ прибыли в Киев «немьци от Рима». Отказавшись принять христианство в его римской форме, Владимир ссылался на какие-то русско-немецкие переговоры по этому вопросу и не только времен Ольги: «Идете опять, яко отци наши сего не приняли суть»[12].

Принятие Русью христианства и брак Владимира с Анной (990 г.) — родственницей Феофано, жены Оттона II[13], должны были содействовать дальнейшему сближению двух сильных государств.

В разгар германо-польской войны Генриха II (1002—1024) с Болеславом I Храбрым обе стороны искали соглашения с Русью, как видно из посещения в 1008 г. киевского двора епископом Бруно. Он, как и хронист Титмар, принадлежал к саксонской аристократии, но если Титмар — политик и епископ, то Бруно — практический деятель «воинствующей церкви»[14]. Он побывал в Польше и в Венг-

рии. Уцелело письмо Бруно к Генриху II, войну которого в союзе с лютичами против Польши он не одобрял. Это письмо — первый сохранившийся письменный источник в Германии о Руси. В этом письме Бруно дал очень своеобразную информацию о Руси, которую в Германии уже отлично знали, и поэтому он не называет ни Киева, ни имени Владимира, а упоминает «князя руссов, сильного [своей] державой и богатствами», ни имени его сына (вероятно, Святополка), отправленного в качестве заложника к печенегам.

Бруно состоял придворным священником будущего Оттона III, который называл его «своей душой». Бруно с разрешения Владимира проник в печенежскую степь, где, пробыв пять месяцев, устроил печенежско-русский мир, впрочем, нарушенный степняками еще при жизни Владимира; крестил там 30 знатных людей (maiores terrae) и, видимо, сумел превратить кого-то из ханов в союзника Польши или Германии; с печенежской окраины Руси он направился на прусскую. Владимир подчинил ятвягов сравнительно недавно. Там Бруно и погиб. Преемнику Владимира пришлось воевать и с печенегами и ходить вновь войной на Ятвягию. Бруно как церковный дипломат, быть может, содействовал сближению туровского Святополка с Польшей. Действовал он, вероятно, в духе «миссии» на основе решений немецкого синода в Тоци (1001 г.) [15]. История свидетельствует, что польско-русский конфликт из-за червенско-перемышльских земель мешал сближению двух стран и облегчал Германии наступление на славян.

Если Польша, соперничая с Русью в червенско-перемышльской земле, сближалась с Туровом, то Германия нашла пути в Киев, и есть основания думать, что после смерти Анны (1011 г.) [16] Владимир, кажется, женился около 1012 г. на внучке Оттона I, младшей дочери графа Куно фон Энниген и Ришлинты, дочери Генриха II [17]. Но этот дипломатический ход лишь ускорил завершение немецко-польской войны и подписание мира в Мерзебурге, где Генрих II, опасаясь, вероятно, русского влияния в Восточной Европе и на Средиземном море (русский корпус действовал и в Сицилии и в южной Италии), обещал Болеславу военную помощь против Руси [18]. Действительно, немецкий отряд участвовал в неудачном походе Болеслава на Русь [19].

Ярослав Мудрый, столкнувшись с польским противоборством в юго-западном крае, не терял надежды возобновить союз с Германией, у которой опять началась война с Польшей. Когда разбитый Ярославом Святополк бежал в Польшу [20], Ярослав отправил посла [21] к Генриху II, обещая ему военную поддержку: известно, что в 1017 г. во время неудачного похода императора на Силезию войска Ярослава воевали на польском пограничье. Но повторилась прежняя история: срочно подписывая мир с Польшей в Будишине (1018 г.), император вновь обещал и оказал Польше военную помощь против своего недавнего русского союзника [22].

Несмотря на это, русско-немецкое соглашение вновь было введено в действие во время польско-немецкой войны при Мешко II, когда Ярослав занял Белз (1030 г.) и Червенскую землю (1031 г.), а Оттон, брат Мешко,— как следует из слов Випона, биографа Конрада II,— активно способствовал налаживанию сближения с Русью [23].

Следующее русско-немецкое сближение относится ко времени, когда германский престол перешел к представителю франконской династии (1039—1138) Генриху III (1039—1056). Русь и Германия помогали укреплению власти Казимира Пяста: Германия — ради традиционного польско-чешского равновесия, Русь — в целях ограничения немецкого влияния. 30 ноября 1040 г. в Альштедте (Тюрингия) побывало русское посольство с дарами [24]. Здесь, вероятно, были урегулированы все спорные вопросы, относящиеся и к торговле и к русско-немецко-польской политике, тем более что недавно состоялись русские походы на Ятвягию, Литву и готовилось наступление в помощь Казимиру на Мазовию [25]; возможно, затрагивалась и итало-византийская проблема. Накануне военного разрыва с Византией Ярослав прислал 6 января 1043 г. в Гослар новое посольство с богатыми дарами и с предложением Генриху III руки своей дочери. Предложение не нашло поддержки [26]: Генрих предпочел Агнесу из Пуатье, на что Ярослав ответил упрочением союза с Польшей, затем с Венгрией и, наконец, союзом с Францией (1051 г.). Впрочем, до конца дней Ярослава и в правление его сыновей (1054—1073) с Германией сохранялся мир. В 1061 г. Генрих IV (1056—1106) дал убежище изгнанной из Венгрии Анастасии Ярославне, а сам направил посольство на Русь к ее брату великому князю Изяславу [27]. Цель посольства точно неиз-

вестна, но возможно шли поиски сближения с Русью, которая со времен Ярослава Мудрого завязала союз с Саксонией.

«Русский король» (rex Ruziae) — черниговский князь Святослав Ярославич был женат на Оде, дочери Леопольда, графа Штаденского. По занесенному в хронику преданию, Ода после смерти мужа (1076 г.), зарыв его сокровища, вернулась вместе с сыном Вартеславом (Ярославом?) в Саксонию. Затем Вартеслав воротился на родину, выкопал сокровища и правил отцовскими землями [28].

Распад союза князей и стремление Изяслава Ярославича использовать поддержку Польши и Германии вновь на миг привлекли внимание хронистов к русско-немецким отношениям. Уже в 1068 г. послы Генриха IV посетили Киев [29].

Когда Изяслав, борясь за киевский стол, не нашел помощи в Польше, он вместе с сыном Ярополком направился в Майнц ко двору Генриха IV. Хронист Ламперт (XI в.) записал: «Явился русский князь по имени Дмитрий [христианское имя Изяслава], принеся ему [Генриху IV] неисчислимые богатства, [состоящие] из золотых и серебряных сосудов и драгоценных тканей, и просил у него помощи против своего брата, который силой изгнал его из княжения» [30].

Генрих взялся быть посредником и отправил в Киев к Святославу Ярославичу посольство во главе с пробстом трирского собора Бурхардом, сводным братом его жены. Император будто бы хотел пригрозить Руси войной, но Бурхард уговорил его смягчить тон послания. Это одно из преувеличений, свойственных враждебной императору [31] хронике Ламперта: у Генриха IV своих хлопот был полон рот (саксонское восстание 1073—1075 гг.), и угрожать Руси не приходилось.

Пока посольство ездило в Киев, князья жили в Тюрингии у маркграфа Деди, где Ярополк около 1073 г. женился на Кунигунде Орламюнде, дочери графа Оттона (из Мейсена) [32]. Посольство Бурхарда нашло отклик и в нашей летописи: «Придоша сли из немець к Святославу; Святослав же, величаяся, показа им богатьство свое» [33]. Что ответил Святослав императору, не знаем, но присланные им очень кстати дары произвели впечатление при немецком дворе в Вормсе, где, по словам хрониста, никто не помнил, чтобы такое богатство сразу привозилось в страну [34]. Резуль-

тат не замедлил сказаться: хронист Сигберт (умер в 1112 г.) из Жамблу (близ Намюра) кратко сообщает, что Генрих IV не помог Изяславу, занятый своими делами[35]. Изяслав обратился за поддержкой к папе Григорию VII (см. стр. 129) и еще довольно долго, как сам потом вспоминал, «блудил... по чюжим землям, имения лишен бых»[36], пока перемены на Руси не привели к его возвращению. Сын Изяслава Ярополк, сидевший в Турове, сохранял связи с немецкими знатными домами: после 1087 г. его дочь стала женой графа Конте из дома Шварцбургов[37].

Генрих IV, враждуя с Григорием VII, поддерживал близость с византийским императором Алексеем Комнином. Понятно, что когда на римский престол сел немецкий ставленник антипапа Климент III (1080—1100), он в свою очередь через своего посла-епископа пытался установить связи с русским митрополитом; впрочем, Иоанн Продром осуждал русско-немецкое сближение и, получив письмо Климента III, очень любезно посоветовал ему обратиться непосредственно к патриархии[38]. Возможно, послы папы имели и дипломатические поручения к Всеволоду Ярославичу и, может быть, не случайно митрополит Иоанн в своих «канонических ответах», написанных в конце жизни, грозил Всеволоду церковным отлучением за то, что тот допускает браки своих дочерей с католиками[39]. Во всяком случае, Русь отнюдь не прекратила дружеских отношений с Германией после того, как Византия порвала их. Напротив.

Поддерживая дружбу с сильной Саксонией, Всеволод, сам владевший пятью языками и связанный родством со всеми правящими домами Европы, выдал свою дочь Евпраксию, видимо при посредничестве Оды, за Генриха Длинного Штаденского, сына враждебного Генриху IV маркграфа северной Саксонии Удона III[40]. В 1083 г. юная (она родилась около 1071 г.) княжна прибыла в Саксонию с пышным посольством и верблюдами, «натруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством»[41]. Обрученную с Генрихом княжну поместили в Кведлинбургский монастырь, где примерно до 1086 г. она воспитывалась при аббатисе Адельгейде, сестре императора Генриха IV. Вскоре после свадьбы маркграф умер.

В монастыре с молодой вдовой познакомился Генрих IV[42] и в 1088 г. обручился с ней[43]. При коронации она

получила имя Адельгейды; летом 1089 г. в Кельне магдебургский архиепископ Гартвиг совершил венчанье, а 14 августа 1089 г. император издал манифест о своем вторичном браке и молитве за новую императрицу [44]. Следовательно, то, что казалось преждевременным Генриху III в 1043 г., стало необходимо Генриху IV в его борьбе с папством [45]. В этой борьбе и Евпраксии-Адельгейде Всеволодовне судьба уготовила тяжелую роль. Едва ли этот брак, заключенный в год византийско-римских переговоров в Малфи, был поддержан киевским правительством; расчет Генриха IV на русскую помощь был неосновательен.

Итальянская политика Генриха IV терпела провал. Жена принимает участие в политической жизни, сопровождает его в Бамберг, где по ее просьбе император делает пожалованья местной церкви [46]; в 1090 г. она с ним на итальянской войне в Вероне, а в 1092 г. императорские войска уже оттеснены за р. По. Вельф II, герцог баварский (1101—1119), и его жена тосканская маркграфиня Матильда (1055—1115) срывают сближение Генриха с Венгрией и привлекают на свою сторону его сына Конрада, которого коронуют в Милане (1093 г.). От него они узнают о готовности и императрицы покинуть Генриха IV; император был человеком на редкость безнравственным и будто бы принадлежал к секте николаитов с их тайными оргиями [47], участвовать в которых принудил и Евпраксию.

Тогда Матильда отправляет Вельфа с вооруженным отрядом к Вероне. Обманув стражу, Евпраксия под охраной отряда прибыла в Каноссу. Ее встретили с почестями, но постарались использовать для широкой компрометации Генриха IV, чьи безнравственные поступки были и так известны и даже обсуждались на княжеских съездах. Сперва Евпраксия выступила на церковном соборе в Констанце (Швабия), где в апреле 1094 г. обсуждалась и ее грамота — жалоба на императора. Матильда знакомит Евпраксию с папой Урбаном II, который посоветовал ей выступить и на итальянском соборе в Пьяченце (март 1095 г.), куда собрались епископы Италии, Франции, Бургундии, Германии —4 тыс. церковников и 30 тыс. мирян, так что два заседания происходили на открытом поле. Не щадя себя, императрица рассказала о мерзостях разврата, который ей пришлось перенести от разных насильников по воле мужа. Император был осужден, а Адельгейду освободили даже от епитимьи [48]. Ее «гражданское самоубийст-

во»[49] было вместе с тем ударом по политическим планам Генриха IV.

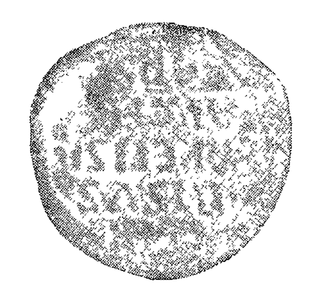
Такое энергичное участие Евпраксии в политической борьбе на стороне Вельфов заставляет предполагать их сотрудничество с Русью времен Святополка Изяславича[50], особенно, если вспомнить о римских связях его брата и отца; к этому выводу склоняет и противодействие Руси натиску Германии на Польшу и Венгрию. Союз Генриха IV с Русью мог особенно страшить Матильду: она владела Ломбардией (Лангобардией), которой, как мы помним, в прежние годы достигали византийско-русские походы. Сама Евпраксия через Венгрию воротилась на Русь. 7 августа 1106 г. умер Генрих IV, а 6 декабря 1106 г., видимо, узнав об этом, Евпраксия постриглась в монахини и 9 июля 1109 г.[51] умерла. Наша летопись, сохранив только эти две последние даты, дает повод с ужасом думать о той хрупкой фактической основе, на которой возводим мы здание средневековой истории русской внешней политики.

Чтобы закончить эту тему, напомню о внимании к Руси немецкого эпоса и поэзии. В «Песне о Нибелунгах» видим Riuzen наряду с греками и «дикими печенегами» среди воинов короля Этцеля[52]. Есть русские и в «Саге о Дитрихе Бернском»[53], и в «Вольфдитрихе», и в некоторых редакциях «Розового сада» (в нем встречаем Хертнита и Хартунга von Riuzen); в «Annolied» идет речь о дарах, принесенных немецкому архиепископу из Руси. Конрад Марнер (XIII в.) утверждал, что охотники до эпических преданий любили слушать героические сказы о битвах с русскими наряду с повествованиями о подвигах Зигфрида и Тристана: «Der dritte wil der Riuzen sturm // der vierte wil Seifrides wurm // der funfte wil hern Tristant»; ему вторит Гуго фон Тримберг: «Dirre saget von den Preussen // Ener singet von den Reuzzen»[54].

Особенно примечательно, конечно, проникновение героев древнерусского эпоса в немецкий, где Iliaz von Reuzzen выступает в качестве верного помощника Ортнита[55]. Путей для такого рода связей было немало, если вспомним не только об описанных выше дипломатических связях, но и о торговых кораблях и караванах, ходивших между Русью и Германией.

РУСЬ И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

РУСЬ И ЗЕМЛИ ИТАЛИИ

Повесть временных лет имеет достаточно ясное представление об Италии, перечисляя жителей ее земель: тут и римляне, и веньдици (венецианцы), и фрягове (генуэзцы), и итальянцы в широком смысле слова — древние римляне или волъхва [1]. Такое знание Италии естественно, если мы вспомним о давнем участии Руси в средиземноморской политике и торговле. Летопись даже знает путь из Руси в Византию через... Рим, так попал туда апостол Андрей [2]. Каким образом сложился перечень европейских народов в самой Повести — пока не вполне ясно: одни считают, что он отразил северные поморские связи Руси [3], другие говорят о многослойности текста, отражающего русские, латинские и скандинавские наименования народов [4]. Ясно одно, русские книжники знали Апеннинский полуостров и пути к нему — и Родопу (Родос), и Сикилию (Сицилию), и «Онъдреятиньскую [Адриатическую] пучину».

После установления государственных договорных отношений с Византией русские отряды, а затем и наемный корпус участвовали не только в антиарабских войнах X в. на Крите и Сицилии, но неоднократно действовали в южной Италии — в Апулии и Калабрии против лангобардов и норманов: Малфи, Бари, Отранто видели русских воинов.

Древнейшие известия летописи о Риме носят книжный характер и лишены враждебности к папству. Так, под 898 г. отмечено, например, что Адриан II (867—872) — «папежъ римъский» — выступил в поддержку Кирилла и Мефодия за распространение славянской азбуки во исполнение книжного слова — «въсхвалять бога вси языци» [5]. Его предшественника папу Николая I (858—867) интересовали выступления Руси против Византии.

До разделения церквей (в 1054 г.) римская курия уже учитывала проблему христианизации Руси и продвижения

своего влияния на восток Европы. Отсюда сношения с римской церковью Ольги и Владимира, отраженные вполне доброкачественными источниками. Это элементы дипломатии, пугавшей Византию. О папском посольстве к Владимиру она узнала, и в уста греческого философа не зря вложены такие слова: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить вас к вере своей» — и поясняется, что «их же вера маломь с нами разъвращена». Составитель летописи, писавший после 1054 г., развил этот сюжет: «да не прельстять тебе неции от еретик» и прямо о католиках — «не преимай же ученья от латын, их же ученье разъвращено» и т. д. [6]

Русские князья открыто ставили интересы политические выше церковных, вступая в широкие экономические, политические, матримониальные связи с католическими державами, используя в своих целях иноземную служилую знать и даже услуги таких крупных деятелей, как епископ Бруно, посредничавший в русско-печенежском договоре при Владимире Святославиче (1008 г.). Попытка колобжегского епископа Рейнберна поддержать туровский сепаратизм Святополка стоила ему свободы и жизни (1013 г.). Конечно, поборники католицизма мечтали о вовлечении Руси в лоно католицизма, видя в ней неисчерпаемый источник пополнения камеральной казны и объект выгодных политических комбинаций. Но дальше мечтаний дело пока не шло, хотя Русь и после 1054 г., как мы видели, отнюдь не связала свою внешнюю политику с церковной доктриной православного патриархата, с которым, впрочем, и само-то византийское правительство мало считалось [7].

Переход Руси к полицентрическому статусу и использование некоторыми княжескими линиями союзов с католическими державами усилили тревогу патриархии и митрополии, которые именно поэтому осуждали раздробленность. В самом деле, уже первый конфликт среди Ярославичей давал митрополии основания для тревоги. Мы помним, что Изяслав Ярославич, не найдя поддержки в Германии, отправил сына Ярополка в Рим к Григорию VII (1073—1085). Чего искали князья в Риме? Конечно, средств, используя которые можно было вернуть Киев, после чего не составит труда забыть любые обещания. Поэтому они, вероятно, намекали на готовность к политическому и религиозному подданству императору и папе,

надеясь получить jus ad rem на Киев, поскольку jus in re они уже утратили[8]. Григорий VII формально исходил из идеи вселенского папства. Это главная идея; ее утверждению служили идея «справедливости» — покровительства беглецу и идея «унии» — единения, столь нужная для сохранения и расширения влияния папства в Италии. Ярополк просил вернуть отчину родителям, а получил от папы признание в грамоте от 17 апреля 1075 г. их юридического права на княжение; папа не отважился жаловать ему самое «королевство». А. Циглер очень тонко доказал, что ни о каком вассалитете князей-эмигрантов относительно папы не может быть речи. Папа поддержал их юридически, это «отношение защиты» св. Петра русскому государству Изяслава[9]. Следовательно, дипломатический демарш Изяслава вовсе не был так бесперспективен, как может показаться, особенно, если он был подкреплен наличными дарами и обещанием еще больших в будущем, когда папа поможет вернуть имущество, отнятое в Польше, и киевский стол на Руси. Папа строил расчет на успехе Изяслава и просил его оказать поддержку послам курии, когда они будут действовать на Руси[10].

20 апреля 1075 г. папа направил послание Болеславу II, требуя возвратить Изяславу отнятое имущество[11], и, как полагают католические авторы[12], тот возвратил. Это возможно, ведь польский король, правда через полтора года, отрядил войско в помощь Изяславу, и, может быть, отнятое пошло на его оплату. Где провели это время князья — не знаем. По занятии Киева Изяслав, разумеется, не дал воли папским легатам, но, вероятно, отблагодарил их.

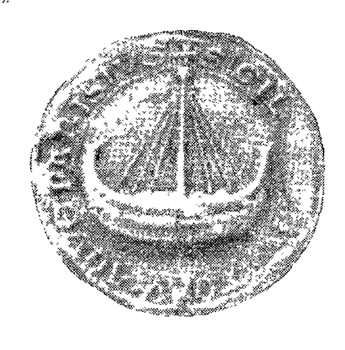
С его преемником Всеволодом Ярославичем отношения завязывает равеннский архиепископ антипапа Климент III, который как креатура императора Генриха IV искал поддержки и Византии и Руси в связи с подготовкой первого крестового похода (1096—1099)[13].

На это время приходится один загадочный эпизод. Жил-был архиепископ ликийского города Миры Николай (280—343); в V в. император Феодосий велел воздвигнуть над его могилой базилику. 9 мая 1087 г. по просьбе местного духовенства (посредством пиратской кражи)[14] норманы перевезли его прах в г. Бари (захваченный в 1071 г. Робертом Гвискаром), где в 1089 г. папа Урбан II (1088—1099) велел устроить над ним гробницу. В этом же году

10—15 сентября на соборе в Малфи папа искал союза с Византией. И вот перенесение мощей Николая Мирликийского почему-то [15] празднует православная церковь на Руси. В Византии этот святой не был признан. На Руси он стал покровителем купцов, торгующих за морем, а также ведущих торг льном [16]. Сказание о перенесении мощей Николая в Бари, судя по веским деталям, составлено русским очевидцем, а может быть, и участником купеческо-пиратской экспедиции барийцев из Антиохии в г. Миры; автор присутствовал и при состоявшемся через три года освящении Урбаном II храма в честь Николая.

А в тропаре по этому поводу читаются слова о том, что радуется «вся вселенная», видя мощи Николая «в латинех» или в «латинском языке» [17]. Это соответствует духу веротерпимости, который мы встречали и еще не раз встретим в княжеской среде; здесь радость вызвана освобождением мощей из рук мусульман (с 1036 г. Ликия была под властью арабов). Не участвовала ли Русь времен Всеволода Ярославича в Малфийском соборе?

Установились связи и с крестоносцами, осевшими в Передней Азии, куда при поддержке иерусалимского короля Балдуина I ездил русский игумен Даниил (см. стр. 141). Слухи, дошедшие до Рима о победе над половцами в 1111 г.[18],— последнее, что мы знаем о сношениях с ним перед длительным пробелом в известиях вплоть до поры, когда папство, опираясь на вооруженную силу, организует открытый крестовый поход на Русь и подвластные ей народы.

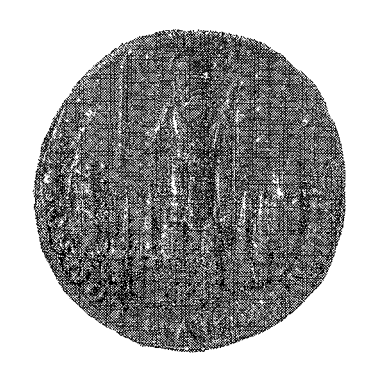
РУСЬ И ФРАНЦИЯ

В Повести временных лет упоминаются франки-«корлязи»; французские «песни о деяниях» хранят немало известий о Руси, относящихся к экономическим связям с Верхней и Нижней Русью (Ros et Esclavoz). Русско-французские отношения создали достаточную традицию для дипломатического сближения двух стран при Ярославе Мудром, когда король Генрих I (1031—1060) счел целесообразным просить руки дочери могущественного русского князя.

Этот шаг вызван желанием иметь союз с князем, чей наемный отряд помог Византии разбить французских норманов при Каннах (1019 г.) и при Малфи (1041 г.). Финансовая и моральная поддержка Руси могла пригодиться королю в тяжелой борьбе за единство Франции против феодальной лиги графа Рауля де Крепи. Союз с Францией лежал в русле антивизантийской и антиимперской немецкой политики Ярослава Мудрого. Трудно не думать, что соглашению о браке предшествовали неоднократные дипломатические сношения дворов Киева и Парижа.

С миссией короля на Русь отправились ученый епископ из Мо Готье Савейр, Васцелин де Шалиньяк и Роже Шалонский, а с ними много других знатных лиц[1]. Выехав в начале 1048 г. из Парижа, посольство успешно справилось с поручением короля и вернулось вместе с Анной Ярославной в 1049 г. 19 мая 1051 г.[2] в Реймсе было отпраздновано бракосочетание. Анна Ярославна, став французской королевой, принимала участие в государственных делах: ее подписи сохранились на жалованных грамотах монастырям и аббатствам (аббатству Сен-Крепен ле Гран в Суассоне) наряду с подписями сына Филиппа I (1060—1106). По смерти мужа Анна удалилась в Сенлис, королевский дворец близ Парижа, откуда как регентша присматривала за молодым королем. Другой ее сын Гуго Великий (граф Крепи) — один из героев первого крестового похода. Он был двоюродным братом великого князя Святополка Изяславича, и понятно, что его со-

ратники радушно встретили русского игумена Даниила[3]. Сохранилось письмо папы Николая II (1059—1061) к Анне Ярославне, в котором он восхваляет благотворительность, набожность и другие добродетели, присущие ей[4]. Судьба Анны была романтична: ее похитил Рауль II, граф де Крепи и де Валуа, за которого она и вышла вторично замуж (после 4 августа 1060 г.)[5]. По жалобе жены Рауля папа Александр II (1061—1073) отлучил графа от церкви и объявил брак недействительным. Но супруги этим пренебрегли. По смерти Рауля (1074 г.) Анна вернулась ко двору сына. Ее подпись этой поры уже не «Anna regina», а «Annae matris Philippi Regis». Последняя подпись датируется 1075 г.[6] К сожалению, источники молчат о каких-либо дипломатических связях в последующее время, хотя нумизматика и французский эпос оставляют впечатление, что Русь знали.

РУСЬ И АНГЛИЯ

Автор Повести временных лет, писавший после норманского завоевания Англии (1066 г.), знал, что по Варяжскому морю варяги «седят к западу до земле Агнянски [Англии] и до Волошьски [Италии]» [1]. Задавшись целью «расчистить первые тропинки для дальнейшего сравнительно-исторического изучения» Англии и Руси, М. П. Алексеев наметил плодотворный метод поисков связей между ними через Скандинавию и Византию [2]. Обе страны в одно время попали в орбиту скандинавских вторжений с той существенной разницей, что Русь сумела оградить свою самобытность, Англия же была завоевана и колонизована норманскими переселенцами [3].

В свою очередь англосаксонским источникам в общих чертах известна Русь. Король Альфред Великий (871—900) в свой перевод трактата Павла Орозия (V в.) вставил рассказ датчанина Охтере (Отера), который обошел берега Норвегии и достиг Белого моря [4]. Название Руси на английских картах появляется в середине XIII в. По свидетельству В. М. Потина, английские пенни следуют в русских кладах сразу же за обычно преобладающими немецкими денариями [5].

Саги сохранили традицию, согласно которой некоторые скандинавы служили и воевали как в Англии, так и на Руси,— Олаф Трюгвасон прибыл к берегам Англии, пожив на Руси; Олаф Толстый Святой из Англии попал на Русь к Ярославу Мудрому; с ним будто бы пришли его приверженцы и друзья — сводный брат Гаральд и Регнвальд. Да и норвежский король Гаральд Грозный, муж Елизаветы Ярославны, пал в Англии, сражаясь против Гаральда II Годвинсона в год высадки отрядов Вильгельма Завоевателя и Гастингской битвы.

Поездки из Лондона в Киев не были чем-то исключительным. Гамбургский хронист Адам из Бремена сообщает, что сыновья разбитого датчанами английского короля Эдмунда Железный Бок (убит в 1016 г.) — Эдвин и Эду-

ард нашли пристанище при дворе Ярослава Мудрого[6]. В комментариях к «Законам Эдуарда Исповедника» (возникших до 1134 г.) замечено, что Эдуард бежал «в страну ругов, которую мы называем Русией», и что «король этой страны по имени Малесклодус, выслушав и расспросив, кто он и откуда, с честью удержал его возле себя»[7]. Малесклод — искаженное имя Ярослава Мудрого[8].

М. П. Алексеев нашел в стихотворной хронике англосаксов «Lestorie des Engles» (около 1150 г.), приписываемой норманскому поэту Жефрею Гаймару, сообщение о том, что сыновья Эдмунда жили в Дании, а когда король Кнут Великий, завладевший Англией, решил от них отделаться, то их наставник Вальгар двинулся с ними по морю на Русь, а затем в Венгрию: «Пустился в море лишь с тремя кораблями и путешествовал таким образом, что всего в пять дней проехал Русию и явился в Венгерскую землю»[9]. Эдуард провел в изгнании около 40 лет, потом его вызвал в Англию дядя Эдуард Исповедник, он вернулся в 1057 г. и тогда же умер. Через 10 лет, после норманского завоевания, на Русь тем же путем двинулась Гита, дочь последнего англосаксонского короля Гаральда[10].

Когда он пал в битве при Сенлаке и появились норманны Вильгельма Завоевателя (1066—1087), королевская семья покинула Англию и уехала сперва во Фландрию, а затем в Данию. Норвежские и датские хронисты свидетельствуют, что здесь, видимо, в Роскильде, Гита и была просватана за Владимира Всеволодовича. Саксон Грамматик считает это сватовство делом рук датского короля Свена[11] — второго мужа Елизаветы Ярославны. Саги знают и то, что сына Гиты и Мономаха звали Гаральд, так был наречен Мстислав в честь своего английского деда[12]. Брак состоялся около 1074—1075 гг. Она 31 год была женой Мономаха и умерла в 1107 г., видимо в Смоленске, сопровождая Владимира в его путях по Руси. Ее смерть он отметил в Поучении: «И на зиму Смолинску идох, и Смоленска по Велице дни выидох и Гюргева мати умре»[13].

М. П. Алексеев доказывает, что Гита происходила из круга просвещенной английской знати. Вероятно, ее сопровождала большая свита. Появление англосаксов на Руси — часть их потока в Восточную Европу и Византию, где, как мы помним, они вошли в наемный корпус.

Что англосаксы оказались и на русской службе, М. П. Алексеев подтверждает упоминанием в так называемой «Молитве св. Троице» среди имен варяжских святых двух имен святых, почитавшихся англичанами: Албана (умер в 1072 г.) и Бутулва (Бутульфа) [14]. На Русь шли и шотландские [15] и ирландские монахи, около 1070 г. появившиеся в Регенсбурге. В житии одного из них, св. Мариана (около 1185 г.) — пришельца из далекой Гибернии — сказано, что монах Маврикий, «многоопытный и в делах весьма искусный», один в сопровождении мальчика «прибыл к русскому князю и от этого государя и других знатных лиц богатейшего города Киева получил в подарок драгоценные меха ценою в сто фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург», где на деньги, вырученные от продажи русских мехов, закончена была постройка монастыря св. Якова и Гертруды — одного из замечательнейших памятников средневекового искусства. Постройка растянулась на 1090—1122 гг. и, видимо, связана с поддержкой, оказанной Мономахом и его женой, которая могла от Маврикия получить вести с родины [16].

РУСЬ И АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

Летопись содержит некоторые сведения об арабском мире, почерпнутые из священного писания и греческих хроник; она упоминает Африкию, Египет, Сирию, Аравию, Ливию [1], города — Александрию, Антиохию, Иерусалим, Вавилон, Финикию, Халкидон. Впрочем, она знает также Эфиопию и Палестину [2]. По средневековой традиции арабов на Руси называли измаилянами, агарянами или сарацинами: мусульманские народы считались потомками легендарных и библейских персонажей — Измаила, сына Авраама и его жены Агари; сами мусульмане вели себя от Авраама и его жены Сарры [3].

Русскому читателю сообщались некоторые почерпнутые из хроники Амартола сведения об обычаях сирийцев: «Живуще на конець земля, закон имуть отець своих обычаи — ни любодеяти и прелюбодеяти, ни красти, ни оклеветати, ни убити, ни зло деяти весьма» [4].

Знакомство арабов с Русью определялось ее международным положением. Мухаммед основал общину, которой было суждено при халифах Омейядах (661—750) и Аббасидах (750—1258) стать одним из сильнейших государств тогдашнего мира. Власть халифата распространилась на северо-востоке на Среднюю Азию (711—712 гг.), а на северо-западе — на Испанию (711—713 гг.); арабы перешагнули Пиренеи и завладели важным торгово-политическим центром Нарбоном (720 г.). Лишь победа войск Карла Мартелла над ними между Туром и Пуатье (732 г.) ознаменовала конец их движения на Западную Европу; в Восточной Европе они вышли на Северный Кавказ. Постепенное освобождение Европы от арабских завоевателей затем переросло в обратный феодальный натиск на страны Передней Азии и Африки, получивший свое выражение в серии крестовых походов.

В середине VIII в. арабский мир фактически раскололся на две части: халифат Багдада и эмират испанских Омейядов, ставший в первой половине X в. самостоятельным халифатом Кордовы.

Существовали два (багдадский и кордовский) потока славяно-арабской торговли (выявление их — большая заслуга Т. Левицкого). Торговый путь с Запада на Восток шел по пунктам: Тортоса — Нарбон — Лион — Верден — Майнц — Регенсбург — Прага — Краков — Перемышль — Киев — Булгар (или Итиль) — закавказское и иранское побережье Каспия. Так связывалась Кордова с Багдадом. Русь сносилась с арабским миром главным образом по восточному пути на Багдад; давность торговых сношений восходит к IX в.

Нет известий об арабских посольствах на Русь до XII в., хотя она упоминается и багдадским посольством Ибн Фадлана в Булгарию (922 г.) [5] и кордовским посольством Ибрагима ибн Якуба в Германию (966 г.) [6]. Это не удивительно, ибо Русь издавна торговала с городами Багдадского халифата; кроме того, восточные славяне, а затем и руссы были известны арабскому миру в качестве воинов и служилых людей. Это древняя традиция. Затем, когда начались арабские вторжения в Византийскую империю и Хазарию, славянское население и на Балканах, и в Малой Азии, и в Поволжье уводилось ими в плен, в результате чего возникли славянские поселения в Сирии, на Кавказе, в Сицилии [7]. Позднее славянские рабы поступали в Багдад и Кордову в результате торговли и после принятия мусульманства играли там значительную роль в политической жизни.

Вот некоторые разительные примеры: в Кордове — они в гвардии [8]; в Багдаде — переводчики-посредники в торговле с русскими; в Магрибе — славянская гвардия арабо-берберийского государства Нукур стояла на нынешнем пограничье Алжира и Марокко; в начале XI в. они восстали и бежали в горы, где создали свое поселение Qarjat as-Saqāliba [9]; в Фатимидском халифате, который образовался в середине X в. на территории Ливии и Туниса, невольники славянского происхождения выполняли ответственные поручения — знаменитый полководец Джаугар ас-Сакили (ас-Саклаби) ар-Руми во главе фатимидских войск завоевал Египет, и по его указанию был основан Каир [10]. Другие славянские выходцы выпол-

няли административные функции при халифе и крупных феодалах. Недавно опубликовано «Жизнеописание учителя Джаугара, составленное его секретарем ал-Мансуром ал-Азизи ал-Джаугари» (X в.). Примечательно, что и Джаугар и ал-Мансур происходили из славян. Первый был крупным государственным деятелем, земельным собственником, купцом. Достойно внимания сообщение ал-Мансура, что ряды придворных невольников пополнялись за счет поступавших из Булгарии; он упоминает и славянина, видимо взятого в плен в 964 г. при поражении византийцев на Сицилии.

Славянская гвардия играла в течение полутора столетий (X — середина XI в.) заметную роль в истории борьбы за независимость фатимидского арабского государства Египта, в частности в северной Африке. В Каире была известна Славянская улица, в Палермо еще в 70-х годах X в. при арабах существовал Славянский квартал. Следовательно, русские, посещавшие Александрию, Каир или Сицилию, могли найти этнически близкую среду.

Отношения с Багдадом, Каиром и Кордовой — важная часть международной политики. Известны сношения каролингских руководителей с Багдадом, куда приходили посольства Пипина и Карла Великого (768—814) [11] (кстати говоря, в «Песне о Роланде» русские представлены как союзники арабов в их борьбе с Карлом Великим) [12] в поисках союзников против Кордовы. Рим в свою очередь старался сблизиться с Багдадом для борьбы против Византии: при папе Сергии III (904—911) туда ездило посольство в 905—906 гг. [13] Можно предполагать, что Русь не была заинтересована в завоевании Византии ни арабами, ни латинянами; имея с империей устойчивые и выгодные политические и торговые отношения, Русь (вне официального договора) оказывала ей неоднократную поддержку против халифата и в Передней Азии (в Сирии), и на Кавказе, и на Средиземном море (Крит, Сицилия), что не мешало русским князьям не раз (860, 969 гг.) приурочивать свои походы на Константинополь к тем моментам, когда руки императоров были связаны участием в арабских войнах. Согласовывались ли такие русские походы с Багдадом и Каиром, пока сказать трудно.

В. Ф. Минорский ясно показал, что русско-норманские походы распространялись и на халифат Омейядов, т. е. достигали берегов Испании. В географическом труде

историка ал-Я'кӯби (IX в.) сообщается о нападении в 844 г. «кораблей [народа] ал-Маджус, который называется ал-Рус» на Севилью[14]. Арабо-испанский историк Ибн ал-Ида̄ри писал, что в конце июня 971 г. разнесся слух, что «зашевелились проклятые ал-Маджӯс ал-Урдма̄ни; что они появились на море и по своему обыкновению устремились к западным берегам ал-Андалус [Испании]». Как и на Черном море, вместе с руссами и варяги не раз ходили в экспедиции на Средиземноморье и в Атлантику. Последнее известие, кажется, связано с тем, что из болгарского похода 967 г. Святослав в согласии в Византией отпустил часть наемных варягов в Испанию. Такой вывод позволяет сделать сообщение Ибн Хаукаля, который в 969 г. побывал на юге Каспия в Гурджане и записал, что после похода на Хазарию и Булгарию руссы «немедленно отправились в землю ал-Рум [Византию] и в ал-Андалус [Испанию] и разделились на две партии»[15].

Церковное мировоззрение помешало древнерусским книжникам сохранить более полные сведения о связях Руси с мусульманским миром. А что такие связи были, видно даже из случайных упоминаний: в Курске Феодосий Печерский встретил паломников из Палестины (начало XI в.)[16]; в 1065 г. летопись, говоря о недобрых приметах, вспоминает, что «в Сурии же бысть трус велик, земли раседшися трий поприщь, изиде дивно и земле мъска [мул], человечеськым гласом глаголющи и проповедающе наитье языка, еже и бысть: наидоша бо срацини на Палестиньскую землю». Эти сообщения Амартола относятся к 744 и 746 гг.

Едва ли следует пренебрегать возможностью церковно-политических связей Руси с александрийским, антиохийским и иерусалимским православными патриархатами с первых же лет принятия ею христианства. Переход Палестины под власть египетских Фатимидов (969 г.), за исключением времени халифа ал-Хакими (966—1021), не изменил статуса христианского квартала в Иерусалиме, связанного нитями паломничества и торговли как с православным, так и с католическим миром. Натиск турок на Византию и захват ими Иерусалима (1078 г.) осложнили эти связи, которые вновь оживились с образованием Иерусалимского королевства (1099—1187)[17].

Есть любопытное известие и об участии русских воинов в крестовом походе 1097 г. В «Истории Иерусалима

и Антиохии» при описании Никейской битвы 1097 г. упоминаются воины «de Polaine, de Rossie, de Norwege»[18]. Хронисты первого крестового похода не раз называют Русское (Черное) море[19]. Во всяком случае в Иерусалиме, после его завоевания латинянами (1099 г.), появилось постоянное поселение русских монахов (которые сюда неоднократно приезжали)[20], а в летописи еврейские послы из Хазарии говорят Владимиру: «И предана бысть земля наша хрестьяном»[21]. В Чернигове при дворе Николая Давыдовича (конец XI в.) жил придворный врач сириец Петр, потом он перебрался в Киев, где имел широкую практику — «врачюа многы»[22]. Непосредственно с сирийского был сделан в XI—XII вв. перевод «Повести об Акире Премудром»[23].

Широко практиковавшееся паломничество (как мы знаем из опыта московской дипломатии) служило источником ценной международной информации. О том же свидетельствует и отчет черниговского игумена Даниила об его поездке во владения иерусалимского короля Балдуина I (в 1104—1106 гг. или 1105—1107 гг.)[24]. В те годы король воевал с Тугтегином, сельджукским эмиром Дамаска; Даниил со своими спутниками (с «дружиной») сопровождал короля в походе 1106 г., который был прерван вторжением фатимидских войск из Египта, занявших Яффу. Любопытно, что в посольство Даниила («вся дружина, русьстии сынове») входили и «новгородци и кияне»; перечислив троих, он добавил, что были «и инии мнози». В Иерусалиме Даниил жил на подворье лавры св. Саввы. Примечательно отсутствие у Даниила религиозной нетерпимости к Балдуину I, о котором он пишет: «познал бо мя добре и любляше мя велми».

В посольство, видимо, входили светские люди, понимавшие толк в топографии и навигации: приведенные в отчете данные о расстояниях по морю и по суше точно ложатся на современную карту. Сам Даниил, проделавший с посольством путь из Константинополя (через Родос — Крит — Яффу) в Иерусалим и обратно, был наблюдателен и расторопен; о р. Иордан он написал, что она «лукаво течет», а что «вглубь же есть 4 сажень среди самое купели, яко же измерих и искусив сам собою». Едва ли, ныряя в Иордан, черниговский игумен думал только о нуждах будущих паломников. Если мы вспомним о широком участии Руси в средиземноморской политике, то

желание этого человека воинской складки[25] узнать побольше об Иерусалимском королевстве покажется вполне естественным. Дружеское отношение короля к русскому посольству тоже понятно.

* * *

Этим пока исчерпываются наши сведения о внешней политике и международных связях раннефеодальной Руси. Заканчивается период ее единства, время, когда «быша древние князи и мужие их», что «отбараху Руския земле и ины страны придаху под ся»[26]. Социально-экономическое развитие создало предпосылки политической децентрализации Руси, приведшей к существенным переменам и в ее внешней политике.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
(с конца XI до середины XIII в.)

Раздел I

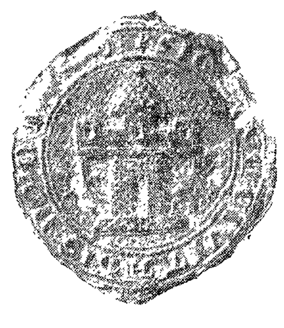
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ С КОНЦА XI ДО НАЧАЛА XIII в.

ВВЕДЕНИЕ

Феодальная раздробленность на Руси изменила характер ее внешней политики. Относительно единой внешней политике пришел конец. Ее история усложняется. Развиваются внешнеполитические связи отдельных самостоятельных земель Руси с иностранными державами, иные из которых также утратили политическое единство. Политические союзы нередко перемежаются конфликтами с соседними государствами из-за доходов с подвластных Руси неславянских земель и контроля торговых путей. Заинтересованность Руси в торговых связях по волжскому, греческому, дунайскому, балтийскому путям усиливает ее дипломатическую активность в прилежащих к ним странах.

Полицентрический статус власти на Руси породил княжеские союзы, которые, вступив в междоусобную борьбу, используют поддержку дружественных им иностранных держав, в своем большинстве расколотых на большие группировки, связанные с Византией, Германией или папством. Русь выступает как крупная международная сила в Европе, своими отношениями с Польшей и Венгрией затрудняя наступление Германии на восток и Византии — на северное Причерноморье. Русь по-прежнему несет на себе основную тяжесть борьбы с набегами кочевников, играя глубоко прогрессивную роль в защите от них восточных рубежей Европы. Имея давние связи с западным славянством, она помогает возрождению Болгарского государства из-под византийского ига. Это время интенсивного развития внешнеторговых связей и культурных сношений.

РУСЬ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Русские источники молчат о скрытом процессе русской и скандинавской встречной колонизации земель Лапландии (саамов), Финляндии и Карелии. Лишь после 1136 г., когда северная политика перешла в руки правительства самостоятельной Новгородской боярской республики, местная летопись сразу вводит нас в круг взаимных и противоречивых интересов Руси и Швеции, Руси и Дании; государственное договорное разграничение русско-норвежских отношений произошло, видимо, позднее, во второй половине XIII в.

Скандинавские источники (правда, говорящие больше о королевских родословных) позволяют думать, что в начале XII в. отношения Руси с этими северными странами были дружественными. Сын Владимира Мономаха от Гиты Мстислав-Гаральд (1076—1132, с 1125 г.— киевский великий князь) в конце XI в. женился на Христине, дочери шведского короля Инга Стейнкельса [1]. От этого брака родились дочери Малфрид и Ингеборг [2].

В это время Киев и Новгород должны были иметь политические связи с Норвегией и с Данией, хотя бы потому, что Малфрид Мстиславна, когда в 1111 г. находилась в Шлезвиге у ярла Эйлифа, вышла замуж за возвращавшегося из крестового похода Сигурда I, сына норвежского короля Магнуса III; овдовев (1130 г.), она стала женой датского короля Эрика Эмуна (1134—1137), который укрылся в Норвегии после смерти своего отца датского короля Эрика III Доброго [3].

Ингеборг Мстиславна была выдана за его другого сына — Кнута Лаварда, датского принца, бодрицкого короля (1129—1131). «Кнутлингасага» («История датских королей», около XIII в.), основанная на древних поэтических источниках, описывает сватанье Кнута, чей посол всячески восхвалял его при дворе такого могущественного государя, как Мстислав Владимирович. Ингеборг Мстислав-

на, находясь с Кнутом Лавардом в Любеке, была в курсе его политических интересов, что и отметил Гельмольд. Кнут был в союзе не только с Русью Мономаха, но и с враждебной Польше Саксонией Лотаря II. Сын Ингеборг и Кнута — будущий датский король Вальдемар I (1157—1182) назван так, видимо, в честь деда, Мономаха. Он долгие годы вел борьбу с Германией и союзным ей герцогом Генрихом Львом. Вальдемар I около 1154 г. женился на русской княжне Софье, как полагают, дочери Владимира (сына новгородского князя Всеволода Мстиславича) и Риксы (дочери Болеслава III Кривоустого) [4].

И среди русской знати сохранялись скандинавские связи, отразившиеся в именах: Малфрид звали дочь муромского князя Юрия Ярославича [5]; Ольстин Олексич — черниговский воевода торков [6].

Обособление Новгородской земли сопровождалось не только активизацией боярской колонизации вассальных неславянских областей, но и первыми вооруженными конфликтами из-за них со Швецией, которая использует пиратство на море и крестовые походы на суше. Главная сфера конфликтов — Финляндия, куда Швеция проникла с юга через Сумь, видимо задев и часть земли Емь, ибо в 1142 г. отмечено нападение емян на «область новгородскую» в Приладожье, так как отбивали набег ладожане [7]. Стремясь овладеть Финляндией и торговым путем в Балтику, шведское правительство прибегло к пиратским действиям на море. 60 шнек (судов) напали в 1142 г. на 3 новгородских торговых корабля; нападение окончилось для шведов неудачей: новгородцы захватили 3 судна и убили около 150 корабельщиков [8].

Подобные столкновения, вероятно, непосредственно отражались на русско-шведской торговле, могли вызвать даже перерыв в ней, но конфликты проходили, дипломатические отношения сохранялись, и торговля продолжалась.

Со своей стороны Новгород активизировал политику в южной Финляндии: на Емь в 1143 г. нападали карелы (видимо, подвластные Руси) и разбили две лойвы [9]; финские емяне в 1149 г. отрядом в 1 тыс. воинов нападали на Водьскую землю, но новгородско-водьская рать отбила их [10]. Таким образом в своих отношениях с южными финнами Новгород использовал и карел и вожан.

Несколько позднее, в 1157 г., шведский король Эрик IX Эдвардсон Святой организовал крестовый поход, в котором участвовал и упсальский епископ Генрих, родом из Англии. Переправившись через Ботнический залив, королевское войско высадилось в устье р. Аурайоки, в земле Сумь и вскоре завоевало ее [11]; здесь были сооружены замки и укрепления. Вводилось христианство. Население было обложено данью и церковной десятиной. Финны отвечали восстаниями против угнетателей — в 1158 г. они убили финского епископа Генриха [12]. В 1164 г. при папе Александре III в Упсале появилось архиепископство. Наступление на Финляндию усилилось.

Неудачи ждали шведов на Руси, куда они попытались перенести свое наступление. В 1164 г. перед Ладогой неожиданно появились 65 шведских судов; высадившееся войско разорило посад и несколько дней безуспешно штурмовало крепость. Подоспевшее новгородское войско князя Святослава Ростиславича наголову разбило захватчиков, уничтожив 43 судна [13].

Насколько непрочными были шведские позиции в земле финнов, видно из буллы римского папы Александра III, адресованной главе шведской церкви упсальскому архиепископу и подчиненным ему епископам, а также ярлу Гутторму: «Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостолическому престолу о том, что финны (phinni) всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят [прислать] проповедников и наставников христианского закона, но когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко преследуют проповедников» [14]. В 1178 г. в шведские владения Финляндии проникли карелы, которыми был захвачен в плен и убит преемник Генриха финляндский епископ Рудольф [15].

Гораздо более серьезный русско-шведский конфликт приходится на 80-е годы. В 1186 г. новгородские ушкуйники совершили поход в южную Финляндию [16], а в 1187 г. состоялся поход подвластных Новгороду карел на Сигтуну — самый сильный и богатый город Швеции, «в котором одновременно правили четыре бургомистра и обойти который по валам можно было не менее, чем за 6 часов». Русские и карелы хорошо знали путь в этот город, здесь находился русский торговый двор с каменной церковью [17].

Карельские войска на судах проникли в озеро Меларен, видимо, взяв по пути Альмарстек, замок упсальского архиепископа, и 12 августа заняли и разрушили укрепленный город. Здесь был убит и архиепископ упсальский Иоанн [18]. Победители с богатыми трофеями, включавшими, по-видимому, и знаменитые «Сигтунские врата» [19] (ныне — в новгородском храме Софии) возвратились на родину. С той поры Сигтуна утратила свое значение. Позднее, в 1252 г., ярл Биргер, чтобы защитить вход в озеро Меларен, построил здесь новый город — Стокгольм.

Сигтунский поход вызвал нарушение торговли, ибо в 1188 г. иноземцы-«варяги» захватили и посадили в заключение русских купцов «на Гътех» (т. е. в Висби), у немцев (в Любеке), то же сделали шведы в Торсхэлле («в Хоружьку») и в Нючепинге («в Новоторжьце»). Последовал дипломатический разрыв. Весной новгородские власти не пустили «ни одного мужа» за море, а с пришедшими «варягами» отказались вести дела, не дали им с собой посла и пустили их «без мира» [20]. Видимо, Новгород требовал освобождения своих купцов в качестве условия возобновления переговоров о восстановлении давних договорных отношений. Быть может, в это время Новгород перезаключил на новых условиях договор с Любеком и другими немецкими городами.

Похоже на то, что разрыв был длительным: в 1191 г. вновь видим новгородско-карельские суда в походе на южную Финляндию [21]; около 1198 г. они нанесли удар по шведским опорным пунктам в земле Сумь, где опустошили замок Або; причем епископ Фолквин не то бежал, не то был убит [22]; это дало повод папе Иннокентию III горько заметить, что финские епископы посылаются в страну «не столько для почетной кафедры, сколько для мученического венца» [23]. Иннокентий III (1198—1216) немало сделал для резкой активизации католической агрессии в Финляндии (см. стр. 239). Когда усилились происки немецких феодалов в Подвинье, их шведские собратья нападали на Эстонию [24].

Русско-шведские отношения нормализовались позднее: под 1201 г. в новгородской летописи сказано, что варягов местные власти «пустиша без мира за море», а далее, что варяги пришли сухим путем («горою») в Новгород «на мир», т. е. для ведения переговоров, и Новгород возобновил с ними договор «на всей воли своей» [25]. После-

дующие взаимоотношения не отмечены какими-либо конфликтами вплоть до обострения балтийского кризиса в результате крестового похода XIII в. (см. стр. 292).

Отношения с Данией, и дипломатические и торговые, видимо, тоже перешли в ведение главным образом Новгорода. С образованием архиепископства в Лунде (1137 г.) усиливается проникновение датских рыцарей и монахов в восточную Прибалтику. Уже архиепископ Эскил возвел французского бенедиктинца в «епископы Эстонии» [26], но последовательные вооруженные вторжения начались при Кнуте VI (1182—1202) в Финляндию (1190, 1191 гг.) [27] и Эстонию (1194, 1196, 1197 гг.) [28]. Источники отмечают лишь некоторые, обычные для средневековья конфликты, сопровождавшие датско-русскую торговлю. Нарушение нормальных русско-датских отношений произойдет позднее, когда Дания примет участие в крестовом походе XIII в. (см. стр. 231).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ С ПОЛЬШЕЙ, ВЕНГРИЕЙ И ЧЕХИЕЙ

РУСЬ И ПОЛЬША

Когда после смерти Святополка Изяславича киевский стол занял Владимир Всеволодович Мономах (1113 г.), отношения Руси с Польшей во многом зависели от их волынской политики. Мономах стремился укрепить влияние Киева на Волыни, где во Владимире сидел союзный Венгрии [1] и Польше [2] Ярослав Святополчич, вероятно имевший виды на перехваченное Мономахом великое княжение.

Мономах, держа Туров, обеспечил себя союзами с Перемышлем (1114 г.), Городном (1116 г.) и, видимо, привлек на свою сторону владимирское боярство [3]. Столкновения с Ярославом кончились тем, что в 1118 г. он бежал в Венгрию, а оттуда в Польшу. Бояре, изменив ему, приняли на владимирский стол Андрея, сына Мономаха (1119 г.). Мономах (как и немецкий император Лотарь II) был в союзе с Кнутом Лавардом, враждебным Польше.

Болеслав III Кривоустый не мог поддержать Ярослава Святополчича, будучи отвлечен в 1117 г. мятежом палатина Скарбимира; полагают, что последний был связан с Киевом и Перемышлем, а также с Черниговом как жених Марии, дочери Олега Святославича и Феофано (за его невестой на Русь по поручению Болеслава III ездил Петр Властович, после свержения Скарбимира завладевший и его должностью и Марией) [4].

Дело переросло в пятилетний русско-польский конфликт. В 1120 г. посланный Мономахом Андрей «с погаными» (видимо, половцами) повоевал Польшу [5]. Болеслав III, опасаясь слишком сильной Руси, поддерживал волынский сепаратизм, и в 1121 г. польский союзник Ярослав Святополчич нападал, правда неудачно, на Червен. Позицию Польши, воевавшей за Поморье, осложняла ее вражда с Перемышлем (в прошлом союзным поморянам). Тогда в Польше решили прибегнуть к авантюре. Князь Володарь Ростиславич был захвачен в 1122 г. в плен (Петром Влас-

товичем, обманно перешедшим к нему на службу) и освобожден лишь по уплате Польше его сыном Владимиром большого выкупа[6]. Впрочем, не эта успешная авантюра, а прежде всего объединительные усилия Мономаха повлекли за собой сближение Перемышля с Польшей, весьма опасное для планов Киева. В 1123 г. Ярослав Святополчич, действуя уже в союзе с Володарем и Василько Ростиславичами, имел «множество вои», включая венгров, поляков и чехов. Князь подошел к волынской столице, но владимирцы ворот не открыли, так как он им «претяше». Осада тоже не удалась: два воина из числа поляков, служивших Андрею Владимировичу, убили Ярослава; тогда союзники разошлись, а к Мономаху, как сказано в дружественной ему летописи, «с молбою и с дары послаша послы»[7]. Отношения Киева (тоже имевшего союз с Поморьем) с Польшей были нормализованы. Тогда же и Чернигов сблизился с Польшей, если судить по женитьбе в 1124 г. муромского князя Всеволода Давыдовича на «ляховице», как полагают, дочери Болеслава III. В конце правления Болеслава III последовали браки его овдовевшей дочери Риксы с Владимиром Всеволодовичем, новгородским князем, и его сына Болеслава с Верхуславой Всеволодовной[8].

По смерти Мстислава Владимировича (1132 г.) окончательно восторжествовал политический полицентризм и точнее обозначились внешнеполитические союзы: Волынь (где с 1136 г. княжил Изяслав Мстиславич) постепенно склонялась внутри Руси к союзу со Смоленском, а вовне — с Польшей (где нашел союзников и Чернигов), а затем и с Венгрией; Галичина (где княжил с 1141 г. Владимир Володаревич) — к союзу с Суздалем и с Венгрией, а также — Византией. Во время польской войны против блока из Чехии, Венгрии и Австрии, сколоченного императором Лотарем, в 1132—1135 гг. какой-то русский (быть может, волынский?) отряд действовал на стороне Болеслава III[9]; Галич был союзником Венгрии, как отмечал сам Владимир Володаревич и судя по сообщению Винцента Кадлубка об участии русских войск в венгерском походе к Вислице[10]. Болеслав III потерпел поражение при Шайо (1132 г.). Конфликт был урегулирован на Мерзебургском съезде, созванном Лотарем (1135 г.).

Русский союз имел значение для польско-немецких отношений. Германия продолжала наступление на Поль-

шу, стремясь отнять ее земли и захватить балтийский торговый путь. Действиям Германии и Дании благоприятствовало то, что у Поморья были сильные экономические и идеологические (язычество) основы сепаратизма, а у польских князей — недостаточно возможностей для его преодоления. В отличие от Новгородско-Псковской земли польское Поморье был подчинено княжеской власти вторично Болеславом III позднее (восточное Поморье — в 1119 г., западное — в 1122 г.) и слабее привязано к ней; польское Поморье имело широкую самостоятельную морскую границу, и, наконец, Руси противостояли Швеция и Дания, а Польше — Германия и Дания. Участвуя в распрях на Руси, Болеслав III был вынужден в 1135 г. принести империи ленную присягу с западного Поморья, потеряв часть его в пользу саксонского Лотаря.

По смерти Болеслава III (1138 г.) восторжествовала политическая раздробленность и в Польше, где образуются две группировки: во главе одной был его сын от Сбыславы Святополковны Владислав II, ко второй принадлежали мазовецкий Болеслав IV Кудрявый и великопольский Мешко III Старый. Владислав II (Краков) держался союза со Всеволодом Ольговичем (Чернигов, с 1139 г.— Киев), которому в 1140 г. помогал против набиравшего силу Суздаля — походом на Волынь поддержал черниговские действия против Переяславля (где сидел Андрей Юрьевич) [11]. Чернигово-краковский союз был скреплен в 1141 г. браком Звениславы Всеволодовны с сыном Владислава II Болеславом Высоким [12] (с 1163 г. силезским князем). В свою очередь краковский князь получил в 1142 г. помощь Чернигова и Галича в походе на братьев, впрочем, не принесшем ему окончательной победы [13]. У Чернигова был тогда союз и с Полоцком, чему свидетельство — женитьба Святослава Всеволодовича в 1143 г. на дочери местного князя Василько (Святославича?); на торжестве присутствовали и «безбожни ляхове» [14], что дает повод думать о союзе Полоцка с Краковом и вновь пожалеть об утрате полоцких летописей.

Соединение в руках Всеволода Ольговича власти над Киевом и Волынью тотчас привело его к конфликту с Галичем, который нашел союзника в Суздале. В галицком походе Всеволода (1144 г.) участвовала и рать Владислава II [15], хотя последний не желал разрыва с Галичиной.

Черниговo-краковский союз действует и в 1145 г., когда на съезде князей в Киеве, посвященном наследственной передаче города Игорю Ольговичу, великий князь предложил решить и польский вопрос: «повабливает (т. е. приглашает.— *В. П.*) мене Володислав, лядьский князь, на брата своя». Было решено помочь: в поход направились войска Игоря Ольговича, Святослава Ольговича и какая-то волынская рать [16]. Волынский Изяслав Мстиславич, союзный младшим Болеславичам [17], уклонился от выполнения киевских решений, сославшись на болезнь.

Союзники прошли «на серед земли Лядьское», где, возможно на Пилице, состоялась встреча Владислава II с Болеславом IV и Мешко III. Эти князья «поклонистася Игореви [Ольговичу] с братьею его и целовавъше крест межи собою». Было принято решение, сходное с русским 1097 г.: «Аще кто перестоупить крестное целование — на того быти всим». Братья уступили Владиславу четыре города (видимо, Серадз, Ленчицу, Калиш и Гнезно), а Игорю с братьями дали Визну, отобрав ее у мазовецкого князя.

Визна — важный центр колонизации Пруссии — попала в руки одного из вассалов Всеволода Ольговича, который как великий князь распоряжался Турово-Пинской землей и входившими тогда в этот надел Берестьем, Дорогичином [18] и Городном [19]. В руках великого князя оказался полностью путь на Пруссию; Ятвягия на время отрезáлась от Польши [20]. Поход принес Руси территориальное приобретение, вероятно, крупную сумму в уплату за войско и, наконец, «мног полон» [21].

Тесное общение Руси и Польши не укрылось и от деятелей католической церкви. В 1145 г. знаменитый цистерцианец и один из организаторов крестового похода 1147 г. Бернард из Клерво в письме к краковскому епископу Матвею и к известному нам вельможе Петру Властовичу спрашивал о шансах католической проповеди на Руси. Момент был выбран едва ли удачный, и те ответили, что ему лучше приехать лично, подчеркнув, впрочем, что «русский народ, своей многочисленностью подобный звездам», «не желает сообразовываться ни с латинской, ни с греческой церковью» [22]. Вероятно, один из авторов попал на Русь раньше, чем Бернард успел получить ответное письмо: Владислав II, ища сближения и с Галичем, зимой того же года осудил на поток и разграбление Петра Властовича —

ослепил его, велел отрезать ему язык и «дом его разграби», а самого вместе с женой и детьми «выгна из земли своея». Тот «иде в Русь»[23].

На это же время приходится решающее столкновение Владислава II с братьями, которых он с помощью русских и язычников (вероятно, пруссов) побеждает в Познани[24], но затем терпит поражение и скрывается ко двору императора Конрада III, а сына Болеслава Высокого посылает на Русь искать помощи[25] у его тестя Всеволода Ольговича. Конрад III воспользовался этим поводом и в 1146 г. предпринял поход в Польшу. Помочь Владиславу он не сумел, хотя и добился вассальной присяги, дани и права арбитража в споре польских князей[26]. Всеволод Ольгович в свою очередь был занят галицким походом, в котором участвовал и Болеслав Высокий, затем ездивший черниговским послом к Изяславу[27].

Переход киевского великокняжеского стола к волынскому Изяславу Мстиславичу (1146—1154) повлек за собой упрочение его союза с польскими князьями, враждебными Владиславу II и Германии. Он поддерживал власть Болеслава IV Кудрявого (1145—1173) над Краковом, а тот — его над Киевом, за который волынский князь вел упорную борьбу с Черниговом и Суздалем. В польском вопросе, следовательно, интересы Волыни и Германии по-прежнему не совпадали.

Распри в Польше повлекли за собой новое обособление западного Поморья. В результате второго крестового похода Польша сумела его вернуть, но германская угроза не исчезла. Во время этого похода Германии и Польши на Прибалтику немалые русские силы ходили с Болеславом Кудрявым на пруссов с целью их «обращения»[28]. Магдебургский хронист утверждает, что поход продолжался три месяца, в течение которых союзники пожгли многие города и, в частности, сравняли с землей Мальхон, где разрушили и храм с идолами. Это могли быть волынско-смоленские войска, если учесть, что пленные галинды были поселены смоленским Ростиславом Мстиславичем на Поротве, где попали под удар черниговских войск[29].

Вернул ли Изяслав своим польским союзникам Визну, мы не знаем[30], скорее всего нет, потому что и после похода 1147 г. для польских князей ятвяжская угроза оставалась, как видно, суровой реальностью. В 1149 г., когда Изяслав запросил помощь против Юрия Долгорукого у

своего «свата» Болеслава Кудрявого, у Мешко III и у Генриха, сандомирского князя, те ответили: «Мы есмь у тебе близ, а одного собе оставим стерече земле своея, а два к тобе поедета». Речь шла о прусской угрозе, и Мешко остался стеречь «земли своея от прус»[31]. Польские князья пришли во Владимир «съ многою силою», сюда же прибыли союзные венгры и чехи. Изяслав принимал их здесь, а потом и в Луцке (где Болеслав посвятил в рыцари русскую знатную молодежь). Польша наряду с Венгрией и Чехией была вовлечена непосредственно в борьбу русских княжеских коалиций за Киев.

Но и противник Юрий Долгорукий был силен, располагая поддержкой «диких» заволжских половцев, а также галицкой помощью. Понимая это, «убояшася ляхове и угре»[32] и заявили Изяславу, что сил у них недостаточно ни для войны, ни для заключения мира («не все се есмя совокупили ныне, чтобы ныне створити мир»)[33], а тут еще подоспела весть о нападении пруссов на Польшу. Дело Изяслава явно не выгорело, и он попытался использовать союзников для дипломатического демарша.

Из Черемина на Ольчс к Юрию и Вячеславу Владимировичам послы союзников доставили грамоту, в которой Белуш, бан Гезы II, и польские князья берут на себя хлопоты за Изяслава. Грамота так интересна, что я позволю себе привести ее полностью. «Вы нама есте в отца место; а се ныне заратилася есте своим братом и сыном Изяславом; а мы есмы на бозе все крестьяне, одна братья собе, а нам подобает всим быти съ собе; а мы межи вами того хочем, абы бог дал вы быста уладилася со своим братом и сыном Изяславом; а быста вы седела в Киеве, само ся ведаюча, кому вама приходити; а Изяславу осе его Володимир готов, а се его Луческ, а што его городов, ать седить в том; ать онамо к Новугороду Великому — ать взворотить Гюрги дани их вси»[34].

Начальные слова грамоты (летопись содержит ее перевод, сделанный в княжеской канцелярии) подчеркивают в титулатуре пиетет авторов к великим князьям Руси, причем особенно примечательно отсутствие религиозной нетерпимости в русско-венгерско-польской княжеской среде; позднее галицко-волынский Даниил Романович обратит схожие слова к польским князьям[35]. Интересно и то, что, владея Волынью, Изяслав как один из великих князей ставит вопрос о судьбах и Киева и Новгорода — центров

Нижней и Верхней Руси. Следовательно, он был в курсе острой суздальско-новгородской борьбы из-за северных даней и имел контакты с боярским правительством. Уступая Киев (не безусловно), удерживая Волынь (безусловно), Изяслав оставлял за собой часть великокняжеской юрисдикции относительно Новгорода.

Но Долгорукий отлично разбирался в шаткости позиции соперника и ответил следующее: «Бог помози зятю нашему королеви и брату нашему Болеславу и сынови нашему Индрихове, оже межи нами добра хочете; но обаче оже ны ся велите мирити, то не стоите на нашей земли, а жизни нашея, ни сел наших не губите; но ать Изяслав поидет в свой Володимир, а вы в свою землю поидите; а мы ся своим братом и сыном Изяславом сами ведаимы» [36].

В этом документе любопытна прежде всего титулатура: для Юрия король Геза II — зять, Болеслав — брат, а Генрих — сын. В ответе Юрий не разбирает полученные предложения по существу — он не касается вопроса ни о Киеве, ни о Новгороде, ни о Луцке; уход иностранных союзников — вот условие мира. Союзники того и ждали, тем более что около этого же времени должны были состояться переговоры Болеславичей с императором Конрадом в Мерзебурге. Словом, относительно Руси повторилось то, что в 1145 г. было в Пилице. Впрочем, борьба Суздаля с Волынью шла с переменным успехом.

Потом наступил перерыв в выполнении польскими князьями их союзнических обязательств: в 1150 г. Изяслав приглашал их против Галича [37], но об их участии ничего не слышно [38]; матримониальные связи княжеских домов были усилены около 1151 г., когда сын Изяслава Мстислав женился на Агнешке, сестре Болеславичей [39], а Мешко III взял в жены Евдокию Изяславну [40]. Однако на союзные обязательства это не повлияло, и когда в 1152 г. Изяслав вновь звал их для борьбы с Галичем, то по сведениям той же суздальской летописи «ляхове же не идоша» [41].

Это можно понять: польским князьям вовсе не хотелось видеть под боком Волынь, победившую Галичину. Кроме того, их конфликт с Владиславом II отнюдь не угас. Более того, и император Конрад и папа Евгений III (1145—1153) продолжали его разжигать. Император в 1149 г. повел переговоры с Болеславичами, видимо, угрожая им вооруженным вмешательством [42], а легат Гвидон

наложил на польских князей интердикт за неповиновение папе[43]. В этом вопросе папа и император были, кажется, единодушны: в январе 1150 г. Гвидон извещал Конрада об интердикте[44]; в походе 1152 г. Болеславичи не участвовали ввиду смерти Конрада, выжидая, каков будет политический курс его преемника Фридриха I Барбароссы, с которым и Изяслав, может быть, имел связи (см. стр. 219). Но волынско-польский союз сохранялся и после смерти Изяслава Мстиславича (1154 г.). Когда Долгорукий при поддержке нового галицкого князя Ярослава Владимировича (1153—1187) и Владимира Мстиславича нападал на Луцк, то сын Изяслава Мстислав скрывался в Польше[45].

Первый этап наступления империи на Поморье (1147—1157) закончился, несмотря на неуспех крестового похода 1147 г., подчинением лютичей, которые сражались отчаянно, но должной помощи от польских князей не получили[46]. Когда в 1157 г. Фридрих I Барбаросса, прикрываясь защитой интересов Владислава II, направился против Польши, она нашла русскую помощь. Эта помощь едва ли была велика, так как в Киеве правил суздальский Юрий Долгорукий, а Волынь была охвачена распрями. Тем не менее Фридрих в письме к корвейскому аббату Вибальду упоминал среди союзников Болеслава IV Кудрявого русских наряду с поморянами, пруссами и половцами[47]. Русская помощь если и не спасла Болеславичей от поражения, то уж во всяком случае избавила от необходимости воевать на два фронта[48]. По договору 1157 г. в Кжышкове Польша была вынуждена признать вассальную зависимость от империи и уплатить огромную дань в 3020 гривен золотом и 200 гривен серебром; сам Владислав II умер в изгнании (1159 г.), но его дети (Болеслав и Мешко) при поддержке императора получили Силезию и впоследствии воевали против Болеславичей, ослабляя единство страны.

Новый галицкий князь Ярослав сумел наладить прочный союз с Польшей, выдав свою дочь за познаньского и калишского князя Одона (умер в 1194 г.)[49], сына Мешко III. Этот поворот Галича к Польше[50], может быть, содействовал и нормализации волынско-галицких отношений. Когда Ярослав Владимирович повел борьбу с черниговокиевским Изяславом Давыдовичем за влияние в Подунавье, используя в качестве повода происки князя-кондотьера Ивана Берладника, то к участию в переговорах

1159 г. он привлек («подмолвил») и польских князей, от которых вместе с другими ездил посол («от ляхов муж свой») в Киев — делать представление Изяславу Давыдовичу, впрочем напрасно: тот «перепре всих»[51].

Несмотря на обычные для того времени текущие размолвки и конфликты (вроде набега какой-то польской рати в 1163 г. на окрестности древнего центра края — Червена)[52], галицко-волынско-польские отношения оставались союзными: в 1169 г. поляки были «ротниками» Мстислава Изяславича и, видимо, присутствовали на съезде с ним и с Ярославом Владимировичем[53]. Последний как тесть князя познаньского Одона был, вероятно, желанным союзником Польши, особенно, если учесть, что на 1157—1171 гг. приходится следующий этап немецко-датского наступления на нее. Политическая слабость польско-балтийского и поморского союзов была использована датским королем Вальдемаром I, епископом роскильдским Абсалоном (1158—1191) и Саксонией. По договору 1167 г. саксонский герцог Генрих Лев завладел Зверинской землей, Дания (в 1168 г.) захватила о-в Руяну (Рюген), а в 1170 г. бодричский князь Прибыслав признал власть Германии, став мекленбургским герцогом. Граница Германии угрожающе продвигалась на Восток[54].

Подчинение полабско-прибалтийских земель Германией стало свершившимся фактом. Вслед за Западным Поморьем под удар попало Поморье Гданьское — на него зарились бранденбургские маркграфы, на его судьбе роковым образом сказалось вторжение немецкого Ордена в Пруссию (см. стр. 237).

Тесное общение стран и правящих династий вело не только к взаимному участию во внутренних войнах, но и к использованию на постоянной службе иноземных вассалов. Русские власти уже в силу этнической сложности страны широко применяли подобную практику, и потому не удивительно, что среди русских воевод в 60—70-х годах XII в. встречаем «ляха» Володислава Вратиславича[55].

Усложнение общественно-политической жизни в обособившихся от Киева землях породило новые тенденции в русско-польских отношениях: если прежде в Польше находили поддержку князья, оппозиционные Киеву, то теперь туда находят пути элементы, недовольные и

местной галицкой и волынской великокняжеской властью.

Во время борьбы Ярослава Владимировича с оппозиционной группировкой боярства, выступавшей на стороне его сына (от Ольги Юрьевны суздальской) Владимира, последний в 1173 г. искал помощи на Западной Волыни (у Мстиславичей), а нашел убежище в Польше (трудно сказать, при чьем дворе). Именно из Польши многие бояре во главе с известным воеводой Константином Серославичем добились от Ярослава Осмомысла обещания «имети княгиню в Правду», а затем сожгли его незаконную жену Настасью, отправили в заточение ее сына Олега и перебили понизовскую дружину Ярослава[56]. На следующий год, однако, конфликт возобновился, и Владимир с матерью и семьей бежал в Луцк к волынскому великому князю Ярославу Изяславичу, который обещал ему помощь[57]. На этот раз поддержку Польши находит Ярослав Владимирович: за 3 тыс. гривен серебра он «приведе ляхы в помочь себе». Это испугало луцкого князя и, в конце концов, после специального договора между Смоленском и Черниговом, с одной стороны, и суздальским, волынским и галицким князьями — с другой, ненавистный сын был возвращен отцу. Впрочем, не надолго [58].

Между тем в Польше после смерти Болеслава Кудрявого и кратковременного княжения Мешко III Старого (1175—1177) бунт знати возвел на краковский стол Казимира II Справедливого (1177—1194), который был (с 1163 г.) женат на Елене — дочери великого князя Ростислава Мстиславича смоленского [59]. Судя по матримониальным связям, прочный союз с Казимиром имел Чернигов: великий князь Святослав Всеволодович женил на его дочери своего сына Всеволода, будущего великого князя [60].

Казимиру удалось на некоторое время упрочить в Польше княжескую власть: он держал земли Краковскую и Сандомирскую, Мазовию (с 1186 г.); его власть признавали и союзный Галичу познаньский князь Одон и союзный Чернигову вроцлавский Болеслав Высокий. С Германией у Казимира были старые счеты: по договору 1157 г. он побывал в заложниках у Фридриха I [61], при столкновении с силезскими Владиславичами в 1172 г. ему пришлось подтвердить вассальную зависимость

императору и уплатить 8 тыс. гривен серебром[62]. Политика Казимира в Поморье не была успешной. На третьем этапе наступления (1171—1181) датско-саксонско-бранденбургская коалиция продолжала агрессию, хотя и сама не имела единства: Фридрих I (Гибеллин) выступил против Генриха Льва (Вельфа), разбил его, а сам подступил к Любеку; тогда и поморский князь Богуслав (Щецинь) признал себя вассалом империи (1180 г.)[63]. Эта важная перемена в расстановке сил на Балтике отразилась вскоре на восточном, русском, участке ее торговли.

После смерти Осмомысла, обострения политической борьбы в Галичине и усиления попыток западноволынского князя Романа Мстиславича (племянника Болеславичей) завладеть ею роль Польши в истории Юго-Западной Руси заметно возрастает, правда, отнюдь не сопровождаясь, как это утверждает апологет Казимира и польской феодальной экспансии на Русь хронист Винцент Кадлубек, подчинением Перемышля, Владимира, Берестья и Дорогичина[64]. Один источник отметил под 1181 г. поход Казимира на Русь, быть может, к Берестью[65]. Подобные столкновения при обширной этнически смешанной русско-польской границе были нередки, но Казимиру II приходилось дорожить русским союзом, учитывая угрозу с другой стороны: в 1180 г. его противник Мешко III предлагал Фридриху I 10 тыс. гривен (серебром?) за вмешательство в польские дела; по его же просьбе после съезда в Майнце (1184 г.) Фридрих I направил в Польшу войско со своим сыном, будущим Генрихом VI. Послы Казимира, вероятно не без денежных затрат, предотвратили этот поход.

Когда в 1188 г. волынский Роман Мстиславич (около 1183—1205), связавшись с галицкой боярской группировкой, прогнал Владимира Ярославича, но, натолкнувшись на вмешательство Венгрии (см. стр. 180), Галича не добыл, а Владимир потерял (здесь засел его брат Всеволод), он подался в Польшу. Это понятно, ибо Роман как внук Болеслава III Кривоустого имел широкие связи в Польше и часто бывал при краковском дворе Казимира, которому был близок[66]. Но правительство малопольского Казимира тогда избегало ссор с Венгрией, а потому ему «не бы и в ляхох помочи»; во время второго обращения к Польше он получил отряд войск своего дяди великополь-

ского князя Мешко Старого, однако и с ним Владимира не достал. Владимир ему достался благодаря помощи его тестя овручского князя Рюрика Ростиславича (великого князя киевского с 1195 г.)[67].

Что касается Владимира Ярославича, то он вернулся на занятый венграми галицкий стол вследствие вмешательства императора Фридриха I Барбароссы (Галич, видимо, оставался византийско-немецким союзником) и суздальского великого князя Всеволода. Когда Владимир Ярославич, бежав из Венгрии, попал в 1189 г. в Германию, где исхлопотал поддержку со стороны Польши, то император направил его ко двору Казимира, «веля ему доправити Галича по своей воли». Германо-венгерские отношения диктовали этот шаг (Фридрих собирался в крестовый поход и путь лежал через Венгрию). Казимир воспользовался удобным случаем и отправил с этим вечным беглецом, видимо, свой отряд («пристави к нему моужь свои Миколая»). Галицкие горожане, по горло сытые режимом иноземной венгерской власти, установленным боярством, охотно приняли Владимира, а венгерского «королевича [Андрея] прогнаша из земля своея».

Не полагаясь на иностранную поддержку, Владимир Ярославич (1189—1199) в том же году обратился к суздальскому Всеволоду, прося сохранить за собой Галич. Всеволод вмешался в галицко-венгерско-польско-немецкие дела, он «присла ко всим князем и ко королеви [Беле III и] в ляхы и води я ко кресту на своем сестриче», т. е. тогда был заключен многосторонний договор, участники которого обязались «Галича не искати николи же под ним». Следовательно, Всеволод поддержал и укрепил внешнеполитическую независимость Галичины: «оттоле не бысть на нь [на Владимира] никого же» [68].

В 1191 г. Казимир находился на Руси, когда Мешко Старый захватил Краков. Казимир нашел традиционную поддержку Волыни: «сторонники Мешко, узнав, что Казимир... приближается с Романом владимирским и Всеволодом белзским, бежали» [69]. Но под давлением папства, опасавшегося русско-польского договора 1190 г. и размирья с Венгрией, Казимир при посредничестве краковского епископа Пелки и воеводы Николая заключил в 1192 г. договор (своего рода предтечу Спишского договора 1214 г.) с Венгрией о согласованной внешней политике [70].

Феодальная раздробленность на Руси, с одной стороны, и растущая консолидация литовских и прусских земель — с другой, при общности русско-польской даннической области в Ятвягии неоднократно приводили к обособленным и совместным походам на нее. След совместного похода 1193 г. остался в хронике Винцента[71], сообщение о походе 1196 г. Романа Мстиславича уцелело в летописи[72]. Разумеется, исторические связи славян с пруссами отнюдь не исчерпывались походами феодальных дружин. Памятники археологии говорят о давнем культурном общении; еще более красноречивы свидетельства филологии, обнаруживающей поразительное сходство множества прусских слов с древнерусскими и польскими[73].

По смерти Казимира II остались дети Лешко Белый (1194—1227) и Конрад. Хотя в Польше, как и на Руси, проявлялась тенденция к передаче столицы по наследству и Казимир на съезде в Ленчице (1180 г.) получил согласие знати на такую передачу и она была одобрена папой Александром III[74], часть феодалов, сторонников Мешко Старого, вступила в борьбу за власть[75]. При краковском дворе главную роль играли вельможи — епископы Пелка и Иво, краковские воеводы Николай и Пакослав, воевода сандомирский Говорек и др. В создавшихся условиях о походах на Русь не приходилось думать, видимо, поэтому Винцент сообщает, что эти люди выдвинули в отношении Руси руководящую идею, согласно которой надо не завоевывать земли, а иметь на русских княжеских столах хороших союзников. Естественным союзником Елены Ростиславны, регентши при молодом князе, стал волынский Роман, который даже хронистом Винцентом охарактеризован как «верный помощник и опекун»[76].

На этот раз хронист не преувеличивает, его сообщение можно подкрепить уцелевшим в летописи документом. Когда в 1195 г. произошло волынско-суздальское столкновение из-за опорных пунктов подвластной Киеву Русской земли, то Роман в поисках союзников против суздальского Всеволода Большое Гнездо обратился сперва к Чернигову, а затем к Польше, к Казимировичам. Те ответили ему грамотой: «Мы быхом тобе раде помогле, но обидить нас стрый свой Межька, ищет под нами волости; а переже оправи нас, а быхом быле вси ляхове

не раздно, но за одинемь быхом щитом быле с тобою и мьстили быхом обиды твоя»[77]. Словом, теперь чаша весов склонилась в сторону Руси, и волынский князь, как бы ни оценивать его побуждения[78], выступает в той роли, в какой мы только что видели Казимира.

С мужами, дружиной и в союзе с Казимировичами он идет на Мешко III Старого. Последний тоже не хотел войны. Но темпераментный князь полез на рожон, проиграл 13 сентября 1195 г. битву на р. Мозгаве близ Кракова, потеряв немало русских и польских воинов[79], и укрылся в Кракове. Отсюда дружина отнесла его раненого во Владимир, хотя краковский епископ Пелка пытался уговорить Романа остаться защищать столицу[80]. Впрочем, ей опасность и не угрожала, так как Мешко, потеряв в битве сына Болеслава, не думал продолжать войну. Следовательно, волынский союзник содействовал упрочению власти малопольских князей. Вскоре Мешко добился поддержки части панства и сел на краковском столе, который с его смертью (15 марта 1202 г.), после кратковременного княжения его сына Владислава Ласконогого, вернулся к Лешко[81]. За это время произошли большие перемены в жизни Юго-Западной Руси.

Вернувшись из польского похода, Роман добился мира с Киевом, получив в Русской земле Полоный и половину Торческа[82]. В 1199 г. в Галиче умер Владимир Ярославич. Хотя у него и были сыновья[83], но горожане и часть боярства, видимо, вновь предпочли волынского князя. С помощью войск регентши Елены Ростиславны Роман овладел Галичем, дав повод хронисту Винценту порассуждать о признании им краковского сюзеренитета[84]. Хронист правильно пишет, что сильное галицкое боярство было решительно враждебно «энергичному»[85] Роману, который, следуя формулам «не передавив пчел, меду не едать» и «трава не издает запаха, если ее не истолочь в ступе», жестоко его карал; часть бояр погибла, часть бежала[86] в Венгрию, в Понизье и, вероятно, в Польшу. За счет боярских земель князь укрепил свой домен, шедший на раздачу служилым людям. Новыми льготами он привлек на свою сторону горожан[87]. По объединении Волыни и Галичины Роман предъявил свои права на Киев. Наша летопись подтверждает эти сведения, а одну из этих поговорок Романа мы еще встретим в ней позднее.

Роман унаследовал суздальский союз галицких князей. Вместе со Всеволодом Большое Гнездо они вытеснили из Киева черниговских и смоленских князей и посадили в нем луцкого, волынского князя Ингвара Ярославича (1202 г.).

Став твердой ногой в Киеве, Роман урегулировал русско-половецкие отношения (см. стр. 213), восстановив при этом дипломатические связи с Византией (см. стр. 201) и Венгрией (см. стр. 182). Попытка Рюрика Ростиславича продолжать борьбу с помощью Чернигова и половцев привела к новому разорению Киева (1203 г.) и закончилась тем, что Киев попал в зависимость от Романа, а Рюрик был пострижен в монахи.

При таком широком размахе внешнеполитических действий Романа не вызывает удивления и его вмешательство в польско-немецкие отношения. К сожалению, источники здесь очень скудны, но они говорят, что в 1205 г. Роман выступил против, видимо, союзного Вельфам Лешко Белого [88], имея целью продвинуться в Саксонию. Это известие сохранилось в хронике монастыря Трех источников, что находится во Франции в округе Шалон на Марне [89].

Думаю, что в качестве галицкого князя Роман унаследовал не только суздальский, но и германский союз (см. стр. 221), а также старые торгово-политические поморские связи.

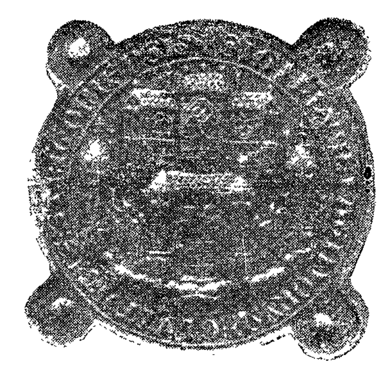
В Поморье еще существовали княжества Щецинькое, Гданьское и Славянское. Князь последнего Богуслав I, по свидетельству Арнольда Любекского (умер в 1212 г.), в 1180 г. признал власть императора Фридриха I [90], а в 1185 г. датский король Кнут VI тоже принудил его платить дань [91]; в 1198 г. на Поморье стремится проникнуть бранденбургский маркграф Оттон II [92]; в 1205 г. на Поморье вновь наступает датский Вальдемар II, в походе которого какую-то роль играл и соперник Лешко Белого великопольский князь Владислав Ласконогий; он, если верить словам Лешко, сказанным Анне, вдове Романа, и поссорил русского князя с польским [93].

Поморье находилось под ударом Германии и Дании; вмешавшись в борьбу сына Барбароссы Филиппа Швабского с Оттоном IV (сыном Генриха Льва), Роман, вероятно, рассчитывал укрепить русско-поморские отношения, а заодно и русско-немецкие связи, выгодные для его

взаимоотношений с Польшей, Венгрией, Латинской империей, Никеей и самим папством. Но планам Романа не суждено было осуществиться: заняв два польских города, он пал в битве с войском Лешко 19 июня 1205 г. у Завихоста [94]. Созданное при нем политическое единство Юго-Западной Руси распалось; страну охватила длительная феодальная война.

Рассмотренный период истории русско-польских отношений позволяет заключить, что они были весьма тесными, что сперва Киев и Чернигов, а затем и Волынь и Галич в их борьбе за самостоятельность находили в Польше союзников; в обеих странах, вступивших в период феодальной раздробленности, не было социальных групп, заинтересованных в широкой территориальной экспансии и способных ее осуществить; в то же время давние торговые связи, наличие обширных зон обоюдной этнической инфильтрации и общих интересов в колонизации Пруссии содействовали взаимному сближению родственных славянских стран. То та, то другая сторона в соответствии с духом классовой солидарности и тесных матримониальных союзов помогала упрочению княжеской власти; русско-польский союз имел положительное значение и для Польши и для Руси ввиду нараставшего наступления Германии за Одер и за Двину. Новое столетие внесло в эти отношения немалые перемены.

РУСЬ И ВЕНГРИЯ

В истории русско-венгерских отношений также легко различить два этапа: на первом — Венгрия содействует обособлению от Киева земель Волыни и Галичины, на втором — все больше склоняется к волынско-смоленскому союзу и противостоит связанной с Византией галицко-суздальской группировке князей.

В годы великого княжения Владимира Мономаха русско-венгерские отношения осложнились — венгерский двор демонстративно отослал на Русь Евфимию Владимировну, лишь в 1112 г. выданную замуж за короля Кальмана [1]. Истинная причина разрыва не раскрыта (обвинение ее в неверности появилось позднее) [2], видимо, она — в перемене политической роли самого Мономаха и в его отношении к союзной Венгрии Волыни и враждебной ей Византии. Приехав на Русь, Евфимия родила сына Бориса, которому было суждено довольно долго играть роль претендента на венгерский престол. Не удивительно, что во время известного нам столкновения с Мономахом волынского Ярослава Святополчича он ищет убежища в Венгрии [3] (1118 г.), а затем при его попытках вернуть г. Владимир (1123 г.) среди его союзников наряду с галичанами, поляками и чехами находились венгры короля [4] Иштвана II (1115—1131), который лично привел свою рать. Начало XII в., время княжения в Галичине Василько Ростиславича, Ивана Васильковича и Владимира Володаревича, характеризуется дружбой с Венгрией. Тому яркое свидетельство совместное пожалованье этими князьями монастырю в Сремской Митровице (Савасентдеметер) ежегодного дохода в виде 13 кантар воска (1 кантар = = 50,5 ÷ 56,3 кг) [5]. Следовательно, Венгрия в это время поддерживала союз и с Галичем и с Волынью.

При Мстиславе Владимировиче отношения Киева с Венгрией едва ли улучшились, судя по тому, что около 1129 г. Борис Кальманович находился в Византии (может быть, он попал туда вместе с караваном, везшим полоцких

князей), где вступил в брак с родственницей союзного Киеву императора Иоанна II[6] и, возможно, участвовал в венгерско-византийской войне. Венгерский престол занимает сын Альмоша Бела II Слепой (1131—1141). В сообщении чешского современника вышеградского каноника, продолжателя хроники Козьмы, о войне Болеслава III против Венгрии (входившей в блок, сколоченный Лотарем против Польши) читаем, что около 1132 г. польский князь «пришел с бесчисленным войском в Венгрию, желая, вопреки венграм, посадить на трон сына Кальмана [Бориса], а самого Белу изгнать»[7]. В венгерской войне Болеслав III использовал, помимо польской, какую-то русскую рать; на стороне Венгрии действовал чешский король Собеслав I (его войска повоевали Силезию)[8], сын австрийского герцога Альбрехта маркграф Леопольд III[9] и галицкий князь Владимир Володаревич, о чем он позже напоминал Гезе II. Конфликту был положен конец на имперском съезде в Мерзебурге (1135 г.), который по просьбе Белы II созвал император Лотарь (1125—1133—1137)[10]; здесь присутствовали и Болеслав III и Собеслав. Болеславу пришлось отказаться от поддержки Бориса Кальмановича.

В Венгрии находили содействие и князья, выступавшие против попыток Чернигова подчинить своему влиянию Киев. Ярополку Владимировичу, когда он соперничал со Всеволодом Ольговичем (в 1139—1146 гг. киевский великий князь), имевшим, кстати сказать, союз с польским силезским князем Болеславом I Высоким[11], король Бела II «посла помощь»[12]; то же сделало правительство малолетнего Гезы II (1141—1162), когда помощь понадобилась галицкому Владимиру Володаревичу (1144 г.); правда, венгерское войско (его привел бан Белуш, дядя короля) не спасло князя от поражения[13].

Особенно большую роль союзу с Венгрией в борьбе за верховенство на Руси отводили волынские князья. Изяслав Мстиславич имел тесный союз с Гезой II, который по мере усиления галицко-суздальской группировки шел навстречу пожеланиям волынского князя. В 1145/46 г. Геза женился на Евфросинье Мстиславовне[14]; сближались не только правящие княжеские семьи, но и знать, судя по тому, что младший брат Изяслава дорогобужский князь Владимир взял в жены в 1150 г. дочь хорватского бана Белуша, брата сербского великого жупана Уроша

Младшего, бан был дядей, опекуном и очень влиятельным советником Гезы[15]. Русский союз был важен Венгрии в создавшихся сложных международных условиях.

В 1140 г., вопреки противодействию короля и Вельфов, чешская корона досталась Владиславу II, поддержанному императором Конрадом III. В соперничестве с Венгрией Владислав II решил вновь использовать Бориса Кальмановича, о котором узнал от своего двоюродного брата, долго жившего на Руси (см. стр. 183), оломоуцкого князя Оттона III[16]. При посредничестве Чехии Борис был принят императором в Баварии и получил его поддержку (1146 г.)[17], а также военную помощь австрийского маркграфа и баварского герцога[18]. Но этих сил оказалось недостаточно, и он обратился к французскому королю Людовику VII, возглавлявшему крестовый поход 1147 г.[19] Не получив ответа, он во французском обозе проехал через Венгрию в Византию, где императору Мануилу уже служил его сын. Здесь не закончилась политическая карьера этого кондотьера, нашедшего содействие и Германии и Византии. Происшедшее в эту пору сближение Германской и Византийской империй пугало Венгрию, которая наступала на бывшие владения Византии в Далмации (1150 г.), соперничала с дружественной ей Венецией на Адриатике и поддерживала союз с Рожером II сицилийским. Примечательно, что русского, волынского союза искала не только Венгрия, но и чешский король Владислав II, который в 1148 г. посетил Русь.

Понятно, что Изяслав Мстиславич мог рассчитывать на венгерскую помощь в своей борьбе против Чернигова и союзных Византии Суздаля и Галича. Весной 1148 г. он «из Угор приведе полки в помочь собе» для похода (впрочем, неуспешного) на Любеч[20], а на следующий год, готовясь к борьбе с Юрием Долгоруким за Киев, Изяслав старался обеспечить себя военной поддержкой и Польши, и Венгрии, и Чехии, прося через своих послов их правителей «а быша всели на кони сами, [дабы] полкы своими поити к Киеву»; если же «самем не мочно» участвовать, то отправили бы войска с «меньшею братьею или с воеводами».

Случайно уцелевшая в летописи часть архива Изяслава позволяет бросить взгляд на дипломатическую переписку изучаемого времени. Его зять — король Геза попросил отсрочки, сославшись на войну с Византией: «ратен есмь

со цесарем, аже буду порожен, а сам приду; а пакы ли [сам не буду свободен], а полкы своя пущю»[21]. Венгрия тогда поддерживала восставшую Сербию Уроша Младшего в войне против Византии[22]. Получив в общем положительные ответы трех держав, Изяслав вновь направил гонцов с посланиями, уточняющими срок похода, а также «с дары великыми и честью»: «Бог вы помози,— писал князь,— оже ми ся есте яли помогати, а яз вы реку: братье, с рождества Христова полезита на кони»[23]. Мы уже знаем ход этой войны, для участия в которой венгерский король прислал 10-тысячное войско. Юрий Долгорукий и его союзники оказались сильнее, а суздальский летописец даже утверждает, что волынские союзники «то извет положыше, воротишася опять»[24].

В следующем 1150 г. волынско-суздальская борьба еще более обострилась. Изяслав не раз вспоминает Венгрию. Вынужденный оставить Киев и бежать перед галицким Владимиром Володаревичем, он сетует своей дружине: «Уже ми толико [остается, что] доехати с гостьми [т. е. иноземными наемниками] — с угры и с ляхы, а уже дружина моя пострашена»[25]. Требуя как великий князь у Юрия доли — «причастья» в Русской земле (Погорынье), он напоминал: «Мне отцины в угрех нетуть, ни в ляхох, токмо в Руской земли»[26].

Осенью 1150 г., вновь приглашая венгерского союзника, Изяслав отправил Гезе II такое послание: «Ты ми еси сам рекл, ако же Володимер [Володаревич] не смееть головы въсклонити [это ссылка или на русско-венгерский договор, или на недошедшее письмо короля, или на личную беседу]. Я же есмъ Гюргя ис Киева выгнал и Гюрги передо мною бегаеть [явное преувеличение]. И Володимер, пришед свечався [т. е. сговорившись] с Олговичи [т. е. с Черниговом], и погнал мя ис Киева; ныне же, брате, ако же ми еси сам върекл, полези же на коне»[27]. Король, решив серьезно вмешаться в русские дела, собрал по всей Венгрии дружину и все полки, а Изяславу сообщил: «Аз ти есмь с братом твоим с Володимером [Мстиславичем] отселе уже пошел, а ты поиди отоле, скупяся весь [т. е. собрав все войско], а ведалъся будеть Володимер [Володаревич], кого заем [т. е. будет знать Владимир, кого задел]»[28].

Но Галич тоже имел связи при венгерском дворе — там у Владимира «бяху приятеле», которые известили его об опасности, и он принял меры. Пока королевские войска

заняли Санок, грабили окрестности Перемышля, галицкий князь отправил гонцов «к архиепископу Кукнишеви [вариант Кукънишеви, т. е. к Кукенесу (1146—1151)] и ко инема двема пискупома и к мужем королевым», он им «вда золото много» и «умзди» их, чтобы вернули короля из похода. И средство подействовало. Геза вдруг заметил, что воевать неудобно, что лучше прийти вновь, когда замерзнут реки, и ушел за Карпаты, «много зла створив» Галичине.

Видимо, вскоре Изяслав Мстиславич посетил Венгрию, где по соглашению с «зятем своим» Гезой и с «сестрою своей» Евфросиньей они женили Владимира Мстиславича на дочери бана Белуша. Владимир остался «опочивати [т. е. отдохнуть, пожить] у короля», «зане труден без дружины своея и конем своим». Куда делась дружина — не сказано. Возможно, она ушла с венгерским королем на византийскую войну. При дворе Владимира Изяславича богато одарили, оказали большую честь, и он потом (дождавшись дружины?) отбыл к отцу, где его ожидала вероятно с Изяславом уехавшая бановна, чью венгерскую дружину князь поставил «на покорм [в] Устилог» [29].

Но привлечь короля к новому походу против Долгорукого не удавалось. Вот почему в королевском письме к Изяславу читаем: «Царь на мя грецкый [Мануил] въстает ратью и сее ми зимы и весны [1151 г.] нелзе на конь к тобе всести, но обаче, отче, твой путь и мой не розно еста; аче ми самому не лзе, а помочи коли хочеши 10 ли тысячь, болша ли, а то ти послю, а оже бог даст лете, то я в твоей воли есмь, а тогда своея обиды помьстиве, а паки нам бог дасть» [30].

Эта неожиданная оттяжка тревожила Изяслава, и он вновь отправил Владимира в Венгрию, чтобы выяснить положение при королевском дворе. Владимир, вероятно знавший язык, для такой роли подходил («ты ведаешь всю мысль и думу их»).

Владимир отвез в 1151 г. следующее послание волынского князя королю: «Оже царь въстал ратью, ако же ти с ним бог дасть. Оже ти самому нелзе, а помочь ми пусти, како ми еси сам рекл [т. е. ссылка на письмо Гезы]. А мне бог помощник на Гюргя и на Олговиче и на галицкого князя; оже, брате, твоя обида [любопытно, что Изяслав титулует Гезу братом, а тот его отцом], то не твоя, но моя обида, паки ли моя обида, то твоя» [31]. Если эти слова не пустая

фраза, то можно допустить, что волынские силы привлекались к византийской войне. Действовал волынско-венгерский договор о взаимопомощи.

Владимир в качестве посла справился с задачей. В новый поход на Киев Изяслав выступил, имея вспомогательное венгерское войско в 10 тыс. «добрых людей»[32]. Это было ему важно тем более, что Польша уклонялась в эти годы от походов, отвлеченная немецкой угрозой. Следует подчеркнуть, что волынско-венгерский союз функционировал в согласии со Смоленском, где княжил Ростислав Мстиславич[33]. Кроме своих войск, Изяслав вел также городнян князя Бориса Всеволодовича [34]; в Киеве его ожидала поддержка горожан и тюрков берендеев. Путь союзников весной 1151 г. лежал через Дорогобуж (жители которого высказали опасение: «се, княже, чужеземьц угре с тобою, а быша не сътвориле зла ничтоже граду нашему?») на Корецк — Ушеск — Мическ — за Тетерев, где был собран совет, на котором присутствовали и венгерские мужи[35], чья речь была «запротоколирована»: «Мы гости есмы твои, оже добре надеешися на кияны, то ты сам ведаеши люди своя, а комони под нами, а добро, княже, друг прибудеть, аже пакы ны сила; а сея ночи, како ны бог дасть, поедем»[36]. Победно вступив в Киев, Изяслав дал на Ярославлем дворе пир в честь русских и венгерских союзников и киевлян; венгры устроили рыцарский турнир, вызвав восхищение видавших виды киевлян: «кияне же дивяхуся угром множеству, и кметьства их, и комонем их»[37].

Прощальный прием Изяслав устраивал уже совместно со своим соправителем Вячеславом Владимировичем; они «велику честь створиста угром», причем Вячеслав «от себе», а Изяслав «от себе» богато одарили их «и съсуды, и порты, и комонми, и паволоками, и всякими дарми».

Отпуская союзников, князья отправили Гезе II ряд грамот. Одну дали венгерскому отряду: «Бог ти тако, брате, помози, яко же нам еси учинил; с прочими же речми посылаем по вас к зятю нашему королю, сына своего Мстислава Изяславича»[38]. В верительной грамоте послу говорилось: «Бог ти помози, брате. Оже нам еси тако помогл, толико можеть так учинити брат роженый или сын отцю, како же ты нама еси учинил; мы же пакы к тобе, брате, молвиве, отослеве к тобе сына своего Мьстислава с речьми».

Содержание одной из грамот-речей, которые вез посол Гезе, тоже включено в летопись. Преамбула варьирует уже известный формуляр: «Ты нама еси тако учинил, яко же можеть так брат рожений брату своему или сын отцю, яко же ты нама помогл; ве же пакы, брате, собе молвиве: нама дай бог неразделню с тобою быти ничим же, но аче твоя обида где, а нама дай бог ту самем быти за твою обиду или пакы братьею своею или сынъми своими и полкы своими, а нама ся тобе нечем откупити сему, толико главою своею; ако же ты нама еси створил, ныне же свое дело сверши добро». После этого введения князья подходят к сути дела: «Самого тебе не зовем, зане же царь [т. е. император Мануил] ти ратен, но пусти нам помочь — любо таку же, паки ли и силнейшю того пусти нам с братом моим [следовало — твоим] Мьстиславом, а с наю — сыном; зане же Гюргий есть силен, а Давыдовичи и Олговичи с ним суть; еще и половци дикеи с ним, а тыи [он] золотом возводить; ныне же, брате, сее весны помози нам; даже будем сее весны порожне, а мы будем с своими полкы тобе в помочь, паки ли ся ты от царя управиши, а ты буди нам помощни[к]; а все ти скажют твои мужи и брат твой Мьстислав, како ны бог помогл и пакы како ся по нас яла Руская земля вся и чернии клобуци (в своде конца XV в. добавлено „ялися по нас все“)» [39].

Из этой любопытной ноты ясно, что волынский князь уже по-иному оценивает силу своего суздальского противника и его черниговских союзников; примечательна и готовность соправителей Руси помочь Венгрии войсками против Византии в обмен на содействие 10-тысячной венгерской рати. Король Геза вновь выделил подмогу: по словам Мстислава Изяславича, она была многочисленнее прежней («аки же николи же не бывала, многое множество») [40]. Но исход летней кампании 1151 г. был печальный: после победы Изяслава над Юрием на Руте, Владимир Володаревич перехватил союзную рать у Дорогобужа, где венгры были «пьяни, аки мертви», и перебил ее; лишь Мстислав Изяславич со своей дружиной успел бежать в Луцк [41].

Узнав об этом тяжелом поражении, Изяслав произнес ставшие крылатыми слова: «Не идет место к голове, но голова — к месту; но абы бог дал мне здоровие и королеви, а мьстем быти». Сейчас волынский князь имел превосходство над галицким и был готов свести с ним счеты:

«Се Володимер Галичьский дружину мою [тут Изяслав, мягко говоря, преувеличивал] и твою избил есть,— писал он в послании Гезе,— ныне же, брате, гадай и о сем, гадай намо на собе сего не дай положити, но дай бог мьстити того и своей дружины; а ты, брате, доспевай у себе, а я зде, а како нам с ним бог дасть»[42].

Летописец Изяслава с редкой обстоятельностью использовал дипломатическую переписку, предшествовавшую шестому волынско-венгерскому походу, на этот раз на Галичину (1152 г.). Отношения у Венгрии с Византией оставались напряженными, и весной этого года король собирался в поход, но Мануил охранял дунайскую границу.

Как бы то ни было, король ответил двумя письмами; в первом сообщал о готовности воевать[43], в другом — уточнял сроки похода: «Аз ти на коня уже вседаю и сына Мьстислава с собою поимаю, а ты полези уже на коне [вариант: вседай на кон уже]»[44]. Изяслав пустил по «королеви дрозе» (т. е. по пути, которым Иштван II ходил в 1123 г. на Владимир) свои и Вячеслава полки, а также тюркскую рать и всю подвластную Киеву «рускую дружину»; под Перемышлем их встретил посол Гезы «в сте дружины»; под Ярославом — королевский муж «боле в тысячи с полком», а потом и сам король явился с 73 полками (в Венгрии было 73 комитата)[45], т. е. десятками тысяч воинов. Это большая рать, если учесть, что «галицкая помощь» за долю — «причастье» главе Руси — достигала пяти полков[46], а общее число войска, конечно, сильно уступало союзникам. Перед битвой под Перемышлем Изяслав обратился с речью к войску, в которой призвал его хранить воинскую честь «перед чюжими языки»[47], т. е. перед венграми и тюрками.

Галицкий князь проиграл сражение и сам-второй укрылся в Перемышле. Владимир, который однажды вольнодумно заметил, что мирить князей «ангела бог не сошлет, а пророка в наши дни нет, ни апостола»[48], стал энергично добиваться мира с помощью земных средств. И на этот раз он прибегнул к испытанному средству — отправил послов к королю, архиепископу, воеводам с просьбой о мире, подкрепив ее золотом, серебром, золотыми и серебряными сосудами, дорогими одеждами. Прикинувшись раненым, он обратился к венгерским воеводам: «Молитеся о мне королеви, ранен есмь велми, а аз ся каю того, королю».

«Не выдай мене Изяславу, зане болен есми велми»,— писал он Гезе II [49]. Ссылаясь на грядущую свою кончину, Владимир прельщал короля тем, что отдавал под его опеку своего сына («да аще мене бог поиметь, а сына моего прими к собе»), наконец, он напоминал королю о своем союзе с его отцом Белой II («отец твой бяше слеп, а яз отцю твоему досыти послужил своим копием и своими полкы за его обиду и с ляхы ся есмь за нь бил, а помяни на мне то и сего ми отдай») [50]. Это был проверенный ход, основанный на известном опасении Венгрии перед сильным галицко-киевско-волынским объединением; обещанная Владимиром дружба означала его отказ от союза с Византией и тоже сулила выгоды королю.

Начались совещания, на которых стоит задержать внимание, потому что единственное в своем роде их описание дает представление о дипломатических переговорах тех времен. На первом же совещании Геза сообщил Изяславу: «Отче, кланяю ти ся, се Володимер прислалъся ко мне, а молится и кланяется и еще и ранен велми и не будет жив; а яз ти, отче, являю, а ты тому, что отмолвиши» [51]. Видимо, король предъявил князю и грамоты, полученные из Перемышля. Летопись сохранила и «протокольную» запись, может быть (если у короля и князя не было языка, известного им обоим) частично в виде перевода.

Изяслав, хорошо знавший проделки галицкого князя, отвечал: «Сыну, аче Володимер умреть, а бог убил его, зане съступил есть крестного целованиа к обеима нама [видимо, речь идет о мире с Владимиром после войны 1150 г.], на нем же целовал крест и что к тобе рекл кое управил и еще пад тем сором на обою възложил [на] наю; а ныне чему ему имеши веры, а он ти не управил и первое, и другое». И закончил Изяслав свою речь энергичным предложением — отобрать Галичину у Владимира: «ныне же дал его нам бог — самого же имева, а волость его възмиве».

Еще решительнее выступал Мстислав Изяславич, видимо, предлагавший покончить с противником — он «велми препираше короля, наипаче отца своего Изяслава, всеми винами володимерими». Но король послушал не их, а свою знать, подкупленную Владимиром, и ответил: «Не могу его убити, оже он молить ми ся и кланяеть ми ся и своея вины кается; но оже ныне крест целовал, а съступить того, а тогда како ми с ним бог дасть, да любо аз буду в Угорьской земли, любо он в Галичкой».

Зная о переговорах, Владимир прислал грамоту и к Изяславу: «Брате, кланяю ти ся и каюся своея вины, зане аз виноват есмь; ныне же, брате, прими мя к собе и дай ми и да короля понудь, ать мя примет; а мне дай бог с тобою быти». Изяслав, испытывая горечь от упущенных результатов победы, «па все то не хотяше ни зрети».

Под давлением венгерского союзника начали «ладити» соглашение, по которому Владимир должен был возвратить Изяславу свое «причастье» в Русской земле — города Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу — и, следовательно, выбыть из числа великих князей, отвечавших за судьбы Киева, превратившись в крупного, но рядового вассала Изяслава: «И с Изяславом быти и его ся не отлучити ни в добре, ни в лисе [лихе], но всегда с ним быти [на всих местех]». Владимир принял эти условия. Дело шло к подтверждению договора крестоцелованием.

Союзники собрались в королевском шатре. Здесь Изяслав сделал последнюю попытку сорвать соглашение, не допустив Владимира к присяге. Этот эпизод интересен и как свидетельство отсутствия при волынско-киевском дворе и в летописании тех дней религиозной нетерпимости (которая родилась позднее по мере развертывания папской католической агрессии на Русь); вера была подчинена задачам внешней политики. Геза заявил, что если Изяслав сомневается в прочности крестоцелования, то Владимир будет присягать на кресте, принадлежавшем королю Иштвану I.

«Право ти, отче, молвлю,— обратился он к Изяславу,— сий хрест есть на нем же Христос бог наш своею волею въсхоте пригвоздитись; его же бог привел по своей воли к святому Стефану; то же сего креста целовал, а съступить и будет жив, в тъ час вън же съступить крестного целования, то я ся тобе, отче, по то иму — любо голову сложю, любо налезу Галичьскую землю, а ныне того убити не могу», и еще обещал, что если Владимир нарушит клятву, то уже не Изяслав, а он, король, первый начнет войну и будет звать русского союзника на подмогу («яз пакы хощю отца своего звати собе в помочь»). Изяслав больше не возражал.

Послы союзников посетили Владимира, и тот «на всемь на том целова крест, но лежа, творяся аки изнемогая ранами, но ран на нем не было». Попировав на дорогу, союзники разъехались. Изяслав тотчас послал посадников

занять спорные города, но Владимир их не отдал, а силой их, видимо, Изяславу было не взять.

Тогда Изяслав отправил гонца вслед королю и передал: «Тобе ся уже не ворочати, ни мне, но толико являю ти, оже есть съступил Володимер хрестного целования, но ты толико не забывай своего слова, еже еси рекл». Изяслав допустил промах, не получив городов до подписания мира.

Ко двору Владимира князь отправил послом Петра Бориславича, чтобы расторгнуть мир и возвратить крестоцеловальные грамоты. Петр был в Перемышле вместе с венгерскими послами, когда Владимир целовал на них крест. Он очень живо описал и свое новое посольство к Владимиру, уже в Галич. Посол прочитал Владимиру такое послание Изяслава: «Крест еси к нама с королем целовал на том, яко что Рускиа волости, то ти все воротити; и того еси всего не управил; ныне же аз того не поминаю всего, но иже хощеши крестному целованию управити и с нама быти, то возврати моя городы, на них же еси к нама с королем крест целовал; не хощеши дати, то съступил еси крестного целования, а се твое грамоты крестныя, а нама с королем с тобою како бог дасть» [52].

Владимир на это хладнокровно ответил: «Брате, извеременил [выбрал удобное время] еси на мя, и короля еси на мя възвел, но оже буду жив, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю». Петру, попытавшемуся заметить, что князь же крест целовал, тот пренебрежительно возразил: «Сий ли крестец малый?» Петр пустился в рассуждения о чудотворной силе креста: «Съступиши, то не будеши жив»,— остерег он князя. Владимиру эта болтовня надоела: «Вы того досыти есте молвили,— сказал он,— а ныне полези вон, поеди же к своему князю». Петр, оставив крестные грамоты, ушел, а князь даже не дал ему (видимо, положенных по дипломатическому статусу) «ни повоза, ни корма», и тот ехал на своих лошадях.

Когда Петр проезжал княжеский двор, Владимир, бывший на переходе в церковь Спаса, не утерпел и крикнул вдогонку: «Поеха мужь руский, обуимав вся волости» [53]. Выход галицкого князя в число самостоятельных великих князей стал свершившимся фактом.

Отношения у Волыни с Венгрией остались дружественными, а у Венгрии с Византией — враждебными. Дело в том, что в ответ на действия Гезы в Сербии, Далмации и союзной Галичине [54] император Мануил осенью 1151 г.

пошел на Венгрию войной[55], при нем находился и Борис Кальманович[56]. Византийцы разорили Сремскую область и взяли крепость Зимень на Дунае. По возвращении из русского похода король направил туда рать воеводы Белуша, а затем выступил сам. Оттеснив Бориса Кальмановича за Дунай, Геза был склонен к миру.

Ходили слухи, что новый германский император Фридрих I (при дворе которого обретался Иштван, брат Гезы)[57] замышляет войну с Венгрией; император начал свое правление проектом объявления войны Венгрии[58] как союзнице враждебной Гогенштауфенам Сицилии[59], но натолкнулся на противодействие маркграфа австрийского Генриха Язомиргота и чешского Владислава II.

В 1154 г. вспыхнула новая венгеро-византийская война, на которую Гезу II толкнул Андроник Комнин (муж Ирины-Добродеи — сестры Изяслава), соперник императора Мануила. На венгерской стороне выступали чехи, немцы, босняки и «скифы». Территориальных приобретений это Венгрии не дало, но в одном из сражений пал Борис Кальманович от стрелы «скифа» — не то половца, не то русского. Возможно, на этот раз русско-половецкая рать из Придунавья поддерживала Гезу.

По смерти Изяслава союзником Венгрии на Волыни стал его брат Владимир, который совместно со смоленско-киевским Ростиславом (1154—1168) продолжал борьбу против суздальско-галицкой группировки. По инициативе Владимира в 1155 г. Венгрию посетила его мать (родом новгородская боярыня); король Геза II с честью принял тещу и дал ей «много имения», т. е. богатые дары[60].

Между тем сын Изяслава Мстислав (бывший в дружбе с Польшей) в 1157 г. выступил против дяди: Владимир бежал к зятю в Венгрию. Мстислав, вступив во Владимир, захватил здесь и добро, привезенное из Венгрии старой княгиней. Это выступление стало поводом для вмешательства суздальско-галицкой группировки — Юрия Долгорукого и его зятя Ярослава Осмомысла в поддержку прибывшего из Венгрии (быть может, с подмогой) Владимира Мстиславича. Новые союзники не смогли, однако, выбить Мстислава из волынской столицы. Видимо, на это время и падает сближение Галича с Венгрией.

Когда окрепший галицкий князь столкнулся в 1159 г. с чернигово-киевским князем Изяславом Давыдовичем

(1158—1159) из-за земель Подунавья и потребовал выдачи князя-кондотьера Ивана Берладника, то Венгрия его поддержала. Во всяком случае, среди послов, ходивших в Киев, были и мужи Гезы II [61]. Выход Галичины из-под власти Киева и укрепление ее позиций на Дунае вызвали ее сближение с Венгрией и резкое расхождение с Византией (см. стр. 195).

По смерти этого короля, в Венгрии были неурядицы, в которых деятельно участвовала регентша Евфросинья Мстиславна в пользу малолетнего Иштвана [62]. Заняв престол, Иштван III (1162—1173) вел борьбу против Византии, сохраняя союз с Волынью и продолжая сближение с Галичем. К этому времени распался союз двух империй, и волынские воины наряду с немцами Фридриха I Барбароссы и чехами короля Владислава II успешно сражались в 1164 г. на стороне Иштвана III против Византии [63], тогда как послы другой, суздальской, группировки находились в ставке Мануила. Возник даже проект женитьбы короля на дочери Ярослава Осмомысла, которая в 1164 г. ездила в Венгрию. Из-за интриг византийского императора Мануила брак, однако, расстроился [64].

Если против Галича враждебные ему великие князья использовали Ивана Берладника, то против Волыни — дорогобужских союзников Суздаля. Об этом узнаем из записи о смерти Владимира Андреевича: «Се же много подъял беды, бегая перед Мьстиславом [Изяславичем] ово в Галечь, ово в угры, ово в Рязань, ово в половцих за свою вину» [65]. Его беда была в том, что Дорогобуж оказался на перепутье борьбы двух княжеских коалиций за Киев.

Едва наметилось ослабление Галичины по смерти Ярослава Владимировича, венгерское правительство вмешалось в ее дела.

Новый грекофильски настроенный король Бела III (1173—1196) в 1186 г. заключил свою мать Евфросинью Мстиславну в крепость Браничево, а затем выслал в Византию [66]. Вскоре она оказалась монахиней монастыря иоаннитов в Иерусалиме [67]. 2 октября 1187 г. Иерусалим заняли войска султана Салах-ад-дина; крестоносцы и католическое духовенство покинули город. О судьбе княгини сообщает предание тамошней лавры св. Феодосия — крупнейшего монастыря, бывшего и после разрушения местом паломничества. Здесь побывал и игумен Даниил. Предание гласило, что Евфросинья умерла в 1173 (1193?) г. в мона-

стыре св. Саввы и погребена в церкви Теотокаса при лавре св. Феодосия, а гробница ее пустует, так как прах был перевезен на Русь. Но известно, что Евфросинья Мстиславна погребена в Венгрии [68]. Видимо, реалий предания — пустая гробница — относится к другой русской, полоцкой княгине Евфросинье и послужил поводом после бегства базилиан из лавры в XV в. к созданию одним из них, укрывшимся в каком-то полоцком монастыре, новой легенды, нашедшей отражение в Степенной книге [69].

В 1188 г. часть галицких бояр, нарушив решение собора 1187 г., прогнала Олега Ярославича и пригласила трижды изгонявшегося Ярославом его сына суздальско-польского союзника Владимира. Среди галицких бояр были сторонники волынского Романа Мстиславича, сына Берладника Ростислава Ивановича, а также Венгрии [70]. Владимир оказался для бояр неподходящим правителем. Экономические и политические связи между Галичиной и Волынью достигли такой степени, что их объединение становилось все более реальным делом. Вот почему волынский князь (союзный Киеву и Польше) Роман Мстиславич добился заветной цели всех волынских князей: по сговору с галичанами он занял их стол. Владимир Ярославич вновь пустился в странствие, на этот раз с сыновьями и дружиной он попал в Венгрию.

Здесь впервые мы сталкиваемся с попыткой венгерских феодалов завоевать часть русской земли. Королевское правительство решило использовать удобный случай. Бела III, прихватив с собой Владимира, перешел Карпаты. Роман Мстиславич поспешно оставил город и попытался вовлечь в борьбу Польшу, правда, тщетно. Киевский Рюрик Ростиславич дал ему войско, но волынско-киевская рать не сумела одолеть венгров. Режим иноземной власти вызывал решительное сопротивление галичан. Бела III, захватив город, не мог чувствовать себя спокойно перед лицом волынско-киевского союза. Польша находилась вне игры.

Вот почему король попытался использовать союз с Черниговом, привлечь на свою сторону черниговского великого князя Святослава Всеволодовича, делившего власть над Киевом с овручским Рюриком Ростиславичем (тестем волынского Романа). В 1189 г. (в год крестового похода императора Фридриха I через Венгрию) венгерские послы вручили Святославу грамоту следующего содержания:

«Брате, пришли сына своего ко мне, чим ти ся есмь обещал, то ти исполню. Яко ти есмь крест целовал»[71]. Глеб Святославич отбыл к королю. Этот документ попал в руки Рюрика, который, узнав о секретном черниговско-венгерском договоре относительно Галича, отправил своего посла к Беле III, а Святославу возмущенно писал: «Како еси послал сына своего ко королеви, а со мною не спрошався? Состуцил еси ряду»[72], т. е. нарушил договор о совместном правлении Русью. Святослав стал маневрировать. С одной стороны, он ответил Рюрику, что верен союзу с ним: «Брате и свату, яз сына своего послал не на тя поводить короля, но яз послал на свое орудье [т. е. по своим делам]; аже хочешь ити на Галичь, да се аз с тобою готов»; с другой — он, предлагая Рюрику Галич, требовал уступки главенства над Киевом («а собе хотяшеть всей Руской земли около Киева»). Переговоры о Галиче, несмотря на вмешательство византийского агента митрополита (который видел в Венгрии кроме противника Византии еще и католическую власть, грозящую фискальным интересам митрополии), сорвались.

Пока великие князья спорили о Галиче, там выступила антивенгерская группировка и призвала княжить сына Берладника Ростислава Ивановича, жившего в Смоленске. Возможно, что это — дело рук союзного Смоленску Рюрика. Ростислав сумел захватить два города на «Украине галичькой» и пошел на стольный город, в котором управлял королевич Андрей. Бела III направил в помощь сыну многие полки, опасаясь русских князей. Но среди галицкой знати не было единства, так как те, чьи сыновья и братья были у короля (вероятно, в заложниках), продолжали ему служить. Вот почему галицкие войска не перешли на сторону Ростислава; сам он с дружиной бросился в неравную битву и израненный попал в венгерский плен. В Галиче вспыхнуло антивенгерское восстание: «Галичане же возметошася, хотяче изяти его у угор». Тогда венгры убили князя, приложив яд к ранам[73]. Насилия над галичанами усугубились, чем и воспользовался сидевший в венгерском заточении князь Владимир Ярославич.

С помощью двух венгерских сторожей он в 1190 г. бежал из башни и был ими доставлен ко двору Фридриха I Барбароссы. При поддержке Польши он вскоре оказался на отцовском столе; королевич Андрей был изгнан. Владимир получил поддержку суздальского великого князя Все-

володa, который специальным договором обеспечил ему безопасность со стороны всех русских князей, а также Венгрии и Польши.

По смерти Владимира (1199 г.) власть над всей Юго-Западной Русью соединилась в руках Романа Мстиславича. В Венгрии после смерти Белы III и долгих придворных распрей власть перешла к его сыну Андрею II, который и стал королем (1205—1235). Должно быть, король искал сближения с Романом, который имел союз с Польшей, Византией, половцами. Видимо, отношения были оформлены дружественным договором, если судить по упомянутой в летописи грамоте польского князя Лешко королю: «Тебе бо друг [Роман] бе, кляла ся бо беста, яко оставшю в животе племени его любовь имети». Со смертью Романа началась затяжная феодальная война в Юго-Западной Руси.

Волынь и Галич получили поддержку Венгрии в борьбе за самостоятельность от Киева; волынско-венгерский антивизантийский союз и последующее галицко-венгерское сближение оказали заметное влияние на международные отношения в северном Причерноморье. Попытки венгерского правительства противодействовать тенденции к сближению Волыни и Галича и даже вооруженной рукой подчинить себе часть Руси окончились решительной неудачей.

РУСЬ И ЧЕХИЯ

Источники по этой теме очень скудны, по они достаточно ясно говорят о дружеских русско-чешских отношениях, о том, что обе стороны дорожили ими. Это прежде всего относится к Волыни. Ярослав Святополчич, отстаивая волынскую столицу в 1123 г. от Мономаха, использовал не только польские и венгерские, но и чешские наемные войска[1]. Это можно было сделать, лишь имея дружественные договорные отношения с Чехией, где Мономах едва ли пользовался симпатиями после похода 1076 г. На 1132 г. падает известие продолжателя хроники Козьмы Пражского о браке брненского князя Вратислава (сына князя Олдржиха) с русской княжной[2]. Больше ничего достоверного об этом мы не знаем.

Можно лишь отметить, что в 30-е годы XII в., когда галицкий князь Владимир Володаревич в союзе с венгерским королем Белой II выступал против Польши, на стороне Венгрии действовал и чешский король Собеслав I (1125—1140). Следовательно, Галичина и Чехия входили в общий союз. Быть может, с браком надо связать и предоставление чешским королем германскому императору Лотарю половецкого отряда для похода в Италию[3]. Поскольку это антивизантийский шаг, половецкий контингент мог идти от Волыни[4].

О продолжавшихся связях волынских князей с Чехией позволяет говорить женитьба сидевшего в Новгороде Святополка Мстиславича (брата великого князя Изяслава), который в 1143 г. «приведе жену из Моравы»[5]. Исследователи единодушно считают, что это — Евфимия, дочь оломоуцкого князя Отона II и сестра оломоуцкого Отона III, который после гибели отца в битве с Собеславом I бежал на Русь, где пребывал до 1141 г., когда Владислав II (1140—1173), преемник Собеслава, его «revocavit de Ruzia»[6]. Вероятно, он жил при волынском дворе, если признать, что именно по названному браку Владислав II приходился волынскому Изяславу «сватом». Примечательно и то, что Пржемысловичи были связаны с русским

княжеским домом и через потомков от браков по русской женской линии — с князьями польскими и венгерскими. Собеслав I — внук Добронеги-Марии, т. е. правнук Владимира I, а через жену Адельгейду — дочь Предславы Святополковны и Альмоша, сына Гезы I, связан с Русью. Евфросинья Мстиславна, жена Гезы II, укрепляя венгеро-чешский союз, выдала дочь Елизавету в 1157 г. за Бедржиха, старшего сына Владислава II, а другую дочь — в 1164 г. за его же сына Святополка. Следовательно, Владислав II по своим родственным связям тесно входил в волынско-венгерский союз. К этому надо добавить и русско-сербско-чешские связи с домом Неманий.

Возвращаясь в 1148 г. из второго крестового похода, Владислав II ехал из Византии через Русь (per Ruziam)[7], т. е., видимо, через Киев, где правил волынский Изяслав. Возможно, помимо желания повидать племянницу, чешский король хотел проверить прочность волынско-венгерского союза, ибо в это время чешско-венгерские отношения были еще недружественными: Геза II поддерживал зноемского князя Конрада — соперника Владислава II, и, быть может, последний хотел склонить Русь к покровительству Борису Кальмановичу. Если в этом была его цель, то ее он не добился, хотя отношения Чехии с Волынью нисколько не пострадали, скорее, напротив, упрочились.

Утверждать это позволяет летописное известие 1149 г., когда вытесненный суздальско-галицкой группировкой из Киева волынский Изяслав Мстиславич отправил послов в Польшу, Венгрию «и к ческому князю, свату своему Володиславу», прося военной помощи. Его просьба была встречена положительно — «ческый князь рече ему: а яз готов есмь сам с полкы своими»[8]. В ответ Изяслав направил союзникам грамоты, уточняющие срок похода, и богатые дары. При описании развернувшихся военных действий чехи упомянуты лишь однажды, в Хлебниковском списке[9]; сомневаться в прочности волынско-чешского союза видимых оснований нет.

Сближение Галичины и Чехии с Венгрией привело их в общий антивизантийский лагерь во время венгеро-византийской войны 1163—1164 гг. при малолетнем Иштване III. По словам Иоанна Киннама, в венгерском войске были и скифы (половцы), и тавроскифы (русские), и немцы Фридриха I Барбароссы, и чехи Владислава II.

В 1164 г. был заключен чешско-византийский мир, а затем и византийско-галицкий [10]. На следующий, 1165 год тот же Владислав, находясь осенью в Австрии во время встречи с императором Фридрихом, по пренебрежительному свидетельству далекого от понимания событий хрониста Рагевина, будто бы передал «под покровительство» Барбароссы «какого-то русского князька» [11]. Вполне возможно, что это был кто-либо из вассалов Осмомысла, который, как хорошо известно, лично в походах не участвовал. Ярослав, вероятно, и без того имел связи с германским двором. После смерти галицкого князя Барбаросса поддержал его нелюбимого сына, считаясь с волей суздальского Всеволода Юрьевича.

Русские силы еще раз упомянуты в 1176 г. наряду с венгерскими и польскими в войске короля Собеслава II и князя Конрада Зноемского во время их войны против австрийского герцога Генриха Язомиргота [12]. Судя по галицко-польским отношениям, это могли быть войска Осмомысла. Но вообще-то полностью разобраться в значении известий о русско-чешских отношениях можно будет после их сопоставления с чешско-польско-немецкими. Впрочем, уже и сейчас можно судить о важности сближения между Русью и Чехией, особенно для их взаимоотношений с Византийской и Германской империями. Русско-чешские культурные и церковные связи подкрепляют заключение этого рода [13].

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ

Византия вступила в XII век, пережив тяжелые удары турок-сельджуков с востока (1071 г.) и тюрков-печенегов с запада (1091 г.); ее позиции на Средиземном море слабели под напором Генуи, Пизы и Венеции; норманы теснили ее в Италии; союзные крестоносцы в результате первого крестового похода (1097 г.) отхватили кусок ее владений в Сирии. В этих условиях связи с Русью приобретали для Комнинов возрастающее значение.

В свою очередь великий князь Владимир Мономах столкнулся с неуклонным ослаблением власти Киева над Волынью, Перемышлем, Полоцком и другими центрами, искавшими поддержки соседних стран. Понятно взаимное тяготение двух правящих домов к союзу [1], который осложнялся давними противоречиями в северном Причерноморье и усиливающимися попытками Византии помешать обособлению русских княжеств, укреплению их церковной самостоятельности, развитию их союзов с враждебными Константинополю католическими державами Европы.

Борьба за торговые пути по Дунаю не затихала и прорвалась во время русско-византийской войны 1116 г. Соперничая с императором Алексеем I Комнином, Владимир Всеволодович по традиции использовал внутривизантийские династические распри. В Византии был примерно с 1095 г. известен, надо думать, самозванец [2], выдававший себя за Льва, сына императора Романа IV Диогена. Лев тогда бежал из заключения в Херсон к половцам Тугорхана и с ним успешно напал на Византию. При осаде Адрианополя он был схвачен и ослеплен [3].

На Руси, однако, его самозванцем не считали; он был женат на Марице, дочери Мономаха [4]. В связи с осложнениями в русско-византийских отношениях из-за Тмутаракани Лев Диоген был использован русской дипломатией. В 1116 г. Лев вновь и, видимо, с половцами выступил против императора, причем на Дунае на его сторону пе-

репло несколько городов, но в Дерестре (Доростоле, Силистрии) он был убит двумя арабскими лазутчиками, подосланными императором[5]. В том же году Владимир отправил, вероятно с войском, Ивана Войтишича (т. е. сына Войцеха, родом из служилых поляков или чехов) на Дунай, где тот посадил русских посадников по (занятым Львом?) придунайским городам; впрочем, Дерестр, который в том же году пытались занять сын Мономаха Вячеслав с воеводой Фомой Ратиборовичем, остался за Византией[6]. Спор о Нижнем Дунае как границе не прекратился и в период феодальной раздробленности.

Находясь в острых противоречиях с латинянами, Византия, вероятно, настороженно смотрела на развитие союзных связей Киева с правящими домами Германии, Швеции и других стран; в этой связи и возникла переписка между Мономахом и митрополитом — греком Никифором (1104—1121), которого князь спрашивал о сущности разногласий, вызвавших разделение церквей. Митрополит подробно перечислил 20 вин католиков[7], но, понятно, влияния на политический курс Руси не оказал. В «Слове о погибели Русской земли» — памятнике XIII в.— сохраняется представление о Мономахе как сильном союзнике, перед которым Византия заискивала[8].

На год, следующий после смерти митрополита, падает восстановление русско-византийского мира, отмеченное браком внучки Мономаха Ирины-Добродеи с Андроником Комнином[9] («за цесарь»)[10]; тогда же прибыл митрополит Никита, привезший, как полагают, драгоценный по тому времени дар — перст Иоанна Крестителя[11]. Насколько тесными стали отношения, едва ли можно судить (как обычно делается) из того, что в 1129 г. новый великий князь Мстислав Владимирович, лишив столов и имущества пятерых полоцких князей, «преступивших» крестное целование ради союза с половецким ханом Боняком (а значит, и с Черниговом), «поточи» (сослал) их «в Грекы»[12]. Поддерживались и культурные связи — в Новгород поступали святыни[13], сам Мстислав Владимирович заказал в Византии часть украшений знаменитого евангелия[14].

В свою очередь киевские князья старались использовать поддержку митрополита в борьбе с растущей обособленностью княжеств. Во время конфликта Киева с Черниговом и Новгородом митрополит Михаил (1130—1145) тщетно пытался в 1134 г. оказать на Новгород давление[15],

ему здесь не верили и отпустили в Киев не раньше, чем закончили суздальский поход; и в 1137 г., когда черниговский Всеволод Ольгович одержал верх над великим князем Ярополком Владимировичем (1132—1139), митрополит Михаил и новгородский епископ грек Нифонт посредничали в их примирении[16]; митрополит встречал туровского князя Вячеслава Владимировича, пытавшегося по смерти Ярополка княжить в Киеве[17], и он же содействовал мирной передаче им стола более сильному Всеволоду Ольговичу (1139 г.)[18]. В 1137 г. Византии пришлось открыть епископию в Смоленске, где сел грек скопец Мануил[19].

Заняв киевский стол, Всеволод поспешил вернуть из византийской ссылки двух полоцких князей[20]. Старая политическая структура перестраивалась в новые княжеские группировки — смоленско-волынскую и суздальско-галицкую. Византия и ее митрополит склонялись к поддержке последней, видимо, считаясь с ее влиянием на степь и на речные пути по Волге и Дунаю. Чернигов, правда, столкнулся с противодействием митрополита, который, как полагают[21], отлучил Всеволода Ольговича от церкви.

Когда Киев перешел к волынскому Изяславу Мстиславичу, судьба Михаила была решена — он был изгнан из Руси, оставив специальное «рукописание», смысл которого сводился к тому, что храм Софии был без него закрыт для службы[22] (между прочим, печать этого «архипастыря Руси» найдена в районе Диногеции на Дунае, где скрещивались русско-византийские интересы и археологами прослеживается русское влияние)[23]. Изяслав был, как мы видели, в союзе с Венгрией и поддерживал ее в войне против Византии. Возможно, что в этих целях он использовал и союзных половцев, нападавших на границы империи в 1148, 1154 гг., а митрополичий стол передал крупному книжнику тех лет Клименту (Климу) из Смоленска. Клим был ставленником смоленско-волынской группировки.

Но провести его в митрополиты было не просто; на епископском соборе в Киеве (1147 г.) произошел раскол: из присутствовавших епископов — черниговского, белгородского, переяславского, юрьевского (и каневского), владимирского (волынского), кажется туровского, новгородского и смоленского, двое последних, греки Нифонт и

Мануил, потребовали соблюдения старого правила, подтвержденного и ушедшим Михаилом, что митрополита должен назначать греческий патриарх. Если мы вспомним, что Изяслав был в решительной вражде с Византией и в союзе с Венгрией и Польшей, то политический смысл требования этих епископов станет очевидным. По предложению черниговского епископа Онуфрия старый порядок был сломан, и епископы избрали Климента в русские митрополиты. Это был сильный удар по престижу Византии.

Нифонт и Мануил остались при своем мнении. Когда русский митрополит начал ставить своих епископов и попов, изгоняя ставленников греческого митрополита, им пришлось туго. Мануил утратил кафедру и «бегал перед Климом»[24]. Нифонт был сильнее и к тому же пользовался поддержкой суздальского Юрия Долгорукого, черниговского Святослава Ольговича и самого патриарха, который прислал ему грамоты, «блажа [его] и причитая к святым его, он же боле крепляшеться, послушивая грамот патриаршь». Климу же «мучащюся с ним и научашю на нь Изяслава и своя поборники», но «не може ему успети ничтоже»[25]; усидели, видимо, и суздальский Нестер и полоцкий Косьма.

Суздальско-галицкая группировка, со своей стороны, держалась византийского союза, и Юрий Долгорукий рассматривался в Константинополе как надежный партнер[26], а галицкого Владимира Володаревича Мануил высокомерно и неосновательно именовал вассалом, и, если верить Иоанну Киннаму, император во время венгерско-волынских войн против суздальско-галицко-византийского союза больше сетовал на удары не в Сербии, а в Галичине, на помощь которой в 1150 г. и выступал[27], помешав, как мы видели, Гезе лично оказать поддержку Волыни. Ввиду ее политики в Венгрии и Болгарии союз с Галичиной был Византии особенно важен. Ее другой союзник по борьбе с сицилийскими норманами (создавшими в 1130 г. свое королевство) император Конрад III в 1142 г. прибегал к византийскому посредничеству, когда у него возникли торговые претензии к Руси[28]. Церковно-политическая борьба, отражая столкновения княжеских группировок из-за власти, земель и доходов, из-за права на симонию и внешнеполитические противоречия, была весьма ожесточенной.

Эта борьба отразилась и в идеологии — провизантийская точка зрения выражена в «Слове против латинян», сочиненном греком Феодосом, игуменом печерским (умер в 1156 г.)[29], решительным противником связей Изяслава с католическими государствами. С другой стороны, на Руси имеются тексты, отрицающие факт передачи Халкидонским собором 451 г. Константинополю руководства церковью[30]; высказывалось мнение, что и сказание об апостоле Андрее, возвеличивающее Киев и уничижающее Константинополь, было внесено в летопись при Изяславе[31].

Во втором крестовом походе 1147—1149 гг. Русь участвовала вместе с Польшей не на далеком Средиземном море, а рядом, в Прибалтике, где имела давние торговые интересы. Осуждая волынско-смоленскую группировку за связь с латинством, сама Византия в эти годы искала союза с германским императором Конрадом III против норманнов Сицилии, стараясь удержаться в южной Италии[32].

Русско-византийские отношения еще больше обострились, когда по смерти Изяслава Мстиславича киевский стол занял Ростислав Мстиславич (1154—1168) и когда в Суздальской земле, считавшейся союзной Византии, в 1155 г. вопреки воле Юрия Долгорукого и его соглашению с городской знатью Ростова, Суздаля и Переяславля сел княжить его сын Андрей (1155—1174), прихвативший с собой из Вышгорода известную на Руси святыню — икону божьей матери византийской работы[33]. Сидевшие здесь по соглашению — «ряду» его младшие братья Михалко и Всеволод были изгнаны.

Правда, в 1156 г. Юрию Долгорукому удалось занять Киев и на короткий срок осуществить новую перетасовку церковной знати. Из Византии к нему выехал новый митрополит Константин, о скором прибытии которого уже знали союзники. Во всяком случае, новгородский епископ Нифонт выехал ему навстречу с собранными для митрополии (но не сданными Клименту) доходами, в связи с чем новгородский летописец, человек ему близкий[34], заметил, что в Новгороде многие не одобряли его шага — «инии же мнози глаголаху, яко полупив [т. е. ограбив] святую Софию, пошьл Цесарюграду»[35]. В Киеве он, «жда митрополита», умер[36].

Новый митрополит — союзник Долгорукого — вместе с епископами Полоцка и Смоленска поспешил на соборе предать проклятию покойного Изяслава и снять постав-

ленных Климентом церковных иерархов (кроме попов и дьяконов)[37]; был лишен должности и суздальский епископ Нестер, вероятно, сторонник Андрея, который отвергал византийский союз Юрия.

В эти годы при дворе Андрея развернулась большая идеологическая работа, проникнутая идеями о древности христианства в ростовском крае (через житие Леонтия, вошедшее в летописание и историографию)[38], о равенстве Андрея Юрьевича и византийского императора Мануила[39], о древности местных городов и святынь[40]. И когда митрополит прислал в Суздаль свою креатуру — Леона, последний был встречен с осуждением: он «не по Правде поставися... перехватив Нестеров стол»[41]. Его покровитель митрополит вмешивался в большую политику: опасаясь усиления галицкого Ярослава Осмомысла на Дунае, он помешал Долгорукому выдать своему союзнику Ивана Ростиславича Берладника. Берладник стал козырем в интригах против Галича[42].

Политическая карьера митрополита оборвалась, когда в Киеве вновь сел смоленский Ростислав Мстиславич (1159 г.), от которого волынский соправитель Мстислав потребовал изгнания человека, проклявшего его отца. Мстислав считал нужным восстановить в митрополитах Климента, Ростислав противился, не желая обострять отношения с Византией. На совещании в Вышгороде после жарких споров («речи продолжившися и пребывши крепци межи ими») союзники сошлись на том, что ни Клим, ни Константин не получат митрополии, на которую будет приглашен новый кандидат из Византии; в 1161 г. оттуда в результате посольства из Руси прибыл Федор[43].

Между тем Константин «выбегл» из Киева к черниговскому двору Святослава Всеволодовича, где и умер (1159 г.)[44], оставив местному епископу Антонию распоряжение бросить свое тело вне города на растерзание псам. Епископ так и сделал, чем вызвал толки: «народи же вси дивишася [чюдишася] о смерти его». Это подрывало авторитет власти, и Святослав после совета со знатью велел погрести незадачливого митрополита в церкви св. Спаса[45].

Не усидел на епископии и его ставленник Леон. В местной летописи читаем, что «выгнаша ростовци и суждальци Леона епископа, зане умножил бяше церковь, грабяй попы (по списку А: церковь пустых грабя)»[46]. По

смыслу сообщения горожане (поддерживая в этом князя) и простое духовенство выступали за дешевую церковь против засилия чуждых им ставленников митрополита-грека. Отголосок подобного же недовольства новгородцев Нифонтом мы отмечали выше. Но вскоре Леон вернулся, найдя поддержку в грекофильских кругах ростовской знати при дворе вдовы Юрия Долгорукого и ее сыновей Михаила и Всеволода.

В 1162 г. Андрей решительно расправился с «передними» мужами своего отца, выслал свою мачеху и ее сыновей — Мстислава и Василько, своего брата Всеволода и племянников — Ростиславичей и (вторично) епископа Леона[47] — все эти люди, видимо, сносились с противной партией и мешали единодержавию и политике Андрея. И что же? Они уехали в Византию, где император Мануил дал («дасть царь») Васильку Юрьевичу четыре города «в Дунае», а Мстиславу — «волость Оскалана»[48]. В это же время византийское правительство сделало шаг навстречу галицкому Ярославу Осмомыслу — в Фессалониках был отравлен его соперник Иван Берладник[49].

Превратности судьбы епископа Леона не кончились. Андрей вновь вернул его (причем «покаявься от греха»), но в Суздале «не дал ему седети», а пустил его в Ростов. Впрочем, не надолго, так как вспыхнул спор из-за постов. По мнению княжеской летописи, Леон был не только стяжатель, но и еретик, выступавший за посты. Отмена поста в среду и пятницу, если они приходились на праздники,— особенность русской церковной практики, отличавшая ее от византийской, возникла неизвестно когда [50], но уже засвидетельствована игуменом Феодосием в XI в.[51] Еще недавно этому вопросу не придавали значения, и Нифонт говорил: «аще едят, добро; аще ли не едять, а луче»[52]. Возможно, одна из группировок видела в нарушении византийской практики постов проявление пагубного влияния союзов с латинскими государствами[53].

Но когда епископ Леон в 1164 г. начал в Суздале (куда прибыл из Ростова) учить «не ести мяс в господския праздники, в среды и пяткы, ни на рождество господне», это вызвало общественную бурю — «и бысть тяжа про то велика» и не где-нибудь, а «пред благоверным князем Андреем и предо всеми людми», т. е. перед сословным собором. На этом соборе владыка Федор «упре» Леона [54], который был обвинен в ереси и решил ехать к патриарху «на исправленье», т. е. жаловаться.

Леон направился в Чернигов; там Святослав Ольгович его «утешил добре»[55]. Отсюда он пришел в Киев, где ему в поддержке, вероятно, отказали, где правила другая группировка, где в 1163 г. умер митрополит Федор[56] и где Ростислав Мстиславич решил вновь поднять перед Византией вопрос о возвращении на митрополию Климента. Здесь находим еще одно отражение русско-византийских противоречий в борьбе государства и церкви, которая в условиях Руси (как, впрочем, и в католических странах Европы) становилась тотчас же проблемой внешнеполитической в силу того, что церковный эпицентр находился за рубежом.

Епископ Леон на пути в Константинополь встретил императора Мануила, который в связи с венгерской войной стоял лагерем на какой-то реке. При нем находились и послы некоторых русских князей, возможно причастных к кампании,— киевского (Ростислава Мстиславича), черниговского (Святослава Ольговича), переяславского (Глеба Юрьевича) и Илья — посол суздальского князя Андрея. Состав послов (Русская земля и Суздаль) дает повод думать, что Византия искала сближения с обеими группировками на Руси, используя церковно-политические переговоры не только с Галичем (где, как и в Смоленске, появляется самостоятельная епископия[57], но и с Киевом и Суздалем.

Император, узнав о цели поездки Леона, устроил диспут, в котором болгарский епископ Адриан тоже «упрел» его; в запале Леон пустился в спор с Мануилом («молвяшю на царя»), но получил по шее от придворных слуг («удариша слуги царевы Леона за шью»), которые едва не утопили его в реке[58]. Следовательно, Мануил поддержал мнение Андрея Юрьевича по поводу постов.

Видимо, намечалось и сближение Византии со смоленско-киевским великим князем, который опасался усиления Суздаля. Киевский посол (Гюрята Семкович), ехавший в 1164 г. в Византию договариваться о возвращении Климента, встретил в Олешье императорского посла, который вез нового митрополита Иоанна. В письме император Мануил просил Ростислава принять этого ставленника и подкрепил свою просьбу богатыми дарами («присла цесарь дары многы Ростиславу: оксамиты и паволокы и вся узорочь разноличная»). В летописи здесь дефект, но из хроники Иоанна Киннама узнаем, что император искал помощи против Венгрии и сблизившейся с ней Галичины.

Хронист говорит, что император отправил на Русь знатного посла Мануила же, своего родственника (допускают, что он сын Андроника), который должен был напомнить «правителю тавроскифов» (т. е. Ростиславу) о заключении с императором договора и упрекнуть за дружбу к галицкому князю Ярославу, нарушителю договора с Византией, гостеприимно приютившему у себя бежавшего из византийской тюрьмы Андроника[59]; киевский князь будто бы обещал императору помочь против Венгрии[60]. Ростислав согласился принять Иоанна[61] (который умер в 1166 г.), но в венгерской войне заметного участия не принимал и с Галичем (который поддерживал союз с Черниговом) сохранял дружбу. Впрочем, с Византией он остался в мире и (совместно с Галичем и Черниговом) содействовал охране русской торговли с ней от половецких набегов[62].

Галицко-византийские противоречия и договоры касались не только Венгрии, но и северного Причерноморья. Мы помним, что дунайский вопрос был урегулирован при Владимире Мономахе по договору 1121 г. Дунайская русско-византийская граница находилась в ведении киевских князей.

Наступившее обособление Галичины и выход ее правителей в число великих князей повлекли за собой перемены и в Подунавье. Когда Владимир Володаревич объединил в своих руках Галич и Перемышль (1141 г.), киевских посадников на Нижнем Дунае уже не было: звенигородский князь Иван Ростиславич, числясь вассалом Галича, управлял землями Подунавья, княжа в Берладе, Малом Галиче, Текучем (на р. Серет), как свидетельствует о том выданная им «от стола галичского» грамота 1144 г.[63]

Звенигородский князь не оставил надежд стать местным великим князем; используя поддержку заинтересованного в Дунае Киева, он выступил против Владимира Володаревича в 1144 г., но был разбит и бежал на Дунай, а оттуда в Киев[64]. Зависимость Берладского княжества от Галича восстановилась, а князь Иван искал пристанища в Смоленске, Суздале, Чернигове. Когда черниговский великий князь в 1159 г. вновь попытался утвердиться на Дунае, он использовал того же Ивана, который, покинув Киев, с половецким отрядом «ста в городах подунайских» и блокировал шедшую через этот район галицкую морскую торговлю и ведшееся здесь галичанами рыболовство[65]. Его попытка вновь не удалась, как не принесло успеха и вмешательство в войну самого черниговско-киев-

ского князя с целью «поискать волости» для Ивана Берладника [66].

Ярослав Осмомысл одержал верх, имея поддержку смоленско-волынской группировки, а также Польши и Венгрии [67]. Какую позицию занимала Византия, мы не знаем [68]. Берладники стали действовать как противники Киева, захватив в 1160 г. у великого князя Ростислава Мстиславича Олешье; киевские войска, вернув эту важную гавань русской черноморской торговли, преследовали их до Дцина (у Дуная, между Дерестром-Силистрией и Килией), где и разбили [69]. Что Берлад выбыл из состава подвластной Киеву «Русской земли», следует и из слов Андрея Боголюбского, обращенных к одному из князей: «а ты поиди в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти» [70].

Византия внимательно следила за переменами на Дунае: не случайно Иван Берладник оказался в 1162 г. на ее территории в Солуни, где и был, по слухам, отравлен. Заинтересованное в галицком союзе против Венгрии византийское правительство в эти годы заключило какой-то договор с Ярославом, о нарушении которого шла речь в письме императора Мануила князю Ростиславу.

Следовательно, отмеченное нами утверждение Ярослава Осмомысла на Дунае и его сближение в 1159 г. с Венгрией не на шутку беспокоило империю. Это беспокойство особенно возросло, когда в 1164 г. в Галич «прибеже из Царьграда братан [двоюродный брат] царев кир Андроник» [71]. Этот уже давно связанный с Венгрией Андроник был, возможно, сыном Володаревны и двоюродным братом Осмомысла, который оказал беглецу отличный прием и дал ему несколько городов «на утешение» [72]; Андроник заседал в княжеском совете и охотился на неизвестных ему дотоле зубров. В Константинополе ходили слухи, что он набирает скифскую конницу. Исследователи считают, что Андроник знал русский язык [73]. Галицко-венгерско-половецкий союз страшил Мануила. Византийской дипломатии стоило многих усилий восстановить мир с Ярославом: эти усилия Иоанн Киннам маскирует, утверждая, что Ярослав «в невежественной простоте» своей легко порвал с Иштваном III «и обещал всяческую помощь ромеям» [74]. Действительно галицко-византийское примирение имело место, судя по тому, что около 1165 г. Мануил прислал в Галич за Андроником в качестве послов двух

митрополитов, зовя его на родину; Ярослав со своей стороны отправил с Андроником (ставшим правителем Киликии) епископа Кузьму и знатных мужей[75]. Когда в Венгрии королем стал Бела III, отношения Византии с ней улучшились, а Галичины — ухудшились.

Если киевско-византийский союз правительству Мануила удалось сохранить, а галицко-византийский разрыв, вероятно, ценой каких-то уступок — предотвратить, то взаимоотношения с Суздальской землей сулили ему немало неприятностей. Суздальский край продолжал набирать силу, в новой столице Владимире-на-Клязьме князь Андрей посадил епископом своего ставленника Федора и потребовал от патриархии создания здесь самостоятельной митрополии. Это соответствовало честолюбивым планам князя, помышлявшего о подчинении и Киева и Новгорода (где с 1164 г. возникло при поддержке Византии архиепископство)[76]. Планы князя и его епископа встречали противодействие Смоленска, Волыни, Турова и других центров, чьи церковники, в частности туровский епископ Кирилл, обличали их[77].

Не все в переговорах Андрея с патриархом ясно[78], но очевидно одно — ему удалось через голову митрополита добиться фактической санкции на перенос епископии во Владимир. Создать здесь митрополию не довелось: «отъяти таковый град [Владимир] от Правды [юрисдикции] епископьи ростовскиа и суждальскиа,— писал ему патриарх Лука Хрисоверг,— и быти ему митрополиею — не мощно есть то». Патриарх остерегал князя от попыток подчинить себе епископию, грозя отлучением от церкви («аще не странен от бога хощет быти»), от которого его не спасет и развернувшееся строительство храмов. Что толку от храмов, если доход пойдет князю — «то не церкви, то хлеви, ни единая же ти будет мзды и спасениа»[79].

Сменивший Ростислава волынско-киевский великий князь Мстислав Изяславич сохранял мир с Византией и (совместно с Черниговом) поддерживал с ней торговлю[80]; отношения у него с Андреем были враждебными[81]. Это отражалось и в церковной пропаганде: киевский митрополит действовал как защитник антисуздальской греческой практики постов; его противником был печерский игумен Поликарп, которому он пытался заткнуть рот (он его «запрети»); союзником митрополита был черниговский епископ Антоний, пытавшийся навязать князю

Святославу Ольговичу византийские посты; тот предупредил: «аще ми о сем еще рьчеши, то вывергну тя из епископьи», и, действительно, он «низверьже» неунявшегося епископа [82], из чего, кстати говоря, следует, что Чернигов сблизился не только с Галичем, но и с Суздалем.

Андрей Боголюбский решил наложить руку на Киев, который был взят в 1169 г. суздальскими и союзными им смоленско-черниговскими войсками. В Киеве сел его вассал Глеб Юрьевич. Это должно было внести перемены и в суздальско-черниговские отношения. Уже само занятие Киева и разорение его богатств и святынь в киево-печерской летописи Поликарпа оценивается как происшедшее «грех их [т. е. киевлян] ради, паче же и за митрополичю неправду». Сам Печерский монастырь, понятно, уцелел, а его игумен Поликарп деятельно сотрудничал с Глебом Юрьевичем [83]. Византийское правительство поспешило найти какое-то соглашение с сильным суздальским князем.

Вместе с Глебом в Киеве появляется дружественный Андрею митрополит Константин II. Это означало конец политической карьеры епископа Федора. Он был принесен в жертву целям более широкой политики. Нелегко проникнуть в суть опутанного церковным ханжеством и придворной лестью официозного летописца [84].

Дело сводится к тому, что епископ Федор отказался подчиниться распоряжению Андрея, велевшего ему идти в Киев и там у митрополита «поставитися во епископы». Федор не только не пошел, но и отлучил Андрея — «церкви все в Володимери (не в Ростове!) затвори и ключа церковныя все к собе взя; и не бысть звонения, ни пенья по всему граду» [85]; княжеский летописец утверждает, что бог «отъя у него ум» [86], но он едва ли прав.

Федор знал, что делал,— он, видимо, имел поддержку старой ростовской боярской и церковной знати; а быть может, использовал и социальную демагогию в борьбе за утверждение примата епископской власти: отвергая владимирскую епископию, он «хулу измолви на св. богородицу» [87] и вопреки новой воле князя «на сан наскакал»; в Ростове он вызвал какое-то общественное смятение, и тогда Андрей, «виде озлобленье людей своих сих кротких ростовских», защитил их «мышцей высокой» от Федора [88]. Это потребовало от князя поддержки тех, кто олицетворял «землю», т. е. местных властей, ибо в летописи сказано,

что «вся земля ростовская не въсхоте благословения [Федора] и удалися от него»; т. е. часть населения была озлоблена, а часть удалилась, бежала[89]. Перед социальными осложнениями такого рода князь и митрополия были едины. Федор был отправлен в Киев, где митрополит велел неслыханно жестоко казнить его как еретика и злодея[90]. Суздальско-византийские отношения были нормализованы, успешно развивалась и торговля. Примечательно и расширение в 1169 г. византийскими властями владений русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне, бывшего важным посредником в сношениях двух стран[91].

В историографии высказаны две точки зрения на сущность описанной выше церковно-политической борьбы. М. Д. Приселков считал, что в ее основе «лежит разница воззрений греков и русских на отношение митрополии киевской к патриархату»[92]; Н. Н. Воронин уподобляет ее борьбе, которая велась французскими королями с папством, поддержанным теократической партией Бернарда Клервосского; у нас роль теократической партии играл греческий митрополит и епископат[93].

Мне представляется, что в основе событий лежала борьба княжеских группировок за власть и доходы на Руси, включая поступления от церковных владений; при этом она осложнялась тем, что церковная собственность стала расти на Руси не в пору складывания государства[94], а в пору его дробления, стала элементом феодальной раздробленности. Церковники вступили в эту борьбу, когда светская власть уже захватила наиболее лакомые куски и потому противоречия из-за земли и ренты (частью отраженные в церковных уставах) в связи с созданием все новых епископий (за первые сто лет христианства возникли 5 епископий — киевская, белгородская, переяславская, черниговская и владимиро-волынская; к середине XII в. их прибавилось еще 5 — полоцкая, туровская, ростовская, смоленская, галицкая; ко времени монгольского нашествия их число достигло 16)[95] приобрели особенную остроту. Считаясь с действительностью — ростом самостоятельных княжений, греческая митрополия и ее патриархат создавали новые, выгодные им, епископии, делая все, чтобы оградить их имущество, доходы и права от посягательств местных князей, а самих князей вовлечь в русло византийской политики. В условиях соперничества группировок князей и их внешнеполитической самостоятель-

ности эта борьба неизбежно приобретала международный аспект.

Усилия Византии (как и аналогичные действия папства) не увенчались успехом, потому что на Руси сохранялся коллективный сюзеренитет над Киевом, а ее княжения превосходили размерами иные государства Европы, а также потому, что Византийскую империю раздирали противоречия и ее собственное будущее уже было под угрозой турок-сельджуков и латинских крестоносцев.

Разгром византийского войска союзниками германского императора Фридриха I турками-сельджуками в 1176 г. (через сто лет после битвы при Манцикерте!) стал предвестником грозных событий; рост экономического влияния союзной норманам Венеции и Генуи на международную торговлю, разумеется, не был остановлен ни разгромом венецианских купцов (1171 г.), ни разорением латинских кварталов Константинополя (1182 г.); зависимость же самой Византии от традиционных рынков (в том числе и древнерусского) должна была возрасти. Династия Комнинов кончала свои дни, теряя позиции в Италии (где ее теснили Германия и норманы) и на Средиземном море. Ее власть сбросила Сербия (1180 г.), Венгрия заняла Далмацию, часть Хорватии и Срем (Серем) (1181 г.), Белград и Браничево (1182 г.), а в союзе с сербами — Равно, Ниш и Средец (1183 г.). Норманы вторглись в Эпир и к осени 1185 г. заняли огромную территорию, включая Фессалоники[96].

Сказанное позволяет лучше понять возрастающее влияние русских великих князей на зависимую от греческого патриарха церковь. Тому пример — Суздаль. Недружественный митрополии летописец решил под 1183 г. поговорить о суздальских делах («мы же убо о сем поглаголим») и сообщил, что, когда митрополит Никифор поставил «на мзде» (за взятку) во владимиро-суздальские епископы грека Николу, великий князь Всеволод Юрьевич того «не прия», велев передать: «не избраша сего людье земле нашее, но оже еси поставил, ино камо тебе годно, тамо же и дежи [т. е. девай], а мне постави Луку», игумена св. Спаса на Берестове. Тон отношений, как видим, определенный, причем назначение епископа стало делом выбора «людей», т. е., вероятно, сословного собора. Всеволода поддержал киевский князь Святослав Всеволодович (1180—1195), правивший совместно с Рюриком Рос-

тиславичем овручским (с 1195 г. он княжит совместно с Давыдом Ростиславичем смоленским). Митрополит поупирался, но «неволею великою» должен был согласиться[97]. Митрополит понимал, что в условиях, когда Византии грозит половецко-болгарский союз, ссориться с Русью невозможно. Через короткое время в 1185 г., как свидетельствует Никита Хониат, бывавшему на Руси и хорошо знавшему степные дела императору Андронику Комнину пришлось через киевского митрополита «умолять» киевских князей предпринять половецкий поход[98].

Митрополит действовал в интересах митрополии и Византии. Когда в 1195 г. волынский Роман, нарушив крестоцелование, порвав с Киевом и Суздалем, вмешался в польские дела и потерпел поражение, то Никифор, ища Византии союзников против половцев и опасаясь волынско-польского сближения, советовал Рюрику восстановить мир, что тот и сделал, «послушав митрополита»[99]. На следующий год Всеволод Юрьевич потребовал у Рюрика доли-«причастья» в «Русской земле», уже отданного им Роману Мстиславичу, и тот же митрополит Никифор поддержал требование сильного князя, сняв крестоцеловальную клятву с Рюрика[100].

Галицко-византийские отношения оставались нормальными, если судить по тому, что последний император династии Комнинов Андроник (1182—1185) пытался бежать к «тавроскифам»[101], т. е. за Дунай, на Русь. Когда престол занял Исаак Ангел (1185—1195) и вслед за освобождением Сербии вспыхнули освободительные движения болгар и влахов, отношения должны были ухудшиться, ибо в 1186 г. русские из северного Причерноморья, видимо Подунавья, вновь помогали Болгарии в ее борьбе за независимость от Византии.

Когда правительство Белы III, еще ранее порвавшее мир с Византией, неосмотрительно стало претендовать на Галич, митрополит решительно подталкивал киевских соправителей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича на антивенгерский поход: «Се иноплеменьници отъяли отчину вашю, а лепо бы вы потрудитися»[102]. Действия Венгрии пугали митрополита вдвойне — она была врагом Византии, ее союзник папа грозил интересам митрополичьего фиска. Хотя поход успеха не принес и гарантом международных интересов Галича на время стал Суздаль (1190 г.), отношения у черниговско-киевского вели-

кого князя Святослава Всеволодовича с Византией сложились дружественные[103] — в 1194 г. к его внучке Евфимии Глебовне пришли из Византии сваты, брать ее «за царевича», т. е., вероятно, за Алексея, сына императора Исаака Ангела[104].

Словом, XII век заканчивался при киевско-византийском союзе, хотя при дворе уже носились новые веянья: когда Рюрик Ростиславич оплатил в 1199 г. строительство стены Выдубицкого монастыря, то церковники стали превозносить его как «самодержца» и намекать, что он и его жена Анна «патреарьшески труд свершающи»[105]. Подобная оценка могла сулить слабеющей Византии большие хлопоты. Новый век все изменил. Монгольское нашествие подорвало силу Руси. Разговорам о патриаршестве было суждено замолкнуть на несколько веков.

Еще более окрепли союзные связи, когда галицко-волынские земли в 1199 г. объединились в руках Романа Мстиславича. Помня недавнее вмешательство Венгрии в галицкие дела, он не уклонялся от сближения с Византией, тем более что ослабевшая империя настойчиво искала его помощи против союзных Болгарии половцев. Хроника Никиты Хониата в части, посвященной царствованию Алексея Комнина и Исаака Ангела, вопиет о разорении болгаро-половецкими войсками Фракии и Македонии.

Бывший в Константинополе в 1200 г. новгородский боярин Добрыня Ядрейкович (будущий архиепископ Антоний) видел здесь галицко-волынское «от великого князя Романа» посольство — во главе с Твердятой Остромиричем, а с ним Недана, Домажира и еще двоих[106]. Посольство включало знатных людей: источники знают галицкое боярское владение — Печеру Домажиру[107]; в переговорах участвовал и киевский митрополит. Хронист Никита Хониат большую (и, разумеется, по-византийски преувеличенную) роль в организации успешного похода на половцев «сильного и энергичного» Романа отводит «влиянию его архипастыря»[108]. Активная политика в степи соответствовала собственным интересам Руси. Поход войск Романа в 1202 г. на половцев и подчинение им Киева произвели, как видно из сообщения Никиты Хониата, большое впечатление при дворе последнего Ангела — императора Алексея (1195—1204). Но дни династии Ангелов были уже сочтены. Падение Константинополя привело к существенным переменам в русско-византийских отношениях.

РУСЬ, БОЛГАРИЯ И ЗЕМЛИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Завоевание Болгарии Византией пагубно отразилось на русско-болгарских связях, не только межгосударственных, которые были оборваны: хлынувшие за Дунай тюрки вообще затруднили сношения между древнерусским и братскими славянскими народами. Что церковно-политические отношения все же поддерживались, видно из диспута болгарского епископа Адриана с суздальским епископом Леоном в императорском лагере во время венгерского похода. Адриан переспорил враждебного Андрею Боголюбскому епископа.

Видимо, и Галичина имела контакты с Болгарией в связи с событиями на днестровско-дунайском Причерноморье. Местные русско-тюркские «подунайцы» [1], ушкуйники-выгонцы, вроде берладников, были одним из источников военной силы не только для венгерских или византийских искателей трона, они (вероятно, не без ведома Галича) оказались полезными и борцам за освобождение Болгарии. Кризис Византийской империи в конце XII в. ознаменовался на европейском континенте ее поражениями и в Италии и на Балканах. В освободительной борьбе народа обрела независимость под властью великого жупана Стефана Немани (1190—1196) Сербия. С семьей Неманий имели родственные связи волынские князья — в середине XII в. в условиях волынско-венгерско-сербско-сицилийского антивизантийского союза Владимир Мстиславич женился на дочери хорватского бана Белуша из рода Неманий.

Крепли и русско-сербские культурные связи. Около 1191 г. афонский монах «русин родом» попал ко двору Стефана Немани и отвел его младшего сына Растко в «рушки монастырь». Растко (около 1174—1235) стал архиепископом Саввой, основателем самостоятельной православной церкви в Сербии. В 1229 г. Савва отправился в Иерусалим, где также осел в «рушьском» монастыре, поскольку местные монахи видели в нем сородича [2]. В своих сочинениях

он пользовался русскими переводами канонического права (кормчей). Русским был и первый учитель Данилы, автора «Житија краљева и архиепископа српских».

В сербскую письменность XII—XIII вв. проникли такие памятники, как Служба о Борисе и Глебе, житие Феодосия, написанное Нестором; монах Доментиан, автор жития (1264 г.) св. Симеона, живший на Афоне, использовал «Слово о законе и благодати» [3].

Когда наряду с сербским движением вспыхнуло освободительное восстание болгар и влахов, его руководители Петр и Асень получили поддержку из-за Дуная — от половцев и русских, под которыми можно видеть часть «понстрийских скифов», упомянутых в речи царского грамматика Сергия Коливы [4]. Последние разделили с болгарами не только успехи, но и неудачи, вроде той, о которой оставил свидетельство Никита Хониат: «Куманы [половцы], народ доселе непорабощенный, негостеприимный и весьма воинственный», и «те из Вордоны [бродники?], презирающие смерть, ветвь тавроскифов [т. е. русских], народ, любезный [богу войны] Арею, помогавший варварам на Беме [Балканах], склонились вместе с ними непобежденными и погибли» [5].

Итак, Русь участвовала в венгерской войне из-за Сербии и содействовала борьбе за самостоятельность Сербии и Болгарии.

Естественно, что с победой над Византией и возрождением Болгарского царства при Асене I Старом (1187—1195) [6] отношения с Русью начали укрепляться.

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Начало XII в. отмечено решительным переломом в русско-половецких отношениях. После Саковского мира (1101 г.) была начата подготовка к подчинению Половецкой степи, если не всей, то хотя бы ее части, подобно тому как прежде были обузданы печенеги и торки. По решению Долобского съезда князей 1103 г. были нанесены сокрушительные удары по приморским [1], придонским [2] и даже подунайским [3] половцам. И Чернигов и Переяславль скрепляли свои связи с ханами брачными союзами — сын Мономаха Юрий женился на дочери Аепы (1107 г.), на другой его дочери — сын Олега Святослав (1107 г.) [4]. Сходят с политической арены известные ханы Тугорхан, Алтунопа, Шарукан Старый. В 1117 г. Мономах женил сына Андрея на внучке Тугорхана [5]. С Дона из-под власти половецких ханов уходят на Русь торки, печенеги [6], хазары-беловежцы [7]. Сын Шарукана хан Атрак (Отрок), которого Мономах загнал «во Обезы, за Железные врата» [8], ушел в 1118 г. «в бедственном состоянии» с 20 тыс. воинов на службу к своему тестю грузинскому царю Давиду IV. Царь использовал их в успешных походах на Ширван, на турок-сельджуков [9]. В 1120 г. Ярослав, сын Мономаха, ходил на половцев за Дон, «и не обреть их, воротися опять» [10]. Это — «дикие» половцы, а «свои», замиренные в том же году, с другим сыном Мономаха, Андреем, воевали Польшу [11].

Половецкая степь была подчинена: по «Слову о погибели» половцы именем Мономаха стращали своих детей [12]. Эта мрачная слава отразилась и в летописях: «его же имене трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его» — это в суздальской [13], в южной добавлено: «наипаче же бе страшен поганым» [14]; в другом месте вскользь замечено, что он «сам собою постоя на Дону и много пота утер за землю Рускую» [15]. Наконец, волынский летописец XIII в. тоже вспомнил Мономаха, который погубил «по-

ганыя измайлтяны, рекомыя половцы», изгнал хана Отрока на Кавказ, а его брат Сарчак едва выжил на Дону. Придворный летописец возносит хвалы Владимиру, «приемшю землю их всю и загнавшю оканьныя агаряны»[16]. Так была решена половецкая проблема государственными руководителями и идеологами Древнерусского государства. Половецкая степь экономически тяготела к Руси; будущее половцев зависело от продолжавшегося развития симбиоза русского земледельческого хозяйства с более отсталым тюркским кочевым[17].

По смерти Мономаха часть половцев пыталась прорвать торкский пояс, двинувшись на Боруч («возмем торкы их»), но рати Ярополка Владимировича (его посадники сидели в Посемье) отбили их, и они отошли воевать Посулье[18]. Вообще в эти годы половцы «налегли» на Русь, и великий князь правил, с ними «перемогаяся», что было не просто, так как Полоцк дружил с «дикими» половцами (полоцкие князья молвили «Бонякови шелудивому во здоровье»)[19], а Всеволод Ольгович, завладев Черниговом, «послася по половци» и получил от них 7-тысячный отряд[20]. Но в целом киевская политика осталась прежней: князь «мужи свои посла, загна половце за Дон, и за Волгу, и за Гиик [Яик]»[21].

По мере того как разгоралась междукняжеская борьба за Киев, половецкие ханы и их орды втягивались в нее в качестве вспомогательной наемной силы; причем и Половецкая степь оказалась расколотой на сферы влияния: приднепровские, заорельские и, может быть, поморские половецкие ханы тяготели к Киеву, лукоморские, видимо, были в союзе с Галичем, донские скорее всего тянули к Чернигову, а заволжские все сильнее связывались с суздальскими великими князьями.

Черниговский Всеволод Ольгович неоднократно использовал половецких наемников в борьбе за Киев[22]. В эту распрю втягивают и Новгород, с которым заигрывают обе стороны. Новгородский летописец, дотоле не придававший значения половецкому вопросу, в связи с неудачной попыткой новгородских послов помирить Чернигов и Киев записал: «И не то бяше зло, но боле почаста копити вои, и половче, и все»[23].

В борьбу за Киев втягиваются и Ростово-Суздальская (где с 1135 г. правит муж половецкой хатуни Юрий Долгорукий) и Волынская (где княжит с 1136 г. Изяслав

Мстиславич) земли. Следить за всеми перипетиями их половецкой политики значило бы детально описывать несчетные распри феодалов. Попытаемся выделить главные линии в этой кажущейся неразберихе войн.

Черниговский Всеволод Ольгович шел на киевский стол во главе русско-половецкой рати [24] и, добившись цели, заключил в Малотине мир с ханами Половецкой земли [25]; отстаивая свои владения от галицкого Владимира Володаревича, он водил с собою «половце дикеи вси» [26]. Того же курса держался сын и муж половецких хатунеи Святослав Ольгович: во время соперничества с Волынью он получил от своих дядьев по материнской линии — ханов «диких» половцев отряд в 300 человек [27]. Он и позднее одаривал этих ханов, обменивался с ними посольствами [28] и использовал их в войне [29].

Юрий Долгорукий в своей киевской политике учитывал значение степных наемников особенно потому, что торкский киевский корпус тяготел к союзу с Волынью. Поддерживая Чернигов против Волыни, Юрий получил Посемье [30], где его сын Глеб, сидевший в Курске, разместил своих посадников. Понятно, что пришлось иметь договор — «ряд» и «роту» с местными половецкими поселенцами, которые жили недалеко от Выря, «за полем». Эти половецкие силы — невелики. Глеб потребовал от Выря сдачи, грозя: «Оже ны ся не предасте, дамы вы половцем на полон». Небольшой городок устоял, как устоял и Бьяхань [31].

Когда Долгорукий сам вступил в дело, то роль «диких» половцев возросла, местные ханы — давние противники Киева, и потому к Юрию на р. Супой пришло «многое множьство» половцев, которых он и использовал против смоленских и венгеро-польских союзных ратей волынского Изяслава [32]. Среди ханов был и Севенч Бонякович, который поплатился жизнью, не достигнув задуманного: «Хощю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой» [33]. Видимо, в половецком эпосе жило предание, будто Боняк рассек мечом Золотые ворота. Во всяком случае он сложил голову где-то на Киевщине [34].

В борьбу за Киев Долгорукий вовлек всю Половецкую землю «межи Волгою и Днепром» [35] и после нескольких неудач [36] заставил опасавшихся половецкого погрома киевлян открыть ворота [37].

Заняв Киев, Долгорукий должен был как-то урегулировать отношения и с торкской (в Переяславль он посадил

знатока степной политики Глеба)[38] и с враждебной ей половецкой служилой знатью: в Каневе делается попытка найти общее русско-торческо-половецкое соглашение[39], и, наконец, был достигнут мир на снеме у Заруба[40].

Сильные князья привлекали половцев и к распрям внутри своих княжеств: в 1154 г. Долгорукий передал Рязань сыну Андрею, а местного князя Ростислава «прогна в половцы». Но тот, наняв половцев, напал ночью на Рязань, и Андрей «одва утече об одном сапоге», потеряв дружину[41].

Волынский князь Изяслав Мстиславич тоже не пренебрегал половцами, он делал это осторожно, чтобы не лишиться поддержки киевского торческого корпуса. Услышав о падении в Киеве черниговского Игоря, половецкие ханы «прислашася» к Изяславу, «мира просяче»[42]. Это, видимо, союзные Киеву половцы, разделявшие его судьбу и не имевшие возможности самостоятельно существовать между торками и «дикими» половцами. С этими половцами Изяслав и заключил мир у Воина[43]. Не связано ли с этим волынско-половецким договором усиление половецких нападений через русско-византийскую границу за Дунай, на империю в 1148, 1154, 1160 гг.?[44]

Постоянные половецкие набеги подрывали экономику русского, особенно черниговского, лесо-степного пограничья. По общему мнению, это был голодный край. Мономах писал: «И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы [видимо, 1095—1097 гг.]... многи беды прияхом от рати и от глада»[45]; в 1140 г. князь Андрей Владимирович, противясь воле Всеволода Ольговича и отказываясь идти в Курск, говорил, что лучше смерть, чем Курское княжение[46]. В укрепленных городках Моравийске, Любече, Всеволоже и других сидели «псареве же половци»[47] — так говорил, правда прибедняясь, Святослав Ольгович, державший эти земли при Изяславе Давыдовиче[48]; а позднее, в 1161 г., Изяслав Давыдович, отказываясь покинуть Киев, в свою очередь писал ему: «в половци не могу ити, а у Выри не могу голодом мерети»[49].

Попытка Святослава с помощью 20-тысячной рати «диких» половцев хана Башкорда одолеть волынско-смоленскую группировку успеха не принесла, натолкнувшись на сопротивление торческого корпуса[50]. Сами же эти половцы, кажется, продвинулись западнее и были перебиты галицко-волынскими и другими князьями между Мунаревом и Ярополчем[51]. После совместных киевско-галицких походов на

днепровско-днестровско-дунайское Причерноморье против берладников и половцев (Олешье, Дцин) [52] в этой части степи утвердилась власть галицких князей. Берлад в понятие «Русской земли» не входил.

Княжеские усобицы тяжело отражались и на степи: когда киевско-смоленские Ростиславичи установили матримониальный союз с ханом Белгуком [53], Ольговичи и их приверженцы разоряли вежи этого хана и других, дружественных ему [54].

Волынско-черниговские распри отражались на стабильности союзов со степью и устойчивости трех важных торговых путей — Залозного (на Кавказ и в Переднюю Азию), Соляного (в Крым) и Греческого (в Византию). Это должно было вызывать ропот киевских горожан, особенно купечества, которое уже как-то раз грозило уйти в греческую землю. Суздальские и волынские союзы с кавказскими государствами не решали всех возникавших здесь проблем. Выход был один — союзные действия. Когда речь шла о походе на степь, князья легче находили общий язык. Инициатором похода стал волынско-киевский Мстислав Изяславич, на снеме князей 1170 г. в Киеве заявивший: «Братье, пожальте си о Руской земли и о своей отчине и дедине. Оже несуть христьаны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступающе; а уже у нас и Гречскый путь изъотимають и Солоный и Залозный; а лепо ны было братье възряче на божию помочь и на молитву св. богородици поискати отец своих и дед своих пути и своей чести» [55].

Здесь сформулирован принцип прав русских князей на южные торговые пути. Так был организован киево-волынско-черниговский поход на заорельских половцев в район рек Орель, Самара, Оскол; использовались в нем и рати торков. Разорение веж, освобождение из плена русских, угон полона и скота, ссоры из-за добычи (Мстислав, например, вызвал осуждение других тем, что пустил в разъезд своих седельников и отроков-концев и награбил больше) сопровождали этот поход [56]. Может быть, это и укрепило Соляной путь, но, кажется, ослабило Греческий, если вообще что-нибудь значат эти разговоры о путях.

Как бы то ни было, вскоре («по мале») Мстислав собрал в Киеве новый снем, уже только киево-волынских князей, и опять повел речь о походе: «Се, братье, половцем есме много зла створили, веже их поимали есмы, дети их поима-

лы есмы, и стада и скот; а тым всяко пакостити гречнику нашему и залознику. А быхом въшли противу гречнику». На этот раз союзники дошли только до Канева, где и перессорились [57].

Когда Киев попал под тяжелую руку Андрея Боголюбского, волынскому князю пришлось отступить; суздальский ставленник Глеб Юрьевич помимо «диких» половцев сумел привлечь часть торков-берендеев [58]. Разорению Киева суздальцами в летописи уделено меньше места, чем переговорам с «дикими» и своими поросскими половцами в Переяславле и Корсуни; а все потому, что входившие в торческий сборонительный пояс половцы пограбили церковный город Полоный. С «дикими» был заключен «ряд», скрепленный клятвой, а поросских с помощью берендеев успешно погромили [59].

В истории половецкой политики, если брать ее за длительный период, этапы междоусобных распрей с привлечением половецких ратей сменяются совместными княжескими походами в глубь степи. Княжение в Киеве смоленских Ростиславичей сопровождалось острой борьбой против них Чернигова, осложненной действиями окрепшей донецко-донской орды хана Кончака [60]. Черниговские князья Святослав Всеволодович и Игорь Святославич иногда воюют против половцев, но неоднократно привлекают их к своим походам на Суздальщину — против Всеволода Юрьевича, где грабят Дмитров, в Полоцкую землю — на Друцк [61]. Столкновение черниговo-половецких сил с Ростиславичами (связанными с торками) закончилось полным разгромом: погибли видные половецкие ханы, в их числе Елтоут — брат Кончака, а сами черниговские союзники Игорь Святославич и Кончак едва спаслись в ладье [62].

«Русская земля» стала в 1180 г. совместным черниговосмоленским владением [63], что и привело черниговских князей к новым походам на своих недавних половецких союзников. Поход показал превосходство русских сил: киевские, смоленские, черниговские, галицкие и волынские полки (при участии отряда торков) перешли на «ратную сторону» Днепра, прошли к Ерели, где наголову разбили половецкое войско, включавшее рати 417 князей, из них 16 князей и 7 тыс. воинов были взяты в плен. В плен попали ханы Кобяк с сыновьями, Изая, сын хана Беглюка (Билюкович), Башкорт, Глеб Тирьевич и др. [64] Словом, едва половецкие ханы стали тревожить торческий пояс, как вновь союзная коалиция огнем и мечом прошла по

Заорельской степи. Игорь Святославич в этом походе не участвовал, а самостоятельно разбил небольшую половецкую рать [65]. Владимиро-суздальские полки тоже не ходили в этот поход, хотя как раз перед ним Кончак и Глеб Тирьевич нападали на их Дмитров [66] (если это не какой-то южный город), а затем суздальский Всеволод водил половцев хана Емака на Булгарию [67]. На следующий год хан Кончак с большой ратью, вооруженной мусульманскими самострелами «живого огня», подошел к р. Хорол и завязал переговоры, но киево-черниговские войска (при участии 6 тыс. торков) принудили его уйти [68], захватив кое-что из веж.

На это время приходится и поход Игоря Святославича, бывший при тогдашней расстановке политических сил явлением очень незначительным, но источниковедчески любопытным. Исходя из того, что «поганы есть всим над обчий ворог» [69], князь Игорь предпринял обособленный поход в 1185 г. Он описан в двух разных редакциях южной летописи, отраженных (через киевскую летопись 1237 г.) в волынском своде конца XIII в. (Ипатьевская) и владимирском своде (Лаврентьевская и свод конца XV в.). По первому варианту в поход направились силы Новгорода Северского (Игорь Святославич), Трубчевска (Всеволод Святославич), Рыльска (Святослав Ольгович), Путивля (Владимир Игоревич) и рать черниговских коуев от Ярослава Всеволодовича (во главе с Ольстином Олексичем).

Поход здесь осуждается с позиций Киева: ведь Святослав Всеволодович уже сумел «притомити поганыя» и готовил еще летний поход к Дону, собирая у Карачева войска с верхних земель, а этим походом Игорь и его соратники лишь «отвориша ворота на Руськую землю». Поход малыми силами был плохо подготовлен: «кони тучни велми» были, да и все приметы сулили ему неудачу.

Во владимирском своде оценка похода тоже отрицательная, но с позиций Переяславля (где сидел Владимир Глебович, с которым Игорь местничал во время похода 1183 г.): «здумавше» Ольговы внуки идти в поход — сказано здесь; с русскими князьями не ходили, а теперь затеяли: «Мы есмы ци не князи же, тако же собе хвалы добудем» [70].

Полный разгром был уделом войска Игоря; на родине стоял плач [71]. В общем, поход Игоря — эпизод феодальной политики в степи.

Последствия похода вызвали впервые с 60-х годов XI в. реальную угрозу Руси, и потому, согласно киевскому варианту, Святослав Всеволодович берет под свою руку Посемье, зовет смоленскую рать Давыда в Треполь, а также черниговскую Ярослава Всеволодовича. На Русь действительно двинулся «весь язык» половецкий, но возникла распря между Кончаком и Кзой, первый пошел к Переяславлю, второй — к Путивлю [72]. В переяславском варианте сказано, что киевский князь стерег Русь у Канева, а Владимир Глебович — в Переяславле [73]. По суздальским данным, половцы бежали за Дон [74].

В ближайшие годы продолжались половецко-русские столкновения в Поросье, где Кончак «начаша часто воевати». Киево-черниговский поход до р. Самары не дал результата, так как черниговский Ярослав не стал рисковать пешим полком вдали от своей земли [75]. Затем Киев посылал торков, которые захватили половецкие вежи за Днепром. Они были пусты: половцы «бяхуть шли в Дунай» [76]. Угроза Руси была предотвращена. В 1190 г. князья Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, «утишивъша землю Рускую и половци примиривша в волю свою», мирно охотятся на Днепре [77].

Конечно, мир этот неустойчив, ибо пестрым и сложным был протяженный русско-торческий, земледельческо-кочевой рубеж. Вот типичный пример. Святослав Всеволодович по доносу велел схватить в Торческе местного князя Кунтувдея. Рюрик вызволил его из беды, но тот бежал к половецкому князю Тоглыю и стал звать его к походу на Русь. Здешние половцы, бывшие в мире с Русью, нарушили его — «потоптали роту» и захватили город Чурнаев, принадлежавший какому-то служилому, некрещеному торкскому князю. Они сожгли острог и двор, захватили весь достаток «и две жены его яша и челяди много яша». И позднее они не раз воевали Поросье [78].

В Торческе Рюрик оставил сына Ростислава, которого черноклобуцкая знать подбила к походу на половцев, говоря: «Се половце сее зимы воюють ны часто, а не ведаем подунайци ли есмь, что ли. А отець твой далече есть, тако Святославу без лепа и не слем: ныне до нас не добр про Кунтувдея» [79]. Из этих слов видно, что Поднепровье было лучше укрыто от половцев, чем Подунавье, которым ведали сильные галицкие князья. Обычная половецкая угроза — это разорение двух-трех пограничных острогов в Поросье,

служилая знать которого получала милость киевского князя в зависимости от своих заслуг. Поход с молодым князем не принес выгод. В ближайшие годы смоленско-киевские и черниговские князья не раз ходят в степь до Оскола и охраняют свою границу, либо совершая походы из Канева, либо держа в нем значительные силы [80].

Уход к половцам торческого князя Кунтувдея — свидетельство более глубоких трещин в самой степной политике, ибо торки, охотно готовые идти против половцев на Дунай, срывают поход на своих «сватов» за Днепр [81]. Немалую роль играла в половецкой политике дипломатия. Неудачи в ней дорого стоили. Снем с лукоморскими половцами (Бурчевичами) в Каневе, неуспешный по вине Святослава [82], повлек обострение отношений: киево-смоленско-черниговским князьям пришлось быть настороже («доспешным быти») и в конце концов просить поддержки у могущественного суздальского Всеволода.

Но последний, как видно из его письма-ноты великому князю Рюрику [83], потребовал в виде русского «причастья» волость «лепшую» с городами Торческ (где остался его зять Ростислав Рюрикович), Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, т. е. ключевые позиции в торческом оборонительном поясе [84]. Это сближение не было прочным, ибо суздальский князь предпочитал выгодный мир с Черниговом и Волынью трате сил на Киев. Вскоре Рюрик отобрал эти города у суздальских посадников [85]. В эти годы и Киев [86], и Суздаль [87], и Чернигов [88] не раз использовали «диких» половцев в своих целях на Руси.

У суздальского Всеволода было достаточно средств, чтобы независимо проводить энергичную политику в степи: в 1199 г. он с сыном Константином направил войско, заставившее донских половцев с их вежами бежать к морю [89]. О Рюрике этого сказать нельзя: он не мог удержаться в Киеве один и против Чернигова, и против Галича и Волыни, соединившихся в руках Романа Мстиславича. Последний, как и Всеволод, самостоятельно повоевал половецкие вежи [90].

Как пагубно сказывались распри князей на защите интересов Руси, лучше всего свидетельствует их борьба за Киев. Смоленский Рюрик Ростиславич вместе с черниговскими Ольговичами и, видимо, «дикими» половцами («вся Половецкая земля») Кончака и Данилы Бяковича берут в 1202 г. Киев «на щит» и грабят все без разбора — «а кого дойдет рука»; даже монахов и попов «ведо-

па в поганыя». Не упустили и многочисленных иноземных купцов. Половцы тогда сильно пограбили и церкви: «что по монастырем и по всем церквама, вся узорочья и иконы одраша и везоша погании в землю свою, а град пожгоша»[91]. Это свидетельство новгородской владычной летописи не оставляет сомнений в упадке степной политики: то, чего половцы не могли достигнуть как враги Руси в XI в., они добились как союзники недальновидных князей в XIII в.

Галицко-волынский Роман, державший и Подунавье, не мог одобрить такой политики Киева, поддержанного Черниговом. В том же году он ходил на Рюрика к Овручему, «отводя и от Олговичь и от половець» и требуя его присяги суздальскому Всеволоду и себе[92]. Видимо, это ему удалось, ибо на следующий год был предпринят совместный киево-волынский поход на половцев, и без того жестоко страдавших от бескормицы в ту лютую зиму. Но на снеме в Переяславле Роман не поладил с Рюриком, захватил его и постриг в монастырь, а сыновей Ростислава и Владимира отправил в Галич[93].

Взаимоотношения с Половецкой степью — сложнейшее звено русской внешней политики. Русь сумела в трудной военно-дипломатической борьбе удержать лесостепную границу; вплоть до монгольского нашествия она (используя отношения с другими державами) сохраняла свои позиции на торговых путях — на Волге, Дону, Днепре, Днестре, Серете и Нижнем Дунае.

Играя решающую роль в Половецкой степи, Русь оказывала все возрастающее влияние на судьбы северного Причерноморья и на связанную с ним политику таких стран, как Венгрия, Болгария, Византия, зависимость которой от русской степной политики (как свидетельствуют события 1185 и 1202 гг.) очевидна.

На долю русского народа выпала нелегкая задача в течение многих десятилетий противостоять напору половецких орд, разорявших около $^1/_{15}$ территории Руси[94]. Трудность борьбы усугублялась тем, что князья разных русских земель не имели, как правило, единой степной политики. Прошло немало времени, пока удалось добиться крупных побед, стоивших русскому народу, в первую очередь жителям степного порубежья, больших жертв. Цивилизация средневековой Европы многим обязана Руси, которая вплоть до монгольского нашествия выстояла в этой суровой борьбе.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ С ВОСТОЧНЫМИ СОСЕДЯМИ (ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ И ГОСУДАРСТВАМИ КАВКАЗА)

РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

С обособлением Суздальского края от Киева Юрий Долгорукий и его преемники унаследовали немало сложных проблем восточной политики, связанных с торговыми и колонизационными интересами. Отношения с Булгарией не были стабильными: давние торговые русско-булгарские связи укрепляли их, столкновения в сфере поволжской колонизации ослабляли.

Окраиной вассальной иноязычной сферы, подвластной Суздалю, была земля черемисов [1], которые несли медовую дань [2]. Жившие за ними в междуречье Вятки и Камы удмурты древнерусскими источниками не упоминаются. И Русь и Булгария имели вассалов среди мордовских князей, один из которых в 1103 г. нападал на Муром [3]. Русь использовала давние булгаро-половецкие противоречия в низовьях Камы и в Поволжье; русские владения, опиравшиеся на Елец и Воронеж, простирались вниз по Дону, но граница (в условиях ежегодных перемещений половцев на летовища) была зыбкой и чересполосной: «половецкое поле» доходило до Пронска [4].

Булгарская феодальная знать не раз организовывала походы на Русь и на вассальные ей владения. В 1107 г. булгарская рать дошла до Суздаля, осадила город и разорила окрестности [5]. Видимо, не без суздальского участия были направлены в 1117 г. на Булгарию половцы хана Аепы, тестя Юрия Долгорукого [6], а в 1120 г. он сам успешно водил туда рать и привел большой полон [7]. Был заключен мирный договор [8], который, несмотря на мелкие конфликты [9], надолго стабилизировал суздальско-булгарскую границу; в 60-х годах XII в. был, видимо, основан Городец — важный опорный пункт колонизации.

С укреплением Суздальщины при Андрее Боголюбском русско-булгарские противоречия периодически обострялись. За 10 лет отмечены два похода — в 1164 г. войска

Андрея заняли «славный город Бряхимов»[10] и повоевали некоторые другие[11]; результат похода 1173 г., когда булгары выставили 6-тысячную рать, был менее значительным[12]. Еще через 10 лет, в 1183 г., видимо в связи с общим обострением положения в степи, огромную рать (больше десяти низовских и черниговских князей и половецкий полк) направил на судах — насадах и галеях — в Булгарию Всеволод Юрьевич; войска доходили до города Биляра, разбили булгарские отряды[13]. Этот поход, как и набег на Булгарию в 1186 г. городчан[14], показал явное превосходство сил Руси, но о территориальных приобретениях источники не говорят. Отношения были урегулированы новым договором[15], и колонизация продолжалась.

С утратой Тмутаракани русские (и суздальские и волынские) князья в своей степной политике, особенно имея в виду волжский и донской торговые пути, старались противопоставить Булгарии и половецким ханам союзы с кавказскими князьями; вероятно, эти союзы оказывали влияние и на русско-византийские отношения.

РУСЬ И ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА *

Аланы и асы на Северном Кавказе были силой, с которой половцам приходилось серьезно считаться.

Связи асов, живших на Дону, с половцами несомненны, ибо после антиполовецкого похода на Дон в 1116 г. Ярополк привел себе в жены взятую в плен «жену красну велми, ясьского князя дщерь» [1], после его смерти «благоверная» княгиня «Олена Яска» фигурирует в летописи [2]. Владения аланского союза, который в XII в., по-видимому, уже фактически распался, занимали центральную часть Кавказа, но селились эти племена вплоть до Дона. Поэтому с аланами и асами были хорошо знакомы и русские и грузины. На асских и аланских княжнах часто женились и русские князья и грузинские цари, а выходцы из этих народностей служили и в Грузии и на Руси.

Асские связи были сохранены и при суздальском дворе преемников Мономаха. Ключником Андрея Боголюбского был «ясин родом» Анбал (Амбал). Анбал — из служилой, новой знати, судя по обращенным к нему словам киевлянина Кузьмищи: «Помнишь ли... в которых порьтех пришел бяше ты, ныне в оксомите (аксомит — дорогая шелковая ткань.— *В. П.*) стоиши». Анбал разбогател — не диво, ибо он «ключ держашеть у всего дому княжа, и надо всими [князь] волю ему дал бяшеть» [3]. Асская знать сближалась с местным боярством. Анбал поддержал заговор бояр, в котором из иноземной служилой знати был замешан еще Офрем Моизович [4].

При суздальском дворе северокавказские связи сохранялись и позднее, судя по тому, что в 1182 г. черниговский великий князь Святослав Всеволодович женил своего сына Мстислава во Владимире на аске, которая была свояченицей, т. е. сестрой жены, Всеволода Юрьевича, стало быть тоже женатого на аске [5], вероятно княжне Марии.

* *Этот параграф написан А. П. Новосельцевым.*

С конца XI в. наиболее крупной политической силой в Закавказье, а затем и на Северном Кавказе становится Грузия. В XII в. русские князья через асов и аланов, а также через половцев устанавливают тесные политические связи с Грузией. Согласно русской летописи, грузинская царевна Русудан, сестра Георгия III и тетка будущей царицы Тамар, была выдана в 1154 г. за волынского князя Изяслава Мстиславича. Оп «повел из Обез жену себе, цареву дщерь», которая, видимо морем, через Олешье была с почетным эскортом в составе сына княжеского, воеводы и русской рати встречена в устье Днепра [6]. Как видим, половецкий заслон русским политикам пробить удалось. Может быть, Суздаль имел союз с асами, а Волынь с обезами?

В 1184 г. после смерти царя Грузии Георгия III его наследницей осталась дочь Тамар. В высшем государственном совете Грузинского царства встал вопрос о подыскании молодой царице мужа, вопрос, конечно связанный с государственными интересами страны. При дворе боролись две партии. Во главе одной из них стоял только что вернувшийся из ссылки и назначенный эмиром Тбилиси Абуласан; во главе другой — братья Мхаргдзели Захария и Иванэ. Ко второй партии была близка и упомянутая выше царевна Русудан. Победила первая партия, и по предложению Абуласана в мужья царице был выбран суздальский княжич Юрий (Георгий) Андреевич [7]. Он еще при жизни отца был в 1172—1175 гг. князем в Новгороде; затем, изгнанный Всеволодом, нашел убежище у половцев [8].

Приглашенный в Грузию, он по решению совета стал мужем Тамар и фактическим командующим грузинского войска. В Грузии Георгий пробыл четыре года. Участвовал в войне против сельджуков и взятии Двина. Однако поддерживаемый Абуласаном Георгий не сумел ужиться с другими князьями. Против него была царевна Русудан, а возможно, влиял с севера и Всеволод Юрьевич, женатый на Марии, асской княжне, родственнице князя Сослани (Давида), будущего мужа Тамар [9]. В результате Георгий был изгнан из Грузии (1188 или 1189 г.). Две попытки его вернуться с помощью дружественных ему князей успеха не имели. Монгольское нашествие порвало и осложнило отношения Руси с народами Кавказа.

О связях Руси с государствами Азии зримо свидетельствует материал, относящийся к торговле [10].

РУСЬ И ГЕРМАНИЯ

Экономические, торговые связи двух стран продолжали укрепляться, находя поддержку в поощрительном законодательстве и германских и русских властей. Политические же взаимоотношения осложнялись соперничеством княжеских группировок на Руси и борьбой баварских Вельфов со Штауфенами в Германии, а также агрессивными действиями германских феодалов в Чехии, Польше.

Источники наши крайне скудны, и без догадок не обойтись. Представляется вероятным, что волынско-смоленская группировка, дружественная Венгрии и Польше и враждебная Византии, должна была столкнуться с политикой династии Штауфенов (1138—1254), настойчиво наступавших, во-первых, на византийские владения в Италии и в свою очередь заинтересованных в прекращении традиционного участия Руси в византийской политике на Средиземном море, и, во-вторых, на приморскую Славию, издавна бывшую сферой русской торговли и политики.

Но волынские князья прежде всего дорожили тесным союзом с Польшей. Мы находим в источниках два ряда фактов, позволяющих предполагать связи Волыни и с Польшей, и с Германией. В борьбе княжеских группировок в Польше Волынь (чего нельзя сказать о Чернигове) и Германия стояли друг против друга: правительство Конрада III (1138—1152) поддерживало Владислава II, а Волынь — Болеславичей. Видимо, произошли какие-то осложнения и в торговле, ибо в 1142 г. Конрад III просил Иоанна II Комнина, а в 1145 г. Мануила воздействовать на русских, ограбивших немецких купцов [1]. Не связано ли это с возможным нарушением прав русских купцов в Любеке, где действовал союзник Конрада Альбрехт Медведь [2]? Давление империи и папства на Польшу побудило польских князей к участию в чуждом интересам Польши втором крестовом походе. Правда, польские князья и со-

юзные им, вероятно, волынско-смоленские выбрали в 1147 г. прусское направление, имея в виду укрепление русско-польских торговых связей с Балтикой. Позднее вмешательство Конрада в польские дела не позволило Болеславичам поддержать Изяслава в борьбе с Долгоруким в 1149 г. Но в этом же году на службе у волынских князей находились какие-то немецкие (вероятно, наемные) силы: от рук «немчина» едва не погиб под Луцком Андрей Боголюбский [3].

Фридрих I Барбаросса (1152—1190), пытавшийся сочетать укрепление императорской власти с завоевательными походами в сторону Италии и Польши, имел столкновения с Русью. Уже само вступление его на престол помешало польским князьям поддержать в 1152 г. союзную Волынь, и не случайно в 1157 г. русские (видимо, волынские) войска сражались против императора на стороне Болеслава Кудрявого, несомненно облегчив тяжелый для Польши общий исход борьбы — потерю земли лютичей (1157 г.). Известно, что Германия в союзе с Данией [4], развернув наступление на землю бодричей (междуречье Травны и Варты), вышла к Одеру (1162 г.) [5]. В XIII в. эти державы обратились на Гданьское Поморье из Бранденбурга и завоеванной рыцарями части польско-прусского побережья.

С другой стороны, имеется косвенное, но тем не менее важное свидетельство о связи волынского князя с императорским домом: по случаю женитьбы Мешко III на Евдокии Изяславне (около 1151 г.) польский хронист заметил, что она была единокровной «императору Фридриху»; это предполагает брак Изяслава Мстиславича с какой-то немецкой принцессой [6]. У Изяслава, как знаем, был союз с чешским королем Владиславом II, вследствие которого русские и чехи вместе с немцами Фридриха I действовали в венгеро-византийской войне 1164 г. против Византии. Более того, в 1165 г. король Владислав представлял на венском съезде покровительству Фридриха I русского князя [7], может быть одного из вассалов либо Галича, либо Волыни, а возможно, и молодого суздальского князя Всеволода Юрьевича, возвращавшегося из византийской ссылки. Позднейшие события говорят в пользу существования суздальско-немецких политических связей.

Наконец, весной 1189 г. ко двору Фридриха («к цареви немецкому») бежал из венгерской крепости галицкий

князь Владимир, сын Ярослава Осмомысла. Едва император узнал, что перед ним «сестричичь» недружественного Византии[8] суздальского Всеволода Юрьевича, как сразу «прия его с любовью» и «великою честью». Налицо суздальский союз с враждебной Византии Германией. Сам Фридрих готовился к крестовому походу и не мог, видимо, заняться галицко-венгерскими делами, тем более что ему предстояло идти со своей 80-тысячной армией в поход через Венгрию. Судя по истории русских княжеских группировок, враждебные Волыни суздальские князья могли иметь давние связи с Гогенштауфенами. Приставив к Владимиру Ярославичу своих мужей, он направил его в Польшу ко двору Казимира в Краков, «веля ему доправити Галича по своей воле». Сделал это император не бескорыстно: бывший в безвыходном положении галицкий князь «дал бо ся бяше давати цареви по 2000 гривен серебра до года»[9]. Владимир рассчитал правильно: мы помним, что с польской подмогой он легко вступил в дружественный ему Галич, а затем восстановил старый галицко-суздальский союз, признав себя вассалом Всеволода Юрьевича, который обеспечил ему признание и Венгрии и Польши. Фридрих Барбаросса утонул в 1190 г. во время третьего крестового похода, и галицко-немецкие отношения остались не более чем эпизодом.

Любопытно, что об этом походе Франции (Филипп II Август), Англии (Ричард Львиное Сердце), Германии (Фридрих I) и их двусмысленного союзника Византии (Исаак Ангел) в киевской летописи сохранилось известие (вероятно, галицкого происхождения), положительно оценивающее это событие и относящее его прежде всего к деятельности германского императора («иде царь немецкый со всею своею землею битися за гроб господен, проявил бо бяшеть ему господь ангелом, веля ему ити; и пришедьшим им и бьющимся крепко с богостудными агаряны»). Это запись церковного информатора, который на стороне крестоносцев, против арабов, за вызволение священного гроба и оценивает события в духе обычной доктрины о казнях божьих: «Богу же тако попустившу гнев свой на весь мир, зане исполнися злоб наших вся земля и сия все наведи на ны грех ради наших. Во истину суд створи и правы судбы его и преда место святыня своея инем иноплеменьником». Так решался щекотливый для церкви вопрос — почему попал господень горб в руки мусульман.

Уподобляя Германию Руси, а арабов половцам, автор пишет: «Сии же немци, яко мученици святии прольяша кров свою за Христа со цари своими; о сих бо господь бог наш знамения прояви, аще кто от них в брани от иноплеменьных убиени бына и по трех днех телесы их невидимо из гроб их ангелом господним взята бываху»; потолковав о том, что господь «причте» крестоносцев к избранному своему «стаду», автор со вздохом заканчивает: «Кто бо свесть ум господень и тайная его твореная, кто весть?»[10].

Когда Волынь и Галичина были объединены при Романе, отношения Руси с Германией вновь на мгновение оказались в поле зрения хронистов. Роман Мстиславич, унаследовав старые союзы и с Польшей и с Германией, вмешался в отношения между ними и в 1205 г., по сообщению французской хроники[11], выступил против союзного саксонским Вельфам Лешко Белого с целью продвинуться в Саксонию.

Остается не вполне ясно, кому на помощь отправился Роман. В Германии шла борьба за корону между Филиппом Швабским (1198—1208), младшим сыном Фридриха I, и Оттоном IV (1198—1209—1218), сыном саксонского Генриха Льва. Среди союзников Саксонии мы видим в 1203 г. чешского Пржемысла, короля Венгрии Имре[12] (участвовали в деле, вероятно, и половцы, которых привел чешский король[13]), хотя они и опустошили землю ландграфа Тюрингии, союзного Оттону IV). Если бы и Роман шел на помощь Оттону IV, явно поддержанному папой Иннокентием III, то французский хронист не писал бы, что русский князь стремился «как мнимый христианин разрушить церкви». Следовательно, Роман поддержал Штауфенов[14]. Смерть князя в битве у Завихоста помешала осуществлению этого широкого плана, связанного с защитой русских традиционных интересов в Поморье.

РУСЬ И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

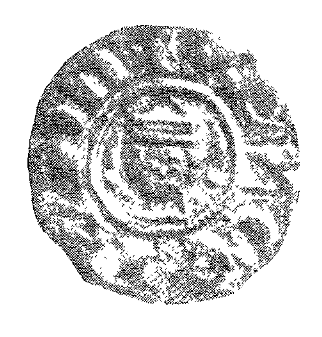
Охваченная соперничеством враждующих коалиций, занятая участием в борьбе с набегами кочевников, Русь, судя по молчанию источников, заметно утратила интерес к былым внешнеполитическим связям с Англией и Францией; нет и дипломатической переписки с папской курией. Но сама Русь по-прежнему хорошо известна западноевропейским источникам и в традиционном произношении как Russia (варианты: Buscia, Ruzzia и др.) или Ruthenia и в новом Rossia, Rosia [1]. Торговые отношения продолжали укрепляться, хотя византийское правительство и закрывало русские рынки для итальянских городов, а немецкие города старались то же сделать в отношении английского и фландрского купечества [2].

Как партнер Византии и Венгрии, как страна, давно участвовавшая в средиземноморской политике, Русь интересовала норманское королевство. Этот интерес отражен в географическом труде араба ал-Идриси, составленном (около 1154 г.) в Палермо при дворе короля Рожера II (1130—1154). У Идриси сказано: «А что касается страны ар-Русийа, то это большая страна. Городов в ней очень немного. Строения разбросаны, и одна область от другой удалена на большие расстояния. Области [эти] независимые [обособленные?]. У них друг с другом и с соседями их постоянные войны и усобицы. Из городов в настоящее время [известны] в этой части [клима́та]: Рам[и]сли [Перемышль?], Зака [Саков?], Трубийа [Туров?] и Галисийа [Галич]»[3]. Словом, в Палермо знали Юго-Западную Русь. В другом месте своего труда Идриси перечисляет 17 русских городов, в их числе Смоленск, Галич, Туров, Переяславль, Канев, Олешье, Ромен, Саков и др. Греческий ритор Михаил в своем «Слове» говорил, что поражение Венгрии в 1151 г. вызвало скорбь у сицилийцев и «тавроскифов» [4], т. е., вероятно, на Волыни. Это еще раз подтверж-

дает, что волынско-венгерские противники Византии и Германии были связаны с Сицилийским королевством.

Надо надеяться, что будущие разыскания в интересующем нас плане выявят какие-то факты, пусть даже косвенные. Из последних можно упомянуть посещение французским королем Людовиком VII во время второго крестового похода (через Венгрию) в 1147 г. королевского двора, где он был дружески встречен Гезой II и его женой Евфросиньей Мстиславной и стал восприемником их первого ребенка[5]. Примечательно, конечно, и известие французской хроники о походе Романа в Саксонию. О путях, какими этого рода известия проникали в округ Шалон на Марне, можно строить лишь догадки.

РУСЬ И АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Русские торговые связи с Багдадским халифатом не прекращались, об обмене посольствами, имевшими прямые политические цели, данных у нас нет, хотя посещение Руси Абу Хамидом ал-Гарнати (1153 г.) и поездки русских паломников в Переднюю Азию, вероятно, не лишены дипломатического значения.

Паломничество по-прежнему находилось под контролем церкви. Известия о нем носят случайный характер. Под 1132 г. читаем в летописи, что «принесена бысть [в Новгород] доска оконечная гроба господня Дионисием» (видимо, будущим архимандритом Юрьевского монастыря), которого «послал бо бе Мирослав», т. е., вероятно, новгородский посадник [1]. Можно думать, что Дионисий добыл доску в Иерусалиме.

Самодеятельное паломничество не одобрялось, насколько позволяет судить ответ епископа Нифонта, который поддержал действия духовенства, препятствовавшего «добрым» людям (может быть, купцам) ходить в Иерусалим: «не велю ити,— сказал Нифонт,— сде велю доброму ему быти»; епископ велел карать епитимьей самовольных паломников[2]. Но паломники все же ходили, судя по тому, что в Иерусалиме побывали даже былинные богатыри Иван и Михаил[3], да и в традиции, сохраненной сборником XVI—XVII вв., говорится о поездке в 1163—1168 гг. от Софии из Новгорода сорока паломников в Палестину при великом князе Ростиславе Мстиславиче[4]. По преданию, сохраненному житием полоцкой княжны Евфросиньи, в Иерусалиме XII в. существовал православный монастырь св. богородицы[5].

Еще патриарх Фотий провозглашал Константинополь вторым Иерусалимом [6]; так называл его и русский митрополит Иларион[7]. В конце XII в. это отождествление было высказано летописцем уже применительно к Киеву. Русские летописцы знали о переменах, происходивших в

арабском мире. Сообщив под 15 сентября 1187 г. о солнечном затмении, летописец отметил, что был взят Иерусалим «безбожными срацины», и в связи с этим, рассуждая о божьем предзнаменовании, уподобил Русь, переживавшую тогда усиление половецкого напора, Иерусалиму, а половцев — арабам: «Нам же укореным сущим, понос принимающим от безаконых тех агарян, а чающе есмы божия благодати и лика преславна»[8].

Вероятно, и политика Руси на Кавказе была не безразлична Багдаду в его взаимоотношениях с турками-сельджуками и с Византией. Может быть, с этими отношениями имеет связь появление во враждебном Руси войске хана Кончака в 1184 г. «бесурменина», который «стреляше живым огнем»[9].

Раздел II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ С НАЧАЛА ДО СЕРЕДИНЫ XIII в.

ВВЕДЕНИЕ

Структура анализа внешнеполитических отношений Руси в XIII в. должна быть изменена: время, в целом мирное для Руси, изредка нарушаемое недолгими и обычно безуспешными вторжениями из-за рубежа в разные части коренной Руси или подвластной ей неславянской территории польских, венгерских, шведских, булгарских или тюркских войск, сменилось суровыми годами продуманного наступления на нее на всем протяжении между Балтийским и Черным морями; на передний план выдвинулась борьба народов за независимость.

Это наступление велось под лозунгами крестового похода и направлялось папской курией. Главным фактором его был немецкий «натиск на Восток», поддержанный государствами Северной Европы. Военно-дипломатическая борьба с ним — дело прежде всего Верхней Руси. Эта борьба осложнялась общим кризисом русской политики в сфере подвластных народов. Образование Литовского государства — один из существенных его показателей. Нижняя Русь сталкивается с открытым наступлением Венгрии, Польши, немецкого Ордена; с падением Византии возрастает угроза католической колонизации северного Причерноморья. Борьба Руси и за свои вассальные владения, и за собственную независимость против крестового похода неизмеримо затрудняется и усложняется одновременным монгольским нашествием на Европу, варварским опустошением нашей страны.

Борьба Руси и связанных с ней народов сорвала планы крестоносцев. Русь стала решающей силой последующего возрождения угнетенных немецким Орденом народов. Мужественная борьба русского народа, других народов нашей страны, народов Восточной Европы обрекла на провал европейский поход монгольских полчищ. Цивилизация Западной Европы была спасена. Разоренная, но не покоренная Русь повела борьбу с Ордой и превратилась в оплот последующего возрождения угнетенных ханами народов.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НА РУСЬ

ВОЕННАЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ДАТСКО-ШВЕДСКОЙ КОАЛИЦИИ НА ВОСТОЧНУЮ ПРИБАЛТИКУ (ДО 1238 г.)

К исходу XII в. немецкий «натиск на Восток» достиг Вислы, где встретил отпор сильного Поморского княжества[1]. Тогда немецкие правители, не оставив мысли овладеть землями между Вислой и Неманом, решили создать второй плацдарм на Западной Двине.

Вторжение в Прибалтику, а затем в Литву, Польшу и Русь немецкие крестоносцы осуществили тогда, когда борьба их бывших союзников крестоносцев-франков в Передней Азии была еще в полном разгаре.

Действия крестоносцев и на Средиземном и на Балтийском (а как ниже увидим, и на Черном) морях направляла папская курия. Курия отлично понимала взаимосвязь всех направлений этих походов. Крестоносцы, вторгшиеся в Прибалтику, сумели обеспечить себе достаточно широкий приток людских подкреплений и средств из других стран в немалой степени потому, что этот крестовый поход был сразу же официально приравнен курией к походу на арабов.

Германская империя хотя и враждовала с курией, но в прибалтийском вопросе их интересы совпадали. Политические цели и германских императоров и папской курии требовали создания здесь постоянных феодальных

8*

колоний для контроля над балтийской торговлей и политического давления на Швецию, Норвегию, Данию и Польшу, а главное — для наступления на Русь, чтобы обеспечить алчное немецкое дворянство новыми землями, а католическую церковь — источниками богатых доходов.

Момент для вторжения был выбран подходящий, ибо земли Верхней Руси не имели единой политики в балтийском вопросе. Эстония и Латвия находились в даннической зависимости от Новгорода, Пскова и Полоцка, борьба за влияние на эти сильные боярские центры шла между владимиро-суздальскими и смоленскими князьями. Нет нужды входить в детальное рассмотрение истории 40-летней войны за Эстонию и Латвию — это сделано нами в других работах[2], рассмотрим лишь ее внешнеполитический аспект.

Зачинателем вторжения был давний центр немецкой восточной агрессии г. Бремен (с 1053 г.— архиепископство), ведший здесь торговлю и хорошо знавший местную политическую ситуацию. Бременский архиепископ Гартвик II послал вместе с купцами на Двину каноника Мейнарда; тот номинально учредил здесь ливонское епископство (1184 г.), и хотя ливы его не признали — дело было сделано. Папа Целестин III (1191—1198) провозгласил поход, дав отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, пойдет для восстановления первой церкви в Ливонии»[3].

После нескольких неудач бременский каноник Альберт Буксгевден, заручившись поддержкой папы Иннокентия III, германского короля Филиппа и датского короля Вальдемара II (1202—1241), вместе с крестоносцами из немецких феодалов и купцов ворвался на 23 судах в устье Двины. Сопротивление ливов было подавлено, захвачена Земгальская гавань и на ее месте построена крепость Рига (1201 г.). Став ливонским епископом (1199 г.), Альберт предполагал создать здесь сильное церковное княжество по типу тогдашних прирейнских (Майнцкого, Кёльнского, Трирского) [4]. Чтобы иметь постоянную военную силу, он учредил в 1202 г. Орден рыцарей-меченосцев, которые в 1207 г. добились его согласия на уступку им трети всех завоеванных земель[5].

Орден был воинствующей церковно-политической корпорацией. Во главе его стал мигистр, избираемый из чис-

ла рыцарей. В провинциальных замках, которые возводились на захваченных землях и подвластных им территориях, суд и управление вершили командоры или фогты. Завоеванные земли Орден и епископ раздавали вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, обязанное содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в их военных мероприятиях.

Особое положение заняли основанные завоевателями города, в том числе Рига[6]; они оседлали оживленные пути экономических связей и стали быстро расти и богатеть, паразитируя на посреднической торговле. Крупные города пользовались самоуправлением и ревниво оберегали свои вольности от покушений Ордена. Городская власть принадлежала выборным магистратам — ольдерменам гильдий и старейшинам ремесленных цехов, т. е. немецкой торгово-ремесленной верхушке, которая эксплуатировала городскую бедноту. Экономическое положение немецких городов заставляло их не только активно поддерживать наступление Ордена[7], но и тяготеть к сохранению торговых отношений с Русью, а когда выяснился крах вооруженного похода на нее, выступать за мирное урегулирование.

Беспощадно подавляя или истребляя латышское население и умело привлекая на свою сторону часть ливской знати, крестоносцы в короткий срок, несмотря на упорное сопротивление латышских и русских воинов, овладели главными опорными пунктами полоцкой власти в Нижнем Подвинье — крепостями Кокнесе (1207 г.)[8], Селпилс (1208 г.)[9], Ерсике (1209 г.)[10], закрепившись на землях ливов, селов и южных латгалов. Угроза нависла над куршами и земгалами.

Полоцкий князь Владимир[11] не имел сил в одиночку противостоять этому вторжению и в 1210 г. был вынужден подписать с епископом и Орденом «вечный мир», по которому (если верить хронике Генриха) санкционировал сделанные ими приобретения на том условии, что они признали его сюзереном — обязались ежегодно выплачивать издавна шедшую Полоцку ливскую дань[12]. Весьма возможно, что в подписании этого договора участвовал и Смоленск[13].

Договор имел отрицательные последствия для интересов Новгорода и Пскова в Эстонии: «И рады были все,— писал Генрих,— что теперь безопаснее могут воевать с

эстами»[14]. Расширяя захваченную территорию, немецкие феодалы проникли в северную Латгалию, где заложили замок Венден (на месте древнего укрепления Цесис), создав угрозу южной Эстонии.

Новгородско-псковское боярство в силу самого характера русской прибалтийской политики не имело в Эстонии разветвленной сети крепостей (за исключением Тарту и, может быть, Отепяа и Вильянди) и управляло, опираясь на соглашения с местной знатью. Часть этой знати была использована епископом и Орденом в своих целях. Занятие в 1211 г. крепости Вильянди (Феллин), которую эстонцы мужественно защищали, и разорение земли Саккала побудили Новгород и Псков при поддержке Смоленска предпринять ответные действия.

В немецкой хронике отмечены факты крещения латышского и эстонского населения [15] русскими властями, которые хотели выбить из рук немецких рыцарей крест, рассчитывая на действие средневекового правового принципа: «чья вера, того и власть»; кроме того, они направляли усиленные вооруженные отряды для сбора традиционной дани в Эстонии[16]; например, в Харьюмаа Мстислав Удалой водил с этой целью 15-тысячное войско[17].

Упрочив свои позиции в Латвии, епископ Альберт добился заключения в 1212 г. нового договора с Полоцком (вероятно, тоже при участии Смоленска), согласно которому (по словам хрониста Генриха) князь Владимир утратил Нижнее Подвинье — епископ освобождался на будущее от уплаты ему дани, которую он «иногда платил за ливов», но русским купцам оставался «открыт свободный путь по Двине»[18]. Эта важная статья договора станет осью многих русско-немецких соглашений последующих десятилетий.

Первые же шаги крестоносцев в Эстонии, где они захватили земли Уганди (соорудив в 1216 г. крепость Оденпэ на месте древней Отепяа), Саккала и Соонтага, сопровождались такими злодеяниями, что у эстонских князей открылись глаза. Феодальные распри, охватившие Северо-Восточную Русь после смерти Всеволода Юрьевича (1212 г.), побудили эстов искать помощи Полоцка. Эстонские послы просили «полоцкого короля» Владимира, чтобы он «с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это время теснить войной [подчиненных рыцарями] ливов и латгалов, а также [с помощью

жителей Сааремаа] запереть гавань» Даугавгриве. Полоцкий князь отозвался на просьбу, отправил послов на Русь и в Литву и собрал большое русско-литовское войско. Неожиданная смерть князя расстроила поход, но 1216 год примечателен началом оформления русско-эстонского оборонительного союза. В этом году Новгород и Псков отправили послов «по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов» в Оденпэ. На призыв откликнулись не только Харьюмаа и Сааремаа, но и жители Саккалы, «уже давно крещенные [немецкими властями], надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов»,— свидетельствует Генрих[19]. Русско-эстонское войско заняло Оденпэ, где был подписан в 1217 г. какой-то новгородско-немецкий договор, предусматривавший защиту и русских и эстонских интересов, так как епископ Альберт для его утверждения отправлял послов и в Новгород и в Саккалу[20]. Вероятно, договор восстановил русские права в Эстонии или в ее части.

Со стороны Руси и Эстонии этот договор был лишь шагом к новому наступлению на захватчиков. Зная это, епископ Альберт пытался какими-то посулами удержать Новгород от войны, но новгородские власти «пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов»[21]. Эстонские послы с большими дарами ездили в Новгород[22]. Эстонцы собрали 6-тысячный отряд; Новгород и Псков направили к ним в свою очередь 16-тысячное войско.

И все же силы были неравны. Немецкий Орден имел постоянный приток крестоносцев из Германии[23]. Эстонское войско под командованием Лембиту было разбито магистром Волквином под Феллином[24]; русское войско дошло в 1218 г. до Вендена и после двухнедельной осады крепости возвратилось домой[25].

Однако «великая война русских и эстов против ливонцев», как ее называет Генрих[26], разгоралась и грозила смести их в море.

И тогда в 1219 г. по призыву Альберта[27] и с санкции папы Гонория III[28] (1216—1227) в северную Эстонию вторглись войска датского короля Вальдемара II, подкрепленные силами его руянского (рюгенского) и поморского вассала — Вацлава I. Это вторжение — не случайность. Датские короли претендовали на Эстонию еще в начале

XII в.[29] Датские купцы торговали с Новгородом. В конце XII в., когда бременские монахи проникали в устье Двины, датские королевские пираты нападали на Эстонию[30]. Эстонцы (имевшие сильный флот) отвечали смелыми походами на датское Приморье.

Датчане захватили кусок эстонской земли и на месте древней Линданисе соорудили крепость Ревель. Эстонцы сопротивлялись вторжению; среди убитых врагов был и папский агент, кандидат в эстонские епископы доминиканец Дитрих; в Эстонии же в 1220 г. был убит епископ Карл из Нючепинга[31]. Вмешательство в войну Дании серьезно ухудшало позиции русских в Эстонии, потому что, во-первых, датчане постоянно угрожали северной Эстонии, во-вторых, во всех походах против немецких крестоносцев датская крепость оставалась у них на фланге.

Датские рыцари вели себя в стране эстов не лучше немецких — захватывали земли, порабощали и крестили население. Тех, кто уже был крещен меченосцами, они перекрещивали, а тех, кто принимал крещение у немцев после прихода датчан, вешали как государственных преступников[32]. Ясно, что призыв к крещению язычников был лишь лозунгом грабежа. Датские войска, одолев эстонцев, захватили в 1220 г. всю северную часть их страны; немецкие войска заняли земгальскую крепость Межоте[33]; к 1221 г. епископ был вынужден признать власть Дании над Эстонией и Ливонией[34].

Постепенно стало вновь крепнуть влияние владимиро-суздальских князей в Верхней Руси, что сказалось и на укреплении новгородских вооруженных сил. В 1221 г. князь Юрий Всеволодович отправил русско-литовское войско, которое повоевало окрестности Вендена и Риги[35]. В свою очередь немецкие рыцари впервые совершили набег за р. Нарову, на Ижору, подвластную Новгороду[36].

Наступал решающий этап борьбы. Это понимал и Орден и его союзники, которые все это время поддерживали его не только оружием, но и дипломатически. Папские и имперские пожалования сопутствуют епископу и Ордену в их войне[37]. В 1223 г. датский король Вальдемар II вернул епископу и Ордену «права» на Саккалу и Уганди «с тем, однако,— пишет Генрих,— чтобы они всегда были верны ему и не отказывали его людям в помощи против русских и против язычников»[38]. Это был вынужденный шаг.

Эстонию вновь охватило восстание по призыву жителей о-ва Сааремаа, которые изгнали датских рыцарей. «Самое имя христианства было изгнано» из шести земель (Ляанемаа, Гаррия, Саккала, Вирумаа, Ярвамаа, Уганди), — сетует хронист; «русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали к себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили: некоторых — в Дерпте [Тарту], некоторых — в Феллине [Вильянди], а других — в иных землях, чтобы сражаться против тевтонов...» [39] При этом эсты «разделили с ними [т. е. русскими] коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили». И начались вновь войны «на всем пространстве Эстонии» [40]. Русско-эстонский поход в сторону Риги решающего успеха не принес; кроме того, рыцари сумели разбить эстов на р. Имере, хотя те «сопротивлялись весьма храбро»; затем после полумесячного сопротивления пал Феллин, весь эстонский гарнизон которого был истреблен, а его русских воинов «всех повесили перед замком на страх другим русским» [41].

Все происходившее свидетельствует, что Русь, несмотря на ее раздробленность, была единственной силой, которая могла положить предел вражескому натиску. Не случайно народы, отражавшие его (литовцы, эстонцы, латыши), искали русской помощи [42].

Исторические судьбы Руси сложились так, что именно в это время ей был нанесен первый тяжелый удар с востока, со стороны монгольских захватчиков. Битва на Калке 31 мая 1223 г., в которой были наголову разбиты киевские, галицкие, черниговские, волынские, смоленские и другие полки (см. стр. 283), отразилась и на положении в Прибалтике. Рижские политики рассчитывали, что гибель отборных русских войск облегчит рыцарям победу. Объективно монголы сыграли роль союзников крестоносцев в Прибалтике, так же как они это сделали позднее в Передней Азии. После Калки Рига и Орден перезаключили договор с новым смоленским князем, впрочем, на прежних условиях [43].

Положение Эстонии заметно ухудшилось, и тогда от имени ее нобилей на Русь были отправлены в качестве послов старейшины Саккалы «с деньгами и многими дарами», чтобы «попытаться, не удастся ли [вновь] призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян» [44]. Миссия удалась. Князь Юрий Всеволодович от-

правил осенью 1223 г. в Прибалтику 20-тысячное суздальско-новгородско-псковское войско во главе с Ярославом Всеволодовичем.

Эсты в Тарту встретили русских как освободителей, поднесли князю «большие дары», передали ему пленных рыцарей и захваченное оружие. В Тарту и Отепяа были поставлены гарнизоны. Это войско дошло до датского Ревеля, но не смогло его взять. Борьба с крестоносцами требовала бо́льших сил. Русский отряд в Тарту насчитывал 200 лучников, а возглавил его князь Вячко, которого новгородское правительство снабдило деньгами, видимо, на постройку укреплений. Он управлял Тарту и собирал подати с окружающих областей. Его власть простиралась на большую часть Эстонии[45].

На следующий год епископ Альберт подтянул значительные силы из Германии, а магистр Волквин, поддержанный вассальными отрядами ливов, напал на Тарту. Эстонско-русский гарнизон пал в геройской обороне. Город был сожжен[46]. Это был тяжелый удар по эстонско-русским силам. Последовал новый договор 1224 г. Новгорода и Пскова с Ригой, по которому немецкая сторона подтвердила русские права на Латгалию («а подать, которую те собирали в Толове, возвратили им»); как были урегулированы отношения в Эстонии, хронист не сообщает[47], но международные документы не оставляют сомнений в усиленном нажиме держав-агрессоров на Русь.

Формы его были многообразны — использование сепаратизма местной знати, и светской[48] и духовной[49], при одновременных декларациях о поддержке крестоносцев, вроде манифеста императора Фридриха II от 1224 г. о взятии под немецкую опеку большинства народов восточной Прибалтики[50] или воззвания папской курии «ко всем королям русским» с угрозами Руси и требованием прислать послов, быть в мире с крестоносцами в Прибалтике[51]. Надо иметь в виду, что в эти же годы союзники папы воевали в Галицко-Волынской Руси, его агенты-доминиканцы шныряли в причерноморской степи, а в столице союзной Руси Византии уже 20 лет хозяйничали латиняне.

Политика шантажа и раскола оказывала влияние и на боярских правителей Новгорода и Пскова, готовых ставить свои торговые интересы и пошатнувшиеся сборы прибалтийских даней выше общерусских политических целей. В 1227 г. под руководством папского легата Виль-

гельма Моденского 20-тысячное войско из Риги и с Готланда принудило к подчинению о-в Сааремаа [52]. В том же году датский король был разбит коалицией северогерманских князей при Борнхёведе и власть Ордена временно распространилась на его эстонские владения [53]. Отношения с Русью еще более накалились.

Владимиро-суздальские князья имели представление о международном аспекте происходившей в Прибалтике борьбы. Достаточно сказать, что, продолжая соперничество за гегемонию на Руси, князь Ярослав Всеволодович в 1206 г. пытался занять галицкий стол по соглашению с Венгрией [54], достался же Галич его смоленскому сопернику Мстиславу Удалому, которого в Новгороде посещало посольство союзного краковского князя [55].

Вот почему после успешных походов на Литву и в Финляндию правивший в Новгороде Ярослав Всеволодович привел свои полки и предложил боярскому совету поход на Ригу. Но дело осложнилось тем, что псковское боярство, отказавшись от договора 1224 г., заключило с Ригой особый мирный договор около 1228 г., по условиям которого, во-первых, порывало союз с Новгородом («Новгород выложивъше»), во-вторых, обязалось не вмешиваться в немецко-новгородские войны («то вы, а то новгородци, а нам не надобе»), в-третьих, признавало крестоносцев союзниками в случае нападения новгородцев на Псков («но оже поидуть на нас, тъ вы нам помозите») и, в-четвертых, в знак гарантии договора послало немецкой стороне 40 мужей в заложники («в талбу»). Более того, когда Ярослав стал требовать участия Пскова в походе, псковские власти пригласили к себе «союзный» отряд из немцев, эстов, латгалов и ливов.

Пытаясь оправдать эту политику измены, псковские бояре и купцы в специальной грамоте Новгороду ссылались на неудачи предыдущих походов на Ревель, Венден и Оденпэ и на то, что они не привели к миру и отрицательно отразились на безопасности псковских владений [56]. Воспользовавшись отказом псковских бояр, и Новгород уклонился от похода («мы без своих братьев, псковичей, не пойдем на Ригу»). Не добившись цели, князь увел полки. Был убран из Пскова и иноземный гарнизон.

Отсутствие единой твердой власти на Руси и далее пагубно отражалось на развитии прибалтийского конфликта.

В ближайшие годы Новгородскую землю охватили народные движения, усугубленные неурожаями [57], чем воспользовался суздальский князь, отрезав торговые пути Новгорода на Чернигов [58], Смоленск [59] и Суздальщину [60].

На весну 1229 г. приходится и новый смоленско-немецкий договор, восстанавливающий мир с Ригой и Висби и определяющий порядок русско-немецкой торговли [61]. По поручению князя Мстислава Давыдовича русские послы — поп Еремей и сотский Пантелей — отвезли проект договора в Ригу, где он и был подписан, затем они посетили Висби, где договор был подтвержден. Оставив немецкой стороне русские тексты договора, послы привезли из Риги латинский, а из Висби — немецкий его «противни» (аутентичные экземпляры). Договор — яркое свидетельство международного признания русской правовой мысли. Смоленская земля и союзные ей Полоцк и Витебск сохранили равноправную торговлю с немецкими городами. Видимо, в этих условиях и Новгород пошел на какое-то соглашение с Ригой, ибо в 1231 г. немецкие купцы подвезли морем в голодный Новгород муку и зерно [62].

Но экономически ни Новгород, ни Псков не могли существовать в отрыве от суздальского сельскохозяйственного привоза, и потому в 1232 г. мы вновь видим Ярослава Всеволодовича на новгородском столе. Он столкнулся с немалыми трудностями в своей попытке отстоять прибалтийские владения Руси. Часть псковского боярства была в сговоре с Ригой и Орденом, некоторые бояре со своими дружинами перешли на немецкую службу [63]. Лишь блокировав соляную торговлю Пскова и захватив бывших в Новгороде псковичей (т. е. в первую голову бояр и купцов), князь добился перелома. В ответ на немецкие набеги на Изборск и Тесов он двинул «множество своих полков» на Тарту, город был осажден, окрестности разорены [64]. Немецкое войско было наголову разбито у р. Эмайыги. Немецкая сторона была принуждена в 1234 г. к мирному договору («взя с ними мир на вьсей Правде своей») [65]. Условий его мы не знаем. Новгород и Псков продолжали собирать дань в Латгалии и части Эстонии [66]. Эта победа имела еще одно последствие. Оправившийся от поражения при Борнхёведе король Вальдемар II повел борьбу с Орденом за Эстонию: в 1233 г. его корабли блокировали Любек — главный центр снабжения крестоносцев [67]. Это был удар в спину, и по призыву Ордена папа Григорий IX

(1227—1241) взял под свое покровительство корабли, готовившиеся отплыть из Любека в Ливонию[68]. При участии Вильгельма Моденского датско-немецкий конфликт близился к урегулированию[69]. Победа русских ускорила его.

Рыцарей ожидал еще один удар. Они подчинили на побережье часть земли куршей и земгалов[70], тесно связанных с Литвой, которая, кстати говоря, нередко совершала и в Эстонию походы за данью[71]. Крестоносцы уже не раз сталкивались с литовцами, а в 1236 г., собрав значительные силы, двинулись в глубь Литвы. Они потерпели полное поражение при Шауляй, потеряв в бою магистра Волквина и много войск. Шауляйская битва — крупная веха в борьбе литовского народа за независимость. Ливонские рыцари оказались отброшены к западу от Двины едва ли не к границам 1208 г., а Литва восстановила свое влияние в земле куршей и земгалов.

Битвы на р. Эмайыги и при Шауляй имели важные внешнеполитические последствия для Руси. Чтобы их лучше понять, бросим взгляд на то, что делалось в это время на Висле и в прусско-польском Поморье.

В начале XIII в. возросла мощь Литвы и участились литовские, а также прусские набеги на соседние польские земли (см. стр. 260). Мазовецкий князь Конрад допустил роковой политический просчет, пригласив себе на помощь рыцарей Тевтонского ордена. Этот духовно-рыцарский Орден был основан немцами в 1190 г. в Палестине, где они сражались против арабов в составе войска крестоносцев. Предвидя, однако, неудачный исход этой ближневосточной авантюры, немецкие рыцари с магистром Германом фон Зальца во главе постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент. Тевтоны обзавелись землями в Германии, Италии и других странах, а затем при содействии папства обосновались в Трансильвании (1211 г.), пообещав венгерскому королю воевать с половцами. Что там произошло, мы узнаем позже, важно одно, что к 1225 г. король изгнал тевтонов из Венгрии.

Вскоре после этого по приглашению Конрада они поселились на Висле, обязавшись воевать против пруссов и Литвы с тем условием, что Ордену отойдут захваченные земли. Магистр ловко добился утверждения этого «пожалования» империей и стал действовать на Нижней Висле на правах имперского князя[72]. Папа Григорий IX в свою очередь взял под «опеку» завоеванные Орденом земли

пруссов на условиях уплаты ежегодного чинша[73]. Так обосновались на польской земле злейшие враги польского народа — немецкие крестоносцы.

В то время, когда ливонские рыцари свирепствовали между Двиной и Наровой, их собратья, тесня славян и пруссов, возводили за́мки на Висле — Торн (Торунь), Кульм (Хельмно), Мариенвердер (1233 г.). Папская курия объявила крестовый поход в помощь тевтонам; пользуясь политической раздробленностью Польши и своим влиянием, она сумела привлечь к походу польских мазовецко-куявских князей и соперничавших с ними князей поморских[74]. Феодальные распри среди польских князей помогли Тевтонскому ордену не меньше, чем соперничество между русскими правителями — Ливонскому ордену. Несмотря на мужественное сопротивление пруссов, крестоносцы укрепились на побережье западной Пруссии. Были построены их за́мки Эльбинг (Эльблонг), Бальга (Балк), Христбург (Кишпорк) и др. Первый этап войны завершился подписанием Кишпоркского договора 1249 г., по которому власть Ордена признали Помезания и часть земель Вармии и Натангии[75].

Конечно, такие операции и Ливонского и Прусского (Тевтонского) орденов были возможны только потому, что они получали непрерывную и все возраставшую поддержку крупнейших политических сил католической Европы — империи и папства. Единство целей немецких рыцарей, воевавших в Прибалтике, поражения, понесенные ливонцами в последних битвах, а также новые задачи, которые ставили крестоносцы, готовясь к вторжению в Русь и Литву, вызвали политическое объединение их сил.

В результате длительных переговоров при деятельном участии папской курии[76] весной 1237 г. в папской резиденции Витербо (близ Рима) было достигнуто соглашение об объединении Ордена меченосцев Ливонии с Орденом тевтонов в Пруссии. Магистр меченосцев стал ландмейстером Тевтонского ордена. Осенью этого года в Ливонию прибыл провинциальный магистр Герман фон Балк с первым отрядом тевтонов.

Следом явился и легат Вильгельм Моденский. Ему поручалось реализовать достигнутое в Витербо секретное соглашение между папой и Орденом о передаче датскому королю северной Эстонии и военном союзе с ним. Пере-

говоры тянулись год. Датский король грозил пустить в дело свой флот [77]. Наконец, в королевском лагере Стенби был подписан договор 7 июня 1238 г. По этому договору северная Эстония вновь отходила Дании, но, как знаем из последующего, немецкие рыцари, осевшие здесь на землю, не изгонялись. Договор заключен за счет третьей стороны — это трижды упомянутые земли, «которые должны будут быть приобретены у язычников общими усилиями» и из которых «король получит две части, и братья — третью [часть] со всеми светскими правами и доходами». Под «язычниками» союзники понимали и Русь и подвластные ей земли ижорян, води, карел. Готовилось наступление на Русь, само существование которой порождало тревогу у обосновавшихся на ее границах грабителей. К сожалению, в ту пору еще не было союзного договора между Русью, Литвой и Польшей в защиту их общей независимости [78].

Наконец, для верного суждения о внешнеполитическом положении Верхней Руси надо осветить ее отношения со Швецией и Норвегией.

В начале XIII в. Швеция, пользуясь выгодной политической ситуацией — тем, что Русь была отвлечена обороной своих владений в Эстонии и Латвии,— развернула наступление на Финляндию. Видимо, официального состояния войны не было, ибо торговый договор 1201 г., судя по сообщению 1217 г. о «бесчисленном» товаре в новгородской варяжской церкви [79], продолжал сохранять силу [80].

Наши летописи очень скупо отразили русско-шведские отношения после возобновления мира в 1201 г. Видимо, до общего обострения положения в Прибалтике, вызванного папством и его союзниками после падения Тарту (Дерпта), эти отношения были удовлетворительными, судя по положению в земле финнов. Известно, что в 1227 г. князь Ярослав Всеволодович с новгородским войском привел большой полон из южной Финляндии (Еми) [81]; в том же году он распорядился ввести христианство в Карелии [82]; наконец, в 1228 г. отмечен набег финской еми в ладьях на район Ладоги и Олонца; финны были разбиты новгородцами, ижорянами, карелами [83]. Иностранные источники позволяют ближе присмотреться к этим событиям, не выходившим за пределы подвластной Руси неславянской сферы.

Прежде всего выясняется, что папство относило и Финляндию и Карелию к сфере интересов крестоносцев. В 1209 г. папа писал о жалком положении христианства в Финляндии [84]. Папа Иннокентий III направил сюда английского доминиканца Томаса в качестве нового епископа финнов [85]; его поддерживал Гонорий III, требуя торговой блокады врагов веры, т. е. карел и русских [86]. Поход Ярослава Всеволодовича в 1227 г. вызвал жалобу Томаса [87], и в 1229 г. папа Григорий IX призвал основные торговые центры Прибалтики Линчёпинг (Швеция), Висби, Ригу, Дюнамюнде и Любек под угрозой отлучения не продавать язычникам и союзным им русским, как это делается и относительно арабов, оружия, лошадей, суда, продукты [88]. Не обошел своим вниманием папа и «вотских язычников» [89]. Судя по отчету Томаса папе [90], Швеция мало делала для его поддержки. Папа еще в 1232 г. распорядился, чтобы немецкий Орден защитил Томаса от нападений Руси [91]. Видимо, в эти годы новгородское правительство приняло некоторые меры к восстановлению своих позиций в Финляндии. Такой вывод позволяет сделать содержание буллы Григория IX, отправленной главе шведской церкви архиепископу упсальскому. «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма, — писал папа, — народ, называемый тавастами [т. е. финны], который когда-то большим трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей, возвращен к заблуждению старой веры [т. е. православию] и вместе с некоторыми варварами и с помощью дьявола совершенно уничтожает молодое насаждение церкви божией в Тавастии» [92]. Папа призывал шведских феодалов, жалуя им льготы франкских крестоносцев, с оружием в руках выступить против финнов. «Яростью этих язычников, — сокрушался папа, — владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи бога и апостолического престола» [93]. Видимо, восстание в Финляндии приобрело широкий размах, привело к изгнанию шведских феодалов и к восстановлению политических связей еми с Новгородом.

Из этой буллы следует, что неудачи Швеции в земле финнов папа объяснял вмешательством русских («близких соседей»), причем неудачи были так велики, что про-

возглашался крестовый поход и против финнов, и против русских. Как видим, положение здесь было сходно с тем, что наблюдалось в Эстонии и Латвии. Папская булла, поскольку она основана на информации из Швеции, правильно передает сложившееся при королевском дворе убеждение, что шведские позиции в Финляндии и в Финском заливе не могут быть упрочены до тех пор, пока не будет подчинена земля еми и сама Новгородская земля. Судя по участию финнов в шведском походе на Русь, можно думать, что ему предшествовали шведские военные действия в Финляндии. Упоминание в этом походе Норвегии представляется сомнительным, хотя в начале XIII в. русские поморы, двигаясь из Белого моря, освоили плаванье вдоль Кольского полуострова, где собирали дань с саамов, и появились у побережья Северной Норвегии[94], но русско-норвежские отношения были мирными, а границей была совместная область сбора саамской дани.

Итак, мы видим,что папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь не только с запада, где она содействовала объединению сил Ордена и Дании, но и с севера, поддерживая организацию крупного наступления Швеции. История Верхней Руси сложилась так, что именно в эти годы ей был нанесен второй страшный удар с востока монгольскими завоевателями.

ВОЕННАЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ВЕНГЕРСКО-ПОЛЬСКОЙ КОАЛИЦИИ НА ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКУЮ ЗЕМЛЮ (ДО 1238 г.).

Гибель Романа Мстиславича у Завихоста (1205 г.) привела к распаду созданного при нем политического объединения Юго-Западной Руси и вследствие этого к резкому ухудшению ее внешнеполитического положения. После Романа остались двое малолетних сыновей — Даниил и Василько, опекуншей которых стала их мать княгиня Анна (1205—1219). Княгиню поддерживали та часть волынского боярства, которая была обязана своим

обогащением покойному князю, а также города́, выступавшие за единство, мир и процветание торговли. Княгиня состояла в родстве с венгерским королем Андреем II и краковским князем Лешко[1]. Реальная власть оказалась в руках группировки богатого галицкого боярства во главе с Володиславом Кормиличичем. С претензией на галицкие земли выступили князья суздальские, киевские, черниговские, смоленские.

Княгиня имела встречу с королем Андреем II в Саноке (1205 г.), где он принял княжича Даниила, как «милого сына своего», и дал ему большой гарнизон во главе с палатином Мотом[2]. Но затем по не совсем ясным причинам (может быть, этого хотела Анна, может быть, действовал традиционный галицко-венгерско-суздальский союз[3]) венгерское посольство пригласило из Переяславля Ярослава Всеволодовича[4], а королевские войска ушли[5]. Ярослав опоздал прибыть, галицкие же бояре сочли наиболее выгодным пригласить северских князей — Владимира, Романа и Святослава, которые и заняли столы Галичины и западной Волыни (Галич, Звенигород и Владимир). Княгиня с семьей была вынуждена бежать в Краков ко двору князя Лешко[6]. Началась феодальная война, которая продолжалась 40 лет; она описана нами в другой работе[7], рассмотрим лишь ее внешнеполитический аспект. Лешко принял беглецов «с великой честью» и, видимо, по просьбе Анны отправил в Венгрию посла с княжичем Даниилом и грамотой, в которой предложил Андрею как другу Романа и опекуну его детей[8] выступить совместно и вернуть им княжение («Яз не помянух свады Романовы. Тобе бо друг бе, клялася бо беста, яко оставшю в животе племени его, любовь имети. Ныне же изгнание бысть на них. Ныне же идемь и веземше предаеве им отечьство их»).

Андрей выразил сожаление о случившемся и оставил Даниила при своем дворе. В это же время он включил Галич и Владимир в свой титул[9]. Не дремали и Игоревичи — сидевший в Галиче Владимир отправил в Венгрию и Польшу многие дары. Поход не состоялся: король предпочел не связывать себя с Игоревичами, а Лешко может быть уже раньше был связан с ними[10].

Восточная Волынь (Луцк, Дорогобуж, Шумск), Белзская земля, Пересопница, Туров, Пинск обособились под властью местных князей; причем города перешли к боя-

рам-вотчинникам, которые принялись восстанавливать свои права, ограниченные Романом,— это был «великий мятеж» боярский. Отдельные князья самостоятельно завязывали внешнеполитические союзы — в союз с Краковом вступили Луцк (Ингвар Ярославич выдал свою дочь Гремиславу за Лешко)[11], Пересопница (Мстислав Ярославич) и Владимир (дочь Святослава Игоревича Агафья вышла замуж за мазовецкого князя Конрада). Не удивительно, что Ольговичи скоро пришли в столкновение и между собой и с боярством.

Ослаблением страны не замедлили воспользоваться ее соседи. Венгрия поддержала звенигородского Романа против галицкого Владимира; приведя из Венгрии войско, он занял Галич[12], но сидел в нем непрочно[13] и недолго. Интересно, что папство внимательно следило за событиями и поручило кардиналу Григорию, ведавшему Венгрией, провести унию на Руси, но толку тогда не вышло[14], а в 1210 г. король послал войско палатина Бенедикта Бора, который с помощью провенгерской группировки бояр Володислава Кормиличича и других захватил князя Романа, «в бани мыющася», и завладел Галичем[15].

На Волынь вторглись польские войска краковского князя Лешко и мазовецкого Конрада, поддержанные князьями Луцка, Белза и Пересопницы — во Владимире сел их ставленник белзский князь.

В создавшихся условиях крупной силой, способной помочь восстановлению единства и независимости страны, показали себя города и их ополчения («вои»). По мере развития феодальной усобицы торгово-ремесленные «мужи градские» все энергичнее выдвигали в качестве законных князей сыновей Романа Мстиславича. По требованию послов г. Берестья краковский князь передал этот город Романовичам, которые, таким образом, получили возможность начать «собирание» своей волынской «полуотчины». Воспользовавшись противоречиями в среде князей, Анна добилась от Кракова передачи ее сыну и Белза[16].

Политическое положение в стране было крайне неустойчиво. В Галичине режим венгерской оккупации, экономическое и религиозное притеснение жителей иностранными феодалами вызвали отпор. Летопись говорит, что палатин Бор «бе томитель боярам и гражаном» и духовенству. Используя народное недовольство, черниго-

ские князья, выбравшись из венгерского и польского плена, в 1211 г. возглавили движение, приведшее к изгнанию венгерских войск из Галичины. Игоревичи вновь заняли княжеские столы с той лишь разницей, что Святослав получил Перемышль (взамен утраченного Владимира), а Изяслав, сын Владимира, занял Теребовль[17]. Стремясь обезопасить себя, князья казнили 500 «великих» галицких бояр, а многих изгнали: в числе укрывшихся в Венгрии были бояре Володислав, Судислав Бернатович и др.[18] Имущество казненных и бежавших князья роздали своим сторонникам. Стараясь избегнуть венгерского вмешательства, Владимир Игоревич отправил к королю посла с дарами[19], но это не помогло.

Изгнанные бояре получили от Андрея II сильное войско, с ними по их просьбе был отпущен и десятилетний князь Даниил как законный «отчич» Галича. С ним надеялись склонить на свою сторону горожан. Венгерское войско было очень велико, и во главе его стоял Пот — «великий дворский» короля; летописец перечислил имена еще семи воевод, некоторые из них уже побывали в Галиче с воеводой Бором. Венгерские и боярские силы заняли Перемышль (1211 г.), который с этой поры стал центром боярского сепаратизма, сломили сопротивление Звенигорода (местные горожане «люто» сопротивлялись) и, наконец, вошли в Галич, где провозгласили Даниила номинальным князем. В последнем акте участвовали и подоспевшие волынские бояре и польское войско Сулислава, будущего сандомирского кастеляна, с которым прибыла и княгиня Анна[20]. Тогда же боярские вожаки выкупили за большие деньги из венгерского плена и «мьсти ради» повесили двух князей Игоревичей[21]. Этот необычный в древнерусской истории факт свидетельствует о большой силе галицкого боярства и об ожесточенности борьбы групп внутри господствующего класса.

Бояре, достигнув цели, собирались править в Галичине по своему усмотрению при малолетнем князе и сохранении номинальной зависимости от Венгрии. Галицкие бояре подолгу живали при венгерском дворе, одни из них (как Володислав) имели в Венгрии пожалованные земли[22], другие (как Судислав) породнились с венгерской знатью[23]; это давние связи, ибо некоторые бояре носили явно католические отчества — Володислав Витович, Юрий Витанович и др.[24] На этот раз бояре столкнулись с кня-

гиней Анной, которая, оказывается, «хотяща бо княжити сама»[25]. Предприимчивая княгиня, имея поддержку части волынского боярства, вновь прибегла к помощи Венгрии. Король Андрей II привел свои войска, пришли под Галич и волынские полки. Галич был занят, сторонники боярского самовластья схвачены, часть их имущества конфискована и, вероятно, пошла на уплату королю за военную помощь. Боярин Володислав был увезен в Венгрию. Однако княгиня не смогла удержать галицкого стола, где фактическая власть оставалась у боярства. Вместе с Даниилом она бежала в Венгрию, а боярин Мирослав отвез Василько в Белз. Вскоре мы видим короля Андрея II опять в походе на Галич; при нем боярин Володислав и какие-то чешские наемники. По дороге король неожиданно получил известие о мятеже придворной знати, о гибели своей супруги Гертруды, которой, уходя, оставил власть, и воротился в Венгрию[26]. Боярские войска и чешские наемники продолжили поход без него: боярин Володислав вступил в Галич, где вокняжился и «седе на столе» (1213 г.) — факт для русского средневековья необычный.

Между тем на Волыни продолжала укрепляться власть Романовичей. Краковский князь Лешко, обладая меньшими силами, чем венгерский король, постоянно заботился о союзниках среди волынских бояр и мелких князей. Но опыт прошедших лет показал местному боярству и городам, что выход надо искать в упрочении политического единства, следствием чего стал отход волынских бояр от польского князя.

Вот почему, когда Лешко, держась союза с сидевшим во Владимире белзским князем, решил вернуть тому Белз, прежде данный Романовичам, то, говорит летописец, бояре «не изневерились», а пошли все с князем Василько в Каменец[27]. Сюда же приехала из Венгрии и княгиня Анна с Даниилом. Любопытно, что, ведя борьбу за Волынь, Романовичи пользовались поддержкой черниговского великого князя Всеволода Святославича[28]. Причин этому я пока не нахожу. Рост политического влияния князя Даниила на Волыни летописец объясняет тем, что были его «вои» многочисленны и сильны потому, что великие бояре покойного Романа остались ему верны. Что касается Лешко, то попытка его самостоятельно проникнуть в Галич кончилась неудачей; тогда же княгиня Ан-

на добилась у него передачи сыновьям Тихомля и Перемиля, бывших прежде у белзского князя; попытка Лешко вызвала вооруженное выступление и Венгрии против него[29]. Тогда Лешко направил краковского воеводу Пакослава к Андрею II с предложением: «Не есть лепо боярину княжити в Галичи, но поими дщерь мою за сына своего Коломана и посади и [т. е. его] в Галичи»[30]. Это было предложение о совместном подчинении Галичины. Мысль королю понравилась. В 1214 г. на свидании в Сепеше (Спиши) король Андрей II и краковский князь Лешко Белый заключили договор о завоевании и разделе Галицкой земли. Трехлетняя дочь Лешко была обручена с пятилетним Кальманом. Силой венгерско-польских полков уже известного нам воеводы Бенедикта Бора Кальман был посажен в Галиче; западная часть Галичины с Перемышлем и Любачевом отошла под власть краковского князя. Боярин Володислав кончил свои дни в галицкой темнице. О Волыни в этом сообщении летописи ничего не говорится, хотя известно, что там польский князь захватил Забужские земли (с городами Берестье, Угровск, Верещин, Столпье, Комов и «всей украиной»[31]). Договор в Сепеше (Спиши) — свидетельство перехода двух правительств от политики замаскированных вторжений к открытому дележу страны. В то же время княгиня Анна, пользуясь своими связями при краковском дворе, в частности содействием кастеляна Пакослава, вновь добилась получения от Лешко города Владимира.

Стремясь упрочить свое господство в Галичине, король Андрей обратился к папе Иннокентию III с просьбой поручить эстергомскому архиепископу Иоанну короновать Кальмана и укрепить его положение церковной унией. Таким образом, и в Юго-Западной Руси лозунги католической церкви были выдвинуты для оправдания агрессии. «Надлежит знать вашей святости,— писал король,— что вельможи и народ Галиции покорно молят нас, чтобы мы поставили над ними королем нашего сына Кальмана, что намерены и впредь оставаться в единении со святой римской церковью и в послушании ей, притом, однако, что будет дозволено им в ином от своего собственного [греческого] обряда не отступать»[32].

В 1215 г. Кальман был коронован[33]. Завоеватели чинили грабеж в стране и преследовали веру, о чем читаем в киевской летописи: «Король угорский посади сына сво-

его в Галиче, а епископа и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латинские на службу»[34]. Однако народ опрокинул расчеты папы и короля. В том же году началось восстание против преступной политики бояр и грабежа захватчиков. Оно приняло такой размах, что король отправил обратно присланного папой легата, который привез разрешение на коронацию и должен был сопровождать русских епископов на Латеранский собор. С пути на Русь, куда он в который раз вел войско, король ответил папе, что благодарит его за разрешение, и добавил: «Галицкий народ не только выступил против своего короля, нарушил присягу, но и, собрав войско от соседних русских, обложил галицкий замок, где пребывал наш сын с малым гарнизоном». Король просил папу побудить и Лешко выступить на «защиту» Галича; он обещал, если удастся, сам послать епископов на собор и подтверждал желание получить золотую корону для Кальмана, чтобы с помощью этой регалии привлечь подданных[35]. Это был горький дар Андрея папе к Латеранскому собору. Лешко уклонился от помощи королю, вследствие чего тот отобрал у него галицкие владения. Тогда Лешко вспомнил о старом союзе со смоленско-киевской коалицией и направил послов в Новгород, зовя на галицкий стол своего дядю Мстислава Удалого[36].

К этому времени сложилась внешнеполитическая обстановка, благоприятная для Руси. Внутри Польши в 1216—1218 гг. вспыхнула борьба двух группировок князей, когда Лешко (Краков), Конрад (Мазовия), князья малопольские и мазовецко-куявские столкнулись с великопольскими — причем Владислав Одонович и отчасти Генрих Бородатый (Вроцлав) выступали против Владислава Ласконогого[37]. Венгерский король в 1217—1218 гг. был отвлечен от русских дел крестовым походом на арабов в Палестину[38]. Война в Галичине продолжалась несколько лет. С помощью войск киевского князя Владимира Рюриковича Мстислав Удалой разбил наголову венгерские полки и бывших с ними чешских наемников[39] и к 1219 г. окончательно овладел Галицким княжеством. Воевода Бенедикт вместе с королевичем и боярином Судиславом (видимо, канцлером при Кальмане) бежали в Венгрию.

В годы княжения Мстислава Удалого в Галичине (1219—1228) князьям Романовичам пришлось временно

забыть о своих правах на нее, сосредоточившись на объединении Волыни. Этому содействовало заключение мирного договора 1219 г. с союзом литовских князей [40], которых, так же как и пруссов, удалось использовать против Польши, что не замедлило найти отклик и в польских и в чешских хрониках [41]. Мстислав Удалой не был дальновидным политиком, основывая свою власть на вооруженной силе, главной составной частью которой были половцы его тестя хана Котяна, и не сумел ограничить самовластья бояр, ставших по существу орудием в руках иностранных держав. Сперва Мстислав, связанный соглашением с Краковом, не вмешивался в волынско-польские дела. Это не помешало князю Даниилу направить свои войска за Буг и освободить Берестейщину, забужские земли и «всю украину», оттеснив поляков за р. Вепрь [42]. В Берестье вокняжился Василько Романович.

Краковский князь решил тогда возобновить союз с Венгрией даже ценой отказа от западной Галичины. В его грамоте Андрею говорилось: «Не хочю части в Галичи, но дай его зятю моему» [43]. Король поддержал предложение. Новое выступление венгерско-польских сил против Галичины обнаружило непрочность здесь власти Удалого, что особенно верно относительно «горной страны Перемышльской», где хозяйничали бояре. После упорных битв Мстислав Удалой, несмотря на помощь киевских («русских»), черниговских и волынских отрядов, потерял и Перемышль и Галич. На совете Удалого с Даниилом было решено привлечь к делу хана Котяна.

Галич вновь попал в венгерские руки, здесь опять был посажен Кальман, а венгерско-польским гарнизоном ведал палатин Филий, зять галицкого боярина Судислава. Этот воевода оставил след в летописи своими самонадеянными заявлениями о том, что острого меча и резвого коня с лихвой хватит для владения Русью («острый мечю, борзый коню — многая Руси»), и о том, что «един камень много горньцев [т. е. горшков] избиваеть» [44]. Воодушевленный такими мыслями, он направил свою рать на Волынь. Любопытно, что как прежде на Волыни, так теперь и в Галичине часть боярства отказалась следовать воле иноземной власти — не все бояре пошли в поход — «иные разбегошася» [45]. Из Польши свои полки пододвинул к Щекареву Лешко, чьим союзником опять стал белзский князь Александр [46]. Этой группировке противостояла

Волынь, союзная половцам хана Котяна, Литве[47] и пруссам[48]. Лешко, опасаясь проиграть, задумал пригласить князя Даниила на мирные переговоры с целью схватить его, но тут стал вырисовываться новый положительный момент предпринятых ранее дипломатических усилий. Страдая от литовских набегов, Конрад, князь Мазовии, стал искать сближения с Волынью: он выступил посредником в краковско-волынских переговорах, он же предупредил Даниила о вероломстве Лешко[49]. Впрочем, подобное вероломство — довольно распространенное явление в дипломатической практике средних веков.

В это время половецкие союзники Удалого ворвались в Галичину, венгры были разбиты, Кальман и Филий попали в плен. Победе Удалого помогли горожане Галича; по-видимому, они, как и в 1215 г., восстали, так как венгры в них «стреляли и метали камни». Поднялось и крестьянство, истребляя отступавшего врага: летописец прямо говорит, что остальные венгры были перебиты смердами[50]. Народное движение горожан и смердов опрокинуло очередную попытку феодалов Венгрии и Польши утвердиться на Руси. Мстислав вновь стал княжить в Галиче[51]. После долгих переговоров[52] в 1221 г. был заключен с Венгрией мирный договор, согласно которому, во-первых, Галич переходил Мстиславу, во-вторых, дочь Мстислава обручалась с королевичем Андреем, сыном Андрея II, в-третьих, Кальмана выпускали из плена, наконец, по смерти Удалого Галич переходил его венгерскому зятю. На этом договоре чувствуется явное влияние провенгерской группировки галицких бояр.

Король Андрей II видел в договоре средство выиграть время. Он не мог тогда проводить наступательной политики, будучи занят борьбой с собственной знатью, которой он, наконец, в 1222 г. даровал «золотую буллу», сильно ослабившую королевскую власть. Донимали короля и распри с Тевтонским орденом и папством. Впрочем, папа по просьбе Андрея уже в 1222 г. освободил его от присяги Удалому относительно пункта договора о переходе прав на Галич от Кальмана на Андрея-младшего. Папа ссылался на то, что Кальман был коронован с санкции курии и что защита его прав предусмотрена венгерско-польским договором, т. е. что новый договор противоречит Сепешскому; освобождал и от обязательств по поводу брака Андрея до поры, пока тот достигнет совершенноле-

тия[53]. В 1222 г. князь Даниил одержал еще одну дипломатическую победу, понудив краковского князя Лешко заключить с Волынью мирный договор. По условиям его Лешко отказался от воссоединенных Даниилом земель и от поддержки белзского князя («отступи Лестько от Олександра»). Этот договор вырабатывали Держислав Абрамович и Флориан Войцехович по поручению польской стороны и тысяцкий Демьян — русской[54].

Вторжение монгольских полчищ и поражение на Калке весьма отрицательно сказались и на положении Нижней Руси, тем более что и Мстислав и Даниил и другие галицко-волынские князья были ее деятельными участниками («галичане и волынци кийждо со своими князи»); привлекли они и галицких «выгонцев», т. е. южнорусских ушкуйников северного Причерноморья, населявших междуречье Днестра и Дуная; те выставили 1000 ладей, т. е. около 40 тыс. воинов[55].

Поражение на Калке должно было на время ослабить не только военную силу волынских и галицких князей, но и их союзников — князей Киева, Смоленска, Чернигова и поднепровской орды хана Котяна. Нарушился и внутренний мир, когда Мстислав Удалой при поддержке Киева, Белза и половцев Котяна вздумал воевать Волынь. Даниил Романович противопоставил ему союз с Краковом[56], и в результате на переговорах в Перемиле восстановился мир (1225 г.)[57]. Однако за время конфликта галицкое боярство добилось от Мстислава действий, направленных к реализации условий русско-венгерского договора 1221 г.: состоялось обручение королевича Андрея с Марией Мстиславной, и тогда же Удалой дал зятю в вассальное «держанье» Перемышль — важный город и крупный боярский центр[58].

Ошибочный шаг Удалого привел к тяжелым последствиям. Уже в следующем, 1226 г. королевич бежал в Венгрию, откуда на Русь двинулось большое войско, сопровождаемое дружинами некоторых галицких бояр. Оно прошло Перемышль, заняло Звенигород и направилось к Галичу, которого взять не смогло. Тогда в ход был опять пущен Сепешский договор, и Лешко прислал малопольское подкрепление с воеводой Пакославом. Союзники овладели Теребовлем, Тихомлем, потерпели неудачу под Кременцом и, наконец, были наголову разбиты при отступлении к Звенигороду войсками Удалого, после чего, по

насмешливому замечанию летописца, венгерский полководец «смятеся умом и поиде из земле борзо». Волынские князья Даниил и Василько, поддерживая Мстислава, помешали Лешко двинуться с войском на помощь венграм[59]. Таков итог еще одной подготовленной галицким боярством интервенции. Народ там, где его не предавали (например, в Кременце), сражался и побеждал.

Действия и симпатии народа обеспечили победу Удалому, но его боярская политика не менялась. И на этот раз, уступая давлению боярства и его нового руководителя Судислава, князь отказался от преследования разбитого противника. Прошло немного времени, и то же боярство потребовало, чтобы Мстислав уступил королевичу Галич («княже, дай дщерь свою обрученную за королевича и дай ему Галич, не можешь бо держати сам, а бояре не хотять тебе»)[60]. Оставив и Галич и дочь, Мстислав уехал в Понизье, в Торческ, где вскоре и умер (1228 г.). Интересно, что Киев (Владимир Рюрикович) и Чернигов (Михаил Всеволодович, внук Казимира Справедливого) остались в союзе с его зятем — королевичем Андреем. Видимо, в это время не сохраняли силы традиционные галицко-суздальская и волынско-смоленская коалиции.

На Волыни события развивались благоприятно для Романовичей. На их сторону перешел центр восточной Волыни Луцк («предашася лучане»)[61], тогда же была занята Пересопница, у пинских князей отобран Черторыйск, а сами они попали в зависимость от Волыни[62].

Внешнеполитические отношения улучшались. Сохранялся союз с Литвой. Окрепли отношения с Польшей. Мы видели, что дипломатические связи с Малой Польшей и ее князем Лешко складывались трудно. 23 ноября 1227 г. краковский князь был убит, как замечено в летописи, по сговору неверных бояр[63] на встрече со Святополком, поморским князем, и его союзником Владиславом Одоновичем, у которого он пытался отнять г. Накло. Как отнесся князь Даниил к гибели Лешко, мы не знаем, но на следующий год его союз со Святополком был, кажется, скреплен браком поморского князя с Саломеей Даниловной[64].

Понятно, что мазовецкий князь Конрад, имея соседями Волынь и союзные ей Литву и Поморское княжество, должен был искать дружбы Даниила Романовича. Он уже раньше старался помирить Русь с Малой Польшей; в то

время как Лешко помогал Венгрии, он сохранял нейтралитет. Конрад и лично был связан с Русью как сын княгини Елены, дочери смоленско-киевского Ростислава Мстиславича, и как муж Агафьи Святославны.

После смерти Лешко началась борьба за великокняжеский краковский стол. Конрад, участвуя в ней, еще больше сблизился с волынскими князьями (он «прия» их «в великую любовь»)[65]. Лешко оставил свою жену Гремиславу Ингваровну опекуншей Болеслава Стыдливого; по договору он поручил опеку над ними Владиславу Ласконогому (Великая Польша), чьим соперником был Владислав Одонович. Гремислава, перебравшись в Сандомир, защищала права сына на Краков, используя помощь Генриха Бородатого. Она же продолжала сохранять союз с Даниилом Романовичем даже и после того, как тот занял Луцк, где взял в плен ее брата Ярослава Ингваровича. Когда Даниил, воюя против князей Киева и Чернигова, обратился к ней за помощью, она послала ему отряд воеводы Пакослава[66]. Вероятно, поэтому Ярослав Ингварович был освобожден Даниилом из плена и получил в держанье Перемиль[67]. Словом, произошли разительные перемены; можно сказать, что Волынь и Польша вновь поменялись ролями.

Конрад, мазовецкий князь, правильно считая, что как брат покойного Лешко он имеет на Краков прав во всяком случае больше, чем Генрих Бородатый, захватил последнего в плен (1229 г.)[68], но победой воспользовался Владислав Ласконогий, который разбил Владислава Одоновича и сел княжить в Кракове.

Тогда Конрад обратился за содействием на Волынь[69]. Даниил Романович выступил с войском ему на помощь. Польский поход протекал успешно: в северной Сандомирщине войско Даниила и Василько встретилось с силами сандомирского воеводы Пакослава и вислицкого кастеляна Мстивоя. Союзники перешли реки Варту и Просну, осадили Калиш, совершая рейды вплоть до Старграда; в Силезии они взяли Милич и повоевали окрестности Вроцлава.

Город Калиш сдался войску Даниила, дав князю выкуп за пленных (за «многу челядь и боярыне»)[70]. К прекращению войны князя Даниила склоняли сандомирские паны во главе с Пакославом, который позднее жил при дворе волынского князя. Поход закончился, вероятно,

в 1230 г. Тогда же был подписан новый русско-польский договор, из которого летописец сохранил лишь один любопытный пункт о взаимном отказе от убийства и угона в плен челяди в случае вооруженных конфликтов. Вот как звучит статья этого договора, подтверждающая справедливость наблюдения о возрастающей стоимости рабочих рук в феодальном хозяйстве и свидетельствующая о первой попытке внести подобного рода сюжет в международное право: «Створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще по семь коли будеть межи ими усобица, [то] не воевати Ляхом руское челяди, ни Руси лядьской»[71]. Можно думать, что статья (одна из случайно уцелевших от более обширного договора) внесена польской стороной, ибо в другом месте летописи отмечено, что был у поляков закон «челяди не имати, ни бити, но лупяхуть»[72] — значит, разрешалось челядь только грабить, но не убивать или угонять.

В итоге этой войны Конрад принудил Гремиславу уступить Краков его сыну Болеславу, вытеснив княгиню в Вислицу, чему не смог помешать Владислав Ласконогий[73]. Позднее, в 1234 г., Конрад признал права Болеслава Стыдливого на Краков, оставив за собой лишь часть Сандомирщины. Бесспорно, договор 1230 г. укрепил волынско-польские отношения. Современники — и составитель холмской летописи, и описавший польский поход боярин Мирослав — высоко оценивали его результаты: «Внидоста со славою в землю свою, — читаем запись о Романовичах, — иный бо князь не входил в землю Лядску толь глубоко, проче Володимера Великого».

Участие Руси в борьбе за польский великокняжеский стол, разумеется, не укрылось от внимания римской курии. Толкая польских князей на сотрудничество с Тевтонским орденом в Поморье, она всячески стремилась помешать польско-русскому сближению. Курия запрещала полякам браки с русскими[74], приглашение русских князей на помощь[75], следила за эмиграцией из Польши на Русь[76], наблюдала, чтобы латиняне, проживавшие в русских землях (а такие имелись, особенно в забужской «украине»), не утрачивали своей веры[77] и т. д.

Более того, курия пыталась активизировать свою деятельность внутри Нижней Руси. Возник проект основания католического епископства для Руси. Он изложен в булле папы доминиканскому провинциалу в Польше.

Видимо, в этой связи при цистерцианском монастыре в Опатове было создано епископство in partibus для Руси и его глава Герард числился «епископом русским для местных [т. е. живущих на Руси] католиков». Но князь Генрих Бородатый вскоре присоединил эту кафедру вместе с ее бенефициями к любушской[78], которая располагалась далеко от Руси, но почему-то давно считала себя епископством in partibus для Руси. Впрочем, любушские деятели признавали сами, что фактически епископских прав на Руси они не осуществляли «по причине обширности сей земли, вероломства ее князей и злобы обитателей»[79]. Попытки курии вызывали отпор, тем более что на это время падает активизация папской доминиканской агентуры и на Руси[80] и в Половецкой земле (см. стр. 267). Киевский князь Владимир Рюрикович изгнал около 1233 г. папских агентов из Киева[81], где они сосредоточивались в монастыре Марии на Копыревском конце; в ответ папа Григорий IX издал охранную грамоту Ульриху, олдермену латинских купцов в Киеве, поручив опеку над проживавшими в Киеве католиками сандомирскому капитулу[82].

Даниилу было необходимо урегулировать отношения с князьями на Руси: в 1229 г. киево-черниговская коалиция, используя помощь турово-пинских, чернорусских (новогродских) князей и хана Котяна, начала поход на Волынь. Князь Даниил осуществил умелый демарш, перекупив Котяна (через посла Павла он передал хану: «Отче, измяти войну сию, приими мя в любовь собе»), получив военную помощь Кракова и использовав стремление киевского митрополита Кирилла погасить войну[83], ничего хорошего не сулившую церковному фиску, тогда как в Галичине его права были под ударом. Поход волынских сил к Киеву закончился примирением и съездом великих князей владимиро-суздальского (Юрий Всеволодович), черниговского (Михаил Всеволодович), волынского (Василько Романович) и киевского князя Владимира Рюриковича. В связи с политическим возрождением Волыни князья возобновили общерусские отношения между собой, а также совещались касательно Киева и Новгорода[84]. Соглашение было упрочено династическими связями[85]. Вероятно, обсуждался на этом съезде и венгерский вопрос, но единства мнений достичь не удалось. И после общерусского съезда 1231 г. в Киеве черниговский князь

продолжал держаться союза с Венгрией и Малой Польшей. Во всяком случае Волынь заручилась поддержкой Киева и дружественным нейтралитетом Владимиро-Суздальской земли.

При таких условиях волынские князья начали борьбу за освобождение Галичины, где сидел королевич Андрей, а фактическую власть осуществлял боярин Судислав Бернатович. У князя Даниила были прочные связи с городским патрициатом страны, поддерживали его и горожане Галича. В 1230 г. он получил от них такое послание: «Судислав шел есть во Понизье, а королевич в Галичи остал, а поиди борже [т. е. борзо, быстро]» [86]. Князь привел большое ополчение и с помощью горожан занял Галич, захватив в плен и королевича Андрея и Судислава. Когда венгерские пленные, а с ними и Судислав покидали Галич, то горожане бросали в боярина каменья с криками: «Изыди из града, мятежниче земли!» [87]

Занятие Галича явилось лишь началом борьбы. Используя ресурсы бывшей в их руках «горной страны Перемышльской», поддержку болоховского боярства восточной Галичины, а также помощь Венгрии, бояре с венгерским войском сына и соправителя Андрея II — младшего короля Белы двинулись на Галич. С Белой шла и половецкая рать, вероятно с территории созданного папством «Половецкого епископства». При поддержке Польши (какой ее части — не знаем) и хана Котяна это войско было разбито, а сверх того понесло огромный урон от эпидемии; оставляя «люди за собою оружники [пехоту] многи и фаревники [т. е. конницу]», разрозненные отряды неприятеля истреблялись жителями городов («нападшим на не гражаном мнозим»), и лишь немногим удалось добраться до Карпатских проходов [88]. Очередное наступление Венгрии сорвалось. Стараясь подорвать силу галицких бояр, князь Даниил проводил широкую конфискацию их земель в Понизье и других местах, руководствуясь формулой Романа Мстиславича [89], которую провозгласил на галицком вече сотский Микула: «Господине, не погнетши пчел, меду не едать» [90]. Перераспределяя собственность, князь укреплял служилое боярство и дружбу с городами Но и крамольные бояре не теряли времени, интригуя при венгерском дворе. Вот почему, когда Даниил направил рать к Перемышлю, на стороне бояр оказалось большое

венгерское войско, предводимое королем Андреем II и его сыновьями Белой и Андреем.

Уместно спросить, чего искало венгерское правительство на Руси? Для этого надо вспомнить, что участие в крестовых походах в Переднюю Азию и на Балканы подорвало венгерские финансы. В конце концов Андрей II задолжал даже церкви, которой под давлением папства дал большие льготы [91].

Видимо, король рассчитывал изыскать в русских походах те средства, которые истратил в походах арабских и балканских.

Успеху короля содействовали боярские измены: сторонники Судислава сдали сильную крепость Ярослав (жители которой успешно оборонялись и нанесли большой урон противнику) [92]; «предались» королю и бояре Галича. Посадив здесь вновь Андрея, королевские войска понудили воеводу Мирослава, оборонявшего Владимир, уступить им Белз и Червен. Так из-за боярских измен к 1232 г. восстановилось прежнее положение: Галичина осталась в руках венгерских феодалов. Более того, действуя, видимо, в контакте с Черниговом, королевич Андрей с сильным войском вторгся в восточную Волынь (1233 г.) [93]. Князь Даниил выступил против него, поддержанный Киевом и ханом Котяном, попытка привлечь на свою сторону Смоленск не удалась: Изяслав Мстиславич и в прошлом бывал союзен Венгрии и теперь, поколебавшись, примкнул к венгерско-черниговской группировке [94]. Это объяснимо, если вспомнить, что Смоленск оставался во вражде и с суздальскими князьями. Как видим, борьба княжеских группировок в Нижней Руси имела не менее пагубное влияние на внешнюю политику, чем в Верхней.

На этот раз горожане тоже решили исход дела. Хотя Михаил Всеволодович оттеснил киевско-половецкую рать к югу, все же князь Даниил сумел вторично овладеть Галичем: когда он подступил к городу, его встретила «большая половина», т. е. посадские люди, а также часть бояр (Доброслав Судьич и другие), занявших более гибкую позицию. При поддержке галичан после семинедельной осады была взята цитадель, где укрылись венгерский воевода Дионисий, королевич Андрей, вскоре здесь умерший, боярин Судислав Бернатович и их сторонники (1233 г.) [95]. Король не мог их поддержать, занятый войной с Австри-

ей[96]. Успех волынско-киевского союза был скреплен новым договором князей Даниила и Владимира о «братстве» и «великой любви»[97].

Однако успешный исход войны был сведен на нет черниговско-смоленско-половецким выступлением против Волыни и поражением волынско-киевских войск: преданные боярами киевский князь Владимир и волынский воевода Мирослав попали в половецкий плен под Торческом[98]. Черниговский князь Михаил Всеволодович отобрал Киев у вернувшегося из плена Владимира и передал его своему смоленскому союзнику Изяславу Мстиславичу[99], а следом — вступил и в Галич, где оставил княжить своего сына. Это апогей успеха черниговской политики, поддержанной частью половцев, а также Венгрией и Мазовией. Чтобы противостоять этому союзу, Даниил Романович предпринял ряд дипломатических шагов на Руси, среди ее вассалов и за рубежом. Он, должно быть, еще раз перекупил половцев, которые вышли из игры[100]. Часть боярских (болоховских) союзников Чернигова была разбита Владимиром Рюриковичем, который на короткий срок возвратился в Киев. Против Чернигова выступил и третий великий князь: в 1235 г. суздальский Ярослав Всеволодович, может быть с согласия Волыни[101], отобрал Киев у Владимира. Все же и он не мог удержать древнюю столицу: монгольские рати двигались к суздальской границе. Киев опять попал в руки Михаила Всеволодовича[102].

Соединение в одних руках Чернигова, Киева и Галича едва ли соответствовало видам Венгрии, и князь Даниил тогда завязал с ней, а также с Австрией переговоры с целью добиться невмешательства короля в волынско-черниговский конфликт. Может быть, еще в 1235 г. Даниил начал переговоры с австрийским Фридрихом II, если допустить, что именно черниговских послов с подарками императору перехватил в Вене герцог Бабенберг[103]. Напомним, что союзная Руси Никейская империя в эти годы искала сближения с Германией. Даниил ездил в Венгрию сразу же после оставления Галича[104] и участвовал в церемонии коронации Белы IV в Секешфехерваре в октябре 1235 г.; он вел королевского коня, а бывший галицкий король Кальман нес меч[105]. Этот дружественный шаг князь Даниил сочетал с политикой какой-то помощи Австрии, герцогу Фридриху Воинственному Бабенбергу, бывшему тогда во вражде с Германией. Это могло произойти в конце

1236 — начале 1237 г., когда, по словам летописи, «пошел бяше Фридрих цесарь [т. е. Гогенштауфен] на герцыка войною». Фридрих II завоевал Штирию и Австрию в конце 1236 г. и в январе был в Вене. Дипломатическое давление Венгрии заставило Даниила отказаться от намерения помочь Австрии. О дипломатической активности волынского двора свидетельствует и визит Романовичей к венгерскому королю «на честь» [106]. Вероятно, возможно и другое толкование фактов, но занятие после смерти Фридриха Бабенберга австрийского престола Романом, сыном князя Даниила (1252 г.) [107], трудно объяснимо без какой-то предшествующей русско-австрийской традиции. Как бы то ни было, венгерский король вплоть до окончания монгольского нашествия на Европу не вмешивался в галицкие дела [108].

Отношения с Мазовией ухудшились, когда Конрад неожиданно [109] попытался порвать с Русью и заключить союз с Тевтонским орденом, который сулил ему защиту от пруссов и Литвы. Конрад, кроме того, привлек на службу отряд меченосцев во главе с Бруно, обосновавшийся в Добжини [110]. Возродив старый план подчинения Полесья, Конрад пожаловал добжиньцам русский город Дорогичин, которым не владел [111], а сам попытался занять Червен.

Из Червена он был выбит, потеряв немало бояр, волынскими войсками [112]; решительно пресек князь Даниил и попытку немецких рыцарей проникнуть в Юго-Западную Русь: «Не лепо есть держати нашее отчины крижевником [т. е. крестоносцам] тепличемь [т. е. темплиерам], рекомым соломоничем». Русское войско разбило рыцарей, в плен попал и Бруно [113]. Дорогичин был освобожден. Это событие нетрудно поставить в один ряд с битвой у р. Эмайыги 1234 г. и Шауляйской битвой 1236 г. После изгнания рыцарей князь Даниил использовал против Мазовии дружественную Литву и заставил Конрада восстановить союзные отношения.

После такой дипломатической подготовки князь Даниил начал решительную борьбу с Черниговом. Михаил Всеволодович, распространив свою власть на всю Галичину [114], включая и Перемышль [115], отправил сына Ростислава в поход на Литву, союзную Волыни. Это стоило ему галицкого стола. Князь Даниил обошел противника и подступил с войском к Галичу. Связи с горожанами принесли свои плоды и на этот раз: «мужи градские» вопреки воле

служивших черниговскому князю[116] дворского Григория Васильевича и епископа Артемия открыли городские ворота Даниилу. Он в третий раз овладел Галичем. Ростислав Михайлович, узнав об этом, прямо с литовского похода бежал в Венгрию[117]. Объединив Галицко-Волынскую Русь (1238 г.), князь Даниил предъявил свои требования на Киев. Приближались монгольские рати. Черниговский Михаил Всеволодович, отобрав Киев у суздальского Ярослава Всеволодовича, продержался здесь недолго и бежал «перед татары»[118]. В Киев вернулся Владимир Рюрикович, но вскоре умер[119]. Появился тут было и смоленский Ростислав Мстиславич, однако его изгнал князь Даниил, который оставил в Киеве, вероятно с княжеским гарнизоном, своего наместника боярина Дмитра[120]. Наконец, в 1239 г. здесь, на юге, еще раз оказался Ярослав Всеволодович (может быть, в поисках убежища от татар); он занял Каменец, захватив жену черниговского Михаила Всеволодовича, сестру Даниила Романовича, с которым, впрочем, помирился[121]. Как видим, среди великих князей Руси не было единства: они не столько обороняли Киев, сколько продолжали соперничать из-за него.

История Нижней Руси сложилась так, что именно в эти годы ей был нанесен второй страшный удар монгольскими захватчиками.

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НИМ РУСИ

Одно из важнейших явлений истории Древнерусского государства представляет собой растущая политическая самостоятельность Литвы и ее переход из вассальной сферы во внешнеполитическую.

Повесть временных лет сохранила нам упоминания о некоторых литовских и прусских землях и о политике Руси в отношении их. Литва, культурно и этнически издревле связанная с Русью, играет важную роль в стремлении русских князей укрепить границы с Польшей, обеспечить свое господство в восточной Прибалтике, сохранить и упрочить свои торговые пути в другие европейские страны[1].

В период феодальной раздробленности Руси мы видим безуспешные попытки Киева удержать под своей властью Литву. Участие полоцко-минских князей в политической борьбе двух княжеских коалиций сопровождалось использованием литовских войск как внушительной союзной силы[2]. Литовцы же имели издавна связь с полоцко-смоленскими опорными пунктами в Латвии[3].

Положение заметно меняется в конце XII — начале XIII в., когда возникают первые союзы литовских земель и набеги литовских дружин все сильнее тревожат владения Полоцка, Пскова, Новгорода, Смоленска, Чернигова, Волыни. Они задевают не только русские владения в Прибалтике — в Эстонии, Латвии, Пруссии, но и обширный ареал собственно русских земель[4]. Со стороны русских князей не видим ответных походов в глубь Литвы: сказывалась политическая раздробленность; в лучшем случае русские войска перехватывали литовские дружины и отбирали у них военную добычу.

Отношения с Литвой приобрели особое значение, когда в начале XIII в. там сложился союз князей, вступивший в борьбу с натиском западноевропейских католических держав. Последние не только старались блокировать Литву с моря, но и поставили открытую цель — завоевать ее и превратить в лен святого престола и в колонию немецкого Ордена. Это, естественно, породило тенденцию к постепенному сближению отдельных земель Руси с Литвой, к замене вассальных отношений с отдельными князьями межгосударственными отношениями.

Литва почти непрерывно вела кровопролитную борьбу с немецким натиском в Подвинье[5], а позднее, с вторжением крестоносцев на Вислу и в Пруссию,— в Понеманье. В этих условиях наиболее влиятельная часть литовского нобилитета Аукштайтии и Жемайтии, объединенная в союз князей, решила подписать мирный и союзный договор с волынскими князьями Юго-Западной Руси, чтобы, поддержав их против Польши, обеспечить себе безопасность с юга и успешнее воевать против рыцарей на севере. Так родился договор 1219 г. княгини Анны и ее сыновей с союзом литовских князей. Под руководством «старейших» 21 литовский князь присоединился к этому договору («се же вси мир даша князю Данилови и Василку и бе земля покойна»)[6]. Волынским князьям договор с Литвой, как мы видели, облегчил борьбу за освобож-

дение и объединение Волыни и Галичины. Особенно заметно он сказался на русско-польских отношениях; именно литовские походы побудили Мазовию пойти на мир с Волынью [7]. Предполагалось и участие Литвы в русско-польском походе на Калиш [8]. Когда мазовецкий князь Конрад пытался союз с Орденом противопоставить Волыни, литовско-русская дружба вновь оказалась полезна: вскоре после освобождения от рыцарей Дорогичина против Мазовии выступили союзные черноруcские и литовские войска князей Даниила и Миндовга [9].

Литовско-польские отношения, столь важные для судеб Прибалтики, не были дружественными; этому мешали корыстные интересы отдельных князей. Литва тогда видела в Польше вообще и особенно в Малой Польше союзника папства и Ордена. Поэтому она, сохраняя союз с Галицко-Волынской Русью, выступала против князей мазовецких (1220, 1238 гг.) [10] либо поддерживала их соперничество с князьями краковскими, малопольскими [11].

Волынско-литовский договор был использован и против Чернигова [12], чьи князья в союзе то с русской коалицией, то с Венгрией, то с Польшей пытались подчинить Галицко-Волынскую землю.

Резкое ухудшение международного положения Руси после монгольского нашествия, изменение форм литовской политики на Руси вызвали существенные перемены в галицко-волынско-литовских отношениях.

Несколько иначе развивались отношения с Литвой князей Верхней Руси. Немецкий Орден делал все возможное, чтобы воспрепятствовать здесь русско-литовскому сближению, используя разобщенность князей и их страх перед растущей силой Литвы. Княжеская власть в северо-западных землях Руси была слабее, чем на Волыни, и кое в чем политика Ордена удалась. Вспомним, что вассал Полоцка князь Вячко уступил епископу рижскому половину своей земли и замка Кокнесе за помощь «против нападений литовцев» [13]; заключая в 1212 г. мир с Ригой, полоцкий князь также имел в виду литовскую угрозу [14]. Тогдашних полоцких князей привлекала призрачная возможность использовать Орден против Литвы, тем более что литовская угроза была вполне реальной — набеги на русские земли происходили чуть ли не ежегодно, причем Литва, вероятно, учитывала внутренние противоречия на Руси, отмеченные, например, острыми полоцко-смоленскими [15],

новгородско-псковско-суздальскими, суздальско-смоленскими конфликтами князей и бояр.

Правительства отдельных княжеств искали средств предотвратить опасность особенно потому, что постоянные войны в Подвинье нарушили традиционные связи русских городов с остальной Европой; первоначально они искали выход в соглашениях с Ригой и Ливонским орденом. Тяжелые неурожайные годы ускорили подобного рода поиски: так возник и псковско-немецкий договор 1228 г., приведший псковский отряд к участию в битве при Шауляй на стороне немецких рыцарей [16], так родился и русско-немецкий договор 1229 г., имевший силу для Смоленска, Полоцка и Витебска.

Политическое положение в связи с немецкой агрессией усложнялось, русское и литовское население Подвинья совместно отбивалось от крестоносцев — это побуждало ту же русскую и литовскую знать искать соглашений для отпора Ордену. В 1203 г. русское войско подвластной Полоцку крепости Ерсике вместе с литовцами нападало на Ригу [17], и позднее «козни русских и литовцев» не зря тревожили епископа [18]. В Ерсике правил князь Всеволод, который «был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев [князя Даугеруте] и, будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчая им переправу через Двину и снабжая их съестными припасами» [19]. Общий интерес диктовал укрепление русско-литовских связей. Стали заключаться первые договоры. Можно думать, что уже поход 1212 г. войск Мстислава Удалого был согласован с действиями литовцев в Подвинье [20]. В 1213 г. князь Даугеруте с большими дарами отправился «к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз» [21].

Этот первый известный нам новгородско-литовский договор таил в себе угрозу Ордену. Рыцари перехватили литовского князя на обратном пути, и он кончил свои дни в венденской тюрьме. Но все же в русском походе 1221 г. из Новгорода на Венден под руководством суздальского Юрия Всеволодовича [22] участвовал и литовский отряд, «и где русские нанесли меньший вред, там, — по словам немецкого хрониста, — приложили руку литовцы». Позднее этот отряд, численностью в 600 воинов, целый месяц оставался в Пскове. Намечалось и сближение Полоцка с Лит-

вой. Всеволод, князь Ерсике, хотя и признал власть Ордена, был обвинен рыцарями в том, что «постоянно помогает литовцам и советом и делом»[23]. Когда рыцари напали на Ерсике, литовцы помогли князю Всеволоду[24]. Полоцкий князь, готовя поход на Ригу, отправил послов не только на Русь, но и в Литву, где получил поддержку и «созвал большое войско из русских и литовцев». Хотя поход не состоялся, но симптоматичен сам факт[25]. Первый государственный договор Северо-Западной Руси с Литвой был заключен уже после монгольского нашествия.

С историей русско-литовско-польских отношений тесно связан и прусский вопрос. Начало XIII в. было временем резко возросшей активности набегов прусских дружин и пеших ополчений на Галицко-Волынскую землю и Польшу. В это время Пруссия представляла собой конфедерацию 11 этнически родственных земель бывшего племени пруссов — Помезании, Погезании, Вармии, Натангии, Бартии, Самбии, Надровии, Скаловии, Судовии (Ятвягии), Галиндии и земли сасов. Земли распадались на волости и сельские общины. Государства у пруссов еще не было. Нобили разных земель еще не объединились в одно привилегированное сословие во главе с королем. Конфедерация земель не была прочным политическим союзом, какой возник, скажем, в Литве. Единству пруссов мешали распри нобилей. Набеги пруссов были относительно успешны, пока они, объединяясь в крупные рати, сообща искали добычи в отдельных княжествах Руси и Польши.

Из польских земель от этих набегов особенно страдали Мазовия, Куявия и Поморское княжество. Если нобили одних прусских земель воевали против славянских соседей, то другие, в частности из Самбии, в это же время успешно отражали попытки Дании утвердиться в прусском Поморье[26]. Крестовые походы самих польских князей (Лешко Белого, Генриха Бородатого и Конрада Мазовецкого) и епископов (гнезненского, куявского, познаньского, вроцлавского, любушского, плоцкого) в 1222 и 1223 гг. (когда к ним примкнули и поморские князья Вратислав и Святополк) на пруссов не принесли успеха[27]. Вероятно, около этого времени (как это бывало в XII в.) и русские, быть может смоленские, князья водили свои полки в Пруссию к Рагниту. Осада бывшей здесь прусской крепости окончилась неудачей, о чем сохранилось предание, записанное немецким хронистом Петром Дюсбургом[28].

Попытки князя мазовецкого Конрада организовать из меченосцев собственный рыцарский Орден в Добжини (1228 г.) и таким образом укрепить свое влияние в Ятвягии и союзной Литве Волыни не достигли цели[29]. Юго-Западная Русь и после ее договора с Литвой продолжала страдать от набегов пруссов, против которых проводились походы (1228, 1238 гг.)[30].

Все сказанное делает понятным, почему вторжение тевтонов в Поморье поначалу не вызвало отпора славянских соседей Пруссии, которые рассчитывали использовать их для реализации своих давних политических планов. Действительность быстро опрокинула эти расчеты.

Монгольское нашествие внесло существенные перемены в политические взаимоотношения Руси с Литвой.

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. УСИЛЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В 1204 г. пал Константинополь, захваченный при деятельной поддержке папства[1] католическими крестоносцами. Новгородский дипломат Добрыня Ядрейкович был очевидцем варварского разорения «второго Рима». Вернувшись на Русь с куском «гроба господня» (этот прихваченный в суматохе кусок — едва ли не единственная добыча Руси от крестовых походов), боярин Добрыня написал отчет о происшедшем. Он примечателен широтой взгляда на события и расчетом на то, что и читателю хорошо известна политическая карта мира. Добрыня упоминает Германию, Фландрию, земли Италии (Рим, Венеция, Верона), фрягов, папство, английских наемников (варягов). Он пишет, что Византия погибла «в сваде цесарев»[2], причем крестоносцы, захватив Константинополь, действовали вопреки международному праву, которое формально признавали и король Филипп и папа Иннокентий III («цесарева веления забыша и папина»). Автор — на стороне Византии, ибо, сказав, что крестоносцы разграбили все церковные святыни, добавляет: св. богородицу бог соблюл «добрыми людьми, а ныне есть, на ню же надеемъся»[3]. Исследователи установили следы непосред-

ственного общения автора с крестоносцами, немецкими и фландрскими, а также его возможного знакомства с «Песнью о Нибелунгах» [4]; кстати, Добрыня Ядрейкович хорошо знаком с техникой военного дела и морского боя.

Развалины Константинополя стали центром Латинской империи, а византийское правительство и патриарх перебрались в Никею, где возникла Никейская империя. Это событие имело многообразные последствия для внешнеполитического положения Руси. Папская курия, достигшая, казалось, заветной цели, получила в руки лишний козырь в своей пропаганде крестового похода на язычников Прибалтики, Причерноморья и на «схизматиков» Руси. 7 октября 1207 г. из Витербо папа Иннокентий III писал, обращаясь ко всем русским епископам, клиру и всему русскому народу, что, так как «страна греков и их церковь почти полностью вернулись к признанию апостольского престола и подчиняются распоряжениям его, представляется заблуждением, что часть не соглашается с целым и что частное откололось от общего» [5]. Однако русские князья и церковная знать хорошо представляли себе политические цели папства и потому решительно отклоняли его домогательства, считая более целесообразным поддерживать традиционные русско-византийские связи с правительством Никеи. История подтвердила правильность этого курса. Происходил и обмен грамотами [6] и, можно думать, посольствами с Никеей; не прекратились и поездки русских наблюдателей-паломников на Афон [7].

Легко понять, что в эти годы сидевший в Киеве митрополит — грек из Никеи — выступал сторонником тесного сотрудничества церкви и государства во имя защиты Руси и ее церкви, экономическим и политическим устоям которой грозило папство. Объективно интересы Руси и Никеи относительно курии совпадали. Видимо, потому мы видим митрополитов в роли дипломатов, неоднократно посредничающих в пользу мира между великими князьями — черниговскими, суздальскими, киевскими и волынскими [8]. И в культурно-политической жизни [9] Северо-Восточной Руси [10] получили отражение традиционные русско-греческие связи [11]. Разумеется, политическая борьба между князьями и столкновения из-за симонии не прекращались [12].

Папство активизировало свою политику в Причерноморье. Его происки в области между Днепром и Карпатами

советскими историками специально не изучались, между тем наступление в этом направлении составляло одно из звеньев той цепи, которой апостольский престол намеревался опутать народы Восточной Европы. Делая главную ставку на Латинскую империю, курия старалась использовать традиционные приемы разжигания вражды среди возможных противников, прямое вооруженное вмешательство немецкого Тевтонского ордена и Венгрии и, наконец, свою церковно-политическую агентуру — миссионеров.

Международные отношения в северном Причерноморье были сложными, но в отличие от Прибалтики развивались не к выгоде курии. Второе Болгарское царство (возникшее в 1187 г.) признавало церковное верховенство [13] папства, но попытки подкрепить его военным давлением встретили решительный отпор: в 1205 г. болгары разбили войско крестоносцев под Адрианополем [14]. Укрепились связи Болгарии с Русью, где Иван-Асень, наследник Калояна, получил в 1207 г. военную помощь в борьбе за отцовский престол. Георгий Акрополит сообщает, что он «бежал в страну руссов, прожил здесь довольно долго и, собрав несколько русских дружин, начал добиваться отцовского наследия» [15]. Вскоре он сосредоточил в своих руках власть над всей Болгарией. Где мог скрываться Иван-Асень в эти бурные годы? Вероятно, в Киеве, а дружины набирал скорее всего в причерноморском Понизье. Союз с Болгарией был естествен для Руси, опасавшейся вмешательства Венгрии и папства в дела Галичины. Конфликты с Венгрией 1201—1202, 1210, 1230 гг., в свою очередь, сближали Болгарию с Галичиной.

Царь Иван-Асень (1218—1241) имел также пугавший латинян союз с Никеей. С конца 30-х годов наметилось сближение никейского императора Иоанна Ватаца (1222—1254) с врагом курии императором Фридрихом II [16], чему пытался помешать папа, как свидетельствует его посольство 1234 г. в Никею [17]. Стремясь разрушить болгаро-никейский «союз нечестия» [18], папа грозил Болгарии венгерским крестовым походом и в конце концов отлучил 25 мая 1236 г. Асеня от церкви [19]. Начались болгаро-папские переговоры, и весной 1237 г. в Болгарию направились перуджийский епископ Сальви [20] и Иоанн Тевтон, который прибыл из Бремена (как видим, этот центр поставлял папских агентов не только для Прибалтики) и

ранее подвизался в качестве епископа в Боснии, где боролся с еретическим павликиано-богомильским движением. Переговоры касались безопасности Латинской империи, о чем папа извещал духовенство Болгарии [21]. Они не дали результатов, и 9 августа 1238 г. папа издал распоряжение, чтобы венгерский король отправился в крестовый поход на Болгарию [22]. Это в канун монгольского нашествия! Не добилась курия успеха и на Кавказе, как можно судить по примеру Грузии [23].

На этом фоне следует рассматривать и половецкую политику курии.

Предлогом наступления на северное Причерноморье стала «половецкая угроза», миссия «просвещения» степных язычников. Кто знает о политике курии в Прибалтике, тот не найдет здесь ничего нового в приемах ее дипломатии. Половцы не могли не интересовать папство. Они союзники Руси, и Владимиро-Суздальской (вспомним сильнейшего хана Юрия Кончаковича) [24] и Галицко-Волынской, которую, как мы видели, хан Котян не раз поддерживал против Венгрии [25]. Они союзники Болгарии, которой помогли разбить сперва Исаака Ангела (1190 г.) [26], а потом тяжело вооруженных рыцарей Балдуина II (1205 г.) [27]; затем они выступали на стороне то латинян, то болгар, в пользу которых в битве при Клокотницах (1230 г.) небольшой половецкий отряд решил судьбу Фессалоникийской империи [28]. Половецкий вопрос имел и экономическую подоплеку, ибо через Нижнее Подунавье была пробита русская дорога на Византию. Оседлать ее в союзе с Латинской империей, чем не заманчивая задача?

В наступлении на половцев курия опиралась на Венгрию, где при Андрее II пытался обосноваться Тевтонский орден.

История «тевтонской миссии» — яркий пример политического лицемерия курии, поддержки ею «немецкого натиска» в Причерноморье. Когда тевтонские рыцари во главе с Германом фон Зальца перенесли центр своей деятельности из Передней Азии в Европу, то при энергичном содействии папы Гонория III король Андрей II пригласил их в 1221 г. для охраны границы своей страны. В документе Ордену король выражал надежду, что с его помощью удастся расширить пределы королевства [29]. Рыцари обосновались в юго-восточной части Трансильвании, где возникли Крейцбург и другие крепости [30]; восточнее на-

ходились уже половецкие владения и русские опорные пункты. Но рыцарей больше интересовала сама Венгрия, чем опасные войны с кочевниками. Нарушая установленные им ограничения, тевтоны стали опасны для суверенитета страны. Папа чинил ущерб королевскому праву в пользу Ордена, особенно взяв его в лен св. Петра (1223 г.) [31]. Как писал король, тевтоны в Венгрии были подобны «мыши в торбе, змее за пазухой» и грозили не расширить, а сократить пределы королевства [32].

Под горькие сетования и протесты папы, который прямо призывал рыцарей не выполнять распоряжения короля об оставлении Трансильвании, королевские войска сломили вооруженное сопротивление [33] тевтонов и сомнительные наемники были к 1225 г. выдворены из Венгрии. Благодаря осмотрительным действиям Андрея II немецкий Орден, по словам его апологетов, ничего прочного для «западной культуры» в Юго-Восточной Европе не приобрел [34]. Изгнанные из Венгрии тевтоны вскоре проникли в польско-прусское Поморье, где, как мы видели, создали очаг многовековой агрессии.

В Половецкую степь будто бы рвался уже сам св. Доминик в 1205 г., ради чего он якобы отрастил бороду, но его ученики-доминиканцы прибыли сюда в 1221 г. [35]; они «ничего значительного для божьего дела не достигли». Все же пронырливые доминиканцы добрались до половецких веж на Днепре [36], правда, некоторые из них были схвачены, а двое убиты.

Тогда ловкие монахи, чтобы привлечь к своему делу Венгрию, пошли на такой шаг. Когда Роберт (родом франко-бельгиец), архиепископ эстергомский и примас Венгрии, направлялся в крестовый поход в «Святую землю», по пути ему встретился сопровождаемый доминиканцами сын половецкого хана Бортца (есть и другие варианты имени); он просил о крещении и сообщил Роберту, что послан отцом, который с 2000 своих подданных тоже ожидает «благодати» [37]. Роберт обратился к папе за разрешением идти не на арабов, а в Половецкую землю. Григорий IX назначил его 31 июля 1227 г. легатом для половцев и бродников (in Cumania et Brodnic terra), разрешив крестить население, строить храмы, ставить епископов. Пожалованье, как это нередко бывало, широкое и неопределенное, реальный размер подчиненных земель должен был определиться в ходе «миссии». Земля половцев огром-

на — от Дуная до Яика; бродники тоже известны на широком пространстве — и в Подунавье[38], и во внутренней Руси XII—XIII вв. — как союзники черниговских, суздальских и киевских князей[39].

В разгар уже известной нам русско-венгерской борьбы за Галичину архиепископ Роберт в сопровождении епископов (родом французов) печского Бартоломея и трансильванского Рейнальда, а также Белы, сына короля, двинулся к половцам. В послании от 21 марта 1228 г. папа приветствовал их действия и просил довести крещение язычников до конца[40]. Епископам удалось крестить хана Бортца с его ордой[41]. Результаты не замедлили сказаться: в 1229 г. мы находим половцев в войсках короля («а у короля бяху половци Беговаръсови»), идущих на Галичину[42]. Этот хан и несколько других, более мелких, умерли христианами и погребены в половецких часовнях[43].

Чтобы придать наступлению на Половецкую землю должный размах, папа тогда же, 21 марта 1228 г., по представлению эстергомского примаса, назначил провинциала[44] венгерских доминиканцев Теодориха епископом половцев[45]. Папа писал, что желающих его поддержать много, и отпускал грехи тем, кто пойдет строить прочное здание церкви, чтобы привязать кочевников к земле[46]. Но миссия вовсе не шла гладко. В послании (написанном до 21 мая 1228 г.) папа выражал озабоченность угрозой со стороны Иконийского султаната и других соседних половцам владений, а также тех, кто преследует крестившихся половцев[47].

Протяженность половецкого епископства к востоку определяется известием Рогерия о том, что татары вступили в него после того, как перешли р. Серет (на территории современной Молдовы)[48]. Районы Серета, Прута, Днестра — сфера широкой славянской колонизации[49]. На Серете стояли галицкие города Романов Торг, Текуч[50], к востоку от реки лежал Берлад, неподалеку от слияния Серета с Дунаем — Малый Галич. Это край южных ушкуйников-берладников, бродников, галицких «выгонцев», способных выставить войско в несколько десятков тысяч человек[51]; край, неоднократно видевший тюркские орды, переходившие то с востока, то с запада Дунай; край, издавна втянутый в русско-византийскую борьбу за устья Дуная.

Половецкое епископство нашло деятельную поддержку курии. Папа посылал новому епископу пополнения доми-

никанцами[52]. Само епископство 13 сентября 1229 г. непосредственно подчинили курии[53]. Не было недостатка и в обычной демагогии вроде королевских грамот и папских булл о защите исконных половецких «свобод, льгот и владений»[54]; на деле права половцев нарушались, судя по булле Андрею II, в которой папа запрещает венгерским «сарацинам» использовать крещеных половцев в качестве рабов, покупать и продавать их[55]. Архиепископ Роберт получил новую отсрочку похода в «Святую землю» ради продолжения его легатства у половцев и влахов[56]. По настоянию папы[57] король поддержал епископа Теодориха, который обосновался в Милькове — на территории современной Молдовы, в устье р. Мильков[58]. В свою очередь королевич Бела присвоил себе титул «короля куманов»[59].

Этот шаг связан с претензиями венгерских феодалов на Галич и междуречье Серета — Дуная — область галицких интересов, унаследованных от Киева. Здесь имела давние устойчивые позиции и православная церковь, видимо, и русская и византийско-болгарская. Местные влахи в церковном смысле ассимилировали венгров, а также немецких колонистов, селившихся среди них. 14 ноября 1234 г. папа определил, что эти влахи должны подчиняться половецкому епископу[60].

Папе нельзя отказать в гибкости: чтобы облегчить доминиканцам их задачу, он разрешил поставить вспомогательного епископа в качестве генерального викария Влахии при половецком епископе. Папа надеялся, что с помощью Венгрии удастся подчинить его престолу православных влахов и их греческих «псевдоепископов», не изгоняя последних, а лишь ставя их под церковную юрисдикцию половецкого епископства[61]. Напомним, что в 1235 и 1237 гг. венгерские доминиканцы Юлиан и другие в качестве миссионеров-разведчиков проникли в Волжскую Булгарию и Северо-Восточную Русь[62]. Продолжали они свое дело и у половцев: монах Бенедикт доносил в 1238/39 г. генеральному капитулу о крещении нескольких князей со многими людьми[63]. Наибольших успехов доминиканцы добились среди половцев Малой Валахии (к западу от р. Олт) и в юго-западной Трансильвании.

Половецкое епископство, видимо, сыграло свою роль и в переселении в Венгрию орды хана Котяна. В годы монгольского нашествия Котян обратился с письмом к Бе-

ле IV, прося убежища и выражая готовность принять католичество. Король приветствовал это предложение, одарил половецких послов и направил с ними в обратный путь монахов-доминиканцев. Осенью 1239 г. король лично торжественно встретил Котяна и его 40-тысячную орду на границе. Высоким чиновникам было поручено расселить половцев внутри Венгрии. При крещении с Котяном было заключено соглашение [64].

Но здесь произошел конфликт, очередной раз показавший, что политический интерес выше всяких «миссий». Венгерские магнаты встревожились усилением власти короля. В результате заговора хан Котян и другие половецкие неофиты были предательски перебиты в Пеште, а половецкое войско устремилось к р. Саве и, сокрушая все на своем пути, ушло на Балканы [65]. Позднее немало половцев оказалось на службе у Никеи [66].

Само половецкое епископство просуществовало до 1241 г.: оно было сметено в огне борьбы местного населения с монгольским нашествием, когда воевода «Бохетур вместе с другими вождями, переправившись через реку, называемую Серет, вторглись в землю епископа половецкого и, победив людей, которые собрались на битву, приступили к полному захвату земли» [67]. Половецкое епископство осталось лишь еще одним свидетельством папской агрессии на огромном пространстве между Балтийским и Черным морями.

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

К началу XIII в. позиции Руси в Половецкой степи казались прочными. Галицко-волынский Роман Мстиславич и владимиро-суздальский Всеволод Юрьевич сообща ведали половецкой политикой, заставив Киев и Чернигов следовать относительно общему курсу. При этом суздальский князь не порывал традиционных связей с домом Кончака: в 1205 г. был поход рязанских князей на половцев и тогда же состоялся брак Ярослава Всеволодовича с дочерью Юрия Кончаковича, сильнейшего хана «диких» половцев.

Смерть Романа и вспыхнувшая в Юго-Западной Руси 40-летняя феодальная война отразились и на половецкой

политике. Киев и Чернигов широко используют половецкие рати в своих попытках овладеть наследством Романа. Князь Рюрик двинул сюда войска Киева, Чернигова, Смоленска, а также торков и поляков; были с ним и половцы [1]. По уцелевшим остаткам летописи Ростиславичей знаем, что в осаде Галича участвовали ханы Котян и Сомогур, едва не попавшие в плен к местным пешцам [2]. Когда Роман Игоревич и союзный ему Изяслав Владимирович после битв с венграми на реках Лютой и Незде проиграли дело, то второй из них бежал с половцами [3]. Мстислав Романович (Киев) и Мстислав Мстиславич (Торческ) воевали здесь против венгров, используя половцев [4]. Наконец, с половецкой помощью овладел Галичем Мстислав Удалой [5].

В Северо-Восточной Руси половецкая политика не изменилась. Бывали набеги половцев на Переяславль [6]. К кровавому совету в Исадах рязанский князь Глеб Владимирович тоже привлек половцев, к которым затем бежал и при их поддержке пытался отнять Рязань у Ингвара; полки Юрия Всеволодовича помогли Ингвару побить этих половцев [7].

В 1221—1222 гг. в северном Причерноморье появился новый враг — турки-сельджуки, которые разбили русско-половецкое войско, вторглись в Крым и захватили Сурож [8].

Ярко обнажила русско-половецкие отношения битва на Калке: половцы ищут защиты от монголов у Киева. Это не «дикие» половцы. По новгородской информации, татары разбили рати сильнейших ханов Данилы Кобяковича и Юрия (Кончаковича) [9], тестя Ярослава Всеволодовича, и убили их [10]. Защиты ищут поднепровские половцы-конфедераты: ведь «близ Руси» лежал «вал половечьскы» [11], а за Днепром «поле половецкое» [12]. Верные своим политическим традициям, русские князья на снеме в Киеве попробовали против новых кочевников-монголов направить теперь уже союзных половцев; на Калку шла «вся земля половецкая» [13], имеется в виду вся, еще уцелевшая; в ее дозоре — русский воевода Ярун. Но на этот раз князья своими распрями сами погубили дело; поражение половецкой сторожи довершило гибель соратников [14].

После Калки половцы не исчезли. В 1229 г. они бежали в Булгарию «из низу», из яицко-волжского района, перед монголами [15]. Больше об их отношениях с Северо-

Восточной Русью известий нет. Однако на юго-западе они активно втянуты в союзы. Мстислав Удалой, сев в Галиче, пытался в духе старой традиции греть руки на киево-волынских противоречиях. Против Даниила он направил Владимира Рюриковича и своего тестя хана Котяна с большим половецким войском [16]; в другой раз это войско сюда привели киево-черниговские союзники Владимир Рюрикович и Михаил Всеволодович, но князь Даниил тогда перекупил хана. Повоевав Галичину, Котян действительно, увел свои рати [17] и стал союзником волынского князя.

Политика в степи приходила в упадок еще в одном отношении. Половецкая степь, хотя и расколотая на орды и опутанная союзами с разными князьями Руси, постепенно выходила из вассальной сферы во внешнеполитическую: в 1229 г., когда венгерский младший король Бела наступал на Русь, на стороне Даниила были половцы Котяна, а на венгерской — Беговаръса [18].

Установив союз с Киевом и держа Торческ, Даниил не раз использовал половецкие силы и в своей киевской политике [19]. Последний раз русско-половецкие связи освещены в 1235 г., когда Волынь в союзе с киево-смоленскими князьями действовала против Чернигова. Похоже, что к этому времени торческий пояс Киева был серьезно подорван. Северский князь Изяслав Владимирович привел половцев «в силе тяжце» и разгромил уже ослабленное войско Даниила под Торческом [20].

С этим войском он взял тогда и Киев. Это был третий разгром столицы и второй — с помощью половцев. Князь Владимир Рюрикович был уведен половцами и отпущен за выкуп. Киев был сильно пограблен, причем князья «и на немцих имаша искуп» [21], что, впрочем, не помешало им сидеть здесь до монгольского нашествия и даже после него.

Попытка нового киевского князя Изяслава Владимировича под рукой черниговского Михаила Всеволодовича толкнуть половцев и на Волынь успеха не имела: они «не восхотеша ити» на Даниила [22], давно имевшего свою руку в степи. О происках папства в степи говорилось выше.

Монгольское нашествие привело к разорению Половецкой степи и гибели или ассимиляции населявших ее кочевых народов.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Политическое положение в Поволжье заметно осложнилось из-за углубления русско-булгарских противоречий. Интересы правителей Руси и Булгарии сталкивались при сборе даней с поволжских народов и вследствие стремления к господству на великом волжском торговом пути. Со смертью Всеволода и ослаблением политического единства этого края наблюдается стремление Булгарии оттеснить Русь из Поволжья и овладеть опорными пунктами ее колонизации. В 1219 г. булгары захватили такой пункт — Устюг, взять Унжу им не удалось [1]. Перевес сил был на стороне Руси. На следующий год Юрий Всеволодович отправил большое войско, сведенное в четыре полка, во главе с воеводой Еремеем Глебовичем. 15 июня 1220 г. эта рать взяла г. Ошель [2]. Уже зимой булгарские правители прислали во Владимир послов, «мира просяще». Но князь Юрий готовил новый поход и не принял их. Затем послы еще дважды приходили в его лагерь — на Омуте и в Городце. Последнее посольство прибыло «с молбою великою и с дары многими и с челобитьем». И здесь в 1220 г. стороны подтвердили мирный договор, существовавший чуть ли не сто лет («управишяся по прежнему миру, якоже было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи»). Князь послал к булгарам «мужи свои — водити в роту князей их и земли их, по их закону» [3]. Видимо, суздальско-булгарские договорные отношения унаследованы от Древней Руси. Можно лишь пожалеть о гибели самих договорных грамот.

Едва ли городецкий мир решил все проблемы. «Слово о погибели Русской земли» содержит выразительный намек на то, что к 30-м годам XIII в. ушли в прошлое времена, когда народы Поволжья — черемисы, мордва, буртасы и вяда — безропотно бортничали на Владимира Мономаха, а затем и на Юрия Долгорукого и Всеволода Юрьевича [4].

Булгария, как можно думать, имела тесную связь с Саксином на Волге; владимирский князь распорядился в 1221 г. соорудить свой новый волжский опорный пункт — Нижний Новгород.

Мирный договор не устранил русско-булгарского соперничества из-за мордовских земель. Князь Юрий организу-

ет серию мордовских походов [5], причем в 1228 г., когда его войска, выйдя из Нижнего Новгорода, находились в волости мордовского князя Пургаса, булгарский князь со своей ратью пошел на волость другого, союзного Юрию, князя Пуреша [6].

В ответ на суздальский поход рать Пургаса (вероятно, союзного Булгарии) напала на Нижний Новгород и подожгла княжеский монастырь [7]. Тогда суздальский князь использовал традиционный политический прием: толкнул сына князя-союзника вместе с половцами на Пургаса. Ему удалось разбить рать Пургаса, а также «Русь Пургасови», под которой надо понимать рязанских наемников этого мордовского князя [8].

Следовательно, и в Северо-Восточной Руси складывались условия, неблагоприятные для организованного отпора нашествию монгольских полчищ. А между тем уже в 1229 г. саксинцы и приволжские половцы покинули из страха перед приближающимися монголами Нижнее Поволжье и укрылись в Булгарии [9]. Монгольские рати неудержимо надвигались на Европу и в 1232 г. уже зимовали где-то неподалеку от булгарского города Биляра [10], что не помешало Юрию Всеволодовичу провести в это время большой поход владимирских, суздальских, рязанских и муромских войск на мордву [11]. Монгольское нашествие смело с политической карты мира Булгарию и привело к длительному порабощению народов Поволжья.

РУСЬ И ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ *

В начале XIII в. Сельджукское государство в Малой Азии переживало время своего наивысшего расцвета. Захват крестоносцами Константинополя и образование двух враждующих империй (Латинской и Никейской) стабилизировали западные границы этого государства. Сельджуки в 1214 г. захватили Трапезунд — крупнейший порт на южном берегу Черного моря, а несколько позднее включили в сферу своего влияния Трапезундское княжество, сделавшись таким путем фактическими хозяевами севера Малой Азии.

* *Этот параграф написан А. П. Новосельцевым.*

Уже несколько столетий г. Трапезунд был крупнейшим торговым центром, посредником между северным Причерноморьем и странами Передней Азии. Источники отмечают регулярную торговлю Трапезунда с Крымом и адыгским берегом Черного моря. Поставив в зависимость от себя Трапезунд и Синоп, сельджукские султаны тем самым приобрели возможность оказывать политическое влияние на крымские города (Судак, или Согдак, и др.). По-видимому, в течение нескольких лет приморские области Крыма номинально признавали сюзеренитет сельджукского султана, который, однако, некоторое время непосредственно в их дела не вмешивался.

Но вот около 1221 г. сельджукский султан Ала ад-дин Кейкобад (1219—1236) на приеме в г. Кайсарие услышал жалобу одного купца, торговавшего в половецких и русских землях, на то, что в последней поездке на север он был ограблен «у Хазарской переправы» (в Керченском проливе или на Переволоке). Этот случай послужил предлогом для непосредственного вмешательства сельджуков в дела Крыма и половцев [1].

Султан снарядил большое войско во главе с эмиром Хусам ад-дином Чобаном и, посадив его на корабли, направил в Крым. Еще до прибытия сельджукских войск жители Судака, крупнейшего в то время города в Крыму, отправили послов к половецкому хану (буквально царю-малик) с просьбой о помощи. Одновременно они через посла подтвердили покорность эмиру Чобану, признавая себя по-прежнему подвластными султану, обещая ему по обычаю немалую взятку в 50 тыс. динаров — «на подковку лошадей» [2].

Однако на этот раз Чобан «с негодованием» отверг предложенные деньги и высадил войска около города. Тем временем собралось половецкое войско, в составе которого находились и русские отряды. Основная часть русских во главе с князем (малик) [3] еще не подошла. Этим воспользовался Чобан и в двухдневном сражении разбил половецкие отряды, так что, когда русский князь появился под Судаком, он остался уже без союзников и ему пришлось вступить в переговоры с сельджукским военачальником.

Ибн Биби передает содержание послания русского князя эмиру Чобану, в котором тот, якобы признавая себя «верным рабом» султана сельджуков, выражает жела-

ние быть в мире с Ала ад-дином Кейкобадом. Одновременно русский князь послал эмиру подарки для султана, в числе которых были венгерские кони, русский лен, драгоценности и 20 тыс. динаров.

Чобан хорошо принял посла, между ним и русскими был заключен договор, и русские отправились в свою землю, тогда как сельджуки осадили лишенный помощи Судак и вскоре овладели им.

Возникает вопрос, кто были эти половцы и русские, пришедшие на помощь жителям Судака? Хроника Ибн Биби ответа не дает. А. Ю. Якубовский предположил, что, поскольку в списке подарков русского князя Чобану упомянут русский лен, произраставший на севере, речь здесь идет о рязанском князе. Но в списке подарков, полной редакции которого не знал А. Ю. Якубовский, упомянуты и венгерские кони (по крайней мере, так можно прочесть соответствующее, плохо разбираемое выражение подлинника) [4], которые в Рязани едва ли водились. Ясно одно, что один из русских князей заключил с сельджуками договор.

РУСЬ И АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

Русь имела традиционные торговые связи с арабским миром, безопасность которых посредством особых соглашений была гарантирована и половецкими ханами. В условиях крестовых походов Русь сохраняла значение важного звена европейско-арабских экономических отношений.

Была и другая объективно существовавшая связь между славянским и арабским мирами, хотя, быть может, в условиях средневековья народы ее и не сознавали. Оба эти мира стали объектом крестовых походов со стороны католических правительств Европы, возглавляемых папской курией. Это было феодально-колониальное предприятие [1]: не зря идеолог походов Бернард Клервосский обращал свои призывы не к народам, а к королям, рыцарству и служилой знати (miles et ministerialis) [2].

Курия эту связь сознавала: ведь уже второй крестовый поход 1147 г. был предпринят и против арабов и против славян; по справедливому заключению Гельмольда он

представлял собой единое дело[3]. Судьбы и средиземноморской, и прибалтийской, и черноморской кампаний были взаимосвязаны. Ведь и появление меченосцев на Двине и тевтонов на половецком, а затем на прусском пограничье — не случайность, а результат действия тех же сил, что воевали против арабов. Когда египетский султан Сулейман Салах ад-дин, соединив войска Египта, Сирии и части Месопотамии, разгромил рыцарей при Гаттине (1187 г.) и изгнал их из Бейрута и Иерусалима, организация второго, славяно-балтийского направления крестовых походов была предрешена.

Едва ли будет преувеличением признать, что затянувшаяся на многие десятилетия освободительная борьба народов Восточной Европы против крестоносцев отвлекла значительную часть последних от Передней Азии. В свою очередь сопротивление арабов в Передней Азии помешало увеличивать крестоносное войско в Прибалтике, как это произошло позднее, в конце XIII в., когда окончательная победа египетско-сирийских войск над франками повлекла за собой сосредоточение английского и французского рыцарства на Немане.

Действия крестоносцев направляла папская курия — могущественная реакционная сила средневековой Европы. XIII век — время упрочения финансовой мощи папства, а «история папских финансов — это экономический корректив к истории папской политики, и в периодизации истории папских финансов и папской политики наблюдается параллель»[4]. Уже в XII в. началось слияние папства с итальянским банкирским миром[5], развитие папского кредита[6] и централизация финансов. Подсчитано, что в среднем в XIII в. курия собирала с народов Европы на крестовые походы до 1 млн. фунтов стерлингов в год[7]. Сборы средств на крестовые походы еще более упрочили положение папы, который, оставаясь духовным главой церкви, стал и ее финансовым руководителем. К середине XIII в. складывается автономный финансовый аппарат курии — camera apostolica. Благодаря своей экономической силе (в первой четверти XIII в. ее доход был в три с лишним раза больше, чем, например, Франции) курия могла оказывать огромное политическое влияние не только на свою церковную администрацию, но и на связанные церковными обязательствами союзные папе правительства католических держав. Наступление на Прибалтику сопровождалось орга-

низацией системы папских доходов. Курия уже грезила о притоке золота из русских диоцезов.

Эта мощная сила противостояла и арабскому и славяно-балтийскому миру.

Когда назревающий крах антиарабских походов побудил немецких феодалов и купеческую знать Бремена, Любека и других городов искать более выгодные и менее отдаленные сферы извлечения доходов и повлек за собой постепенное перебазирование основанного ими в 1190 г. Тевтонского ордена из-под Акры в Прибалтику, курия оказала этому делу поддержку. Впрочем, отдельные опорные пункты тевтонов продержались еще некоторое время: Монфорт, воздвигнутый в 1229 г., пал в 1271 г. Его штурмом взяли войска Бейбарса [8]. Можно, следовательно, считать, что тевтоны воевали одновременно и на переднеазиатском и на восточноевропейском фронтах.

Крестоносцы в Прибалтике имели достаточную материальную базу в значительной мере потому, что поход в Прибалтику, на Литву и Русь был сразу же приравнен курией к походу на арабов [9].

Золотой иерусалимский крест в черном кресте магистра тевтонов [10]—это не только символ признания их «заслуг» в борьбе с арабами, но и символ крестоносного разбоя, перенесенного в новые условия. Рыцари применяли в Прибалтике и против Руси тактику борьбы, выработанную в Передней Азии; они строили здесь замки, украшенные низкими порталами («тоска по Востоку») и восточным орнаментом [11], и давали им названия рыцарских крепостей на арабской земле — Штаркенберг (Монфорт), Торн (Торон) и др. [12]

Немецкие хронисты, в частности Петр Дюсбург, прославляя местных рыцарей, широко использовали в качестве образца хроники франков, описывающие действия крестоносцев против арабов [13]. Политический строй рыцарского государства франков служил примером при создании государства Ордена и в модифицированной форме отразился в его статутах.

Почти одновременно курия издавала буллы, запрещающие продажу итальянскими городами оружия арабам и немецкими — народам Прибалтики и Руси; не раз одни и те же папские легаты (например, Вильгельм Моденский), едва управившись с делами во Франции, спешили в Прибалтику [14].

Поддержка купечеством немецких городов действий крестоносцев весьма схожа с аналогичной политикой городов итальянских; и там и здесь велась борьба за морские торговые пути. Правители Ордена многократно пользовались помощью, например, любекцев и признавали, что именно благодаря их усилиям «дело веры в Ливонии не раз одерживало успехи» [15].

Новые ордена с первых же шагов своей деятельности устремились по обоим путям: из шести викариатств францисканцев три приходились на монголов и по одной — на Марокко, Балканы и Русь (включая Молдавию и Подолию) [16]. И доминиканцев папа Гонорий III послал не только в Причерноморье и в Прибалтику, но и в Марокко.

Несмотря на существенные различия между двумя направлениями крестовых походов, в политике франков и тевтонов много сходного: распри раздирали их ряды, и не раз они вступали в союзы с мусульманами [17] или язычниками; под стягом борьбы с «неверными» франки разоряли и захватывали христианские земли, подвластные Венгрии и Византии [18], а тевтоны — Польши и Руси; не раз угнетенные франками сирийцы восставали в поддержку войск Египта, а латыши и эстонцы — войск Руси и Литвы.

Исторические судьбы арабов и русских сложились так, что, когда первые сбросили иго иноземцев, Русь попала под ярмо Золотой Орды, и арабские связи установились не с ней, а с угнетавшими ее татаро-монгольскими ханами [19].

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА АЗИЮ И ЕВРОПУ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУСИ

В этой работе мы не будем подробно останавливаться на образовании Монгольского раннефеодального государства и истории 30-летней (1207—1240) борьбы с монгольским нашествием народов нашей страны. Эта тема разработана в других исследованиях [1]. Напомним лишь основные события. Монгольское государство возникло в 1206 г., столицей его (около 1220 г.) стал город Каракорум, на р. Орхон, притоке Селенги. Представитель кочевой знати, поставленный ею во главе государства,— Чингис-хан (1206—1227) располагал многотысячным войском, основанным на суровой дисциплине.

Сила Монгольского государства заключалась в том, что оно возникло в местном феодальном обществе на ранних ступенях его развития, когда кочевая знать еще единодушно поддерживала завоевательные стремления великих ханов. В своем наступлении на Азию и Европу монгольские захватчики встретили уже феодально раздробленные государства, расколотые на множество владений. Междоусобная вражда правителей лишила народы возможности оказать вторжению кочевников организованный отпор.

Это войско, сея вокруг смерть и опустошение, за короткий срок завоевало Сибирь, Центральную и Среднюю Азию, северо-западный Китай (в 1215 г. пал Пекин). В Китае было захвачено разного рода вооружение, включая осадные машины, а главное — взяты люди, которые не только умели пользоваться этими машинами, но и создавать их. Монгольское завоевание справедливо рассматривалось современниками как величайшее бедствие. Массовое истребление населения и разрушение почти всех крупных городов монгольские правители сделали принципом своей политики. Этим они старались низвести покоренные народы до уровня своего кочевого быта, предотвратить возможные попытки сбросить их власть и вызвать панику в еще не завоеванных землях.

В 1220 г. монгольская рать воевод Джебе и Субэдея вторглась на Кавказ. Опустошив многие цветущие города

Азербайджана, Армении и Грузии, это войско обошло Дербент и затем, разбив поодиночке осетин и половцев [2], ворвалось в Крым, где захватило Судак.

Половецкая орда Юрия Кончаковича, кочевавшая между Волгой и Днепром, потерпев поражение, бежала за Днепр. Половецкие ханы, кочевавшие к западу от Днепра, во главе с ханом Котяном спешно прибыли к его зятю Мстиславу Удалому в Галич, где заявили: нашу землю татары завоевали сегодня, если не поможете нам, то ваша земля будет взята завтра. Так Русь впервые услышала о монголо-татарах, которые прямо угрожали ее причерноморским интересам.

Монгольский вопрос стал предметом обсуждения на общерусском съезде «старейших» — великих князей в Киеве — киевского Мстислава Романовича, галицкого Мстислава Мстиславича, черниговского Мстислава Святославича и их многочисленных вассалов [3]. Владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович в съезде не участвовал, так как, видимо, был занят прибалтийскими делами, но он признал его решения и выделил ростовскую рать для участия в походе [4]. Помимо половецкого предложения в Киеве обсуждалось монгольское, направленное к расколу русско-половецкого союза. Монгольские послы (по сведениям новгородской летописи) заявили: мы узнали, что вы, послушав половцев, собираетесь на нас; а мы вашей земли не занимали, ни ваших городов, ни ваших сел и пришли не на вас, а по воле божьей на своих холопов и на конюхов своих — на поганых половцев; а вы заключите с нами мир на таких условиях: если выбегут половцы к вам — воюйте против них, а имущество забирайте себе, потому, как мы слышали, они и вам много зла сделали; потому же и мы их воюем [5]. Это был традиционный прием монгольской дипломатии, лишь недавно принесший ей успех при столкновении с предками осетин и половцами. Но русские князья отвергли это предложение, а послов убили. Было решено вместе с половцами выступать против татар. Это решение было торжественно освящено и церковью: тут же на съезде был крещен половецкий хан Басты. Удалось монголам привлечь к союзу лишь воеводу бродников Плоскыню.

В поход отправилось большое русское войско, к которому в низовьях Днепра присоединилась приплывшая из Поднестровья на тысяче ладей рать южнорусских причер-

поморских переселенцев. Здесь уместно представить себе военный потенциал Руси тех времен. Новгородская Русь в XI в. выставляла войско в 4 тыс. человек[6]; в XII—XIII вв. суздальско-новгородские и смоленско-новгородские походы в Прибалтику осуществлялись войском в 15—20 тыс. человек[7]; владимиро-суздальский князь в середине XII в. собирал 50-тысячное войско[8]; галицко-волынский князь в середине XIII в. не боялся противника, способного выставить от 30 до 60 тыс. войск[9]; источникам известен «сильный полк киевский»[10] (включавший и тюркских конфедератов), который на этот раз был пущен в дело, коль скоро на Калке погибли 10 тыс. киевлян[11]; наконец, тысяча ладей причерноморских «выгонцев» должна была доставить войско в 30—40 тыс. человек. Следовательно, соединенное русское войско (хотя в нем и отсутствовали владимиро-суздальские, новгородско-псковские и полоцко-минские полки) было весьма значительным по размерам.

Однако на киевском съезде не был избран главный военачальник, видимо, за это место тщетно спорили князья киевский с галицким. Войско было организационно разобщенным, каждый князь сражался сам по себе и в любой момент мог со своим полком покинуть поле боя. Это привело к роковым последствиям: в битве на берегу р. Калки 31 мая 1223 г. русское войско было разгромлено, погибли 6 князей, а из рядовых воинов вернулся лишь каждый десятый. «И погыбе много бещисла людей,— писал новгородский летописец,— и бысть вопль, и плачь и печяль по городом и селом... Татары же возвратишася от рекы Днепра и не съведаем, откуду суть пришли и кде ся деша опять»[12]. На обратном пути монгольская рать понесла урон от булгар[13] и ушла через степи нынешнего Казахстана в «коренной юрт» Монголии.

Битва на Калке, отрицательно отразившись на внешнеполитическом положении Руси в целом, не заставила, однако, русских князей принять какие-то меры на случай возможного повторения подобного нашествия.

Преемники Чингис-хана, верные его заветам, готовились накинуть аркан на человечество[14]. Замышляя поход на Европу и Переднюю Азию, великий хан направил в 1229 г. часть своих войск на Яик, где они разбили половцев, а затем, двигаясь к Волге, саксинцев и булгарские дозоры; к 1232 г. они уже стояли у границ Булгарии; в 1236 г. Бату, внук Чингис-хана, собрав огромное войско

из отрядов всех улусов, начал переправу через Каму. Булгария была стерта с политической карты мира. Мордовские и буртасские земли пережили тяжелое разорение; другая часть войск из северного Ирана была двинута в 1231 г. на Кавказ, где, чередуя походы из Муганской степи, установила свое господство к 1239 г. (когда пал Дербент); лишь на Северном Кавказе продолжалась борьба за независимость. Политическая карта вокруг Руси коренным образом изменялась.

Подготовке похода служила и широкая военно-дипломатическая разведка, которую монголы вели в Европе. Великие ханы не скрывали своих целей, требуя покорности от государей соседних им стран. Европа, однако, была плохо осведомлена о нависшей над ней угрозе [15]. Русь лучше знала о происходящем по тревожным сообщениям из Булгарии, с Кавказа, от половцев, да и монгольские посольства то приходили во Владимиро-Суздальскую Русь с предложением мира, то проходили через Русь в другие страны; князь Юрий Всеволодович принимал их и отпускал [16]; он же перехватил одно из них с письмом к королю Беле IV, от которого, по словам доминиканца Юлиана, ханы требовали покорности [17]. Монгольские послы — люди подготовленные. С одним из них Юлиан встретился в Башкирии и отметил, что тот «знал венгерский, русский, тевтонский [т. е. немецкий], куманский [половецкий], сарацинский [арабский] и татарский языки» [18]. Встречные разведывательные миссии были незначительны, и в сущности лишь после нашествия, на Лионском соборе (1245 г.), властители западных держав получили от черниговского игумена Петра Акеровича первые достоверные сведения о монголах.

Глубокой осенью 1237 г. монгольские полчища вторглись на Русь. В течение трех лет русский народ сражался с захватчиками. Но страна была раздроблена. Не было попытки созвать княжеский съезд для сбора общерусского войска. Политические распри разъединяли князей. Пользуясь этим, монгольские ханы сокрушали одно княжество за другим. Можно только поражаться мужеству русских людей, которые, не имея надежд на помощь соседей, отвергали предложения врага о сдаче (такие предложения делались Рязани, Владимиру, Киеву) и сражались до последнего воина в сокрушенных стенобитными машинами и спаленных огнем городах.

На первом этапе нашествия разорению подверглась Северо-Восточная Русь — десятки цветущих городов, среди них столица земли Владимир-на-Клязьме (7 февраля 1238 г.), были варварски опустошены. Тысячи людей угонялись в далекий плен. В битве на р. Сить (4 марта 1238 г.) полки Юрия Всеволодовича честно сложили голову, защищая Русь. Оборона городов ослабила монгольский натиск. Бату отказался от наступления на Новгород, Смоленск, Полоцк. Он оттянул свои рати на юг, в степь.

На втором этапе монгольские рати завоевали союзную Руси часть Половецкой земли (откуда едва успел уйти со своей ордой в Венгрию хан Котян) и рядом наездов разорили Юго-Восточную Русь, где пали Козельск, Переяславль, столица княжества Чернигов (18 октября 1239 г.) и другие города; в истории освободительной борьбы особенно прославился своим 7-недельным сопротивлением врагу г. Козельск.

На третьем этапе монгольские воеводы, разорив тюркский оборонительный пояс городов и укреплений, осадили Киев и захватили его после 10-недельных непрерывных боев (19 ноября 1240 г.).

На последнем этапе войны опустошению подверглась Юго-Западная Русь, где пали столичные города Галич и Владимир и были сожжены «иные гради мнози, им же несть числа». Примечательно, что города Данилов и Кременец отбили приступы врагов. Русь пережила страшное опустошение, но и монгольские захватчики вышли на ее западные рубежи серьезно ослабленными. Фронт их наступления сузился. Фактически они обошли Северо-Западную Русь, они, видимо, вообще опасались далеко отходить от степных баз.

Не было единства среди русских князей, не удалось противопоставить монгольской орде и русско-венгерский или русско-польский союз. Черниговский Михаил Всеволодович уехал в Венгрию, где надеялся найти у Белы IV помощь, предлагая скрепить союз браком Ростислава с дочерью короля. Однако король отказал в помощи и «не вдасть девкы своей Ростиславу» [19]. Отверг Бела IV и предложение галицко-волынского князя Даниила Романовича, который посетил его с сыном Львом и с боярами в канун вторжения монголов в Галичину; князь тоже добивался иметь с королем «любовь сватьства», но «не бы любови межи има» [20].

Черниговский князь не нашел поддержки и при мазовецком дворе Конрада и поселился у князя Даниила; волынский князь в будущем «обещал ему Киев», а пока дал его сыну Луцк, а самому Михаилу, который «за страх татарьский не сме ити Кыеву», выделил на содержание часть своего полюдья. Получив известие о падении Киева, черниговские и волынские князья укрылись в Польшу, где последние получили от Болеслава, сына Конрада, в держание г. Вышеград[21]. Михаил Всеволодович, вероятно вместе с поставленным им киевским митрополитом Петром Акеровичем, двинулся во Вроцлавскую землю в надежде найти союзников. Но здесь он достиг еще меньшего, чем в Венгрии: в Силезии, в г. Шьрода, на пути от Вроцлава к Легнице, он был ограблен местными немецкими бюргерами, которые перебили его людей[22]. Тогда он возвратился в Мазовию. Петр Акерович поехал далее на запад и в 1245 г. оказался в Лионе.

Наступавшие монголы не имели спокойного тыла — в разных местах вспыхивали освободительные восстания (Махмуд Тараби, Бачман и др.). Последующие широкие движения середины XIII в. на Руси, в Поволжье, в Крыму, на Кавказе, в Центральной Азии также свидетельствуют, что, продвигаясь в глубь Европы, монгольские ханы должны были опасаться за тыл. Яркий тому пример — Болоховская земля. Уходя из пределов Руси на запад, монгольские воеводы решили обеспечить себе базу снабжения в Киевщине, для чего вошли в соглашение с боярством Болоховской земли; они не тронули тамошних городов и сел, но обязали население снабжать свое войско пшеницей и просом. После ухода монголов в поход князь Даниил Романович, вернувшись на Русь, разрушил и сжег города бояр-изменников; тем самым было подорвано и снабжение монгольских войск[23].

Монгольские рати встретили мужественный отпор в Польше. Разорением Люблина, Завихоста и других городов отмечен их путь на Краков; польская столица пала 22 марта 1241 г. Устоял Вроцлав. Значительное войско Генриха Благочестивого погибло в жестокой сече под Легницей 9 апреля, но взять ее монголам не удалось; отбил их натиск и Ратибож. По распоряжению Бату, бывшего с главными силами в Венгрии, монгольская рать была оттянута из Польши и в начале мая 1241 г. вторглась в Моравию[24].

Рать Бату с боями прорвалась через Карпатские проходы, где погибли вооруженные заставы венгров, и хлынула в Венгрию. 60-тысячное венгерско-хорватское войско короля Белы IV мужественно погибло 11 апреля 1241 г. в битве при Шайо. Монгольские рати взяли штурмом Пешт, разорили десятки городов и овладели левобережной Венгрией[25]; разорили они и Словакию, бывшую под властью Венгрии; словацкое население сумело отстоять города Братиславу, Комарно, Тренчин, Нитру. Эти бои стоили им немалых жертв: из числа монголов, двинувшихся в глубь Европы, «многие были убиты в Польше и Венгрии», — сообщал папский посол Плано-Карпини[26].

Католическая Европа тоже не была подготовлена ко встрече с полчищами Бату, хотя сведения об их приближении поступали давно. Было известно о вторжении 1223 г. на Русь[27]; тогда же грузинская царица Русудан писала о монголах папе[28]. Король Бела IV отправлял доминиканские и францисканские миссии для разведки; из них особенно известна миссия доминиканца Юлиана[29]. Да и сам великий хан писал венгерскому королю, требуя подчинения, остерегая его принимать половцев и упрекая в том, что множество ханских посольств не вернулось из Венгрии[30]. Император Фридрих II в письме к английскому королю Генриху III обвинял Белу в беспечности[31]. Сам Фридрих II тоже получил письмо хана с требованием покорности и якобы ответил не без иронии, что, будучи знатоком пернатых, мог бы стать ханским сокольничим[32]. Впрочем, тогда курсировали слухи, которым верил и папа, о тайном соглашении императора с ханом[33] — определить достоверность этих слухов было бы весьма интересно.

Завоевание монгольскими войсками Руси, вторжение их в Польшу, Венгрию и другие земли вызвало панику в Европе. В хронике монастыря св. Пантелеона (Кельн) читаем: «Значительный страх перед этим варварским народом охватил отдаленные страны, не только Францию, но и Бургундию и Испанию, которым имя татар было дотоле неизвестно»[34]. Во французской хронике отмечено, что страх перед монголами во Франции повлек за собой полный застой торговли; английский хронист Матвей Парижский сообщает, что на время прервалась торговля Англии с континентом, а в Германии даже возникла молитва: «Господи, избави нас от ярости татар»[35]. Обращение Белы IV за помощью и к империи, и к папству породило переписку

между государственными деятелями, анализ которой обнаружил ее полную бесполезность [36]. Из этих писем особенно известно послание императора Фридриха II королям Англии и Франции [37]. Император Венгрии не помог, папа ограничился призывами, собственные папские вооруженные силы ввиду их незначительности вообще не могли идти в расчет [38]. Ближайшие соседи Венгрии — Венеция и Австрия не помогли Беле IV. Более того, венецианский хронист Андрей Дандоло писал: «Лишь принимая во внимание христианскую веру, венецианцы не причинили тогда королю вреда, хотя очень многое могли против него предпринять» [39]. Другого соседа Венгрии герцога Фридриха II Бабенберга не смутили и соображения веры; в разгар монгольского нашествия (апрель 1241 г.) он отправил свое войско и захватил венгерские комитаты Шопрон, Мошон и Лочманд, но был изгнан местным населением [40].

Продолжая бои в Чехии, монголы овладели Опавой, Бенешевом, но взять Оломоуц, Брно и другие города не смогли [41]. Неся потери и видя, что в этом районе продвинуться на запад не удается, Бату оттянул войска из Чехии. Собрав все силы в Венгрии, он зимой 1241 г. направил их за Дунай. Он, вероятно, предполагал превратить венгерскую равнину, подобно Муганской степи, в исходную кормовую базу для своей конницы. Ему удалось штурмом взять Эстергом, в Хорватии — Загреб, на побережье — Свач, Дривасто, сжечь часть Катарро. Однако монгольский приступ отбили жители Клиссы; монголы обошли Сплит, не смогли взять Траву, Рагузу.

Наступление, начатое на Нижнем Поволжье, окончательно захлебнулось на побережье в Далмации, у границ Италии. Известие о смерти великого хана Угедэ (1241 г.) стало хорошим предлогом для поспешного отступления через Боснию — Сербию — Болгарию (где болгары и влахи нанесли врагу большой урон) — Русь — за Волгу. Монгольский поход на Европу кончился провалом. В современной историографии отброшен давний взгляд, будто монгольские воеводы повернули свои рати из страха перед Германией, но еще есть авторы, готовые видеть в смерти Угедэ главную причину отступления монголов [42]. Их можно спросить, почему же хан Хулагу, которого известие о смерти застало под Алеппо и Дамаском, не оттянул своих войск, а уехал лишь сам, передав командование Кет-буге? [43] Нет, причина отступления в другом. На-

роды нашей страны, народы Восточной и Центральной Европы, отстаивая свои земли в жестокой борьбе с монгольским нашествием, спасли Париж и Любек, Мадрид и Лондон, города и культуру многих европейских стран от разоренья.

Монгольское нашествие принесло неисчислимые бедствия народам нашей страны, которые потеряли в борьбе за независимость многие тысячи сынов и дочерей. Нашествие подорвало хозяйство; были уничтожены важные центры городской культуры. Некоторые народы (волжские булгары, половцы, хазары и др.) исчезли с лица земли. Русь утратила в пользу Орды все свои вассальные владения в Причерноморье, на Северном Кавказе и в значительной части Поволжья.

Земли нашей страны оказались поделены между правителями отдельных орд и улусов. По возвращении из неудачного похода на Европу хан Бату и окружавшая его знать обосновались на Волге, где возникло новое государство — Золотая Орда со столицей в Сарае. Территория, ей подвластная, простиралась от Иртыша до Дуная (включая Молдову и Болгарию); на северо-востоке Золотая Орда подчинила земли народов Поволжья и Приуралья, на юге — Крым и Северный Кавказ (до Дербента). Земли Средней Азии обособились под властью Чагатая — сына Чингис-хана. В особый улус отделились владения его внука Хулагу: ему подчинялись в числе других земли нынешнего Туркестана (до Аму-Дарьи) и Закавказье.

Золотая Орда, государства Хулагидов и Чагатаев некоторое время находились в номинальной зависимости от монгольского великого хана, пребывавшего в Каракоруме. Сюда свозились драгоценности, награбленные в завоеванных странах, здесь в рабстве изнывали русские, китайские, грузинские, армянские и другие ремесленники. Под личной властью великого хана, владевшего Китаем (Цзиньское государство джурженей северо-западного Китая пало в 1234 г.; в южном Китае сопротивление монгольским захватчикам продолжалось до 1280 г.), оставались земли Центральной Азии, юго-восточной Сибири, Дальнего Востока.

Монгольское нашествие имело многообразные отрицательные последствия для международного положения Руси, как Верхней, так и Нижней. Прежде всего оно ослабило Русь и породило желание у ее соседей использовать

выгодный момент и разом покончить с ее независимостью. Некоторые буржуазные (особенно католические и немецкие) историки пытались утверждать, что руководители западных держав, включая папу, в трогательном единодушии старались помочь странам, попавшим под удар монгольских полчищ. Марксистская историография опровергла этот тезис, и он постепенно исчезает из науки. Факты не оставляют для него места.

КРАХ КРЕСТОВОГО ПОХОДА НА РУСЬ

НАПАДЕНИЕ ШВЕЦИИ НА РУСЬ. НЕВСКАЯ БИТВА (1240 г.)

Русские источники Северо-Восточной Руси скупо и неохотно говорят о событиях 1238—1241 гг., т. е. о времени, когда монгольские рати, разорив ее, продолжали европейский поход: тем не менее некоторые наблюдения возможны.

Нашествие привело к уничтожению и расхищению веками накопленных культурных ценностей и задержало развитие страны на полтора столетия. Работы советских археологов с достаточной ясностью позволяют видеть, какой огромный ущерб был нанесен экономике Руси и ее военной силе. Срытые стены крепостей, развалины домов, опустевшие города... Большое число ремесленников или пало в битвах, или было угнано в рабство. Немало оружия и орудий труда было захвачено врагом; археологи находят русские изделия в самых различных районах монгольских кочевий. Огрубляется и опрощается ремесленное производство: людям не до изящных украшений, когда нет самого необходимого. Сами города едва начинали восстанавливаться. Их облик сильно изменился: строительство каменных зданий сократилось, да и строили их гораздо хуже.

Монгольские облавы нанесли огромный урон и сельскому хозяйству, множество сел запустело: «И несть места, ни в[е]си, ни сел тацех редко, идеже не воеваша на Суждальской земли» [1]. Нарушились торговые отношения между городами и землями, порвались многие внешнетор-

говые связи. Русь оттеснили от морей: за ней остались выходы только к трем морям — Балтийскому, Баренцову и Белому [2].

Лишь поистине героическими усилиями народа Русь, собственно Великороссия, могла оправиться от разорения. Но страна надолго осталась экономически раздробленной. Она заметно отстала от передовых стран Европы, не переживших ни нашествия, ни последующего ига. Нашествие отрицательно сказалось и на политическом строе — ослабило княжескую власть, усилило сепаратизм мелких князей и боярства, затруднило народу оборону других рубежей.

Нашествие расшатало государственный, административно-хозяйственный аппарат. Вернувшийся с юга и ставший владимиро-суздальским великим князем, Ярослав Всеволодович после ухода монголов поспешил принять меры к укреплению органов государственного управления, возрождению хозяйства и восстановлению военных сил.

По возвращении князь «поча ряды рядити» и «судити людем» [3]. Быстрее, видимо, оправились Суздаль и Ростов, не переживавшие монгольской осады; впрочем, к 1239 г. и в других городах отмечено значительное население [4]. Подобно Ярославу действовал и рязанский князь: он «пришелци утеши и люди собра»; с помощью уцелевших жителей «очисти град» Рязань и «обнови землю».

Медлить с восстановлением было нельзя, ибо, как мы помним, положение Северо-Западной Руси было тревожное. Русскую землю опустошали монголы, а на границы Новгородско-Псковской земли стягивались немецкие, шведские и датские войска. В то же время Литовское великое княжество активизировало свою политику на Руси. Борьба народов нашей страны с нашествием имела огромное значение для Литвы: она не подверглась ужасам первого вторжения и не попала под иго Золотой Орды. Источники не говорят о вторжении монгольских войск ни в Литву. ни в земли, захваченные немецкими и датскими крестоносцами. Уцелели от разорения также полоцко-минские и другие земли Белоруссии: Черная Русь (Новогородок, Городно, Слоним, Волковыйск и др.), Подляшье (Берестье, Дорогичин и др.), Полесье (Пинск, Туров и др.) [5].

В условиях, когда Руси грозило ордынское иго с востока и вторжение крестоносцев с запада, Литва меняет фор-

мы своей политики в отношении Полоцка, Новгорода, Смоленска. Намечается переход от набегов на русские города и земли к их занятию дружинами литовских князей. Последнее происходило (как свидетельствует история Полоцка, а позднее — Волыни и Смоленска) в результате сговора с местным боярством, напуганным татарской или немецкой угрозой.

Смоленщина была затронута монгольским нашествием, и, видимо, тогда же сюда был приглашен один из литовских князей; очевидно, и полоцко-минские земли установили какой-то modus vivendi с Литвой. Это было неизбежно, так как Полоцко-Минская Русь, потеряв большую часть своих владений в Прибалтике, сама попадала теперь под удар Ордена. Литовское проникновение происходило не в виде единовременного похода и захвата: оно было постепенным и не раз сопровождалось отступлениями.

Главным препятствием для Литвы стало то, что Владимиро-Суздальская и Галицко-Волынская земли сумели оправиться от нашествия и оказать помощь западнорусским землям в защите их независимости. Владимиро-суздальское влияние было в 1239 г. распространено на Смоленск [6], Полоцк [7] и Витебск [8]; галицко-волынские князья удержали основные центры Черной Руси, Подляшья и Полесья.

Суздальские князья Ярослав Всеволодович и правивший в Новгороде его сын Александр не только упрочили свою власть в западнорусских центрах, но и приняли меры к усилению обороны — по Шелони, Неве и берегам залива. Эти меры оказались вполне своевременными.

Летом 1240 г. шведское правительство решило направить войско против Новгородской Руси с целью захвата Невы и Ладоги, а если удастся, то и Новгорода и всей Новгородской земли. Захватом Невы и Ладоги оно, видимо, надеялось достигнуть двух целей: во-первых, финские земли отрезались от Руси, а лишенные русской поддержки, они легко могли стать добычей шведских феодалов; во-вторых, с захватом Невы в руках Швеции оказывался единственный в то время для Новгорода (и для всей Северо-Восточной Руси) выход к Балтийскому морю, т. е. вся внешняя торговля этой части Руси должна была попасть под шведский контроль.

Есть серьезные основания думать, что выступление Швеции было согласовано с Орденом, чьи войска в том же

году предприняли наступление на Изборск и Псков, причем вопреки традиции не зимой, а летом, в августе.

Для похода на Русь шведское правительство короля Эрика Эриксона (1234—1250) выделило войско под предводительством ярла Ульфа Фаси[9] и (согласно русской внелетописной традиции) зятя короля — Биргера, ставшего ярлом в 1250 г., а также епископов. Присутствие последних подтверждает, что грабительский смысл похода прикрывался разговорами о необходимости распространить среди русских «истинное христианство» — католичество[10]. К походу были привлечены также вспомогательные финские отряды, скорее всего из среды нобилей повоеванных земель еми и суми. Несколько неожиданно упоминание в составе войска мурманов, т. е. норвежцев, поскольку политическое положение Норвегии и ее отношения со Швецией исключают государственное участие в походе, да и отношения с Русью не вызывали необходимости такой акции. Видимо, Швеция использовала отдельных норвежских рыцарей, что тем более возможно, так как в 1237 г. Хакон IV обязался участвовать в крестовом походе, а папа разрешил ему воевать против северных язычников[11].

Описание похода шведских войск и его результатов оставил современник, вероятно дружинник князя Александра Ярославича; позднее митрополит Кирилл включил это описание в житие Александра Невского[12]. О себе автор говорит как о «самовидце» событий; кроме того, он использовал сведения, собранные «от отець своих».

Ход военных действий и результаты решающей битвы хорошо известны. 15 июля 1240 г. русское войско Александра Ярославича наголову разбило шведов на Неве при устье Ижоры[13]. Угроза с севера была предотвращена. Это произошло в то время, когда полчища Бату готовились к походу на Киев.

Борьба за устье Невы была борьбой Руси за сохранение выхода к морю, столь важного на пути развития русского народа в великую нацию. Борьба за сохранение древнего свободного выхода Руси к Балтийскому морю в форме решительных столкновений началась именно в XIII в., когда вторжение крестоносцев создало то, что принято называть «балтийским вопросом».

Невская битва была важным этапом этой борьбы. Победа русского войска славного полководца Александра Невского предотвратила потерю берегов Финского залива

и полную экономическую блокаду Руси, не дала порвать ее торговый обмен с другими странами и тем самым облегчила дальнейшую борьбу русского народа за независимость, за свержение монгольского ига. Наш народ до начала XVII в. успешно оборонял Неву. Временный захват ее Швецией кончился для последней крахом. Разбитая при Петре I Швеция потеряла значение крупной державы. Считая себя прямым продолжателем дела Александра Невского, Петр I приказал перевезти его прах в Петербург.

НАПАДЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА И ДАНИИ НА РУСЬ. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ (1242 г.)

Победа над Швецией была, однако, лишь частью великого дела обороны родины. Немногим больше месяца[1] прошло со времени битвы на Неве, как немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии, в том числе из Оденпэ, Дерпта, Феллина, а также датские рыцари из Ревеля предприняли большой поход на Русь. События этого похода отражены и в русских летописях, и в немецких хрониках[2]. Этот поход, как и шведский, был подготовлен папской дипломатией. На него не жалели дипломатических усилий, используя (как это было уже не раз) предательство сепаратистски настроенных князьков. Так, в 1239 г. Ярослав, сын беглого псковского князя Владимира, «подарил» дерптскому епископу «Псковское королевство»[3].

Неприятель после ожесточенного сопротивления захватил Изборск, с помощью пронемецкой боярской группировки (известной нам с 1228 г.) Твердилы Иванковича вступил в Псков. Немецкие войска неделю осаждали Псков, однако силой взять его не могли. Если бы не бояре-изменники, они бы и не взяли город, который в своей средневековой истории выдержал 26 осад и ни разу не открыл ворот неприятелю. Даже немецкий хронист, сам человек военный, считал, что псковская крепость при условии единства ее защитников неприступна[4]. Бояре предали Псков, где стали хозяйничать немецкие фогты, власть Твердилы была видимостью. Псков дал немецким властям заложников; бояре, не согласившиеся на измену, бежали со своими семьями в Новгород. Положение сложилось опасное, и меры нужны были срочные. Князь Александр Ярославич,

не рассчитывая на большую помощь из недавно разоренной Владимиро-Суздальской Руси, вероятно, возложил на новгородское боярство крупные расходы по подготовке к войне и старался (после Невской битвы) укрепить свою власть в республике. Новгородское боярство, ставя собственные интересы выше интересов родины, вступило с князем в конфликт, в результате которого зимой 1240 г. он со своим двором уехал к отцу в Переяславль. Ситуация напоминает конфликт его отца с Новгородом в 1228 г.

В начале 1241 г. военное положение сделалось еще более грозным. С юга пришли вести о падении Киева. Рыцари вместе со вспомогательными отрядами эстов захватили и обложили данью Водьскую землю, сманив на свою сторону часть местной знати. Рыцари помышляли захватить и берега Невы и Карелию. Папская курия, внимательно следившая за ходом войны, одобрила соглашение крестоносцев с Генрихом, доминиканским епископом Эзеля, передав ему право ведать церковно-политическими вопросами на землях, лежавших «между Эстонией и Русью»; речь шла о Водьской земле (Watland), Ижорской земле (Ingria), Неве (Nouve) и Карелии[5].

Продвигаясь вперед вместе с отрядами каких-то литовских наемников, враг захватил обширную территорию в районе Изборск — Псков — Сабель — Тесов — Копорье. Его отряды шатались уже в 30 верстах от Новгорода, захватывая купцов, отбирая у окрестного населения лошадей и скот, так что «нелзе бяше орати [т. е. пахать] по селам и нечимь». Вероятно, население сел и погостов искало спасения в Новгороде, и под давлением горожан новгородские власти обратились за поддержкой к Ярославу Всеволодовичу.

Прибывший в Новгород Александр, собрав рать из новгородцев, а также ладожан и карел, выбил врага из Копорья и освободил Водьскую землю.

Решительные действия и мужество русских и их союзников принесли первый успех и отразились в стане врага: в 1241 г. вспыхнуло антинемецкое восстание героических жителей о-ва Сааремаа (Эзель), которые перебили рыцарей и духовенство; едва избежал смерти и незадачливый претендент на русские владения епископ Генрих[6]. Орден поспешил подписать с сааремаасцами новый договор, в котором прямо отметил, что сподвигнут к тому «нуждой»[7], т. е. успешным контрударом русских.

Подготавливая ответные действия, князь Александр получил в подмогу вновь сформированные после монгольского погрома владимиро-суздальские полки. Немецкая хроника сообщает, что князь «приготовил свой народ» к борьбе [8]. Умелыми действиями войска Александра освободили Псков после двухлетнего господства рыцарей, а затем на льду Чудского озера русское войско 5 апреля 1242 г. наголову разбило крестоносную рать, убив 400 рыцарей да 50 взяв в плен [9].

Победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела выдающееся значение для всей Руси и связанных с ней народов; она спасла их от жестокого иноземного ига. Международное значение этой победы очевидно, если учесть, что впервые был положен предел грабительскому «натиску на Восток», который немецкие правители осуществляли в течение нескольких столетий. Эта битва сыграла решающую роль и в борьбе литовского народа за независимость: подчинив Новгородско-Псковскую Русь, немецкий Орден стал бы неизмеримо более опасным для Литвы.

Битва непосредственно отразилась и на политическом положении Прибалтики. Произошло восстание в земле куршей (по договору около 1242 г. вынужденных признать власть Ордена) [10], где после Шауляйской битвы рыцари успели продвинуться, построив и заняв ряд замков — Гольдинген, Амботен, и создать угрозу южной Жемайтии. Курши призвали на помощь Литву: великий князь Миндовг, который, по словам немецкого хрониста, «очень ненавидел крестоносцев» [11], привел 30-тысячное войско. Положение Ордена надолго осложнилось. Западные державы и тут поддержали Орден. Великий магистр Герхард (1241—1244) получил в 1243 г. от папы Иннокентия IV (1243—1254) инвеституру перстнем [12]. Папский легат Вильгельм Моденский подтвердил в 1245 г., что земля куршей есть «часть Пруссии и должна управляться по ее законам» [13], т. е. две трети завоеванного должны идти рыцарям, а одна треть — епископу. По просьбе великого магистра Генриха фон Гогенлоэ (1244—1249) и император Фридрих II «утвердил» за Орденом права на обладание землями куршей, земгалов и литовцев [14].

Произошло восстание и в земле пруссов, на помощь которым пришел, порвав договор с Орденом, свояк галицко-волынского князя Даниила Романовича [15] князь польского

Поморья Святополк; его поддержала и Литва. Немецкий хронист Петр Дюсбург именует Святополка «сыном греха и погибели» и говорит, что в то время «почти вся Пруссия была окрашена христианской кровью» рыцарей [16]. Восставшие очистили многие прусские и польские земли от рыцарей, которые потеряли Мариенвердер и все другие укрепления, кроме пяти замков (Кульм, Торн, Рейден, Балга, Эльбинг), бывших в тяжелой осаде. Прусско-поморские войска Святополка 15 июня 1243 г. нанесли тевтонским рыцарям поражение у Рейзенского озера [17]. Борьба продолжалась еще несколько лет и завершилась Кишпоркским договором 1249 г.

Так удар по рыцарям на Чудском озере отозвался в Прибалтике, потрясая до основания немецкий Орден. Только вмешательство папства и империи, а также отсутствие единства среди славянских и литовских князей спасли захватчиков от полного разгрома.

Что касается ливонских рыцарей, то еще в 1242 г. они «прислаша [послов] с поклоном» в Новгород. Послы заявили: «Что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечем, того ся всего отступаем; а что есмы изоимали мужий ваших, а теми ся розменим: мы ваши пустим, а вы наши пустите» [18]; возвращались и псковские заложники. Следовательно, по договору 1242 г. Орден признал свое поражение на Руси, признал он и новгородскую юрисдикцию над Псковской, Водьской и Латгальской землями. Этот договор (полный текст которого не сохранился) на столетия лег в основу русско-немецких отношений [19].

НАПАДЕНИЕ ВЕНГРИИ И ПОЛЬШИ НА РУСЬ. БИТВА ПОД ЯРОСЛАВОМ (1245 г.)

Монгольское нашествие привело к разорению и Юго-Западной Руси. Когда по уходе врага за Карпаты князь Даниил с двором прибыл из Польши в Берестье, то «не возмогоста ити в поле, смрада ради множьства избъеных»; ту же картину застали они во Владимире, где «не остал живый», а все церкви «наполнены бына трулиа и телес мертвых» [1].

Видимо, в это время (пока монголы более двух лет находились на Балканах) русское общество было убеждено,

что они ушли навсегда, как это не раз бывало в истории Руси, пережившей не одно нашествие кочевников. Так думать заставляет широта экономических и политических действий власти. Меры и здесь требовались срочные. Резко ухудшилось положение крестьянства, был дезорганизован административно-хозяйственный аппарат государственной (великокняжеской) власти, усилилась политическая раздробленность. Светская и духовная знать поспешила вновь, как и в начале XIII в., захватить в свои руки всю политическую власть [2].

Создалось положение, при котором в большей части края бояре Даниила Романовича «князем собе называху, а сами [без его воли] всю землю держаху» [3]. Но это правление бояр не могло быть прочным. С новой силой вспыхнула феодальная война. Теперь княжеская власть значительно активнее осуществляла карательную политику в отношении непокорной знати, организуя «уставление» земель и статей доходов, проводя как перераспределение земельной собственности и держаний боярства, так и пересмотр повинностей крестьянства. К этому ее принуждала волна крестьянских движений, направленных против феодального сословия в целом. Спешно формировалось и новое войско, в котором князь, опираясь на «служащее» (главным образом среднее и мелкое) боярство, широко использовал зависимых «смердов-пешцев». Наши источники по Юго-Западной Руси полнее отразили эту сторону жизни, чем, скажем, суздальские.

Используя распри среди бояр, князь отобрал у них Галич, откуда послал войско с печатником (канцлером) Кириллом занять Понизье и «исписати грабительства нечестивых бояр и утишити землю» [4], в которой, очевидно, развивалось антифеодальное крестьянское движение. Были подчинены болоховские бояре. Крутые меры были приняты и относительно боярства западной Галичины. Сюда был направлен с войском княжеский дворский Андрей, который занял Перемышль, захватил местного епископа и разорил его богатый двор и владения. Пострадали и другие лица из духовной знати: галицкий епископ был изгнан из страны; угровский епископ, присвоивший было себе сан митрополита, был лишен его, а епископия закрыта; тогда же князь Даниил назначил митрополитом Руси (очевидно, без согласования с никейским патриархом) своего печатника Кирилла.

В эти же годы проводилось энергичное восстановление хозяйства, отмечен значительный приток ремесленников и крестьянства из других земель, пострадавших от нашествия, возвращались и местные жители, нашедшие убежище в Польше и в Карпатских ущельях. Напряженным трудом крестьян и ремесленников хозяйство постепенно восстанавливалось.

Этому не смогли помешать возвращавшиеся из европейского похода монгольские войска. На обратном пути они представляли значительно меньшую угрозу для населения: летопись отметила лишь, что Бату выделил против Волыни два отряда (Маномана и Балая), которые проникли до Володавы на Буге, севернее Угровска[5].

После ухода монгольских войск на восток наступил последний, заключительный этап феодальной войны волынского князя против галицкого боярства, связанного с черниговскими князьями, а также с Венгрией и Польшей. И после нашествия не возникло единства между великими князьями Руси. Напротив, общерусская структура власти оказалась окончательно погребенной под развалинами Киева. Черниговский князь Михаил Всеволодович возвратился в Киев, но жил не в разоренной столице, а «в острове» под ним; Ростислав, побывав в Чернигове, тоже не остался там, а в конце 1242 г. направился снова в Венгрию, где заключил антигалицкий союз с Белой IV и женился на его дочери[6]. В 1243—1244 гг. князь Ростислав сделал попытку обосноваться в Перемышле, но потерпел неудачу[7], хотя момент он выбрал, казалось, удобный: волынские князья были заняты польской войной.

В Польше после нашествия тоже обострилась борьба князей, которые домогались краковского стола. В 1241 г. на нем появился волынский союзник мазовецкий князь Конрад. Против него выступил союзник Венгрии Болеслав Стыдливый, который к середине 1243 г. соединил в своих руках всю Малую Польшу. Мазовецкий князь организовал тогда налеты на Краков, а волынские князья — поход на Люблин (1244 г.). Русские войска действовали на значительной территории: полки князя Даниила сражались под Люблином, рать князя Василько — в бассейне р. Лады (приток Танвы) и доходила до Вислы и Сана; дворский Андрей действовал близ Сандомира; воевода Вышата — в Подгорье[8]. Может быть, этот поход был подкреплен набегом литовцев на южную Сандомирщину[9]. В итоге

борьбы Конрад удержал землю Клецкую. Болеслав Стыдливый в ответ послал войско на Волынь, которое дошло до Андреева (на Буге, севернее Холма).

На это выступление Даниил Романович ответил новым походом на Люблин, который должен был принять поставленные князем условия, и таким образом Люблинская земля выбыла из состава сил малопольского князя [10]. Галицко-волынский князь сумел сохранить прочные связи и при краковском дворе, что вскоре и обнаружилось.

Широко задуманное наступление венгерских, польских, а также связанных с Ростиславом Михайловичем боярских войск представляло большую опасность для Юго-Западной Руси. Ростислав фактически действовал как пособник венгерских феодалов. Это была попытка правителей Венгрии и Польши покончить с самостоятельным существованием Галицко-Волынской Руси, ослабленной монгольским нашествием.

Летом 1245 г. по приказу Белы IV рыцарское венгерское войско, предводимое Ростиславом, выступило в поход. Оно прошло через земли Болеслава Стыдливого, который присоединил свою рать. В Кракове Ростислав оставил свою жену Анну, сестру Кинги, жены Болеслава. Примечательно, однако, что часть малопольских панов во главе с Флорианом Войцеховичем Авданцем выступила против антигалицкой политики своего князя; дошло до того, что «иные ляхове избегли бяху из земли, хотяще ити к Данилови» [11]. Правда, сам Флориан примирился с Болеславом и принял участие в походе; он попал в плен к русским [12]. Узнав о наступлении венгерско-польских войск, князь Даниил отправил послов к союзникам — в Польшу, к Конраду, и в Литву, к Миндовгу, прося о помощи. Оба обещали тотчас помочь. Надежды врагов не оправдались. Они легко заняли Перемышль, однако Ярослав оказал им решительное сопротивление. Русское войско князей Даниила и Василько Романовичей неожиданно напало на задержанных осадой врагов и 17 августа 1245 г. нанесло им сокрушительное поражение. Современники верно поняли выдающееся значение битвы для исторических судеб Руси: дворский Андрей оставил о ней свое повествование, вошедшее в состав волынской летописи [13]. В плен попали венгерский и польский воеводы — известный галичанам Филий и Флориан (Ростислав едва успел бежать) и множество бояр и простых воинов [14]. Когда войско победителей «с колодны-

ки многи» отправилось в обратный путь, ему повстречались польский и литовский отряды, спешившие на помощь. В них уже не было нужды. Галицко-Волынская Русь еще на многие десятилетия сохранила самостоятельность относительно Польши и Венгрии; это имело первостепенное значение не только для развития Украины, но и для первых этапов формирования Великороссии.

ЭПИЛОГ

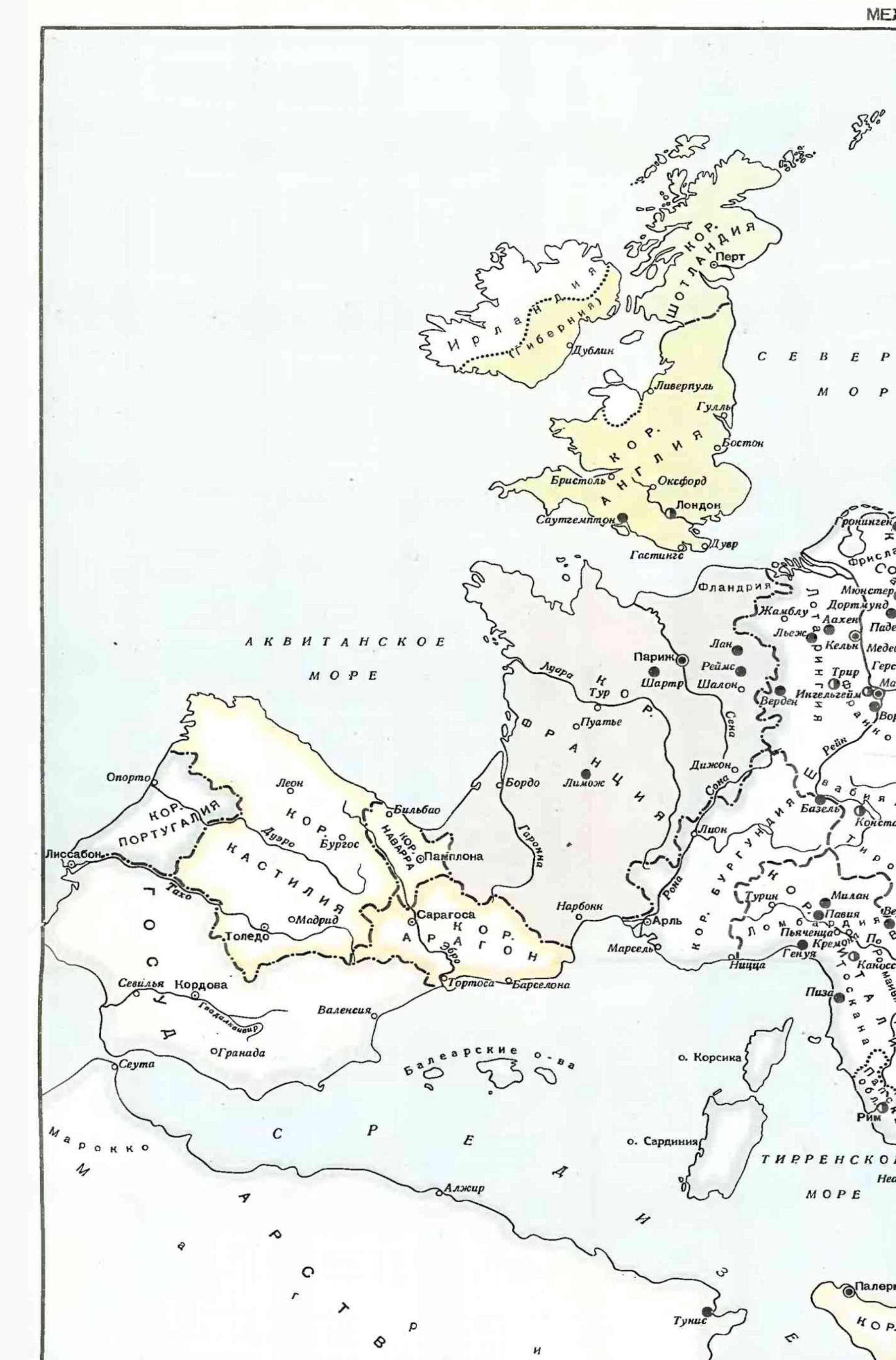
В 1243 г., вскоре после победы суздальско-новгородских войск над ратями Швеции, Ордена и Дании, князь Ярослав Всеволодович был вызван в Сарай, столицу Бату на Волге. Ослушание грозило новым нашествием. Ярослав с боярами двинулся в ханскую ставку, а одновременно отправил дары великому хану в далекий Каракорум. Бату утвердил Ярослава великим князем Руси, включая и Киев, в котором был посажен суздальский воевода [1]. Сам Ярослав был отравлен в Каракоруме. Он ездил туда с большой свитой для великоханского одобрения. На обратном пути князь умер. Владимиро-суздальская земля попала под иго Золотой Орды.

В 1245 г. хан Бату вызвал из Руси черниговского князя Михаила Всеволодовича. Когда князь проявил в Сарае признаки неповиновения, хан приказал его убить [2]. Чернигов перешел в руки вассалов Золотой Орды [3].

Вскоре после битвы под Ярославом к князю Даниилу прибыл татарский посол с грамотой от Бату, в которой стояли только два слова: «Дай Галич». Князь Даниил тоже двинулся в Сарай и должен был признать себя вассалом Золотой Орды [4]. Русь попала под тяжелое монголо-татарское иго (1240—1480).

История внешней политики страны отныне вступает в следующий период, когда благодаря труду и борьбе народа постепенно окрепла Россия, сбросила «злогорькое» иноземное иго и вновь заняла свое место среди независимых государств континента. Этому периоду внешней политики России мы надеемся посвятить особое исследование.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОР. ШОТЛАНДИЯ
Перт
Ирландия (Гиберния)
Дублин
Ливерпуль
Гулль
Бостон
КОР. АНГЛИЯ
Бристоль
Оксфорд
Лондон
Саутгемптон
Дувр
Гастингс
Гронинген
Фландрия
Жамблу
Лотарингия
Льеж
Аахен
Кельн
Трир
Ингельгейм
Верден
Дортмунд
Мюнстер
АКВИТАНСКОЕ МОРЕ
Париж
Шартр
Лан
Реймс
Шалон
Луара
Тур
Пуатье
КОР. ФРАНЦИЯ
Лимож
Бордо
Гаронна
Сена
Дижон
Сона
Рейн
Швабия
Базель
Лион
Рона
КОР. БУРГУНДИЯ
Арль
Марсель
Нарбонн
Ницца
Генуя
Турин
Милан
Павия
Пьяченца
Кремона
По
Ломбардия
Тоскана
Пиза
Рим
Опорто
КОР. ПОРТУГАЛИЯ
Лиссабон
Леон
КОР. КАСТИЛИЯ
Дуэро
Бургос
Бильбао
КОР. НАВАРРА
Памплона
Тахо
Мадрид
Толедо
Сарагоса
КОР. АРАГОН
Эбро
Тортоса
Барселона
Севилья
Кордова
Гвадалквивир
Гранада
Валенсия
ГОСУД
Сеута
Балеарские о-ва
о. Корсика
о. Сардиния
Марокко
Алжир
Тунис
СРЕДИЗ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
Палермо

ПРИМЕЧАНИЯ*

ПРЕДИСЛОВИЕ *(к стр. 5—16)*

[1] А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто$_1$, стр. 81—109. [2] «Древнерусское государство», стр. 77—127. [3] Д. С. Лихачев$_1$, стр. 42—55. [4] Иларион. О законе и благодати.— «Памятники», стр. 59; ПСРЛ, т. II, стб. 346. [5] Кирилл Туровский. Слово о поучении церковном. — «Памятники», стр. 175. [6] Иларион. О законе и благодати.— Там же, стр. 60. [7] ПВЛ, ч. I, стр. 158. [8] Н. К. Никольский$_1$, стр. 126—127; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 458. [9] PD, II, 5. [10] Участие русских княгинь в политике отмечено и сагами — Ф. А. Браун$_2$, стр. 179; см. A. V. Soloviev$_8$, p. 159 (о присутствии Верхуславы Всеволодовны на съезде польских князей); MGH SS, t. X, p. 91 (1138 г.).

[11] Б. А. Рыбаков. Границы географических знаний домонгольской Руси (схема).— «История культуры Древней Руси», т. II. М. — Л., 1951, стр. 233. [12] Б. М. Данциг$_1$, стр. 189; A. V. Soloviev$_8$, p. 144—164. [13] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 223; Е. А. Рыдзевская$_4$, стр. 7, 20; Г. Ловмяньский$_1$, стр. 228; G. Labuda$_4$, str. 191.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (до конца XI в.)

ь и страны Северной Европы *(к стр. 21—30)*

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 10—11; ч. II, стр. 211. [2] Там же, ч. I, стр. 18 (под 859 г.); ч. II, стр. 233. [3] В. Кордт$_1$, стр. 10. [4] Текст сообщения Охтере (Отера) см.: «King Alfred's Orosius», . 1. Ed. H. Sweet. London, 1883, p. 17—19. [5] НПЛ, стр. 106. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 19. [7] А. А. Шахматов$_1$, стр. 289—340. [8] R. Portal$_1$, p. 71; ср. L. Müller$_1$, S. 30 ff. [9] H. Łowmiański$_5$, str. 75. [10] A. Baecklund$_1$, p. 32.

[11] «Древнерусское государство», стр. 109. [12] А. Л. Погодин$_1$, стр. 114. [13] Е. А. Рыдзевская$_3$, стр. 504. [14] Там же, стр. 626. [15] Там же, стр. 616; впрочем, в Ладоге, по данным Г. Ф. Корзухиной, обнаружены погребения скандинавских

---

* *В ссылках к тексту книги указываются инициалы, фамилия автора, порядковый номер его работы, помещенной в библиографии (см. стр. 378—415 настоящей книги), и страницы.*

женщин. [16] T. Arne$_1$, p. 247; на территории СССР сделаны всего четыре рунические эпиграфические находки — Н. В. Энговатов$_1$, стр. 214—220; ср. И. П. Шаскольский$_{15}$, стр. 136. [17] B. Nerman$_1$, S. 52, 57, 59. [18] Е. А. Рыдзевская$_4$, стр. 15—20; латинская вера стала «варяжской» лишь в XI в.— Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 157. [19] Н. Т. Беляев$_1$, стр. 215—270. [20] Г. Ловмяньский$_1$, стр. 239—243; ср. тщательный обзор международной историографии проблемы — И. П. Шаскольский$_{15}$, главы III—V; в сагах Владимир — родоначальник русских князей — Е. А. Рыдзевская$_5$, стр. 67; ср. G. Labuda$_4$, str. 115; см. периодизацию общественно обусловленной смены потоков северных набегов — str. 123; об участии западных славян вместе с датчанами в походах на Англию и в битве при Кентербери — str. 135.

[21] TM, lib. VIII, cap. 32; ср. lib. III, cap. 20, 22. [22] Г. Ловмяньский$_1$, стр. 248. [23] М. Д. Приселков$_6$, стр. 241—246. [24] ПВЛ, ч. I, стр. 19. [25] Там же, стр. 20; ср. М. С. Грушевський$_1$, т. I, стор. 620. [26] НПЛ, стр. 107. [27] ПВЛ, ч. I, стр. 20; ср. НПЛ, стр. 107 («еже не дають»). [28] Ср. М. Ю. Брайчевский$_1$, стр. 144—154; М. Д. Приселков$_6$, стр. 232—233. [29] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 348. [30] ПВЛ, ч. I, стр. 43; НПЛ, стр. 53; ПСРЛ, т. II, стб. 114.

[31] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 465. [32] ПВЛ, ч. I, стр. 23 (907 г.). [33] Там же, стр. 33 (941 г.). [34] Там же, стр. 33 (944 г.); локализацию Тиверской земли см.: М. Н. Тихомиров$_1$, стр. 132—133, 135. [35] «Древнерусское государство», стр. 105. [36] ПВЛ, ч. I, стр. 54 (980 г.); ср. В. Л. Янин$_3$, стр. 47. [37] «Древнерусское государство», стр. 94. [38] ПВЛ, ч. I, стр. 56; М. Д. Приселков$_6$, стр. 246. Споры о плате за службу отразились и в сагах — Е. А. Рыдзевская$_5$, стр. 70. [39] НПЛ, стр. 168 (1000 г.). [40] ПРП, в. I, стр. 6, 30.

[41] ПВЛ, ч. I, стр. 55. [42] Там же, ч. II, стр. 337 (988 г.); ср. L. Müller$_1$, S. 47. [43] ПВЛ, ч. I, стр. 91 (1015 г.). [44] Там же, стр. 39 (945 г.). [45] Там же, стр. 58 (983 г.); ср. М. Д. Приселков$_1$, стр. 68; Н. К. Никольский$_3$, стр. 29, 96, 104—106. [46] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 592. [47] НПЛ, стр. 175; ср. ПВЛ, ч. I, стр. 96 (40 тыс. прочих воев); ч. II, стр. 193. [48] ПВЛ, ч. I, стр. 95 (1018 г.). [49] Там же, стр. 97. [50] Там же, стр. 98. Эти события нашли причудливое отражение в саге об Эймунде (список XIV в.) — Е. А. Рыдзевская$_5$, стр. 69, и в хронике Титмара — A. V. Riasanovsky$_2$, p. 288—297.

[51] ПВЛ, ч. I, стр. 100. [52] Там же, ч. II, стр. 371; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 19. [53] «Патерик», стр. 3. [54] ПВЛ, ч. I, стр. 100. [55] Там же, стр. 101. [56] ПСРЛ, т. V, в. 1, стр. 128. [57] Об этом браке говорится в исландской саге «Heimskringla» Снорри, сына Стурлы (XIII в.), в саге об Эймунде (дошла в списке XIV в.— Е. А. Рыдзевская$_5$, стр. 69) и в глоссе XIII в. к хронике Адама Бременского — Adamus Bremensis, lib. II, cap. 39; Ingrad, Ingard — дочь Олафа от брака с Estred — поморской бодричской княжной (ср. «Annales Islandorum Regii» — SRD, t. III, p. 39); в древней, венской рукописи ее имени нет — ср. М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 31. Шведские саги

не сохранились. Исландцы, понятно, хуже знали Русь, черпая сведения от тех, кто входил в дружины шведских, норвежских и датских конунгов — Е. А. Рыдзевская$_5$, стр. 67 (тут же обзор северных источников); L. Koczy$_1$, str. 83 (из датского похода Олаф вернулся на Русь), 232. Судя по сообщению Пегауских анналов (около 1149 г., Пегау в Тюрингии), на Руси нашел убежище Герман, брат Викперта (умер 1050 г.), спасаясь от преследований Кнута Великого —«Annales Pegavenses»— MGH SS, t. XVI, p. 234—235; М. Б. Свердлов$_1$, стр. 153. [58] G. Labuda$_4$, str. 143—144; ср. B. Leib$_1$, p. 78—143; В. Д. Королюк$_2$, стр. 265; ср. Adamus Bremensis, lib. II, p. 114, schol. 39 (Estred, Estrid — сестра Кнута, была женой русского князя). [59] Adamus Bremensis, lib. III, cap. 13, schol. 62 (Haroldus a Grecia regressus filiam regis Ruziae Gerzlef uxorem accepit); ср. S. Blondal$_1$, p. 1—26; «Two of the Saxon Chronicles», t. I. Ed. Ch. Plummer. Oxford, 1892, p. 196—198; стансы Гаральда в честь Елизаветы Ярославны — AntR, v. II, p. 57—58 (исландский и латинский тексты). [60] L. Koczy$_1$, str. 187; Saxo, lib. XII, cap. 7, p. 338; ср. A. Fellman$_1$, p. 138; B. Leib$_1$, p. 227.

[61] М. К. Каргер$_1$, т. I, стр. 67—71. [62] Ф. Браун предлагал читать «фрианд»=riand=родич; тогда выйдет, что информатор печерского «Слова о созидании церкви» сообщил об изгнании Якуном frianda Simon Afrekason, т. е. своего родича Симона, сына Африкана—Ф. Браун$_1$, стр. 359—365; Е. А. Рыдзевская$_3$, стр. 621—622. [63] «Патерик», стр. 3, 62—63. Притом Шимон якобы оставил «латинскую буесть»; видимо, он вообще служил, «крещения не имея»,— такого рода варяги известны — «Правда Русская», т. I. М.— Л., 1940, стр. 248 (список Царского). Вероятно, и русские бывали даже в Исландии, если туда проникали греческие и армянские епископы — Е. А. Рыдзевская$_4$, стр. 7; F. Macler$_1$, p. 236—241. [64] ПВЛ, ч. I, стр. 34 (945 г.); ПСРЛ, т. II, стб. 790; т. VII, стр. 122—123. [65] НПЛ, стр. 38 (1186 г.). [66] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 384 (1177 г.). [67] Там же, т. II, стб. 324; НПЛ, стр. 164. [68] А. С. Архангельский$_1$, стр. 13; А. И. Соболевский$_1$, стр. 36—47. Олаф особенно почитался в Новгороде, где его имя носила и церковь готландских купцов— B. Leib$_1$, p. 91; ср. F. Dvornik$_3$, p. 243. [69] РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 60. [70] A. Stender-Petersen$_1$, S. 42, 248 ff.

[71] Е. А. Рыдзевская$_2$, стр. 471—479. [72] В саге об Олафе два норвежца — Карли и Гунстейн в 1025 г. торговали в Биармии, а потом ограбили ее, но едва спаслись —«Heimskringla», t. II, p. 292 ff. Но, говоря о Биармии, как, впрочем, и о Руси, саги имели в виду страну, куда можно переносить действие рассказа о герое, не стесняя себя достоверностью. [73] ПВЛ, ч. I, стр. 10. [74] Там же, стр. 13. [75] Там же, стр. 103; НПЛ, стр. 16. [76] Там же, стр. 21. [77] Ср. G. Labuda$_4$, str. 161—165.

Взаимоотношения Руси с Польшей, Венгрией и Чехией

Русь и Польша (к стр. 31—48)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 10. [2] Там же, стр. 11. [3] Там же, стр. 21. [4] Там же, стр. 14; ч. II, стр. 213. [5] MPH, t. II, p. 468—469. [6] А. В. Флоровский$_4$, стр. 52. [7] MPH, NS, t. I, p. 50; историографию о Пруссии см.: В. Т. Пашуто$_2$, стр. 54—66; B. Włodarski$_4$, str. 7. [8] В. Д. Королюк$_2$, стр. 51, 76. [9] ПРП, в. I, стр. 30. [10] H. Łowmiański$_4$, str. 111—114.

[11] E. Kucharski i E. Lewicki$_1$, str. 47. [12] DAI, p. 56—57, 168—169; см. перевод и очень вероятное истолкование текста — М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова$_1$, стр. 97—98. [13] О польско-датских отношениях см.: G. Labuda$_4$, str. 124, 131. [14] ПВЛ, ч. I, стр. 58 (981 г.). [15] В. Д. Королюк$_2$, стр. 62, 88. Исследователь выставил два вида аргументов. Во-первых, отсутствие в условиях 70—80-х годов XI в. предпосылок такого конфликта (там же, стр. 90). Но если мы признаем, что «червенские города» уже реально существовали (H. Łowmiański$_2$, str. 58—85), что русско-польская граница (не обязательно с одной Мазовией) засвидетельствована кордовским дипломатом, что торговый путь на Прагу через Краков, бывший в 966—992 гг. под властью Чехии (В. Д. Королюк$_2$, стр. 146—147),— историческая реальность, что известие о походе Владимира на Польшу стоит в ряду подобных же сообщений, включая и поход на Ятвягию, то довод общего характера утратит убедительность. Да и русско-венгерские отношения позволяют говорить о развитости контактов Юго-Западной Руси с соседними странами. Во-вторых, В. Д. Королюк в доказательство позднего происхождения данного текста ссылается на выражение «иже суть и до сего дне под Русью». Но подобной же оговоркой сопровожден целый ряд известий под 971, 981, 984, 988, 1031 гг. (ПВЛ, ч. I, стр. 50, 58, 59, 77, 80, 101 [ср. В. Д. Королюк$_2$, стр. 86]; НПЛ, стр. 108—922 г.), достоверность которых несомненна. Наконец, надо считаться и с тем, что волынский летописец XIII в. был убежден в походе Владимира Святославича в глубь Польши за Калиш и за Сандомир (ПСРЛ, т. II, стб. 758); ср. А. В. Флоровский$_5$, стр. 31. [16] Saxo, lib. X, cap. 2; о тенденциозной обработке саг Саксоном — G. Labuda$_4$, str. 191—220. [17] ПВЛ, ч. I, стр. 34; ср. Л. В. Алексеев$_1$, стр. 263. [18] Радимичи считались «от рода ляхов»; они «прешедъше ту ся вселиша» на р. Пищану; Владимир подчинил их Руси — ПВЛ, ч. I, стр. 59 (984 г.). [19] В. Д. Королюк$_2$, стр. 112—118. [20] Там же, стр. 171.

[21] ПВЛ, ч. I, стр. 84. [22] «Annales Hildesheimenses» — MGH SS, t. III, p. 69 (под 992 г.). В 976 г. в южную Италию, подвластную Византии, вторглись арабы. Оттон II вмешался в войну, стремясь овладеть этой землей, но потерпел поражение в 982 г. Немецкая политика в Италии должна была толкать византийского и немецкого императоров к контактам с Русью. [23] В. Д. Королюк$_2$, стр. 102, 105. [24] Adamus Bremensis, lib. II, cap. 35, schol. 24 (25); Helmoldus, lib. I, cap. 15 (поход датируется временем после гибели Войцеха в Пруссии); о поня-

тии Славия см.: G. Labuda$_2$, str. 234; G. Labuda$_4$, str. 221, 229. [25] B. Kürbisówna$_1$, str. 393—397. [26] ПРП, в. I, стр. 30. [27] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 6; ср. MPH, t. III, p. 62 (Rocznik Świętokrzyski под 1018 г.). [28] Возможно, он погиб на пути Плоцк — Визна — A. Kamiński$_2$, str. 19; о том, что Бруно искал Польше союзников и в Швеции, см.: G. Labuda$_4$, str. 133. [29] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 6; B. Włodarski$_4$, str. 13—14; о возможном участии пруссов в немецких походах Мешко II в 1028 и 1030 гг.—Б. Влодарский$_1$, стр. 116—130; В. Д. Королюк$_2$, стр. 182. [30] ПВЛ, ч. I, стр. 86; не знаю, как объяснить польское имя—Станислав—одного из сыновей Владимира — ПВЛ, ч. I, стр. 83.

[31] В. Д. Королюк$_2$, стр. 114. [32] Там же, стр. 191, 199. [33] G. Rhode$_1$, S. 59. [34] Bruno von Querfurt, S. 689—692. [35] TM, lib. VII, cap. 72; ср. Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 637 (под 992 г.). [36] TM, lib. VII, cap. 72. [37] В. Д. Королюк$_2$, стр. 201. [38] Там же, стр. 227; русская летопись подает события в духе апологии Ярослава Мудрого — Н. Н. Ильин$_1$, стр. 71, 209. [39] TM, lib. VII, cap. 72. [40] Ibid., cap. 73.

[41] Ibid., lib. VI, cap. 91. [42] G. Labuda$_4$, str. 134; В. Д. Королюк$_2$, стр. 204. [43] TM, lib. VII, cap. 73. [44] ПВЛ, ч. I, стр. 90, 92; ср. свод 1039 г. (А. А. Шахматов$_1$, стр. 570), который противоречит известию Титмара (М. Д. Приселков$_1$, стр. 56). [45] TM, lib. VIII, cap. 32. [46] НПЛ, стр. 15. [47] ПВЛ, ч. I, стр. 96; ср. НПЛ, стр. 15. [48] TM, lib. VII, cap. 65; ср. М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 11, 16; НПЛ, стр. 15, 180 (1017 г.). [49] Может быть, в это же время Болеслав искал примирения с Ярославом и просил в жены активную сторонницу новгородского князя, его сестру Предславу (TM, lib. VIII, cap. 32; Gallus Anonimus, lib. I, cap. 7), но встретил отказ (ставший, по мнению Галла, поводом для похода) и позднее захватил ее в Киеве и потом предлагал вместе с другой родней Ярослава обменять ее на свою дочь, жену Святополка — TM, lib. VIII, cap. 33; ПВЛ, ч. I, стр. 97; ср. П. В. Голубовский$_1$, стр. 32. [50] TM, lib. VIII, cap. 32; ПВЛ, ч. I, стр. 96.

[51] ПВЛ, ч. I, стр. 96. [52] TM, lib. VIII, cap. 31. [53] Ibid., cap. 32. [54] В. Д. Королюк$_2$, стр. 245. [55] ПВЛ, ч. I, стр. 97. [56] TM, lib. VIII, cap. 31. [57] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 7; TM, lib. VII, cap. 74; lib. VIII, cap. 32; датско-английский Кнут в 1019 г. выступал против каких-то славян — «Two of the Saxon Chronicles», t. I. Ed. Ch. Plummer. Oxford, 1892, p. 154; G. Labuda$_4$, str. 137. [58] TM, lib. VIII, cap. 32. [59] Ibid., lib. VII, cap. 65; Gallus Anonimus, lib. I, cap. 7. [60] Ibid., lib. VII, cap. 65; lib. VIII, cap. 31—32.

[61] Ibid., lib. VIII, cap. 33; А. Ф. Грабский$_1$, стр. 178 и сл. [62] ПВЛ, ч. I, стр. 97. [63] TM, lib. VII, cap. 65. [64] Галл сочинял, когда писал, что Русь «надолго стала данницей Польши» — Gallus Anonimus, lib. I, cap. 7. [65] ПВЛ, ч. I, стр. 24; ч. II, стр. 367. [66] Там же, ч. I, стр. 99; В. Д. Королюк$_2$, стр. 266. [67] ПВЛ, ч. I, стр. 101. [68] Там же. [69] Випон, биограф Конрада II, говорит лишь об Оттоне — «Wiponis Vita Chuonradi II», cap. 9 — MGH SS, t. XI, p. 264 (1025 г.); ср. cap. 29, p. 269; в одном месте под 1025 г. читаем, что Мешко

своего брата Оттона «quoniam regis partibus favebat, in Ruzziam provinciam pepulit» (p. 264), в другом — под 1032 г. вновь, что по смерти Болеслава остались братья и Мешко «dum fratrem suum Ottonem persequerentur, expulerat eum in Ruzziam» (p. 259). [70] Ibid., cap. 29, p. 269—270 (1032 г.); «Annales Hildesheimenses»— MGH SS, t. III, p. 98 (1031 г.).

[71] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 19. [72] «Очерки истории СССР» (IX — XIII вв.), ч. 1, стр. 296. [73] «Патерик», стр. 102—104 (со ссылкой на летопись). [74] «Патерик», стр. 24, 106, В. Д. Королюк$_2$, стр. 262, 282 — допускает, что наша летопись, говоря о мятеже в Польше (ПВЛ, ч. I, стр. 101), смешивает Болеслава Храброго с Болеславом Забытым; выходит, что и Моисей и Гертруда (последняя дважды) дали такую информацию. Ссылка на преследование христиан в Польше в 1022 г. (Cosma, lib. I, cap. 40) едва ли помогает, ибо на Руси речь шла о борьбе Изяслава Ярославича с духовной знатью, с Печерским монастырем, пытавшимся сманивать его придворных — Ефрема Каженика (при Никоне), боярского сына Варлаама (при Антонии), будущего «воина Христова» («Патерик», стр. 25, 32) и, видимо, других — на сторону враждебной этому князю черниговской партии. Сказание о Моисее попало в Патерик из жития Антония, к которому Моисей, постриженный в Польше, прибыл в 1031 г. (А. А. Шахматов$_1$, стр. 270; М. Д. Приселков$_1$, стр. 256, 264). Из Патерика узнаем, что Моисей попал в плен в 1018 г., провел в плену 6 лет и потом 10 лет (1024—1034) жил в монастыре («Патерик», стр. 105—106). Когда в Патерик включены речи Гертруды — сказать не берусь; ср. В. Л. Янин$_4$, стр. 142—164. [75] В. Д. Королюк$_2$, стр. 299; ср. J. Bieniak$_1$, str. 126; датировка возвращения Казимира: у В. Д. Королюка — 1039 г., у Я. Беняка — 1041 г. [76] В. Д. Королюк$_2$, стр. 300—302. [77] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 19. [78] Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 683 (His temporibus Kazimer, filius Miseconis ducis Polanorum, reversus in patriam, a Polanis libenter suscipitur, duxitque uxorem regis Rusci[a]e filiam, procreavitque duos filios Vladizlaum et Bolizlaum). Имя Доброneги — в записи о смерти — MPH, t. II, p. 796 (1087 г.). [79] ПВЛ, ч. I, стр. 104 (1043—1046 гг. — «в си же времена»). [80] Там же, стр. 103.

[81] Там же. Существование мазовецко-ятвяжско-литовского союза для отпора Руси остается пока гипотезой — J. Bieniak$_1$, str. 135. [82] ПВЛ, ч. I, стр. 103 (1041 г.). [83] Ср. В. Włodarski$_4$, str. 20; В. Д. Королюк$_2$, стр. 313—321. [84] В 1058 г. поход Изяслава Ярославича — ПВЛ, ч. I, стр. 109. [85] «Патерик», стр. 106; ПСРЛ, т. V, в. 1, стр. 129; имя княгини в псалтыри (famula Gertruda); Гертруда — дочь Мешко II — N. Baumgarten$_1$, table I, № 23; ср. В. Л. Янин$_4$, стр. 142—164. Довод В. Д. Королюка$_2$, стр. 319, о невозможности брака в 1039 г. пятнадцатилетнего Изяслава и сестры Казимира неоснов널телен; ср. «Патерик», стр. 9 (15 лет — совершеннолетие); Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (2), стр. 451. [86] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 54; т. XXV, стр. 377. [87] ПВЛ, ч. I, стр. 104; Б. Влодарский$_1$, стр. 123. [88] В. Д. Королюк$_2$, стр. 322. За Силезию (Вроцлав и другие города) платили Чехии ежегодную дань — 500 гривен серебра и 300 гривен золота: Cosma, lib. II,

cap. 13 (1054 г.). [89] Иларион — «Памятники», стр. 70. [90] ПВЛ, ч. I, стр. 115.

[91] Там же, стр. 116. [92] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 23. [93] ПВЛ, ч. I, стр. 116; НПЛ, стр. 17. [94] ПВЛ, ч. I, стр. 122 (1073 г.); НПЛ, стр. 18. [95] ПВЛ, ч. I, стр. 159; о датировке — ч. II, стр. 441. [96] Там же, ч. I, стр. 159; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 63—68. [97] Dlugossius, t. I, p. 332, 336; A. Semkowicz$_1$, str. 127 не отверг это известие; ср. O. Balzer$_1$, str. 98. [98] ПВЛ, ч. I, стр. 159; он ходил вместе с Олегом Святославичем — там же, стр. 131. [99] В копиарии XV в. сохранился текст с молитвой о помощи Изяславу Ярославичу на покрове, который он послал в Гнезно на гробницу св. Адальберта — И. Линниченко$_2$, стр. 329; Д. В. Айналов$_1$, стр. 8—9. Возможно, покров был послан Изяславом новому архиепископу Богумилу в 1076 г. [100] ПВЛ, ч. I, стр. 122.

[101] RegGr, Bd. I, S. 236. На славяно-византийских миниатюрах псалтыри, изготовленной в 1078—1087 гг. по поручению Гертруды, жены Изяслава, князь Ярополк-Петр и княгиня Ирина изображены как духовные вассалы св. Петра — Н. П. Кондаков$_1$, таблицы I и VI; С. Н. Северьянов$_1$, стр. 30—40. [102] RegGr, Bd. I, S. 235. Папский легат содействовал примирению Изяслава с Болеславом — H. F. Schmid$_1$, S. 186; ср. М. Э. Шайтан$_2$, стр. 8; T. Grudziński$_1$, str. 74—105. [103] ПВЛ, ч. I, стр. 132; MPH, t. II, p. 795, 894 (1078 г.). [104] Как остро проходила борьба группировок, можно судить по столкновению «старейшины русских черноризцев» (так называл его Климент, см.: «В неделю всех святых слово...» — Н. К. Никольский$_1$, стр. 223) Феодосия, сторонника Изяслава, со Святославом и Всеволодом — «Патерик», стр. 66—67, 69. Думаю, что И. П. Еремин ошибался, приписывая этому Феодосию послание о латинянах — И. П. Еремин$_1$, стр. 29. Здесь логичнее видеть руку грека Феодосия XII в., автора посвященного князю Николаю Святоше перевода послания папы Льва патриарху Флавиану об ереси Евтихия — Н. К. Гудзий$_2$, стр. 65; с униатских позиций на это обратил внимание К. Висковатый$_1$, стр. 535—567. Противоречия в монастыре не затихли и с возвращением Изяслава в Киев, что отразилось на судьбе нового игумена Стефана — «Патерик», стр. 9, 43; изгнанный из монастыря, он нашел место епископа на Волыни при Ярополке Изяславиче — ПВЛ, ч. I, стр. 139; ср. М. Д. Приселков$_1$, стр. 178, 220. [105] ПВЛ, ч. I, стр. 121. [106] Gallus Anonimus, lib. I, cap. 29. [107] Под 1088 г.— MPH, t. II, p. 773, 796, 874; SilRS, p. 300. [108] ПВЛ, ч. I, стр. 136 (1085 г.); уже в 1084 г. был снем Мономаха с Ярополком у польской границы в Бродах — стр. 159; видимо, возник спор о судьбе важных торговых пограничных центров. [109] ПВЛ, ч. I, стр. 136. [110] Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 693, 737; R. Bloch$_1$, S. 201.

[111] ПВЛ, ч. I, стр. 141. [112] ЛПС, стр. 51 (1091 г.). [113] ПВЛ, ч. I, стр. 176. [114] Там же; Gallus Anonimus, lib. II, cap. 19 — датирует половецкий набег на Польшу 1099—1100 гг.; Болеслав разбил половцев, и они в последующие годы не тревожили его страну. [115] Cosma, lib. III, cap. 4; Gallus Anonimus, lib. II, cap. 7. [116] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 16. [117] ПВЛ, ч. I, стр. 178. Владислав в 1093 г. упла-

тил Чехии силезскую дань за два года в размере 1000 гривен серебра и 60 золота — Cosma, lib. III, cap. 1. [118] ПВЛ, ч. I, стр. 178. [119] Там же, стр. 178, 181. [120] Там же, стр. 180, 181.

[121] Там же, стр. 182 (1100 г.). [122] Там же (1101 г.). [123] Там же, стр. 183. [124] ПСРЛ, т. II, стб. 252. [125] ПВЛ, ч. I, стр. 183; O. Balzer$_1$, str. 120—121. О княжении Болеслава III см.: K. Maleczyński$_1$, str. 30. [126] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 23; Rocznik Świętokrzyski dawny — MPH, t. II, p. 779; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 99; B. Leib$_1$, p. 162. [127] ПВЛ, ч. I, стр. 186 («прибеже Избыгнев к Святополку» — под 1106 г.). [128] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 5. [129] Ibid., cap. 29. [130] Ibid., cap. 46.

[131] Ibid., cap. 36. [132] Ibid., cap. 37. [133] Она — дочь Владислава-Германа от брака с сестрой императора Генриха III — Ibid., cap. 1; так думал O. Balzer$_1$, str. 124. [134] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 38. [135] Ibid., cap. 41 (град на границе назван Галла). [136] «Herbordi Vita Ottonis», lib. II, cap. 3—4 — MPH, t. II, p. 74. [137] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 50; Cosma, lib. III, cap. 27. [138] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 47. [139] Ibid., lib. III, cap. 2. [140] Ibid., cap. 4. Прямых известий о помощи союзников нет; о походах на половцев в 1109—1110 гг. — ПВЛ, ч. I, стр. 187.

[141] S. Kuczyński$_1$, str. 18—19 — отметил, что пять сыновей и четыре дочери Болеслава III соединены браком с русским княжеским домом; ср. B. Włodarski$_6$, str. 45—46; Герборд сообщает, что по смерти Сбыславы (не ранее 1113 г.) отношения между Киевом и Краковом осложнялись войнами. [142] Gallus Anonimus, lib. II, cap. 42; lib. III, cap. 24 (северная часть Пруссии); ср. MPH, t. II, p. 774. [143] ПВЛ, ч. I, стр. 195. [144] Там же.

Русь и Венгрия (к стр. 49—54)

[1] «Hincmari remensis annales» — MGH SS, t. I, p. 458 (862 г.); «Annales Alamannici» — Ibid., p. 50 (863 г.). [2] «Annales Fuldenses» — MGH SS, t. I, p. 408, 410. [3] В. П. Шушарин$_1$, стр. 177; Й. Перени$_2$, стр. 1. [4] ПВЛ, ч. I, стр. 21; ср. стр. 14: «идоша угри чернии мимо Киева после же, при Олзе». [5] А. А. Шахматов$_3$, стр. 83. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 11, 21. [7] Там же, стр. 21. [8] Там же, стр. 23; ч. II, стр. 261. [9] М. В. Левченко$_1$, стр. 130. [10] ПВЛ, ч. I, стр. 32 (934 г.), 33 (943 г.); ч. II, стр. 284, 288; о победе 907 г. см.: К. Я. Грот$_1$, стр. 405 и сл.

[11] Leo Diaconus, lib. VI, cap. 12, p. 108; Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 386; М. В. Левченко$_3$, стр. 272. [12] «Annales Lamberti» — MGH SS, t. IV, p. 63. [13] ПВЛ, ч. I, стр. 86. [14] SRH, v. I, p. 344 (Chronici Hungarici compositio saeculo XIV: «Uxorem de Ruthenia dicitur accepisse»). [15] N. Baumgarten$_1$, table I, № 17. [16] ПВЛ, ч. I, стр. 91; «Патерик», стр. 102; о службе их третьего брата Ефрема в качестве конюшего при Борисе см.: Макарий$_1$, т. I, стр. 211. [17] «Патерик», стр. 102.

[18] В. П. Шушарин$_1$, стр. 155. [19] ПВЛ, ч. I, стр. 94. [20] ТМ, lib. VIII, cap. 32.

[21] «Annales Hildesheimenses» — MGH SS, t. III, p. 98: после подписания немецко-венгерского мира 1031 г. «Генрих [т. е. Имре], сын короля Стефана [т. е. Иштвана] dux Ruizorum, погиб горестной смертью, растерзанный на охоте вепрем». [22] G. Györffy$_3$, S. 152—153; ср. М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 488, 502 и сл. В документе 1326 г. Карла I сказано, что жители двух «русских деревень» — Oroszfalva (ныне Oroszi близ королевского замка Вышеграда) были обязаны ежегодно выставлять королю две стражи к воротам: см. G. Györffy. — Századok, 92 évf. Bp., 1958, 574—575. l. В источниках XII в. встречаем в Венгрии поселения и варягов и колбягов (Culpen) — Ibid., 576—578. l. [23] MGH SS, t. V, p. 126—127; SRH, v. I, p. 56 (Anonimi Gesta Hungarorum: «filia ducis Ruthenorum»). [24] SRH, v. I, p. 177 (Simonis de Keza Gesta Hungarorum). [25] G. Moravcsik$_2$, p. 237—244; ср. G. Györffy$_1$, S. 58. [26] О браке Андрея I см.: SRH, v. I, p. 337 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV); Th. Ediger$_1$, S. 37—38; MGH SS, t. XX, p. 810—811; имя княгини — Adamus Bremensis, lib. III, cap. 12, schol. 62. [27] SRH, v. I, p. 377—378, 381 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV). [28] Д. А. Расовский$_3$, стр. 44; ср. SRH, v. I, p. 369—371. [29] В. П. Шушарин$_1$, стр. 151; SRH, v. I, p. 366 (1068 г. — половецкий побег), 369—371 (1071 г. — печенеги), 408 (1085 г. — набег на Трансильванию половецкого хана Кутеска), 412—413 (набег половецкого хана Копульча, сына Круля). [30] SRH, v. I, p. 414 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV).

[31] Ibid., p. 425. [32] M. Wertner$_5$, 205—210. l.; CDH, v. I, p. 469. [33] ПВЛ, ч. I, стр. 179; М. Д. Приселков$_7$, стр. 10—11. [34] Поражение венгров изображено как кара за жестокость короля, не внявшего просьбе Ланки, жены русского князя (быть может, Давыда Игоревича), пощадить народ—SRH, v. I, p. 423—424; ср. A. V. Soloviev$_8$, p. 156. [35] ПВЛ, ч. I, стр. 185; быть может, это сближение произошло, когда Альмош находился в Польше—Gallus Anonimus, lib. II, cap. 29; M. Wertner$_5$, 249 —252. l.; ср. А. В. Лонгинов$_1$, стр. 317. [36] M. I s t v á n f f y. Historia regni Hungariae, lib. XVI, p. 168, в изд. «Historiarum regni Hungariae», lib. XXXIV. Viennae, 1758. [37] Из Варадского регеструма XIII в. знаем о русских свободных поселенцах в районе Крашно, где они жили, сохраняя нормы древнерусского права — «Regestrum Varadinense» № 74; о 2 тыс. чешских наемниках Ласло I см.: Cosma, lib. II, cap. 48; ср. lib. III, cap. 42; G. Györffy$_2$, 464—465 l.

Русь и Чехия (к стр. 55—56)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 21 (под 898 г.). [2] Там же, стр. 11; [3] Там же, стр. 21. [4] Там же, стр. 86. [5] Там же, стр. 56. А. А. Шахматов$_1$, стр. 138. [6] А. В. Флоровский$_5$, стр. 17. [7] Там же, стр. 110 и сл.; В. Д. Королюк$_2$, стр. 288. [8] А. В. Флоровский$_8$, стр. 68—69; О. Кралик$_1$, стр. 177—207. [9] FRB, t. II, p. 251; А. В. Флоровский$_6$, стр. 219 и сл.

[10] В. Д. Королюк$_2$, стр. 121, 132—134; ср. Е. А. Яцкевич$_1$, стр. 4.
[11] ПВЛ, ч. I, стр. 131. [12] А. В. Флоровский$_5$, стр. 54. [13] ПВЛ, ч. I, стр. 159. [14] «Annales Pegavenses» — MGH SS, t. XVI, p. 241; М. Б. Свердлов$_1$, стр. 154—155. [15] А. В. Флоровский$_8$, стр. 67. [16] ПВЛ, ч. I, стр. 195.

Русь и Византия *(к стр. 57—88)*

[1] A Vasiliev$_1$, p. 315. [2] М. В. Левченко$_1$, стр. 137, 140—143. [3] Г. Г. Литаврин$_4$, стр. 227. [4] В. В. Мавродин$_1$, стр. 25. [5] А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов$_1$, стр. 272. [6] М. Слабченко$_1$, стр. 129. [7] «Annales Bertiniani» — MGH SS, t. I, p. 434; A. V. Riasanovsky$_1$, S. 1—12; ср. В. Заїкин$_5$, стор. 317—318. [8] М. В. Левченко$_3$, стр. 56; Й. Перени$_2$, стр. 17. [9] В. Г. Васильевский$_2$, т. III, стр. 95—96; Е. Э. Липшиц$_1$, стр. 312—331. [10] В. Г. Васильевский$_2$, т. III, стр. LXIII—LXVII.
[11] ПВЛ, ч. I, стр. 17 (под 858 г.). [12] Там же, стр. 18 (под 862 г.). [13] Там же, стр. 19 (под 866 г.). [14] Ср. там же, стр. 24. [15] Там же, ч. II, стр. 247. [16] Photios. Epistolarum, Epist. XIII — PG, t. 102, col. 735—738; Фотий, стр. 431—432. [17] «Nicetae Paphlagonis Vita Ignatii» — PG, t. 105, col. 516. [18] Theophanes Continuatus, lib. IV: De Michaele Theophili filio, cap. 33, p. 196. [19] Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 39. [20] «Iohannis Diaconi Chronicon Venetum» — MGH SS, t. VII, p. 18. Видимо, он именует руссов норманами по их географическому положению; ср. Liudprand. Antapodosis — MGH SS, t. III, p. 331 («Rusios, nos vero a positione loci nominamus Nordmannos»).
[21] PL, t. 119, p. 926 (от 28 сентября 865 г.); М. С. Грушевський$_2$, т. I, стор. 403; М. В. Левченко$_3$, стр. 66—67. [22] Theophanes Continuatus, lib. V: De Basilio Macedone, cap. 97, p. 342; о возможной тенденциозности Константина см.: F. Dvornik$_1$, p. 146. [23] Corpus, S. 60, № 493; «около 874 (?) г.». Фотий в окружном послании утверждал, что «пресловутые русские» приняли христианство и народ этот причислил себя к «подданным и друзьям» Византии — PG, t. 102, col. 735—738; датировку Ф. Дёльгера принимал М. Д. Приселков$_6$, стр. 229. [24] А. П. Каждан$_1$, стр. 10—11. [25] Русских он называет «северными скифами, которые приходят в Черное море по рекам и потому не могут использовать больших судов» — «Leonis Philosophi Tactica», cap. XIX — PG, t. 107, 1863, col. 1011; ср. A. Vasiliev$_5$, p. 183—184. [26] Кажется, правы те, кто считает его предварительным соглашением, судьбу которого и решил поход 911 г. — М. В. Левченко$_3$, стр. 119; S. Mikucki$_1$, p. 37; А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов$_1$, стр. 273; ПРП, в. I, стр. 66; М. С. Грушевський$_1$, т. I, стор. 430 и сл.; ср. М. Шангин$_2$, стр. 114—115. [27] I. Swięcickyj$_1$, p. 323—324. [28] Ср. ПВЛ, ч. I, стр. 56 — варяги настаивают на окупе с Киева в размере 2 гривны с жителя. [29] ПРП, в. I, стр. 6. [30] Там же, стр. 8.
[31] Там же, стр. 9. [32] Там же, стр. 23. [33] ПВЛ, ч. I, стр. 29 (под 912 г.). [34] Там же. [35] Датировку см.: А. А. Васильев$_1$, ч. 1, стр. 166—167; R. Jenkins$_2$, p. 277 sq.;

А. П. Каждан$_1$, стр. 10; Константин (Cer, lib. II, cap. 44, p. 654) упоминает о плате русскому отряду: «Русских 700, плата — 1 кентинарий». [36] НПЛ, стр. 108. Возможно, слово «доселе» имеет силу вплоть до времен Ярослава; ср. ПВЛ, ч. I, стр. 50 (971 г.), 58 (981 г.), 59 (984), 77 (988 г.), 101 (1031 г.). Под данью понимаются месячные «уклады» русскому купечеству и плата за службу русских дружин. О том, что в 922 (или 924) г. договор сохранялся, свидетельствует письмо константинопольского патриарха Николая Мистика болгарскому царю Симеону, которому он грозит вторжением венгров, аланов, печенегов и русских — В. Н. Златарски$_1$, стр. 150, 155; М. Н. Тихомиров$_1$, стр. 137. [37] Cer, lib. II, cap. 44, p. 660—661; J. Gay$_1$, p. 210 (датирует 934 г.); М. В. Левченко$_3$, стр. 138 (935 г.); Ф. И. Успенский$_4$, стр. 10 (936 г.). [38] Leo Diaconus, lib. VI, cap. 10; М. Я. Сюзюмов$_1$, стр. 165; A. Vasiliev$_5$, p. 176; K. Bártová$_1$, str. 106—107. [39] ПВЛ, ч. I, стр. 33. [40] Н. Я. Половой$_1$, стр. 140; Н. Я. Половой$_2$, стр. 138—147.

[41] Ср. С. Н. Азбелев$_1$, стр. 237. [42] О хронике Лиутпранда см.: E. Donnert$_2$, S. 212. [43] L i u d p r a n d. Antapodosis, lib. V, cap. 15 — MGH SS, t. III, p. 331; «Siegeberti Gamblacensis Chronica» — MGH SS, t. VI, p. 347; ср. Annalista Saxo — Ibid., p. 602. [44] ПВЛ, ч. I, стр. 33. [45] Там же, ч. II, стр. 286; ср. В. М. Истрин$_1$, стр. 215—236. [46] H. Grégoire, P. Orgels$_2$, p. 156; А. П. Каждан$_1$, стр. 16. [47] L i u d p r a n d. Antapodosis, lib. V, cap. 15; состав греческого огня — Анна Комнина, кн. XIII, гл. 3, стр. 346. [48] ПВЛ, ч. I, стр. 33; ср. П. О. Карышковский$_8$, стр. 47. [49] В. В. Бартольд$_4$, т. II, ч. 1, стр. 684. [50] ПВЛ, ч. I, стр. 34 (текст дан в переводе).

[51] М. И. Артамонов$_1$, стр. 382; ср. М. Д. Приселков$_6$, стр. 221—224. [52] По упрямой традиции императорская канцелярия этого времени продолжала скреплять грамоты «наиблагороднейшему хакану Хазарии» печатью стоимостью в 3 золотых солида, а грамоты к «архонту России» — в 2 солида — Cer, lib. II, cap. 48, p. 690—691. [53] ПРП, в. I, стр. 30—57. [54] ПВЛ, ч. I, стр. 37. [55] Cer, lib. II, cap. 45, p. 664—667; А. А. Васильев$_1$, ч. II, стр. 279; Ф. И. Успенский$_4$, стр. 10. [56] А. А. Васильев$_1$, ч. II, Приложение, стр. 85. [57] В. М. Бейлис$_1$, стр. 28—29. [58] В. М. Бейлис$_2$, стр. 22—23. [59] DAI, p. 50—51. [60] Cer, lib. II, cap. 15, p. 579.

[61] М. Д. Приселков$_1$, стр. 9—14; о числе поездок — H. Koch$_1$, S. 253. [62] ПВЛ, ч. I, стр. 44—45; ср. F. Dölger$_2$, S. 170—171; «Память и похвала Иакова мниха», стр. 67. [63] Антоний, стб. 58. [64] ПВЛ, ч. I, стр. 45 (955 г.). [65] ПРП, в. I, стр. 32, 64—65 (ср. договор 907 г.). [66] Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (2), стр. 101, пр. 5. [67] Датировка затруднительна, и М. Д. Приселков$_1$, стр. 9 и сл. был готов видеть даже две поездки, одну в 955 г. (по летописи), другую в 957 г. [68] ПВЛ, ч. I, стр. 45. Ответ Ольги послам похож на живую запись грамоты: «Аще ты, рьцы, тако ж постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду, то тогда ти дам»; ср. ПСРЛ, т. II, стб. 911 («Брате, рци, Лве княже...»). [69] Д. В. Айналов$_4$, стр. 290—307; Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 99—102. [70] Cer, lib. II, cap. 15, p. 594—595.

[71] Theophanes Continuatus, lib. V: De Basilio Macedone,

cap. 74, p. 317—318; Cer, lib. II, p. 511. [72] Д. В. Айналов$_2$, стр. 12—20. [73] ПВЛ, ч. I, стр. 44; о рукописи Иоанна Скилицы см.: ВВ, т. VII. СПб., 1900, стр. 599; М. Н. Тихомиров$_1$, стр. 139. [74] Theophanis Continuatus, lib. VI. De Romano Constantini, cap. 16, p. 48$_6$; ср. Leo Diaconus, lib. II, cap. 9 (здесь русские прямо не названы). [75] М. В. Левченко$_1$, стр. 164. [76] Leo Marsicanus. Chronica monasterii Cassinensis, lib. II, cap. 37 — MGH SS, t. VII, p. 652; ср. W. Abraham$_1$, str. 9. [77] Н. С. Державин$_2$, стр. 13. [78] П. О. Карышковский$_4$, стр. 53—61. [79] Н. Знойко$_1$, стр. 234; Г. Г. Литаврин$_4$, стр. 233; Яхья утверждал, что Никифор «дал власть руссам над землями болгар» — Яхья Антиохийский. Летопись, стр. 177—180. [80] Leo Diaconus, lib. V, cap. 1—2. Здесь некогда укрывался от войск Византии царь Симеон — ПВЛ, ч. I, стр. 23; А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов$_1$, ср. 278 допускают, что Святослав воевал не в восточной, а в западной части Болгарии. Плата, предложенная Святославу, равна стоимости компенсации Мануилом конфискованного имущества венецианцев—Niceta Choniata. De Manuele Comneno, lib. V, cap. 9 — и на один кентенарий меньше знаменитой «алеманской» дани—Niceta Choniata. De Alexio Comneno, lib. II, cap. 1.

[81] ПВЛ, ч. I, стр. 47. [82] Leo Diaconus, lib. IV, cap. 5; Н. С. Державин$_2$, стр. 13; М. Н. Тихомиров$_1$, стр. 147; еще 20 июля 968 г. Лиутпранд видел в Константинополе два русских мирных корабля — Liudprand. Relatio de legatione — MGH SS, t. III, p. 353. [83] Leo Diaconus, lib. V, cap. 3. [84] ПВЛ, ч. I, стр. 50. [85] Leo Diaconus, lib. VI, cap. 12; В. Г. Васильевский$_2$, т. II (1), стр. 209. [86] М. Н. Тихомиров$_1$, стр. 49. [87] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 384; Асохик, стр. 127—128; П. О. Карышковский$_2$, стр. 104—105. [88] Leo Diaconus, lib. VI, cap. 9—10; ПВЛ, ч. I, стр. 51. [89] Leo Diaconus, lib. VIII, cap. 2, 4, 6, 8, 10; lib. IX, cap. 1, 2, 5, 9, 11; П. О. Карышковский$_3$, стр. 131; ср. В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 13—17; М. С. Грушевський$_1$, т. I, стор. 567—572. [90] ПРП, в. I, стр. 58—63; П. О. Карышковский$_7$, стр. 26—30.

[91] Leo Diaconus, lib. IX, cap. 10—11; ср. Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 412; Ioannes Zonara, p. 534—535; М. Д. Приселков$_6$, стр. 230. [92] М. Д. Приселков$_1$, стр. 16, 43; П. О. Карышковский$_7$, стр. 29—30. [93] ПВЛ, ч. I, стр. 53; В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 1—17. [94] В. Г. Васильевский$_2$, т. II (1), стр. 62; М. В. Левченко$_3$, стр. 353. [95] Е. Ф. Шмурло$_2$, стр. 145—146 (датирует концом 987 г.); ср. М. В. Левченко$_3$, стр. 353. [96] Leo Diaconus, lib. X, cap. 9, p. 173. [97] PG, t. 106, col. 919. [98] ПВЛ, ч. I, стр. 60. [99] Яхья Антиохийский. Летопись, стр. 23—24. [100] А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов$_1$, стр. 280—281; ср. М. Д. Приселков$_1$, стр. 34 и сл.

[101] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 444; перевод см.: Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 252—253; примерно то же — Joannes Zonara, p. 114. Михаил Пселл знает о приходе значительного русского отряда на помощь — BG, t. IV, p. 10; перевод см.: В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 197. На стороне Варды сражалось грузинское войско — М. В. Левченко$_3$, стр. 357. Это один из примеров того, как имперская власть Византии затрудняла сближение народов нашей страны. [102] Ср. «Память и по-

хвала Иакова мниха», стр. 72. [103] Яхья Антиохийский. Летопись, стр. 25. [104] Там же, стр. 23—25; ср. ПВЛ, ч. I, стр. 76—77; Leo Diaconus, lib. X, cap. 10. [105] ПВЛ, ч. I, стр. 76—77; византийского брачного союза домогался и Оттон III — TM, lib. IV, cap. 28; ср. неточное известие — lib. VII, cap. 72. [106] DAI, cap. 70—77; М. Д. Приселков$_6$, стр. 218 и сл. [107] Иларион. О законе и благодати. — «Памятники», стр. 72. [108] Любопытно, что уже в 972 г. папа Иоанн XIII считал русских христианами — В. Николаев$_1$, стр. 108. Г. Г. Литаврин$_4$, стр. 332. [109] В. Николаев$_1$, стр. 139—160. [110] R. Holinka$_1$, str. 225—226.

[111] Н. Бавмгартен$_1$, стр. 238—250; J. Concevičius$_1$, p. 33; ср. Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 105 и сл. [112] М. Д. Приселков$_1$, стр. 39. О возникновении митрополии мне представляются более вескими соображения Л. Мюллера (L. Müller$_1$, S. 48—75) и уточнения А. Поппэ (A. Poppe$_1$, cz. I, str. 369—389); сообщение Никифора Григоры — V. Parisot$_1$, p. 68; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан$_1$, стр. 3; D. Obolensky$_2$, p. 23—78. [113] Эти мощи после 867 г., когда Кирилл и Мефодий нашли их в Херсоне, были доставлены в Византию и Рим — Theophanes Continuatus, lib. V: De Basilio Macedone, cap. 87, p. 329—330; Макарий$_1$, т. I, стр. 83. [114] ПВЛ, ч. I, стр. 77. [115] Там же, стр. 79; ср. ч. II, стр. 340; Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 853 и сл. [116] Г. К. Вагнер$_1$, стр. 121—138; В. И. Левицкая$_1$, стр. 105—157; о византийских чертах в русской сфрагистике см.: В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин$_1$, стр. 212; о переводе византийской классической литературы см.: И. П. Еремин$_2$, стр. 5—12. [117] Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 360. [118] «De castrametatione», cap. XVIII, p. 38; о датировке — Ю. Кулаковский$_2$, стр. 657—659. [119] ПВЛ, ч. I, стр. 50. [120] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 196 и сл.

[121] «De castrametatione», cap. X, p. 29; cap. XIX, p. 39; cap. XXV, p. 51; М. В. Левченко$_3$, стр. 383. [122] Яхья Антиохийский. Летопись, стр. 40; ср. стр. 327. [123] Асохик, стр. 200—201; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 201. [124] М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 35; Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 464; Георгий, быть может, тюрк — V. Minorski$_2$, p. 141; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 205; М. В. Левченко$_3$, стр. 384; см. мнение Е. Ч. Скржинской — ВВ, т. 6, 1953, стр. 266—267; G. G. Litavrin$_1$, p. 231. [125] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 465; о возможном участии венгров см.: G. Györffy$_3$, S. 154. [126] TM, lib. VIII, cap. 33; А. Ф. Грабский$_1$, стр. 181. [127] J. Gay$_1$, p. 410, 428. [128] По сообщению французского хрониста Адемара, норманы после трех удачных для них сражений были «побеждены и повержены народом руссов» у Канн—Ademarus Cabannensis. Historia Francorum, lib. III, cap. 55—MGH SS, t. IV, p. 140; в византийском войске было много русских — «Gesta Francorum», lib. III, cap. 55, p. 66; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 205. В хронике Льва, епископа из Остии (умер в 1115 г.), тоже читаем об участии русских—Leo Marsicanus. Chronica monasterii Casinensis, lib. II, cap. 37 — MGH SS, t. VII, p. 652. Видимо, в результате княжеских смут на Руси в Византии появился на однодревках отряд в 800 воинов родственника покойного Владимира по прозвищу Хрисохир (Злато-

рукий); быть может, назван так по одежде; ср. «златоногую» алеманку — Niceta Choniata. De Manuele Comneno, lib. I, cap. 4. Пожелав служить, он, однако, отказался сложить оружие и явиться для переговоров, а, напротив, пробился к Авидосу, где разбил пропонтидского стратига и вышел к Лемносу; его отряд был окружен и перебит — Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 478—479; М. В. Левченко$_3$, стр. 388; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 207, 220; Г. Г. Литаврин$_4$, стр. 348. [129] J. Gay$_1$, p. 419. [130] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 212. *Примечание А. П. Новосельцева*: См. Аристакес Ластивертци. История. Ереван, 1963, стр. 24—25 (армянск. текст); «Картлис цховреба», т. I. Изд. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955, стр. 384 (груз. яз.).

[131] В. А. Мошин$_6$, стр. 64; «Actes de Lavra», № 18, p. 51—52. [132] «Annales Barenses» — MGH SS, t. V, p. 53 (под 1027 г.: «cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum»); ср. В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 1; М. Дьони. Влахи Барийской летописи. — «Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», t. I, fasc. 1—2. Budapest, 1951, p. 235—245. [133] М. В. Левченко$_1$, стр. 168. [134] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 212—213. [135] Там же, стр. 214; В. Ф. Минорский$_1$, стр. 209. [136] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 215; М. В. Левченко$_3$, стр. 388; Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 503. [137] Michael Psellos, lib. V, cap. 15; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 213; Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 508; F. Chalandon$_1$, p. 90. [138] Ademarus. Historia Francorum — MGH SS, t. IV, p. 140; «Annales Barenses» — MGH SS, t. V, p. 54; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 2, 297. [139] Michael Psellos, lib. VI, cap. 101; Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 551; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 34; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 307. [140] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 551. Скифы-телохранители именуются и тавроскифами, т. е. русскими — Michael Psellos, lib. V, cap. 15, 25; в сходной роли выступают они в описании араба Ибн ал-Асира — В. Р. Розен$_1$, стр. 330; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 281.

[141] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 552. [142] Г. Г. Литаврин$_3$, стр. 80. [143] Joannes Zonara, p. 631; Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 551; о «восстании» россов писал Michael Psellos, lib. VI, cap. 90. [144] Cec., p. 97. [145] В. А. Мошин$_6$, стр. 70—72; «Акты», № 3; «Actes de Lavra», № 18, p. 51—52. [146] ПВЛ, ч. I, стр. 103; ч. II, стр. 378; об участии варягов см. также: Cedrenus—Scylitza, p. 511; ср. Michael Psellos, lib. VI, cap. 101. [147] В. В. Мавродин$_1$, стр. 99. [148] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 551; ПСРЛ, т. XXV, стр. 376; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 308. [149] Michael Psellos, lib. VI, cap. 92; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 303 и сл.; т. II (1), стр. 4; подробнее об источниках — G. Vernadsky$_2$, p. 56—58. [150] Michael Psellos, lib. VI, cap. 93—94; ПВЛ, ч. I, стр. 104.

[151] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 551; Ioannes Zonara, p. 632. [152] «Акты», № 3; «Actes de Lavra», p. 18—22; В. А. Мошин$_6$, т. IX, стр. 68. [153] ПВЛ, ч. I, стр. 104. [154] В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин$_1$, стр. 220—221; ПВЛ, ч. I, стр. 108; ср. A. V. Soloviev$_7$, p. 241—248. [155] А. Поппэ справедливо заметил, что поставление Илариона не получает достаточного объяснения из русско-византийского разрыва, ибо мир восстановлен в 1046 г.,

а Иларион поставлен в 1051 г. (ПВЛ, ч. I, стр. 104; A. $Poppe_1$, cz. I, str. 386—387). [156] В. А. $Мошин_3$, стр. 47—62. Впрочем, возможно, что Византия поддерживала тмутараканского Мстислава против Ярослава. В своих путаных известиях о Руси Скилица отметил под 1036 г. смерть Мстислава («Носислав») — Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 514—515. [157] А. П. $Каждан_2$, стр. 183—184. [158] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 4, 10—11. [159] Michael Attaliata, p. 87 говорит о князе мирмидонов, который за Дунаем (на Руси?) расселял узов по своим городам; В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 29. [160] Е. Ч. $Скржинская_1$, стр. 216; Никифор Вриенний подал это более респектабельно — Никифор Вриенний. Исторические записки. Изд. В. Н. Карпов. СПб., 1858, кн. 1, гл. 19.

[161] В. Г. $Васильевский_2$, т. II (1), стр. 22. [162] ПВЛ, ч. I, стр. 105, 107; ч. II, стр. 113; «Патерик», стр. 5, 8, 11, 28; Б. М. $Данциг_1$, стр. 191. [163] Н. П. $Рутковский_1$, стр. 113. [164] Иларион. О законе и благодати, Похвала Владимиру — «Памятники», стр. 70, 78. [165] А. П. $Лебедев_1$, стр. 347; М. В. $Левченко_1$, стр. 174. [166] Ср. Е. Е. $Голубинский_1$, т. I (1), стр. 595; W. $Abraham_1$, str. 22; ср. возражения — W. $Szcześniak_1$, str. 162—176; I. $Ševčenko_1$, p. 203. [167] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 36. [168] В 1055 г. он отозвал новгородского епископа Луку Жидяту, сторонника Илариона; лишь в 1058 г. тот вернулся на свою кафедру — НПЛ, стр. 182—183. [169] А. $Попов_1$, стр. 81—91; текст см. $Макарий_1$, т. II, прил. 8, стр. 347—352. [170] А. С. $Павлов_1$, стр. 169—186; РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 7; о полемических сочинениях митрополитов-греков см.: А. С. $Павлов_2$, стр. 48 и сл.; ср. Е. Е. $Голубинский_1$, т. I (2), стр. 543, 798, 822; А. И. $Соболевский_3$, стр. 97.

[171] «Патерик», стр. 71. [172] Там же, стр. 92. [173] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 313—314, 319—321, 337; об участии русских в обороне города Отранто от норманов — M. $Mathieu_1$, p. 107—108; Cec., p. 30; Г. Г. Литаврин, А. П. $Каждан_1$, стр. 8. [174] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 37, 345—347, 354; М. В. $Левченко_3$, стр. 419. [175] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 349; ср. стр. 351. [176] «Actes de Lavra», № 28, 37, 41. [177] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 333, 355. [178] Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 737—738; R. M. $Dawkins_1$, p. 47; Г. Г. $Литаврин_4$, стр. 351. [179] А. П. $Каждан_1$, стр. 19. [180] В. Г. $Васильевский_2$, т. I, стр. 369, 376.

[181] НПЛ, стр. 48—49 (1204 г.). [182] В. В. $Латышев_1$, стр. 16—19; A. V. $Soloviev_6$, p. 569—581; G. G. $Litavrin_1$, p. 229. [183] ПВЛ, ч. I, стр. 110. [184] М. Д. $Приселков_1$, стр. 132. [185] ПВЛ, ч. I, стр. 111. [186] «Патерик», стр. 32—33. [187] ПВЛ, ч. I, стр. 132 (1077 г.). [188] Там же (под 1078 г.); ср. НПЛ, стр. 18, 135 (1079 г.). [189] Д. А. $Расовский_4$, т. X, стр. 160—161. [190] Вспомним, как враждебные волынскому Изяславу киевляне (купцы?) грозят уйти в греческую землю (в Херсон?), а местный волхв предрекает, что Византия и Русь поменяются местами — ПВЛ, ч. I, стр. 116.

[191] М. Д. $Приселков_1$, стр. 133; о ней — ПВЛ, ч. I, стр. 137; о письмах императора Михаила VII к Всеволоду — М. В. $Левченко_3$, стр. 409 и сл.; A. $Poppe_1$, cz. II, str. 558; cz. III, str.

557—569. [192] ПВЛ, ч. I, стр. 135; М. И. Артамонов$_1$, стр. 443. [193] Даниил, стр. 8. [194] М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 73; В. Л. Янин$_5$, стр. 76—90. [195] ПВЛ, ч. I, стр. 135. [196] М. Д. Приселков$_1$, стр. 153; В. А. Мошин$_6$, т. IX, стр. 76. [197] ПВЛ, ч. I, стр. 135. [198] Ее имя — «Acta», t. V, v. 2, p. 375. [199] ПВЛ, ч. I, стр. 185 (1104 г.). [200] Анна Комнина, кн. VI, гл. 5.

[201] Michael Attaliata, p. 204; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 34; Г. Г. Литаврин$_2$, стр. 412—419, 421—422. [202] А. Н. Насонов$_3$, стр. 139—140; Г. Г. Литаврин$_2$, стр. 420. [203] Анна Комнина, кн. VI, гл. 14; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 131; М. В. Левченко$_3$, стр. 428; Д. А. Расовский$_4$, т. X, стр. 156; Г. Г. Литаврин$_2$, стр. 413—420. [204] Д. А. Расовский$_4$, т. VIII, стр. 180—181; Анна Комнина, кн. VII, гл. 1—11, из ее сочинения ясно, что Дунай — граница империи — кн. III, гл. 8, кн. VI, гл. 14, кн. VII, гл. 2, кн. VIII, гл. 6, кн. X, гл. 2. [205] G. Ostrogorsky$_1$, S. 287. [206] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 68, 83; W. Holtzmann$_2$, S. 46—47. [207] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 91, 74; текст осторожного ответа Иоанна папе — А. С. Павлов$_1$, стр. 169 и сл.; Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 595—597. [208] ПВЛ, ч. I, стр. 137 (1089 г.). [209] О предполагавшемся византийском браке Янки см.: N. Baumgarten$_1$, table V, № 2, p. 22—23; BG, t. V, № 143—144. [210] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 174; т. II (1), стр. 36; А. А. Васильев$_2$, стр. 21; текст письма — H. Hagenmeyer$_1$, S. 129—136 (датирует — около 1088 г.); ср. E. Yoranson$_1$, p. 814—815.

[211] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 77. [212] В греческой передаче: Тогортак и Маниак; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 89, ср. стр. 98. [213] Анна Комнина, кн. VIII, гл. 4—5; В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 101—102; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 414; М. В. Левченко$_3$, стр. 428. [214] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 106. [215] М. В. Левченко$_1$, стр. 203; А. А. Васильев$_2$, стр. 35 и сл.; М. А. Заборов$_1$, стр. 79 и сл. [216] ПВЛ, ч. I, стр. 181. [217] N. Baumgarten$_1$, table II, № 3, p. 10; «Ortlibi Zwifaltensis Chronicon» — MGH SS, t. X, p. 90; М. Д. Приселков$_1$, стр. 290. [218] RÉB, v. 23, 1965, p. 190; [219] G. G. Litavrin$_1$, p. 226; ср. А. П. Каждан$_3$, стр. 93—101. [220] Отношения с Византией имели крупное значение для культурного развития Руси (особенно на раннем этапе ее государственного бытия), хотя и не столь большое, как это представляется Ф. Дворнику, Д. Оболенскому, И. Шевченко и некоторым другим авторам (F. Dvornik$_5$, p. 71—121; D. Obolensky$_1$, p. 37—62); см. Д. С. Лихачев$_2$, стр. 49—129; Я. Н. Щапов$_1$, стр. 215—233; подробнее — З. В. Удальцова$_1$, стр. 13—23.

Русь, Болгария и земли южных славян *(к стр. 89—90)*

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 21 (под 898 г.). [2] Там же, стр. 17—19 (под 858 и 869 гг.). [3] Там же, стр. 23 (902 г.), 31—32 (под 914, 915, 929 гг.). [4] В. Н. Златарский$_3$, стр. 347. [5] С. П. Обнорский$_1$, стр. 79—103; ср. Б. С. Ангелов$_1$, стр. 133; И. Снегаров$_1$, стр. 5 и сл. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 33 (941 г.), 34 (944 г.). [7] В Великой Преславе стоял русский гарнизон, но царь

Борис с семьей жил во дворце, сохраняя инсигнии власти и казну — Leo Diaconus, lib. VIII, cap. 6; lib. IX, cap. 11; только когда болгарские города стали переходить на сторону Цимисхия, Святослав уже в Доростоле истребил или лишил свободы 300 представителей знатных и богатых семей — Leo Diaconus, lib. VIII, cap. 9; «Древнерусское государство», стр. 101 и сл. [8] ПВЛ, ч. I, стр. 57. [9] Там же, стр. 176. [10] Michael Attaliata, p. 204; Г. Г. Литаврин$_2$, стр. 412—419, 421—422.

[11] ПВЛ, ч. I, стр. 11. [12] М. Н. Тихомиров$_1$, стр. 163—164. [13] В. П. Адрианова-Перетц$_1$, стр. 5—27; В. А. Мошин$_7$, стр. 28—106.

Взаимоотношения Руси с восточными соседями (Хазарией, Волжской Булгарией, государствами Кавказа и Азии)

Русь и Хазария (к стр. 91—96)

[1] М. И. Артамонов$_1$, стр. 223—224; V. Minorsky$_2$, p. 123, 136—137. [2] ПВЛ, ч. I, стр. 14; ч. II, стр. 223. [3] Там же, ч. I, стр. 16. [4] Там же, стр. 17; М. И. Артамонов$_1$, стр. 223 и сл., 233 и сл. [5] ПВЛ, ч. I, стр. 18—20. [6] Там же, стр. 16. Очень интересно, что следы этой вражды существовали и после образования государства. [7] Там же, стр. 20. [8] Там же, стр. 20; «Древнерусское государство», стр. 87. [9] ПВЛ, ч. I, стр. 47. [10] П. К. Коковцев$_1$, стр. 83—84, 102.

[11] М. И. Артамонов$_1$, стр. 406. [12] DAI, p. 182—185; гарнизон Белой Вежи — 300 воинов — Ibidem; А. А. Васильев$_4$, ч. 2, стр. 222—227; М. И. Артамонов$_1$, стр. 308, 311; Д. Л. Талис$_1$, стр. 104 и сл. [13] DAI, p. 170—171. [14] Житие Константина Философа — «Материалы», стр. 11 и сл. [15] М. И. Артамонов$_1$, стр. 330 и сл. [16] Там же, стр. 351—352. [17] ПВЛ, ч. I, стр. 32. [18] М. И. Артамонов$_1$, стр. 363—364. [19] П. К. Коковцев$_1$, стр. 118—119. [20] DAI, p. 186—187; A. V. Soloviev$_6$, S. 569—580.

[21] А. Ю. Якубовский$_1$, стр. 79; А. Ю. Якубовский$_3$, стр. 468. [22] Ибн Мискавейх отметил их нападение на Хазарию в 965 г. [23] Бируни (973—1048 гг.) писал, что Итиль лежит в развалинах; он возродился как город «хазар и тюрков» (гузов) Саксин в XII в. (Абу-Хамид ал-Гарнати), связанный в XIII в. с Булгарией — ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 453. [24] Местоположение не установлено — М. И. Артамонов$_1$, стр. 398. [25] Там же, стр. 427—428; ср. о походе — стр. 388; о превращении Саркела в русский город — стр. 430. [26] В. В. Бартольд$_4$, т. II, ч. 1, стр. 848—853. [27] Ибн ал-Асир, т. 7, стр. 15; у него врагом хазар в 965 (354 г. х.) назван «какой-то тюркский народ», но, видимо, это руссы. [28] ПВЛ, ч. I, стр. 47. [29] Ибн Хаукаль, т. I, стр. 15; т. II, стр. 392—394; ср. В. А. Мошин$_4$, стр. 187—208. [30] ал-Мукаддаси, стр. 361,

[31] Ибн Хаукаль, т. I, стр. 15. [32] Абу-Хамид ал-Гарнати, p. 5 (арабск. текст), p. 50 (испанск. перевод). [33] ПВЛ, ч. I, стр. 58. [34] «Память и похвала Иакова мниха», стр. 71. [35] ПВЛ, ч. I, стр. 58. [36] В. А. Мошин. Готская эпархия в Хазарии в VIII в.— TIVCPAO, Белград, 1929, стр. 149—156. [37] ПВЛ, ч. I, стр. 99; ср. А. Н. Насонов$_1$, стр. 95 и сл. [38] ПВЛ, ч. I, стр. 186 (1106 г.). [39] Там же, стр. 202 (1117 г.).

Русь и Волжская Булгария (к стр. 97—98)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 12. [2] Там же, стр. 59; ср. М. Д. Приселков$_1$, стр. 23; ср. «Память и похвала Иакова мниха», стр. 71 («и сребреныя болгары победи»); упоминание «серьбреных болгар» — ПСРЛ, т. II, стб. 625 (1182 г.). [3] Ю. К. Бегунов$_1$, стр. 184. [4] А. П. Смирнов$_2$, стр. 157—161; T. Lewicki$_{16}$, S. 37. [5] Т. Левицкий$_1$, стр. 135. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 59, 74—75 (под 986—987 гг.); ч. II, стр. 329. [7] Там же, ч. I, стр. 137 (1088 г.); ср. стр. 150 (1095 г.). [8] Д. А. Расовский$_4$, t. IX, p. 75—76; I. Hrbek$_2$, s. 117—118.

Русь и государства Кавказа и Азии (к стр. 99—106)

[1] Ибн Исфендийар, стр. 266. [2] Перевод см.: В. Ф. Минорский$_2$, стр. 198—201; ср. В. М. Бейлис$_2$, стр. 22—23 (датирует 912—913 гг.). [3] В. Ф. Минорский$_2$, стр. 119. [4] Ибн Исфендийар, стр. 266. [5] В. Ф. Минорский$_2$, стр. 201. [6] ас-Суйути, стр. 398. [7] Б. А. Дорн$_1$, стр. 16; об этом сохранилось известие и у прикаспийского историка XIV в. Маулана Аулийа-улла Амоли: «Саманиды почти ежегодно посылали своего наместника и доверенное лицо в Табаристан и овладели им. Тамошний же испахбед заключил с ними соглашение, когда в это время с моря вышли на кораблях руссы и разорили Табаристан. Правительство [буквально: династия] Саманидов всех их уничтожило» (Маулана Аулийа-улла Амоли. Тарих-е Руйан, стр. 76, перс. яз.). [8] О нем см.: З. Буниятов$_1$, стр. 211—223. [9] Ибн Мискавейх, т. I, стр. 45 (арабск. текст). [10] Лео$_1$, стр. 526—566; А. А. Васильев$_1$, ч. II, стр. 100—102.

[11] В. Ф. Минорский$_2$, стр. 199. [12] Там же. [13] Лео$_1$, т. II, стр. 566. [14] Ибн Хаукаль, т. II, стр. 241; А. Ю. Якубовский$_1$, стр. 77. [15] Ибн Мискавейх, т. II, стр. 62—6 (арабск. текст); т. V, стр. 67—74 (английск. перевод). [16] А. В. Флоровский$_2$, стр. 177; А. Ю. Якубовский$_1$, стр. 64; у этих же авторов см. русский перевод текста Ибн Мискавейха о руссах. [17] Ибн Мискавейх, т. II, стр. 65, 81; А. Кесрави$_1$, стр. 73—75; ср. также дату у сирийского историка Бар Гебрея (XIII в.) — Б. Дорн$_1$, стр. 512—515. [18] А. Кесреви$_1$, стр. 59—69. [19] В. Ф. Минорский$_2$, стр. 49. [20] Там же.

[21] Мовсес Каланкатваци. Патмутюн алваниц ашхарх, стр. 386 (древнеармянский яз.). [22] «Худуд ал-алам». Рукопись А. Г. Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, л. 33а (перс. яз.). [23] А. А. Васильев$_1$, ч. II, стр. 238—256. [24] «Rerum Normannicarum Fontes Ara-

bici», t. I. Ed. A. Seippel. Christianiae, 1896, p. 98. [25] В. Ф. Минорский$_2$, стр. 68—69. [26] Там же, стр. 53—54; V. F. Minorsky$_3$, p. 17, 77. [27] V. F. Minorsky$_3$, p. 77. [28] В. Ф. Минорский$_2$, стр. 54. [29] Там же, стр. 70. [30] *Примечание В. М. Бейлиса*: Сборник Мас'уда ибн Намдара, рукопись Парижской национальной библиотеки, Арабский фонд, № 4433, л. 52б. Приношу сердечную благодарность З. М. Буниятову за предоставленную мне возможность работать над фотокопией этой рукописи. О сборнике Мас'уда см.: V. M i n o r s k y et Cl. C a h e n. Le Recueil transcaucasien de Mas'ûd b. Nâmdâr (Début du VI/XII siècle).— «Journal Asiatique», t. 237, fasc. I, 1949, p. 93—142.

[31] В. В. Бартольд$_4$, т. II (1), стр. 856—858. [32] В. Р. Розен$_1$, стр. 21—22 (арабск. текст), 23—24 (русск. перевод). [33] С т е п а н о с Т а р о н е ц и. Патмутюн тиезеракан. СПб., 1885, стр. 276—277 (арм. яз.). [34] Ибн ал-Асир, т. 7, стр. 126—128.

Русь и кочевники Причерноморья

Русь и печенеги (к стр. 107—110)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 14. [2] Там же, стр. 32 (под 915 г.); под 968 г. Повесть вновь сообщает, что печенеги пришли на Русь «первое» — стр. 48. [3] Там же, ч. II, стр. 282—283. [4] Там же, ч. I, стр. 32 (под 920 г.). [5] Там же, стр. 33. [6] DAI, p. 48—57; М. В. Левченко$_3$, стр. 194, 200—201. [7] ПВЛ, ч. I, стр. 48; ч. II, стр. 314. [8] В. Ф. Минорский$_3$, стр. 26. [9] М. В. Левченко$_3$, стр. 272. [10] ПВЛ, ч. I, стр. 51.

[11] Там же, стр. 53 (под 972 г.); ср. ч. II, стр. 319 (может быть, 970 г.). [12] Там же, ч. I, стр. 83. [13] TM, lib. VIII, cap. 32; cp. lib. VI, cap. 91 (тысячная рать печенегов служила Болеславу Храброму; впрочем, может быть, ее привел Святополк). [14] ПВЛ, ч. I, стр. 84—85 (под 992 г.). [15] Там же, стр. 85 (под 996 г.). [16] Там же, стр. 87 (под 997 г.). [17] Там же, стр. 83. [18] Там же, стр. 90 (1015 г.). [19] Там же, стр. 96. [20] Там же, стр. 97.

[21] Там же, стр. 98. [22] Д. А. Расовский$_3$, стр. 7. [23] ПВЛ, ч. I, стр. 102 (1036 г.). [24] Там же, стр. 176 (под 1097 г.). [25] Там же, стр. 185. [26] Там же, стр. 201; ср. ч. II, стр. 483. [27] ПСРЛ, т. II, стб. 286. [28] Там же, стб. 311. [29] Там же, стб. 427—428 (1151 г.), 517 (1162 г.). [30] Там же, стб. 533.

Русь и торки (к стр. 110—112)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 59. [2] Там же, ч. II, стр. 329. [3] Там же, ч. I, стр. 93. [4] Там же, стр. 109. [5] Там же. [6] В. Г. Васильевский$_2$, т. I, стр. 26—29. [7] ПВЛ, ч. I, стр. 135. Д. С. Лихачев думает, что в Поучении этому соответствует поход «ко Корьдну» — там же, ч. II, стр. 444. Возможно, но больше это напоминает «к Городну». [8] Там же, ч. I, стр. 143—145, 147. [9] Там же, стр. 149. [10] Там же, стр. 160, 161.

[11] Там же, стр. 177. [12] Там же, стр. 175. [13] Там же, стр. 176. [14] Там же, стр. 201. [15] ПСРЛ, т. II, стб. 286; ср. т. I, в. 2, стб. 292 (под 1120 г.: «бежали торци берендичи» из Русской земли «и тако мятущеся сде и инде и тако погыбоша» — автор приписал трафаретную церковную концовку, не очень вникнув в дело). [16] Там же, т. II, стб. 290. [17] Там же, стб. 427—428 (1151 г.), 517 (1161 г.). [18] Там же, стб. 512 (1161 г.). [19] Там же, стб. 501 (1159 г.). [20] Там же, стб. 533 (1169 г.).

[21] Там же, стб. 544 (1171 г.). [22] Там же, стб. 548—549 (1172 г.). [23] Там же, стб. 292 (1128 г.). [24] Там же, стб. 472 (1154 г.). [25] Там же, стб. 562—563 (1173 г.). [26] Там же, стб. 766. [27] Там же, стб. 775.

Русь, турпеи и коуи (к стр. 112—113)

[1] T. $Lewicki_{13}$, p. 13—18. [2] O. $Pritsak_1$, S. 1—13. [3] ПСРЛ, т. II, стб. 427—428, 517 (1151, 1162 гг.). [4] Там же, стб. 638, 641, 642, 644 (1185 г.). [5] Там же, стб. 398 (1150 г.). [6] Там же, стб. 544 (1171 г.). [7] Там же, стб. 540 (1170 г.). [8] Там же, стб. 544.

Русь и берендеи (к стр. 113—115)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 176 (1097 г.). [2] Там же, стр. 173. [3] ПСРЛ, т. II, стб. 427—428. [4] Там же, стб. 256. [5] Там же, стб. 286 (1121 г.). [6] Там же, стб. 301 (1139 г.). [7] Там же, стб. 323, 326 (1146 г.); ср. т. I, в. 2, стб. 313 («берендеев неколико»). [8] Там же, т. II, стб. 330, 335. [9] Там же, стб. 360 (1147 г.); ср. стб. 372—373, 399—400, 409. [10] Там же, стб. 442, 445 (1151 г.).

[11] Там же, т. I, в. 2, стб. 337 (1152 г.); служили они и его сыну Мстиславу — стб. 501—502 (1159 г.). [12] Там же, т. II, стб. 479; ср. стб. 557—558. [13] Там же, стб. 486 (1157 г.); киево-волынская группировка водила их на Пинск — там же, т. XXV, стр. 63 (1157 г.). [14] Там же, т. II, стб. 507 (1160 г.). [15] Там же, стб. 517—518 (1161 г.). [16] Там же, стб. 557—558 (1178 г.); ср. стб. 544 (1170 г.). [17] Там же, стб. 631 (1183 г.); ср. стб. 637 (1185 г.), 506 (1160 г.). [18] Там же, т. XXV, стр. 91. [19] Там же, стр. 105. [20] Там же, т. II, стб. 323 (1146 г.); ср. т. XXV, стр. 54 («все черные клобуки еже зовутся черкасы»).

[21] Там же, т. II, стб. 604 (1178 г.). [22] Там же, стб. 396 (1150 г.). [23] Там же, стб. 427—428 (1151 г.); Д. А. $Расовский_8$, стр. 369—378. [24] ПСРЛ, т. II, стб. 446, 449 (1152 г.). [25] Там же, стб. 465 (1153 г.). [26] Там же, стб. 459—460 (1152 г.). [27] Там же, стб. 517—518, 521 (1162 г.). [28] Там же, стб. 698 (1196 г.); ср. о политике Ростислава Мстиславича — стб. 612 (1179 г.). [29] Там же, т. XXV, стр. 100 (1202 г.). [30] Там же, т. II, стб. 534 (1169 г.), 549 (1172 г.).

Русь и бродники (к стр. 115—116)

[1] G. Györffy$_1$, S. 14—15. [2] Ф. И. Успенский$_2$, стр. 389—390. [3] ПСРЛ, т. II, стб. 342 (1146 г.); ср. т. VII, стр. 39 (под 1147 г.). [4] Там же, т. XXV, стр. 112, 113 (1216 г.). [5] НПЛ, стр. 63 (под 1224 г.).

Русь и половцы (к стр. 116—118)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 109; ч. II, стр. 393; о расселении половцев — Д. А. Расовский$_4$, т. IX, стр. 71—85; т. X, стр. 166—177. [2] ПВЛ, ч. I, стр. 109; НПЛ, стр. 17. [3] ПВЛ, ч. I, стр. 115; НПЛ, стр. 17, 190. [4] SRH, v. I, p. 408. [5] ПВЛ, ч. I, стр. 116. [6] Д. А. Расовский$_4$, т. XI, стр. 100 и сл. [7] ПВЛ, ч. I, стр. 135; ср. там же известие о смерти половецкого хана Осеня; с его сыном Аепой — матримониальный союз у Мономаха. [8] Там же, стр. 141. [9] Там же, стр. 148 (1094 г.); НПЛ, стр. 18; Анна Комнина, кн. X, гл. 3—4. [10] ПВЛ, ч. I, стр. 148 (1094 г.); ср. Поучение — там же, стр. 161.

[11] Там же, стр. 149 (1095 г.). [12] Там же, стр. 150—153; ч. II, стр. 423; ср. «Патерик», стр. 106—107. [13] ПВЛ, ч. I, стр. 174. [14] О размерах и характере половецких завоеваний см.: Д. А. Расовский$_1$, т. XI, стр. 98 и сл. [15] ПСРЛ, т. II, стб. 303 (1140 г.). [16] ПВЛ, ч. I, стр. 177. [17] Там же, стр. 180. [18] Там же, стр. 182. [19] Хотя в византийском войске было «немало» половцев (скифов), которые воевали в южной Италии и даже попали в числе пленных Боэмунда Торентского ко двору папы Пасхалия II в 1107 г. — Анна Комнина, кн. XII, гл. 8.

Русь и Германия *(к стр. 119—127)*

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 10. [2] «Annales Bertiniani» — MGH SS, t. I, p. 434 (под 839 г.); А. Н. Насонов$_3$, стр. 36—37; H. Łowmiański$_5$, str. 95, 134; A. V. Riasanovsky$_1$, S. 1—12. [3] Continuator Reginonis — MGH SS, t. I, p. 624 («Reginae Rugorum»); о хронике см.: E. Donnert$_2$, S. 211; о тождестве ругов и руссов — B. O. Unbegaun$_1$, p. 615; то же известие с незначительными вариантами — «Annales Hildesheimenses» — MGH SS, t. III, p. 60 (о хронике см.: E. Donnert$_2$, S. 212); «Annales Quedlinburgenses» — ibidem; «Annales Lamberti» — ibid., p. 61. [4] Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 615 (959 г.). [5] Continuator Reginonis — Ibid., t. I, p. 624. [6] «Codex diplomaticus Brandenburgensis», t. VIII. Ed. A. F. Riedel. Berlin, 1847, № 7, p. 97; А. Д. Воронов$_1$, стр. 4—6. Адальберт шел на Русь не через Польшу, а через Чехию — «Vita s. Adalberti», cap. 4; ср. F. Dvornik$_3$, p. 70. [7] В. Д. Королюк$_2$, стр. 55. [8] TM, lib. II, cap. 22. [9] Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 615 (под 960 г.). [10] «Annales Lamberti» — MGH SS, t. III, p. 63.

[11] MGH SS, t. III, p. 62—63; ср. рассуждения Т. Б.$_1$, стр. 85—87 о возможном принятии Ярополком католичества от епископа Бруно (Бонифация) — со ссылкой на известие итальянца—монаха

одного из монастырей близ Перуджи Петра Дамиани (ум. 1072), Легенда о Бонифации помещена в житии св. Ромуальда — «Petri Damiani Vitae s. Romualdi», cap. 26—27.— PL, t. 144, col. 776; ср. у интерполятора XII в. хроники французского монаха Адемара (ум. около 1030 г.) — Ademarus. Historia Francorum, lib. III, cap. 31.— PL, t. 141, col. 48; ср. Е. Е. Голубинский₁, т. I (1), стр. 215—222. Монахи Италии и Франции нередко путали Русь и Пруссию. [12] ПВЛ, ч. I, стр. 60; слова «от Рима» есть лишь в списках РА — ч. II, стр. 190. Допускают, что это посольство в Киев пришло к Анне от Феофано, которая находилась в 989—990 гг. в Риме — MGH SS, t. III, p. 68; F. Dvornik₃, p. 174. [13] Библиографию вопроса см.: B. Widera₅, S. 371—372; М. Э. Шайтан₂, стр. 6 ошибался, считая отношения Руси и Германии в X в. лишь враждебными. [14] E. Donnert₂, S. 209—211; см. замечание о начале сближения в это время саксонской аристократии с Русью — M. Hellman₁, S. 411. [15] B. Widera₅, S. 378; ср. R. Wenskus₁, S. 144. [16] ПВЛ, ч. I, стр. 88. [17] «Genealogia Welforum» (XII в.) — MGH SS, t. XIII, p. 734; ср. «Historia Welforum Weingartensis» — MGH SS, t. XXI, p. 460; Н. Баумгартен₃, стр. 107—108; Н. Бавмгартен₁, стр. 137. В этом источнике отмечено, что она выдана за «Regi Rugorum». Имеется в виду Русь, так как в Ругии сидели мелкие языческие князья. Как вдова Владимира она попала в плен к Болеславу (TM, lib. VIII, cap. 32), видимо, от нее родилась дочь Добронега-Мария, которая около 1042 г. вышла замуж за Казимира I — N. Baumgarten₁, table I, № 18, p. 7; ср. D. Oljančyn₁, S. 398. [18] TM, lib. VI, cap. 91; ср. cap. 73. [19] Ibid, lib. VI, cap. 91, p. 445. [20] ПВЛ, ч. I, стр. 96 (1016 г.).

[21] TM, lib. VII, cap. 65. [22] В. Д. Королюк₂, стр. 246. [23] «Wiponis Vita Chuonradi II», cap. 29 — MGH SS, t. XI, p. 269; ср. S. Kuczyński₁, str. 23. [24] Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 684. [25] B. Włodarski₄, str. 19. [26] «Lamberti Annales» — MGH SS, t. V, p. 153; «Annales Altahenses maiores» — Ibid., t. XX, p. 798. [27] Th. Ediger₁, S. 37—38; она жила в Тюрингии — G. Meyer v. Knonau₁, Bd. I, S. 205. С посольством к Изяславу ездил пфальцграф Фридрих, чья повесть записана в хронике со слов его брата магдебургского епископа Альберта («Lamberti Annales»—MGH SS, t. V, p. 219); G. Labuda₄, str. 163 допускает, что Генрих IV искал сближения с Русью при подготовке похода 1073 г. на Польшу. [28] Известие хроники Альберта Штаденского — MGH SS, t. XVI, p. 319 (под 1112 г.) подкрепляется сообщением Ламперта; ср. G. Meyer v. Knonau₁, Bd. III, S. 482. По Любечскому синодику жена Святослава — Килликия — Р. В. Зотов₁, стр. 24. На миниатюре Изборника 1073 г. княгиня держит руку на плече Ярослава. Отмечу, кстати, что маркграф саксонской северной марки Бурхард II имел жену von Ruzen — «Sächsische Weltchronik», S. 199. [29] Bruno. Liber de Bello Saxonico, cap. 13 — MGH SS, t. V, p. 333. Автор — мерзебургский монах, идеолог саксонского сепаратизма — А. Д. Люблинская₁, стр. 195; Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 696 (1068 г.). [30] «Lamberti Annales» — MGH SS, t. V, p. 219 (под 1075 г.); Д. В. Айналов₅, стр. 6.

[31] А. Д. Люблинская₁, стр. 195—196. [32] Генеалогически вопрос до конца не решен. «Lamberti Annales» — MGH SS, t. V, p. 219; Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 693, 737; R. Bloch₁, S. 196—197; F. Braun₂, S. 687; Th. Ediger₁, S. 48; D. Oljančyn₁ S. 403—404, 407. [33] ПВЛ, ч. I, стр. 131 (под 1075 г.); известие сопровождено словами, что кметы лучше золота, — идея, не раз выраженная в Повести. [34] «Lamberti Annales» — MGH SS, t. V, p. 230. [35] «Sigeberti Gemblacensis Chronica» — Ibid., t. VI, p. 362. [36] ПВЛ, ч. I, стр. 132. [37] J. G. Eccardus. Historia, p. 243—244. [38] М. Д. Приселков₁, стр. 147; А. Попов₁, стр. 92—99; текст послания — А. С. Павлов₁, стр. 169—186; ср. об особенностях греческого текста послания W. Holtzmann₁, S. 179; W. Holtzmann₂, S. 48. [39] РИБ, т. VI. СПб., 1908. Приложения, стр. 342; М. Д. Приселков₁, стр. 156. [40] Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 721.

[41] R. Bloch₁, S. 204. [42] «Annales sancti Disibodi» — MGH SS, t. XVII, p. 14 (под 1093 г.). [43] С. П. Розанов₁, стр. 627. [44] B. Leib₁, p. 165; «Ekkehardi Chronicon universale» —MGH SS, t. VI, p. 207. [45] R. Bloch₁, S. 204; «Annales Augustiani»— MGH SS, t. III, p. 133. [46] G. Meyer v. Knonau₁, Bd. IV, S. 257. [47] «Annales ecclesiastici», t. X, col. 667 (1093 г.); Helmoldus, lib. I, cap. 28. [48] «Annales ecclesiastici», t. XI, col. 626 (1093 г.), 638 (1095 г.); «Bernoldi chronicon» — MGH SS, t. V, p. 457—458, 462; t. XVII, p. 14; Donizonis vita Mathildis — MGH SS, t. XII, p. 394; ср. p. 380. [49] С. П. Розанов₁, стр. 641. [50] М. Э. Шайтан₂, стр. 19.

[51] ПВЛ, ч. I, стр. 186, 187; «Annales Stadenses» — MGH SS, t. XVI, p. 317. [52] «Nibelungenót mit Lesarten». Hrsg. von K. Bartsch, Bd. I, 2 Aufl. Leipzig, 1926, XXII, 1339. [53] А. Н. Веселовский₁, стр. 27; текст саги — стр. 130 и сл. [54] М. П. Алексеев₁, стр. 557. [55] Там же, стр. 559.

Русь и страны Западной Европы

Русь и земли Италии (к стр. 128—131)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 10. [2] Там же, стр. 11—12; ч. II, стр. 342. [3] M. Vasmer₃, S. 297—300. [4] A. Pogodin₁, S. 205, 207. [5] ПВЛ, ч. I, стр. 22; ч. II, стр. 260. [6] Там же, ч. I, стр. 77, 79; ч. II, стр. 340. [7] B. Leib₁, p. XXXI. [8] A. Zigler₁, S. 395. [9] Ibid., S. 398, 402—409. И на псалтыри Дмитрий (Изяслав), Гертруда и Петр (Ярополк) молятся патрону Руси св. Петру — Д. В. Айналов₅, стр. 10; ср. С. Н. Северьянов₁, стр. 120—140. [10] HRM, t. I, № 1; Григорий VII охотно брал подношения — Cosma, lib. II, cap. 29 (200 гивен).

[11] HRM, t. I, № 2. [12] A. Zigler₁, S. 388; ср. М. С. Грушевський₁, т. II, стор. 64 и сл. [13] Ср. B. Leib₁, p. 23, 34 (датирует 1090 г.); даже этот автор, оторвавший историю церкви от перемен в политике, признал, что во время крестового похода последняя одолела церковный догматизм — ibid., p. 321. [14] В. Г. Васильевский₂, т. I, стр. 93. [15] Е. Е. Голубинский₁, т. I (1), стр. 773; т. I (2), стр. 398—399; сказание о перенесении мощей

Николая Чудотворца из Мир ликийских в Бар Град — Макарий$_1$, т. II, Приложение 7, стр. 343—347; см. о списках «чудес» св. Николая — М. Н. Сперанский$_1$, стр. 47—49; ср. о митрополите Ефреме как авторе — «Чудеса св. Николая», изд. Леонид, стр. IV; «Kalendaria ecclesiae universae», ed. J. S. Assemani, t. VI. Romae, 1755, p. 320—334; И. Шляпкин$_1$, стр. 22. [16] М. Н. Тихомиров$_3$, стр. 251. [17] А. Дмитриевский$_1$, стр. 34—35. [18] ПВЛ, ч. I, стр. 195.

Русь и Франция (к стр. 132—133)

[1] A. Lobanoff de Rostoff$_1$, p. I—XXII (здесь же опубликованы документы, относящиеся к Анне); C. de Saint-Aymour$_1$, p. 14—15, 22; RGF SS, t. XI, p. 48, 157 (упомянут ездивший на Русь Galterus Saveir), 159, 161, 197 (упомянут Wascelinus de Chalinaco), 319, 411—412, 481, 486, 564—565. Роже из Шалона (на Марне), может быть, посещал двор Ярослава и позднее — Т. Б.$_2$, стр. 121; «Recueil des actes de Philippe I-er, roi de France (1059—1108)», éd . M. Prou. Paris, 1908, p. XV—XXIII, CVI—CVII, CXXXIV. См. «Psautier d'Odalric», p. 95—глосса XII в. к древней рукописи Реймского собора (так называемой Псалтыри Одальрика) сообщает о посольстве Роже на Русь. Автор глоссы говорит, что прево Одальрик, воспользовавшись поездкой Роже на Русь, просил его выяснить, существует ли город Херсон и повторяется ли чудо, когда море отступает, позволяя паломникам добираться до могилы св. Климента. [2] См. отзыв П. Голубовского на работу виконта Кэ де Сен-Эмур —«Киевская старина», т. 54, 1896, стр. 12—16. [3] «Chronici Herimanni Continuatio» — MGH SS, t. XIII, p. 731 (под 1060 г.): Henricus Galliarum rex obiit, et filius eius [Филипп], adhuc puer, regnum cum matre [Анна] gubernandum suscepit. [4] Даниил, стр. 127. [5] PL, t. 144, col. 447—448 (=RGF SS, t. XI, p. 653—654). В 1089 г. ее не было в живых. (C. de G r u n w a l d. Anne de Russie reine de France.— «Miroir de l'Histoire», № 174, Paris, 1964, p. 674—680). [6] C. de Saint-Aymour$_1$, p. 54—62.

Русь и Англия (к стр. 134—136)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 10; ч. II, стр. 212. [2] М. П. Алексеев$_2$, стр. 80. [3] H. Łowmiański$_5$, str. 69—75; Г. Ловмяньский$_1$, стр. 248. [4] К. Ф. Тиандер$_1$, стр. 51—58. [5] В. М. Потин$_{14}$, стр. 161. [6] Adamus Bremensis, lib. II, cap. 53; G. Labuda$_4$, str. 178—180; S. Fest$_1$, p. 136—137, 143—144. [7] «Die Gesetze der Angelsächsen», Bd. I. Hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903, S. 664; М. П. Алексеев$_2$, стр. 46. [8] Ср. Th. Ediger$_1$, S. 66—67 (например, монах из Сен-Дени называл его Bullesclot). [9] «Lestorie des Engles, solum la translacion de Geffrei Gaimar». Ed. T. Hardy, Ch. Trice Martin, v. I, Text. London, 1838, v. 4581—4584 («Od sul treis nefs se mist en mer; //Si espleita son erier, //Ken sul cinc inrs passat Russie //E vint en terre de Hungrie»). [10] М. П. Алексеев$_2$, стр. 31—33

[11] Saxo, lib. XI, cap. VI_3, p. 308. [12] И. М. Ивакин$_1$, стр. 207—209. [13] ПВЛ, ч. I, стр. 161. [14] А. И. Соболевский$_1$, стр. 36—47. [15] «Translatio Godehardi episcopi Hildesheimensis» — MGH SS, t. XII, p. 647; t. XXVIII, p. 209 — из монастыря св. Марии на Руси монахи бегут в страхе перед татарами в Ирландию (Гибернию); о католическом монастыре в Киеве см.: Н. Закревский$_1$, т. I, стр. 391—407, 415—419; т. II, стр. 586—587; о возвращении монахов хлопотал аббат бенедиктинского монастыря в Вене, см.: RDBM, № 1060, p. 502; М. Э. Шайтан$_2$, стр. 25; W. Abraham$_1$, str. 71. [16] Vita b. Mariani, p. 369; М. П. Алексеев$_2$, стр. 58—69; В. Г. Васильевский$_1$, стр. 134—135.

Русь и арабские страны Передней Азии и Африки *(к стр. 137—142)*

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 111, 198, 9, 16, 65—66, 67, 71, 189. [2] Там же, стр. 17, 60, 68, 70—72, 79—80, 95, 110, 193, 196. О том, что названия стран Востока проникли в летопись через Византию, см.: M. Vasmer$_2$, S. 297—300. [3] ПВЛ, ч. II, стр. 246 (под 1096 г. летописец ведет от Измаила сарацин, торкмен, печенегов, торков и куман — там же, ч. I, стр. 152). [4] Там же, ч. I, стр. 15. [5] Ахмед Ибн Фадлан, стр. 140 и сл. [6] MPH, NS, t. I, p. 41—42. [7] T. Lewicki$_8$, str. 473. О славянах среди сарацин сообщает и французский эпос — А. И. Дробинский$_1$, стр. 101 и сл. [8] О службе славян халифу в 912—961 гг. см.: E. Lévi-Provençal$_1$, p. 29—30, 54, 104—106, 113. [9] T. Lewicki$_8$, str. 491. [10] I. Hrbek$_1$, S. 543—581; В. М. Бейлис$_4$, стр. 111—113.

[11] T. Lewicki$_6$, str. 164—166. [12] «Песнь о Роланде». М.— Л., 1964, стр. 96. [13] В. В. Бартольд$_3$, стр. 85—89. [14] В. Ф. Минорский$_3$, стр. 19—28. [15] Там же, стр. 26; ср. В. М. Бейлис$_2$, стр. 21. [16] Житие Феодосия — «Сборник XII в.», стр. 44. [17] ПВЛ, ч. I, стр. 111. [18] «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche» — «Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux», v. V, pt. 2. Paris, 1895, p. 630; G. Lozinskij$_1$, p. 256. [19] Альберт из Экса, Эккехард из Баварии — A. V. Soloviev$_5$, S. 1—12; знал и хронист четвертого крестового похода Жоффруа Виллардуэн, что один отряд крестоносцев дошел до берега «Русского» моря. [20] Макарий$_1$, т. I, стр. 231; игумен Даниил больше года прожил на подворье монастыря св. Саввы в Иерусалиме — Даниил, стр. 4. О посещении этого монастыря свидетельствует и русский (новгородский) крест в Гильдесгейме — В. Мясоедов$_1$, стр. 19; H. Ludat$_1$, S. 78.

[21] ПВЛ, ч. II, стр. 329—330. [22] «Патерик», стр. 83. [23] И. Ю. Крачковский$_1$, стр. 32. [24] Ю. П. Глушакова$_1$, стр. 80—82; В. В. Данилов$_1$, стр. 92—105. [25] Б. А. Рыбаков$_4$, стр. 119. [26] НПЛ, стр. 104.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (с конца XI до середины XIII в.)

Раздел I

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ С КОНЦА XI ДО НАЧАЛА XIII В.

Русь и страны Северной Европы *(к стр. 146—150)*

[1] «Genealogia regum Danorum» — SRD, t. II, p. 160—161; В. С. Иконников$_1$, т. II (1), стр. 140. [2] НПЛ, стр. 21; Adamus Bremensis, lib. III, schol. 84. [3] «Genealogia regum Danorum» — SRD, t. III, p. 160. [4] «Ex Historia Regum Danorum dicta Knytlinga saga» — MGH SS, t. XXIX, p. 292—293. В генеалогии датских королей (Wilchelmi Genealogia Ingeburgis reginae), составленной в конце XII в. по указанию датского двора для доказательства значения и славы династии, отмечено это родство с русским княжеским домом — ibid., p. 165; ср. краткую редакцию истории Олафа Трюгвасона — Ibid., p. 369, историю норвежских королей — Heimskringla (XIII в.), Menkinskinna, Fogrskinna — ibid., p. 345, 356, 365. Об Ингеборг Мстиславне — Helmoldus, lib. I, cap. 50; о связях Кнута с Русью — «Annales Ryenses» — MGH SS, t. XVI, p. 402; о воспитании Вальдемара I на Руси — И. М. Ивакин$_1$, стр. 209; о возможности связей Руси через Колывань и Висби с Данией см.: P. Johansen$_2$, S. 83. О браке Софьи Владимировны около 1154 г. с будущим датским королем Вальдемаром I — Saxo, lib. XIV, cap. XIV$_2$, p. 393; SRD, t. II, p. 161—162; Н. Баумгартен$_4$, стр. 95—104; см. также G. Labuda$_4$, str. 175; K. Maleczyński$_1$, str. 131—132. [5] ПСРЛ, т. II, стб. 527 (1167 г.). [6] Там же, стб. 635, 638 (1185 г.). [7] НПЛ, стр. 26. [8] Там же. [9] Там же, стр. 27. [10] Там же, стр. 28; новгородские власти прочно держали свой опорный пункт Ладогу — стр. 29 (в 1153 г. епископ Нифонт заложил здесь каменную церковь).

[11] J. A. Oppermann$_1$, p. 200 sq. [12] «Vita s. Henrici episcopi Upsaliensis» — SRS, t. II (1), p. 333; ср. P. Juusten. Chronicon episcoporum Finlandensium, t. I, p. 100. [13] НПЛ, стр. 31. [14] FM, № 24; И. П. Шаскольский$_7$, стр. 9; ср. P. Johansen$_2$, S. 91—94. [15] P. Juusten. Op. cit., p. 117; ср. J. A. Oppermann$_1$, p. 206; И. П. Шаскольский$_7$, стр. 13. [16] НПЛ, стр. 38. [17] И. П. Шаскольский$_6$, стр. 142. [18] Сообщения шведских хроник — SRS, t. I (1), p. 24, 40, 48, 52, 84. [19] И. П. Шаскольский$_5$, стр. 120—135. [20] НПЛ, стр. 39.

[21] Там же, стр. 39, 230. [22] J. A. Oppermann$_1$, p. 206; P. Juusten. Op. cit., p. 120. [23] DS, t. I, № 136 (1209 г.). [24] Chronologia vetus — SRS, t. I (1), p. 48 (под 1198 г.: expeditio ad Esthoniam). [25] НПЛ, стр. 45. [26] DS, t. I, № 45. [27] SRD, t. I, p. 242. [28] Ibid., p. 242, 243, 252.

Взаимоотношения русских земель с Польшей, Венгрией и Чехией

Русь и Польша (к стр. 151—166)

[1] Первым браком Ярослав Святополчич был женат на дочери венгерского короля Ласло I, умершей в 1106 г.— M. Wertner$_5$, 205—210, 1. [2] Вторым браком он был женат на дочери польского короля Владислава-Германа — O. Balzer$_1$, str. 123—124. [3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 292 (1119 г.); см. также послание митрополита Никифора Ярославу [Святополчичу] — Макарий, т. II, Приложение 10, стр. 358—366. [4] Rocznik Kapitulnu Krakowski — MPH, t. II, p. 798; M. Friedberg$_1$, str. 7; источники см.: B. Włodarski$_6$, str. 48—49; ср. O. Balzer$_1$, str. 123—124 (жена Петра Властовича — Мария Святополковна, дочь византийской царевны Варвары). [5] ПСРЛ, т. II, стб. 286 (1120 г.); K. Maleczyński$_1$, str. 101, 155—156; ср. ПСРЛ, т. II, стб. 286 (1121 г.). [6] Этот эпизод кратко отмечен в летописи — ПСРЛ, т. II, стб. 286, ср. 319 («ем руского князя лестью Володаря и умучивы, и имение его усхыти»), а также в хронике Винцента Кадлубка — «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. III, cap. 20 — MPH, t. II, p. 352; ср. то же в одной из великопольских хроник — MPH, t. II, p. 509; отразилось это известие через монахов, побывавших в Польше, и в хронике швабского Цвифальтенского монастыря, написанной между 1135—1140 гг. его аббатом Ортлибом — MGH SS, t. X, p. 91, и у Герборда — в биографии бамбергского епископа Оттона (XII в.), написанной в 1158—1159 гг.—«Herbordi dialogus de Vita Ottonis» — MGH SS, t. XII, p. 726. Более поздних источников — не касаюсь. [7] ПСРЛ, т. II, стб. 287—288. [8] Там же, стб. 288, 300; O. Balzer$_1$, str. 137—138, 150. [9] «Chronici Hungarici compositio saeculi XIV» — SRH, v. I, p. 448, 451. [10] ПСРЛ, т. II, стб. 450 («и с ляхы ся есмь за нь бил»).

[11] Там же, стб. 306; Прибыславу Ярославну после гибели ее отца Владислав II, как полагают, выдал около 1136 г. за поморского князя Ратибора I (1135—1151) — Н. Баумгартен$_1$, в. 3 (19), стр. 43—57; ср. «Pomerania», Bd. I, S. 88. [12] ПСРЛ, т. II, стб. 308. О структуре летописания см.: М. Д. Приселков$_5$, стр. 47; ср. Ю. А. Лимонов$_1$, стр. 34.; Владислав опередил братьев, которые на съезде в Ленчице с согласия матери Саломеи задумали выдать свою малолетнюю сестру за русского князя с целью помешать краковско-русскому союзу — «Ortliebi Zwifaltensis Chronicon» — MGH SS, t. X, p. 91—92. [13] ПСРЛ, т. II, стб. 313; т. I, в. 2, стб. 310; ЛПС, стр. 55. [14] ПСРЛ, т. II, стб. 313. [15] Там же, стб. 315; ср. т. XXV, стр. 36. [16] Там же, т. II, стб. 318. [17] Союз был скреплен браком Болеслава IV Кудрявого с Верхуславой Всеволодовной, племянницей Изяслава (1136 г.— ПСРЛ, т. II, стб. 300; O. Balzer$_1$, str. 158); его племянник Владимир Всеволодович женился около 1136 г. на Риксе, сестре Болеслава IV — O. Balzer$_1$, str. 150. [18] В Дорогичине есть торговые пломбы Всеволода — Б. А. Рыбаков$_2$, стр. 343—344. [19] ПСРЛ, т. II, стб. 292 (1128 г.), 294 (1132 г.), 410 (1150 г.). [20] A. Kamiński$_2$, str. 23.

[21] ПСРЛ, т. II, стб. 318 (1145 г.). Польский источник связывает с Пилицей поражение Владислава II — «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. III, cap. 28 — MPH, t. II, p. 366—367; S. Smolka₁, str. 228—229; ср. И. А. Линниченко₁, стр. 157. [22] PL, t. 182, p. 230; «List biscupa Mateusza», str. 126. [23] ПСРЛ, т. II, стб. 319. [24] MPH, t. II, p. 522: Годислав Паска сообщает об участии русского князя в осаде Познани; ср. MGH SS, t. XVII, p. 664: «collecta maxima multitudine tam Sarracenorum quam Rutenorum...». [25] MPH, t. II, p. 521. [26] S. Smolka₁, str. 448—469. [27] ПСРЛ, т. II, стб. 319, 321 (1146 г.); при повторном упоминании Болеслав ошибочно назван Володиславом. [28] Польский князь Болеслав Кудрявый «с бесчисленным войском выступил против пруссов, закоренелых язычников, и несколько дольше там задержался; против них выступили также по бесценной воле божьей с великим множеством вооруженных воинов русские, отмеченные все же, хотя возможно и меньше, чем католики, печатью имени христианского. Все они с огромным снаряжением и провиантом и с достойной удивления преданностью делу вторглись с разных сторон в землю язычников, и вся земля содрогнулась от вида их, и почти за три месяца проникнув далеко вглубь, они все опустошили, города и городища (civitas et oppida) предали огню и даже сожгли святилище с идолами, как было у города Мальхим, вместе с самим городом» (перевод И. В. Шталь) — «Annales Magdeburgenses» — MGH SS, t. XVI, p. 188; о немецком походе см.: Н. П. Грацианский₂, стр. 91—106, об антиарабском — М. А. Заборов₁, стр. 133 и сл. [29] ПСРЛ, т. II, стб. 339. [30] В 1170 г. в Визне уже сидит мазовецкий кастелян Болеста, чей брат Бенеш с отрядом пруссов убил плоцкого епископа Вернера — A. Kamiński₂, str. 25. Едва ли прав автор, отрицая в своем скрупулезном и ценном исследовании наличие в X—XII вв. определенной политики у Руси и у Польши в Ятвягии (ibid, str. 27). Для Руси Ятвягия — одно из слагаемых обширной вассальной неславянской сферы.

[31] ПСРЛ, т. II, стб. 385. [32] Там же, стб. 387. [33] Там же, т. XXV, стр. 46. [34] Там же, т. II, стб. 387—388. [35] Там же, стб. 815. [36] Там же, стб. 388. [37] Там же, т. I, в. 2, стб. 329. [38] Там же. [39] O. Balzer₁, str. 180—183; N. Baumgarten₁, table V, № 36, p. 22—26. [40] O. Balzer₁, str. 165—167 (до 1154 г.); N. Baumgarten₁, table V, № 38.

[41] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 336 (1136 г.); послом в Польшу ездил Мстислав, сын Изяслава. [42] Корвейский аббат Вибальд писал канцлеру Арнольду в феврале 1150 г. о намерении императора sororem suam (Агнешку), жену Владислава II, «absque armis in Poloniam reducere» — MPH, t. II, p. 18. [43] S. Smolka₁, str. 260. [44] MPH, t. II, p. 17. [45] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 345 (1155 г.). [46] Я. П. Зинчук₁, стр. 104—106. [47] MPH, t. II, p. 21—22; ср. «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I», lib. II, cap. 3 — MGH SS, t. XX, p. 418 A. F. Grabski₄, str. 205. [48] S. Kucziński₁, str. 27. [49] MPH, t. II, p. 378, 526; t. III, p. 634; O. Balzer₁, str. 194—195; N. Baumgarten₁, table III, № 18, p. 15—17. [50] S. Kucziński₁, str. 26.

[51] ПСРЛ, т. II, стб. 497. [52] Там же, стб. 522. [53] Там же, стб. 533. [54] Я. П. Зинчук₁, стр. 106; A. Gieysztor₂, str. 21.

[55] ПСРЛ, т. II, стб. 526 (1167 г.: с войском, вероятно русско-половецким, смоленского великого князя Ростислава Мстиславича он встречает купцов у днепровских порогов), 532—533 (1169 г.: волынский Мстислав Изяславич шлет его в Киев к своему наместнику), 549 (1172 г.: один из великих князей Давыд Ростиславич послал его с половцами преследовать Мстислава Изяславича), 563 (1173 г.: он участвует в качестве воеводы суздальских Михаила и Всеволода Юрьевичей в походе на половцев), 570 (1174 г.: смоленские Ростиславичи, изгнав Всеволода Юрьевича из Киева, захватили Володислава). Частая смена сюзеренов Володислава наводит на мысль, что он был воеводой киевского тюркского корпуса. [56] ПСРЛ, т. II, стб. 564. Чаргова чадь — не бродники; Чагровичи — стб. 536 (мена смежных букв в написании неславянских имен — дело в летописи обычное). [57] Там же, стб. 572, видимо, его поддержали и Андрей Боголюбский и тесть — черниговский Святослав Всеволодович. [58] В 1183 г. видим его у Игоря Святославича в Путивле, ибо никто из князей волынских, смоленских и суздальских не дал ему «опочити», опасаясь силы Галича («блюдяся отца»); позднее Игорь вновь «введе его в любовь» с отцом — ПСРЛ, т. II, стб. 634 (под 1184 г.). [59] O. Balzer$_1$, str. 184—186; Мстислав Удалой — племянник Елены — двоюродный брат Лешко Белого — ПСРЛ, т. II, стб. 731. [60] O. Balzer$_1$, str. 258—260; ПСРЛ, т. II, стр. 612 (1179 г.: «Филиппово говенье», т. е. 1178 г.).

[61] Письмо Фридриха I Вибальду — MPH, t. II, p. 21; «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I» — MGH SS, t. XX, p. 418. [62] K. Gorski$_1$, str. 13. [63] Я. П. Зинчук$_1$, стр. 107; A. Gieysztor$_2$, str. 22. [64] «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 8 —MPH, t. II, p. 397. [65] MPH, t. II, p. 834 (Chronica Tracki под 1181 г.: dux Kazimir devicit Ruthenos); ср. Богухвал — ibid., p. 533 (1182 г.); K. Gorski$_1$, str. 13. [66] «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 23 — MPH, t. II, p. 433 (...apud quem [Casimirum] paene a cunabulus educatus). [67] ПСРЛ, т. II, стб. 662 (1188 г.). В хронике Винцента события этих лет отражены смутно; ср. М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 574—577; A. F. Grabski$_4$, str. 61. [68] ПСРЛ, т. II, стб. 667; об этом есть и у Винцента Кадлубка, у которого главное действующее лицо — Казимир, а император не упомянут — MPH, t. II. p. 412—415; ср. Богухвала — ibid., p. 535. [69] «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 15 — MPH, t. II, p. 416—417. [70] Ibid., lib. IV, cap. 18 — MPH, t. II, p. 421.

[71] Ibid., lib. IV, cap. 19, p. 421; по поводу домысла Кадлубка о Дорогичине см.: A. Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa$_1$, str. 11—12. [72] ПСРЛ, т. II, стб. 702. [73] J. Antoniewicz$_1$, str. 233—277. [74] «Vincentii Chronicon Polonorum» — MPH, t. II, p. 401—402. [75] Ibid., p. 436. [76] Ibid., p. 438 (Nam que pacto extraneus dici potest, cum quo secundo consanguinitatis gradu repetitor). [77] ПСРЛ, т. II, стб. 686—687. [78] «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 23 — MPH, t. II, p. 433. Винцент толкует побуждения Романа так: «...Ибо он помнил благодеяния, оказанные ему Казимиром; он знал также, что если они [Казимировичи] проиграют дело, то и он потеряет свое княжество, так как с одной стороны ему угрожает **Мешко,** а с другой — князь киев-

ский, тесть его, с дочерью которого он развелся». [79] MPH, t. III, p. 715 (Rocznik Górnośląski). [80] «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 23 — MPH, t. II, p. 435. [81] Ibid., lib. IV, cap. 25, p. 442. [82] ПСРЛ, т. II, стб. 688; ср. т. XXV, стр. 97. [83] Там же, т. II, стб. 660. [84] «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 24 — MPH, t. II, p. 437 (non principem Galiciae, sed procuratorem ibi suum constituat). [85] Ibid., p. 440. [86] Ibid., p. 441; ПСРЛ, т. II, стб. 718. [87] В. Т. Пашуто₁, стр. 192 и сл. [88] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 425. [89] «Chronica Alberici monachi Trium fontium» — MGH SS, t. XXIII, p. 885; Альберик располагал хорошей информацией от кардинала Якова из Пренеста, который был местным аббатом, а в качестве папского легата посещал Венгрию. По поводу спора Филиппа Швабского с Оттоном см.: Gesta Episcoporum Halberstadensium — MGH SS, t. XXIII, p. 116 («Peterea rex Otto propter favorem apostolicum fortior factus, Boemis et barbaris nationibus sibi in adiutorium advocatis, terram undique est depopulatus» — 1203 г.). [90] «Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum», lib. II, cap. 17 — MGH SS, t. XXI, p. 137.

[91] Ibid. lib. III, cap. 7, p. 149. [92] Ibid., lib. VI, p. 218. [93] ПСРЛ, т. II, стб. 719; B. Włodarski₁, str. 259—260. [94] MPH, t. II (Rocznik Traski), p. 836; ср. М. С. Грушевський₁, т. III, стор. 14—15, 506—507.

Русь и Венгрия (к стр. 167—182)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 195. Кальман был в союзе с польским Болеславом III и во вражде с немецким королем Генрихом V и чешским князем Святополком — Cosma, lib. III, cap. 25, 27. [2] SRH, v. I, p. 429 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV). [3] ПСРЛ, т. II, стб. 285; т. XXV, стр. 73—74. [4] Там же, стб. 287; SRH, v. I, p. 437—438 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV); ср. М. С. Грушевський₁, т. II, стор. 427; K. Maleczyński₁, str. 152. [5] Среди доходов монастыря упомянут и этот — «a Basilica et Johanne Blademero (Blaudemero) Rusorum Regibus apud Galizam». Текст дефектный, вследствие перевода с греческого; он вошел в папские буллы 1216 и 1218 гг.— VMH, t. I, p. 9—11; см. статьи —G. Papp₁, p. 41—45; G. Györffy₁, S. 30—58. О пребывании короля Иштвана II в 1127 г. во время венгеро-австрийских переговоров в какой-то «русской марке» (marchia Ruthenorum) сообщает написанная монахом XII в. биография Конрада, зальцбургского архиепископа — «Vita Chunradi, archiepiscopi Salisburgensis» — MGH SS, t. XI, p. 74. Это, вероятно, какая-то пограничная венгерско-русская территория со смешанным населением. Таковых было немало в зоне Карпат, которые русские не зря называли «горами Угорскими», а венгры — Alpes Ruthenorum. Были в Венгрии и русские (галицкие?) поселения типа того Русского села (Orosfalva), чье население получало свободу в обмен на обязательство охранять границу. [6] Сообщение современного хрониста фрейзингенского епископа Оттона: «Ottonis Fri-

singensis Chronicon», lib. VII, cap. 21 — MGH SS, t. XX, p. 259; его брат, австрийский герцог Альбрехт — союзник Белы II. [7] Canonicus Wissegradensis. Continuatio Cosmae — FRB, t. II, p. 215—216. Вышеградский каноник — сторонник чешского короля Собеслава I; то же см.; «Ottonis Frisingensis Chronicon», lib. VII, cap. 21 — MGH SS, t. XX, p. 259. [8] FRB, t. II, p. 395; Annales Gradicenses — MGH SS, t. XVII, p. 650. [9] Ottonis Frisingensis Chronicon — MGH SS, t. XX, p. 259; Canonicus Wissegradensis. Continuatio Cosmae — FRB, t. II, p. 216, 217; В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 85. [10] Canonicus Wissegradensis. Continuatio Cosmae — FRB, t. II, p. 222—223.

[11] O. Balzer$_1$, str. 160; ПСРЛ, т. II, стб. 308, 313. [12] ПСРЛ, т. II, стб. 301 (1139 г.); т. I, в. 2, стб. 305 (1138 г.). [13] Там же, т. II, стб. 315 (1144 г.); т. I, в. 2, стб. 311; ср. М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 144—145. [14] M. Wertner$_5$, 311—315 l; К. Я. Грот$_2$, стр. 94. [15] M. Wertner$_1$, S. 101—102; ПСРЛ, т. II, стб. 407—408 (1150 г.); G. Pauler$_1$, I k., 354. l. [16] «Vincentii Pragensis Chronica» — FRB, t. II, p. 409. [17] «Ottonis Frisingensis Chronicon», lib. VII, cap. 34 — MGH SS, t. XX, p. 266. [18] «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I», lib. I, cap. 30 — MGH SS, t. XX, p. 368; Annales Admuntenses Continuatio — MGH SS, t. IX, p. 581. [19] Odo de Diogilo, ed. 1948, lib. II, p. 34—38; ср. SRH, v. I, p. 458. [20] ПСРЛ, т. II, стб. 361—362.

[21] Там же, стб. 384 (1149 г.). [22] В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 47 и сл.; К. Я. Грот$_2$, стр. 149; об участии хвалисов и печенегов в венгерском войске в Сербии — Ioannes Cinnam, lib. III, cap. 8, p. 107. [23] ПСРЛ, т. II, стб. 385. [24] Там же, т. I, в. 2, стб. 323. [25] Там же, т. II, стб. 401; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 165 — допускал, что и в этом походе у Изяслава были иноземные отряды; ср. К. Я. Грот$_2$, стр. 155. [26] ПСРЛ, т. II, стб. 405. [27] Там же. [28] Там же; в суздальской летописи отмечено, что Изяслав пришел позднее — т. I, в. 2, стб. 337. [29] Там же, т. II, стб. 408. С определением личности Кукенеса не все ладно. При Гезе II известен эстергомский примас Qunchinus — CDH, t. II, p. 88, 120 (в подтвержденной 1443 г. грамоте), есть и Quiquenus (т. е. Kökényes = = Кукенес) — G. Pauler$_1$, I. k., 492—493.l. Этот вопрос сейчас исследует молодой ученый А. Кубиньи; он допускает, что архиепископ вышел из пробстов (probst-praepositus-kokones) и это отразилось в его русском наименовании. [30] ПСРЛ, т. II, стб. 407.

[31] Там же, стб. 408. [32] Там же, стб. 409. [33] Там же, стб. 408—409. [34] Там же, стб. 410. [35] Там же, стб. 413. [36] Там же, стб. 414. [37] Там же, стб. 416 (1150 г.); ПВЛ, ч. II, стр. 366. [38] ПСРЛ, т. XXV, стр. 391. [39] Там же, т. II, стб. 420—421; т. XXV, стр. 50. [40] Там же, т. II, стб. 434 (1151 г.); венгеро-русские отношения этой поры оценены неточно: В. П. Шушарин$_1$, стр. 168.

[41] ПСРЛ, т. II, стб. 442. [42] Там же, стб. 442, 444. [43] Там же, стб. 446. [44] Там же, об этом походе сохранилось известие и в венгерской хронике XIV в.— SRH, v. I, p. 460. [45] ПСРЛ, т. II, стб. 448. [46] Там же, стб. 533. [47] Там

же, стб. 449. [48] Там же, стб. 399; о датировке — В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 105. [49] ПСРЛ, т. II, стб. 450; т. XXV, стр. 55; ср. т. I, в. 2, стб. 336—338; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 432; о различии летописных редакций — М. Д. Приселков$_5$, стр. 47—55; Ю. А. Лимонов$_1$, стр. 34. [50] ПСРЛ, т. II, стб. 450—451; MPH, t. II, p. 517.

[51] ПСРЛ, т. II, стб. 451—452. [52] Там же, стб. 461—462. [53] В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 60; Niceta Choniata. De Manuele Comneno, lib. II, cap. 7, p. 122. [54] Ioannes Cinnam, cap. II, p. 114—117; известие о византийском наступлении застало Гезу II на Руси — ibid., p. 115. [55] Ibid., p. 117. [56] «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I», lib. III, cap. 12 — MGH SS, t. XX, p. 423—424. [57] Ibid., lib. II, cap. 6, p. 393; 1151 годом датирует венгерский поход в Галичину В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 61, 103—105. [58] В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 64, 66. [59] Там же, стр. 70; «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I», lib. II, cap. 3 — MGH SS, t. XX, p. 414. Справедливо замечание, что Борис Кальманович не нашел поддержки на Руси против Венгрии — М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 117; К. Я. Грот$_2$, стр. 188—191, 203. [60] ПСРЛ, т. II, стб. 482—483.

[61] Там же, стб. 497 (1159 г.); в других списках отмечено участие венгерской дружины в походе на половцев, вероятно Ивана Берладника, который был тогда на Дунае. [62] К. Я. Грот$_2$, стр. 274, 303, 320; «Vincentii Pragensis Chronica» — FRB, t. II, p. 455; об участии ее в государственном управлении — CDH, t. II, p. 67 (1165 г.), 182 (1169 г.). [63] Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 15, p. 242—243; С. П. Шестаков$_2$, стр. 50; А. В. Флоровский$_5$, стр. 88. [64] Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 12, p. 235—236; lib. VI, cap. 4, p. 262; К. Я. Грот$_2$, стр. 331, 363. [65] ПСРЛ, т. II, стб. 567 (1174 г.). [66] SRH, v. I, p. 127 (Annales Posonienses); о венгерско-византийском союзе — G. Moravcsik$_1$, p. 566—567. [67] CDH, t. II, p. 230 (1186 г.). [68] Ibid., t. V, v. 1, p. 212; ср. G. Györffy$_1$, S. 36—37. [69] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 206—220; ср. А. П. Сапунов$_1$, стр. 36; М. Дубровский$_1$, стр. 9. [70] ПСРЛ, т. II, стб. 660.

[71] Там же, стб. 662; уже в грамоте от 2 мая 1189 г. Бела III именует себя «rex Galaciae» — CDH, t. II, p. 247; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 449. [72] ПСРЛ, т. II, стб. 663. [73] Там же, стб. 665.

Русь и Чехия (к стр. 183—185)

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 287; о русско-чешских связях см.: А. В. Флоровский$_5$, стр. 60 и сл.; ср. B. Włodarski$_6$, str. 52. [2] Canonicus Wissegradensis. Continuatio Cosmae — FRB, т. II, p. 215. [3] «Bibliotheca Rerum Germanicarum», ed. Ph. Jaffé, t. V, № 260, p. 446—447 (1132 г.). [4] Допущение, что отряд прислан Венгрией, менее вероятно: она больше имела дело с печенегами — Д. А. Расовский$_3$, стр. 37, 43. [5] НПЛ, стр. 27. [6] FRB, t. II, p. 396 (под 1140 г.); «Vincentii Pragensis Chronica» — ibid., p. 409 (под 1141 г.).

[7] Ibid., p. 418. [8] ПСРЛ, т. II, стб. 385. [9] Там же, стб. 388, прим. 76. [10] На этом основании признается недостоверным сообщение о движении русских войск и войск Владислава II на помощь Венгрии в 1165 г. — Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 15, p. 242; FRB, t. II, p. 419; V. Novotný$_1$, t. I (2), str. 942—944.

[11] «Ottonis Frisingensis et Ragewini Gesta Friderici I» — MGH SS, t. XX, p. 492. [12] «Chronica collecta a Magno Presbytero» — MGH SS, t. XVII, p. 501. [13] А. В. Флоровский$_5$, стр. 98—157.

Русь и Византия *(к стр. 186—201)*

[1] Было бы, следовательно, ошибочно считать политику Мономаха провизантийской; ср. М. Д. Приселков$_1$, стр. 346. [2] Анна Комнина, кн. X, гл. 2; М. В. Левченко$_3$, стр. 414; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 115. [3] ПВЛ, ч. I, стр. 148 (1095) г.); Анна Комнина, кн. X, гл. 2—4. [4] Их сын Василий Маричип (Леонович) упомянут летописями — ПСРЛ, т. II, стб. 298 (1136 г.); т. I, в. 2, стб. 303; ср. В. Г. Васильевский$_2$, т. II, в. 1, стр. 47. [5] ПВЛ, ч. I, стр. 201; вероятно, об этом движении (около 1114 г.) половцев (куманов) за Дунай сообщает и Анна Комнина, кн. XIV, гл. 8. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 201. [7] Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху, стр. 157—163; А. Попов$_1$, стр. 101—108. [8] Об анахронизме упоминания императора Мануила см.: Ю. К. Бегунов$_1$, стр. 102—103. [9] N. Baumgarten$_1$, table V, № 26, p. 22—23; ср. С. Пападимитриу$_1$, стр. 73—98. [10] ПСРЛ, т. II, стб. 286.

[11] Проложное сказание о перенесении перста св. Иоанна Крестителя — Н. К. Никольский$_2$, стр. 56—57. [12] ПСРЛ, т. XXV, стр. 31; т. II, стб. 293, 304; из них Василько Рогволодович вернулся на Русь уже в 1131 г.— т. XXV, стр. 32 (ошибочно назван Святославичем), а еще двое — в 1140 г.— т. II, стб. 303—304; ср. Антоний, стб. 167. Ссылка князей в Византию вовсе не свидетельствует о зависимости Руси от нее. В Чехии Бржетислав II предписывал изгнание в Венгрию, Сербию, Польшу — Cosma, lib. II, cap. 4; lib. III, cap. 4, 33. [13] ПСРЛ, т. II, стб. 295. [14] Л. В. Черепнин$_2$, стр. 136. [15] НПЛ, стр. 23; ср. ПСРЛ, т. II, стб. 300. [16] ПСРЛ, т. II, стб. 299; НПЛ, стр. 24. [17] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 306 (под 1138 г.). [18] Там же, т. II, стб. 302—303 (под 1140 г.). [19] Там же, стб. 300. [20] Там же, стб. 303—304 (1139 г.).

[21] М. В. Левченко$_3$, стр. 481. [22] ПСРЛ, т. XXV, стр. 37; т. II, стб. 341; т. VII, стр. 39. [23] I. Barnea$_1$, p. 173. [24] ПСРЛ, т. II, стб. 485. Видимо, к нему относится и отрывок текста о том, что «митрополит [Михаил?] писаша бо к нему рукописанье на Клима». См. послание патриарха Николая Музалона епископу Нифонту — Макарий$_1$, т. III, Приложение 1, стр. 297. [25] ПСРЛ, т. II, стб. 484 (под 1156 г.); об епископах туровском и полоцком — Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 304—305. [26] F. Chalandon$_2$, p. 414—415. [27] Ioannes Cinnam, lib. III, cap. II, p. 115; N i c e t a C h o n i a t a. De Manuele Comneno, lib. II, cap. 7, p. 122; что слово «опоспондос» не имеет этого значения, см.: В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 45; М. С.

Грушевський$_1$, т. III, стор. 428; М. В. Левченко$_3$, стр. 479; D. Obolensky$_3$, p. 58; ср. G. Moravcsik$_4$, p. 301—311. [28] Текст переписки Конрада с Иоанном — «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I», lib. I, cap. 23—24 — MGH SS, t. XX, p. 364—365; о Сицилии — А. А. Васильев$_2$, стр. 41. [29] М. Д. Приселков$_1$, стр. 362, 372. [30] А. С. Павлов$_3$, стр. 143—154.

[31] А. Л. Погодин$_4$, стр. 134; В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 25. и сл. [32] В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 33 и сл. [33] ПСРЛ, т. II, стб. 482 (1155 г.). [34] НПЛ, стр. 27; а вернее, рука редактора времен новгородского архиепископа Ильи (1165—1185), который в поучении священникам писал, что «святая бо София не убога есть... мне бо некому добытка копити — ни жене, ни детем, н и в ы и н у з е м л ю слати» — РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 362. [35] НПЛ, стр. 29; М. Д. Приселков$_1$, стр. 343—344. [36] ПСРЛ, т. II, стб. 483 (1156 г.). При Мануиле отношения у Новгорода с Византией были дружественными, если судить по тому, что, когда стал править Андроник, константинопольский вельможа Алексей Комнин бежал в Новгород, где был принят (или выдал себя) за сына Мануила (удавленного, как известно, по приказу нового императора) — ПЛ, в. 1, стр. 10; в. 2, стр. 21. Из Новгорода он попал в Сицилию, где действовал на стороне норманов — N i c e t a C h o n i a t a. De Alexii Comneno, lib. I, cap. 7, и погиб в Иконии — ibid., De Isacii Angeli, lib. III, cap. 1. [37] ПСРЛ, т. II, стб. 485 (1156 г.); Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 312; М. Д. Приселков$_1$, стр. 389; ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 347 (1156 г.); о влиянии этих событий на судьбы русского монастыря на Афоне см.: В. А. Мошин$_6$, ч. 2, стр. 34, 39—41. [38] Н. Н. Воронин$_4$, стр. 34. [39] Н. Н. Воронин$_3$, стр. 88—92. [40] Н. Н. Воронин$_2$, стр. 31—32.

[41] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 352 (под 1164 г.); он прибыл в Ростов — стб. 348 (1158 г.). [42] Той же позиции держался Чернигов — там же, т. II, стб. 488 (1158 г.). [43] Там же, стб. 503, 514. Переход Киева в руки смоленско-волынской группировки сопровождался преследованиями противников, вот почему в 1161 г. черниговский Изяслав Давыдович, ненадолго вступив в Киев, «всим дасть прощение кианом, их же бяху изоимали» — там же, т. II, стб. 516; ср. т. XXV, стр. 70 (под 1160 г.: «иже бе поимал Ростислав в крамоле»). [44] НПЛ, стр. 30. [45] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 349. [46] Там же. [47] Там же, т. II, стб. 520. [48] Там же, стб. 321; т. XXV, стр. 72 (Отскалана). Это событие отразилось и в хронике Киннама, который знает, что позднее в волости на Дунае, где сидел Василько Юрьевич, правил со своей дружиной «один из владетелей Тавроскифии — Владислав» — Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 12, p. 236; уже в 1169 г. Всеволод на Руси — союзник Андрея — ПСРЛ, т. II, стб. 543 (под 1170 г.). [49] Там же, т. II, стб. 519. [50] Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (2), стр. 462, 470.

[51] Послание Феодосия Изяславу Ярославичу — Макарий т. II, Приложение 4, стр. 335—336. [52] РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 50. [53] См. глоссу переяславского летописца: «латына бо ходиша съ иными и взяша обычаи самовольныи запущати мяса въ вторник Феодоровы недели, за слабость неверия и с праздники царя Ираклия, его же избави боже душа наша» —

ЛПС, стр. 3. [54] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 352 (1164 г.); т. XXV, стр. 72 (1162 г.). [55] Там же, т. II, стб. 523, 520. [56] Там же, стб. 522. [57] П. Соколов$_1$, стр. 110 и сл. [58] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 352 (1164 г.). [59] Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 10, p. 232; С. П. Шестаков$_1$, стр. 379—381; ср. М. М. Фрейденберг$_1$, стр. 40—43. [60] Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 12, p. 236; подробнее К. Я. Грот$_2$, стр. 329 и сл.

[61] ПСРЛ, т. II, стб. 522. [62] Там же, стб. 526 (1167 г.), 528 (1168 г.). [63] ПРП, в. II, стр. 29—31; в пределах Галичины находилась Баня Родна — ПСРЛ, т. II, стб. 778; ср. SRH, v. II, p. 564 (Rogerii Carmen Miserabile, cap. XX). [64] ПСРЛ, т. II, стб. 317. [65] Там же, стб. 497. [66] Там же, стб. 499. [67] Там же, стб. 497. [68] Киннам сообщает, что в 1148 г., воюя против половцев, войска Мануила вытеснили их за Дунай, пересекли два потока и подошли к горе Тенонсрмон, граничившей с Тавроскифией (т. е. Русью) — Ioannes Cinnam, lib. III, cap. 3, p. 94. Полагают, что речь идет о районе рек Ведя и Телеорман, в центральной части Валахии,—E. Frances$_1$, p. 56; В. Н. Златарски$_2$, т. II, стр. 386—395. [69] ПСРЛ, т. II, стб. 505; А. Н. Насонов$_3$, стр. 139—141. [70] ПСРЛ, т. II, стб. 573 (1174 г.).

[71] Никита Хониат говорит, что в пути (видимо, на Нижнем Дунае) Андроник едва не был выдан влахами императору — Niceta Choniata. De Manuele Comneno, lib. IV, cap. 2, p. 168—171. [72] ПСРЛ, т. II, стб. 524 (1165 г.). [73] Niceta Choniata. De Manuele Comneno, lib. IV, cap. 2, p. 172—173; С. П. Шестаков$_1$, стр. 375; O. Jurewicz$_1$, S. 340—341. [74] Ioannes Cinnam, lib. V, cap. 12, p. 235—236 (Ярослав фигурирует как Примислав); Niceta Choniata. De Manuele Comneno, lib. V, cap. 3. [75] ПСРЛ, т. II, стб. 524; ср. E. Frances$_1$, p. 59. [76] НПЛ, стр. 31. [77] Н. Н. Воронин$_2$, стр. 39—40. [78] Не до конца ясна датировка грамоты патриарха — М. С. Грушевський$_1$, т. III, стор. 276. [79] РИБ, т. VI. СПб, 1880, стб. 63—68; Макарий$_1$, т. III, Приложение 2, стр. 298—300; Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 441; М. С. Грушевський$_1$, т. III, стор. 269. В. Лоран утверждает, что на печати второй половины XII в. можно встретить Моисея, «монаха и митрополита владимирского» — V. Lourent. Corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, 1 A. Paris, [1964], № 793. [80] ПСРЛ, т. II, стб. 538.

[81] Там же, стб. 543. [82] Там же, т. XXV, стр. 79 (1168 г.); т. I, в. 2, стб. 354 (1168 г.). [83] Там же, т. II, стб. 545—546. [84] В южной летописи этот текст стоит в ряду описания чудес двух церквей — владимирской и десятинной — там же, стб. 551, 554. [85] Там же, т. XXV, стр. 79. [86] Там же, т. I, в. 2, стб. 355. [87] Там же, стб. 356. [88] Там же, стб. 357. [89] Там же, т. XXV, стр. 79—80; т. II, стб. 551 (под 1172 г.); впрочем, и во Владимире часть церковников была враждебна Андрею — «старейшие игумены», что отказывали ему (быть может, он отлучен) в погребении — т. II, стб. 591. [90] Там же, т. XXV, стр. 80.

[91] В. А. Мошин$_6$, ч. 2, стр. 39—41; М. В. Левченко$_3$, стр. 486; «Акты», № 7, стр. 70—74. [92] М. Д. Приселков$_1$, стр. 405. [93] Н. Н. Воронин$_2$, стр. 50. [94] «Древнерусское государство», стр. 302 и сл. [95] М. Д. Приселков$_1$, стр. 54, 118, 134,

155, 310, 315, 333, 351, 390. [96] Г. Г. Литаврин$_2$, стр. 429. [97] ПСРЛ, т. II, стб. 629—630 (1183 г.); т. I, в. 2, стб. 390—391 (1185 г.); т. XXV, стр. 91 (1185 г.). [98] Niceta Choniata. De Alexii Isaacii Angeli, lib. III, cap. 5, p. 691; М. Д. Приселков$_4$, стр. 108—109. [99] ПСРЛ, т. II, стб. 688 (1195 г.). [100] Там же, т. XXV, стр. 96 (1196 г.); ср. о дарах Всеволоду из Солуни—там же, стр. 99 (1197 г.).

[101] Niceta Choniata. De Andronico Comneno, lib. II, cap. 11; это соответствовало и духу его взаимоотношений с Венгрией — G. Moravcsik$_1$, p. 559; М. В. Левченко$_1$, стр. 219. [102] ПСРЛ, т. II, стб. 663 (1189 г.). [103] Об отношениях с Византией других княжеств данных очень мало: судя по житию Евфросиньи («Памятники старинной русской литературы», в. 4. СПб., 1862, стр. 177), полоцкие князья посещали Константинополь — М. В. Левченко$_3$, стр. 469; в Новгороде в 1186 г., как мы видели, появился самозванец, выдававший себя за императора Алексея, сына Мануила — ПЛ, в. 1, стр. 10; в. 2, стр. 21; М. В. Левченко$_3$, стр. 468; в 1196 г. здесь художник «грьцин Петровиць» расписывал церковь богородицы — НПЛ, стр. 42. [104] ПСРЛ, т. II, стб. 680; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 215; М. В. Левченко$_3$, стр. 496—497. [105] ПСРЛ, т. II, стб. 709—710 (1199 г.). [106] Антоний, стр. 79. [107] ПСРЛ, т. II, стб. 793. [108] Niceta Choniata. De Alexii Isaacii Angeli, lib. III, cap. 5, p. 691—692; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 226; М. Д. Приселков$_5$, стр. 9.

Русь, Болгария и земли южных славян *(к стр. 202—203)*

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 670 (1190 г.). [2] «Живот светога Симеуна и светога Саве», стр. 27, 124; А. Соловјев$_1$, стр. 221—225. [3] Б. Ковачевић$_1$, стр. 99 и сл.; М. Н. Сперанский$_1$, стр. 15—28, 32—33; В. П. Адрианова-Перетц$_1$, стр. 5—27; В. А. Мошин$_7$, стр. 28—106. [4] Г. Г. Литаврин$_2$, стр. 453. [5] Слово Никиты Хониата (1190 г.) см.: Ф. И. Успенский$_1$, стр. 035—039. [6] Н. С. Державин$_2$, стр. 118—127; «История Болгарии», т. I, стр. 137 и сл.

Русь и кочевники Причерноморья *(к стр. 204—213)*

[1] НПЛ, стр. 19; ср. К. В. Кудряшов$_1$, стр. 112 и сл. [2] ПВЛ, ч. I, стр. 187—под 1107 (разгром тысячи веж), 1109, 1111, 1116 гг. [3] НПЛ, стр. 19 (1106 г.). [4] ПВЛ, ч. I, стр. 187. [5] Там же, стр. 202. [6] Там же, стр. 201 (1116 г.). [7] Там же, стр. 202 (1117 г.); ср. ПСРЛ, т. II, стб. 377; о местоположении Белой Вежи см.: К. В. Кудряшов$_1$, стр. 9—41. [8] ПСРЛ, т. II, стб. 541. [9] *Примечание А. П. Новосельцева:* «Картлис цховреба», т. I. Изд. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955, стр. 336—337 (груз. яз.). Здесь известия о походе Давида IV на Ширван (стр. 337) и войнах его против турок-сельджуков (стр. 331, 332, 339) тесно примыкают к сообщению о пригла-

ший половцев и позволяют думать, что последние принимали участие в этих кампаниях. [10] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 292.

[11] Там же, т. II, стб. 286 («с погаными на Ляхи»). [12] Ю. К. Бегунов$_1$, стр. 183; ПВЛ, ч. II, стр. 451. [13] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 293—294. [14] Там же, т. II, стб. 289. [15] Там же, стб. 303 (1140 г.). [16] Там же, стб. 716. [17] Подробнее см.: «Древнерусское государство», стр. 98; С. А. Плетнева$_1$, стр. 150—226; П. В. Голубовский$_1$, стр. 211 и сл. [18] ПСРЛ. т. II, стб. 289—290; т. I, в. 2, стб. 295 (добавлен Бронкняж); т. XXV, стр. 29 (1125 г.). [19] Там же, т. II, стб. 303. [20] Там же, стб. 291; т. XXV, стр. 30; т. I, в. 2, стб. 296.

[21] Там же, т. II, стб. 304 (до 1129 г.) [22] Там же, стб. 295—296 (1135 г.), 298 (1136 г.), 299 (1137 г.); т. I, в. 2, стб. 303 (1135 г.), 304 (1136 г.). [23] НПЛ, стр. 23 (1136 г.). Через год половцы оказались и в Новгороде: их и курян туда привел Святослав Ольгович, чтобы при содействии новгородцев вытеснить из Пскова волынско-киевского ставленника — Всеволода Мстиславича — НПЛ, стр. 25 (под 1137 г.); ср. ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 304—305 (1138 г.). [24] См. борьбу за Переяславль и Посулье, где «бысть пагуба посульцем ово от половець, ово же от своих посадник» — ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 305 (1138 г.); ср. т. II, стб. 301, 304 (1140 г.). [25] Там же, т. II, стб. 308 (1141 г.). [26] Там же, стб. 319 (1146 г.). [27] Там же, стб. 329, 334—335 (1146 г.). [28] Ольговичи с половцами воевали Брагин и защищали от волынского князя Любеч — там же, стб. 359. [29] Там же, стб. 361 (1148 г.). [30] Там же, стб. 332 (1146 г.).

[31] Там же, стб. 356 (удалось захватить только Попашь). [32] Там же, стб. 377, 378 сн. 70, 379, 386 (1149 г.). [33] Там же, стб. 432 (1151 г.). [34] Кончак в 1185 г. говорил хану Кзе: «Пойдем на Киевськую сторону, где суть избита братья наша и великый князь наш Боняк» — там же, стб. 646. [35] Там же, стб. 455 (1152 г.). [36] Там же, стб. 458, 460. [37] Там же, стб. 471—472 (1154 г.), 476. [38] Там же, стб. 476; Глеб ездил к половцам в 1154 г.— стб. 468. [39] Там же, стб. 480—481 (1155 г.); ср. т. I, в. 2, стб. 345 (под 1154 г.). [40] Там же, т. II, стб. 485 (1156 г.).

[41] Там же, т. XX, ч. 1, стр. 117. Путь из Киевщины в Рязань шел половецким полем; оно было и под Пронском — А. Н. Насонов$_3$, стр. 199, 204; ср. использование половцев в борьбе князей за Чернигов — ПСРЛ, т. II, стб. 509 (1161 г.); т. I, в. 2, стб. 350 по другим спискам (глосса об Изяславе Давыдовиче: «пополнив руки половцем. О, горе таковым князьям»). Бегство князей «в половцы» — обычное явление: например, после смерти Ростислава Мстиславича волынский Мстислав Изяславич изгнал Владимира Мстиславича из Киева; тот ушел к половцам — т. I, в. 2, стб. 353—354 (1168 г.). [42] Там же, т. II, стб. 328 (1146 г.). [43] Там же, т. I, в. 2, стб. 315 (1147 г.). [44] В. Г. Васильевский$_2$, т. IV, стр. 28—31; К. Я. Грот$_2$, стр. 130—134; F. Chalandon$_2$, p. 323—325, 413—414; В. Златарски$_2$, т. II (1), стр. 384—386, 394—396. Из описания борьбы войск Мануила с половцами в 1148 г. ясно, что Дунай — византийско-русская граница — Ioannes Cinnam, lib. III, cap. 3, p. 94. [45] ПВЛ, ч. 1, стр. 161. [46] ПСРЛ, т. II, стр. 305. [47] Там же, стб. 500 (1159 г.) [48] Заняв Киев, Изяслав Давыдович за-

ключил мир с половцами в Каневе на снеме — там же, стб. 490 (1158 г.). [49] Там же, стб. 517. [50] Там же, стб. 502 (1159 г.).

[51] Там же, стб. 505 (1160 г.). [52] Там же, стб. 499 (1159 г.), 505, 526, 528 (1166 г.). [53] Там же, т. XXV, стр. 72 (1163 г.: Ростислав «привел Белгуковну»). [54] Там же, т. II, стб. 532 (1168 г.: «Беглюковы вежи»). [55] Там же, стб. 538 (1170 г.). [56] Там же, стб. 540 (1170 г.). [57] Там же, стб. 541. [58] Там же, стб. 550 (1172 г.). [59] Там же, стб. 557—558 (1172 г.). [60] См. о действиях половцев в районе Киева — там же, стб. 562—563 (1173 г.); т. I, в. 2, стб. 362—363; Поросья, Переяславля — т. II, стб. 568—569 (1174 г.); Ростовца — стб. 603 (1178 г.); Торческа — стб. 605 (1178 г.); вновь Переяславля — стб. 612—613 (1179 г.).

[61] Там же, т. II, стб. 618, 620—621 (1180 г.); во время смут в Суздальщине рязанский князь Глеб пытался привлечь половцев, которые были перебиты — там же, т. XXV, стр. 88; т. I, в. 2, стб. 382—384; т. II, стб. 605. [62] Там же, т. II, стб. 621—623. [63] Там же, стб. 624. [64] Там же, стб. 633 (1183 г.); т. I, в. 2, стб. 395—396 (под 1185 г.); подробнее с переяславской позиции — т. XXV, стр. 91 (под 1185 г.). [65] О составе известий — М. Д. Приселков$_5$, стр. 48 и сл.; по переяславскому варианту один из киево-смоленских походов свелся только к успеху на р. Хории, так как местнические домогательства Игоря Святославича помешали действиям Владимира Глебовича — там же, т. II, стб. 628—629. [66] Там же, стб. 628 (1183 г.). [67] Там же, т. I, в. 2, стб. 389 (под 1184 г.); т. XXV, стр. 90 (1183 г.). [68] Там же, т. II, стб. 637 (1184 г.). [69] Там же, стб. 637. [70] Там же, т. I, в. 2, стб. 397; т. XXV, стр. 91.

[71] Там же, т. XXV, стр. 91—92; т. I, в. 2, стб. 397—398. [72] Там же, т. II, стб. 649. [73] Там же, т. XXV, стр. 92. [74] Там же, т. I, в. 2, стб. 399. [75] Там же, т. II, стб. 654. [76] Там же, стб. 659 (1187 г.). [77] Там же, стб. 668 (1190 г.). [78] Там же, стб. 669. [79] Там же, стб. 670. [80] Там же, стб. 672—673.

[81] Там же, стб. 674 (1193 г.). [82] Там же, стб. 675—676. [83] Там же, стб. 683 (1195 г.); это нота: Рюрик «являл» ее своему зятю, волынскому Роману Мстиславичу — стб. 685. [84] Там же, стб. 683—684 (1195 г.). [85] Там же, стб. 702 (1196 г.). [86] Там же, стб. 690 (1195 г.), 694—695 (1195 г.). [87] НПЛ, стр. 42—43 (1195—1196 гг.). [88] ПСРЛ, т. II, стб. 697 (1196 г.). [89] Там же, т. XXV, стр. 99; т. I, в. 2, стб. 414. [90] Там же, т. XXV, стр. 100 (1202 г.).

[91] НПЛ, стр. 45; ПСРЛ, т. XXV, стр. 100 (под 1203 г.). [92] ПСРЛ, т. XXV, стр. 100 (1202 г.); ср. т. I, в. 2, стб. 418. [93] Там же, т. XXV, стр. 101 (1203 г.); т. I, в. 2, стб. 420 (под 1205 г.); НПЛ, стр. 240 (1203 г.). [94] Д. А. Расовский$_4$, т XI, стр. 98.

Взаимоотношения русских земель с восточными соседями (Волжской Булгарией и государствами Кавказа)

Русь и Волжская Булгария (к стр. 214—215)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 13. [2] Ю. К. Бегунов$_1$, стр. 184. [3] ПВЛ, ч. I, стр. 185; НПЛ, стр. 19. [4] Д. А. Расовский$_4$, т. IX, стр. 74—80. [5] См. Ростовский свод 1528 г.— ПСРЛ, т. XXIV, стр. 73. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 202. [7] ПСРЛ, т. II, стб. 285—286. [8] Там же, т. XXV, стр. 117. [9] В 1152 г. булгары осаждали Ярославль, но его выручили ростовцы — там же, т. XXIV, стр. 77. [10] ЛПС, стр. 75.

[11] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 352—353; т. XXV, стр. 73. [12] Там же, т. II, стб. 564—565; т. I, в. 2, стб. 364; т. XXV, стр. 82. [13] Там же, т. I, в. 2, стб. 389—390 (под 1183 г.); т. II, стб. 625—626 (под 1182 г.); НПЛ, стр. 37 (1183 г.); не знаю, участвовали ли мордвины в этих событиях на стороне Булгарии, но на обратном пути Всеволод «кони пусти на Мордъву» — ПСРЛ, т. XXV, стр. 90; видимо, речь идет о конокормной повинности. [14] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 400. [15] Там же, т. XXV, стр. 17.

Русь и государства Кавказа (к стр. 216—217)

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 201. [2] ПСРЛ, т. II, стб. 319. [3] Там же, стб. 590; его дочь — жена боярина Петра Кучковича — стб. 586. [4] Там же, т. XXV, стр. 83. [5] Там же, т. II, стб. 625. [6] Там же, стб. 465 (1153 г.), 468 (1154 г.); С. Т. Еремян$_1$, стр. 400. По смерти Изяслава Русудан вышла замуж за сельджукского султана Синджара (1118—1157), а затем вернулась в Грузию, где играла видную политическую роль. [7] «Картлис цховреба», т. II. Изд. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1959, стр. 36 (груз. яз.); С. Т. Еремян$_1$, стр. 405—409; Ш. А. Месхиа и Я. З. Цинцадзе$_1$, стр. 18—21. [8] НПЛ, стр. 34; «Картлис цховреба», т. II, стр. 36 — назван половецкий город Сэвинджа (Сунджа?); возможно, это крымский Судак. [9] С. Т. Еремян$_1$, стр. 419. [10] См. Карпини — Рубрук, стр. 24.

Русь и Германия *(к стр. 218—221)*

[1] «Ottonis Frisingensis Gesta Friderici I», lib. I, cap. 23—24 — MGH SS, t. XX, p. 364—365 — письмо Конрада III императору Иоанну II от 12 февраля 1142 г., ответное письмо императора Иоанна Конраду III и письмо Конрада III императору Мануилу. [2] Helmoldus, lib. I, cap. 54—57. [3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 325. [4] Helmoldus, lib. I, cap. 86; lib. II, cap. 6, 14 (1171 г.). [5] Ibid., cap. 4. [6] MPH, t. II, p. 526. [7] MGH SS, t. XX, p. 501. [8] А. А. Васильев$_2$, стр. 67—68; ср. B. Widera$_{10}$, S. 13. [9] ПСРЛ, т. II, стб. 666 (под 1190 г.); ср. W. Abraham$_1$, str. 90. [10] ПСРЛ, т. II, стб. 668 (под 1190 г.)

[11] «Chronica Alberici Monachi Trium fontium» — MGH SS, t. XXIII, p. 885: «Король (rex) русский по имени Роман, оставивший пределы свои и желавший пройти через Польшу в Саксонию и стремящийся как мнимый христианин разрушить церкви, был по промыслу божию ранен и убит двумя братьями князьями (ducibus) польскими Лешко и Конрадом за рекой Вислой, и все, кто присоединился к нему, были или рассеяны или убиты» (перевод И. В. Шталь). [12] «Arnoldi Lubecensis Chronica Slavorum», lib. VI, cap. 5 — MGH SS, t. XXI, p. 215—216. [13] Gesta episcoporum Halberstadensium — MGH SS, t. XXIII, p. 116. [14] Ср. иную точку зрения — B. Włodarsky$_1$, str. 259—260; ПСРЛ, т. II, стб. 723 — о гибели короля Филиппа от руки баварского пфальцграфа Отто фон Виттельсбаха и судьбе его жены, дочери Андрея II, которая некогда предназначалась князю Даниилу; ср. B. Widera$_8$, S. 204—211; B. Widera$_9$, S. 31—32 —попытку автора пересмотреть оценку политики Штауфенов в Восточной Прибалтике нельзя признать удачной.

Русь и страны Западной Европы *(к стр. 222—223)*

[1] A. V. Soloviev$_4$, p. 16. [2] М. П. Алексеев$_3$, стр. 2. [3] T. Lewicki$_1$, cz. I, str. 144; cz. II, str. 120—123, 167—168, 191—199, 204—205 (перевод Т. Левицкого и А. П. Новосельцева). [4] «Fontes rerum byzantinorum», t. I, p. 142; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан$_1$, стр. 10. [5] SRH, v. I, p. 458 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV); ср. К. Я. Грот$_2$, стр. 96.

Русь и арабские страны Передней Азии *(к стр. 224—225)*

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 295; Д. В. Айналов$_3$, стр. 344—345. [2] РИБ, т. VI. СПб., 1880, стб. 27; о мерах против паломников в католической церкви см.: С. Н. Северьянов$_1$, стр. 38; ср. Путешествие [новгородского архиепископа] Ильи-Иоанна на бесе в Иерусалим, стр. 243—248. [3] «Былины», изд. М. Сперанский, т. I. М., 1916, стр. 172; т. II. М., 1919, стр. 56. [4] «Сообщения Православного Палестинского общества», т. VIII. СПб., 1897, стр. 499; «История русской литературы», т. I. М.—Л., 1941, стр. 366; Д. В. Айналов$_3$, стр. 345—350; И. Шляпкин$_2$, стр. 45. [5] Житие Евфросиньи — «Памятники старинной русской литературы», в. 4. СПб., 1862, стр. 178; Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (2), стр. 745; М. С. Грушевський$_1$, т. III, стор. 421; ср. А. П. Сапунов$_1$, стр. 36. [6] R. Stupperich$_1$, S. 338. [7] Макарий$_1$, т. I, стр. 135. [8] ПСРЛ, т. II, стб. 656, ср. стб. 700; традиция дожила до времен Феофана Прокоповича, который использовал ее в 1706 г. в патриотической речи, обращенной к Петру I — Ф. П р о к о п о в и ч. Слова и речи, ч. I. СПб., 1760, стр. 2. [9] ПСРЛ, т. II, 634—635.

Раздел II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ С НАЧАЛА ДО СЕРЕДИНЫ XIII в.

Крестовый поход на Русь

Военная и дипломатическая борьба Руси против наступления немецко-датско-шведской коалиции на Восточную Прибалтику (до 1238 г.)(к стр. 227—241)

[1] G. Labuda$_4$, str. 175. [2] В. Т. Пашуто$_3$; В. Т. Пашуто$_4$. [3] ГЛ, I, 12; ср. «Arnoldi Lubecensis Chronica Slavorum», lib. V, cap. 30. [4] Я. Я. Зутис$_1$, стр. 6—17; Латеранский собор 1215 г. признал независимость рижского епископства от Бремена.— ГЛ, XIX, 7. [5] Это было в 1210 г. утверждено курией— LUB, Bd. I, № 16, 17; RPR, № 4104, 4105; со своей стороны император Оттон IV признал права Ордена на все, что им уже или будет завоевано — LUB, Bd. I, № 19 (1211 г.). [6] F. Benninghoven$_1$, S. 32—33. [7] П. А. Стародубец$_1$, стр. 98—100. [8] ГЛ, XI, 9. [9] Там же, XI, 6. [10] Там же, XIII, 4.

[11] К его генеалогии см.: N. Baumgarten$_1$, table VIII, № 26. [12] ГЛ, XIV, 9. [13] Н. П. Усачев$_1$, стр. 201—221; особенно если принять гипотезу о смоленском влиянии в Ерсике — M. Taube$_1$, S. 445, 491. [14] ГЛ, XIV, 9. [15] «Древнерусское государство», стр. 115. [16] ГЛ, XIV, 2; НПЛ, стр. 52; ГЛ, XIX, 10. [17] ГЛ, XV, 8; НПЛ, стр. 52—53. [18] ГЛ, XVI, 2. [19] Там же, XX, 7. [20] Там же, XXI, 1.

[21] Там же. [22] Там же, XXI, 2. [23] Там же, XVI, 1 (1212 г.); XXII, 1 (1218 г.); XXVIII, 1 (1224 г.). [24] Там же, XXI, 2. [25] НПЛ, стр. 59—60. [26] ГЛ, XXII, 1. [27] Там же. [28] LUB, Bd. III, № 41a; RPR, № 5908 (9 октября 1219 г.). [29] В булле Пасхалия II (1099—1118) королю Эрику Эготе титул «dux Esthoni[a]e» — «Petri Olai Chronica regum Danorum» — SRD, t. I, p. 119—120. [30] Annales Ryenses — MGH SS, t. XVI, p. 404 (под 1196 г.: Kanutus rex duxit exercitum in Estoniam); об эстонском флоте — ГЛ, VII, 1; XV, 3.

[31] ГЛ, XXIII, 2; B. Altaner$_1$, S. 186ff; Annales Sigtunenses (SRS, t. III (1), p. 2), а также Chronicon rhythmicum episcoporum Lincepensium (ibid., t. III (2), p. 105); W. Abraham$_1$, str. 55; о действиях Вальдемара II в 1210 г. в устье Вислы против Гданьска — G. Labuda$_4$, str. 175. [32] ГЛ, XXIV, 1—2. [33] ГЛ, XXIII, 8. [34] Там же, XXIV, 4. [35] НПЛ, стр. 60—61. [36] ГЛ, XXV, 6. [37] Епископу Альберту от короля Филиппа — 1207 г.— ГЛ, X, 17; Ордену от Оттона IV — 1212, 1213 гг.— LUB, Bd. I, № 19, 25; Гонорий III взял под опеку Эстонию, Селонию и Земгалию — 1219 г.— LUB, Bd. I, № 45; император Фридрих II признал права Ордена на земли вне Ливонии — ibid., № 100. [38] ГЛ, XXVI, 1. [39] Там же, XXVI, 8. [40] Там же, XXVI, 11.

[41] Там же, XXVII, 3. [42] Примечательно, что и попавшие под власть Ордена эсты продолжали дружить с русскими. Папа Гонорий III велел ливонским судьям преследовать тех русских,

которые, живя в Ливонии, пренебрегали латинским обрядом и увлекали в свою веру эстонских неофитов, что особенно часто случалось при желании расторгнуть брак (contracta inter neophytos matrimonia) — HRM, t. I, № 12 (1222 г.). [43] ГЛ, XXVI, 1 (под 1222 г.). [44] Там же, XXVII, 3; НПЛ, стр. 61; Annales Stadenses — MGH SS, t. XVI, p. 358: «Estones fidem catholicam reliquerunt, foedus ineuntes cum barbaris et Ruthenis» (под 1224 г.). [45] ГЛ, XXVII, 3, 5. [46] Там же, XXVIII, 5—6; тогда же было создано Дерптское епископство, получившее поддержку короля Генриха — LUB, Bd. I, № 64, 68. [47] ГЛ, XXVIII, 9. [48] Там же, XVI, 2; XVII, 4 и др.; псковский князь Владимир Мстиславич вступил в сговор с Ригой и был лишен стола; о его судьбе — M. Hellmann$_2$, S. 236—238 — с неверными выводами об отсутствии вассалитета на Руси. [49] К Константину Всеволодовичу в пору его старейшинства на владимирском столе в 1218 г. полоцкий епископ доставил церковные дары из латинского Константинополя — ПСРЛ, т. XXV, стр. 115 (1218 г.); М. Д. Приселков$_5$, стр. 87. [50] PUB, Bd. I, 1, № 52, то же от своего имени сделал папа Гонорий III — LUB, Bd. I, № 71 (1225 г.), подтвердил Григорий IX — № 97 (5 мая 1227 г.).

[51] HRM, t. I, № 21, p. 21; LUB, Bd. I, № 66; предложение «королям Руссии» о переговорах — LUB, Bd. I, № 95; RPR, № 7652 (17 января 1227 г.). [52] ГЛ, XXX, 3; легат подтвердил русско-немецкий договор 1224 г. — ГЛ, XXIX, 4. [53] И. П. Шаскольский$_9$, стр. 175. [54] ЛПС, стр. 105; ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 427. [55] ПСРЛ, т. II, стб. 731; ср. т. XXV, стр. 110; новгородская летопись об этом умалчивает. [56] Текст грамоты см.: НПЛ, стр. 66. [57] В. Т. Пашуто$_7$, стр. 88. [58] НПЛ, стр. 67 (1228 г.). [59] Там же. [60] Там же, стр. 68 (1229 г.).

[61] НРН, в. II, стр. 54 и сл. [62] НПЛ, стр. 71 (1231 г.). [63] Борис со своей «чадью»; Ярослав — сын псковского князя, перебежчика Владимира — НПЛ, стр. 72. [64] См. письмо папы Григория IX рижскому епископу Николаю — Livonica, № 21 (20 ноября 1234 г.), S. 44—45. [65] НПЛ, стр. 73. [66] О дипломатической поддержке крестоносцев империей и папством см. пожалованья епископу Альберту от Генриха VII — LUB, Bd. I, № 67 (1224 г.), Ливонскому ордену — № 100 (1228 г.); Ордену — от императора Фридриха II — № 90; Bd. III, № 93b; ему же — от папы Григория IX — Bd. I, № 99 (1228 г.). [67] П. А. Стародубец$_1$, стр. 97. [68] LUB, Bd. I, № 130 (15 февраля 1234 г.). [69] LUB, Bd. I, № 132, 133; И. П. Шаскольский$_8$, стр. 178—179. [70] Этапы наступления Ордена хорошо отражены в договорах с куршами — LUB, Bd. I, № 103—105, 181, 405 (1230, 1242, 1267 гг.), сааремасцами — № 169, 285, 490 (1241, 1255, 1284 гг.), земгалами — № 430 (1272 г.). Сравнительно-историческое изучение этих договоров и сопоставление их с прусскими, литовскими и русскими — интересная научная задача.

[71] В. Т. Пашуто$_3$, стр. 128 и сл. [72] Подробнее о событиях в Пруссии — В. Т. Пашуто$_2$, стр. 66 и сл. [73] PUB, Bd. I, 1, № 108. [74] B. Włodarski$_3$, str. 16 и сл. [75] В. Т. Пашуто$_3$, стр. 97 и сл. [76] G. A. Donner$_1$, S. 228. [77] Это отмечено даже в тексте договора — LUB, Bd. I, № 160. [78] Играя на про-

тиворечиях князей, Тевтонский орден добился заключения договоров с Поморьем — PUB, Bd. I, 1, № 65 (11 июня 1238 г.) и с Куявией — № 130 (28 июня 1238 г.). [79] НПЛ, стр. 57 (1217 г.), об ее местоположении, видимо, вблизи Варяжской улицы, см. стр. 90 (1299 г.). [80] А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто$_1$, стр. 92.

[81] НПЛ, стр. 65 (1227 г.); ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 449; т. XXV, стр. 122. [82] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 449. [83] НПЛ, стр. 65 (было их 2 тыс. «или более, бог весть»). [84] DS, t. I, № 136. [85] Ibid., № 143 (1212 г.); подробнее — J. Oppermann$_1$, p. 210; английские монахи предшествовали английским рыцарям, которые пока что воевали в Передней Азии — R. Röhricht$_2$, S. 850, но уже в 1237 г. купцы Висби получили льготы от английского короля Генриха III — S. Kujot$_1$, str. 863, затем — английские купцы — K. Kunze$_1$, S. I, IX, а потом и рыцари (В. Т. Пашуто$_3$, стр. 419, 426) оказались в Восточной Прибалтике. [86] DS, t. I, № 206 (13 января 1221 г.). [87] LUB, Bd. III, № 100a; RPR, № 8320. [88] DS, t. I, № 250 (27 января 1229 г.), 253 (16 февраля 1229 г.); RPR, № 8327, 8340; в этом же году первый доминиканский конвент в Ревеле был подчинен Лунду — B. Altaner$_1$, S. 186 ff. [89] Еще папа Александр III в булле упсальскому епископу Стефану (1164—1185) запрещал продавать им оружие. «Pagani wathlandiae» упомянуты и в булле Григория IX от 1230 г. епископам Упсалы и Линчёпинга (DS, t. I, № 254) — J. Paulson$_1$, S. 98; ср. А. Н. Насонов$_3$, стр. 80—81. [90] DS, t. I, № 290 (1234 г.).

[91] DS, t. I, № 276; LUB, Bd. I, № 128; RPR, № 9047 (24 ноября 1232 г.); ср. LUB, Bd. I, № 115; RPR, № 8852 (28 января 1232 г.). [92] FM, № 82; DS, t. I, № 298; RPR, № 10486 (9 декабря 1237 г.). [93] Подробнее — И. П. Шаскольский$_2$, стр. 94; И. П. Шаскольский$_{10}$, стр. 183. [94] И. П. Шаскольский$_{12}$, стр. 278—279.

Военная и дипломатическая борьба Руси против наступления венгерско-польской коалиции на Галицко-Волынскую землю (до 1238 г.) (к стр. 241—259)

[1] Анна — ятровь («братовая») короля Андрея и князя Лешко — ПСРЛ, т. II, стб. 717, 719, 727. Для летописца Роман — брат Лешко, ибо Лешко — сын сына Болеслава Кривоустого, а Роман — сын дочери Кривоустого от русского брака; Лешко — сын Казимира Справедливого, а Роман — сын сестры Казимира Агнешки; венгерское родство имеет обратный вид: Роман — внук Изяслава Мстиславича, а король Андрей — внук Евфросиньи, сестры Изяслава; ср. А. В. Лонгинов$_1$, стр. 318. [2] CDH, t. III, v. 1, p. 32; ПСРЛ, т. II, стб. 717. [3] B. Włodarski$_1$, str. 270. [4] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 427. [5] B. Włodarski$_1$, str. 271. [6] Отношения с ним еще не были урегулированы — ПСРЛ, т. II, стб. 719. [7] В. Т. Пашуто$_1$, стр. 191 и сл. [8] Русско-венгерский договор о дружбе и этой опеке был заключен между 30 ноября 1204 г. (смерть короля Имре) и 19 июня

1205 г. (смерть Романа); до того Роман воевал с Имре и не представлял ценности как опекун. См. B. Włodarski[1], str. 268. [9] CDH, t. III, v. 1, p. 31—32 (1206 г.). [10] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 426 (под 1206 г.).

[11] Там же, т. II, стб. 720 (1207 г.). [12] Там же. [13] Там же, т. VII, стр. 116—117. [14] CDH, t. III, v. 1, p. 54 (7 октября 1207 г.); W. Abraham[1], str. 101; H. Zimmermann[1], S. 204, 208. [15] ПСРЛ, т. II, стб. 722. [16] Там же, стб. 721. [17] Там же, стб. 723. [18] Там же, стб. 724. [19] Там же, стб. 723. [20] Там же, стб. 725; о Сулиславе см.: KDM, t. II, № 384; B. Włodarski[1], str. 281.

[21] Поскольку повешенный Святослав — тесть Конрада, событие отразилось и в каталоге краковских епископов — MPH, t. III, p. 353; о числе повешенных — М. С. Грушевський[1], т. III, стор. 509. [22] CDH, t. III, v. 1, p. 257 (в документе короля Андрея архиепископу эстергомскому) от 1218 г. читаем: «Ioanni... archiepiscopo vineas Pagram perpetuo contulimus possidendas, quas... primus Ladislao Rutheno donaueramus...». [23] В. Т. Пашуто[1], стр. 143. [24] ПСРЛ, т. II, стб. 723, 734. [25] Там же, стб. 727. [26] Там же, стб. 729; летописец знает, что неверные магнаты («бояре») хотели убить короля, а убили его жену и многих немцев; ср. «Chronica collecta a Magno presbytero continuatio» — MGH SS, t. XVII, p. 526 (под 1213 г.). [27] ПСРЛ, т. II, стб. 728—729. [28] Там же, стб. 729. [29] Там же, стб. 730. [30] Там же, стб. 731.

[31] Там же, стб. 732. [32] VMH, t. I, № 1, p. 1. [33] Ibidem. [34] ПСРЛ, т. VII, стр. 119. [35] MPV, t. III, № 3; о датировке см.: B. Włodarski[1], str. 295—299. [36] ПСРЛ, т. II, стб. 731; НПЛ, стр. 53; В. Т. Пашуто[1], стр. 24 и сл. [37] B. Włodarski[1], str. 269. [38] Это отразилось и в русском источнике — ПСРЛ, т. XXIV, стр. 87 (1217 г.). [39] НПЛ, стр. 59 (1219 г.: «чехове... и морава»). [40] ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

[41] FRB, t. II, p. 283 (Annales Pragenses, под 1220 г.), p. 132: «Poloni a Prutenis occisi sunt et a Ruthenis furore gladii interfecti et a fossoribus auri mactati, miserabiliter interierunt»; ср. Rocznik Krasińskich — MPH, t. III, p. 132. [42] ПСРЛ, т. II, стб. 732. [43] Там же, стб. 733. [44] Там же, стб. 736. [45] Там же. [46] Там же, стб. 739. [47] Под влиянием литовских набегов папа Гонорий III даже освободил Лешко от участия в крестовом походе — VMPL, t. I, № 21. Литовские князья не нарушали договор 1219 г. с Волынью, нуждаясь в спокойном тыле ввиду непрерывной войны с крестоносцами в Прибалтике. [48] Об их набегах на Мазовию — MPH, t. III, p. 559. [49] ПСРЛ, т. II, стб. 737. [50] Там же, стб. 738.

[51] Там же. [52] «Codex diplomaticus Arpadianus continuatus», t. VI, p. 547 (что некий Дмитрий, учитель Кальмана, просидел в Галиче «per plurima tempora»). [53] CDH, t. III, v. 1, p. 355—357; VMH, t. I, № 65.

Привожу (в переводе И. В. Шталь) два отрывка из переписки короля Андрея II с папами. Король писал Иннокентию III: «...Да будет известно вашей святости, что правители (principes) и народ Галиции, от лица которых нам надлежит вести речь, униженно молят нас, дабы сына нашего Кальмана мы поставили королем над ними, намеревающимися и впредь совер-

шать путь в единении со святой римской церковью и в послушании [ей], с тем, однако, чтобы дозволено было им в ином от собственного обряда не отступать.

Но чтобы столь полезный для нас и для Вас замысел их из-за отсрочки не встретил препятствия, которое, несомненно, может возникнуть по многим причинам, если мы будем ожидать легата, назначенного Вами исполнить это дело, мы просим вашу святость дать досточтимому во Христе отцу нашему архиепископу эстергомскому полномочия, чтобы, облеченный властью апостольского наместника, он на их основании помазал указанного сына нашего в короли и взял с него клятву выказывать послушание святой римской церкви» (VMH, t. I, № 1, p. 1).

После коронации Кальмана, а затем изгнания войсками Мстислава Удалого его гарнизона из Галича и заключения договора с королем Андреем II о браке его другого сына, Андрея, с дочерью князя папа Гонорий III так отвечал на королевское послание: «...Поскольку тебя как любезного сына нашего во Христе мы любим подлинной любовью во господе, то мы желаем, чтобы ты не сомневался, что и к пожеланиям и к просьбам твоим мы охотно прислушиваемся, сколь господа и апостольского наместника и нашей милостью находим возможным.

Ведь недавно нам самим ты сообщил, что когда перед тем... [Кальману] королю, сыну твоему, рожденному вторым, коронованному досточтимым братом нашим... архиепископом эстергомским властью апостольскою наместника на дарованное ему королевство Галиции, ты дал в жены... [Саломею] дочь знатного мужа... [Лешко] герцога польского, сочетав брачными узами, скрепив положенной клятвой, [так] пусть ни один из вас, ни ты и ни герцог, никоим образом не будут споспешествовать расторжению [этого] брака, дабы воистину вы защищали во все время жизни вашей указанного короля в обладании его королевством.

К несчастью, сам король [Кальман] с невестой своей и многими другими знатными мужами был пленен твоими недругами и до тех пор содержался под стражей за пределами его королевства, пока, принужденный необходимостью, поскольку другим путем не мог их освободить, ты не дал обещания, скрепив [его] клятвой, что и... [Андрею] сыну твоему, рожденному третьим, мы сами уступили указанное королевство... [N] дочь знатного мужа Мстислава [Misozlau] ты дал ему в жены, сочетав брачными узами, на что ты особо испросил одобрение прозорливости апостольского наместника.

Итак, мы после того, как эта и другие твои просьбы были старательно изложены в присутствии наших братьев, согласно их совету постановили не держать клятву такого рода потому только, что, как кажется, указанное королевство, уступленное вначале другому королю [Кальману], коронованному властью апостольского наместника, он [Мстислав] ввиду [осуществления] первой клятвы незаконно, вражески захватил.

Что же касается заключения другого брака, мы не видим пользы в том, чтобы он был освобожден нами [от клятвы]: ведь поскольку указанный сын твой [Андрей], как мы узнали, и дочь упомянутого Мстислава пребывают в возрасте, меньшем установленного [для брака], то прежде чем они достигнут

брачного возраста, тебе может представиться нечто более надежное и обдуманное для этого случая...» (VMH, t. I, № 65). [54] ПСРЛ, т. II, стб. 739. [55] Там же, стб. 741—742. [56] Там же, стб. 745. [57] Там же, стб. 746. [58] Там же, стб. 748. [59] Там же, стб. 748—750; в австрийской хронике —Continuatio Sancrucensis — MGH SS, t. IX, p. 627— под 1227 г.: «Andreas rex Ungariae Rusciam cum exercitu veniens, ab ipsis statim fugatus, recessit interfectis nonnullis de exercitu suo»; о том же — ibid., p. 636 (Continuatio Claustro neoburgensis); CDH, t. IV, v. 1, p. 23 (грамота 1235 г.). [60] ПСРЛ, т. II, стб. 750.

[61] Там же, стб. 751. [62] Там же, стб. 752. [63] Там же, стб. 754. [64] N. Baumgarten$_1$, table XI, № 3, p. 47. [65] ПСРЛ, т. II, стб. 754; B. Włodarski$_2$, str. 1—53. [66] ПСРЛ, т. II, стб. 753—754; грамоты Болеслава IV проникнуты глубоким уважением к Гремиславе (cum charissima...dilecta... serenissima matre...); многочисленны грамоты с ее упоминанием — KDM, t. I, № 11—13, 24, 27, 29, 31, 36, 40, 41, 44; А. В. Лонгинов$_1$, стр. 322. При дворе Гремиславы упомянут Степан Романович, канцлер князя Владислава Одоновича (J. Umiński$_1$, str. 30—34). [67] ПСРЛ, т. II, стб. 753. [68] МРН, т. II (Rocznik Kapitulny Krakowski), p. 803. [69] ПСРЛ, т. II, стб. 754. [70] Там же, стб. 757.

[71] Там же. [72] Там же, стб. 883. [73] B. Włodarski$_5$, str. 104—107. [74] HRM, t. I, № 34 (1231 г.). [75] Ibid., № 36 (1232 г.). [76] Ibid., № 35 (1232 г.). [77] «Akta grodzkie i ziemskie», t. VII, № 1 (булла Григория IX от 12 мая 1232 г.); ср. W. Abraham$_1$, str. 80. [78] МРН, t. II, p. 556 (1227 г.). [79] VMPL, t. I, № 144 («cum Lubucenses episcopi predecessores tui, qui fuere pro tempore in possessione spiritualis iuristidictionis super omnes latinos existentes in Ruscia et aliorum [alios?] legem colentium [colentes?] eorumdem, fuerint a tempore, cuius memoria non existit»). [80] BOFP, t. I, № 67, 69; RPR, № 9125, 9126 — папа писал 15 марта 1233 г. о правах доминиканцев-проповедников на Руси; HRM, t. I, № 33, p. 33 — послание от 18 июля 1231 г. Григория IX князю Юрию [Всеволодовичу] с призывом к унии.

[81] Dlugossius, t. II, lib. VI, p. 240; ср. Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (2), стр. 808; есть и другая датировка — около 1238 г.— B. Altaner$_1$, S. 196—225. [82] HRM, t. I, № 39, 40 (15 июня 1234 г.); RPR, № 9472; М. Шайтан$_2$, стр. 24. Униатская историография широко использует житие доминиканца Гиацинта (умер в 1257 г. в конвенте Кракова), составленное Станиславом, лектором этого конвента, в 1352 г. (т. е. в пору активной политики польской церкви на Руси) на основе устной традиции и письменных источников (De vita et miraculis sancti Jacchonis OFP). На этой редакции основаны четыре последующие; пятая редакция — краковского доминиканца Северинуса, который в 1589 г. хлопотал в Риме о канонизации Гиацинта,— памятник политической борьбы XVI в. Редакция 1352 г. полна вымыслов, анахронизмов, а сообщение о пребывании Гиацинта в Киеве, по признанию доминиканского историка,— одно из самых зыбких и по хронологии и по существу.— B. Altaner$_1$, S. 208—211; ср. W. Abraham$_1$, str. 72. [83] ПСРЛ, т. II, стб. 753; ср. ст 663. [84] Там же, стб. 758; ср. НПЛ, стр. 68 и сл.; ПСР

т. VII, стр. 136. [85] Юрий Всеволодович женился на Марине Владимировне, а вторым браком — на Агафье Всеволодовне, сестре Михаила — ПСРЛ, т. II, стб. 758. [86] Там же. [87] Там же, стб. 760. [88] Там же, стб. 760—761. [89] MPH, t. II, p. 441. [90] ПСРЛ, т. II, стб. 763.

[91] N. Pfeiffer$_1$, S. 121—126; ср. CDH, t. III, v. 2, p. 324—326. [92] ПСРЛ, т. II, стб. 765; ср. CDH, t. IV, v. 1, p. 23—24 (грамота Белы воеводе Дионисию). [93] ПСРЛ, т. II, стб. 767. [94] Там же, стб. 770. [95] Там же, стб. 771. [96] Хотя король и думал о помощи сыну — CDH, t. III, v. 2, p. 324. [97] ПСРЛ, т. II, стб. 772. [98] Там же, стб. 774. [99] Там же, т. VII, стр. 138. [100] Там же, т. II, стб. 775.

[101] Позднее Даниил писал Ярославу: «Михаил обеима нама зло мыслить» — там же, стб. 783. [102] Там же, стб. 777. [103] Австрийский герцог захватил в Вене посла какого-то русского князя, везшего дары императору. В письме императора чешскому королю речь идет о послах русского герцога (dux) — RDBM, t. I, № 765, p. 360: «xenia quoque per ducem Rossiae nobis transmissa a nunciis ejus in contumeliam et injuriam nostram feci aufferri» (Regesta imperii, Bd. I (1), № 2175). [104] ПСРЛ, т. II, стб. 774. [105] SRH, v. 1, p. 467 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV); ср. SRH, v. II, p. 42 (Chronicon Posoniense). [106] ПСРЛ, т. II, стб. 776. [107] В. Т. Пашуто$_1$, стр. 256. [108] До этого венгерские наемники в большом числе служили Михаилу Всеволодовичу — ПСРЛ, т. II, стб. 776. [109] Еще недавно князь Василько использовал польскую (может быть, малопольскую) помощь в борьбе за Галич — там же, стб. 774. [110] W. Polkowska-Markowska$_1$, str. 145—210; исследовательница не привлекла русских источников.

[111] KDMas, № 366 (8 марта 1237 г.). [112] ПСРЛ, т. II, стб. 775. [113] Там же, стб. 776. [114] Там же, стб. 777. [115] Одно время бывший в руках князя Даниила — там же, стб. 776. [116] Там же, стб. 777, 793. [117] Там же, стб. 778. [118] Там же, стб. 782. [119] ПЛ, в. I, стр. 12 (1238 г.). [120] ПСРЛ, т. II, стб. 782.

[121] Там же, стб. 782—783; т. I, в. 2, стб. 469.

Образование Литовского государства и взаимоотношения с ним Руси *(к стр. 259—264)*

[1] В. Т. Пашуто$_3$, стр. 10—18. [2] Там же, стр. 367. [3] Там же, стр. 129. [4] Там же, стр. 32, 49—51. [5] Там же, стр. 368 и сл. [6] ПСРЛ, т. II, стб. 735—736. [7] Там же, стб. 736, 739. [8] Там же, стб. 754. [9] Там же, стб. 776. [10] Там же, стб. 736; MPH, t. III, p. 132; ср. B. Włodarski$_2$, str. 69, 73.

[11] MPH, t. II, p. 556 (под 1227 г.), 564 (под 1245 г.); В. Т. Пашуто$_3$, стр. 415. [12] ПСРЛ, т. VII, стр. 128; т. II, стб. 776. [13] ГЛ, XI, 2. [14] Там же, XVI, 2, стр. 152—153. [15] НПЛ, стр. 263, 72 (1222, 1232 гг.). [16] Там же, стр. 74. [17] ГЛ, VII, 8. [18] Там же, XIII, 4. [19] Там же. [20] Там же, XVII, 6.

[21] Там же, XVII, 3. [22] Там же, XXV, 3. [23] Там же,

XVIII, 4. [24] Там же, XVIII, 9. [25] Там же, XIX, 10. [26] В. Т. Пашуто$_3$, стр. 62—63. [27] MPH, t. II, p. 558. [28] PD, III, 81. [29] Ibid., II, 4; ПСРЛ, т. II, стб. 776. [30] ПСРЛ, т. II, стб. 751, 776.

Падение Константинополя. Усиление католической агрессии в северном Причерноморье *(к стр. 264—271)*

[1] М. А. Заборов$_1$, стр. 188 и сл. [2] НПЛ, стр. 49. [3] Там же, стр. 46, 49. [4] Н. А. Мещерский$_1$, стр. 182. [5] HRM, t. I, № 3 (1207 г.). [6] Послание никейского патриарха Германа II митрополиту Кириллу I о запрещении ставить рабов в священники и князьям посягать на церковные имущества (1228 г.) — Макарий$_1$, т. III, Приложение 7, стр. 320—322. [7] В XIII в. Афон посетил киево-печерский архимандрит Досифей, написавший сочинение о жизни тамошних монахов — Н. К. Никольский. Материалы — ИОРЯС, т. 8, кн. 2. СПб., 1903, стр. 65—68. [8] ПСРЛ, т. XXV, стр. 108 (1210 г.), 122 (1226 г.), 125 (1230 г.); т. II, стб. 753 (1229 г.); быть может, на время изменился и порядок поставления митрополитов, судя по записи под 1224 г.: «Поставлен быть [вместо традиционного: «приде»] митрополитом в святой Софье Кыеве блаженый Кирил грьчин» — там же, т. I, в. 2, стб. 447; ср. Е. Е. Голубинский$_1$, т. I (1), стр. 318. [9] См. работы Н. Н. Воронина, Г. К. Вагнера и др. [10] Ср. об участии греков в политической жизни Новгорода — НПЛ, стр. 65 (грек — игумен монастыря св. Георгия, 1226 г.), 68 (грек — в числе кандидатов в епископы, 1229 г.).

[11] О Пскове — там же, стр. 66 (грек — посол псковских крамольных бояр к Ярославу Всеволодовичу в Новгород, 1228 г.). [12] Борьба между владимирскими и ростовскими князьями по смерти Всеволода Юрьевича явственно сказывалась на судьбах близких им епископов — Иоанна (ЛПС, стр. 112, 1214 г.), Кирилла (ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 452, 1228 г.); ср. красноречивую характеристику Пахомия (ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 439, 1216 г.), данную едва ли не в укор Симону. [13] Н. С. Державин$_2$, стр. 126. [14] М. В. Левченко$_3$, стр 499. [15] Georgius Acropolita, cap. 20, p. 33_3. [16] A. Vasiliev$_3$, t. II, p. 203. [17] A. Gardner$_1$, p. 167; М. А. Андреева$_1$, стр. 73. [18] А. Васильев$_3$, стр. 27. [19] RPR, № 10165; B. Altaner$_1$, S. 156—157. [20] VMH, t. I, № 275, p. 155; cp. N. Pfeiffer$_1$, S. 130.

[21] VMH, t. I, № 279, p. 157. [22] Ibid., № 295, p. 165—166; RPR, № 10637. [23] В 1220 г. легат Пелагий в качестве руководителя крестового похода тщетно звал царя Георгия IV принять в нем участие (MGH SS, t. XXIII, p. 911), а папа Гонорий III без результата вел с царем переговоры — B. Altaner$_1$, S. 67. [24] ПСРЛ, т. II, стб. 740; НПЛ, стр. 63. [25] ПСРЛ, т. II, стб. 753, 761, 770—771, 775. [26] Georgius Acropolita, cap. 11, p. 18_{26}. [27] Ibid., cap. 13, p. 21_{10-19}. [28] Ibid., cap. 25, p. 42_9. [29] M. Tumler$_1$, S. 184 ff. [30] E. Caspar$_1$, S. 6.

[31] G. Müller$_1$, S. 68, 63. [32] E. Caspar$_1$, S. 9. [33] M. Tumler$_1$, S. 191—192. [34] K. Forstreuter$_1$, S. 266; cp. T. Manteuf-

fel$_1$, str. 29. [35] Annalium OP, t. I, p. 644—645. [36] MOFP, т. I, Appendix, p. 305—306; Annalium OP, t. I, p. 646—647, № XV: «Sed non post multo, divino quodam instinctu, ac numine incitati, longo et periculorum pleno itinere in eam Cumaniae partem, quae est ad Boristhenem fluvium, peverterunt». [37] VMH, t. I, № 154, p. 86—87. [38] Ф. И. Успенский$_1$, стр. 035—039; VMH, t. I, p. 87—93; М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 525. [39] ПСРЛ, т. II, стб. 342; т. XXV, стр. 112—113; НПЛ, стр. 63. [40] Видимо, это был военный поход; за участие в нем папа благодарил Белу — Analecta OP, t. III, p. 487, № 190 (21 марта 1228 г.); VMH, t. I, № 156; RPR, № 8153.

[41] VMH, t. I, № 154, p. 86—87, RPR, № 7984; ср. B. Altaner$_1$, S. 141; MGH SS, t. XXIII, p. 511 (Emenis Chronicon). [42] ПСРЛ, т. II, стб. 761; ср. G. Pauler$_1$, 126. l. [43] N. Pfeiffer$_1$, S. 79. [44] Орден имел трехчленную структуру: монастырь — конвент—приор; группа монастырей — провинция — главный провинциал; группа провинций — орден — генеральный капитул. [45] BOFP, т. I, p. 26, № 23; «Chronica Alberici monachi Trium fontium» — MGH SS, t. XXIII, p. 921. [46] Analecta OP, t. III, p. 486—487, № 189. [47] VMH, t. I, № 157, p. 87—88. [48] SRH, v. II, p. 564. [49] См. исследования Г. Б. Федорова$_1$, M. Petrescu-Dîmbowiţa$_1$, str. 209—222. [50] М. Н. Тихомиров$_3$, стр. 223.

[51] ПСРЛ, т. II, стб. 742 (1223 г.). [52] VMH, t. I, № 155, p. 87 (21 марта 1228 г.). [53] Ibid., № 161, p. 90 (13 сентября 1229 г.). [54] Ibid., № 162, p. 90—91 (1 октября 1229 г.). [55] Ibid., № 195, p. 114 (12 августа 1233 г.). [56] Ibid., № 167, p. 93 (27 февраля 1231 г.). [57] Ibid., № 224, p. 130—131 (25 октября 1234 г.). [58] B. Altaner$_1$, S. 146. [59] CDH, t. VII, v. 4, p. 81. [60] VMH, t. I, № 225; RPR, № 9764.

[61] VMH, t. I, № 225, p. 131; BOFP, t. I, № 114, p. 170 (не полностью); B. Altaner$_1$, S. 147; о деятельности католических монастырей в карпатских землях — М. С. Грушевський$_1$, т. II, стор. 503. [62] Анализ источников см.: D. Sinor$_1$, p. 589—602. Автор датирует поездку Юлиана временем между весной — летом 1236 г. и 27 декабря 1237 г. Он следует письму Юлиана папскому легату в Венгрии, отвергал достоверность меморандума «De facto», принадлежащего перу монаха Рихарда (SRH, v. II, p. 529—542), по-видимому, нотария Фридриха II — D. Sinor$_1$, p. 591, 589, 597; русский перевод: С. А. Аннинский$_2$, стр. 88 и сл. [63] MOFP, t. I, p. 309. [64] VMH, t. I, № 493, p. 268—270. [65] SRH, v. II, p. 553—554, 559—561, 566. [66] Georgius Acropolita, cap. 40, p. 65_{16}. [67] SRH, t. II, p. 564.

Русь и кочевники Причерноморья *(к стр. 271—273)*

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 104—105 (1206 г.— с черниговских позиций). [2] Там же, т. II, стб. 717—718; о половцах в войске черниговского Всеволода Чермного в борьбе за Киев — там же, т. XXV, стр. 105 (1206 г.); т. I, в. 2, стб. 429. [3] Там же, т. II, стб. 725, 728. [4] Там же, т. XXV, стр. 118 (1220 г.). [5] Там же, т. II, стб. 735, 737. [6] Там же, т. XXV, стр. 108, 110, 115; т. I, в. 2, стб. 435 (1210 г.), 438 (1215 г.). [7] Там

же, т. I, в. 2, стб. 440; т. XXV, стр. 115 (1117 г.), 116 (1219 г.); НПЛ, стр. 58 (1218 г.). [8] А. Ю. Якубовский$_2$, стр. 53—56. [9] НПЛ, стр. 63. [10] ПСРЛ, т. II, стб. 740.

[11] НПЛ, стр. 63. [12] ПСРЛ, т. II, стб. 742; в Северо-Восточной Руси половецкое поле подходило к Пронску — т. I, в. 2, стб. 432. [13] Там же, т. II, стб. 741. [14] НПЛ, стр. 63. [15] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 453 (1229 г.). [16] Там же, т. II, стб. 746; ср. стб. 747. [17] Там же, стб. 753. [18] Там же, стб. 761. [19] Там же, стб. 770—771. [20] Там же, стб. 773—774.

[21] НПЛ, стр. 74. [22] ПСРЛ, т. II, стб. 775.

Владимиро-Суздальская Русь и Волжская Булгария *(к стр. 274—275)*

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 116. [2] Там же, т. I, в. 2, стб. 445. [3] Там же, т. XXV, стр. 117. [4] Ю. К. Бегунов$_1$, стр. 183—184. [5] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 449—450 (1226, 1228 гг.). [6] Там же, стб. 451. [7] Там же, стб. 451 (1228 г.); ср. стб. 468. [8] А. Н. Насонов$_3$, стр. 215 — думал, что «Русь Пургасова» это бродники, появившиеся здесь в результате половецких нашествий. [9] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 453. [10] Там же, стб. 459.

[11] Там же, стб. 459 (1232 г.).

Русь и турки-сельджуки *(к стр. 275—277)*

[1] Единственный источник о походе турок-сельджуков в Крым — хроника Ибн Биби, малоазиатско-сельджукского историка (окончена в 80-х годах XIII в.). Пользуюсь фототипическим изданием ее полной редакции, выполненным турецким ученым А. С. Эрзи; учитываю при этом русский, в отрывке (А. Ю. Якубовского) и немецкий, целиком (X. Дуды), переводы краткой редакции. [2] Ибн Биби, стр. 311. [3] Там же. [4] Там же, стр. 320; ср. А. Ю. Якубовский$_2$, стр. 53—76; В. Г. Васильевский$_2$, т. III, стр. 173—176.

Русь и арабские страны Передней Азии и Африки *(к стр. 277—280)*

[1] М. А. Заборов$_1$, стр. 222 и сл. [2] H. Beumann$_1$, S. 116—117, 123. [3] Helmoldus, lib. I, cap. 59, 61. [4] C. Bauer$_1$, S. 457. [5] Ibid., S. 465. [6] Ibid., S. 459. [7] A. Gottlob$_1$, S. 135 ff. [8] H. Prutz$_1$, S. 41—43. [9] ГЛ, III, 5 (1199 г.); LUB, t. I, № 12 (булла Иннокентия III от 5 октября 1199 г.); № 167 (булла Григория IX от 14 декабря 1240 г.); ср. LUB, т. VI, № 3183, Reg. 344a; № 3186, col. 623—624 (булла Александра IV от 1258 г.). [10] SRP, t. II, p. 453.

[11] E. Caspar$_1$, S. 46. [12] H. Prutz$_2$, S. 10—17. [13] PD, IV, 69, 78—80, 87, 108. [14] G. A. Donner$_1$, S. 186. [15] LUB,

t. I, № 362; Reg. № 405; ср. № 567; t. II, № 610 (1304 г.). [16] L. Lemmens₂, S. 5. [17] R. Röhricht₁, S. 360—362. [18] М. А. Заборов₁, стр. 209. [19] А. Н. Поляк₁, стр. 29. Эта интересная статья помещена в ценном для историков России сборнике статей «Восточные источники по истории народов Восточной Европы». Сб. статей под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1964.

Монгольское нашествие на Азию и Европу и его последствия для международного положения Руси *(к стр. 281—290)*

[1] Библиографию см.: Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие.— ИСССР, 1962, № 5, стр. 92—119. [2] Ср. сообщение Карпини: Карпини — Рубрук, стр. 19: Чингис-хан послал своего сына Тоссука «с войском против куманов, которых тот победил в продолжительной борьбе». [3] НПЛ, стр. 62. Имеются четыре варианта описания событий, связанных с битвой на Калке,— киевский, волынский, повгородский и суздальский — В. Т. Пашуто₁, стр. 28, 32—33, 39—43. [4] Ростовская рать не поспела к битве — ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 446. [5] НПЛ, стр. 62. [6] ПВЛ, ч. I, стр. 96 (1015 г.). [7] ПСРЛ, т. II, стб. 608 (1178 г.). [8] Там же, стб. 573 (оно включало рати Ростова, Суздаля, Владимира, Переяславля, Белоозера, Мурома, Новгорода и Рязани). [9] В. Т. Пашуто₁, стр. 182. [10] ПСРЛ, т. II, стб. 414 (1150 г.).

[11] Там же, т. I, в. 2, стб. 447.; ср. ГЛ, XXVI, 1. [12] НПЛ, стр. 63; ср. редкое для Древней Руси известие волынского свода о разорении Чингис-ханом земли тангутов (1226 г.), где он будто бы погиб; видимо, оно попало в свод после поездки Даниила в Орду — ПСРЛ, т. II, стб. 745. [13] «Сборник материалов», т. I, стр. 27. [14] Карпини — Рубрук, стр. 21, 37. [15] С. Томашівський₁, стор. 221—313. [16] См. сообщение летописи, что «преже» присылали монголы «послы свое», говоря Юрию «мирися с нами», он же «того не хотяше», но «отпущаше [их] одарены» — ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 468. [17] Юлиан, стр. 88—89. [18] Рихард. Донесение о Великой Венгрии, стр. 81. [19] ПСРЛ, т. II, стб. 783. [20] Там же, стб. 787.

[21] Там же, стб. 788. [22] Там же, стб. 784. Это послужило, между прочим, поводом к созданию в Чехии легенды об убиении татарской царевны — А. В. Флоровский₅, стр. 207—208. Для датировки его возвращения могла бы послужить загадочная фраза о том, что татары пришли «па бои ко Иньдриховичю (Андриховичю)», если она — не осколок другого текста. [23] ПСРЛ, т. II, стб. 792. [24] См. подробнее: S. Krakowski₁, str. 119; G. Labuda₁, str. 189—224. [25] SRH, v. II, p. 569—571, 576—580 (Rogerii Carmen Miserabile); Thomas archidiaconus. Historia Salonitana, p. 159—163. [26] Карпини — Рубрук, стр. 25. [27] «Continuatio Claustroneoburgensis secunda» — MGH SS, t. IX, p. 623—624. [28] MGH, Epistolae saeculi XIII, t. I. Berolini, 1883, № 25, p. 178—179. [29] D. Sinor₂, p. 42—43. [30] Юлиан, стр. 88—89.

[31] MGH SS, t. XXVIII, p. 210; по изд. 1877 г. — v. IV, p. 113 (1241 г.). [32] «Chronica Alberici monachi Trium fontium» — MGH SS, t. XXIII, p. 943. [33] MGH SS, t. XXVIII, p. 213, 292; по изд. 1877 г. — v. IV, p. 119 (1241 г.). [34] «Annales s. Pantaleonis Coloniensis» — MGH SS, t. XXII, p. 535. [35] MGH SS, t. XXVIII, p. 145; ср. Э. Ледерер$_1$, стр. 182 и сл. [36] G. Bachfeld$_1$, S. 80—89; «Regesta imperii», t. I (1), № 3211 (письмо Фридриха II королю Беле IV). [37] «Regesta imperii», t. I (1), № 3216 (Фридрих II — английскому королю, 3 июля 1241 г.) — MGH SS, t. XXVIII, p. 213; по изд. 1877 г. — v. IV, p. 112 (1241 г.). [38] D. P. Waley$_1$, p. 15, 23—24. [39] «Andreas Danduli Chronica Venetiarum», col. 354; о хронике см.: М. А. Заборов$_2$, стр. 299. [40] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 144.

[41] «История Чехословакии», т. I, стр. 104. [42] Ср. D. Sinor$_2$, p. 45; G. Stökl$_1$, S. 127. [43] L. Lemmens$_2$, S. 32; ср. Э. Ледерер$_1$, стр. 18.

Крах крестового похода на Русь

Нападение Швеции на Русь. Невская битва (1240 г.) (к стр. 290—294)

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 464. [2] М. Н. Тихомиров$_2$, стр. 73. [3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 467. [4] Уже в 1238 г. «множество народа» встречало в Ростове останки убитого Василько Константиновича — там же, стб. 466; когда тело Юрия привезли в 1239 г. из Ростова во Владимир, то встречал его Ярослав «с дружиною своею и множество бояр и слуг» — стб. 468. [5] Пострадала южная часть Подляшья — там же, т. II, стб. 788. [6] Там же, т. VII, стр. 144. [7] НПЛ, стр. 77. [8] Связи с Витебском и Смоленском — в традициях суздальской политики — НПЛ, стр. 67. [9] И. П. Шаскольский$_8$, стр. 274—276. [10] Там же, стр. 270.

[11] L. Bréhier$_1$, p. 218. [12] Ср. Ю. К. Бегунов$_1$, стр. 16 и сл. [13] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 146—152.

Нападение немецкого Ордена и Дании на Русь. Ледовое побоище (1242 г.) (к стр. 294—297)

[1] И. П. Шаскольский$_9$, стр. 187—188. [2] В. Т. Пашуто$_6$, стр. 103. [3] LUB, Bd. III, № 200a; о достоверности документа см.: M. Taube$_1$, S. 409, Anm. 52. [4] LR, S. 177. [5] LUB, Bd. III, № 169a (13 апреля 1241 г.); E. Chudzinski$_1$, S. 19 ff. [6] Herman Wartberge, p. 38. [7] LUB, Bd. I, № 169, S. 221 (necessitate urgente et utilitate permaxima suadente). [8] LR, S. 51; подробнее см.: В. Т. Пашуто$_6$, стр. 102—105. [9] Подробнее см.: В. Т. Пашуто$_4$, стр. 154—157; см. также: «Ледовое побоище», стр. 162, 173, 202. [10] LUB, Bd. I, № 181 (документ 1245 г.).

[11] LR, S. 57. [12] PUB, Bd. I (2), № 147. [13] LUB, Bd. I,

№ 181. [14] Ibid, № 185. [15] N. Baumgarten₁, table XI, № 3. [16] PD, III, 35. [17] В. Т. Пашуто$_2$, стр. 71. [18] НПЛ, стр. 78—79. [19] Там же, стр. 413 (в 1420 г. договор подтверждается Орденом: «по старине, како был при великом князе Александре Ярославиче»).

Нападение Венгрии и Польши на Русь. Битва под Ярославом (1245 г.) (к стр. 297—301)

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 788. [2] Подробнее см.: В. Т. Пашуто$_1$, стр. 220 и сл. [3] ПСРЛ, т. II, стб. 789. [4] Там же, стб. 791. [5] Там же, стб. 794; отмечены действия татар и около Борка — стб. 794. [6] Там же, стб. 794. [7] Там же, стб. 797. [8] Там же, стб. 795—797, 792—793. [9] Dlugossius, t. II, lib. VII, p. 297. [10] MPH, t. II, p. 804 (Rocznik Kapitulny Krakowski); t. III, p. 72 (Rocznik Świętokrzyski); ср. p. 307; ПСРЛ, т. II, Приложение, стр. 81; Dlugossius, t. II, lib. VII, p. 229 (под 1244 г.).

[11] ПСРЛ, т. II, стб. 800. [12] Там же. [13] Там же, стб. 800—805; ср. грамоту Белы IV участнику битвы магистру Лаврентию — CDH, t. IV, v. 3, p. 197—198. [14] B. Włodarski$_2$, str. 39—40.

ЭПИЛОГ *(к стр. 302)*

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 470—471; т. II, стб. 806. [2] Там же, т. II, стб. 795—808. [3] А. Н. Насонов$_2$, стр. 27. [4] ПСРЛ, т. II, стб. 808.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абу-Хамид ал-Гарнати — «Abu Hamid el Granadino y su relacion de viaje por tierras Eurasiaticas». Texto arabo, traduccion e interpretación por César E. Dubler. Madrid, 1953.

«Акты» — «Акты русского на св. Афоне монастыря св. Пантелеймона». Киев, 1873.

ал-Идриси — «Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque de roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert», t. I—II. Paris, 1836—1840.

ал-Истахри — ал-Истахри. Китаб масалик вал-л-мамалик (арабск. яз.) («Bibliotheca geographorum arabicorum», t. I. Lugduni Batavorum, 1870).

ал-Мукаддаси — ал-Мукаддаси. Ахсан ам-макасим фи маарифат ал акалим (арабск. яз.) («Bibliotheca geographorum arabicorum», t. III. Lugduni Batavorum, 1877).

Анна Комнина — Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментаций Я. Н. Любарского. М., 1965.

Антоний — «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия». Изд. П. Савваитов. СПб., 1872.

Асохик — «Всеобщая история Степаноса Таронского (Асохика)». Пер. Н. Эмина. М., 1864.

Ахмед ибн-Фадлан — А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

ВВ — «Византийский временник», т. I—XXVIII. СПб.— Пг.—Л.; т. 1— М.

ВДИ — «Вестник древней истории», М.

ВИ — «Вопросы истории», М.

ВИЖ — «Военно-исторический журнал», М.

ВИМК — «Вестник истории мировой культуры», М.

«Вл. сб.» — «Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси». Белград, 1938.

«Вост. И.» — «Восточные источники по истории народов Восточной Европы». Сборник статей под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1964.

ГВНиП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

ГЛ — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Изд. С. А. Аннинский. М. —Л., 1938.

Даниил — «Житье и хоженье Даниила руськыя земли игумена (1106—1107)». Изд. М. А. Веневитинов («Православный Палестинский сборник», т. I, в. 3; т. III, в. 9. СПб., 1885).

«Древнерусское государство» — А. Н. Новосельцев,

В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Щапов. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЖМЮ — «Журнал Министерства юстиции», СПб.
ЗНТШ — «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка», Львів,
ЗОАО — «Записки Одесского Археологического общества».
ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей».
ЗРИОП — «Записки Русского исторического общества в Праге».
ЗЧВВ — «Записки Чина св. Василия Великого», Жовква.
ИАН — «Известия Академии наук». СПб.—Л.—М.
«И-А сб.» — «Историко-археологический сборник, посвященный А. В. Арциховскому». М., 1962.
Ибн ал-Асир, т. 1—10 — Ибн ал-Асир. ал-Камиль фи-т-тарих, т. 1—10. Каир, 1931—1939 (арабск. яз.).
Ибн Биби — Ibn-i Bibi. El-evamirü'l — alaiyye fi'l — umuri'l— alaiyye. Önsöz ve fihristi hazirlayen Adnan Sadik Erzi. Ankara, 1956.
Ибн Исфендийар — Ибн Исфендийар. Тарих-е Табаристан. Тегеран, 1941 (перс. яз.)
Ибн Мискавейх, т. I—VII — Ibn-Miskawaich. The Eclipse of the Abbasid Caliphate. The concluding portion of the Experiences of the Nations. Ed. by N. T. Amendroz, D. S. Margoliouth, v. I—VII. Oxford, 1920—1931.
Ибн Хаукаль, т. I—II — «Opus geographicum auctore Ibn Haukal «Liber imaginis terrae». Edidit collato textu primae editionis aliisque, fontibus adhibitis J. H. Kramers, f. 1—2. Lugduni Batavorum, 1938—1939.
ИГО — «Известия Географического общества», М.
ИЖ — «Исторический журнал», М.
ИЗ — «Исторические записки», М.
ИМ — «Историк-марксист», М.
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», СПб. — Пг. — Л.
ИРЯС — «Известия по русскому языку и словесности Академии наук», Л.
ИСССР — «История СССР», М.
Карпини — Рубрук — Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Изд. А. И. Малеин. СПб., 1911.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», М.
КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л.
КСИС — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», М.
КУИ — «Киевские Университетские известия».
ЛЗАК — «Летопись занятий Постоянной Археографической комиссии», СПб. — Пг. —Л.
ЛПС — «Летописец Переяславля-Суздальского», составленный в начале XIII века». Изд. М. Оболенский. М., 1851.

«Материалы» — «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности». Изд. П. А. Лавров. Л., 1930.

МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.— Л.

МС — «Международные связи России до XVII века». Сборник статей. М., 1961.

НИСб.— «Новгородский исторический сборник», Новгород.

НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.— Л., 1950.

НС — «Нумизматика и сфрагистика», М.

НЭ — «Нумизматика и эпиграфика», М.

«Памятники» — «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы». Под ред. А. И. Пономарева, в. I. СПб., 1894.

«Патерик» — «Патерик Киевского Печерского монастыря». Изд. Д. И. Абрамович. СПб., 1911.

ПВЛ, ч. I, II — «Повесть временных лет», ч. I (Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц); ч. II (Комментарии), М.—Л., 1950.

ПЛ, в. 1, 2 — «Псковские летописи». Изд. А. Н. Насонов, в. 1, М., 1941; в. 2, М., 1955.

«Проблемы» — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сборник статей, посвященный М. Н. Тихомирову. М., 1963.

ПРП, в. I, II — «Памятники русского права», в. I (Памятники права Киевского государства, составитель А. А. Зимин). М., 1952; в. II (Памятники права феодально-раздробленной Руси, составитель А. А. Зимин). М., 1953.

ПСРЛ, т. I, в. 1—3; т. II; т. IV, в. 1, 2; т. V, в. 1; т. VII; т. XX, ч. 1; т. XXI, ч. 1; т. XXIV; т. XXV — «Полное собрание русских летописей», т. I, в. 1—3 — Л., 1926—1928; т. II — СПб., 1908; т. IV, в. 1 — Пг., 1915; т. IV, в. 2 — Л., 1925; т. V, в. 1 — Л., 1925; т. VII — СПб., 1856, т. XX, ч. 1 — СПб., 1910; т. XXI, ч. 1 — СПб., 1908; т. XXIV — Пг., 1921; т. XXV — М.—Л., 1949.

РИБ, т. VI — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. VI. СПб., 1880 и СПб., 1908.

Р-ЛА — «Русско-ливонские акты». Изд. К. Напьерский. СПб., 1868.

СА — «Советская археология», М.

«Сборник XII в.» — «Сборник XII века Московского Успенского собора», в. 1. Изд. А. А. Шахматов, П. А. Лавров. М., 1899.

«Сборник материалов», т. I, II — «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. I (извлечения из арабских сочинений). СПб., 1884; т. II (извлечения из персидских сочинений). М.—Л., 1941.

СВ — «Советское востоковедение», М.

СКУ — «Сборник сочинений студентов Киевского университета».

«Ск. сб.» — «Скандинавский сборник», Таллин.

«Ср. В.» — «Средние века». Сборник. Москва.

СЭ — «Советская этнография», М.

ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», М.—Л.

«Три еврейских путешественника» — «Три еврейских путешественника XI и XII столетий». Изд. П. В. Марголин. СПб., 1881.
ТСРАО — «Труды съездов русских академических организаций за границей», София.
УЗ — «Ученые записки».
УІЖ — «Український історичний журнал», Київ.
Фотий — «Две беседы... патриарха константинопольского Фотия...». Изд. Е. М. Ловягин («Христианское чтение», СПб., 1882, № 9—10, стр. 414—443).
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».
ЧОНЛ — «Чтения Исторического общества Нестора-летописца», Киев.
«Юв. зб.», ч. I—II — «Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського», ч. I—II. Київ, 1928.
Яхья Антиохийский. Летопись.— В. Р. Розен$_1$, стр. 1—447.

«Acta», t. III, V_2 — «Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana». Ed. F. Miklosich, J. Müller, Vindobonae, t. III — 1865, t. V, pt. 2 — 1887.
«Actes de Lavra» — «Actes de Lavra». Ed. G. Rouillard, P. Collomp, v. I. Paris, 1937.
Adamus Bremensis — Adamus Bremensis. Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum. Ed. B. Schmeidler. Hannoverae et Lipsiae, 1917.
AM — «Altpreussische Monatsschrift», Königsberg.
«Analecta OP», v. III — «Analecta Ordinis Praedicatorum». Ed. A. Frühwirth, v. III. Romae, 1897.
«Annalium OP», t. I. — «Annalium Ordinis Praedicatorum». Ed. Th. Mamachio, t. I Romae, 1756.
AntR, t. II — «Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des Scandinaves». Ed. C. C. Rafn, t. II. Copenhague, 1852.
ASEER — «The American Slavic and East European Review».
B — «Byzantion», Bruxelles.
BG, t. IV, V — «Bibliotheca Graeca medii aevi». Ed. C. Sathas, t. IV. Paris, 1874; t. V. Paris, 1876.
BM — «Baltische Monatsschrift», Riga.
BOFP, t. I — «Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum», t. I. Ed. Th. Ripoll — A. Bremond. Romae, 1729.
BSl — «Byzantinoslavica», Praha.
CDB — «Codex diplomaticus Brandenburgensis», t. VIII. Ed. A. F. Riedel. Berlin, 1847.
CDH, t. II, t. III, v. 1, 2; t. IV, v. 1, 3; t. VII, v. 5 — «Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis». Ed. G. Fejér, t. I—XI. Budapest, 1829—1844 («Index alphabeticus codicis diplomatici Hungariae». Ed. G. Fejér — M. Czinar. Budapest, 1866).
Cec.— Cecaumen. Strategicon et incerti scriptores de officiis regiis libellus. Ed. W. Wassiliewsky — V. Jernstedt. SPb., 1896.
Cedrenus — Scylitza, t. I — II — Georgius Cedrenus — Joannis Scylitzae. Compendium historiarum ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus, t. I—II. Bonnae, 1838—1839.

Cer — «Constantini Porphyrogeneti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae libri duo». Rec. I. I. Reiskii, t. I—II. Bonnae, 1829—1830.

Corpus — «Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit», Reihe A (Regesten), 1. Teil (565—1025). Ed. F. Dölger. München — Berlin, 1924.

Cosma — «Cosmae Pragensis Chronica Boemorum». Ed. B. Bretholz. Berlin, 1923.

CRS — «Cahiers du monde russe et soviétique», Paris.

CV — «Codices iuris visbyensis urbici et maritimi» («Corpus juris sueogotorum antiqui», t. VIII. Ed. C. I. Schlyter. Lund, 1853).

DAI — «Constantine Porphyrogenetus. De administrando imperio». Greek text ed. by G. Moravcsik, english translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949.

«De castrametatione» — «Traité de tactique connu sous le titre „Traité de Castramétation rédigé à ce qu'on croit"». Ed. A. Marten. Paris, 1898.

Dlugossius, t. I, II — «Joannis Dlugossii Historiae Polonicae libri XII», t. I (libri I—IV), t. II (libri V—VIII). Ed. A. Przedziecki. Cracoviae, 1873.

DOP — «Dumbarton Oaks Papers», Cambridge, Mass.

DS, t. I, II — «Diplomatarium Suecanum. Svenskt Diplomatarium», t. I—II. Ed. G. Silverstople — K. H. Karisson. Stockholm, 1875—1885; цит. изд.: J. Liljegren, t. I. (817—1285), Stockholm, 1829.

FM — «Finland Medeltidsurkunder», t. I. Ed. R. Hansen. Helsingfors, 1910.

FRB, t. II — «Fontes Rerum Bohemicarum», t. II. Praha, 1874.

FRByz — «Fontes Rerum Byzantinorum», t. I. Ed. W. Regel. SPb., 1892.

Gallus Anonimus — «Galli Anonimi Chronicae et Gesta ducum sive principum Polonorum». Ed. K. Maleczyński. Kraków, 1952.

Georgius Acropolita — «Georgii Acropolitae Opera», t. I. Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903.

Heimskringla, t. I—IV — «Snorri Sturluson Heimskringla». Ed. F. Jónsson, t. I—IV. København, 1893—1900.

Helmoldus — «Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum», ed. II. Post J. M. Lappenberg recognovit B. Schmeidler. Hannoverae et Lipsiae, 1909.

HGbl — «Hansische Geschichtsblätter», Marburg.

HRM, t. I — «Historica Russiae Monumenta», t. I. Ed. A. I. Turgeniew. SPb., 1841.

HUB — «Hansisches Urkundenbuch», Halle.

HZ — «Historische Zeitschrift», München.

Ioannes Cinnam — «Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum». Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836.

Ioannes Zonara — «Ioannis Zonarae epitome historiarum libri XIII—XVIII». Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897.

JbGO — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Breslau, 1936—1941; München, 1953— .

JbGSV — «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Berlin.

KDM, t. I — «Kodeks diplomatyczny Małopolski», t. I (1178—1386). Ed. F. Piekosiński. Kraków, 1876.

KDMas — «Kodeks diplomatyczny księstwa Masowieckiego», t. I, 1863.
KH — «Kwartalnik Historyczny», Warszawa.
KHKM — «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», Warszawa.
Leo Diaconus — «Leonis diaconi Caloensis historiae libri decem e rec. C. B. Hasii». Bonnae, 1828.
Livonica — «Livonica im Vatikanischen Archiv». Ed. H. Hildebrand. Riga, 1887.
LR — «Livländische Reimchronik». Ed. L. Meyer. Paderborn, 1876.
LUB, Bd. I, III, VI — «Liv-Esth und Curländisches Urkundenbuch», Ed. F. G. Bunge, Bd. I. Reval, 1853; Bd. III, 1857; Bd. VI, Riga, 1873.
MGH SS — «Monumenta Germaniae Historica, Scriptores».
Michael Attaliata — «Michaelis Attaliotae historia». Opus a W. Bruneto de Presle instituti Gallici. Socio inventum descriptum correctum rec. I. Becceras. Bonnae, 1853.
Michael Psellos — Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). Texte établi et traduit par E. Renauld, t. I—II. Paris, 1926—1929.
MOFP, t. I — «Monumenta Ordinis Fratrum Praedicatorum Historica», t. I. Ed. B. Reichert. Lovanii, 1896.
MPH, t. I—III — «Monumenta Poloniae Historica», t. I—III. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1864—1878.
MPH, NS, t. I — «Monumenta Poloniae Historica», Nova Series, t. I. Ed. T. Kowalski. Kraków, 1946.
MPV, t. III — «Monumenta Poloniae Vaticana (Analecta Vaticana, 1202—1366)». Ed. J. Ptaśnik, t. III. Cracoviae, 1914.
MS — «Le Monde Slave», Paris.
Niceta Choniata — «Nicetae Choniatae historia». Rec. I. Bekker. Bonnae, 1835.
OChr — «Orientalia Christiana», Roma.
OSP — «Oxford Slavonic Papers».
ÖSt — «Oesterreichische Stadtrechte und Satzungen aus der Zeit der Babenberger», hrsg. von A. Meiller («Archiv für Kunde oesterreichischer Geschichtsquellen», Bd. X. Wien, 1853, S. 87—173).
PD — Petri de Dusburg. Chronica terrae Prussiae (SRP, t. I. Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861, p. 21—219).
PG — «Patrologiae Graecae», t. 1—161. Ed. J. P. Migne. Paris, 1857—1886.
PGL — «Patrologiae graecae latine», t. 1—81. Paris, 1856—1867.
PH — «Przegląd Historiczny», Warszawa.
PL — «Patrologiae cursus completus». Ed. J. P. Migne. Patrologiae latinae, t. 1—221. Paris, 1844—1864.
PUB — «Preussisches Urkundenbuch (Politische Abteilung)», Bd. I, Erste Hälfte. Ed. R. Philippi—K. P. Wölky. Königsberg, 1882.
PZ — «Przegląd Zachodni», Poznań.
RB — «Rocznik Białostocki», Białystok.
RDBM — «Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae». Ed. C. J. Erben, t. I. Pragae, 1855.
REB — «Revue des études byzantines», Paris.
Regesta Imperii, t. I (1) — «Regesta Imperii», Bd. I, Abt. 1, Ed. J. F. Boehmer — J. Ficker. Innsbruck, 1881—1882.
RegGr, Bd. I — «Das Register Gregors VII», Bd. I. Ed. E. Caspar. Berlin, 1920.

RES — «Revue des études slaves», Paris.
RGF SS, t. XI — «Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores», t. XI. Ed. L. Delisle. Paris, 1876.
RPAU — «Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności, wydz. historyczno-filozoficzny», Kraków.
RPR — «Regesta Pontificum Romanorum», t. I. Ed. A. Potthast. Berlin, 1874.
RTNT — «Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu».
S — «Saeculum», Freiburg in Breisgau — München.
Saxo — Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Ed. J. Orlik — H. Roeder, t. I. Hauniae, 1931.
SEER — «The Slavonic and East European Review», London.
SilRS — «Silesiacarum Rerum Scriptores», pars I. Ed. F. W. Sommersberg. Lipsiae, 1729.
SK — «Seminarium Kondakovianum», Beograd.
Sl — «Slavia», Praha.
SlA — «Slavia Antiqua», Poznań.
SlO — «Slavia Orientalis», Warszawa.
Sp — «Speculum», Cambridge, Mass.
SRA, t. II — «Scriptores Rerum Austriacarum », t. II. Ed. A. Rauch. Vindobonae, 1793.
SRD, t. I—IV — «Scriptores Rerum Danicarum», t. I—IV. Ed. J. Langebek. Hafniae, 1772—1776.
SRH, v. I—II — «Scriptores Rerum Hungaricarum». Ed. E. Szentpétery, v. I—II. Budapestini, 1937—1938.
SRP, t. I—II — «Scriptores Rerum Prussicarum», t. I—II. Leipzig, 1861—1863.
SRS, t. I (1, 2), t. III (1, 2) — «Scriptores Rerum Svecicarum, medii aevi», t. I (1, 2), t. III (1, 2). Ed. E. M. Fant. Upsaliae, 1828 — 1876.
Theophanes Continuatus — «Theophanes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus». Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838.
TM — «Kronika Thietmara». Ed. M. Z. Jedlicki. Poznań, 1953.
TNT — «Towarzystwo Naukowe w Toruniu».
USV — «Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte». Ed. von F. Keutgen. Berlin, 1901.
VMH, t. I — «Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram illustrantia», t. I. Ed. A. Theiner. Romae, 1859.
VMPL — «Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, gentiumque finitimarum historiam illustrantia», t. I. Ed. A. Theiner. Romae, 1860.
VSW — «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Stuttgart — Wiesbaden.
ZfG — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin.
ZfO — «Zeitschrift für Ostforschung», Marburg/Lahn.
ZfS — «Zeitschrift für Slawistik», Berlin.
ZfSlPh — «Zeitschrift für Slawische Philologie», Heidelberg.
ŻA — «Zródla arabskie do dziejów Słowiańszczyzny», t. I. Ed. T. Lewicki. Wrocław — Kraków, 1956.
ŻH — «Zródla hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy». Ed. F. Kupfer — T. Lewicki. Warszawa — Wrocław, 1956.
ŻS — «Zródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny». Ed. G. Labuda. Warszawa, 1961.

ИСТОЧНИКИ*

а) Древнерусские и старославянские памятники

Антоний, епископ новгородский. Сказания мест святых во Царьграде. *Текст*: Антоний.

Вопрошание Кириково — РИБ, т. VI. СПб., 1880, стб. 21—62.

Даниил, игумен. Хождения (1106—1108). *Текст*: Даниил.

Житие св. Саввы. *Текст*: «Теодосий. Живот св. Саве». — В кн. (под неточным названием) «Доментиjан. Живот св. Саве». Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1860.

Житие св. Симеона и св. Савы. *Текст*: «Живот светога Симеуна и светога Саве. Написао Доментиjан». Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1865.

Жития:

Авраамия — С. П. Розанов. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему («Памятники древней русской литературы», в. 1. СПб., 1912, стр. 1—24).

Александра Невского — В. Мансикка. Житие Александра Невского (Разбор редакций и тексты). СПб., 1913.

Антония Римлянина — «Православный собеседник», ч. II. Казань, 1858, стр. 157—171, 310—324.

Бориса и Глеба — изд. Д. И. Абрамович — «Памятники древней русской литературы», в. 2. Пг., 1916.

Евфросиньи — «Памятники старинной русской литературы», в. 4. СПб., 1862, стр. 172—179; ср. И. И. Сахаров. Путешествия русских людей на св. землю. СПб., 1839, стр. 114—123; «Житие преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой (по трем редакциям)». Изд. А. П. Сапунов. Витебск, 1888.

Константина (Кирилла) Философа. *Текст*: «Материалы», стр. 1—66.

Феодосия. *Текст*: «Сборник XII в.», стр. 40—96.

Иларион, митрополит русский. Память и похвала князю Владимиру. *Текст*: «Памятники», в. I, стр. 69—78.

Иларион, митрополит русский. Слово о законе и благодати и похвала кагану Владимиру. *Текст*: изд. Ф. Г. Калугин — «Памятники», в. I, стр. 59—69; ср. Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.— Sl, t. 32, 2, 1963, str. 155—175.

Кирилл, епископ туровский. Слово о поучении церковном. *Текст*: «Памятники», в. I, стр. 175—177.

«Летописец Переяславля-Суздальского». *Текст*: ЛПС.

---

* *При отсутствии выходных данных см. список сокращений.*

Летописи:
Воскресенская — ПСРЛ, т. VII.
Ипатьевская — ПСРЛ, т. II.
Лаврентьевская — ПСРЛ, т. I, в. 1—3.
Львовская — ПСРЛ, т. XX.
Московский летописный свод конца XV в.— ПСРЛ, т. XXV.
Новгородская I — НПЛ.
Новгородская IV — ПСРЛ, т. IV, в. 1, 2.
Псковские — ПЛ, в. 1, 2.
Софийская первая — ПСРЛ, т. V, в. 1.
Степенная книга — ПСРЛ, т. XXI.
Типографская — ПСРЛ, т. XXIV.
«Памятники древнерусского канонического права». Изд. А. С. Павлов — РИБ, т. VI. СПб., 1908.
«Памятники отреченной русской литературы». Изд. Н. Тихонравов, т. I—II. СПб., 1863.
«Памятники русского права». *Текст*: ПРП, в. I, II.
«Память и похвала Иакова мниха Владимиру». *Текст*: изд. А. А. Зимин — КСИС, в. 37. М., 1963, стр. 66—75.
«Патерик Киевского Печерского монастыря». *Текст*: «Патерик».
«Повесть временных лет». *Текст, перевод, комментарии*: ПВЛ, ч. I—II.
Повесть «О взятии Царьграда от фряг» — НПЛ, стр. 46—49.
Послания:
Византийского патриарха Германа митрополиту Кириллу — Макарий$_1$, т. III, Приложение 7.
Византийского патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому — РИБ, т. VI. СПб., 1880, стб. 63—76.
Византийского патриарха Николая Музалона новгородскому епископу Нифонту — Макарий$_1$, т. III, Приложение 1.
Митрополита Иоанна II папе Клименту III — А. С. Павлов$_1$, стр. 169—186.
Митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме — Н. К. Никольский$_1$, стр. 103—136.
Митрополита Льва к римлянам и латинянам об опресноках (ок. 1004 г.) — РИБ, т. 36. Изд. В. Н. Бенешевич. Пг., 1920, № 2, стр. 73—101.
Митрополита Никифора князю Владимиру Мономаху — «Памятники российской словесности XII в.». Изд. К. Калайдович. М., 1821, стр. 157—163.
Митрополита Феодосия князю Изяславу Мстиславичу — И. П. Еремин$_1$, стр. 27—35; Макарий$_1$, т. II. Приложение 4, стр. 335—336.
Поучение Ильи, новгородского архиепископа, 1166 г.— РИБ, т. VI. СПб., 1908. Приложение, стб. 347—376.
Путешествие [новгородского архиепископа] Ильи-Иоанна на бесе в Иерусалим — «Памятники старинной русской литературы», в. 1. СПб., 1860, стр. 243—248.
Сказание о перенесении мощей Николая Чудотворца из Мир ликийских в Бар Град — Макарий$_1$, т. II. Приложение 7, стр. 343—347.
Стязание с латиною — митрополита Георгия (1062—1072 гг.).— Макарий$_1$, т. III. Приложение 8, стр. 347—352.

Церковный устав митрополита Иоанна II — РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 1—20.
Чудеса св. Николая — изд. Леонид — «Памятники Общества любителей древней письменности», т. 72. СПб., 1888.

б) Памятники других стран Европы

Адам Бременский. История гамбургских епископов (ок. 1075 г.). *Текст*: Adamus Bremensis. *Текст и нем. пер.*: «Quellen des IX. und XI. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches». Neu übertr. von W. Trillmich. Berlin, 1961, S. 135—499. *Англ. пер.*: Adam of Bremen. History of the archbishops of Hamburg — Bremen. Transl. by F. Tschan. New York, 1959.
Адемар Шабанский (умер 1034). История (—1028). *Текст*: Ademarus Cabannensis. Historia Francorum. Ed. G. Waitz.— MGH SS, t. IV, 1841, p. 106—148; Adémar de Chabannes. Chronique. Éd. J. Chavanon. Paris, 1897.
Альберик, монах из монастыря Трех источников. Хроника (626—1240). *Текст*: «Chronica Alberici monachi Trium fontium». Ed. P. Scheffer-Boichorst.— MGH SS, t. XXIII, 1874, p. 631—950.
Альфред Великий, король Англии. Перевод трактата Павла Орозия «De miseria mundi» (887—897). *Текст*: «King's Alfred Orosius». Ed. H. Sweet. London, 1883.
«Akta grodzkie i ziemskie», t. VII. Ed. A. Stadnicki. Lwów, 1878.
Анналист Саксон. *Текст*: Annalista Saxo. Chronicon (741—1139). Ed. G. Waitz.— MGH SS, t. VI, 1849, p. 542—777.
Анналы:
Annales Admuntenses Continuatio (1140—1250). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. IX, 1851, p. 569—593.
Annales Alamanici (703—926). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. I, 1826, p. 19—60.
Annales Altahenses majores (708—1073). Ed. W. Giesebrecht — E. ab Oefele.— MGH SS, t. XX, 1868, p. 772—824. *Нем. пер.*: «Die größeren Jahrbücher von Altaich». Übers. von L. Weiland, 3 Aufl. Lz, 1940.
Annales Augustani (973—1101). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. III, 1839, p. 123—136.
Annales Barenses (605—1043). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. V, 1844, p. 51—56.
Annales Bertiniani (741—882). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. I, p. 419—515.
Annales ecclesiastici. Ed. C. Baronii, t. X, 1618; t. XI. Antverpiae, 1642.
Annales Fuldenses (680—901). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. I, p. 337—415.
Annales Gradicenses (894—1145). Ed. W. Wattenbach.— MGH SS, t. XVII, 1861, p. 644—652.
Annales Hildesheimenses (—1137). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. III, p. 22—116. *Нем. пер.*: «Die Jahrbücher von Hildesheim». Übers. von E. Winkelmann — W. Wattenbach, 3 Aufl. Lz, 1941.
Annales islandorum Regii. Ed. J. Langebek. — SRD, t. III, p. 12—135.

Annales Magdeburgenses (—1180). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. XVI, 1859, p. 105—196. *Нем. пер.*: «Die Jahrbücher von Magdeburg (Chronographus Saxo)». Übers. von E. Winkelmann — W. Wattenbach, 3 Aufl. Lz, 1941.

Annales Quedlinburgenses (—1025). Ed. G. H. Pertz.—MGH SS, t. III, p. 22—90.

Annales Rosenveldenses seu Harsefeldenses (1057—1130). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. XVI, p. 99—104.

Annales Ryenses (—1288). Ed. J. M. Lappenberg.— MGH SS, t. XVI, p. 386—410.

Annales sancti Disibodi (891—1200). Ed. G. Waitz.— MGH SS, t. XVII, p. 4—30.

Annales sancti Pantaleonis Coloniensis (1238—1250). Ed. H. Cardauns.— MGH SS, t. XXII, 1872, p. 529—547.

Annales Sigtunenses (1208—1288). Ed. C. Annerstedt.— «Scriptores Rerem Suecicarum», t. III (1). Hannoverae, 1876, p. 1—6.

Annales Stadenses (—1256). Ed. J. M. Lappenberg.—MGH SS, t. XVI, p. 271—279. *Нем. пер.*: «Die Chronik des Alberts von Stade». Übers. von F. Wachter. Lz, 1896.

Annalium Pragensium (1196—1278). Ed. R. Köpke.— MGH SS, t. IX, 1851, p. 169—181.

Анналы Краковского капитула (XIII—XIV вв.). *Текст*: Rocznik kapitulny Krakowski — Annales Cracoviensis capituli — MPH, t. II, p. 779—816.

Анналы монастыря святого креста (948—1122). *Текст*: «Rocznik świętokrzyski dawny»—MPH, t. II, p. 772—774.

Аннолид. (после 1075 г.). *Текст:* Annolied. Ed. M. Roediger.— «Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des Mittelalters» (MGH, Scriptorum, qui vernacula lingua usi sunt. Bd. I, 2. Abt. Hannover, 1892, p. 63—132).

Аноним Венгерский. Деяния венгров (1196—1203). *Текст*: Anonimi Gesta Hungarorum. —SRH, t. I, p. 18—118.

Апология Генриха IV — «Apologia Henri IV». Ed. M. Freher.— «Rerum Germanicarum Scriptores». Frankfurt a. M., 1600.

Арнольд Любекский. Славянская хроника (1172—1209). *Текст*: «Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum». Ed. J. M. Lappenberg.— MGH SS, t. XXI, 1868, p. 101—250. *Нем. пер.*: «Die Chronik Arnolds von Lübeck». Übers. von J. G. M. Laurent. 3 unveränd. Auflage. Lz, 1940.

Бернард из Клерво (XII в.). Послание 98. *Текст*: Bernhard de Clairvaux. Epistola 98. —PL, t. 182, p. 230.

Богухвал, епископ познаньский (умер 1253). Хроника Польши. *Текст*: «Boguphali Chronicon Poloniae» — MPH, t. II, p. 467—600.

Бруно, епископ кверфуртский (умер ок. 1009 г.). Письмо императору Генриху II (ок. 1008 г.). *Текст*: 1) W. Giesebrecht. Geschichte der deutschen Vorzeit, Bd. II. Braunschweig, 1885, S. 689—692; 2) MPH, t. I, p. 224—228. *Русск. пер.*: Н. Оглоблин. Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II.— КУИ, 1873, № 8, стр. 1—15.

Бруно, епископ кверфуртский. Житие св. Адальберта (Vita s. Adalberti). *Текст*: 1) MGH SS, t. IV, p. 596—612; 2) FRB, t. I, p. 266—304.

Бруно Магдебургский. Книга о саксонской войне (1056—1082). *Текст*: Bruno. Saxonicum bellum.— MGH SS, t. V, p. 327—384,

Нем. пер.: «Brunnos Buch vom sächsischen Kriege». Übers. von W. Wattenbach, 2 Aufl. Lz, 1893.

Варадский регеструм (1208—1235). *Текст:* «Regestrum Varadinense». Ed. J. Karácsonyi, S. Borovszky, s. l., 1903.

Вартберге Герман. Хроника Пруссии (XIV в.). *Текст:* Herman Wartberge. Chronicon terrae Prussiae. — SRP, t. II, p. 9—116.

Винцентий Пражский. Хроника (1143—1167). *Текст:* «Vincentii Pragensis Chronica». Ed. J. Emler. — FRB, t. II, p. 407—460.

Випон (умер ок. 1046 г.). Жизнеописание императора Конрада II. *Текст:* «Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris». Ed. G. H. Pertz. — MGH SS, t. XI, 1854, p. 254—275. *Текст и нем. пер.:* «Quellen des IX. und XI. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches». Neu übertr. von W. Trillmich. Berlin, 1961, S. 505—613.

Гаймар Жеффрей. История англов (ок. 1150). *Текст:* «Lestorie des Engles, solum la translacion de Geffrei Gaimar». Ed. T. Hardy — Ch. Trice Martin, v. I, Text. London, 1888.

Галл Аноним. Хроника (ок. 1113). *Текст:* Gallus Anonimus. *Русск. пер.:* Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Предисловие, перевод и прим. Л. М. Поповой. М., 1961.

Гаральд. Стансы в честь Елизаветы (XI в.). *Текст:* AntR, t. II, p. 57—58 (исландский и латинский тексты).

Гельмольд. Славянская хроника (XII в.). *Текст:* Helmoldus. *Русск. пер.:* Гельмольд. Славянская хроника. Предисловие, перевод и прим. Л. В. Разумовской. М., 1963. *Англ. пер.:* «The Chronicle of the Slavs by Priest of Bosau Helmold». Transl. by F. Tschan. New York, 1935. *Нем. пер.:* Helmold von Bosau. Slawenchronik. Übers. von H. Stoob. Berlin, 1963. *Чешск. пер.:* «Helmolds kněze Buzovského Slovanská Kronika», přel. K. Vrátný. Praha, 1947.

Генеалогия Вельфов (начало XII в.). *Текст:* «Genealogia Welforum» — MGH SS, t. XIII, 1881, p. 733—734. *Нем. пер.:* «Eine alte Genealogie der Welfen und des Mönchs von Weingarten Geschichte der Welfen». Lz, 1895.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии (1225). *Текст и русск. пер.:* ГЛ. *Текст и нем. пер.:* Heinrich von Lettland. Livländische Chronik. Neu übers. von A. Bauer. Darmstadt, 1959.

Герборд (умер 1168). Житие Оттона, епископа бамбергского (ум. 1139). *Текст:* «Herbordi dialogus de Vita Ottonis episcopi Bambergensis» — 1) MPH, t. II, p. 71—127; 2) MGH SS, t. XII, 1856, p. 746—822. *Русск. пер.:* А. А. Котляревский. Сказание об Оттоне Бамбергском. Прага, 1874. *Нем. пер.:* «Herbord's Leben des Bishofs Otto von Bamberg». Übers. von H. Prutz — W. Wattenbach. Berlin, 1869; 3 Aufl. Lz, 1941.

Гервазий из Тильбери. Императорские досуги (ок. 1214). *Текст:* «Ex Gervasii Tilleberiensis Otiis imperialibus». Ed. G. Waitz. — MGH SS, t. XXVII, 1885, p. 359—394; «Gervasii Tilburiensis Otia Imperialia». — «Scriptores Rerum Brunsvicensium». Ed. G. G. Leibnitz, t. I—II. Hannover, 1707—1710.

«Дагоме юдекс...» («Dagome iudex...», ок. 990—992). *Текст:* «Codex diplomaticus nec non epistolaris Silesiae», v. I, pt. 1. Ed. K. Maleczyński. Wrocław, 1951, p. 3—9. *Польск. пер.:* «Materia-

ły zrodłowe do historii Polski feudalnej», t. I. Ed. G. Labuda. Warszawa, 1954, str. 207—209.
Дамиани Петр. Житие св. Ромуальда (ок. 1040). *Текст*: «Petri Damiani Vita s. Romualdi».— PL, t. 144. Paris, 1874, col. 953—1008.
Дандоло Андрей (XIV в.). Венецианская хроника. *Текст*: «Andreas Danduli Chronica Venetiarum». Ed. L. A. Muratori.—«Scriptores Rerum Italicarum», t. XII. Mediolani, 1728.
Длугош Ян (1415—1480). История Польши в XII книгах. *Текст*: Dlugossius, t. I, II. *Польск. пер.*: «Jana Dlugosza Roczniki (Annales)», ks. 1—2 (—1038), przekł. M. Plezia. Warszawa, 1961.
Донизон. Жизнеописание Матильды (1115). *Текст*: «Donizonis Vita Mathildis». Ed. L. Bethmann.— MGH SS, t. XII, p. 348—409.
Дюсбург Петр. Хроника Пруссии (ок. 1326). *Текст*: PD.
Жизнеописание Конрада, архиепископа зальцбургского (1106—1147). *Текст*: «Vita Chunradi, archiepiscopi Salisburgensis». Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. XI, p. 62—77.
Жития:
Vita b. Mariani Scoti (ок. 1085) — «Acta Sanctorum Bollandistarum», IX februarii, v. II. Antverpiae, 1658, p. 365—372.
Vita s. Erici Regis.— SRS, t. II (1), 1828, p. 272—277.
Vita Meinwerci (1155—1165). Ed. F. Tenckhoff. Hannover, 1921.
Vita s. Henrici episcopi Upsaliensis.— SRS, t. II (1), 1828, p. 332—335.
Vita s. Olavi — «Monumenta Historica Norvegiae». Ed. G. Storm. Kristiania, 1880, p. 123—144.
Иллюстрированная (Венская) хроника (XIV в.). *Текст*: SRH, t. I, p. 239—505.
Иоанн Диакон (XII в.). Венецианская хроника. *Текст*: «Iohannis diaconi chronicon Venetum».— MGH SS, t. VII, 1846 p. 4—38.
История Иерусалима и Антиохии. *Текст*: «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche»—«Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux», v. V, pt. 2. Paris, 1895.
Кадлубек Винцент (ок. 1160—1223). Хроника Польши (1203). *Текст*: «Magistri Vincentii Chronicon Polonorum».— MPH, t. II, p. 249—447.
Канцов Фома. Хроника Померании [три редакции 1528—1542]. *Текст*: Thomas Kantzow. Chronik von Pommern in hochdeutschen Mundart, Ed. G. Gaebel, Bd. I—II. Stettin, 1897—1898.
Карпини Джованни дель Пиано (1182—1252). История монголов. *Текст*: «Sinica Franciscana», v. I. Ed. A. Wyngaert. Firenze, 1926, p. 1—134. *Русск. пер.*: Карпини—Рубрук, стр. 1—62. *Англ. пер.*: «The mongol Mission». Ed. Ch. Dawson. London — New York, 1955, p. 3—73.
Книга вкладов в монастырь св. Эммерама. *Текст*: «Codex traditionum s. Emmeramensium», Thesaurus anecdotorum novissimus, v. I, pars 3. Ed. B. Pez. Augsburg, 1721, p. 173.
Кодекс Гертруды (Трирская псалтырь, Liber precum Gertrudes, Codex Gertrudianus) (XI в.). *Миниатюры и надписи*: Н. П. Кондаков₁, таблицы I—VI.
Козьма Пражский (1045—1125). Чешская хроника (1119—1125). *Текст*: Cosma. *Русск. пер.*: Козьма Пражский. Чешская хроника. Вступ. статья, пер. и комм. Г. Э. Санчука. М., 1962.
Ламперт Герсфельдский (умер после 1077 г.). Анналы. *Текст*:

Annales Lamberti, pars I (—1039). Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. III, p. 22—29, 33—69, 90—102; pars II (1040—1077). Ed. L. F. Hesse, t. V, p. 134—264. *Нем. пер.*: Lampert von Hersfeld. Annalen. Neu übers. von A. Schmidt — W. Fritz. Berlin, 1955.

Лев Марсикан (умер 1115). Хроника. *Текст:* «Chronica Monasterii Cassinensis fratris Leonis Marsicani (529—1094)». Ed. W. Wattenbach.— MGH SS, t. VII, p. 574—727.

Леопольд Добродетельный, герцог австрийский. Привилегия г. Регенсбургу (9 августа 1192). *Текст*: ÖSt, S. 93.

Ливонская Рифмованная хроника (XIII в.). *Текст*: LR.

Лиутпранд Кремонский (умер 972). Возмездие (963). *Текст*: «Liudprand Antapodoseos libri VI (887—950)». Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. III, p. 273—339. *Англ. пер.*: «The Works of Liudprand of Cremona», transl. F. Wright. New York, 1930. *Нем. пер.*: «Aus Liutprands Werken». Übers. von K. Osten-Sacken—W. Wattenbach, 4 Aufl. Lz, 1913.

Лиутпранд Кремонский. Сообщение о посольстве в Константинополь (968). *Текст*: «Liudprandi Relatio de legatione Constantinopolitana». Ed. G. H. Pertz.—MGH SS, t. III, p. 347—363.

Матвей, епископ краковский. Письмо Бернарду из Клерво (ок. 1150). *Текст*: MPH, t. II, p. 15—16. *Польск. пер.*: «Prace z dziejów Polski feudalnej». Ed. M. Plezia. Warszawa, 1960, str. 123—140.

Матвей Парижский (умер 1259). Большая хроника. *Текст*: Matthae Parisiensis, monachi S. Albani. Chronica Majora (1066—1259). Ed. H. R. Luard, v. 1—6. London, 1877. *Англ. пер.*: «Compilation of the «Chronica majora» of Matthew Paris by F. H. Powicke». London, 1944; Matthew Paris. English History. Transl. by J. A. Giles, v. 1—3. London, 1852—1854. *Нем. пер.*: «Auszüge aus der großeren Chronik des Matthäus von Paris». Übers. von W. Wattenbach. Lz, 1896.

Одо Дейльский. О походе Людовика VII на Восток (1147—1163). *Текст*: 1) Odo de Diogilo. De profectione Ludovici VII in orientem.— PL, t. 185, col. 1206—1246; 2) Odo of Deuil. De profectione Ludovici VII... Ed. V. Gingerick Berry. New York, 1948.

Олай Петр. Хроника королей Дании (—1521). *Текст*: «Petri Olai Chronica Regum Danorum». Ed. J. Langebek.— SRD, t. I, p. 68—148.

Ортлиб Цвифальтенский. Хроника (1077—1138). *Текст*: «Ortliebi Zwifaltensis Chronicon». Ed. O. Abel.— MGH SS, t. X, 1852, p. 64—92.

Отер (Охтере). Отчет о путешествии (ок. 880). *Текст*: 1) «King Alfred's Orosius». Ed. H. Sweet. London, 1883, p. 17—19; 2) «Źródła Skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny». Ed. G. Labuda. Warszawa, 1961. *Русск. пер.*: 1) С. К. Кузнецов$_1$, стр. 1—95; 2) К. Ф. Тиандер$_1$, стр. 51—58.

Оттокар, герцог Штирии. Привилегия г. Энсу (1191). *Текст*: ÖSt, S. 92.

Оттон, епископ фрейзингенский (умер 1158). Хроника (— 1146). *Текст*: «Ottonis episcopi Frisingensis Chronicon», Ed. R. Wilmans.— MGH SS, t. XX, p. 83—301. *Текст и нем. пер.*: Otto Bischof von Freising. Chronik oder die Geschichte der zwei Staaten. Übers. von A. Schmidt. Berlin, 1960.

Оттон, епископ фрейзингенский, и Рагевин (умер 1177). Деяния императора Фридриха I (—1160). *Текст*: «Ottonise piscopi Frisingensis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris». Ed. R. Wilmans.— MGH SS, t. XX, p. 338—496. *Нем. пер.*: «Thaten Friedrichs von Bischof Otto von Freising». Übers. von H. Kohl, 2. Aufl. Lz, 1939; «Rahewins Fortsetzung der Taten Friedrichs von Bischof Otto von Freising». Übers. von H. Kohl. Lz, 1886.

Перенесение Годехарда, епископа гильдесгеймского (ок. 1132). *Текст*: «Translatio Godehardi episcopi Hildesheimensis». Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. XII, p. 639—650.

Песнь о Нибелунгах (XII в.). *Текст*: 1) «Nibelungenôt mit Lesarten». Hrsg. von K. Bartsch, Bd. I, 2. Aufl. Lz, 1926; 2) «Das Niebelungenlied», 14. Aufl. Wiesbaden, 1957. *Русск. пер.*: «Песнь о Нибелунгах». Введ. и прим. М. И. Кудряшев. СПб., 1890.

Песнь о Роланде (до 20-х годов XII в.). *Текст*: «La Chanson de Roland». Ed. R. Mortier, t. 1—10. Paris, 1940—1944. *Русск. пер.*: «Песнь о Роланде». М.—Л., 1964.

Померания, поморская хроника (XVI в.). — «Pomerania. Eine pommersche Chronik aus dem sechzehnten Jahrhundert». Ed. G. Gaebel, Bd. I—II. Stettin, 1908.

Продолжатель Козьмы. *Текст*: Canonicus Wissegradensis. Continuatio Cosmae (1126—1142). Ed. J. Emler.— FRB, t. II, p. 201—237.

Продолжатель Регинона (907—967). *Текст*: «Continuator Reginonis Treveriensis». Ed. G. H. Pertz.— MGH SS, t. I, p. 613—629. *Нем. пер.*: Die Fortsetzung des Regino. Übers. v. M. Büdinger — W. Wattenbach, 3. Aufl. Lz, 1939.

Псалтырь Одальрика. *Текст*: Psautier d'Odalric, éd. L. Paris.— «Roger II, évêque de Chalons, sa vie et sa mission en Russie dans Chronique de Champagne», t. II, [1837], p. 95.

Райнальд, архиепископ кельнский. Привилегия г. Медебаху (31 августа 1165). *Текст*: HUB, Bd. 1, № 17.

Раффельштеттенский таможенный устав (903—906). *Текст*: «Inquisitio de theoloneis Raffelstettensis» — MGH, Legum, Sectio II, Capitularium regum Francorum, t. II. Hannoverae, 1897, p. 249—252.

Рихард. Донесение о Великой Венгрии (1237) (Relatio de facto Hungariae Magnae). *Текст*: SRH, t. II, p. 535—542. *Русск. пер.*: С. А. Аннинский$_2$, стр. 77—82.

Рогерий. Жалобная песнь (Carmen miserabile) (1244 г.). *Текст*: SRH, v. II, p. 543—588.

Ройзнер Илья (1555—1619). Базиликон. *Текст*: Elias Reusner. Basilikon. Opus genealogicum Catholicum. Frankfurti, 1592.

Рубрук Вильгельм де (ок. 1215— ок. 1270). Путешествие в восточные страны. *Текст*: «Sinica Franciscana», v. I. Ed. A. Wyngaert. Firenze, 1929, p. 164—332. *Русск. пер.*: Карпини — Рубрук, стр. 65—178. *Англ. пер.*: «The mongol Mission». Ed. Ch. Dawson. London — New York, 1955, p. 89—220.

Рудольф из Эмса. Добрый Герхард (начало XIII в.). *Текст*: Rudolf von Ems. Der gute Gerhard. Ed. M. Haupt. Lz, 1840.

Саги. *Тексты*: 1) AntR, I—II; 2) Heimskringla, t. I—IV. *Русск. переводы*: 1) «Исландские саги». Пер. М. Н. Стеблин-Каменский. М., 1956; 2) «Сага об Эйрике Красном». Изд. С. Н. Сыромят-

ников. СПб., 1890; 3) «Старшая Эдда. Древнеисландские саги о богах и героях». Пер. А. И. Корсуна. М.—Л., 1963; 4) «Эймундова сага», пер. О. И. Сенковского.— О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V. СПб., 1858, стр. 420—573; 5) А. П. Сапунов. Сказания исландских или скандинавских саг о Полоцке... — «Полоцко-Витебская старина», т. IV, в. 3. Витебск, 1916, стр. 1—34; 6) пер. С. Сабинина — «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 1. М., 1840, стр. III—V, 7—116; 7) «Древнесеверные саги и песни скальдов». СПб., 1903.

Саксон Грамматик (умер 1204). Деяния данов. *Текст*: Saxo. *Нем. пер. первых девяти книг*: Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Übers. von H. Jantzen. Berlin, 1900.

Саксонская всемирная хроника (XIII в.). *Текст*: «Sächsische Weltchronik». Ed. L. Weiland.—MGH, Scriptorum qui vernaculo lingua usi sunt, t. II, Hannoverae, 1877, p. 1—279.

Сигберт из Жамблу (умер 1112). Хроника (—1111). *Текст*: «Sigeberti Gamblacensis chronica». Ed. I. C. Bethmann.— MGH SS, t. VI, p. 300—374.

Снорри Стурлусон (1178—1241). Хеймскрингла (Свод саг о норвежских конунгах). *Текст*: 1) Heimskringla, t. I—IV; 2) Snorri Sturluson. Kongesagaer. Oslo, 1957. *Англ. пер.*: Snorri Sturluson. Heimskringla. Ed. and transl. E. Monsen, A. H. Smith. New York, 1932. *Нем. пер.*: «Snorris Köningsbuch (Heimskringla)», Bd. I — III. Übers. F. Niedner. Jena, 1922.

Титмар Мерзебургский (умер ок. 1018). Хроника (892—1018). *Текст:* ТМ. *Русск. пер.*: Титмар Мерзебургский. Хроника. Пер. С. А. Аннинского (рукопись).— Институт истории АН СССР, ОРФ, А. Разд. I, д. 78. *Нем. пер.*: Thietmar von Merseburg. Chronik. Neu übertr. u. erl. von W. Trillmich. Darmstadt, 1957.

Фома, архидиакон сплитский (—1268). История Сплита. *Текст*: Thomas archidiaconus. Historia Salonitana.— «Monumenta spectantia Historiam Slavorum Meridionalium», v. XXVI (Scriptores, v. III). Ed. F. Rački. Zagrabiae, 1894.

Фракето Герард. Жизнеописания братьев из ордена проповедников и хроника их ордена (1203—1254). *Текст*: Gerardi de Fracheto. Vitae Fratrum Ordinis Praedicatorum nec non Chronica Ordinis ab anno 1203 usque ad 1254.— MOFP, t. I. Appendix, p. 304—309.

Фридрих I Барбаросса. Привилегия г. Любеку (19 сентября 1188). *Текст*: USV, S. 184.

Шимон Кезаи. Деяния венгров (ок. 1272). *Текст*: «Simonis de Keza Gesta Hungarorum».— SRH, t. I, p. 141—194.

Эдуард Исповедник, король Англии. Законы. *Текст*: «Die Gesetze der Angelsächsen». Hrsg. von F. Liebermann, Bd. I (Text und Übersetzung). Halle, 1903, S. 627—672.

Эккард. История. *Текст:* J. G. Eccardus. Historia genealogica principum Saxoniae Superioris nec non origines serenissimae familiae Anhaltinae. Lipsiae, 1722.

Эккехард. Всемирная хроника (—1106). *Текст*: «Ekkehardi Chronicon universale». Ed. G. Waitz.— MGH SS, t. VI, p. 33—231.

Эстергомский тариф (1198). *Текст*: CDH, t. VII, v. 5, № 76.

Юлиан. Отчет и письмо. *Текст*: «Fontes authentici itinera (1235—

1238) fratris Juliani illustrantes». Ed. L. Bendefy.— «Archivum Europae Centro-Orientalis», t. III, fasc. 1—3. Budapest, 1937, p. 1—47. *Русск. пер.*: С. А. Аннинский., стр. 83—90; ЗООИД, т. 5, 1863, стр. 998—1002.
Юустен Пауль (1516—1576). Хроника финляндских епископов. *Текст*: Paul Juusten. Chronicon episcoporum Finlandensium, t. I. Ed. H. G. Porthan. Helsingfors, 1859.

в) Византийские памятники

Анна Комнина. Алексиада. *Текст и франц. пер.*: Anne Comnène. Alexiade (règne de l'empereur Alexis I Comnène, 1081—1118). Texte établi et traduit par B. Leib, t. I—III. Paris, 1937—1945. *Русск. пер.*: Анна Комнина.
Георгий Акрополита (1217—1282). Хроника (1203—1261). *Текст и лат. пер.*: Georgius Acropolita, p. 1—189. *Русск. пер.*: «Летопись великого логофета Георгия Акрополита». Изд. И. Троицкий. СПб., 1863.
Георгий Амартол. Хроника (—867) (сост. 842—867). *Текст*: «Georgii Monachi Chornicon». Ed. C. de Boor, t. I—II. Lipsiae, 1904. *Лат. пер.*: PG, t. 110. Paris, 1863, p. 41—1260. *Древнерусский пер. (X—XI вв.)*: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I—III. Пг.— Л., 1920—1930.
Евстафий, митрополит Фессалоник (умер ок. 1194). Речь к императору Исааку Ангелу. *Текст*: «Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula». Ed. Th. L. F. Tafel. Frankofurti ad Moenum, 1832, p. 41—45.
Иоанн Геометр (X в.). Стихи. *Текст и лат. пер.*: Ioannes Geometra. Carmina varia argumenti sacri vel historici.— PG, t. 106. Paris, 1863, col. 901—1002.
Иоанн Зонара (первая половина XII в.). История, кн. XIII—XVIII (—1118). *Текст и лат. пер.*: Ioannes Zonara.
Иоанн Киннам (после 1143 — около 1203). История (1118—1176). *Текст и лат. пер.*: Ioannes Cinnam. *Русск. пер.*: Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Изд. В. Н. Карпов. СПб., 1859.
Иоанн Скилица. Хроника (811—1057). *Текст и лат. пер.*: Cedrenus—Scylitza, t. II, p. 43—638.
Кекавмен. Стратегикон (ок. 1071). *Текст*: Cec. *Русск. пер.*: В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI в.— ЖМНП, 1881, июнь, стр. 242—299; июль, стр. 102—171; август, стр. 316—357. *Нем. пер.*: H.-G. Beck. Wademecum des byzanitinischen Aristokraten. Graz — Wien — Köln, 1956.
Константин VII Багрянородный, император. Биография императора Василия I Македонянина (напис. около 950). *Текст и лат. пер.*: Theophanes Continuatus, p. 211—353.
Константин VII Багрянородный, император. Об управлении империей. *Текст и англ. пер.*: DAI. *Русск. пер.*: «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Изд. В. В. Латышев, Н. В. Малицкий («Известия ГАИМК», в. 91. М.—Л., 1934, стр. 3—44).

Константин VII Багрянородный, император. О церемониях (952—959). *Текст и лат. пер.*: Cer. *Текст и франц. пер.*: C o n s t a n t i n VII P o r p h y r o g é n è t e. Le livres des cérémonies. Texte établi et traduit par A. Vogt, t. I—II. Paris, 1935—1940.
Лев Диакон. История (события 959—975, напис. около 992). *Текст и лат. пер.*: Leo Diaconus. *Русск. пер.*: «История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей». Пер. Д. Попов. СПб., 1820.
Лев VI Мудрый, император. Тактика. *Текст и лат. пер.*: «Leonis Philosophi Tactica». — PG, t. 107. Paris, 1863, col. 669—1120.
Михаил Атталиат. История (1034—1079). *Текст и лат. пер.*: Michael Attaliata.
Михаил Пселл. Хронография (976—1078). *Текст*: Michael Psellos. *Текст и франц. пер.*: M i c h e l P s e l l o s. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). Texte établi et traduit par E. Renauld, t. I—II. Paris, 1926—1928. *Англ. пер.*: «The Chronographia of Michael Psellus». Transl. by E. R. A. Sewter, with an introduction by J. N. Hussey. New Haven, 1953.
Никита Пафлагонянин (умер 890). Житие св. Игнатия (умер 877). *Текст и лат. пер.*: N i c e t a e P a p h l a g o n i s. Vita s. Ignatii, archiepiscopi Constantinopolitani. — PG, t. 105. Paris, 1862, col. 487—574.
Никита Хониат. История (1118—1206). *Текст и лат. пер.*: Niceta Choniata. *Русск. пер.*: Н и к и т а Х о н и а т. История, т. 1 (1118—1185), изд. В. И. Долоцкий, СПб., 1860; т. 2 (1186—1206), изд. Н. В. Чельцов, СПб., 1862.
Никифор Вриенний (1062 — ок. 1136). История (976—1087). *Текст и лат. пер.*: «Nicephori Bryennii Commentarii». Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. *Русск. пер.*: Н и к и ф о р В р и е н н и й. Исторические записки. Изд. В. Н. Карпов. СПб., 1858.
Николай Мистик, патриарх константинопольский (901—907, 912—925). Письмо XXIII болгарскому царю Симеону (конец 923 — начало 924). *Текст*: PG, t. 111. Paris, 1863, col. 152—153. *Русск. пер.*: В. И. Г р и г о р о в и ч. Собр. соч. Одесса, 1916, стр. 58—69.
Привилегия генуэзцам 1169 г., подтвержденная в 1170 г. *Текст*: «Acta», t. III, p. 35.
Продолжатель Георгия Амартола. Хроника (842—948). Первая редакция — *текст и лат. пер.*: Theophanes continuatus, p. 761—924. Вторая редакция — *текст и древнерусский пер.*: В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 1—65.
Продолжатель Феофана. Хронография (813—867, 886—961). *Текст и лат. пер.*: Theophanes Continuatus, p. 1—211, 353—481.
Симеон (Магистр, Логофет, псевдо-Симеон). Всемирная хроника (—948). *Текст и лат. пер.*: «Leonis Grammatici Chronographia», Ex. rec. J. Bekkeri. Bonnae, 1842, p. 1—228. *Русск. пер.*: «Хроника Симеона Логофета с дополнениями». Изд. В. Срезневский. СПб., 1905.
Тимарион (XII в., византийская имитация Лукиана). *Текст и нем. пер.*: Timarion. Ed. A. Elisen. — «Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur», Th. IV, Abt. 1. Lz, 1860, S. 41—186. *Русск. пер.*: С. В. П о л я к о в а, И. В. Ф е л е н к о в с к а я

Византийская сатира «Тимарион». — ВВ, т. 6, 1953, стр. 357—386.
Трактат о воинском искусстве (XI в.). *Текст и франц. пер.*: «De castrametatione». *Русск. пер.*: Ю. Кулаковский$_2$, стр. 646—660.
Фотий, патриарх константинопольский (857/8—867, 877—886; умер 893). Две речи. *Текст*: «Photii de Rossorum incursione homiliae duoe». — «Fragmenta historicorum graecorum». Ed. C. Müller, v. 5. Paris, 1870, p. 162—173. *Русск. пер.*: Фотий, стр. 414—443. *Нем. пер.*: R. Graber. Längst hätten wir uns bekehren müssen. Innsbruck, 1960.
Фотий, патриарх константинопольский. Послание XIII (867). *Текст*: PG, t. 102. Paris, 1860, col. 721—742.

г) Восточные памятники

Абу-Хамид ал-Гарнати (XII в.). *Арабск. текст и испанск. пер.*: Абу-Хамид ал-Гарнати.
ал-Идриси. География (книга Рожера) (сер. XII в.). *Франц. пер.*: ал-Идриси.
ал-Истахри (X в.). Книга путей и государств. *Арабск. текст*: ал-Истахри.
ал-Мукаддаси. Книга лучшего разделения в познании климатов (985). *Арабск. текст*: ал-Мукаддаси.
Аноним Персидский. Области мира (ок. 982). *Перс. текст*: Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. *Англ. пер.*: V. Minorsky. Hudūd-al-Alam. The Regions of the World. London, 1937.
ас-Суйути. История халифов (XV в.). *Англ. пер.*: as-Suyuty. History of the Califhs. Calcutta, 1881.
Бейхаки Абу-л-Фазл (XI в.). *Русск. пер.*: Бейхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030—1041). Вступ. статья, пер. и прим. А. К. Арендса. Ташкент, 1962.
Вениамин Тудельский. Рассказ о путешествии (1166—1173). *Евр. текст и русск. пер.*: «Три еврейских путешественника», стр. 1—180.
Ибн ал-Асир (1160—1234). Полный свод истории. *Арабск. текст*: Ибн ал-Асир.
Ибн ал-Факих. Книга стран (нач. X в.). *Арабск. текст*: Ибн ал-Факих. Мухтасар китаб ал-булдан («Bibliotheca geographorum arabicorum», t. V. Lugduni Batavorum, 1885).
Ибн Биби. История сельджуков (1192—1280). *Перс. текст*: Ибн Биби. *Нем. пер. сокращ. редакции*: H. W. Duda. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.
Ибн Исфендийар. История Табаристана (XIII в.). *Перс. текст*: Ибн Исфендийар.
Ибн Йакуб. Записка. (965—966). *Арабск. текст*: MPH, NS, t. I. *Арабск. текст и русск. пер.*: А. Куник, В. Розен$_1$, ч. I, стр. 33—42, 46—55.
Ибн Мискавейх. Хроника (конец X — начало XI в.). *Арабск. текст и англ. пер.*: Ибн Мискавейх.
Ибн-Фадлан. Записка о путешествии на Волгу (921—922). *Арабск. текст и нем. пер.*: A. Zeki Validi Togan$_1$. *Арабск. текст и русск. пер.*: Ахмед ибн-Фадлан.
Ибн Хаукаль. Книга путей и государств (967—977). *Арабск. текст*: Ибн Хаукаль.

Иегуда Гакоген. Книга судей (до 1070). *Евр. текст и польск. пер.*: ŻH, s. 41, 158—159, 272.

«Картлис цховреба» (XI—XVII вв.). *Древнегруз. текст*: «Картлис цховреба». Изд. С. Каухчишвили, т. I—II. Тбилиси, 1955—1959.

Маулана Аулийа-улла Амоли. История Руана (XIV в). *Перс. текст*: Маулана Аулийа-улла Амоли. Тарих-е Руйан. Изд. А. Халили. Тегеран, 1934.

Мовсес Каланкатваци (X в.). История Агван. *Древнеарм. текст*: Мовсес Каланкатваци. Патмутюн алваниц ашхарх. Тифлис, 1913. *Русск. пер.*: Моисей Каланкатваци. История Агван. СПб., 1861.

Петахья Регенсбургский. Рассказ о путешествии из Регенсбурга в Багдад (ок. 1175). *Евр. текст и русск. пер.*: «Три еврейских путешественника», стр. 1—72.

Степанос Таронеци (начало XI в.). Всеобщая история. *Древнеарм. текст*: Степанос Таронеци. Патмутюн тиезеракан. СПб., 1885. *Русск. пер.*: Асохик.

Сурат-ал-акалим ас-сабаа' (не датирована). *Перс. рукопись*: Институт народов Азии (Ленинград), А-253.

Харун ибн Яхья ибн-Саид Антиохийский. История (конец X — начало XI в.). *Арабск. текст и русск. пер.*: В. Р. Розен$_1$, стр. 1—73. *Арабск. текст и франц. пер.*: «Histoire de Jahya-ibn-Sa'id d'Antioche continuateur de Sa'id-ibn-Bitriq». Ed. et trad. en français par I. Kratckowsky et A. Vasiliev. Paris, 1924, 1932 (Patrologia Orientalis, XVIII, 5; XXIII, 3).

ЛИТЕРАТУРА

В. П. Адрианова-Перетц$_1$. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 5—27.
С. Н. Азбелев$_1$. Об истолковании двух известий Повести временных лет (к болгаро-русским отношениям в X в.).— «Изследования в чест на М. Дринов». София, 1960, стр. 235—240.
Д. В. Айналов$_1$. Дар святой княгини Ольги в ризницу святой Софии в Царьграде.— «Труды XII Археологического съезда», т. III. М., 1905, стр. 1—4.
Д. В. Айналов$_2$. Св. княгиня Ольга в Царьграде.— Там же, стр. 12—20.
Д. В. Айналов$_3$. Некоторые данные русских летописей о Палестине.— «Сообщения Православного Палестинского общества», т. 17, в. 3. СПб., 1906, стр. 333—352.
Д. В. Айналов$_4$. О дарах русским князьям и послам в Византии.— ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 2, стр. 290—307.
Д. В. Айналов$_5$. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой.— ТОДРЛ, т. III, 1936, стр. 5—12.
Л. В. Алексеев$_1$. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966.
М. П. Алексеев$_1$. Русский язык у немецкого поэта XIV в.— «Сборник статей, посвященный А. С. Орлову». Л., 1934, стр. 557—572.
М. П. Алексеев$_2$. Англосаксонская параллель к поучению Владимира Мономаха.— ТОДРЛ, т. II, 1935, стр. 39—80.
М. П. Алексеев$_3$. Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI—XVII вв.). Тезисы докт. дисс. Л., 1937.
М. П. Алексеев$_4$. К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром.— «Научный бюллетень Ленинградского государственного университета», № 4, 1945, стр. 31—33.
Д. Анастасiевич$_1$. Лев Дьякон о годе отвоевания Цимисхием Болгарии от русских.— SK, t. III, 1929, p. 1—4.
Б. С. Ангелов$_1$. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей.— ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 132—138.
Д. Ангелов$_1$. История на Византия, ч. II (867—1204). София, 1963.
М. А. Андреева$_1$. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927.
И. Е. Андреевский$_1$. О правах иностранцев в России до вступления Ивана III Васильевича на престол. СПб., 1854.
И. [Е.] Андреевский$_2$. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855.
С. А. Аннинский$_1$. По поводу заметки А. Пьянкова.— ИМ, 1940, № 8, стр. 156—157.
С. А. Аннинский$_2$. Известия венгерских миссионеров XII—XIII вв. о татарах в Восточной Европе.— «Исторический архив», т. III. М.—Л., 1940, стр. 83—90.

Е. Антоневич$_1$ (см. также J. Antoniewicz). О находках овручских пряслиц на племенных территориях балтов. —«Archeologia Polski», rocz. III. Warszawa—Wrocław, 1960, str. 172—180.
М. И. Артамонов$_1$. История хазар. Л., 1962.
А. С. Архангельский$_1$. Любопытный памятник русской письменности XV в. — «Памятники древней письменности и искусства», в. 50. СПб., 1884.
А. В. Арциховский$_1$. Новгород Великий по археологическим данным. —«Вестник АН СССР», 1948, № 3, стр. 49—55.
М. М. Бабляк$_1$. Економічні і культурно-релігійні зв'язки Русі і Польщі в X—XII ст. — «Наукові записки», Вінницький державний педагогічний інститут, в. I, 1948, стр. 3—35.
Н. Бавмгартен$_1$ (см. также Н. Баумгартен). Св. Володимир і хрещення Русі. — «Богословія», т. 8, кн. 3—4. Львів, 1930, стор. 238—250; т. 9, кн. 1—2, стор. 107—140.
Д. Багалей$_1$. История Льва Дьякона, как источник для русской истории. — СКУ, т. I, в. 1, 1880, стр. 1—26.
В. В. Бартольд$_1$. Восток и русская наука. — «Русская мысль», 1915, кн. VIII, стр. 1—13.
В. В. Бартольд$_2$. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2. Л., 1925.
В. В. Бартольд$_3$. Посольство из Рима в Багдад в начале X в. — SK, t. II, 1928, p. 85—89.
В. В. Бартольд$_4$. Сочинения, т. I (Туркестан в эпоху монгольского нашествия). М., 1963; т. II, ч. 1 (Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы). М., 1963; т. II, ч. 2 (Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии). М., 1964; т. III (Работы по исторической географии). М., 1965.
Н. Баумгартен$_1$ (см. также N. Baumgarten). Родословные отрывки. — «Летопись Историко-родословного общества». М., в. 4 (16), 1908, стр. 1—30 + таблицы; в. 1 (17), 1909, стр. 3—46; в. 3 (19), стр. 31—55.
Н. Баумгартен$_2$. Ода Штаденская, внучатая племянница папы Льва IX — невестка Ярослава Мудрого. — «Благовест», № 1, Париж, 1930, стр. 95—102.
Н. Баумгартен$_3$. Добронега Владимировна, королева польская, дочь св. Владимира. —«Благовест», № 2—3. Париж, 1930, стр. 102—109.
Н. Баумгартен$_4$. София русская — королева датская, а затем ландграфиня тюрингенская. — SK, t. IV, 1931, p. 95—104.
Ю. К. Бегунов$_1$. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М. — Л., 1965.
В. М. Бейлис$_1$. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в. — МС, стр. 21—31.
В. М. Бейлис$_2$. Сочинения ал-Мас' уди как источник по истории Восточной Европы X в. (Автореф. канд. дисс.). М., 1963.
В. М. Бейліс$_3$. Про назву Києва в арабських географів X ст. та спроби її тлумачення в історичній літературі. — УІЖ, 1960, № 1, стор. 81—86.
В. М. Бейліс$_4$. Нові відомості про слов'ян у північній Африці в X ст — УІЖ, 1962, № 5, стор. 111—113.
Г. А. Белов$_1$. Тысяча лет франко-русских отношений. — «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 173—179.

Н. Т. Беляев$_1$. Рорик ютландский и Рюрик начальной летописи.— SK, t. III, 1929, p. 215—270.
Н. Т. Беляев$_2$. О географическом распределении кладов с англосаксонскими и фризскими монетами VII—IX вв. (шеатами).— SK, t. VIII, 1936, p. 193—219.
Л. С. Берг$_1$. Очерки по истории русских географических открытий. М.— Л., 1949.
М. [Н.] Бережков$_1$. О торговле русских с Ригой в XIII и XIV вв.— ЖМНП, 1877, февраль, стр. 330—357.
М. [Н.] Бережков$_2$. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.
С. В. Бернштейн-Коган$_1$. Путь из варяг в греки.— «Вопросы географии», сб. 20. М., 1950, стр. 239—270.
В. Бешевлиев$_1$. За името Дичина или Вичина на река Тича.— «Известия на института за български език», кн. 8. София, 1962, стр. 175—179.
М. Ю. Брайчевский$_1$. По поводу одного места из Константина Багрянородного.— ВВ, т. 17, 1960, стр. 144—154.
М. Ю. Брайчевский$_2$. Проблемы славяно-византийских отношений в IX в. в советской литературе последних лет.— ВВ, т. 22, 1963, стр. 124—126.
Ф. А. Браун$_1$ (см. также F. Braun). Фриад и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана.— ИОРЯС, 1902, т. VII, кн. 1, стр. 359—365.
Ф. А. Браун$_2$. Русские князья в исландских сагах.— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. 7, в. 1. СПб., 1905, стр. 179.
Ф. А. Браун$_3$. Кто был Ингвар-путешественник. — «Записки Неофилологического общества», вып. IV. СПб., 1910, стр. 131—153.
Ф. А. Браун$_4$. Варяги на Руси.— «Беседа», кн. 6—7. Берлин, 1925, стр. 300—338.
В. А. Брим$_1$. Колбяги.— ИАН, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 4, стр. 277—285.
В. А. Брим$_2$. Путь из варяг в греки.— ИАН, VII серия, Отделение общественных наук. Л., 1931, № 2, стр. 201—247.
Ф. Брун$_1$. Черноморье.— «Сборник исследований по исторической географии южной России», ч. I—II. Одесса, 1879—1880.
Ю. Д. Бруцкус$_1$ (см. также J. Brutzkus). Письмо хазарского еврея от X в. Берлин, 1924.
Ю. Д. Бруцкус$_2$. Перші звістки про євреів у Польщі та на Русі.— «Науковий збірник за рік 1927», Історична секція АН УРСР, т. 26. Київ, 1927, стор. 3—11.
Ю. Д. Бруцкус$_3$. Варяги и колбяги. — SK, t. VII, 1935, p. 81—102.
С. Бугославский$_1$. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру.— ИОРЯС, 1925, т. XXIX, стр. 105—159.
З. Буниятов$_1$. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
Г. К. Вагнер$_1$. К судьбам византийского наследия во владимиро-суздальской пластике.— ВВ, т. 24, 1964, стр. 121—138.
О. Л. Вайнштейн$_1$. Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века.— «Вестник Ленинградского государственного университета», 1950, № 5, стр. 61—79.
А. А. Васильев$_1$ (см. также A. Vasiliev). Византия и ара-

бы, ч. 1 (Политические взаимоотношения Византии и арабов во времена Аморийской династии). СПб., 1900; ч. 2 (Политические взаимоотношения Византии и арабов во времена Македонской династии). СПб., 1902.
А. А. Васильев$_2$. История Византии. Византия и крестоносцы, Пг., 1923.
А. А. Васильев$_3$. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Пг., 1923.
А. А. Васильев$_4$. Готы в Крыму, ч. 1—2.— «Известия РАИМК», т. 1. Пг., 1921, стр. 265—344; «Известия ГАИМК», т. 5. Л., 1927, стр. 179—282.
В. Г. Васильевский$_1$. Древняя торговля Киева с Регенсбургом.— ЖМНП, 1888, июль, стр. 121—150.
В. Г. Васильевский$_2$. Труды, т. I. СПб., 1908; т. II, в. 1. СПб., 1909; т. II, в. 2. СПб., 1912; т. III. Пг., 1915; т. IV, Л., 1930.
Г. Величко$_1$. Політичні і торговельні взаємини Русі і Візантії в X і XI ст.— ЗНТШ, т. VI, кн. 2. Львів, стор. 1—36.
А. Н. Веселовский$_1$. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском). СПб., 1906.
Ф. Вестберг$_1$. К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, Нов. сер., 1908, ч. 13, № 2, отд. II, стр. 364—412; ч. 14, № 3, отд. II, стр. 1—52.
К. Висковатый$_1$. К вопросу об авторстве и времени написания «Слова к Изяславу о латинех».— Sl, ročn. 16, č. 4, 1938—1939, стр. 535—567.
Б. Влодарский$_1$ (см. также B. Włodarski). Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв.— МС, стр. 116—130.
Н. Н. Воронин$_1$. Археологические заметки.— КСИИМК, в. 62, 1956, стр. 17—32.
Н. Н. Воронин$_2$. Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг (из истории русско-византийских отношений XII в.).— ВВ, т. 21, 1962, стр. 29—50.
Н. Н. Воронин$_3$. Сказание о победе над болгарами в 1164 г. и празднике спаса.— «Проблемы», стр. 88—92.
Н. Н. Воронин$_4$. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в.— ВВ, т. 23, 1963, стр. 23—46.
Н. Н. Воронин$_5$. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.— ВВ, т. 26, 1965, стр. 190—218.
А. Д. Воронов$_1$. О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI вв.— ЧОНЛ, кн. 1, 1879, стр. 1—21.
А. Врублевский$_1$. Сведения о Руси, встречающиеся в хронике польского летописца Галла.— СКУ, кн. I, в. 1, 1880, стр. 41—58.
А. Я. Гаркави$_1$. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. СПб., 1866.
А. Я. Гаркави$_2$. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с начала VII в. до конца X в.). СПб., 1870.
А. Я. Гаркави$_3$. Дополнения к сочинению Сказания... СПб., 1871.
С. Гедеонов$_1$. Варяги и Русь, ч. 1—2. СПб., 1876,

Ю. Гессен$_1$. Пленные в России с древнейших времен, в. 1 (Выкуп пленных). Пг., 1918.
Ю. П. Глушакова$_1$. О путешествии игумена Даниила в Палестину.— «Проблемы», стр. 79—92.
Л. А. Голубева$_1$. Белозерская весь и ее западные соседи в X — нач. XI в.— «Ск. сб.», т. 8, 1964, стр. 285—295.
Е. Е. Голубинский$_1$. История русской церкви, т. I (1). М., 1901; т. I (2). М., 1904.
Н. П. Голубовская$_1$. Географические данные в Русской Правде. Киев, 1913.
П. В. Голубовский$_1$. Хроника Дитмара как источник для русской истории.— СКУ, кн. I, в. 1, 1880, стр. 27—40.
П. В. Голубовский$_2$. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
В. А. Гордлевский$_1$. Государство сельджукидов в Малой Азии.— Избр. соч., т. I. М., 1960.
Б. Т. Горянов$_1$. Религиозно-полемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII—XIV вв.— ВВ, т. 8, 1956, стр. 132—142.
А. Ф. Грабский$_1$ (см. также A. F. Grabski). По поводу польско-византийских отношений в начале XI в.— ВВ, т. 14, 1958, стр. 175—184.
Н. П. Грацианский$_1$. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.
Н. П. Грацианский$_2$. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты.— ВИ, 1946, № 2—3, стр. 91—106 (библиографию трудов Н. П. Грацианского см.: ВИ, 1946, № 7, стр. 96—99).
Б. Д. Греков$_1$. Избранные труды, т. II. М., 1959.
В. В. Григорьев$_1$. Россия и Азия. Сб. статей. СПб., 1876.
К. Я. Грот$_1$. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881.
К. Я. Грот$_2$. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889.
М. С. Грушевський$_1$. Історія України — Русі, т. I, Київ, 1913; т. II, Львів, 1905; т. III, Львів, 1905.
Н. К. Гудзий$_1$. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., 1958.
Н. К. Гудзий$_2$. О сочинениях Феодосия Печерского.— «Проблемы», стр. 62—66.
В. В. Данилов$_1$. К характеристике «хождения» игумена Даниила.— ТОДРЛ, т. X, 1954, стр. 92—105.
Б. М. Данциг$_1$. Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси.— В кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», в. 1. М., 1953, стр. 185—231.
В. П. Даркевич$_1$. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966.
Н. П. Дашкевич$_1$. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873.
Н. П. Дашкевич$_2$. Первая уния юго-западной Руси с католичеством. Киев, 1884.
Н. П. Дашкевич$_3$. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы.— КУИ, 1886, № 11, стр. 220—241.

Н. П. Д а ш к е в и ч$_1$. Смена вековых традиций в отношениях народов Запада к русским.— «Сборник статей, посвященный В. И. Ламанскому», ч. II. СПб., 1908, стр. 1375—1415.
Н. С. Д е р ж а в и н$_1$. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.— Л., 1944.
Н. С. Д е р ж а в и н$_2$. История Болгарии, т. II. М., 1946.
А. Д м и т р и е в с к и й$_1$. Православное русское паломничество на Запад. Киев, 1897.
Б. А. Д о р н$_1$. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря. СПб., 1875.
В. В. Д о р о ш е н к о$_1$. Новое в изучении средневековой Риги (рец. на книгу: F. Benninghoven$_1$).— «Известия АН Латв. ССР», № 8 (181). Рига, 1962, стр. 141—147.
А. И. Д р о б и н с к и й$_1$. Русь и Восточная Европа в французском средневековом эпосе.— ИЗ, т. 26, 1948, стр. 95—127.
М. Д у б р о в с к и й$_1$. Житие преп. Евфросинии, княжны полоцкой. СПб., 1910.
И. Д у й ч е в$_1$. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 107—129.
И. П. Е р е м и н$_1$. Из истории древнерусской публицистики XI в.— ТОДРЛ, т. II, 1935, стр. 21—38.
И. П. Е р е м и н$_2$. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературе IX—XII вв.— В кн.: «Славянские литературы» (V международный съезд славистов). М., 1963, стр. 5—14.
С. Т. Е р е м я н$_1$. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам.— «Научные труды Ереванского государственного университета», т. 23, 1946, стр. 389—421.
Н. Н. Е ф и м о в$_1$. Русь — новый Израиль. Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912.
И. Н. Ж д а н о в$_1$. Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру.— Соч., т. I. СПб., 1904, стр. 1—80.
М. А. З а б о р о в$_1$. Крестовые походы. М., 1956.
М. А. З а б о р о в$_2$. Введение в историографию крестовых походов. М., 1966.
В. [М.] З а ї к и н$_1$ (см. также W. Z a j i k i n). Християнство на Україні за часів князя Ярополка I (969—979).— ЗЧВВ, 1928, т. III, ч. 1—2, стор. 1—39; ч. 3—4, стор. 377—402.
В. [М.] З а ї к и н$_2$. Преподобний Стефан, епіскоп Володимирський і Галицький...— ЗЧВВ, 1928, т. III, ч. 1—2, стор. 190—230.
В. [М]. З а ї к и н$_3$. Апостол слав'ян св. Адальберт на Русі.— «Поступ», X, № 11—12. Львів, 1930, стор. 222—234.
В. М. З а и к и н$_4$. Рецензия на книгу: N. Baumgarten$_1$. — ЗЧВВ, т. III, ч. 3—4, 1929—1930, стор. 653—666.
В. [М.] З а ї к и н$_5$. Русь, Україна і Великоросія.— «Дзвони», Львів, 1931, № 2, стор. 122—126, № 3, стор. 206—211.
Н. З а к р е в с к и й$_1$. Описание Киева, т. I—II. М., 1868.
Б. Н. З а х о д е р$_1$. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси.— СВ, 1955, № 3, стр. 108—118.
Б. Н. З а х о д е р$_2$. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв., в. 1. М., 1962 (библиографию трудов Б. Н. Заходера см. в кн.: «Ближний и Средний Восток». М., 1962, стр. 172—186).

Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко$_1$. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв.— ИЗ, т. 3, 1938, стр. 72—129.
А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов$_1$. Рецензия на книгу: М. В. Левченко$_3$.— ВВ, т. 12, 1957, стр. 270—284.
Я. Н. Зинчук$_1$. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X—XII вв.— КСИС, в. 21, 1957, стр. 99—108.
В. Н. Златарски$_1$. Писмата на цариградския патриарх Николая Мистика до българския царь Симеона.— «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 12. София, 1895, стр. 121—211.
В. Н. Златарски$_2$. История на Българската държава презъ срѣднитѣ вѣкове, т. I—II. София, 1918—1934.
В. Н. Златарский$_3$. Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи.— ТУСРАО, ч. 1. София, 1932, стр. 337—352.
Н. [Д.] Знойко$_1$. О посольстве Калокира в Киев.— ЖМНП, 1907, апрель, стр. 229—272.
Р. В. Зотов$_1$. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
Я. Я. Зутис$_1$. Очерки по историографии Латвии, ч. 1 (Прибалтийско-немецкая историография). Рига, 1949.
И. М. Ивакин$_1$. Князь Владимир Мономах и его поучение, ч. 1. М., 1901.
Э. Иглои$_1$. Повесть временных лет о венграх.— «Slavica», t. III. Debrecen, 1963, 83—104. l.
В. С. Иконников$_1$. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
В. С. Иконников$_2$. Опыт русской историографии. Киев, т. I, кн. 1, 1891; т. I, кн. 2, 1892; т. II, кн. 1, 1908; т. II, кн. 2, 1908.
Н. Н. Ильин$_1$. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957.
Г. Ильинский. Σάμβαταρ Константина Багрянородного.— «Юв. зб.», ч. II, стр. 166—177.
«История Болгарии», т. I. М., 1954.
«История дипломатии», т. I. М., 1959.
«История Польши», т. I. М., 1954.
«История Чехословакии», т. I. М., 1956.
«История Югославии», т. I. М., 1963.
В. М. Истрин$_1$. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград.— ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 215—236.
В. М. Истрин$_2$. Договоры русских с греками X в.— ИОРЯС, 1925, т. XXIX, стр. 383—393.
А. П. Каждан$_1$. К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии (1947—1957).— МС, стр. 7—31.
А. П. Каждан$_2$. Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.— «Зборник радова Византолошког института», кн. VIII. Београд, 1963, стр. 177—184.
А. П. Каждан$_3$. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в.— «Проблемы», стр. 93—101.

А. П. Каждан$_4$. Два новых византийских памятника XII столетия.— ВВ, т. 24, 1964, стр. 58—90.
А. П. Каждан$_5$. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. — ВВ, т. 27, 1967, стр. 87—106.
В. В. Каргалов$_1$. Татаро-монгольское нашествие на Русь. XIII в. (Автореф. канд. дисс.). М., 1962.
В. В. Каргалов$_2$. Основные этапы монголо-татарского нашествия на Русь.— «Преподавание истории в школе», 1963, № 4, стр. 27—39.
М. К. Каргер$_1$. Древний Киев, т. I—II. М.— Л., 1958—1961.
П. О. Карышковский$_1$. Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 947—971 гг. (Автореф. канд. дисс.). М., 1951.
П. О. Карышковский$_2$. Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава.— ВИ, 1951, № 8, стр. 101—105.
П. О. Карышковский$_3$. О хронологии русско-византийских войн при Святославе.— ВВ, т. 5, 1952, стр. 127—138.
П. О. Карышковский$_4$. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава.— КСИС, в. 9, 1952, стр. 53—61.
П. О. Карышковский$_5$. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе.— ВВ, т. 6, 1953, стр. 36—71.
П. О. Карышковский$_6$. К истории балканских войн Святослава.— ВВ, т. 7, 1959, стр. 224—243.
П. О. Карышковский$_7$. К истории балканских походов при Святославе.— КСИС, в. 14, 1954, стр. 26—30.
П. О. Карышковский$_8$. Лев Дьякон о Тмутараканской Руси.— ВВ, т. 17, 1960, стр. 39—51.
А. Кесреви. Шахрийаран-е гомнам. Тегеран, 1956 (перс. яз.).
Кирион$_1$. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910.
И. Э. Клейненберг$_1$. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XII вв. берегового права.— «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1960, № 2, стр. 158—161.
С. Г. Кляшторный$_1$. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье.— «Вост. И.», стр. 16—18.
Б. Ковачевић$_1$. О културним везама Срба с Русима.— «Летопис Матице Српске», Нови Сад, 1947, № 2, стр. 99—112.
И. П. Козловский$_1$. Внешние сношения древней Руси.— «Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии», т. III, в. 1, 5, 6. Ростов-на-Дону, 1929—1930.
П. К. Коковцев$_1$. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
Н. П. Кондаков$_1$. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
В. Кордт$_1$. Чужоземні подорожні по східній Європі до 1700 р. Київ, 1926.
Г. Ф. Корзухина$_1$. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954.
Г. Ф. Корзухина$_2$. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца.— «Ск. сб.», т. 8, 1964, стр. 297—313.
В. Д. Королюк$_1$. Древнепольское государство. М., 1957.
В. Д. Королюк$_2$. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.
Е. А. Косминский$_1$. Историография средних веков. М., 1963.

О. Краликₗ. Повесть временных лет и легенда Кристиана о св. Вячеславе и Людмиле.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 177—207.
И. Ю. Крачковский$_1$. Очерки по истории русской арабистики. М.— Л., 1950.
И. Ю. Крачковский$_2$. Избранные сочинения, т. IV (Арабская географическая литература). М.— Л., 1957.
В. В. Кропоткин$_1$. Клады византийских монет на территории СССР, М., 1962.
В. В. Кропоткин$_2$. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. нашей эры. М., 1967.
К. В. Кудряшов$_1$. Половецкая степь. М., 1948.
С. К. Кузнецов$_1$. К вопросу о Биармии.— «Этнографическое обозрение», кн. 115—116, № 2 и 3. М., 1906, стр. 1—95.
В. Д. Кузьмина$_1$. Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине в начале XII в. по «Хождению» игумена Даниила.— ВИМК, 1959, № 6, стр. 82—87.
Ю. Кулаковский$_1$. Еще к вопросу о Вичине.— ВВ, т. V, 1898, стр. 393—397.
Ю. Кулаковский$_2$. Новоизданный византийский трактат по военному делу.— ВВ, т. VII, в. 4, 1900, стр. 646—660.
Ю. Кулаковский$_3$. Византийский лагерь конца X в.— ВВ, т X, 1903, стр. 63—90.
А. А. Куник, В. Р. Розен$_1$. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I (Разыскания А. Куника и В. Розена).— «Записки АН», т. 32, СПб., 1878, Прилож. № 2; ч. 2 (Разыскания А. Куника). СПб., 1903.
В. А. Кучкин$_1$. О древнейших смоленских грамотах.— ИСССР, 1966, № 3, стр. 103—114.
Е. Хара-Даван$_1$. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
Н. А. Лавровский$_1$. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
В. И. Ламанский$_1$. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.
В. В. Латышев$_1$. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
А. П. Лебедев$_1$. История разделения церквей в IX—XI вв. СПб., 1905.
В. И. Левицкая$_1$. Материалы исследования палитры мозаик Софии Киевской.— ВВ, т. 23, 1963, стр. 105—157.
Т. Левицкий$_1$ (см. также Т. Lewicki). «Китаб ар-Рауд ал ми'тар»...— «Проблемы востоковедения», т. III. М., 1960, стр. 129—136.
Т. Левицкий$_2$. Из научных исследований арабских источников.— «Вост. И.», стр. 6—15.
М. В. Левченко$_1$. История Византии. М.— Л., 1940.
М. В. Левченко$_2$. Фальсификация истории византийско-русских отношений в трудах А. А. Васильева.— ВВ, т. 4, 1951, стр 149—151.
М. В. Левченко$_3$. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
Э. Ледерер$_1$. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи.— «Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, 1953, p. 1—45.

«Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища». М.— Л., 1966.
Лео (А. Бабаханян)$_1$. Патмутюн хайоц, т. II. Ереван, 1946 (арм. яз.).
Ю. А. Лимонов$_1$. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
И. [А.] Линниченко$_1$. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст., т. I (до конца XII в.). Киев, 1884.
И. А. Линниченко$_2$. Новооткрытое свидетельство о времени в. кн. Изяслава Ярославича.—«Археологические известия и заметки», № 11, М., 1894, стр. 329—337.
Е. Э. Липшиц$_1$. О походе Руси на Византию ранее 842 г.— ИЗ, т. 26, 1948, стр. 312—331.
Г. Г. Литаврин$_1$ (см. также G. G. Litavrin). Записка греческого топарха.— «Из истории средневековой Европы». Сборник статей. М., 1957, стр. 114—130.
Г. Г. Литаврин$_2$. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
Г. Г. Литаврин$_3$. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г.— ВВ, т. 27, 1967, стр. 71—86.
Г. Г. Литаврин$_4$. Византия и Русь в IX—X вв.; Русско-византийские отношения в XI—XII вв.— В кн.: «История Византии», т. II. Отв. ред. А. П. Каждан. М., 1967, стр. 226—236, 347—353.
Г. Г. Литаврин$_5$. Еще раз о походе русских на Византию в 1043 г.— ВВ, т. 29, стр. 1—29 (печатается).
Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан$_1$. Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в.— «Thirteenth International Congress of Byzantine Studies», Main Papers, III. Oxford, 1966 (оттиск).
Д. С. Лихачев$_1$. Русский посольский обычай XI—XIII вв.— ИЗ, т. 18, 1946, стр. 42—55.
Д. С. Лихачев$_2$. Возникновение русской литературы. М.— Л., 1952.
Г. Ловмяньский$_1$ (см. также Н. Łowmiański). Рóрик Фрисландский и Рюрик «Новгородский».— «Ск. сб.», т. 7, 1963, стр. 221—249.
Г. Ловмяньский$_2$. Взаимные отношения Польши и Руси в средние века.— «Советское славяноведение», № 3, 1967, стр. 22—32.
С. Г. Лозинский$_1$. История папства. М., 1961.
А. В. Лонгинов$_1$. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом.— «Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда». Вильна, 1893, стр. 313—328.
А. В. Лонгинов$_2$. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904.
Х. М. Лопарев$_1$. Русь и греки. СПб., 1898.
А. Д. Люблинская$_1$. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
П. Г. Любомиров$_1$. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв.— «УЗ Саратовского университета», словесно-историческое отделение педагогического факультета, т. I, в. 3, 1923, стр. 5—38.
В. Г. Ляскоронский$_1$. К вопросу о местоположении в пределах южной России района, в котором проповедовал епископ Бруноп в начале XI в.— ЖМНП, 1916, август, стр. 273—295.

В. Г. Л я с к о р о н с ь к и й$_2$. Титмарові повідомлення про руські справи з початку XI ст.— «Юв. зб.», ч. I, стор. 136—143.
А. И. Л я щ е н к о$_1$. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гарольде.— «Сборник в честь А. И. Малеина». Пг., 1922, стр. 94—136.
А. И. Л я щ е н к о$_2$. Былина о Дюке Степановиче.— ИОРЯС, 1926, т. 30, стр. 45—142.
А. И. Л я щ е н к о$_3$. Эймундова сага и русские летописи.— ИАН, VI серия. Л., 1926, т. 20, № 12, стр. 1061—1086.
А. И. Л я щ е н к о$_4$. Сага про Олафа Трігґвасона й літописне оповідання про Ольгу.— «Україна», кн. IV. Київ, 1926, стор. 3—22.
В. В. М а в р о д и н$_1$. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
В. В. М а в р о д и н$_2$. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на Севере Европы с древнейших времен и до XVI в.— ВИ, 1954, № 8, стр. 96—108.
В. В. М а в р о д и н$_3$. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955.
М а к а р и й$_1$. История русской церкви, т. I—III. СПб., 1868.
И. И. М а л ы ш е в с к и й$_1$. Евреи в южной России и Киеве в X—XIV вв. Киев, 1878.
А. К. М а р к о в$_1$. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
И. Ю. М а р к о н$_1$. Славянские глоссы у Исаака бен Моисея из Вены в его сочинении Ор-Заруа.— «Статьи по славяноведению». Под ред. В. И. Ламанского, в. II. СПб., 1906, стр. 90—96.
Д. М. М е й ч и к$_1$. Русско-византийские договоры.— ЖМНП, 1915, июнь, стр. 349—372; октябрь, стр. 292—317; ноябрь, стр. 132—163; 1916, март, стр. 89—127; ноябрь, стр. 57—82; 1917, май, стр. 26—46.
П. М. М е л и о р а н с к и й$_1$. О восточных словах в памятниках домонгольского периода.— ИОРЯС, т. VII, 1902, кн. 2, стр. 273—302; т. X, 1905, кн. 2, стр. 66—92; кн. 4, стр. 109—134.
П. П. М е л ь г у н о в$_1$. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905.
Ш. А. М е с х и а и Я. З. Ц и н ц а д з е$_1$. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958.
Н. А. М е щ е р с к и й$_1$. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии.— ВВ, т. 9, 1956, стр. 170—185.
Н. А. М е щ е р с к и й$_2$. Искусство перевода Киевской Руси.— ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 54—72.
Н. А. М е щ е р с к и й$_3$. Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 130—147.
В. Ф. М и н о р с к и й$_1$ (см. также V. F. M i n o r s k y). Русь и Закавказье (Новые данные).— «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 30, fasc. 3. Budapest, 1954, p. 207—210.
В. Ф. М и н о р с к и й$_2$. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
В. Ф. М и н о р с к и й$_3$. Куда ездили древние русы.—«Вост. И.», стр. 19—28 (библиографию трудов В. Ф. Минорского см.: «Iranica. Publications of the University of Tehran», v. 775, 1964, p. XI—XXVI).
С. Р. М и н ц л о в$_1$. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем

и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке, в. 1. Новгород, 1911.
Э. Мольнар$_1$. Основание Венгерского государства. Будапешт, 1951.
А. Л. Монгайт$_1$. Абу-Хамид ал Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг.— ИСССР, 1959, № 1, стр. 169—181.
Н. А. Мохов$_1$. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1961.
В. А. Мошин$_1$. Варяго-русский вопрос.— SI, 1931, годп. X, p. 109—136, 343—379, 501—537.
В. А. Мошин$_2$. Начало Руси. Норманы в Восточной Европе.— BSI, t. 4, 1932, p. 33—58, 285—307.
В. А. Мошин$_3$. Николай, епископ Тмутороканский.— SK, t. V, 1932, p. 47—62.
В. А. Мошин$_4$. Русь и Хазария при Святославе.— SK, t. VI, 1933, p. 187—208.
В. А. Мошин$_5$. Христианство в России до св. Владимира.— «Вл. сб.», стр. 1—18.
В. А. Мошин$_6$. Русские на Афоне в XI—XII вв.— BSl, t. IX, 1947, p. 55—85; t. XI, 1950, p. 32—60.
В. А. Мошин$_7$. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.—ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 28—106.
В. А. Мошин$_8$. Послание русского митрополита Леона об опресноках в Охридской рукописи.— BSl, t. 24, 1963, p. 94—96.
Э. С. Мугуревич$_1$. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
А. С. Мулюкин$_1$. К вопросу о договорах Руси с греками.— ЖМЮ, 1906, сентябрь, стр. 92—104.
А. С. Мулюкин$_2$. Приезд иностранцев в Древнюю Русь.— ЖМЮ, 1907, ноябрь, стр. 121—153.
Е. Муравская$_1$. Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв.— «Известия АН Латв. ССР», № 2. Рига, 1961, стр. 31—42.
Е. Муравская$_2$. Организация торговли Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XV вв.— «УЗ Латв. государственного университета им. П. Стучки», т. 40, 1961, стр. 299—330.
П. Мутафчиев$_1$. Русско-болгарские отношения при Святославе.— SK, t. IV, 1931, p. 77—94.
В. Мясоедов$_1$. «Иерусалимский крест» в ризнице собора в Гильдесгейме.— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. XII. Пг., 1918, стр. 7—22.
А. Н. Насонов$_1$. Тмуторокань в истории Восточной Европы X в.— ИЗ, т. 6, 1940, стр. 79—99.
А. Н. Насонов$_2$. Монголы и Русь. М., 1940.
А. Н. Насонов$_3$. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
М. Небелюк$_1$. Анна Ярославна, українська княжна на королівському престолі Франції в XI ст. Париж, 1952.
Б. Недков$_1$. Болгария и съседните й земи през XII век според Идриси. София, 1960.

В. Николаев$_1$. Славяно-българскиат фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949.
Н. К. Никольский$_1$. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.
Н. К. Никольский$_2$. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. (Сб. ОРЯС, т. 82, № 4.) СПб., 1907.
Н. К. Никольский$_3$. Повесть временных лет как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.
Н. К. Никольский$_4$. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи.— «Вестник АН СССР». М.— Л., 1933, № 8—9, стр. 5—18.
А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто$_1$. Внешняя торговля Древней Руси.— ИСССР, 1967, № 3, стр. 81—108.
С. П. Обнорский$_1$. Язык договоров русских с греками. — «Язык и мышление», т. VI — VII. М.— Л., 1936, стр. 79—103.
Г. А. Острогорский$_1$ (см. также G. Ostrogorsky). Владимир Св[ятой] и Византия.—«Вл. сб.», стр. 31—40.
А. С. Павлов$_1$. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
А. С. Павлов$_2$. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского права. М., 1892.
А. С. Павлов$_3$. Анонимная греческая статья.— ВВ, т. IV, 1897, стр. 143—154.
С. Пападимитриу$_1$. Брак русской княжны Мстиславны Добродеи с греческим царевичем Алексеем Комненом. — ВВ, т. XI, № 1—2. СПб., 1904, стр. 73—98.
В. Т. Пашуто$_1$. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
В. Т. Пашуто$_2$. Борьба прусского народа за независимость. — ИСССР, 1958, № 6, стр. 54—81.
В. Т. Пашуто$_3$. Образование Литовского государства. М., 1959.
В. Т. Пашуто$_4$. Очерки истории СССР (XII—XIII вв.). М., 1960.
В. Т. Пашуто$_5$. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России. — ВИ, 1962, № 10, стр. 61—79.
В. Т. Пашуто$_6$. Рифмованная хроника как источник по русской истории. — Сб. «Проблемы», стр. 102—108.
В. Т. Пашуто$_7$. Голодные годы в Древней Руси. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Минск, 1964, стр. 61—94.
В. Т. Пашуто$_8$. Половецкое епископство. — «Festschrift für E. Winter». Berlin, 1966, S. 33—40.
Й. Перени$_1$. Легенда о святом Владиславе в России. — «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. I, fasc. 1—3. Budapest, 1955, p. 227—244.
Й. Перени$_2$. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами.— «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. II, fasc. 1—4. Budapest, 1956, p. 1—29.
А. И. Першиц. Этнографические сведения об арабах в русских «хождениях» XII—XVII вв.— СЭ, 1951, № 4, стр. 143—148.
С. А. Плетнева$_1$. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958, стр. 150—226.

А. Л. Погодин$_1$. Варяги и Русь.— «Записки Русского научного института», в. 7. Белград, 1932, стр. 93—135.
А. Л. Погодин$_2$. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного.— «Зборник лингвистичких и филолошких расправа А. Белиħу». Београд, 1937, стр. 77—85.
А. Л. Погодин$_3$. Повесть о хождении апостола Андрея в Руси.— BSl, t. VII, 1937—1938, p. 128—148.
А. Л. Погодин$_4$. Варяжский период в жизни св. Владимира.— «Вл. сб.», стр. 19—30.
Н. Я. Половой$_1$. Две ошибки древнейшего русского хрониста.— ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 139—142.
Н. Я. Половой$_2$. О дате второго похода Игоря на греков и походы русских на Бердаа.— ВВ, т. 14, 1958, стр. 138—147.
Н. Я. Половой$_3$. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков.— ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 105—111.
Н. Я. Половой$_4$. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в.— ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 343—353.
Н. Я. Половой$_5$. К вопросу о первом походе Игоря.— ВВ, т. 18, 1961, стр. 85—104.
Н. Я. Половой$_6$. О маршруте похода русских на Бердаа.— ВВ, т. 20, 1961, стр. 90—105.
А. Н. Поляк$_1$. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе.— «Вост. И.», стр. 29—59.
А. Попов$_1$. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875.
А. И. Попов$_1$. Кыпчаки и Русь.— «УЗ Ленинградского государственного университета», в. 14, 1949, стр. 94—119.
Б. Ф. Поршнев$_1$. Ледовое побоище и всемирная история.—«Доклады и сообщения МГУ», серия историческая, в. 5, 1947, стр. 29—44.
В. М. Потин$_1$ (см. также V. M. Potin). Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в.— МС, стр. 84—115.
В. М. Потин$_2$. Особенности притока западноевропейских денариев X—XI вв. и их распространения на территории Древней Руси.— ЗОАО, I (34), 1960, стр. 163—174.
В. М. Потин$_3$. Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным.— ВИМК, № 4 (28), 1961, стр. 67—79.
В. М. Потин$_4$. Экономические связи Древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет (Автореф. канд. дисс.). Л., 1961.
В. М. Потин$_5$. Дегтянский клад денариев середины XI в.— «Труды Государственного Эрмитажа», т. 4, Нумизматика, в. 2. Л., 1961, стр. 23—29.
В. М. Потин$_6$. Венгерские монеты кладов XI в.— «Сообщения Государственного Эрмитажа», в. 20. Л., 1961, стр. 59—65.
В. М. Потин$_7$. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения.— НЭ, т. 3, 1962, стр. 183—211.
В. М. Потин$_8$. Французские и английские монеты из кладов X—XI вв. на территории СССР.— СА, 1963, № 1, стр. 61—74.
В. М. Потин$_9$. Клад брактеатов из Поднестровья.— НС, т. 1, 1963, стр. 109—127.

В. М. Потин$_{10}$. Голландский чекан XI в.— НЭ, т. 4, 1964, стр. 136—141.
В. М. Потин$_{11}$. Неизданные монеты Нижней Лотарингии и Фризии X—XII вв.— «Сообщения Государственного Эрмитажа», в. 24, Л., 1963, стр. 44—47.
В. М. Потин$_{12}$. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории СССР.— «Труды Государственного Эрмитажа», т. 10, Нумизматика, 1963, стр. 110—112.
В. М. Потин$_{13}$. Клад западноевропейских денариев X—XI вв. в Приладожье.— Сб. «Эрмитаж», Л., 1964, № 42.
В. М. Потин$_{14}$. О так называемых «скандинавских» подражаниях монетам Ярослава Мудрого.— «Тезисы докладов II научной конференции по истории скандинавских стран и Финляндии». М., 1965, стр. 15—16.
В. М. Потин$_{15}$. Редкие английские денарии X—XI вв.— НЭ, в. 5, 1965, стр. 161—170, табл. I—III.
М. Д. Приселков$_1$. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
М. Д. Приселков$_2$. Борьба двух мировоззрений.— «Россия и Запад». Сборник статей. Пг., 1923, стр. 36—56.
М. Д. Приселков$_3$. Слово о полку Игореве как исторический источник.— ИМ, 1938, № 6, стр. 112—133.
М. Д. Приселков$_4$. Русско-византийские отношения IX—XII вв.— ВДИ, 1939, № 3, стр. 98—109.
М. Д. Приселков$_5$. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
М. Д. Приселков$_6$. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам.— «УЗ Ленинградского государственного университета», серия историческая, в. 8, 1941, стр. 215—246.
М. Д. Приселков$_7$. Летописание Западной Украины и Белоруссии. — «УЗ Ленинградского государственного университета», серия историческая, в. 7, 1941, стр. 5—24.
Н. Д. Протасов$_1$. Греческое монашество в южной Италии.— «Богословский вестник». Сергиев Посад, 1915, май, стр. 124—159; июнь, стр. 220—265.
А. Н. Пыпин$_1$. Древнерусское паломничество. СПб., 1896.
Д. А. Расовский$_1$. О роли черных клобуков в истории Древней Руси.— SK, t. I, 1927, p. 93—109.
Д. А. Расовский$_2$. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus.— SK, t. III, 1929, p. 193—214.
Д. А. Расовский$_3$. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии.— SK, t. VI, 1933, p 1—66.
Д. А. Расовский$_4$. Половцы.— SK, Прага, t. VII, 1935, p. 245—262; t. VIII, 1936, p. 161—182; t. IX, 1937, p. 71—85; t. X, 1938, p. 155—177; Военная история половцев.— t. XI, Белград, 1940, p. 95—128.
Д. А. Расовский$_5$. Тлъковины.— SK, t. VIII, 1936, p. 307—313.
Д. А. Расовский$_6$. Русь и кочевники в эпоху св. Владимира.— «Вл. сб.», стр. 149—154.
Д. А. Расовский$_7$. Роль половцев в войнах Асеней с византийской и латинской империями в 1186—1207 гг.— «Списание на Българската Академия на Науките», кн. 59. София, 1939, стр. 203—211.

Д. А. Расовский$_8$. Русь, черные клобуки и половцы в XII в. — «Сборникъ въ память на П. Никовъ». София, 1940, стр. 369—378.
А. И. Рогов$_1$. Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского. — КСИС, в. 42, 1964, стр. 52—64.
С. П. Розанов$_1$. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109). — ИАН, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 8, стр. 617—646.
С. П. Розанов$_2$. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. — ИАН, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 8, стр. 585—599; № 9, стр. 649—671.
В. Р. Розен$_1$. Император Василий Болгаробойца. — Приложение к т. 44 «Записок АН». СПб., 1883.
А. Рузанов$_1$. Русско-чешские отношения X—XIII вв. (Автореф. канд. дисс.). Харьков, 1949.
Н. П. Рутковский$_1$. Латинские схолии в кормчих книгах. — SK, t. III, p. 149—168.
Б. А. Рыбаков$_1$. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
Б. А. Рыбаков$_2$. Торговля и торговые пути. — В кн.: «История культуры Древней Руси», кн. I. М. — Л., 1948, стр. 315—369.
Б. А. Рыбаков$_3$. Русские земли по карте Идриси 1154 г. — КСИИМК, в. 43, 1952, стр. 3—44.
Б. А. Рыбаков$_4$. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
Е. А. Рыдзевская$_1$ (см. также E. Rydzevskaja). Холм в Новгороде и древнесеверное Holmgarðr. — «Известия РАИМК», т. II. Пг., 1922, стр. 105—112.
Е. А. Рыдзевская$_2$. К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 г. — ИАН, VII серия, Отделение общественных наук. Л., 1932, № 6, стр. 471—479.
Е. А. Рыдзевская$_3$. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. — ИАН, VII серия, Отделение общественных наук. Л., 1934, № 7, стр. 485—532; № 8, стр. 609—630.
Е. А. Рыдзевская$_4$. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне. — ТОДРЛ, т. II, 1935, стр. 5—20.
Е. А. Рыдзевская$_5$. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе. — КСИИМК, в. 7, 1940, стр. 66—72.
Е. А. Рыдзевская$_6$. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — КСИИМК, в. 11, 1946, стр. 51—65.
Л. М. Савелов$_1$. Родство потомков Владимира св. с домом Пястов. — «Сборник в честь П. С. Уваровой». М., 1916, стр. 249—260.
А. П. Сапунов$_1$. Католическая легенда о Параскеве, княгине полоцкой. Витебск, 1888.
М. Б. Свердлов$_1$. Известие о Руси в Пегауских анналах. — «Вестник Ленинградского государственного университета». Серия истории, языка и литературы, № 14, в. 3, 1967, стр. 153—155.
М. Б. Свердлов$_2$. Известия о русско-скандинавских связях в хронике Адама Бременского. — «Ск. сб.», т. 12, 1967, стр. 271—277.
С. Н. Северьянов$_1$. Codex Gertrudianus. (Сб. ОРЯС, т. 99, № 4.) Пг., 1922.

А. Д. Седельников$_1$. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее.— Sl, roč. III (2,3), 1924, p. 316—335.
А. Д. Седельников$_2$. Эпическая традиция о Мануиле Комнине.— Sl., roč. III (4), 1925, s. 606—618.
В. И. Сергеевич$_1$. Греческое и русское право в договорах с греками X в.— ЖМНП, 1882, январь, стр. 82—115.
Л. А. Сердобольская$_1$. К вопросу о месторасположении острова Варяжского на Днепре.— «Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института», в. 4, 1949, стр. 213—217.
А. Синайский$_1$. Отношение древнерусской церкви и общества к латинскому западу. СПб., 1899.
Е. Ч. Скржинская$_1$. Генуэзцы в Константинополе.— ВВ, т. 1 (26), 1947, стр. 215—234.
Е. Ч. Скржинская, А. Л. Якобсон$_1$. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— МИА СССР, № 17, 1950.
М. Слабченко$_1$. Проложное сообщение о предлетописной Руси.— ИЖ, 1942, № 7, стр. 129.
А. П. Смирнов$_1$. Волжские булгары. М., 1951.
А. П. Смирнов$_2$. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА СССР, № 28, 1952.
И. Снегаров$_1$. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV вв.). София, 1950.
А. И. Соболевский$_1$. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. (Сб. ОРЯС, т. 88, № 3.) СПб., 1910, стр. 36—47.
А. И. Соболевский$_2$. Неизвестный русский паломник.— ИОРЯС, 1912, т. XVI, стр. 5—7.
А. И. Соболевский$_3$. Отношение древней Руси к разделению церквей.— ИАН, СПб., 1914, № 2, стр. 95—102.
Н. П. Соколов$_1$. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
П. Соколов$_1$. Русский архиерей из Византии и право его назначения. Киев. 1913.
А. В. Соловьев$_1$ (см. также А. Соловjев, A. V. Soloviev). История русского монашества на Афоне.— «Записки Русского научного института в Белграде», в. 7, 1932, стр. 137—156.
А. В. Соловьев$_2$. Белая и Черная Русь.— «Сборник Русского археологического общества», т. 3. Белград, 1940, стр. 29—66.
А. В. Соловьев$_3$. О печати и титуле Владимира Св[ятого].— BSl, roč. 9, 1947, p. 31—44.
А. В. Соловьев$_4$. Политический кругозор автора Слова о полку Игореве.— ИЗ, т. 25, 1948, стр. 71—103.
А. В. Соловьев$_5$. Великая, Малая и Белая Русь.— ВИ, 1947, № 7, стр. 24—38.
А. Соловjев$_1$. Свети Сава и Руси.— «Српски Књижевни Гласник», т. 49, № 3. Београд, 1935, стр. 221—225.
И. Г. Спасский$_1$. Русская монетная система. Л., 1962.
К. Спасский$_1$. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими странами в VI—XI вв.— «Ск. сб.», т. 6, 1963, стр. 61—92.
М. Н. Сперанский$_1$. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

И. И. Срезневский$_1$. Следы давнего знакомства русских с южной Азией.— «Вестник Русского географического общества», ч. X. СПб., 1854, стр. 48—68.
П. А. Стародубец$_1$. Купечество Северной Германии и немецкая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII в.— «УЗ Тульского государственного педагогического института», в. 1, 1948, стр. 89—121.
П. А. Стародубец$_2$. Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в начале XIII в.— «Ср. В.», т. 7, 1955, стр. 199—216.
В. В. Стоклицкая-Терешкович$_1$. Международные отношения в Западной Европе, в эпоху крестовых походов (XII—XIII вв.).— «Доклады и сообщения истфака МГУ», в. 4, 1946, стр. 31—35.
В. В. Стоклицкая-Терешкович$_2$. Западноевропейские хроники XII в. как источник для истории международных отношений.— ВИ, 1947, № 4, стр. 110—118.
А. В. Стороженко. О существовании в Киеве римско-католических храмов.— «Eranos. Сборник в честь Н. П. Дашкевича», Киев, 1906, стр. 245—253.
Н. С. Суворов$_1$. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.
Н. С. Суворов$_2$. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893.
Л. М. Сухотин$_1$. Брачные союзы ближайших потомков Владимира.— «Вл. сб.», стр. 175—188.
М. Я. Сюзюмов$_1$. К вопросу о происхождении слова «Рос», «Россия».— ВДИ, кн. II, 1940, стр. 121—123.
М. Я. Сюзюмов$_2$. «Разделение церквей» в 1054 г.— ВИ, 1956, № 8, стр. 44—57.
Д. Л. Талис$_1$. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв.— ВВ, т. 14, 1958, стр. 103—115.
М. А. Таубе$_1$ (см. также М. Taube). Рим и Русь в домонгольский период (X—XIII вв.).— «Ex Oriente». Ред. Л. Берг. Майнц, 1927, стр. 163—195.
Т. Б.$_1$. Русь, Византия и Рим в XI—XII вв.— «Китеж», год II, № 7—10. Warszawa, 1928, стр. 108—130.
Т. Б.$_2$. Князь Ярополк Святославич, католический государь Руси. — «Китеж», год II, № 5 — 6. Warszawa, 1928, стр. 75—90.
М. Тебенков$_1$. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896.
Ф. Терновский$_1$. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. Киев, в. 1—1875; в. 2—1876.
К. Ф. Тиандер$_1$. Поездки скандинавов в Белое море. СПб.,1906.
К. Ф. Тиандер$_2$. Город Бирка.— ЖМНП, 1910, июнь, стр. 225—280.
К. Ф. Тиандер$_3$. Датско-русские исследования, в. 3. Пг., 1915.
В. Тимирязев$_1$. Французская королева Анна Ярославна.— «Исторический вестник», т. 55. СПб., 1894, стр. 198—209.
И. [А]. Тихомиров$_1$. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII в.—ЖМНП, 1876, май, стр. 162—174.

М. Н. Тихомиров$_1$. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— «Славянский сборник». М., 1947, стр. 125—201.
М. Н. Тихомиров$_2$. Из истории борьбы русского народа за выход к морю. — «Военная мысль», 1950, № 2, стр. 73—90.
М. Н. Тихомиров$_3$. «Список русских городов дальних и ближних».— ИЗ, т. 40, 1952, стр. 214—259.
М. Н. Тихомиров$_4$. Древнерусские города. М., 1956.
Н. Толь$_1$. Заметки о китайском шелке на юге России.— SK, t. I, 1927, p. 85—92.
С. Томашівський$_1$. Предтеча Ісидора Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241—1245). — «Analecta Ordinis s. Basilii Magni», Yovkva, 1927, t. II, fasc. 3—4, p. 221—313.
В. Томсен$_1$. Начало Русского государства. М., 1891.
Б. Торстейнссон$_1$. Исландские саги и историческая действительность.— «Ск. сб.», т. 3, 1958, стр. 204—223.
З. В. Удальцова$_1$. Русско-византийские культурные связи.— «Thirteenth International Congress of Byzantine Studies», Main Papers, III. Oxford, 1966 (оттиск).
Н. Н. Усачев$_1$. Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северогерманскими городами (Автореф. канд. дисс.). М., 1952.
Н. Н. Усачев$_2$. Об участии Смоленска в «вечном мире» 1210 г.— «УЗ Смоленского педагогического института», в. V, 1957, стр. 201—221.
Н. Н. Усачев$_3$. К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв.— МС, стр. 203—224.
Ф. И. Успенский$_1$. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
Ф. И. Успенский$_2$. Русь и Византия в X в. Одесса, 1888.
Ф. И. Успенский$_3$. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв. Киев, 1889 (см. рецензию В. Г. Васильевского — ЖМНП, 1889, октябрь, стр. 273—290; декабрь, стр. 550—557).
Ф. И. Успенский$_4$. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь — дромиты у Симеона Магистра.— ЖМНП, 1890, январь, стр. 1—34.
Ф. И. Успенский$_5$. История Византийской империи, т. I—III. СПб., 1913 — М.— Л., 1948.
Ф. И. Успенский$_6$. Первые страницы русской летописи и византийские перехожие сказания. Одесса, 1914.
Ф. И. Успенский$_7$. Путевые записки Вениамина из Туделы.— «Анналы», № 3. Пг., 1923, стр. 5—20.
Ф. И. Успенский$_8$. Балканский полуостров в XIII в.— «Сборник статей в честь А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 398—400.
Ф. И. Успенский$_9$. Значение походов Святослава в Болгарию.— ВДИ, № 4, 1939, стр. 91—96.
Р. Р. Фасмер$_1$ (см. также R. Vasmer). Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе.— ИАН, VII серия, Отделение общественных наук. Л., 1933, № 6—7, стр. 473—484.
Г. Б. Федоров$_1$. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, № 89, 1960.

М. В. Ф е х н е р$_1$. Торговля Русского государства со странами Востока. М., 1956.
М. В. Ф е х н е р$_2$. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в.— МС, стр. 46—54.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_1$ (см. также A. V. F l o r o v s k ý). «Князь Рош» у пророка Иезекииля.— «Сборник въ честь на В. Н. Златарски». София, 1923, стр. 505—520.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_2$. Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейха XI—XII вв. и его продолжателя.— SK, t. I, 1927, p. 175—186.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_3$. Почитание св. Вячеслава на Руси. Прага, 1929.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_4$. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений.— «Sborník Prací I Sjezdu Slovanských filologů v Praze, 1929», Sv. II, 1932, str. 52—53.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_5$. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_6$. Чешские струи в истории русского литературного развития.— «Славянская филология» (IV Международный съезд славистов), в. III. М., 1958, стр. 211—251.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_7$. К изучению русско-византийских отношений.— BSl, t. 20, 1959, p. 63—74.
А. В. Ф л о р о в с к и й$_8$. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв.— МС, стр. 64—83.
Ф. Я. Ф о р т и н с к и й$_1$. Крещение князя Владимира и Руси по западным известиям. — ЧОНЛ, кн. II, 1888, стр. 93—128.
М. М. Ф р е й д е н б е р г$_1$. Труд Иоанна Киннама как исторический источник.— ВВ, т. 16, 1959, стр. 29—51.
М. Х а л а н с к и й$_1$. Der kûnig Eligas von rüssen поэмы Ortnit.— «Сборник статей, посвященный Ф. Ф. Фортунатову», Варшава, 1902, стр. 181—192.
М. Г. Х а л а н с к и й$_2$. Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса, ч. 1 (Сказание о взятии вел. кн. Ольгой Царьграда).— ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 2, стр. 169—173.
Д. А. Х в о л ь с о н$_1$. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах... Ибн-Даста. СПб., 1869.
А. Л. Х о р о ш к е в и ч$_1$. Рецензия на книгу: F. Benninghoven$_1$. — ИСССР, 1962, № 6, стр. 193—199.
Л. В. Ч е р е п н и н$_1$. Русские феодальные архивы, ч. I. М.— Л., 1948.
Л. В. Ч е р е п н и н$_2$. Русская палеография. М., 1956.
Л. В. Ч е р е п н и н$_3$. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— «Древнерусское государство», стр. 128—278.
А. И. Ч и п е р и с$_1$. К вопросу о торговых связях Средней Азии с Крымом и с Восточной Европой в VIII—XIV вв.— «УЗ Туркменского университета», в. 31. Ашхабад, 1964, стр. 88—102.
М. Э. Ш а й т а н. Ирландские эмигранты в средние века.— «Средневековый быт». Сборник статей. Л., 1925, стр. 179—205.

М. Э. Шайтан$_2$. Германия и Киев в XI в.— ЛЗАК, в. 1 (34), 1927, стр. 3—26.
М. А. Шангин$_1$. Комментарий к двум статьям договора Игоря с греками 945 г.— ИМ, 1941, № 5, стр. 111.
М. А. Шангин$_2$. Два договора. — ИМ, 1941, № 2, стр. 114—115.
М. А. Шангин$_3$. «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах 970 г. и зимой 971 г.— ИЖ, 1941, № 9, стр. 121—123.
М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова$_1$. Существовала ли «Внешняя Русь»? — ВВ, т. 14, 1958, стр. 97—98.
И. П. Шаскольский$_1$. Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.).— ИЖ, 1940, № 4—5, стр. 102—112.
И. П. Шаскольский$_2$. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой.— ВИЖ, 1940, № 7, стр. 90—95.
И. П. Шаскольский$_3$. Посольство Александра Невского в Норвегию.— ВИ, 1945, № 1, стр. 112—116.
И. П. Шаскольский$_4$. Договоры Новгорода с Норвегией.— ИЗ, т. 14, 1945, стр. 38—61.
И. П. Шаскольский$_5$. Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность.— «УЗ Ленинградского государственного университета», серия историческая, в. 14, 1949, стр. 120—135.
И. П. Шаскольский$_6$. Сигтунский поход 1187 г.— ИЗ, т. 29, 1949, стр. 135—163.
И. П. Шаскольский$_7$. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в.— «Известия Карело-финского филиала АН СССР», № 2. Петрозаводск, 1951, стр. 3—23.
И. П. Шаскольский$_8$. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь.— ИАН, Серия истории и философии, 1951, т. 8, № 3, стр. 267—276.
И. П. Шаскольский$_9$. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси.— ИЗ, т. 37, 1951, стр. 169—188.
И. П. Шаскольский$_{10}$. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50 гг. XIII в.— ИЗ, т. 43, 1953, стр. 182—200.
И. П. Шаскольский$_{11}$. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — «Географический сборник», в. III. М.— Л., 1954, стр. 146—159.
И. П. Шаскольский$_{12}$. О возникновении города Колы.— ИЗ, т. 71, 1961, стр. 270—279.
И. П. Шаскольский$_{13}$. Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV вв.— НИСб., в. 10, 1961, стр. 117—136.
И. П. Шаскольский$_{14}$. Проблемы периодизации истории скандинавских стран.— «Ск. сб.», т. 8, 1964, стр. 349—368.
И. П. Шаскольский$_{15}$. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.— Л., 1965.
А. А. Шахматов$_1$. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
А. А. Шахматов$_2$. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916.
А. А. Шахматов$_3$. Повесть временных лет и ее источники.— ТОДРЛ, т. IV, 1940.
С. П. Шестаков$_1$. Византийский посол на Русь Мануил Ком-

нен. — «Сборник статей в честь Д. А. Корсакова». Казань, 1913, стр. 366—381.
С. П. Шестаков$_2$. Заметки к стихотворениям Codicis Marciani. — ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 45—56.
И. Шляпкин$_1$. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая чудотворца. СПб., 1881.
И. Шляпкин$_2$. Русский крест XII в. в г. Гильдесгейме. — «Вестник археологии и истории», в. 22. СПб., 1914, стр. 36—45.
Е. Ф. Шмурло$_1$. Восток и Запад в русской истории. Юрьев, 1895.
Е. Ф. Шмурло$_2$. Когда и где крестился Владимир. — ЗРИОП, кн. I, 1927, стр. 120—148.
В. П. Шушарин$_1$. Русско-венгерские отношения в IX в. — МС, стр. 131—180.
В. П. Шушарин$_2$. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.
Я. Н. Щапов$_1$. Некоторые вопросы идеологии Древней Руси в освещении буржуазной историографии. — «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». Сборник статей. М., 1962, стр. 215—233.
Ю. Л. Щапова$_1$. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв. — ВВ, т. 19, 1961, стр. 60—75.
Е. Н. Щепкин$_1$. Варяжская вира. Одесса, 1915.
Н. В. Энговатов$_1$. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм. — СА, в. 4, 1964, стр. 214—220.
К. Н. Юзбашян$_1$. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристакеса Ластивертци. — ВВ, т. 16, 1959, стр. 14—28.
А. Л. Якобсон$_1$. К истории русско-корсунских связей (XI—XV вв.). — ВВ, т. 14, 1958, стр. 116—128.
А. Л. Якобсон$_2$. Средневековый Крым. М. — Л., 1964.
А. Ю. Якубовский$_1$. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. — 943/4 г. — ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 63—92.
А. Ю. Якубовский$_2$. Рассказ ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. — ВВ, т. XXV, 1928, стр. 53—76.
А. Ю. Якубовский$_3$. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях IX—X вв. — ИАН, Серия истории и философии, 1946, т. III, № 5, стр. 461—472.
А. Ю. Якубовский$_4$. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. — В кн.: «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 31—95.
В. Л. Янин$_1$. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
В. Л. Янин$_2$. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». — ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 112—131.
В. Л. Янин$_3$. Новгородские посадники. М., 1962.
В. Л. Янин$_4$. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. — НЭ, т. 4, 1963, стр. 142—164.
В. Л. Янин$_5$. Печати Феофано Музалон. — «Нумизматика и сфрагистика», т. 2. Киев, 1965, стр. 76—90.
В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин$_1$. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — «И-А сб.», стр. 204—221.

Я. Я. Ярмохович$_1$. Magistri Vincentii... Chronica Polonorum как источник для русской истории.— СКУ, кн. I, в. 1, стр. 59—76.
А. Е. Яцкевич$_1$. Политические взаимоотношения Руси и Польши с X по XII столетие (Автореф. канд. дисс.). Львов, 1950.

W. Abraham$_1$. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi, t. I. Lwów, 1904.
B. Altaner$_1$. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Habelschwerdt, 1924.
J. Antoniewicz$_1$. Niektóre dowódy kontaktów słowiańsko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle zrôdeł archeologicznych.— «Wiadomości archeologiczne», t. 22, zesz. 3—4. Warszawa, 1955, str. 233—277.
H. Arbman$_1$. The Vikings. London, 1962.
T. Arne$_1$. Les rapports de la Suède avec la Russie et l'Orient au temps des Vikings.— MS, 1925, № 5, p. 244—254.
G. Bachfeld$_1$. Die Mongolen in Polen, Schlesien, Böhmen und Mähren. Innsbruck, 1889.
A. Baecklund$_1$. Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikii Novgorod.— RES, t. 33, 1956, p. 26—33.
F. Balodis$_1$. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland. Stockholm, 1948.
O. Balzer$_1$. Genealogia Piastów. Kraków, 1895.
N. Bănescu$_1$. La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khozarie et en «Russie» à l'époque des Comnènes.— «Bulletin de la Section Historique de l'Académie Roumaine», v. 22. Bucureşti, 1941, p. 1—21.
I. Barnea$_1$. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe siècle.— «Nouvelles études d'histoire». Bucarest, 1955, p. 169—180.
K. Bártová$_1$. Igorova výprava na Cařihrad r. 941.— BSl, t. 8, 1939—1946, p. 87—108.
C. Bauer$_1$. Die Epochen der Papstfinanz.— HZ, Bd. 138, H. 3, 1928, S. 457—503.
N. Baumgarten$_1$. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927.
N. Baumgarten$_2$. Le dernier mariage de saint Vladimir.— OChr, t. XVIII, 2, № 61, 1930, p. 165—168.
N. Baumgarten$_3$. Pribyslava de Russie.— OChr, t. XX, 3, № 66, 1930, p. 157—161.
N. Baumgarten$_4$. Cunegonda d'Orlamunde.—OChr, t. XX, 3, № 66, p. 162—168.
N. Baumgarten$_5$. Olaf Trygwison roi de Norvège et ses relations avec saint Vladimir de Russie.— OChr, t. XXIV, 1, № 73, 1931.
N. Baumgarten$_6$. Saint Vladimir et la conversion de la Russie.— OChr, t. XXVII, 1, № 79, 1932.
J. Beckmann$_1$. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. Leipzig, 1805.
F. Benninghoven$_1$. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961.
H. Beumann$_1$. Kreuzzugsgedanke und Ospolitik im hohen Mittelalter.— «Historische Jahrbuch», Jg. 72. München, 1953, S. 112—132.

J. Bieniak$_1$. Państwo Miesława. Warszawa, 1963.
R. Bloch$_1$. Verwandschaftliche Beziehungen des sächsischen Adels zum russischen Fürstenhause im XI. Jh.— «Festschrift A. Brackmann». Weimar, 1931, S. 185—206.
S. Blondal$_1$. The Last Exploits of Harald Sigurdsson in Greek Service.— «Classica et Mediaevalia», v. 2, fasc. 1. Copenhague, 1939, p. 1—26.
F. Braun$_1$. Das historische Russland im nordischen Schrifttum X—XIV. Jh.— «Festschrift E. Mogk». Halle, 1924, S. 176—179.
F. Braun$_2$. Russland und die Deutschen in alter Zeit.— «Germanica. Festschrift E. Sievers». Halle, 1925, S. 678—727.
L. Bréhier$_1$. L'église et l'Orient au moyen âge. Les croisades. Paris, 1907.
H. Bresslau$_1$. Jahrbücher des deutschen Reiches unter Konrad II, Bd. I—II. Leipzig, 1879—1884.
J. Brutzkus$_1$. Der Handel der westeuropäischen Juden mit dem alten Kiev.— «Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland», Jg. 3. Berlin, 1931, S. 97—110.
J. Brutzkus$_2$. Trade with Eastern Europe, 800—1200.— «The Economic History Review», v. 13, № 1—2. London, 1943, p. 31—41.
E. Caspar$_1$. Hermann von Salza und die Gründung des Deutschordensstaats in Preussen. Tübingen, 1924.
F. Chalandon$_1$. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile, v. I. Paris, 1907.
F. Chalandon$_2$. Jean II Comnène et Manuel I Comnène. Paris, 1912.
V. Chaloupecký$_1$. Stare Slovensko (Spisy filosof. fakulty univ. Komenského, č. III). Bratislava, 1923.
E. Chudzinski$_1$. Die Erroberung Kurlands durch den deutschen Orden im 13 Jh. Leipzig, 1917.
J. Concevičius$_1$. Russia's Attitude towards Union with Rome (9th — 16th centuries). Washington, 1927.
S. H. Cross$_1$. Jaroslav the Wise in Norse Tradition.— Sp, v. 4, 1929, p. 177—197.
S. H. Cross$_2$. La tradition islandaise de saint Vladimir.— RÉS, t. II, fasc. 3—4, 1931, p. 133—148.
S. H. Cross$_3$. Mediaeval Russian Contacts with the West.— Sp, v. 10, № 2, 1935, p. 137—144.
S. H. Cross$_4$. Slavic Civilization through the Ages. New York, 1963.
R. M. Dawkins$_1$. The Later History of the Varangian Guard: Some Notes.— «Journal of Roman Studies», v. 37, 1947, p. 39—46.
G. A. Donner$_1$. Kardinal Wilhelm von Modena. Helsingfors, 1929.
E. Donnert$_1$. Studien zur Slawenkunde des deutschen Frühmittelalters. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität (gesellsch. und sprachwiss. Reihe)», Jg. 12. Jena, 1963, S. 189—224.
E. Donnert$_2$. Die frühmittelalterlich-deutsche Slawenkunde und Thietmar von Merseburg.— ZfS, Bd. IX, H. 1. Berlin, 1964, S. 77—90.
E. Donnert$_3$. Studien zur Slawenkunde des deutschen Frühmittelalters vom 7. bis zum beginnenden 11. Jh.— JbGSV, Bd. 8. Berlin, 1964, S. 289—358.

F. D ö l g e r_1. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen.— HZ, Bd. 32. Lz, 1932, S. 275—292.
F. D ö l g e r_2. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Speyer am Rhein, 1953.
W. D r a e g e r_1. Das alte lubische Stadtrecht und seine Quellen.— HGbl, Bd. 19, 1913, S. 1—91.
F. D v o r n i k_1. Les Slaves, Byzance et Rome au IX siècle. Paris, 1926.
F. D v o r n i k_2. The Kiev State and its Relations with Western Europe.— «Transactions of the Royal Historical Society», IV ser., v. 29. London, 1947, p. 27—46.
F. D v o r n i k_3. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949.
F. D v o r n i k_4. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia.— DOP, № 9—10, 1956, p. 73—123.
F. D v o r n i k_5. The Slavs, their early History and Civilization. Boston, 1956.
F. D v o r n i k_6. Die Benediktiner und die Christianisierung Russlands.— «Erbe und Auftrag. Benediktinische Monatsschrift», NF, Bd. 35, 1959, № 4, S. 292—310.
W. D z i e w a n o w s k i_1. Naistarsza wiadomość o Kładzku w źródłach ruskich.— PZ, 1953, r. IX (1), str. 255—256.
Th. E d i g e r_1. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und romischen Kurie. Halle, 1911.
R. E k b l o m_1. Vereinigungen unter den Nordländern im alten Russland.— ZfSlPh, Bd. 10, 1933, S. 1—20.
A. F e l l m a n_1. Voyage en Orient du roi Erik Ejegod et sa mort à Pahos. Helsinki, 1938.
S. F e s t_1. The Sons of Edmund Ironside anglo-saxon King at the Court of Saint-Stephen.—«Archivum Europae Centro-Orientalis», t. IV, fasc. 1—3. Budapest, 1938, p. 115—146.
A. F l i c h e_1. Le règne de Philippe I, Roi de France (1060—1108). Paris, 1912.
A. V. F l o r o v s k $ý_1$. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století). Praha, 1954.
K. F o r s t r e u t e r_1. Der Deutsche Orden und Südosteuropa.— «Kyrios», Bd. I, H. 3. Berlin, 1936, S. 245—272.
K. F o r s t r e u t e r_2. Preussen und Russland. Göttingen, 1955.
E. F r a n c e s_1. Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie en Bas-Danube.— BSl, v. XX, № 1, 1959, p. 50—62.
M. F r i e d b e r g_1. Ród Labędziów w wiekach średnich.— «Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie», r. VII, 1924—1925, Kraków, 1926, str. 1—100.
E. F r i e d m a n n_1. Der mittelalterliche Welthandel von Florenz in seiner geographischen Ausdehnung. Wien, 1912.
O. F r i e s e n_1. Ur Sigtunas äldsta historia.— «Upplands Förnminnesförenings Tidskrift», t. 26. Uppsala, 1910, s. 11—19.
W. F r i t z e. Ostrograd bei Adam von Bremen.— «Beiträge zur Namenforschung», Bd. I, H. 2. Heidelberg, 1949—1950, S. 201—204.
A. G a r d n e r_1. The Lascarids in Nicea. The Story of an Empire in Exile. London, 1912.

J. G a y₁. L'Italie méridionale et l'Empire Byzantin (867—1071). New York, 1904.
H. G e l z e r₁. Beiträge zur russischen Kirchengeschichte aus griechischen Quellen.— «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd. XIII. Gotha, 1892, S. 246—281.
A. G i e y s z t o r₁. Początki misji ruskiej biskupstwa lubuskiego.— «Nasza przeszłość», t. IV. Kraków, 1948, str. 83—102.
A. G i e y s z t o r₂. Polska a kraje niemieckie w średniowieczu.— «Z dziejów stosunków polsko-niemieckich». Warszawa, 1964, str. 10—28.
A. G i e y s z t o r₃. Les structures économiques en pays slaves à l'aube du moyen âge jusqu'au XI siècle et l'échange monétaire.— «Moneta e scambi nell'alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 455—484.
A. G i e y s z t o r₄. Local Markets and Foreign Exchanges in Central and East Europe before 1200.— KHKM, № 3, 1966, str. 761—777.
L. K. G o e t z₁. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.
L. K. G o e t z₂. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.
K. G o r s k i₁. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią. Lwów, 1875.
A. G o t t l o b₁. Die päpstlichen Kreuzzugssteuern des 13. Jh. Heiligenstadt, 1892.
A. F. G r a b s k i₁. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w początkach XI w.— SlO, t. VI, 1957, str. 164—211.
A. F. G r a b s k i₂. W przeddzień najazdu mongolskiego na Europe.— Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego.— «Nauki humanistyczno-społeczne», z. 30, Historia, 1963, str. 33—59.
A. F. G r a b s k i₃. Bolesław Chrobry. Zarys dziejów politycznych i wójskowych. Warszawa, 1964.
A. F. G r a b s k i₄. Polska w opiniach obcych X—XIIIw. Warszawa, 1964.
H. G r é g o i r e₁. La dernière campagne de Jean Tzimiskès contre les Russes.— B, v. 12, 1937, p. 267—276.
H. G r é g o i r e₂. Saint Théodore le Stratélate et les Russes d'Jgor.— B, v. 13, 1938, p. 291—300.
H. G r é g o i r e₃. L'histoire et la légende d'Oleg prince de Kiev.— «La nouvelle Clio», v. 4, Bruxelles, 1952, № 5—8, p. 280—287.
H. G r é g o i r e, P. O r g e l s₁. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople.— B, v. 24, 1954 (1955), p. 141—145.
H. G r é g o i r e, P. O r g e l s₂. La geurre russo-byzantine de 941.— B, v. 24, 1954 (1955), p. 155—156.
T. G r u d z i ń s k i₁. Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy środkowej i wschodniej (1075—1080).— RTNT, r. 62, 1957, z. 1. Toruń, 1959.
G. G y ö r f f y₁. Das Güterverzeichnis des griechischen Klösters zu Szavaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jh.— «Studia Slavica», t. V, 1—2. Budapest, 1959, S. 9—74.
G. G y ö r f f y₂. Az Árpádkori Magyaroszág történeti földrajz, I. k. Budapest, 1963.
G. G y ö r f f y₃. Zur Geschichte der Eroberung Ochrids durch Basileois II.— «Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 149—154.

H. H a g e n m e y e r₁. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100. Innsbruck, 1901.
D. P. H a m m e r₁. Russia and the Roman Law. — ASEER, v. I, 1957, p. 1—13.
M. H e l l m a n n₁. Vladimir der Heilige in der zeitgenossischen abendländischen Überlieferung. — JbGO, Bd. 7, H. 4, 1959, S. 397—412.
M. H e l l m a n n₂. Probleme des Feudalismus in Russland. — «Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen». Konstanz, 1960, S. 235—258.
M. H e l l m a n n₃. Die Heiratspolitik Jaroslavs des Weisen. — «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte», Bd. 8. Berlin, 1962, S. 7—25.
R. H e n n i n g₁. Der mittelalterliche arabische Handelsverkehr in Osteuropa. — «Islam», Bd. 22, H. 3. Berlin — Leipzig, 1935, S. 239—265.
A. H e r r m a n n₁. Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom um 10 nach Chr. Geb. Leipzig, 1922.
A. H e u s l e r₁. Niebelungensage und Niebelungenlied. Dortmund, 1922.
Z. H i l c z e r ó w n a₁. Przyczynki do handlu Polski z Rusią Kijowska. — «Przegląd Archeologiczny», t. 9, roczn. XXVI. Poznań, 1952, str. 8—23.
A. H o d i n k a₁. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916.
G. H o f m a n n₁. Papst Gregor VII und der christliche Osten. — «Studi Gregoriani», v. I. Roma, 1947, p. 169—181.
R. H o l i n k a₁. K česko-ruským vztahům v 10 stoleti. — «Sborník prací filosofické fakulty brněnské university», r. II, č. 1—2, 1953, str. 218—236.
W. H o l t z m a n n₁. Studien zur Orientpolitik des Reformpapsttums und zur Entstehung des ersten Kreuzzuges. —«Historische Viertel-jahrschrift», Bd. XXII. Dresden, 1925, S. 167—199.
W. H o l t z m a n n₂. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I und Papst Urban II im Jahre 1089. — «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 28, H. 1. Leipzig, 1928, S. 38—67.
E. H o n i g m a n n₁. Studies in Slavic Church History. The Foundation of the Russian Mitropolitan Church according to Greek Sources. — B, v. 17, 1944—1945, p. 128—162.
J. H o r v á t h₁. Az Árpádok diplomáciája. Budapest, 1931.
I. H r b e k₁. Die Slawen im Dienste der Fātimiden. — «Archiv Orientální», t. 21. Praha, 1953, str. 543—581.
I. H r b e k₂. Abū Hāmid al-Andalusí und sein Werk «Mu'rib». — «Archiv orientální», t. 23, 1—2. Praha, 1955, str. 109—135.
Sz. H u b e r b a n d₁. Źródła do historii Żydów w krajach słowiańskich ze specjalnym uwzględnieniem Polski i Rosju. — «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego». Warszawa, 1951, № 2, str. 16—46.
G. J a k o b₁. Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter. Leipzig, 1887.
G. J a k o b₂. Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe aus dem 9 und 10. Jh. Berlin — Leipzig, 1927.
Y. J a c o b s₁. [ed.] The Yews in Angevin England. London, 1893.

A. J e l a č i $č_1$. La description des voyages russes du moyen âge à Constantinople.— «Studi Bizantini e Neoellenici», t. 5. Roma, 1939, p. 473—481.
R. J e n k i n s_1. The Supposed Russian Attack on Constantinople in 907: Evidence of the Pseudo-Symeon.—Sp, v. 24, 1949, p. 403—406.
R. J e n k i n s_2. The Date of Leo VI' Cretan expedition.— «Mélanges St. Kyriakides». Saloniki, 1953.
P. J o h a n s e n_1. Die Bedeutung der Hanse für Livland.— HGbl, Bd. 65—66, 1940, S. 1—55.
P. J o h a n s e n_2. Nordische Mission, Revals Gründung und die Schwedensiedlung in Estland. Stockholm, 1951.
P. J o h a n s e n_3. Novgorod und die Hanse.—«Gedächtnisschrift für F. Rörig». Lübeck, 1953, S. 121—148.
P. J o h a n s e n_4. Umrisse und Aufgaben der hansischen Siedlungsgeschichte und Kartographie.— HGbl, Bd. 73, 1955, S. 1—105.
P. J o h a n s e n_5. Die Kaufmannskirche im Ostgebiet.— «Vorträge und Forschungen», hrsg. von T. Meyer, Bd. IV. Lindau — Konstanz, 1958.
F. J ó n s s o n. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie, t. I. København, 1920.
O. J u r e w i c z_1. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Russland in der zweiten Hälfte des 12. Jh.— «Byzantinische Beiträge», Berlin, 1964, S. 333—357.
P. K a l l m e r t e n_1. Lübische Bündnispolitik von der Schlacht bei Bornhöved bis zur dänischen Invasion unter Erich Menved (1227—1307) (Diss.). Kiel, 1932.
A. K a m i ń s k i_1. Z badań nad pograniczem polsko-rusko-jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny.— «Wiadomości archeologiczne», t. 23, z. 2, 1956, str. 131—168.
A. K a m i ń s k i_2. Wizna na tle pogranicza polsko-rusko-jaćwieskiego.— RB, t. I, 1961, str. 9—61.
A. K a m i ń s k i_3. Pogranicze polsko-rusko-jaćwieskie między Biebrzą i Narwia.— RB, t. IV, 1963, str. 7—41.
F. K a p l a n_1. The Decline of the Khazars and the Rise of the Varangians.— ASEER, v. 13, № 1, 1954, p. 1—10.
P. M. K e m p_1. Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Mediaeval Times to the October Revolution. Delhi, 1958.
S. K ę t r z y ń s k i_1. Ze studjów nad Gerwazym z Tilbury.— RPAU, ser. II, t. XXI, 1903, str. 152—189.
H. J. K i r f e l_1. Weltherrschaftsidee und Bündnispolitik. Untersuchungen zur auswärtigen Politik der Staufer. Bonn, 1959.
H. K o c h_1. Byzanz, Ochrid und Kiev (987—1037).— «Kyrios». Berlin, Bd. 3, 1938, S. 253—292.
L. K o c z y_1. Polska i Skandynawja za pierwszych Piastów. Poznań, 1934.
B. K o v a č e v i $č_1$. Srpski i hrvatski kulturni odnosi s Rusima i Ukrajincima.— «Preglad», св. 10, књ. 11. Сарајево, 1947, стр. 717—734.
S. K r a k o w s k i_1. Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII w. Warszawa, 1956.
A. K r a u s_1. Slované v literatuře staroněmecké do roku 1500.— «Slovanský sborník», ročnik V. Praha, 1886, str. 225—230.

E. Kucharski i E. Lewicki$_1$. Pzesza pieczyńska a stosunki polsko-ruskie w X i XI w.—«Księga referatów. II Międzynarodowy zjazd slawistów», sekcja III, sekcja IV. Warszawa, 1934, str. 44—48.

S. M. Kuczyński$_1$. Studia z dziejów Europy wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1965.

St. Kujot$_1$. Dzieje prus królewskich, cz. I (do r. 1309).— RTNT, t. XX—XXV, 1913—1918.

K. Kunze$_1$. Hanseaten aus England (1275—1412). Halle, 1891.

B. Kürbisówna$_1$. Dagome iudex — studium krytyczne.— «Początki Państwa Polskiego», t. I. Warszawa, 1962, str. 363—424.

E. Kválen$_1$. The early Norvegian Settlements on the Volga. Vienna, 1937.

G. Labuda$_1$. Wojna z Tatarami w roku 1241.— PH, t. 50, № 2, 1959, str. 189—224.

G. Labuda$_2$. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski. Poznań, 1960.

G. Labuda$_3$. Historiograficzna analiza t. zw. niemieckiego «Naporu na Wschod». Poznań, 1963.

G. Labuda$_4$. Fragmenty dziejów słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1964.

G. Laehr$_1$. Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte im 9. und 10. Jh. Berlin, 1930.

G. Lantzeff$_1$. Russian Eastward Expansion before the Mongol Invasion.— ASEER, v. 6, 1947, p. 1—10.

J. Ledit$_1$. Les origines occidentales de l'ancienne littérature kievienne.— «De Oriente» (OChr., t. 32, № 89). Rome, 1933, p. 180—214.

L. Leger$_1$. Notice sur l'évangéliaire Slavon de Reims, dit Texte du sacre. Reims, 1899.

B. Leib$_1$. Rom, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924.

L. Lemmens$_1$. Die Franziskanerkustodie Livland und Preussen. Düsseldorf, 1912.

L. Lemmens$_2$. Die Heidenmission des Spätmittelalters. Münster, 1919.

J. Lépissier$_1$. Les tolkoviny de la chronique de Kiev.— RÉS, t. 42, 1963, p. 107—108.

V. Letošnik$_1$. Obchodni styky ruskoněmecké ve středověku.— «Český časopis historický», ročn. XXV. Praha, 1919, str. 258—277 [рецензия на книгу: L. K. Goetz$_2$].

E. Lévi-Provençal$_1$. L'Espagne musulmane au Xe siècle. Paris, 1932.

T. Lewicki$_1$. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera», cz. I—II. Kraków, 1945—1954.

T. Lewicki$_2$. Ze studiów nad toponomastyką Rusi w dziele geografa arabskiego al-Idrisi'ego (XII w.).— «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», t. 48, 1947, str. 402—407.

T. Lewicki$_3$. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich.— SlA, t. 1, 1948, str. 321—388.

T. Lewicki$_4$. Bałtyk w opisach autorów arabskich IX—X w.— «Przegląd Orientalistyczny», zesz. I. Wrocław, 1948, str. 52—67.

T. L e w i c k i_5. Z dziejów pieniądza arabskiego w Europie wshodniej.— «Archeologia», t. III. Warszawa, 1949, str. 224—229, 436—438.
T. L e w i c k i_6. Nomenklatura geograficzna zachodniej Europy u średniowiecznych pisarzy arabskich.—«Sprawozdania z posiedzeń Tow-wa Naukowego Warszawskiego», wydz. I, rok 42, 1949, str. 164—166.
T. L e w i c k i_7. Ze studiów nad zródłami arabskimi, cz. I.— SlA, 1953, t. III, str. 136—178.
T. L e w i c k i_8. Osadnictwo słowiańskie i niewolnicy słowiańscy w krajach muzułmańskich według średniowiecznych pisarzy arabskich.— PH, t. 43, № 3—4, 1952, str. 473—491.
T. L e w i c k i_9. O cenach niektórych towarów na rynkach wschodniej Europy w IX—XI w.— KHKM, r. I, № 1—2, 1953, str. 112—130.
T. L e w i c k i_{10}. Znaczenie handlowe Drohiczyna nad Bugiem we wczesnym średniowieczu i zagadkowe płomby ołowiane, znalezione w tej miejscowości.— KHKM, r. IV, № 2, 1956, str. 289—297.
T. L e w i c k i_{11}. Arabskie legendy o kraju amazonek na północy Europy.— «Zeszyty Naukowe Universitetu Jagiellońskiego», № 13, filologia, zesz. 3, 1957, str. 283—307.
T. L e w i c k i_{12}. Żródła arabskie i hebrajskie do dziejów słowian w okresie wczesnego średniowiecza.—«Studia Żródłoznawcze», t. III. Poznań, 1958, str. 61—101.
T. L e w i c k i_{13}. Sur la ville comane de Qay.— «Vznik a počátky Slovanů», t. II. Praha, 1958, str. 13—18.
T. L e w i c k i_{14}. Il commercio arabo con la Russia e con i paesi slavi d'Occidente nei secoli IX—XI.— «Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli», Nuova Serie, vol. VIII. Roma, 1959, p. 47—61.
T. L e w i c k i_{15}. Z historii polskich badań nad żródłami arabskimi i hebrajskimi do dziejów Europy wschodniej w okresie średniowiecza.— «Studia historica w 35-lecie pracy naukowej H. Łowmiańskiego». Warszawa, 1958, str. 419—435.
T. L e w i c k i_{16}. Die Vorstellungen arabischer Schriftsteller des 9 und 10. Jahrhunderts von der Geographie und von den ethnischen Verhältnissen Osteuropas.— «Islam», Bd. 35. Berlin, 1960, S. 26—41.
T. L e w i c k i_{17}. Znajomość krajów i ludow Europy u pisarzy arabskich.— SlA, t. VIII, 1961, str. 61—124.
G. G. L i t a v r i n_1. A propos de Tmutorokan.— B, t. 25, 1965, p. 221—234.
A. L o b a n o f f d e R o s t o f f_1. Recueil de pièces historiques sur la reine Anne ou Agnès. Paris, 1825.
H. L o r e n z_1. Bertha und Praxedis, die beiden Gemahlinnen Heinrichs IV (Diss.). Halle, 1911.
H. Ł o w m i a ń s k i_1. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów.— PH, t. 41, 1950, str. 152—179.
H. Ł o w m i a ń s k i_2. Problematyka hystoryczna grodów czerwieńskich...— KH, roczn. 60, № 1, 1953, str. 58—85.
H. Ł o w m i a ń s k i_3. Paralelizm wczesnych dziejów Polski i Rusi.— «Pierwsza konferencja metodologiczna historików polskich», t. I. Warszawa, 1953, str. 219—220.
H. Ł o w m i a ń s k i_4. Lędziane.— SlA, t. IV, 1954, str. 97—116.

H. Łowmiański$_5$. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957.
G. Lozinskij$_1$. La Russie dans la littérature française du Moyen Age.— RES, v. 9, 1929, p. 71—88.
H. Ludat$_1$. Das «jerusalemer Kreuz» in Hildesheimer Domschatz — ein russisches Reliquiar.— «Archiv für Kulturgeschichte», Bd. 38, H 1. Münster — Köln, 1956, S. 63—91.
F. Macler$_1$. Arménie et Islande.— «Revue de l'histoire des religions», t. 87. Paris, 1923, p. 236—241.
K. Maleczyński$_1$. Boleslaw Krzywousty. Kraków, 1946.
T. Manteuffel$_1$. Papiestwo i cystersi. Warszawa, 1955.
M. Mathieu$_1$. Note sur le paragraphe 78 et la prise d'Otrante par un comte normand.— P. Lemerle. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kêcauménos. Bruxelles, 1960, p. 107—108.
J. Matuszewski$_1$. O biskupstwie lubuskim.— «Czasopismo prawno-historyczne», t. II. Poznań, 1949, str. 29—139.
G. Meyer v. Knonau$_1$. Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich IV. und Heinrich V, Bd. I—IV (1056—1096). Leipzig, 1890—1903.
S. Mikucki$_1$. Etudes sur la diplomatique russe la plus ancienne. I. Les traités byzantino-russes du Xe siècle.—«Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres». Classe de Philologie, Classe d'Histoire et de Philosophie, № 40, Suppl. 7. Cracovie, 1953, p. 1—40.
S. Mikucki$_2$. Remarques sur la diplomatique russe de X[e] et XIe siècles.— «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», № 26, Prace Historyczne, zesz. 4. Kraków, 1960, str. 137—145.
V. F. Minorsky$_1$. The Middle East in Western Politics in the 13th, 15th and 17th centuries.— «Journal of the Royal Central Asian Society», t. 27, pt. IV, London, October 1940, p. 427—461.
V. F. Minorsky$_2$. Caucasica III. The Alan Capital* Magas and the Mongol Compaigns.— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», v. 14, pt. 2, 1952, p. 221—238.
G. Moravcsik$_1$. Pour une alliance byzantino-hongroise.— B, v. VIII, fasc. 2, 1933, p. 555—568.
G. Moravcsik$_2$. Byzantinoturcica. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker, Bd. I, 2. Aufl. Berlin, 1958 (см. рецензию А. П. Каждана — ВВ, т. 16, 1959, стр. 271—286).
G. Moravcsik$_3$. Byzánc és a magyarság. Budapest, 1953.
G. Moravcsik$_4$. The principles and methods of Byzantine diplomaty.—«Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines», t. I. Beograd, 1963, p. 301—341.
L. Musset$_1$. Les peuples scandinaves au moyen âge. Paris, 1951.
G. E. Müller$_1$. Die Ursachen der Vertreibung des deutcshen Ordens aus dem Burzenlande und Komanien im Jahre 1225.— «Korrespondenzblatt des Vereins für siebenbürgische Landeskunde», Jg. 48, N 6—8. Hermannstadt, 1925, S. 41—68.
L. Müller$_1$. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln — Braunsfeld, 1959.

B. Norman$_1$. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jungeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.
A. Neubauer und M. Stern$_1$. Hebräische Berichte über die Judenverfolgungen während der Kreuzzüge. Berlin, 1892.
P. Nolte$_1$. Der Kaufmann in der deutschen Sprache und Literatur des Mittelalters. Göttingen, 1909.
V. Novotný$_1$. České dějiny, t. I (1,2). Praha, 1928.
D. Obolensky$_1$. Russia's Byzantine Heritage.— OSP, v. I, 1950, p. 37—63.
D. Obolensky$_2$. Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in ecclesiastical Relations.— DOP, v. XI, 1957, p. 21—78.
D. Obolensky$_3$. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.— «Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines», t. I. Beograd, 1963, p. 45—61.
W. Ohnsorge$_1$. Abendland und Byzanz. Weimar, 1958.
H. Oldekop. Die Anfänge der katholischen Kirche bei den Ostseefinnen. Reval, 1912.
D. Oljančyn$_1$. Zur Regierung des Großfürsten Izjaslav-Demeter von Kiev (1054—1078).— JbGO, Bd. 8, H. 4, 1960, S. 397—410.
K. Onasch$_1$. Zur Vita Antonijs «des Römers».— «Orbis scriptos D. Tschiževski zum 70 Geburtstag». München, 1966, S. 581—585.
J. A. Oppermann$_1$. The English Missionaries in Sweden and Finland. London, 1937.
G. Ostrogorsky$_1$. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1952.
G. Papp$_1$. I monaci dell'ordine di S. Basilio in Ungheria nel secolo XIII.— «Analecta Ordinis S. Basilii Magni», Series II, v. I (VII), fasc. 1. Roma, 1949, p. 41—45.
V. Parisot$_1$. Livre XXXVII de l'Histoire Romaine de Nicéphore Gregoras. Paris, 1851.
Gy. Pauler$_1$. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt, I. k. Budapest, 1899.
I. Paulson$_1$. Die Woten. Aus der Geschichte eines erloschten ostfinnischen Volkes. — «Baltische Hefte», Jg. 8, H. 2. Hannover, 1962, S. 96—105.
J. Peisker$_1$. Die alten Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. — VSW, Bd. III. Berlin, 1905, S. 187—360, 465—533.
H. Pelzer$_1$. Friedrichs I. von Hohenstaufen Politik gegenüber Dänemark, Polen und Ungarn (Diss.). Leipzig, 1906.
F. Persowski$_1$. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X—XI w. Wrocław, 1962.
M. Petrescu-Dîmbovița$_1$. Slóvanské sídliská v Moldavskej oblasti Rumunuska.—«Slovenská Archeologia», t. VI (1). Bratislava, 1958, str. 209—222.
N. Pfeiffer$_1$. Die ungarische Dominikanerordenprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenverwüstung 1241—1242. Zürich, 1913.
M. Plezia$_1$. Palatin Piotr Włastowicz. Warszawa, 1947.
A. L. Pogodin$_1$. Der Bericht der russischen Chronik über die Gründung des russischen Staates. — «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte», NF, I, 1931, S. 194—214.

W. P o l k o w s k a - M a r k o w s k a₁. Dzieje Zakonu Dobżyńskiego. — «Roczniki Historyczne», roczn. II, zesz. 2. Poznań, 1926, str. 145—210.
N. P o l o n s k a - V a s y l e n k o₁. Ukraine — Ruś and Western Europe in 10th—13th centuries. London, 1964.
A. P o p p e₁. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi, cz. I (Początki mitropolii i sprawa archikatedry). — PH, t. 55, zesz. 3, 1964, str. 369—391; cz. II (Mitropolia perejaslawska. Traktat o azymach). — PH, t. 55, zesz. 4, 1964, str. 557—572; cz. III (Mitropolia Czernihowska). — PH, t. 56, zesz. 4, 1965, str. 557—569.
A. P o p p e₂. Opowieść latopisarska o wyprawie «na greków» w 1043 roku. — SlO, № 4, 1967, str. 349—362.
R. P o r t a l₁. Quelques problèmes d'histoire russe et slave. — «Revue historique», t. 199. Paris, janvier-mars, 1948, p. 56—80.
V. M. P o t i n₁. Seltene Münzen des niederlothamingischen und friesischen Raumes aus dem 10—12 Jh. — «Hamburger Beiträge zur Numismatik», H. 17, 1963, S. 483—493.
A. P o t t h a s t₁. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters (375—1500), Bd. I—II. Berlin, 1895—1896; «Repertorium fontium historiae medii aevi», v. I. Series collectionum. Romae, 1962; v. II. Fontes. A—B. Romae, 1967.
O. P r i t s a k₁. Eine altaische Bezeichnung für Kiew. — «Islam», Bd. 32, H. 1. Berlin, 1955, S. 1—13.
H. P r u t z₁. Die Beziehungen des Deutschen Ordens im Heiligen Lande. Leipzig, 1877.
H. P r u t z₂. Die Anfänge des Deutschen Ordens in Preussen und seine Beziehungen zum Heiligen Lande. — AM, Bd. 15 (81), 1878, S. 1—26.
E. P u t t k a m e r₁. Die polnisch-ungarische Grenze im Mittelalter. — JbGO, Bd. 4, H. 4, 1956, S. 369—386.
H. R a a b₁. Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum... — «Wissenschaftliche Zeitschrift der E. M. Arndt-Universität Greifswald. Gesellsch. und sprachwiss. Reihe», Jg. V, 1955—1956, S. 339—402.
H. R a a b₂. Zur Tradition der deutsch-russischen Wechselseitigkeit im Ostseeraum. — Ibid., Jg. VII, 1957—1958 (оттиск).
W. R a u d o n i k a s₁. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.
G. R h o d e₁. Die Ostgrenze Polens, Bd. I. Köln — Graz, 1955.
A. V. R i a s a n o v s k y₁. The Embassy of 838 Revisited: Some Comments in Connection with a «Normanist» Source on Early Russian History. — JbGO, Bd. 10, H. 1, 1962, S. 1—12.
A. V. R i a s a n o v s k y₂. «Runaway Slaves» and «Swift Danes», in Eleventh-Century Kiev. — Sp., v. 39, № 2, 1964, p. 288—297.
B. R o h w e r₁. Der friesische Handel im frühen Mittelalter (Diss.). Leipzig, 1937.
W. R o t h₁. Die Dominikaner und Franciskaner im Deutsch-Ordensland Preußen bis zum Jahre 1466. Königsberg, 1918.
M. J. R o u e t d e J o u r n e l₁. Three papal nuncios in Russia. — «Thought», v. 28, № 110. New York, 1953, p. 325—353.
R. R ö h r i c h t₁. Zur Korrespondens der Päpste mit den Sultanen und Mongolenchanen des Morgenlandes im Zeitalter der Kreuz-

züge. — «Theologische Studien und Kritiken», H. 1. Gotha, 1891, S. 359—369.
R. R ö h r i c h t$_2$. Geschichte des Königreiches Jerusalem (1100—1291). Innsbruck, 1898.
F. R ö r i g$_1$. Die Schlacht bei Bornhöved 1227. — «Zeitschrift des Vereins für lübische Geschichte und Altertumskunde», Bd. 24. Lübeck, 1926—1928, S. 291—299.
F. R ö r i g$_2$. Heinrich der Löwe und die Gründung Lubecks. — «Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters», Bd. I. Weimar, 1937, S. 408—456.
F. R ö r i g$_3$. Reichsymbolik auf Gotland. Heinrich der Löwe, «Kaufleute des Römischen Reichs», Lübeck, Gotland und Riga. — HGbl, Bd, 64, 1940, S. 1—67.
E. R y d z e v s k a j a$_1$. Ein skandinavischer Beinahme in einer russischen Chronik. — ZfSlPh, Bd. 8, H. 1—2, 1931, S. 102—108.
G. S a c k e$_1$. Varjag und Kolbjag in der «Russkaja Pravda». — ZfSlPh, Bd. 17, H. 2, 1941, S. 284—291.
C. d e S a i n t A y m o u r$_1$. Anne de Russie, reine de France et comtesse de Valois au XIe siècle. Paris, 1896.
P. S a w y e r$_1$. The Age of the Vikings. London, 1962.
K. S c h i f f m a n$_1$. Die Zollenkunde von Raffelstetten. — «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung», Bd. 37. Innsbruck, 1917, S. 481—488.
G. S c h l u m b e r g e r$_1$. Byzance et les Croisades. Paris, 1927.
W. S c h l ü t e r$_1$. Adamus von Bremen geographische Vorstellung. — HGbl, Bd. 16, 1910, S. 530—570.
B. S c h m e i d l e r$_1$. Hamburg — Bremen und Nordost-Europa vom 9. bis 11. Jh. Leipzig, 1918.
H. F. S c h m i d$_1$. Die recthlichen Grundlagen der Pfarrorganisation auf westslavischem Boden und ihre Entwicklung während des Mittelalters. Weimar, 1938.
H. G. S c h r o e d e r$_1$. Der Handel auf der Düna im Mittelalter. — HGbl, Bd. 23, H. 1, (1917) 1918, S. 23—156.
A. S c h u l t z$_1$. Das höfische Leben zur Zeit der Minnessinger, Bd. I. Leipzig, 1889.
H. G. S e e g e r$_1$. Westfalens Handel und Gewerbe vom 9. bis zum Beginn des 14. Jh. Berlin, 1926.
A. S e m k o w i c z$_1$. Rozbior krytyczne Dziejów Polski Jana Długosza. Kraków, 1887.
I. Š e v č e n k o$_1$. The civitas Russorum and the alleged falsification. of the latin Excommunication bull by Kerullarios. — «Actes de XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 203—212.
S i m o è s d e P a u l a$_1$. O comercio varegue eh Grào — Principado de Kiev. Sào Paulo, Brasil, 1942.
D. S i n o r$_1$. Un voyageur du treizième siècle: le dominicain Julien de Hongrie. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London», v. XIV, pt. 3, 1952, p. 589—602.
D. S i n o r$_2$. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Archoun et de Béla IV. — «Cahiers d'Histoire Mondiale», v. III, 1. Neuchâtel, 1956, p. 39—62.
J. S k r z y p e k$_1$. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i grodów Czerwieńskich. Warszawa, 1962.

K. Ślaski$_1$. Pomorskie szlaki handlowe w XII i XIII w.— PZ, ročn. IV, № 3, 1948, str. 285—290.
S. Smolka$_1$. Mieszko Stary i wiek jego. Warszawa, 1881.
A. V. Soloviev$_1$. Histoire du monastère russe au Mont Athos.— B, v. 8, 1933, p. 213—238.
A. V. Soloviev$_2$. Hê exô Rhôsia.— B, v. 13, 1938, p. 227—232.
A. V. Soloviev$_3$. Der Begriff «Rußland» im Mittelalter.— «Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas», Bd. 2. Graz — Köln, 1956, S. 143—168.
A. V. Soloviev$_4$. Le nom byzantin de la Russie. S.-Gravenhage, 1957.
A. V. Soloviev$_5$. «Mare Russiae».— «Die Welt der Slaven», Bd. IV. Wiesbaden, 1959, S. 1—12.
A. V. Soloviev$_6$. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? — «Akten des XI. Internationalen byzantinischen Kongresses». München, 1960, S. 569—580.
A. V. Soloviev$_7$. Marie, fille de Constantin IX Monomaque.— B, v. 33, 1963, p. 241—248.
A. Soloviev$_8$. «Reges» et «Regnum Russiae» au moyen âge.— B, v. 36, 1966, p. 144—173.
I. Sorlin$_1$. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle.— CRS, 1961, v. 2, № 3, p. 312—360; № 4, p. 447—475.
I. Sorlin$_2$. Le témoignage de Constantin VIII Porphyrogénète sur l'état éthnique et politique de la Russie au début du X-e siècle. — CRS, 1965, v. 6, № 2, p. 147—188.
A. Spekke$_1$. The Ancient Amber Routes and the geographical Discovery of the Eastern Baltic. Stockholm, 1957.
B. Spuler$_1$. Die Ostgrenze des Abendlandes und die orthodoxe Kirche.— «Die Welt als Geschichte». Stuttgart, 1954, H. 1, S. 17—26.
A. Stender-Petersen$_1$. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Leipzig, 1934.
A. Stender-Petersen$_2$. Varangica. Aarhus, 1953.
A. Stender-Petersen$_3$. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen.— «Relationi del Xe Congresso Internazionale di scienze storiche», v. III. Firenze, 1955, p. 165—188.
A. Stender-Petersen$_4$. Russian Studies. København, 1956.
A. Stender-Petersen$_5$. Der älteste russische Staat.— HZ, Bd. 191, H. 1, 1960, S. 1—17.
W. Stieda$_1$. Zur Sprachenkenntniss der Hanseaten.— HGbl, Bd. 5, 1884, S. 157—161.
A. D. Stokes$_1$. The Background and Chronology of the Balcan Campaigns of Svaytoslav Igorevich.— SEER, v. 39, 1960—1961, p. 44—57.
A. D. Stokes$_2$. The Balkan Campaigns of Svaytoslav Igorevich.— SEER, v. 41, 1962, p. 466—496.
G. Stökl$_1$. Russische Geschichte von Anfängen bis Gegenwart. Stuttgart, 1962.
G. Stökl$_2$. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Köln, 1966.
R. Stupperich$_1$. Kiev — das zweite Jerusalem. Ein Beitrag zur Geschichte des ukrainisch-russischen Nationalbewußtseins.— ZfSlPh, Bd. 12, H. 3—4, 1935, S. 332—354.

I. S w i e ń c i c k y j$_1$. Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz.— «Studi Byzantini e Neoellenici», v. 5. Roma, 1939, p. 322—326.
W. S z c z e ś n i a k$_1$. Rzekoma bytność legatów papieża Leona IX na Rusi w 1054 r.— PH, 1906, t. III, 2, str. 162—176.
M. T a u b e$_1$. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands.— «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», NF, Bd. XI, H. 3—4. Breslau, 1935.
M. T a u b e$_2$. Internationale und kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum und Russland zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands.— JbGO, Jg. 3, H. 1. Breslau, 1938, S. 11—46.
M. T a u b e$_3$. Rome et la Russie avant l'invasion des tatars (IXe — XIIIe siècles). Paris, 1947.
V. T e r r a s$_1$. Leo Diaconus and the ethnology of Kievan Ruś.— «Slavic Review», v. 24, 1965, № 3, p. 395—406.
M. T u m l e r$_1$. Der deutsche Orden. Wien, 1954.
O. J. T u u l i o (T a l l g r e n)$_1$. Du noveau sur Idrisi. Helsinki, 1936.
J. U m i ń s k i$_1$. Śmierć Leszka Białego.—«Nasza Przeszłość», t. II. Kraków, 1947, str. 3—36.
B. O. U n b e g a u n$_1$. Le nom des Ruthènes slaves.— «Annuaires de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. X. Bruxelles, 1950, p. 611—618.
A. V a s i l i e v$_1$. Economic Relations between Byzantium and old Russia.— «Journal of Economic and Business History», v. IV, № 2. Harvard, 1932, p. 314—334.
A. V a s i l i e v$_2$. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? — Sp, v. VII, № 3, 1932, p. 350—360.
A. V a s i l i e v$_3$. Histoire de l'Empire Byzantin, t. II. Paris, 1932.
A. V a s i l i e v$_4$. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946.
A. V a s i l i e v$_5$. The Second Russian Attack on Constantinople.— DOP, v. 6, 1951, p. 161—225.
M. V a s m e r$_1$. Wikingerspuren in Rußland.— «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften (philosophisch-historische Klasse)», Bd. 21. Berlin, 1931, S. 649—674.
M. V a s m e r$_2$. Bezeichnungen fremder Länder im Russischen.— «Slavistiche Veröffentlichungen». Osteuropa Institut an der freien Universität, Bd. 6. Berlin, 1954, S. 297—300.
R. V a s m e r$_1$. Beiträge zur muchammedanischen Münzkunde. I. Die Münzen der Abu Daududen.— NZ, Bd. 58, 1925, S. 49—62.
R. V a s m e r$_2$. Beiträge zur muchammedanischen Münzkunde. II. Über die Münzen der Wolgabulgarien.— NZ, Bd. 58, 1925, S. 63—84.
G. V e r n a d s k y$_1$. Relations byzantino-russes au XII siècle.— B, v. 4 (1927—1928), 1929, p. 272—279.
G. V e r n a d s k y$_2$. The Byzantine-Russian war of 1043.— «Südostforschungen», Bd. 12. München, 1953, S. 47—67.
H. G. V o i g t$_1$. Brun von Querfurt. Stuttgart, 1907.
D. P. W a l e y$_1$. Papal Armies in the Thirteenth Century.— «The English Historical Review», v. 72, № 282, London, January, 1957, p. 1—30.
G. F. W a r d$_1$. The English Danegeld and the Russian Dań.— ASEER, v. 13, № 3, 1954, p. 299—318.

K. E. Wädekin$_1$. Nibelungenlied und deutsch-russische Beziehungen im Mittelalter.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 73. Halle (Saale), 1951, S. 284—304.
W. Weidlé$_1$. Some common Traits in early Russian and Western Art.— OSP, v. IV, 1953, p. 17—37.
R. Wenskus$_1$. Studien zur historisch-politischen Gedankenwelt Brunns von Querfurt. Münster — Köln, 1956.
M. Wertner$_1$. Glossen zur Genealogie der Arpaden. Berlin, 1887.
M. Wertner$_2$. Boris und Rostislav. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarischen Beziehungen. Berlin, 1889.
M. Wertner$_3$. A középkori délszláv uralkodók genealogiai története. Temesvár, 1891.
M. Wertner$_4$. A magyar nemzetségek a XIV. század középig. Temesvár, I. k., 1891; II. k., 1892.
M. Wertner$_5$. Az Árpádok családi törtenété. Nagybecskerek, 1892.
M. Wertner$_6$. Die Regierung Belas des Vierten.— «Ungarische Revue», Yg. XIII, Budapest, 1893, S. 129—155, 241—271, 350—389, 449—505.
B. Widera$_1$. Die gegenseitige Beziehungen zwischen Deutschland und Kiever Ruś in der ersten Hälfte des 11. Jh. (Diss.), 1952 (Maschinenschrift. Institut für Geschichte der Völker der UdSSR. Humboldt-Universität zu Berlin, W 54/3).
B. Widera$_2$. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiever Ruś in der ersten Hälfte des XI Jh.— ZfG, Beiheft 1. Berlin, 1954, S. 3—39.
B. Widera$_3$. Jaroslaws der Weisen Kampf um die kirchliche Unabhängigkeit von Byzanz.—«Aus der byzantinischer Arbeit der DDR», Bd. I. Berlin, 1957, S. 158—175.
B. Widera$_4$. Das früheste Dokument zur deutschen Russlandkunde.— ZfS, Bd. 2, H. 1, 1957, S. 94—103.
B. Widera$_5$. Brun von Querfurt und Rußland.— JGSV, Bd. 3, 1959, S. 365—381.
B. Widera$_6$. Die politischen Beziehungen der Kieven Ruś zu Deutschland in der ersten Hälfte des 11. Jh.— JGSV, Bd. 5, 1961, S. 235—245.
B. Widera$_7$. Zur Normannenfrage in Osteuropa.— JGSV, Bd. 6, 1962, S. 423—432.
B. Widera$_8$. Die politischen Beziehungen zwischen der Ruś und Deutschland zur Zeit der Staufer.—JGSV, Bd. 9, 1966, S. 203—225.
B. Widera$_9$. 400 Jahre politische Beziehungen zwischen der Ruś und Deutschland in der Zeit vor dem Mongoleneinfall.— «Festschrift für E. Winter». Berlin, 1966, S. 28—32.
B. Widera$_{10}$. Byzanz und Beziehungen zwischen Großfürsten der Ruś, Staufen und den Päpsten. 1157—1207.— «Studia Byzantina». Halle — Wittenberg, 1966, S. 13—26.
A. Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa$_1$. Ze studiów nad politiką polską na Rusi na przełome XII i XIII w.— «Ateneum Wileńskie», t. 12, 1937, str. 1—35.
E. Winter$_1$. Russland und das Papsttum, Bd. I. Berlin, 1960.
B. Włodarski$_1$. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925.
B. Włodarski$_2$. Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich. Lwów, 1936.
B. Włodarski$_3$. Rywalisacja o ziemie pruskie w połowe XII w.— RTNT, r. 61, zesz. 1, 1958, str. 9—35.

B. W ł o d a r s k i$_4$. Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich.— «Zapiski Historyczne TNT», wydział nauk hist., prawn. i społecznych, t. XXIV, zesz. 2—3, 1959.
B. W ł o d a r s k i$_5$. Polska i Ruś, 1194—1340. Warszawa, 1966.
B. W ł o d a r s k i$_6$. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102—1138).— «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika». Nauki humanistyczno-społeczne, zesz. 20, Historia II. Toruń, 1966, str. 37—57.
«Wshodnia ekspansja Niemiec w Europie Środkowej». Ed. G. Labuda. Poznań, 1963.
A. H. Y o i s s e t$_1$. Senlis-ville historique et archéologique. Paris, 1949.
E. Y o r a n s o n$_1$. The Problem of the Spurious Letter of Emperor Alexius.— «American Historical Review», v. 55, № 4. Richmond, 1950, p. 811—832.
W. Z a j i k i n$_1$. Chrześcijaństwo w Europe wschodniej od czasów apostolskich do księcia Igora Starego. Warszawa, 1926.
W. Z a j i k i n$_2$. Ustrój prawny kościoła ruskiego (wschodnio-słowiańskiego) w okresie przedtatarskim. Lwów, 1936.
W. Z a j i k i n$_3$. Zarys dziejów ustroju kościoła wschodnio-słowiańskiego, I (Podział na okresy). Lwów, 1939.
J. Z a t k o$_1$. The Union of Suzdal.— «The Journal of ecclesiastical History», v. 8, № 1, London, April 1957, p. 33—52.
A. Z e k i V a l i d i (T o g a n)$_1$. Ibn Fadlan's Reisebericht.— «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», Bd. 24, III. Leipzig, 1939.
A. Z e k i V a l i d i (T o g a n)$_2$. Völkerschaften des Chazarenreiches im 9. Jh.— «Körösi Csoma-Archivum», Bd. 3. Budapest, 1940, S. 40—76.
A. W. Z i g l e r. Papst Gregor VII und der kijewer Grossfürst Izjaslav.— «Studi Gregoriani», v. 1. Roma, 1947, p. 387—411.
H. Z i m m e r m a n n$_1$. Die päpstliche Legation in der ersten Hälfte des 13. Jh. Paderborn, 1913.
E. Z ö l l n e r$_1$. Rugier oder Russen in der raffelstettener Zollurkunde.— «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung», Bd. 60, H. 1—3. Graz — Köln, 1952, S. 108—119.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ *

Б Е З А Н Т. Безант — золотой византийский солид и подражания ему, распространившиеся в Западной Европе в результате крестовых походов. См. также «золотой».

Г Р И В Н А. Гривна — денежно-весовая и счетно-денежная единица в средние века в славянских странах. В государствах Средней и Северной Европы носила название марки. Слово «марка» засвидетельствовано в англосаксонских источниках уже в IX в., но в качестве сформировавшейся денежно-весовой единицы появляется позже, сначала в Скандинавии, а затем в Германии (с первой половины XI в.). В Древней Руси гривна известна с X в. (по В. Л. Янину, даже с первых веков нашей эры). В Польше такое название появляется только в XIV в., сменяя термин «марка»; как денежно-весовая единица польская гривна возникла, однако, во второй половине XI в., вероятно около 1070 г., что устанавливается нумизматическим путем. Чешская гривна также известна в XI в.

Гривна как денежно-весовая единица встречается в источниках под названием гривны серебра (в западных источниках marca argenti), а в современных исследованиях называется весовой гривной (маркой). Гривна в качестве счетно-денежной единицы в древнерусских источниках обычно обозначена как гривна кун, на Западе — marca denariorum. Гривна, или марка, названная без уточняющих определений, может быть как гривной серебра, так и гривной кун, в зависимости от контекста источника.

Вопрос происхождения гривны, ее отношения к фунту, весовое содержание серебра в ней, несмотря на значительное количество исследований, еще недостаточно ясен. В. Л. Янин — один из последних исследователей вопроса — различает древнейшую русскую гривну — счетную единицу в 68,22 г серебра. В середине X в. возникают денежно-весовые системы, особые для северной и южной Руси. Северорусская счетная гривна была равна 51,19 г; южная, связанная с малой византийской литрой (фунтом), — весом 81,86 г. Вес северной и южной гривен серебра (древнерусских слитков) определяется как 164 и 204 г. Если источники специально не оговаривают, что имеется в виду гривна золота, то все данные в гривнах подразумевают расчеты в серебре.

Вес некоторых местных марок:

Венгрия, Эстергом — 245,54 г.

Германия, Кёльн — первоначально около 204 г., затем около 229 г, в XIII—XIV вв.— 233,81 г.

---

* *Написан В. М. Потиным.*

Германия, Регенсбург — 245,58—246,14 г.
Германия, Эрфурт — 234,75—235,40 г.
Польша — 213 г. (XI в., по новейшим подсчетам С. Суходольского.)
Скандинавия — 211 — 218 г.
Чехия — 210 г. (XI в., по новейшим подсчетам П. Радомерского.)

ДЕНАРИЙ. Денарий — важнейшая монета европейских государств в средние века. В различных странах носил свои местные названия: в Англии — пенни, в Германии — пфенниг, во Франции — денье и т. д. В VIII—XIII вв. серебряный денарий был почти безраздельно господствующей монетой в большинстве европейских стран. С конца X в. до второй четверти XII в. денарии активно участвовали в экономической жизни Древней Руси. В кладах на древнерусской территории особенно много денариев прирейнской Германии, Фризии, Англии. Обычный вес денариев от 1 до 1,5 г, хотя имеются среди них экземпляры более тяжелые и более легкие (особенно фризские денарии). См. также «фунт».

ДИНАР. Динар — золотая монета арабской монетной системы. Внешне обычно мало отличалась от дирхема (см.). В конце VII в. вес динара равнялся 4,25 г, т. е. соответствовал примерно весу византийского солида (см. «золотой», «шеляг»). Позже вес и качество золота динаров были не всегда одинаковы. Вес аббасидских и саманидских динаров был от 3,45 до 4,7 г. Динары сельджуков собрания Государственного Эрмитажа весят 3,16; 3,60; 4,27; 4,53; 4,58 г; они изготовлялись из металла различного качества.

ДИРХЕМ. Дирхем — серебряная монета арабской монетной системы. Вес дирхема неодинаков для различных территорий и веков. С конца VIII в. дирхемы в значительных количествах начинают поступать в Восточную Европу, где играют важную роль в экономической жизни вплоть до конца X — начала XI в. Обращение дирхема в Восточной Европе принято делить на четыре периода. В третий период (900—938) дирхемы по своему весу распадаются на две группы: 1) дирхемы весом 2,73 г и 2) дирхемы весом около 3,41 г. В этот и четвертый периоды преобладают саманидские дирхемы, но в последнем периоде наблюдается значительное разнообразие весовых норм дирхема. Здесь группы дирхемов старого веса 2,8—3,1 г и около 3,65 г. Средний вес дирхемов саманида Нуха (943—954) — около 3,49 г (при колебаниях от 2,6 до 4,6 г), средний вес группы буидских дирхемов, хранящихся в Эрмитаже,— 3,83 г (при колебаниях от 2,3 до 6,1 г).

ЗОЛОТОЙ. Под золотым можно понимать несколько различных золотых монет: 1) византийский солид сначала около 4,5 г, в XI в. немногим более 4 г; 2) древнерусский златник, чеканившийся при Владимире Святославиче по весовым нормам византийского солида. Примерно такой же вес (несколько более 4 г) имел и динар, чеканившийся в странах Арабского халифата (см. «динар»). Однако золотые динары крайне редки в находках на территории Древней Руси.

КЕНТИНАРИЙ — κεντηνάριον, иногда κεντηνάριος от латинского centenarius, т. е. сотня. Слово встречается в позднегреческих и византийских источниках и означает 100 римских литр. 1 литра равна 76 номисмам (солидам).

МИЛИАРИСИЙ. Милиарисий — византийская серебряная монета. Как говорит само название, равнялся тысячной доле золотого фунта. Чеканка ранних милиарисиев (с VII в.) не имела большого значения, вес этих милиарисиев неоднократно менялся. Значительно важнее (особенно для Руси) была чеканка поздних милиарисиев, прежде всего при Василии II и Константине VIII. Обычный вес милиарисиев этого времени — около 3 г, но имеются монеты и несколько меньшего веса. Наплыв на Русь милиарисиев названных императоров совпадает с так называемым кризисом восточного серебра и возросшей потребностью Древнерусского государства в монете. Характерно, что на территории самой Византии кладов милиарисиев X—XI вв. нет.

САЙГА. Сайга — счетно-денежная единица, наиболее рано упоминающаяся в Алеманнской правде (первая четверть VIII в.), по которой она равна $^1/_4$ золотого тремисса или одному денарию. Несколько позже в Баварской правде говорится о сайге, равной трем денариям. В некоторых источниках того же столетия сайга приравнивается к еще большему количеству денариев.

ТРЕМИСС. Тремисс — $^1/_3$ солида в позднеримское время и в денежных системах так называемых варварских государств, вес около 1,5 г.

ФУНТ. Фунт (либра, литра, талант) — единица веса. В позднеримское время и в Византийской империи либра равнялась 327,45 г. В Европе в каролингское время и позже господствовал так называемый каролингский фунт, равный приблизительно 408 г (такой же вес имел и восточный багдадский фунт). В XI в. фунт при взвешивании благородных металлов и в монетном деле стал вытесняться маркой (гривной). См. также «гривна».

В южной Руси могли пользоваться малой византийской литрой, в северной — общеевропейским фунтом, который был, вероятно, наиболее распространенной единицей веса на территории всей Восточной Европы.

В счетно-денежном фунте было 240 денариев. Вес денария как монеты был различен. Например, в Регенсбурге серебряный денарий весил от 1 до 1,6 г.

ШЕЛЯГ. Летописный шеляг (шляг) не получил достаточно убедительного объяснения. Полагают, что под шелягом надо понимать византийский золотой солид (Н. Бауер), что шеляг — счетная (но не монетная) единица, употреблявшаяся для исчисления податей в мехах или сельскохозяйственных продуктах (С. Шодуар). Слово шеляг свидетельствует о его происхождении не от латинского solidus, а от германского schilling, scilling. Монета такого номинала чеканится в Англии, Германии и Скандинавских странах только с XIV—XV вв., до этого времени шиллинг — счетно-денежная единица в 12 денариев (см.) и денежно-весовая единица (фунт равен 20 шиллингам по 12 денариев; см. «фунт»). Таким образом, летописный шеляг был или византийским золотым солидом или денежно-весовой единицей, хорошо известной большинству стран Европы. Учитывая летописные даты — 885 и 964 гг., когда западноевропейские денарии на Русь еще не поступали, серебро, отсчитывавшееся шиллингами, могло быть самого различного рода: дирхемы, украшения, лом и т. д.

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РУССКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ С ИНОСТРАННЫМИ ДВОРАМИ (табл. 1—8)*

Киев до 1097 г.

Таблица 1

- 1. Владимир Святославич, в. кн. киевский, † 15.VII.1015 ∞ I среди многих жен:
  а) болгарыня,
  б) чешка,
  в) гречанка,
  г) Рогнеда — дочь норманского князя полоцкого Рогволода
  ∞ II 990 Анна, дочь византийского императора Романа, † 1011
  ∞ III (?) около 1112 N дочь немецкого графа Куно фон Эннинген, † после 14.VIII.1018
  - 2. от в) Святополк, в. кн. киевский, * 997, † 1019, ∞ 1013 N дочь польского короля Болеслава I
  - 3. N дочь, ∞ (?) маркграф норманский Бернгард
  - 4. Премислава, ∞ (?) герцог венгерский Ласло Сар
  - 5. от III (?) Добронега-Мария, * после 1011, † 1087, ∞ ок. 1042 польский король Казимир I Пяст
  - 6. Ярослав I, в. кн. киевский, † 20.II.1054, ∞ II 1019 Ингигерда, † 10.II.1050, дочь шведского короля Олафа
    - Владимир, кн. новгородский — см. табл. 3
    - 7. Изяслав I, в. кн. киевский, * 1024, † убит 3.X.1078, ∞ ок. 1042 Гертруда, † 4.I.1047, дочь польского князя Мешко II — см. табл. 6
    - 8. Анастасия-Агмунда, ∞ ок. 1046 венгерский король Андрей I
    - 9. Святослав II, в. кн. киевский, * 1027, † 27. XII.1076, ∞ Ода, дочь немецкого графа Леопольда фон Штаде — см. табл. 5
    - 10. Всеволод I, в. кн. киевский, * 1030, † 13. IV.1093, ∞ I N, † 1067, дочь византийского императора Константина Мономаха — см. табл. 2
    - 11. Елизавета, ∞ I 1044 Гаральд III, норвежский король, † 1066, ∞ II Свен, датский король
    - 12. Анна, † после 1075, ∞ I.19.V.1051 французский король Генрих I, † 1060, ∞ II после 4.VIII.1060 Рауль II граф де Крепи и Валуа, † 1071

* В табл. 1—8 даны следующие условные обозначения: * рождение; ∞ брак I, II ...; † смерть.

Всеволод Ярославич

1. Владимир II Мономах, ∾ I ок. 1074—1075 Гита, дочь английского короля Гаральда II

3. Мстислав I — Гаральд. ∾конец XI в. Христина, дочь шведского короля Инга Стейнкельса

4. Ярополк II, в. кн. киевский, ∾ 1116 Олена, осетинская княжна

5. Евфимия, ∾ 1112 Кальман, венгерский король

6. Юрий Долгорукий, ∾ I 1107 половецкая хатунь, дочь хана Аепы

7. Марица, ∾ Лев «Диоген», византийский самозванец, † 1116

8. Андрей, кн. волынский, переяславский, ∾ 1117 половецкая хатунь, внучка хана Тугорхана

2. Евпраксия, †1109, ∾ I ок. 1086 Генрих Длинный, немецкий маркграф, ∾ II 1089 Генрих IV, немецкий император

Таблица 3

Галич XI—XII вв.

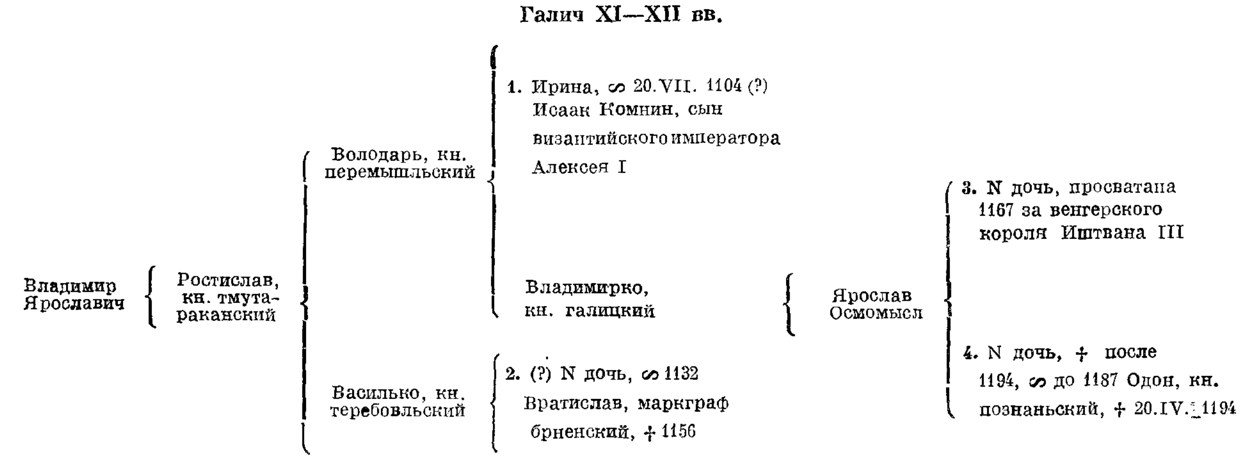

Таблица 4

Волынь, Галич, Белз с середины XII до середины XIII в.

1. Изяслав Мстиславич, в. кн. киевский, † 13. XI. 1154, ∞ I N немецкая принцесса, † 1154, ∞ II 1154 грузинская царевна Русудан, сестра Георгия III	2. Мстислав, в. кн. киевский, † 13.VIII.1172, ∞ ок. 1151 Агнешка, дочь польского в. кн. Болеслава III, * 1137 † после 1188	Роман, в. кн. киевский	4. Даниил, в. кн. киевский, N дочь литовского кн. Довспрунка	6. Саломея (?), ∞ 1228 польский поморский кн. Святополк II
	3. Евдокия, ∞ до 1154 польский в. кн. Мешко III			
	Ярослав, кн. луцкий	Ингвар, кн. луцкий	5. Гремислава, ∞ 1120 Лешко Белый, кн. краковский	

Таблица 5

Чернигов с XI до середины XIII в.

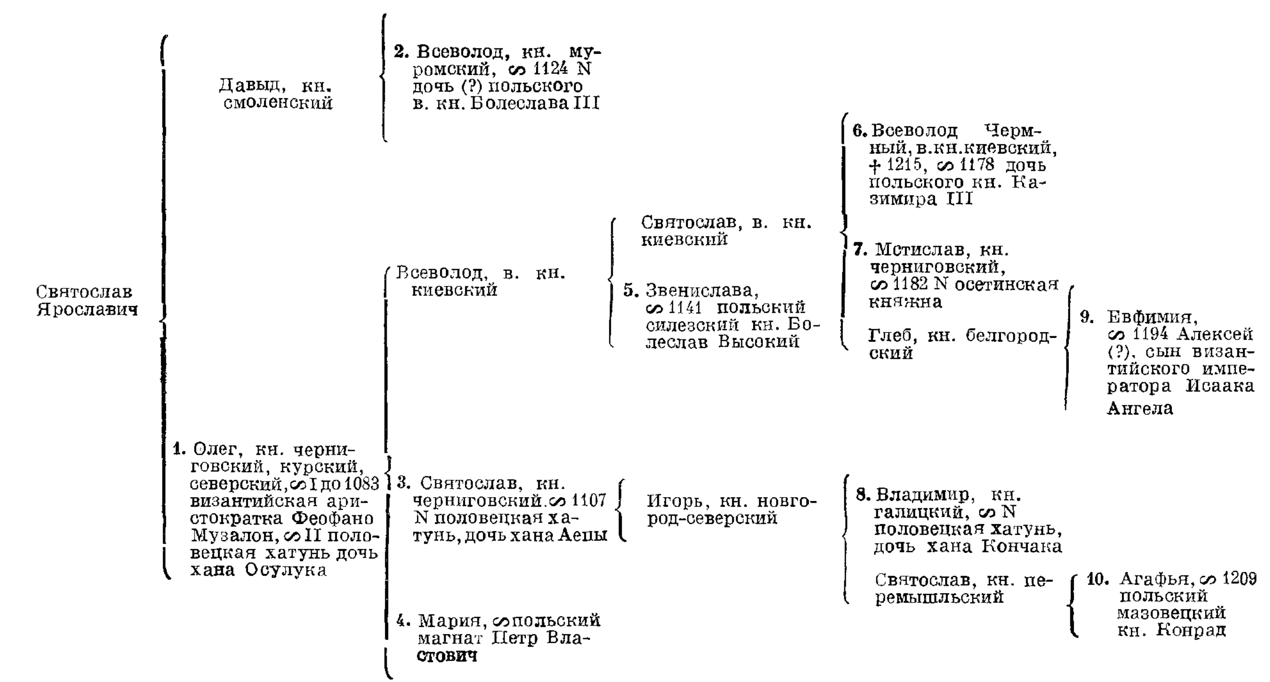

Таблица 6

Туров с XI до середины XII в.

Изяслав Ярославич	1. Ярополк, кн. туровский, ∽ ок. 1073 Кунигунда, дочь немецкого графа Оттона фон Орламюнде	4. N дочь, ∽ после 1087 N немецкий граф Конте фон Шварцбург
	2. Святополк II, в. кн. киевский, ∽ I 1094 N половецкая хатунь, дочь Тугорхана, ∽ II ок. 1103 Варвара из византийской династии Комнинов	5. Ярослав, кн. волынский, ∽ I до 1091 N дочь венгерского короля Ласло; ∽ (?) II до 1106 N дочь польского короля Владислава Германа
		6. Сбыслава, ∽ 1103 в. кн. польский Болеслав III
		7. Предслава, ∽ 1104 венгерский герцог Альмош
	3. Евдокия (?), ∽ ок. 1088 польский кн. Мешко III, сын Болеслава Смелого	

Таблица 7

Смоленск с середины XII до середины XIII в.

Ростислав Мстиславич	Роман, кн. смоленский	Ярополк	5. Мирослава-Вислава (?), ∞ Богуслав II, кн. поморский, щециньский, † 1220
	1. Елена, ∞ 1163 польский в. кн. Казимир II		
	Давыд, кн. смоленский	3. Мстислав, кн. новгородский, ∞ до 1185 N половецкая хатунь, дочь хана Тоглыя	
	Мстислав Храбрый, кн. новгородский	4. Мстислав Удалой, ∞ N половецкая хатунь, дочь хана Котяна	6. N дочь, ∞ 1221 Андрей, сын венгерского короля Андрея II
		Владимир, кн. псковский	7. N дочь, ∞ Дитрих, брат рижского епископа Альберта фон Буксхевден
	2. Рюрик, в. кн. киевский, ∞ 1163 N половецкая хатунь, дочь хана Белгука		

Таблица 8

Владимир, Суздаль с середины XII до середины XIII в.

Юрий Владимирович Долгорукий	Андрей Боголюбский	2. Юрий, ∽ после 1184 Тамар, грузинская царица
	1. Всеволод Большое Гнездо, ∽ I Мария (?), осетинская княжна	3. Ярослав, ∽ 1205 N половецкая хатунь, дочь хана Юрия Кончаковича

ИСТОЧНИКИ К ТАБЛИЦАМ

Таблица 1

1. ∽ I — ПВЛ, ч. I, стр. 56—57, 54, 88; ∽ II — там же, стр. 76—77; Асохик, стр. 200—201; ТМ, lib. VII, cap. 72; ∽ III — «Genealogia Welforum» (XII в.) — MGH SS, t. XIII, p. 734; «Historia Welforum Weingartensis».— ibid., t. XXI, p. 460; TM, lib. VIII, cap. 32. **2.** ПВЛ, ч. I, стр. 55—56; ∽ — ТМ, lib. VII, cap. 72. 3. J. G. Eccardus. Historia, p. 496. 4. SRH, v. I, p. 344. 5. Gallus Anonimus, lib. I, cap. 19; Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 683; имя — в записи о смерти — MPH, t. II, p. 796. **6.** Adam Bremensis, lib. II, cap. 39. 7. «Патерик», стр. 106; ПСРЛ, т. V, в. 1, стр. 129; имя княгини — в Трирской псалтыри. 8. SRH, v. I, p. 56; MGH SS, t. XX, p. 810—811; имя княгини — Adamus Bremensis, lib. III, cap. 12, schol. 63. 9. MGH SS, t. XVI, p. 319. **10.** ПВЛ, ч. I, стр. 108. **11.** Adam Bremensis, lib. III, cap. 13, schol. 62; Saxonis Gesta Danorum, lib. XI, cap. VI_3, p. 308. **12.** RGF SS, t. XI, p. 48. 157, 197.

Таблица 2

1. Saxonis Gesta Danorum, lib. XI, cap. VI_3, p. 308. 2. ∽ I — Annalista Saxo — MGH SS, t. VI, p. 721; ∽ II — MGH SS, t. XVII, p. 14; т. VI, p. 207. 3. Genealogia regum Danorum — SRD, t. II, p. 160—161; НПЛ, стр. 21. 4. ПВЛ, ч. 1, стр. 201; ПСРЛ, т. II, стб. 319. 5. ПВЛ, ч. I, стр. 195. **6.** Там же, стр. 187. 7. Их сын Василий Маричич (Леонович) — ПСРЛ, т. II, стб. 298; т. I, в. 2, стб. 304. 8. ПВЛ, ч. I, стр. 202. 9. «Ex Historia Regum Danorum dicta Knytlingasaga» — MGH SS, t. XXIX, p. 292—293, 165, 369; Helmold, lib. I, cap. 50. **10.** Genealogia Regum Danorum — SRD, t. II, p. 160. **11.** ПСРЛ, т. II, стб. 286. **12.** НПЛ, стр. 27. **13.** CDH, t. II, p. 167 (1165 г.), 182 (1169 г.). **14.** ПСРЛ, т. II, стб. 407—408. **15.** MGH SS, t. XXIII, p. 834. **16.** ПСРЛ, т. II, стб. 300 (1137 г.); ср. стб. 308 (1141 г.). **17.** SRD, т. II, p. 161—162; MGH SS, t. XXIX, p. 205.

Таблица 3

1. ПВЛ, ч. I, стр. 185; имя жены — «Acta et diplomata graeca», t. V, 2, p. 375. 2. FRB, t. II, p. 215. 3. I. Cinnam, lib. V, cap. 12, p. 235—236 (Ярослав-Премислав); Niceta Choniata, lib. V, cap. 3. 4. MPH, t. II, p. 378, 526; t. III, p. 634, 479; O. Balzer$_1$, str. 194—195.

Таблица 4

1. ∞ I — дочь Изяслава Евдокия названа единокровной Friderici imperatoris — MPH, t. II, p. 526; ∞ II — ПСРЛ, т. II, стб. 465, 468. 2. MPH, t. III, p. 4. 3. Там же, t. II, p. 379; t. III, p. 634, 479. 4. ПСРЛ, т. II, стб. 815. 5. MPH, t. II, p. 552, 836, 876; t. III, p. 162—163. 6. «Silesiacarum Rerum Scriptores», t. I, p. 505; Pomerania, Bd. I, S. 199; E. Reusner, p. 468.

Таблица 5

1. ∞ I — В. Л. Янин$_5$, стр. 76—90; ∞ II — ПСРЛ, т. II, стб, 329—334; т. I, вып. 2, стб. 296. 2. ПСРЛ, т. II, стб. 288; O. Balzer$_1$, str. 137—138, 150. 3. ПВЛ, ч. I, стр. 187. 4. MPH, t. II, p. 2, 508; t. III, p. 629; Ser. II, t. III, p. 3. 5. ПСРЛ, т. II, стб. 308. 6. Там же, стб. 612. 7. Там же, стб. 625. 8. Там же, стб. 659. 9. Там же, стб. 680. 10. MPH, t. III, p. 353.

Таблица 6

1. MGH SS, t. V, p. 219; t. VI, p. 693, 737. 2. ∞ I — ПВЛ, ч. I, стр. 148; ∞ II — MGH SS, t. X, p. 90. 3. Gallus Anonimus, lib. I, cap. 29; Silesiacarum Rerum Scriptores, t. I, p. 300. 4. J. G. E c c a r d u s. Historia, p. 243—244. 5. ∞ I — M. Wertner$_5$, 205—210. 1; ∞ II — Gallus Anonimus, lib. II, cap. 1. 6. ПВЛ, ч. I, стр. 183; Gallus Anonimus, lib. II, cap. 23; MPH, t. II, p. 773. 7. ПВЛ, ч. I, стр. 185.

Таблица 7

1. ПСРЛ, т. II, стб. 731; племянник Елены Мстислав Удалой — двоюродный брат Лешко Белого; O. Balzer$_1$, str. 184—186. 2. ПСРЛ, т. II, стб. 521. 3. Там же, т. I, в. 2, стб. 396. 4. Там же, т. II, стб. 747. 5. T. Kantzow, Bd. I, S. 142; Pomerania, Bd. I, S. 187 (Jaroslavs Tochter); E. Reusner, p. 469 (Wislawa дочь Jarolphi). 6. ПСРЛ, т. II, стб. 748; M. Wertner$_5$, 452—455. I. 7. ГЛ, XV, 13; XVI, 7; XVII, 6; XVIII, 1.

Таблица 8

1. ПСРЛ, т. II, стб. 625. 2. «Картлис цховреба», т. II, стр. 36. 3. НПЛ, стр. 63.

RESUMÉ

Cette étude est un premier essai d'analyse complexe de la politique extérieure de la Russie pendant trois siècles et demi de son histoire du commencement du X-ème jusqu'au milieu du XIII-ème siècle. Elle est fondée sur des sources russes et étrangères, dont les orientales sont examinées dans quelques paragraphes de ce livre par A. P. Novosseltsev.

L'évolution de la politique extérieure russe y est analysée en relation étroite avec les changements du régime politique et social de la Russie même et de plus d'une vingtaine de peuples dominés non slaves, ainsi qu'en liaison avec la situation internationale en Europe et en Asie.

Le thème étudié est d'une grande importance scientifique puisque c'est à la Russie Ancienne que remonte la formation des frontières du pays au nord et à l'ouest, l'établissement des relations contractuelles, diplomatiques, commerciales et matrimoniales avec nombre d'états et la conception du droit d'ambassade.

La Russie jouait un rôle marquant dans la politique internationale: elle établit des relations avec la plupart des puissances de l'Europe et plusieurs gouvernements d'Asie; elle exerçait une profonde influence sur la politique des pays de l'Europe septentrionale et s'opposa aux aspirations agressives des vikings; elle prenait une part active dans la lutte des pays slaves et baltes contre Drang nach Osten et prêtait concours aux pays balkaniques dans leur lutte contre la Byzance et aux terres caucasiennes contre la domination arabe; elle reçut enfin l'assaut principal des nomades turques et s'y opposa vaillamment.

L'activité de la Russie dans la politique internationale sur une vaste échelle était intimement liée avec la défense et la consolidation de ses intérêts commerciaux traditionnels sur la Baltique, les mers Noire et Caspienne et la Méditerranée.

La victoire remportée par la Russie dans sa lutte contre la croisade de cinq puissances sous l'égide de la papauté au temps de l'envahissement mongol mit fin aux prétentions universalistes de l'Empire et de la papauté, et fut le tournant décisif dans les destinées historiques de l'Europe.

La politique extérieure de la Russie ainsi que son trafique avec les pays d'Europe et d'Asie démontrent l'inconsistance des conceptions niant l'appartenance de la Russie à l'histoire européenne et asiatique et des conjectures sur le rôle soi-disant prépondérant des influences étrangères (normande, byzantine, khasare etc.) sur son développement historique.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Заставки

Форзац

Подпись французской королевы Анны Ярославны на жалованной грамоте аббатству Сен-Крепен ле Гран в Суассоне 1063 г. (Парижская национальная библиотека)

Карта-вклейка

Международные политические и торговые связи Древней Руси (около середины XII в.)

На суперобложке помещены фотокопии печатей Риги, Любека, Копенгагена*, а также багдадского диргема, печатей Мазовии, Саутгемптона.

---

* *Главный хранитель Королевского архива в Копенгагене Х. Бруун в сопроводительном письме от 1 сентября 1966 г. сообщил: «Прилагая фотокопию самой древней печати города Копенгагена, обращаю Ваше внимание на то, что она воспроизводит слепок с экземпляра, привешенного к грамоте 1377 г. Но существует другой экземпляр (более фрагментарный), датируемый 1275 г., и очень возможно, что печать, являющаяся общей основой обоих, была гравирована задолго до 1275 г. Предполагают, что изображение на печати стремится воспроизвести епископский замок в Копенгагене, кое-какие развалины которого, скрытые под современным замком Кристиансборга, существуют поныне».*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

* *Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ; вел. кн.— великий князь; еп.— епископ; имп.— император; кн.— князь, княгиня; митр.— митрополит.*

В указатели включены имена со стр. 5—357 книги.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

* *Принятые сокращения: г.—город; гос-во—государство; кн-во—княжество; креп.—крепость; нар.—народ; о-в—остров; оз.—озеро; п-ов—полуостров; пр.—пролив; р.—река; сел.—селение.*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел II

Внешняя политика Руси с начала до середины XIII в.

Приложения

Владимир Терентьевич Пашуто

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редактор *В. П. Шушарин*
Редактор издательства *С. А. Левина*
Художник *Н. В. Зотова*
Технический редактор *Р. М. Денисова, Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 18/I 1968 г. Подп. к печ. 23/V 1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 25,31. Уч.-изд. л. 26,8.
Тираж 4500 экз. Т-07563. Тип. зак. 69

Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
44	14 св.	Прилуку	Прилук
86	8 св.	Калией	Килией
220	1 сн.	горб	гроб

В. Т. Пашуто